КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

МАЙ и ІЮНЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Мая 1889 г.

М. С. Щепкинъ

въ роли Чупруна (Москаль-Чаровникъ)

съ современной гравюры.

Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.

Несмотря на свою завлекательность и давно признанную важность въ русской исторической наукѣ, вопросъ о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря продолжаетъ оставаться очень темнымъ даже для спеціалистовъ. Легко перечесть немногочисленныя упоминанія византійскихъ писателей о Херсонѣ или Корсуни и о Климатахъ, но по этимъ сухимъ замѣткамъ историкъ почти лишенъ возможности составить себѣ понятіе какъ о характерѣ отношеній византійскаго правительства къ своимъ черноморскимъ владѣніямъ, такъ и о судьбахъ самыхъ этихъ владѣній. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наши знанія по этому вопросу весьма поверхностны и если даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, касающихся сѣвернаго берега Чернаго моря, или повторяются общія мѣста, или высказываются неосновательныя, хотя и оригинальныя сужденія.

Наступало временами оживленіе вниманія и пробуждался особенный интересъ къ исторіи Крыма. Это бывало по случаю открытія новыхъ матеріаловъ, въ которыхъ ожидали найти важныя откровенія. Такъ было съ бесѣдами Фотія, съ Сурожской легендой, такъ было съ отрывками, напечатанными византинистомъ Газе, то есть съ такъ называемой Запиской греческаго или готскаго топарха. Но и эти открытія, сулившія въ началѣ привнести вкладъ въ исторію сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, если не совершенно обманули, то по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не оправдали ожиданій. «Записку готскаго топарха», говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, «несмотря на ея краткость, слѣдуетъ отнести къ числу первостепенныхъ источниковъ не только для исторіи Крыма, но и вообще для древней исторіи Россіи». Если однако этотъ «первостепенный источникъ» черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ

его опубликованія [1]) не успѣлъ еще оживить ни одной полустранички древней русской исторіи, и если покойный Соловьевъ не только не далъ ему права гражданства въ своей исторіи, но даже совсѣмъ обошелъ его молчаніемъ, то невольно возникаютъ сомнѣнія относительно качественности этого источника. Впрочемъ тотъ же ученый, у котораго взяты приведенныя выше слова, приглашаетъ «viribus unitis» приступить къ подробному изслѣдованію и разъясненію памятника, такъ какъ изъ него «дѣлались самые разнообразные и самые мудреные выводы».

Недостаточность нашихъ свѣдѣній о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря подъ византійскимъ господствомъ столько же объясняется скудостью источниковъ, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что отрывки Газе до 1874 года, когда появилось изслѣдованіе академика А. А. Куника [2]), были преметомъ самыхъ мудреныхъ выводовъ. Въ 1876 году, частію какъ отзывъ на статью академика Куника, появилось сочиненіе по тому же вопросу профессора В. Г. Васильевскаго [3]), который съ свойственнымъ ему остроуміемъ, широкой начитанностью въ литературѣ и рѣдкимъ знаніемъ «византійско-русскихъ» отношеній наложилъ на занимающій насъ памятникъ авторитетное veto, показавъ, что онъ трактуетъ не о крымскихъ отношеніяхъ, а о болгарскихъ и что описываемыя въ немъ дѣйствія происходятъ на Дунаѣ. Съ тѣхъ поръ, конечно, трудно было обращаться къ отрывкамъ Газе, какъ къ источнику для исторіи сѣверныхъ береговъ Чернаго моря.

Авторъ предлагаемаго изслѣдованія пришелъ къ мысли вновь поднять вопросъ о памятникѣ, уже хорошо изученномъ и объясненномъ, довольно косвеннымъ путемъ. Изучая дѣятельность одного лица для совершеннно чуждыхъ русской исторіи цѣлей, я нашелъ слѣды его пребыванія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Это побудило меня вновь пересмотрѣть византійскія извѣстія, относящіяся къ Крыму, при чемъ естественно было напасть на нѣкоторые, какъ мнѣ кажется, новые запросы и по отношенію къ критикѣ источниковъ и дѣлаемыхъ на основаніи этихъ послѣднихъ выводовъ. Отрывки Газе привлечены были въ качествѣ матеріала лишь для полноты изученія вопроса.

---

[1]) Отрывки Газе напечатаны въ 1818 году въ боннскомъ изданіи Льва Діакона.

[2]) *Куникъ*, О запискѣ готскаго топарха. Спб. 1874.

[3]) Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, часть 185, отд. 2.

I.

Протоспаѳарій Петрона и строеніе Саркела.

Въ числѣ дѣятелей IX и X в. византійская лѣтопись упоминаетъ, между прочимъ, о Петронѣ, прилагая къ этому имени различные титулы служебной іерархіи отъ низшаго и до самаго высшаго. Было бы трудно безъ тщательнаго изслѣдованія вывести заключеніе, одно ли и то же лицо разумѣется подъ этимъ именемъ, или два и даже три. Какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, точное распредѣленіе извѣстій о лицѣ, носящемъ имя Петроны, не безразлично для русской исторіи, ибо дѣятельность Петроны связана съ исторіей народовъ, жившихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря.

Одна часть лѣтописныхъ и агіографическихъ извѣстій безспорно разумѣетъ подъ этимъ именемъ брата царицы Ѳеодоры, возстановившей православіе въ 842 году. Слѣдовательно, мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ мѣста, гдѣ при упоминаніи о Петронѣ замѣчено, что это былъ братъ царицы или дядя царя Михаила III. Тамъ же, гдѣ не встрѣчается этой прибавки, раждаются сомнѣнія, требующія нѣкоторой критической работы.

Прежде всего выдѣляются свѣдѣнія о Петронѣ, какъ строителѣ Саркела на Дону и первомъ стратигѣ Херсона таврическаго. О миссіи Петроны въ сѣверныя страны отъ Чернаго моря, очевидно, былъ составленъ особый докладъ, который былъ извѣстенъ далеко не всѣмъ лѣтописцамъ. Онъ не былъ извѣстенъ продолжателю лѣтописи Георгія Амартола, почему не находимъ извѣстія о построеніи Саркела въ русскомъ сводѣ; на него не обратили вниманія такіе лѣтописцы, которые завѣдомо пользовались одними и тѣми же источниками, чѐ продолжатель Ѳеофана и даже тѣ, которые пользовались лѣтописью этого послѣдняго. Докладъ о миссіи Петроны пущенъ былъ въ оборотъ, по всей вѣроятности, уже Константиномъ Порфиророднымъ, изъ сочиненія котораго и вошелъ въ лѣтопись продолжателя Ѳеофана. Литературная переработка этого доклада шла такимъ образомъ: Константинъ первый сдѣлалъ изъ него извлеченіе въ сочиненіи De administrando imperio, продолжатель Ѳеофана внесъ это извлеченіе въ свою лѣтопись, Скилица-Кедринъ только сократилъ лѣтописное изложеніе [1]). Такимъ образомъ, у Константина нужно видѣть первую

---

[1]) *De administr. imperio.* c. 42; *Continuator Theophanis* III. 28; *Cedrenus* II. 130.

литературную обработку свѣдѣній о миссіи Петроны, которыя могли находиться въ византійскомъ государственномъ архивѣ къ половинѣ X вѣка. Предполагается, что въ основаніе этой главы положено географическое сочиненіе, авторъ котораго зналъ, между прочимъ, о миссіи Петроны [1]). Но въ какомъ духѣ сдѣлана первая литературная обработка доклада Петроны, объ этомъ можно только высказывать болѣе или менѣе вѣроятныя гаданія, такъ какъ самаго доклада до сихъ поръ не отыскано.

И Константинъ, и продолжатель Ѳеофана относятъ миссію Петроны на сѣверъ и постройку Саркела ко времени царя Ѳеофила (829—842); тотъ и другой результатомъ дѣятельности Петроны полагаютъ отмѣну привилегій Херсона, о значеніи же постройки Саркела не дѣлаютъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, какъ будто это было весьма обыкновенное дѣло. Изъ сопоставленія текста Константина и продолжателя Ѳеофана получается слѣдуюшій разсказъ.

Каганъ хазарскій и бегъ обратились къ царю Ѳеофилу съ просьбой, чтобы онъ построилъ имъ укрѣпленіе на Дону. Цѣль этого укрѣпленія заключалась въ томъ, чтобы защищать хазарскую область отъ нападеній печенѣговъ, которые занимали южнорусскія степи отъ нижняго теченія Дуная до Дона. Въ Саркелѣ хазары должны были содержать постоянный гарнизонъ изъ 300 человѣкъ, періодически смѣняемый. Царь Ѳеофилъ согласился удовлетворить просьбу кагана и отправилъ на царскихъ судахъ отрядъ людей подъ предводительствомъ спаѳарокандидата Петроны, присоединивъ къ нему морскую эскадру катапана Пафлагоніи. Однако въ Херсонѣ пришлось оставить большія морскія суда и пересадить экипажъ на грузовыя круглыя суда, которыя могли ходить по рѣкѣ. Прибывъ по Дону къ мѣсту, гдѣ нужно было строить укрѣпленіе, Петрона приступилъ къ дѣлу. Но какъ въ этой мѣстности не оказалось камня, годнаго для строенія, то онъ приказалъ копать глину и устроить печи и сталъ выжигать кирпичъ, известку же нашелъ возможнымъ добывать изъ мелкаго рѣчнаго камня. Съ большими затрудненіями Петрона привелъ къ концу дѣло и окончилъ укрѣпленіе.

Возвратившись въ Константинополь, онъ сдѣлалъ царю докладъ высокой политической важности, касающійся обезпеченія власти Византіи въ Херсонѣ. По его мнѣнію, основанному на знаніи людей и мѣстъ, необходимо было усилить въ Херсонѣ центральную власть.

---

[1]) *De administr. imp.* p. 177 со словъ ἀπὸ δὲ κάτωθεν до p. 179. 10.

иначе страна можетъ освободиться изъ подъ византійскаго вліянія. Для этого нужно было измѣнить администрацію этой области, отмѣнить привилегіи Херсона, который жилъ по городовому праву и управлялся протевономъ и совѣтомъ старшинъ. Согласно представленію Петроны, съ тѣхъ поръ отмѣнены были привилегіи въ устройствѣ Херсона, и этотъ городъ получилъ въ лицѣ назначаемаго изъ Византіи стратига верховнаго блюстителя и воеводу, которому подчиненъ протевонъ и совѣтъ старшинъ (городской голова и дума). Стратигомъ назначенъ Петрона съ возведеніемъ въ чинъ протоспаѳарія. Съ этихъ поръ, продолжаютъ наши тексты, установился обычай назначенія стратиговъ въ Херсонъ изъ Константинополя. Такъ - то произошло построеніе Саркела, заканчиваетъ Константинъ; продолжатель же Ѳеофана, замѣтивъ, что подобное заключеніе не совсѣмъ вяжется съ предыдущимъ, сдѣлалъ необходимую добавку: «вотъ какъ было строеніе Саркела и назначеніе стратиговъ въ Херсонъ».

Легко понять, что въ приведенномъ изложеніи сохранилось указаніе на два факта, причинная и хронологическая связь между которыми не такъ необходима, чтобы можно было съ увѣренностью утверждать слѣдующее положеніе: построеніе Саркела влекло за собой перемѣну въ администраціи Херсона, или наоборотъ. Въ изложеніи Константина отмѣченная выше послѣдняя фраза даетъ чувствовать свою неумѣстность; въ источникѣ, на основаніи котораго она составлена, могли быть нѣкоторыя дополненія, выпущенныя Константиномъ. Но конечно, трудно дѣлать гаданія на счетъ этихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

Представляется однако возможнымъ подвергнуть критикѣ приведенный разсказъ съ точки зрѣнія его исторической несостоятельности.

Византійское правительство отличалось особенно ревнивымъ охраненіемъ тайнъ своего военнаго искусства отъ варваровъ. Бывали случаи, что императоры предпочитали стоять въ бездѣйствіи передъ лагеремъ или варварскимъ укрѣпленіемъ, выжидая, когда голодъ принудитъ сдаться осажденнаго непріятеля, но не рискуя показать ему дѣйствіе своихъ машинъ. Строительное искусство принадлежало также къ преимуществамъ византійской культуры передъ варварами. Какъ же допустить, чтобы византійскій императоръ рѣшился послать своего инженера и снарядить цѣлую экспедицію для строенія крѣпости въ варварской землѣ? Могъ ли какой бы то ни было императоръ согласиться на просьбу своихъ политическихъ враговъ, да еще варваровъ, строить для нихъ крѣпость въ ихъ землѣ своими людьми?—Крѣ-

пость Саркелъ дѣйствительно была построена византійцами, но построена съ цѣлью укрѣпленія своего вліянія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и, конечно, не по просьбѣ хазарскаго кагана. Византійскій императоръ строилъ укрѣпленіе не для хазаръ, а для себя: въ X вѣкѣ Саркелъ принадлежалъ грекамъ, а не хазарамъ, и въ этомъ заключается любопытнѣйшая сторона изучаемаго нами вопроса.

У того же Константина есть доказательство этой мысли. Если бы, говоритъ онъ [1]), властитель Аланіи не находился въ мирѣ съ хазарами, но предпочиталъ дружбу царя ромэйскаго, хазары же не пожелали бы соблюдать дружбу и миръ съ царемъ, въ такомъ случаѣ властитель аланъ можетъ сильно вредить имъ, занимая пути и дѣлая на нихъ неожиданныя нападенія во время ихъ движенія къ Саркелу, Климатамъ и Херсону. И если означенный властитель приложитъ стараніе и будетъ отвлекать ихъ, то Херсонъ и Климаты могутъ пользоваться глубокимъ и совершеннымъ миромъ.—Не требуется никакихъ толкованій къ этому мѣсту, чтобы установить его смыслъ. Ясно, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ должна препятствовать послѣднимъ дѣлать враждебныя нападенія на греческія владѣнія; такимъ образомъ поименованныя мѣста: Саркелъ, Климаты и Херсонъ, въ періодъ происхожденія сочиненія De administrando imperio, будучи одинаково защищены отъ хазаръ грозою со стороны аланъ, оказываются греческими владѣніями. Въ сущности это единственное прямое мѣсто, раскрывающее дальновидную политику византійскаго правительства на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, но и оно оставалось какъ-то незамѣченнымъ.

Но если Саркелъ въ половинѣ X в. былъ византійскимъ городомъ, то это даетъ уже намъ весьма реальныя основанія подвергнуть сомнѣнію разсказъ о томъ, что Саркелъ построенъ по просьбѣ хазарскаго кагана.

Возникаютъ, далѣе, значительныя хронологическія недоразумѣнія. И Константинъ, и продолжатель Өеофана относятъ постройку Саркела ко времени царя Өеофила. Въ лѣтописи продолжателя Өеофана разсказъ о миссіи Петроны помѣщенъ послѣ изложенія похода Өеофила на востокъ, окончившагося завоеваніемъ Самосата и Созопетры. При помощи арабскихъ лѣтописей [2]) хронологія этого похода устанавливается довольно точно (837 г.), для построенія Саркела

[1]) *De administr. imperio* c. 11.

[2]) *Weil*, Geschichte der Chalifen II. s. 309—310 (Mannheim 1848).

также пріобрѣтается этимъ приблизительная дата. Но если принять во вниманіе то обстоятельство, что во время строенія Саркела печенѣги занимаютъ уже всю южную Россію отъ Дона до нижняго Дуная и что угры находятся уже на мѣстахъ нынѣшняго ихъ обитанія, что, наконецъ, мотивомъ построеніи Саркела выставляется именно борьба хазаръ съ печенѣгами, то время царствованія Ѳеофила рѣшительно не можетъ подходить сюда. Хронологическая разница между временемъ Ѳеофила и періодомъ утвержденія печенѣговъ въ южной Россіи весьма значительна, послѣднее относится къ X вѣку.

Наконецъ, самое важное затрудненіе относится къ имени строителя Саркела. Было бы весьма натурально, особенно когда идетъ рѣчь о времени царя Ѳеофила, предполагать въ строителѣ Саркела хорошо извѣстнаго Петрону, шурина Ѳеофила, брата его супруги Ѳеодоры. Но не говоря уже о томъ, что этотъ Петрона, при родственныхъ отношеніяхъ къ царю, игралъ болѣе выдающіяся роли и носилъ высшіе чины, онъ едва ли обладалъ необходимой подготовкой для исполненіи того порученія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Можетъ быть, окажется возможнымъ отыскать такого Петрону, который бы и по своему положенію, и по спеціальнымъ знаніямъ, заявленнымъ въ другихъ случаяхъ, болѣе подходилъ къ строителю Саркела.

Съ такимъ именно Петроной знакомитъ насъ Іоаннъ Каменіата, описавшій на основаніи собственныхъ наблюденій, завоеваніе арабами Солуни въ 904 году[1]). Такъ какъ извѣстіе, читаемое у І. Каменіата, имѣетъ важное значеніе для нашихъ цѣлей, то и приведемъ его вполнѣ.

«Когда мы малодушествовали, прибылъ къ намъ быстроходный вѣстникъ отъ Льва благочестиваго царя, предупреждающій о походѣ варваровъ, то есть противныхъ агарянъ, и повелѣвающій со всею поспѣшностью вооружаться. Отъ него мы узнали, что къ царю явились перебѣжчики изъ самихъ варваровъ и выдали намѣренія вождей ихъ. Планъ непріятелей былъ ударить всей силой на Солунь, такъ какъ ихъ увѣряли многіе захваченные въ плѣнъ греки, что Солунь не защищена стѣной со стороны моря и легко можетъ быть взята съ кораблей. По полученіи этой ужасной вѣсти, во всемъ городѣ началось смятеніе, всѣхъ объялъ страхъ и смущеніе; стали совѣщаться, что предпринять для собственной безопасности, какъ приготовиться къ защитѣ противъ враговъ и выступить противъ

---

[1]) *De Excidio Thessalonicae*, ap. *Migne*, Patrologia Graeca t. 109, cap. 16, 17, 18.

нихъ. Но мы никакъ не попадали на хорошую мысль, такъ какъ не имѣли военной опытности и не знали, съ чего начать. Умы всѣхъ главнымъ образомъ смущало то обстоятельство, что была негодна стѣна, на которую ожидалось нападеніе непріятеля. Итакъ совѣщались ѳ принятіи мѣръ къ обезопашенію стѣны и приведенію ея въ лучшее состояніе. Но это рѣшеніе не одобрилъ тотъ, кто принесъ отъ царя печальное извѣстіе. *Онъ назывался Петроной и носилъ чинъ*[1]) *протоспаѳарія.* Ему приказано было остаться нѣсколько времени въ городѣ, чтобы подать необходимое содѣйствіе и помощь въ дѣлахъ. Онъ присовѣтовалъ другой очень разумный, рѣшительный и спасительный планъ, но его разстроили наши грѣхи, уготовлявшіе намъ гибель. Ученый этотъ мужъ и пріобрѣвшій большой опытъ въ дѣлахъ, сообразивъ, что если бы онъ озаботился постройкой стѣны, то доставилъ бы только много труда гражданамъ, а пользы ни мало не принесъ этимъ, придумалъ другой способъ защиты—и смотри какой остроумный и пригодный.

«Видя, что южная часть города вся окружена морскими водами и что въ случаѣ нападенія непріятелей съ этой стороны они легко достигнутъ желаемаго, такъ какъ никакого сопротивленія не будетъ имъ оказано со стороны стѣны, въ силу ея незначительной высоты, непріятели же съ кормы кораблей могутъ какъ съ возвышенности поражать тѣхъ, которые находились бы на бойницахъ, Петрона придумалъ слѣдующее. Онъ совѣтовалъ устроить загражденіе и нѣкоторую искусственную засаду, которая бы была прикрыта водой, это загражденіе въ одно и то же время служило бы защитой для города и препятствіемъ непріятелю. Съ восточной и западной стороны города было много вытесанныхъ изъ одного камня погребальныхъ памятниковъ—это было старое кладбище жившихъ здѣсь еллиновъ; своя ихъ и погружая въ море особеннымъ способомъ, *который самимъ имъ былъ изобрѣтенъ*, располагая ихъ въ водѣ въ извѣстномъ порядкѣ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, создалъ этимъ морское небывалое укрѣпленіе, по истинѣ болѣе крѣпкое и надежное, чѣмъ высокая стѣна, выстроенная на сушѣ. И если бы осуществлено было это предпріятіе, оно доставило бы городу всю безопасность, такъ какъ корабли не могли бы ни въ какомъ случаѣ приблизиться и нанести вредъ, но по нашему нерадѣнію проектъ этотъ затормозился и не былъ приведенъ въ исполненіе.

---

[1]) С. 17. Πετρωνᾶς δὲ οὗτος ἐκαλεῖτο, τῷ καταλόγῳ τῶν πρωτοσπαθαρίων ἐναριθμούμενος.

«Ибо, когда это подводное загражденіе доведено было уже до середины опаснаго мѣста, и мы начинали успокоиваться и отбросили страхъ, прибылъ нѣкто другой, также посланный царемъ, устранившій сейчасъ же Петрону и принявшій на себя все попеченіе о городѣ. Это былъ Левъ, назначенный стратигомъ всей области и получившій въ свои руки военную власть. Онъ за лучшее разсудилъ оставить начатое дѣло и приступилъ къ возведенію стѣны. Поэтому тотчасъ же по прибытіи далъ людямъ изъ городскаго дима, наряженнымъ на работы по загражденію, другое назначеніе, приказавъ имъ сносить необходимый матеріалъ для строителей и такимъ образомъ многочисленностью рабочихъ рукъ и обильной доставкой матеріала заботился осуществить задуманное предпріятіе. Постройка стѣны пошла съ значительнымъ успѣхомъ. Но чѣмъ больше поднималась стѣна до той высоты, какая казалась необходимой, чтобы противостоять замысламъ враговъ, тѣмъ сильнѣйшія опасенія мы, граждане, питали на счетъ недоконченной части ея. Ибо никоимъ образомъ нельзя было успѣть вывести стѣну на всемъ протяженіи, которое нужно было защищать, наступленіе же варваровъ ожидалось со дня на день, а наша постройка не дошла еще до середины опаснаго мѣста, съ котораго можно было нанести вредъ.—Къ несчастію Левъ не могъ окончить предпріятія, такъ какъ вслѣдствіе паденія съ лошади впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая воспрепятствовала ему слѣдить за работами. Смѣнившій его стратигъ Никита обратился къ исполненію новыхъ проектовъ для защиты города».

Описанныя здѣсь приготовленія происходили лѣтомъ 904 года. Посланный царемъ въ Солунь опытный инженеръ протоспаѳарій Петрона, придумавшій систему подводныхъ загражденій и механическихъ приспособленій къ погруженію въ воду надгробныхъ памятниковъ, и своимъ именемъ, и титуломъ, и—что особенно важно—спеціальностью не можетъ не напоминать намъ того Петрону, который посланъ былъ для постройки Саркела и который былъ стратигомъ Херсона. Но если сообщенныя І. Каменіатой данныя очень подкупаютъ въ пользу предположенія, что такой именно Петрона могъ быть назначенъ для строенія Саркела, то хронологія описываемаго событія, на семьдесятъ слишкомъ лѣтъ разнящаяся отъ предполагаемаго 837 года постройки Саркела, не можетъ допустить мысли, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же Петрона. Соображая и прочія, вышеуказанныя несообразности, мы безъ всякаго колебанія принимаемъ дату завоеванія Солуни арабами за

точку отправленія въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи о *времени жизни и дѣятельности протоспаварія Петроны* и, слѣдовательно, о *построеніи Саркела.*

Если же построеніе Саркела отодвигается къ X вѣку, то возбуждается очень деликатный вопросъ на счетъ *достовѣрности данныхъ, сообщаемыхъ Константиномъ Порфиророднымъ.* Хотя въ русской исторической наукѣ Константинъ представляетъ собой крупный авторитетъ, котораго нельзя касаться безъ должной осторожности, тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ утверждать здѣсь, что сообщаемыя въ 42 гл. «De administrando imperio» данныя находятся въ противорѣчіи съ обычной политикой византійскаго правительства по отношенію къ варварамъ и съ хронологіей нѣкоторыхъ довольно точно извѣстныхъ фактовъ и отношеній, а потому оказываются подозрительными. Само собой разумѣется, было бы недостаточно отмѣтить этотъ фактъ, не предложивъ попытки объясненія его. Отмѣчаемыя въ лѣтописныхъ изложеніяхъ ошибки имѣютъ различныя объясненія: лѣтописецъ могъ неумышленно впасть въ ошибку, принявъ безъ должной провѣрки чужое мнѣніе—письменное или переданное ему словесно,—такъ объясняется ошибка продолжателя Ѳеофана, воспользовавшагося данными, полученными отъ Константина. Но могутъ быть тенденціозныя уклоненія отъ истины, намѣренныя искаженія фактовъ; съ этими послѣдними критикѣ предстоитъ больше затрудненій, чѣмъ съ первыми, ибо въ этомъ случаѣ мало констатировать ошибку, надобно еще показать, кому она была нужна и съ какой цѣлью пущена въ ходъ.

Изъ чтенія произведеній, носящихъ имя Константина, легко можно убѣдиться, что онѣ составляютъ сводъ археологическихъ и историческихъ знаній, какія можно было собрать въ X вѣкѣ. Есть большая вѣроятность, что мы имѣемъ здѣсь собранные по приказанію императора матеріалы, оставшіеся не провѣренными, не сличенными между собой, вообще имѣемъ сырой археологическій и историческій матеріалъ. Ни личной композиціи, ни самостоятельной обработки, ни творчества нельзя искать ни въ «De ceremoniis», ни въ «De administr. imperio». Каждая отдѣльная глава представляетъ собой или отдѣльное донесеніе, или особый документъ, хранившійся въ архивахъ, или отдѣльную работу, сдѣланную по спеціальному заказу. Сорокъ вторая глава «De admin. imperio» не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Основнымъ матеріаломъ къ построенію этой главы послужило безъ сомнѣнія сочиненіе, носившее именно

такое заглавіе, какъ надписывается гл. 42, то есть Γεωγραφία ἀπὸ Θεσσαλονίκης μέχρι τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ. Едва ли это сочиненіе подверглось какимъ перемѣнамъ въ той редакціи, въ какой оно сохранилось; по всей вѣроятности оно принято цѣликомъ въ сборникъ, носящій имя Константина. Всматриваясь въ содержаніе произведенія, мы замѣчаемъ въ немъ очень опредѣленныя указанія на эпоху, ранѣе которой оно не могло быть составлено. Важнѣйшимъ изъ такихъ указаній служитъ этнографическій переворотъ, произведенный на Балканскомъ полуостровѣ вторженіемъ угровъ. Разрушивъ моравское царство, угры съ 894 г. ступаютъ твердой ногой въ Паннонію, ранѣе 900 года едва ли можно было допустить такое выраженіе о Моравіи, какое находимъ въ 42 главѣ: «и обитаютъ угры моравскую землю по ту сторону Дуная и по сю сторону между Дунаемъ и Савой». Другая черта, опредѣляющая хронологію произведенія, дана тѣмъ извѣстіемъ, что область по ту сторону нижняго теченія Дуная, противъ города Силистріи, до самаго Саркела, занята печенѣгами. Указанные этнографическіе факты свидѣтельствуютъ, что оригиналъ, на основаніи котораго построена 42 глава, не могъ быть составленъ ранѣе начала X вѣка. Но и предыдущія разысканія относительно жизни и дѣятельности Петроны также привели насъ къ X вѣку. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о невольной ошибкѣ, такъ какъ для Константина и его современниковъ это были живые и памятные еще факты.

Формально невѣрности въ сообщеніи Константина выражаются въ трехъ пунктахъ: 1) построеніе Саркела отодвинуто ко времени царя Θеофила; 2) миссія Петроны мотивирована просьбой хазарскаго кагана; 3) съ экспедиціей на сѣверъ связана реформа администраціи Херсона, а не всего края, на который простирались теперь виды византійскаго правительства, какъ бы этого слѣдовало ожидать. Прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе византійской политики на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой половинѣ X в., укажемъ здѣсь кратко, какими формальными мотивами могутъ до нѣкоторой степени объясняться указанныя невѣрности. Собственное имя Θеофила могло явиться изъ эпитета τὸν θεόφιλον или θεοφιλῆ; царь Θеофилъ очень хорошо могъ стоять рядомъ съ Петроной, ибо извѣстенъ былъ родственникъ его по женѣ, носившій это имя. Просьба хазарскаго кагана есть благовидный предлогъ, оправдывающій движеніе византійскаго оружія въ чужую землю: могли быть причины, побуждавшія сослаться на такой предлогъ для оправданія совершившагося факта. Наконецъ,

что касается реформы въ управленіи Херсономъ, здѣсь допущено лишь маленькое умолчаніе. Послѣ экспедиціи на сѣверъ Петрона дѣйствительно былъ назначенъ первымъ стратигомъ, только не одного Херсона, а всей области, со включеніемъ Климатовъ и Саркела. Умолчаніе это имѣетъ тѣмъ больше благовидности, что дѣйствительно незадолго передъ тѣмъ въ Херсонѣ мы встрѣчаемъ стратиговъ, которыхъ прежде не было, и что дѣйствительно въ росписи чиновъ у Константина Порфиророднаго находимъ новую херсонскую ѳему. Но собственно ограниченіе привилегій Херсона произошло раньше движенія къ Саркелу. Въ первый разъ стратигъ херсонскій [1]) упоминается при Львѣ Мудромъ (886—912) и упоминается при довольно необычныхъ обстоятельствахъ: херсонскій стратигъ былъ тогда убитъ жителями города. Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать причину посылки экспедиціи на сѣверъ?—На поставленные здѣсь вопросы попытаемся отвѣчать въ слѣдующей главѣ.

II.

Отрывки Газе, или Записка греческаго топарха.

Записка греческаго или готскаго топарха, какъ открытые византинистомъ Газе отрывки названы русскими учеными, остается до сихъ поръ весьма загадочной и по своему происхожденію, и по содержанію. Правда, существуетъ нѣсколько и весьма авторитетными лицами выраженныхъ мнѣній объ ея происхожденіи и историческомъ значеніи, но въ памятникѣ есть столько неопредѣленностей, намековъ, допускающихъ различныя толкованія, и—что всего хуже—пропусковъ, что споры о немъ никакъ не могутъ считаться закрытыми даже послѣ самой новой по времени работы, принадлежащей профессору В. Г. Васильевскому. Кто знакомъ съ трудами этого почтеннаго византиниста, тотъ знаетъ также, какъ не любитъ онъ оставлять въ изучаемыхъ имъ вопросахъ пробѣловъ: общепризнанныя достоинства его изслѣдованій суть широкое знакомство съ источниками и литературой, глубина изученія и точность выводовъ. Легко поэтому понять,

---

[1]) *Continuatio Theophanis*, De Leone c. 10 ἐπὶ τούτου καὶ οἱ τῆς Χερσῶνος οἰκήτορες τὸν αὐτῶν ἀπέκτειναν στρατηγὸν Συμεὼν τὸν τοῦ Ἰωνᾶ; *Георгій Амартолъ* сообщаетъ о томъ же подъ 892 годомъ (изд. Муральта стр. 774), при чемъ въ изданіи *Миня* Patrologia graeca t. 109 p. 916 этотъ Симеонъ названъ сыномъ Іоанна.

почему мало найдется охотниковъ подвергать пересмотру тѣ вопросы, которыми занимался г. Васильевскій. Онъ первый сдѣлалъ прекрасный русскій переводъ отрывковъ, присоединивъ къ тексту достаточно исчерпывающій предметъ комментарій, чѣмъ далъ возможность пользоваться любопытнымъ памятникомъ и не спеціалистамъ. Его объясненія и выводы, въ достаточной мѣрѣ удовлетворяя основнымъ научнымъ требованіямъ, можно сказать, закрывали дебаты по поводу «Записки греческаго топарха» и во всякомъ случаѣ отбивали охоту придумывать новыя теоріи къ объясненію ея содержанія. Съ 1876 года по этому вопросу наступило полное затишье.

Затрогивая вновь отрывки Газе, я нахожу возможнымъ не передавать здѣсь всего ихъ содержанія. Чтобы обозначить свою точку отправленія, мнѣ достаточно будетъ сказать, что въ нынѣшнемъ состояніи вопроса объ отрывкахъ различаются двѣ стороны: во первыхъ, пониманіе реальнаго смысла ихъ, то есть переводъ и комментарій къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, во вторыхъ, историческія объясненія, то есть попытка пріуроченія отрывка къ опредѣленному времени и отношеніямъ. Мнѣ кажется, что В. Г. Васильевскій, давъ безспорно полное и удовлетворительное объясненіе отрывкамъ, увлекся въ заключеніяхъ объ нихъ нѣсколькими фразами греческаго текста и допустилъ натяжки въ историческихъ объясненіяхъ. Такъ какъ я оставляю во всей силѣ переводъ его и комментарій, то постараюсь со всей краткостью указать два—три мѣста, въ толкованіи которыхъ не могу съ нимъ согласиться, и которыя, по моему мнѣнію, важны съ точки зрѣнія общей оцѣнки историческаго значенія отрывковъ.

Какъ извѣстно, отрывки Газе обратили на себя вниманіе тѣмъ, что имѣютъ отношеніе къ русской исторіи. Такъ, въ нихъ описывается переправа черезъ Днѣпръ, говорится о Климатахъ, въ которыхъ видѣли крымскіе Климаты, о борьбѣ греческаго топарха съ варварами, нападавшими на его область, наконецъ, о сильномъ и воинственномъ государѣ на сѣверъ отъ Дуная, въ которомъ также усматривали русскаго князя. Понятенъ отсюда интересъ къ отрывкамъ. Самъ Газе отнесъ эти отрывки къ исторіи Крыма и пріурочилъ описываемыя въ нихъ событія ко времени завоеваніи Херсона Владиміромъ въ 988 г. Но послѣдующіе толкователи отрывковъ по второму пункту высказали сомнѣнія и разногласія [1]). Первый заподозрилъ принадлежность отрыв-

---

[1]) Литературныя указанія въ статьѣ проф. *Васильевскаго*: Записка греческаго топарха въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1876 г. часть 185, отд. 2.

ковъ ко времени Владиміра Кёне въ 1848 г.; С. А. Гедеоновъ относилъ ихъ ко времени Святослава; А. А. Куникъ высказалъ взглядъ, что отрывки трактуютъ не о русскихъ нападеніяхъ на Крымъ и что подъ варварами здѣсь всего естественнѣе понимать хазаръ; Н. П. Ламбинъ относилъ разсказываемыя въ отрывкахъ событія ко времени Олега; Д. И. Иловайскій ко времени Игоря. Итакъ, всѣ изслѣдователи видѣли въ Климатахъ Крымъ, и ставили разсказываемыя въ отрывкахъ событія въ связь съ русской исторіей: одни времени Игоря и Олега, другіе Святослава и Владиміра. Вообще же, въ смыслѣ опредѣленія хронологіи, встрѣчаемъ колебанія на сто лѣтъ, отъ конца IX до конца X в. Выводъ В. Г. Васильевскаго оригиналенъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ онъ перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Крыма на Дунай, во вторыхъ далъ совершенно иное толкованіе историческому содержанію отрывковъ, поставивъ ихъ въ связь съ исторіей войнъ Святослава въ Болгаріи. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія исторической и литературной критики отрывковъ.

В. Г. Васильевскій, между прочимъ, приведенъ былъ къ своему, указанному выше, выводу палеографическими наблюденіями, сдѣланными самимъ издателемъ отрывковъ византинистомъ Газе. Едва ли, однако, можно серьезно настаивать на палеографическихъ наблюденіяхъ до такой степени, чтобы отличать почерки по двадцатилѣтіямъ. Не говоря уже о томъ, что палеографы рѣшаются съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ говорить только о вѣкахъ рукописей, а не о десятилѣтіяхъ, да и въ опредѣленіи вѣковъ не всегда бываютъ согласны, самый вопросъ о палеографическихъ наблюденіяхъ Газе имѣетъ въ нашемъ случаѣ слишкомъ относительное значеніе. Газе говоритъ, что рукопись, въ которой имъ прочитанъ былъ отрывокъ, писана въ исходѣ X вѣка, и что отрывки писаны другой рукой, немного младшей, чѣмъ сама рукопись. Вѣдь ужъ если строго держаться означенныхъ наблюденій, то нужно отрывокъ отнести къ XI в., и тогда весь вопросъ объ историческомъ пріуроченіи его получаетъ другую форму. Если сама рукопись писана въ исходѣ X в., то «младшая» рука уже никакъ не можетъ быть относима къ тому же концу X в., иначе бы она не была младшая.

Далѣе, ничѣмъ по нашему мнѣнію не оправдывается ни наблюденіе Газе, ни отстаиваемое В. Г. Васильевскимъ положеніе, что авторъ отрывковъ былъ владѣлецъ рукописи, которую онъ имѣлъ при себѣ во время путешествія, описываемаго въ отрывкахъ. Позволю себѣ обратить вниманіе на заключеніе третьяго отрывка, къ которому

я имѣю обратиться ниже и который во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что отрывки не составлены во время описываемыхъ въ нихъ событій, ибо передаютъ факты не въ формѣ ежедневной записи, а въ видѣ исторической записки о прошедшихъ событіяхъ. Слѣдовательно, ничто не препятствуетъ видѣть въ нашихъ отрывкахъ записки участника и очевидца, составленныя однако уже послѣ событій. Но при этомъ остается открытымъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли видѣнный Газе отрывокъ собственной рукѣ топарха, или представляетъ собой копію. Только при такой постановкѣ вопроса возможны были историческія разысканія, сдѣланныя В. Г. Васильевскимъ. Ибо ясно, если отрывокъ приписывать самому топарху, писавшему его во время описываемыхъ въ отрывкѣ событій, то нужно перенестись изъ X въ XI столѣтіе для освѣщенія историческаго содержанія отрывка. Но на эту дорогу не вступалъ ни одинъ изслѣдователь.

Чтобы выяснить дальнѣйшія положенія, сдѣлаю нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Въ первомъ отрывкѣ несомнѣнно нужно видѣть возвращеніе изъ военной экспедиціи. Авторъ отрывка военный, стоящій во главѣ отряда, снабженнаго значительнымъ обозомъ [1]). Весьма можетъ быть, что второй и третій отрывокъ представляютъ собой именно повѣствованіе объ этой экспедиціи, въ которой строеніе крѣпости играло важнѣйшее значеніе. Военный характеръ движенія, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ отрывкѣ, усматривается изъ того, что отрядъ идетъ по *системѣ военнаго похода*: онъ имѣетъ ἀκόλουθοι и πρόσκοποι, необходимыя составныя части во всякомъ отрядѣ, какъ показываютъ военныя сочиненія. Ἀκόλουθοι брались изъ мѣстныхъ жителей, почему и находимъ въ отрывкѣ объясненіе, что они разошлись по домамъ. *Сны и сновидѣнія* несомнѣнно также обличаютъ военный характеръ отряда, ибо выраженіе: «одни завидовали участи умершихъ, какъ освободившихся отъ заботъ и трудовъ, другіе оплакивали будущую судьбу, какая страшная доля ожидаетъ ихъ» —указываетъ на потерянныхъ въ экспедиціи товарищей по оружію и на тяжкое положеніе, въ которомъ находился отрядъ. Наконецъ, и заключеніе отрывка, что отрядъ шелъ по непріятельской землѣ, не позволяетъ иначе представлять его какъ отрядъ военный.

---

[1]) Отрядъ, съ которымъ онъ боролся противъ варваровъ и строилъ крѣпость, доходилъ до 400 человѣкъ. По всей вѣроятности, возвращался онъ не со всѣмъ отрядомъ, оставивъ часть его въ крѣпости.

Пока мы не знаемъ, чтó это была за экспедиція и какая ея цѣль. Но ясно, что отрядъ былъ на возвратномъ пути изъ чужой земли въ отечественную. Не можетъ быть сомнѣнія, что это былъ греческій отрядъ, дѣйствовавшій на сѣверъ отъ Крыма и возвращавшійся сухимъ путемъ въ глухую осень. Послѣ перехода черезъ Днѣпръ онъ направился къ югу и имѣлъ въ виду возвращеніе во свояси (πρὸς τὰ οἰκεῖα), то есть въ одну изъ областей византійской имперіи.

Во второмъ отрывкѣ обращаемъ вниманіе на слѣдующія подробности. Зачеркнутая фраза «Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἴστρου», имѣвшая вліяніе на пріуроченіе всѣхъ отрывковъ В. Г. Васильевскимъ къ болгарской войнѣ Святослава, по нашему мнѣнію важна не въ томъ отношеніи, чтобы указывала на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя, а тѣмъ, что въ ней можно видѣть доказательство, что наши отрывки составляютъ копію, а не оригиналъ. Зачеркнутая фраза не есть неудачный оборотъ мысли, развиваемой во 2 отрывкѣ, напротивъ, она совершенно чужда содержанію этого отрывка. Мы думаемъ, что зачеркнутая фраза обозначаетъ только, что переписчикъ здѣсь началъ было писать то, что слѣдуетъ въ 3 отрывкѣ относительно царствующаго въ сѣверной части Дуная: κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἴστρου, но потомъ увидѣлъ ошибку и зачеркнулъ написанное. Во всякомъ же случаѣ фразѣ нельзя приписывать того значенія, которое придано ей В. Г. Васильевскимъ.

Далѣе, во 2 отрывкѣ слѣдуетъ характеристика варваровъ, правильная оцѣнка которой представляетъ существенныя затрудненія. Прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что территорія, на которой происходятъ событія, не составляетъ исконной греческой области. Она византійская только потому, что на ней построена византійская крѣпость и находится византійскій гарнизонъ, но она не принадлежитъ грекамъ, отсюда постоянныя колебанія у писателя: «ихъ земля», «наша земля». Отсюда необходимо предположить, что дѣло происходитъ не въ Херсонѣ, не въ Крыму, а нѣсколько сѣвернѣе. Достаточно сослаться на то, что еслибы событія происходили въ Крыму, то не было бы нужды предводителю отряда дѣлать такое движеніе по южнорусскимъ степямъ, которое описывается въ 1 отрывкѣ. Итакъ, отъ Крыма приходится отказаться въ пользу области на сѣверъ отъ Крыма и именно въ пользу хазарской области на Дону.

Характеристика варваровъ, съ которыми ведетъ дѣло греческій предводитель, возбуждаетъ много спорныхъ мнѣній. «Имъ, читаемъ

во 2 отрывкѣ, не была доступна какая либо пощада даже въ отношеніи къ *самымъ близкимъ*, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и безполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ *(нашей) ихъ земли*, какъ говорится, добычу мисянъ. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность,—тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ. А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ. Вмѣсто того, что бы заботиться о благѣ подвластныхъ народовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ... Похоже было на то, какъ будто разразился какой злой порывъ, такъ что для человѣчества, казалось, наступилъ потопъ и грозило самое страшное разрушеніе, какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой бездны. *Болѣе десяти городовъ* лишились своего населенія, не менѣе *пятисотъ селеній* превратились въ пустыню: словомъ *вся сосѣдственная и близкая*[1]) къ намъ область, какъ будто послѣ бури, лежала въ развалинахъ»... Изслѣдователи находятъ невозможнымъ приложить приведенную характеристику къ кочевому народу, каковы печенѣги, и предпочитаютъ усматривать здѣсь характеристику или Руси, или по крайней мѣрѣ хазаръ.

По общимъ характеристикамъ всегда бываетъ весьма трудно придти къ заключенію о народѣ и въ особенности прямо назвать этотъ народъ, если отсутствуютъ всякія постороннія указанія. Многое въ подобныхъ характеристикахъ составляетъ общее риторическое мѣсто, почти неизмѣнно прилагавшееся къ варварамъ, находившимся въ данный моментъ во враждѣ съ имперіей. Теперь уже никто не придаетъ особеннаго реальнаго значенія даже характеристикѣ Руси у патріарха Фотія, такъ какъ и въ ней оказывается слишкомъ много общихъ мѣстъ. Какъ въ сущности ненадежна и даваемая въ приведенномъ отрывкѣ характеристика варварскаго народа и какъ рискованно дѣлать по ней одной заключенія о томъ, имѣются ли здѣсь въ виду хазары, печенѣги, русскіе или даже другой какой народъ, считаю умѣстнымъ привести для параллели другую характеристику, относительно примѣненія которой уже не можетъ быть разногласій. Въ приводимой ниже характеристикѣ печенѣговъ не только находимъ

[1]) Всѣ подчеркнутыя мѣста подчеркнуты въ переводѣ В. Г. Васильевскаго.

«почетный» и даже «лестный» отзывъ объ этихъ варварахъ, но даже ею подрывается такое, повидимому, твердое положеніе, что византійскій писатель никогда не употребляетъ выраженіе «царь» или «царствующій» примѣнительно къ какому нибудь вождю кочевой орды.

Приводимъ изъ церковнаго слова XI вѣка, сказаннаго митрополитомъ евхаитскимъ Іоанномъ [1]), мѣсто, которое вполнѣ можно поставить рядомъ съ словомъ патріарха Фотія «на нашествіе Руси».

«Многократны были попытки варваровъ дѣлать разбойническія нападенія на западныя страны, но они или сопровождались маловажными послѣдствіями, или влекли за собой подчиненіе по договору и рабство, вмѣстѣ съ познаніемъ высочайшаго существа и открытымъ признаніемъ, что противники владычества и царства его имѣютъ противъ себя Бога. Вслѣдствіе того, спѣшатъ стопы благовѣствующихъ и *цари народовъ* [2]) многократно приводятся плѣнные, нѣкоторые же приходятъ и добровольно, сдавая цѣлыя страны и поступаясь городами и доходами и податями, присоединяя свои земли къ вседержавной ромэйской имперіи, подобно рѣкамъ, вливающимся въ море.

«Чтобы не говорить о прочемъ, я приведу изъ всѣхъ чудеснѣйшее и новое Божіе чудо. Кто они и откуда эти иноплеменники съ страннымъ именемъ? Кто такъ дивно укротилъ эти дикія лица и звѣрскія души и нелѣпыя тѣлодвиженія и быстро перемѣнилъ ихъ въ человѣчныя? Кто привелъ къ Господу народъ, котораго онъ не зналъ? Кто ввелъ въ городъ и въ самую церковь враговъ Божіихъ и царскихъ? Это было племя невѣрное, какъ всѣ знаете, нечестивое и беззаконное, скиѳы по происхожденію, номады по жизни, отвратительные и нечистые по своему быту, и въ другихъ отношеніяхъ ничтожные, не знающіе ни образованности, ни закона, ни вѣры, не подходящіе ни подъ какой родъ государственнаго устройства, не соединенные никакимъ союзомъ единства, въ одномъ только всѣхъ превосходящіе и отличающіеся, въ искусствѣ дѣлать злодѣйскія нападенія и совершать неожиданные грабежи и брать въ добычу все встрѣчающееся. При посредствѣ такого искусства, они разбойнически завладѣли и тою землей, которою доселѣ владѣли, из-

---

[1]) *De Lagarde*, Johannis Euchaitensis quae supersunt (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaf der Wissenschaften zu Göttingen, B. 28, S. 142).

[2]) P. 144 διὰ τοῦτο κἀντεῦθεν εὐαγγελιζομένων πόδες ταχύνουσι καὶ βασιλεῖς ἐθνῶν ἄγονται πολλαχόθεν αἰχμάλωται.

гнавъ прежнихъ жителей какъ болѣе ихъ слабыхъ. Не мало причиняли они безпокойства прежнимъ царямъ, но война съ ними была всегда безполезна и неудобна, такъ какъ они воровали удобное время для своихъ разбойническихъ набѣговъ и находили всѣ удобства къ поспѣшному бѣгству и возвращенію во свояси, и легко прятались какъ лягушки по болотамъ, оврагамъ и въ стоячей водѣ.

«И нынѣ часто они пытались переправляться чрезъ Дунай, на противоположной сторонѣ котораго расположились, чтобы опустошать нашу землю. Ибо какъ было знать этимъ людямъ, звѣрямъ больше, чѣмъ людямъ, что здѣсь владѣетъ не человѣческая сила, а божественная, непричастная страданій? Итакъ другія ихъ нападенія, сопровождавшіяся ничтожнымъ или совершенно малымъ зломъ, царское промышленіе, вспомоществуемое свыше, быстро пресѣкало и останавливало; что же касается до этого послѣдняго набѣга, или лучше бѣгства, то я не знаю какъ это назвать: несправедливостью ли ихъ къ другимъ, или лучше выгодой для другихъ, устроенной по волѣ судьбы? Или, можетъ быть, лучше усматривать въ томъ прекрасное дѣло божественнаго домостроительства, которое мудро руководитъ и управляетъ человѣческія дѣла, сплетая разнообразныя положенія и часто достигая противоположныхъ результатовъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, явно совершая чудесное. Ибо они наступили во всемъ множествѣ, толпами перешли рѣку, покрытую льдомъ и, по своему обычаю, сдѣлавъ воровское нападеніе, опустошили прибрежную область. Царское же промышленіе не дремало и на сей разъ: ромэйскія войска стояли готовыя въ оружіи, полныя отваги и презрѣнія къ варварамъ. Когда же подошли они на близкое разстояніе къ непріятелю и бросили взглядъ на неожиданно открывшійся станъ, то ужасъ и страхъ объялъ ихъ при видѣ представившагося зрѣлища. На необозримомъ для глазъ пространствѣ покрывало берега неисчислимое войско, растянувшееся на необъятную ширину и длину, какъ песокъ, оставленный рѣкой. Была страшная опасность для войска не только потому, что небольшому отряду нужно было сражаться съ превосходящими во много разъ силами, но еще съ такими отчаянными врагами, которые, покинувъ мысль возвращенія въ свою землю, всю надежду возлагали на предстоящее дѣло, рѣшившись или купить побѣдою право на поселеніе въ этой странѣ, или нанести какое нибудь большое зло, несмотря ни на какія опасности. Ибо развѣ есть страхъ передъ смертію у дикихъ варваровъ, у которыхъ убійство самое легкое и обычное дѣло. Итакъ, они были въ такихъ рас-

положеніяхъ, а царь приготовилъ другой вспомогательный отрядъ, такъ какъ ряды его поредѣли въ сшибкахъ со врагомъ, ибо уже происходили то перестрѣлки, то ручныя схватки, которыя кончались къ выгодѣ враговъ и поселили малодушіе въ его войскѣ. Но тотъ, кто приготовилъ путь по непроходимымъ мѣстамъ, кто вечерній плачъ утромъ обратилъ въ радость, сей явился помощникомъ на призывъ царя. Наше войско стремительно наступаетъ на враговъ и тутъ обнаруживается божественная симмахія. Началось жестокое сраженіе и отчаянный бой, и одерживаетъ полную побѣду крестъ Христовъ, дивно изображенный въ воздухѣ, какъ это было прежде при первомъ христіанскомъ царѣ, такъ и *при нынѣ царствующемъ по волѣ Божіей и напоминающемъ того перваго именемъ и благочестіемъ*. Начинается великое избіеніе варваровъ и овладѣваетъ ими страхъ и ужасъ, ужасъ приводитъ въ чувство безчувственныхъ и нужда учитъ ихъ полезному. Какъ бы пораженные ударомъ молота, они потеряли мужество и побросали далеко отъ себя оружіе, простирали руки впередъ и варварскими грубыми голосами просили царскаго милосердія, которое послѣдовало такъ скоро и такъ было для нихъ неожиданно, что они на удивленіе видящихъ встали вмѣстѣ съ нами, *преобразовавшись изъ дикихъ какъ бы звѣрей въ смирныхъ людей, перемѣнившись изъ прежняго безобразія и отвратительности въ нынѣшній кроткій и пріятный видъ*, а что всего блистательнѣй и поразительнѣй—*изъ нечестивыхъ и невѣрныхъ сдѣлались благочестивыми и вѣрными*, сподобившись купѣли нетлѣнія по царской милости и божественному человѣколюбію, отъ котораго получили свѣтъ благодати и это преобразованіе чрезъ чудодѣйственную силу духа. И вотъ беззаконное племя *стало святымъ племенемъ, древній нечестіемъ народъ новымъ народомъ божіимъ*, опять имя язычниковъ становится важнымъ, опять вѣра пріобрѣла дивное приложеніе и въ предѣлахъ земли возобладало евангеліе».

Событіе, по случаю котораго сказано это слово, имѣло мѣсто въ царствованіе Константина Мономаха, въ зиму 1048 года. Печенѣжская орда въ числѣ 800.000 человѣкъ, какъ говорятъ византійскіе историки [1]), перешедши Дунай, покрытый толстымъ слоемъ льда, начала страшныя опустошенія въ Болгаріи. Дѣйствительно, печенѣги были побѣждены, но не столько оружіемъ, сколько открывшимися между ними болѣзнями. Предводитель печенѣговъ Тирахъ съ 140 то-

[1]) *Cedrenus* II. 585—587.

варищами взятъ въ плѣнъ, отведенъ въ столицу и здѣсь обращенъ въ христіанство [1]). Но ораторъ изъ этихъ несложныхъ фактовъ создалъ весьма замысловатое произведеніе, въ которомъ находятся въ сущности только двѣ черты, дающія возможность указать его время и историческое значеніе: намекъ на имя Константина и переходъ по покрывшемуся льдомъ Дунаю. Если бы сгладить въ этомъ словѣ указанныя черты, то было бы возможно отнести его къ какимъ угодно варварамъ, находившимся съ Византіей во враждѣ и обращеннымъ въ христіанство. Даже уподобленіе лягушкамъ, прячущимся по болотамъ, и это не привилегія по отношенію къ печенѣгамъ, ибо то же сравненіе примѣняется къ славянамъ. Словомъ, по нашему мнѣнію, общая характеристика варваровъ, при отсутствіи какихъ-нибудь поясняющихъ образовъ или даже намековъ, не даетъ изслѣдователю твердыхъ основаній утверждать, что такъ можетъ характеризоваться тотъ народъ, а не другой.

Итакъ, возвращаясь къ характеристикѣ варваровъ во второмъ отрывкѣ Газе, мы не находимъ въ ней самой такихъ чертъ, которыя бы мѣшали отнести ее какъ къ печенѣгамъ, такъ и къ русскимъ. Но помимо характеристики, въ этомъ отрывкѣ есть мѣста и выраженія, которыя не допускаютъ обоюднаго толкованія. Такъ уже болѣе реальнаго смысла въ объясненіи причинъ движенія варваровъ противъ тѣхъ городовъ и деревень, по близости которыхъ желали, по видимому, утвердиться греки. Сюда относятся слѣдующія мѣста и выраженія: 1) *люди ни въ чемъ неповинные подъ предлогомъ нарушенной клятвы сдѣлались добычей насилія и меча*; 2) греческій топархъ, зная о разореніи варварами сосѣдней страны, *заранѣе принималъ мѣры предосторожности* и, по всей вѣроятности, этими мѣрами накликалъ на себя бѣду. Цѣль вторженія варваровъ въ занимаемую топархомъ область, равно какъ очень реальная цѣль, которую преслѣдуетъ топархъ, ясно указана въ отрывкѣ: *топархъ строитъ стѣну, а варвары всячески желаютъ воспрепятствовать ему въ томъ* [2]).

[1]) *Ibidem* p. 587. 16 ὁ δὲ Τυρὰχ καὶ σὺν αὐτῷ ἄνδρες ἑκατὸν καὶ τεσσαράκοντα ἄγονται εἰς τὸν βασιλέα· οὓς φιλοφρόνως οὗτος ἀποδεξάμενος καὶ βαπτίσας... Весьма любопытныя и въ другихъ отношеніяхъ событія этого времени на Дунаѣ были предметомъ изслѣдованія *В. Г. Васильевскаго*, Византія и Печенѣги, въ журналѣ Министр. Народнаго Просвѣщенія, ноябрь 1872 года.

[2]) οἱ μὲν βάρβαροι.. ἐσέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν νομίσαντες ὡς ἅμα βοῇ παραλήψεσθαι ἡμᾶς, τῇ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ, τῇ τε ἡμῶν ὀῤῥωδίᾳ. Въ русскомъ переводѣ В. Г. Васильевскаго вкралась опечатка, вмѣсто „разсчитывая на слабость нашей страны“ нужно читать „стѣны“.

На конецъ, въ 3-хъ, топархъ рѣшился въ концѣ концовъ *утвердиться въ этой кругомъ опустошенной землѣ* и это мы считаемъ очень важнымъ обстоятельствомъ, получаемымъ изъ разсмотрѣнія втораго отрывка. Самый конецъ его даетъ еще очень любопытную черту, значеніе которой читатель оцѣнитъ ниже: *топархъ всѣ заботы устремляетъ на построеніе крѣпости*, ибо онъ видѣлъ въ этомъ лучшее средство къ защитѣ страны отъ набѣговъ варваровъ и къ заселенію полуразрушеннаго и опустошеннаго города. И конечно, не о чужихъ интересахъ онъ заботился: *тогда я первый пришелъ къ мысли снова поселиться въ Климатахъ* [1]).

Въ 3-мъ отрывкѣ описывается строеніе крѣпости, которую окончить мѣшали раньше варвары. Здѣсь же заключаются основныя положенія для выводовъ В. Г. Васильевскаго, какъ относительно мѣстности, на которой происходили событія, описываемыя въ отрывкахъ, такъ и по отношенію къ историческому пріуроченію всѣхъ трехъ отрывковъ. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе собственно два обстоятельства и дѣйствительно обстоятельства рѣшающаго характера. Во первыхъ, переговоры греческаго топарха съ окрестными жителями, державшимися византійской стороны; во вторыхъ, его личное рѣшеніе, принятое вслѣдствіе этихъ переговоровъ, лично донести обо всемъ (кому?—текстъ представляетъ въ этомъ мѣстѣ затрудненія). Результатомъ его переговоровъ съ властью, отъ которой зависѣло высшее распоряженіе тѣми областями, было пожалованіе нашему топарху власти въ Климатахъ. Собственно на этихъ двухъ положеніяхъ 3-го отрывка сосредоточивается центръ тяжести въ рѣшеніи историческихъ и географическихъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ отрывками Газе.

В. Г. Васильевскій сдѣлалъ прекрасный анализъ подразумѣваемаго мѣста и извлекъ изъ намековъ топарха два весьма убѣдительныя положенія. Топархъ представлялъ византійскую сторону и убѣждалъ собравшихся жителей вступить въ подданство императора. Замѣтимъ, что это весьма деликатная сторона въ отрывкахъ, ибо греческій чиновникъ поставленъ здѣсь въ весьма критическое положеніе: онъ дѣйствуетъ среди населенія, которое можетъ выбирать себѣ верховную власть. Онъ указываетъ на выгоды политической власти императора, какъ и необходимо было дѣйствовать представителю византійской военной власти. Между тѣмъ представители мѣстнаго населенія не чувство-

[1]) Это мѣсто καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλίματα διανοησαμένου — требовало бы легкаго измѣненія въ переводѣ.

вали себя настолько связанными съ императоромъ, чтобы понимать всѣ выгоды рѣчи топарха и указывали ему другую перспективу, политическую власть *царствовавшаго на сѣверъ отъ Дуная.* Для греческаго топарха при такомъ оборотѣ дѣла шелъ вопросъ не болѣе не менѣе какъ о бунтѣ, о возстаніи противъ законной власти, объ измѣнѣ своему правительству. Общее рѣшеніе собравшихся заключалось въ томъ, чтобы и топархъ вмѣстѣ съ окрестнымъ населеніемъ вступилъ въ подданство властителя на сѣверъ отъ Дуная.

И что́ же? Ужели византійскій чиновникъ не принялъ мѣръ, командуя военнымъ отрядомъ больше 400 человѣкъ, къ сохраненію власти своего государя? Ужели онъ не только измѣнилъ, но и смѣлъ совершенно наивно записать объ этомъ: «дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему». Къ кому? Къ врагу императора? Съ указанной стороны послѣдняя часть записки греческаго топарха не подвергалась еще изслѣдованію, а потому считаю необходимымъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Собранные на совѣщаніе окрестные жители, придерживавшіеся византійской партіи, не соглашались на убѣжденія топарха по слѣдующимъ основаніямъ: 1) они не видѣли для себя въ этомъ никакой пользы. Мѣсто слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за дальностію власти императора обитатели тѣхъ мѣстъ не могли воспользоваться благами, проистекающими изъ принадлежности къ великому христіанскому государству. Будучи подданными императора, они не свободны были отъ покушеній со стороны другихъ народовъ привлечь ихъ подъ свою власть. Можно догадываться, что рѣчь идетъ о населеніи области или недавно присоединенной къ имперіи, или такой, которую Византія желала присоединить.

Во вторыхъ, они нисколько не желаютъ позаимствоваться византійскими административными учрежденіями, стремясь прежде всего къ самостоятельности. Это мѣсто отрывковъ объяснено у В. Г. Васильевскаго совершенно правильно съ точки зрѣнія значенія слова ἕλλην въ средневѣковой литературѣ, но при объясненіи здѣсь нужно имѣть въ виду сопоставленіе «ἑλληνικώτεροι τρόποι» и «αὐτόνομα ἔργα». Здѣсь именно выставлена бросающаяся въ глаза разность между обширнымъ государствомъ съ строгой централизаціей власти, каково было византійское государство и небольшими сельскими общинами, племенами или кланами, изъ которыхъ каждое управляется своею родовою или племенной властью. Это наблюденіе сдѣлано еще Прокопіемъ и Львомъ Мудрымъ, которые противопоставляли такимъ образомъ славянское

устройство византійскому. Хотя этимъ не рѣшается вопросъ о національности подразумѣваемыхъ приверженцевъ топарха, но дается понять, что это были не греки, не болгаре, вообще не народъ съ развитою центральной властью, — это были полузависимыя племена, не вошедшія еще ни въ какую государственную систему,—такими могли быть одинаково какъ славяне, такъ и хазары. Наконецъ, въ 3-хъ потому, что они слишкомъ много приписывали силы и значенія тому, кто царствуетъ въ сѣверныхъ странахъ Дуная. Находясь съ нимъ въ сосѣдствѣ и не отличаясь обычаями отъ тамошнихъ жителей, они предпочитаютъ войти съ ними въ соглашеніе и подчиниться ему.— Приведя эти слова, В. Г. Васильевскій говоритъ: «итакъ дѣйствіе происходитъ въ странѣ сосѣдственной съ Дунаемъ,—вотъ прямой и необходимый выводъ изъ приведенныхъ словъ, какъ бы ихъ мы не объясняли». Но съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе *сосѣдство* занимающаго насъ маленькаго племени или общины съ царствующимъ на сѣверъ отъ Дуная. Сосѣдство сосѣдству рознь. Вездѣ, куда простирается въ Азіи авторитетъ русскаго имени и страхъ русскаго оружія, вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ и молва о близости, о сосѣдствѣ власти бѣлаго царя. Маленькое племя, находящееся въ сферѣ вліянія русской политики, можетъ говорить о сосѣдствѣ русской власти, хотя бы оно было отдѣлено тысячей верстъ отъ самаго крайняго русскаго укрѣпленія. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ выраженіе *ὅμοροι*—сосѣди точно также не предполагаетъ необходимаго вывода, что дѣйствіе происходитъ въ сосѣдствѣ съ Дунаемъ. Само собой разумѣется, если бы другія данныя отрывковъ приводили насъ къ Дунаю, то не было бы и рѣчи о толкованіи слова сосѣдство. Но если, напротивъ, другія данныя скорѣй переносятъ дѣйствіе къ Крыму, а мысль о Дунаѣ рождается только по случаю упоминанія о властителѣ въ сѣверныхъ частяхъ Дуная, то считаемъ неправильнымъ описываемыя въ отрывкахъ событія пріурочивать къ Дунаю. Въ концѣ концовъ вѣдь остаются Климаты и власть въ нихъ греческаго топарха.

Разсужденіе академика Куника и профессора Васильевскаго о томъ, кого разумѣть подъ этимъ сосѣдомъ нашего народа, упоминаемаго въ отрывкахъ, русскаго князя (Святослава или Владиміра), или хана печенѣжскаго, или хазарскаго кагана, и какъ тогда понимать слова—царствуетъ на сѣверъ отъ Дуная,—по отношенію къ жителю Крыма, представляются намъ весьма искусственными. Слѣдуетъ разсуждать здѣсь не о фактическомъ сосѣдствѣ съ царствующимъ на Дунаѣ,

а о сферѣ политическаго вліянія того, кто царствуетъ на Дунаѣ. Словомъ, слѣдовало перенести вопросъ въ сферу изученія политической борьбы въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря.

Конечно, скудость данныхъ объ исторіи Крыма и прилежащихъ къ нему областей достаточно объясняетъ то обстоятельство, что никто изъ изучавшихъ отрывки Газе не пришелъ къ мысли видѣть въ этихъ отрывкахъ документъ, констатирующій стремленія византійскаго правительства расширить изъ Крыма область своегополитическаго вліянія на сѣверные берега Чернаго моря. Точно также, вслѣдствіи той же скудости данныхъ, трудно было предположить, чтобы Византія когда нибудь встрѣтила здѣсь соперничество со стороны болгарскаго политическаго вліянія. У насъ въ отрывкахъ Газе по преимуществу старались видѣть «первостепенный источникъ не только для исторіи Крыма, но и вообще для древней исторіи Россіи», а потому естественно было недоглядѣть въ немъ того, что онъ дѣйствительно представляетъ. До X вѣка Византія не могла похвалиться твердымъ положеніемъ въ Крыму. Выше мы видѣли, что въ концѣ IX в. въ Херсонѣ убитъ былъ стратигъ, представитель военной и гражданской власти византійскаго царя. Такія явленія случались или въ областяхъ отторгающихся отъ связи съ Византіей, или насильственно вводимыхъ въ такую связь. Въ VIII в. преобладающая роль въ Крыму принадлежала хазарскому кагану, что особенно видно изъ исторіи Юстиніана II [1]). Важное значеніе хазаръ въ исторіи сѣвернаго берега Чернаго моря продолжается до того времени, какъ Святославъ нанесъ имъ нѣсколько пораженій и захватилъ главные города ихъ. Но этому предшествовалъ періодъ, въ свѣдѣніяхъ о которомъ у насъ былъ пробѣлъ, восполняемый особымъ источникомъ, не вполнѣ изученнымъ. Мы обратимся къ нему вслѣдъ за анализомъ отрывковъ Газе.

Переходя теперь къ заключительной части 3-го отрывка, напомнимъ, что собраніе придерживающихся византійской партіи, не согласившись на убѣжденія топарха, постановило передаться подъ власть того, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная. Что же предпринимаетъ въ такомъ критическомъ положеніи топархъ?—Излѣдователи говорятъ, что онъ пошелъ къ властителю сѣверныхъ частей Дуная и отдался

---

[1]) *De Boor*, Theophanis Chronographia (Lipsiae 1885) p. 369 и слѣд. Въ статьяхъ гг. *Куника и Васильевскаго* о запискѣ топарха приведены данныя для исторіи Крыма; см. еще проф. *Васильевскаго*, Житіе Іоанна Готскаго, въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія за 1877 г., часть 195 отд. 2.

подъ власть его, то есть, говоря прямо, спокойно и сознательно измѣнилъ своему правительству.

Но тутъ допущено странное недоразумѣніе. Противъ перевода этого мѣста у В. Г. Васильевскаго ничего нельзя возразить, но понимать мѣсто нужно иначе. «Итакъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того подарилъ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы».

Почему выраженія: *καὶ ἀπῄειν ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*, *καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ*—понимаются въ смыслѣ путешествія топарха къ русскому великому князю или къ тому, кто царствуетъ въ сѣверныхъ частяхъ Дуная, а не къ византійскому императору?—Можно догадываться, что изслѣдователей подкупило выраженіе «*προσέθηκε καὶ σατράπειαν ὅλην*" и *ἔν τε γῇ τῇ αὐτοῦ*», но и въ этомъ случаѣ ссылаемся на комментарій В. Г. Васильевскаго, изъ котораго усматривается, что терминъ сатрапія не былъ совершенно чуждъ греческому оффиціальному языку, и въ данномъ случаѣ обозначаетъ только область, не имѣющую настоящаго греческаго устройства. Мѣсто обозначаетъ ту мысль, что нашему топарху дана была власть въ той области, въ которой онъ дѣйствовалъ со своимъ отрядомъ, въ которой была имъ построена крѣпость и наконецъ населеніе которой частію тянуло къ византійской партіи, хотя и поколебалось въ своихъ расположеніяхъ подъ дѣйствіемъ чуждыхъ византійскому правительству вліяній.

Но если въ текстѣ есть выраженія, которыя могли подкупить изслѣдователей въ пользу пониманія этого мѣста въ смыслѣ измѣны и бунта топарха, то наоборотъ есть и такія выраженія, которыя должны бы предостеречь противъ этого толкованія. Что такое въ самомъ дѣлѣ *ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*? Чьи интересы имѣлъ въ виду топархъ?

Знакомство съ письмами патріарха *Николая Мистика* не оставляетъ болѣе сомнѣнія, что враги топарха и населенія его области были печенѣги. Набѣгъ печенѣговъ въ томъ и имѣетъ для себѣ объясненіе, что они желали побудить мѣстное населеніе пристать къ болгарской партіи и воспрепятствовать грекамъ утвердиться въ новой области, владѣніе которой прикрывало бы Крымъ и греческіе города,

въ немъ находившіеся. Такимъ образомъ, рѣшеніе топарха искать покровительства болгарскаго царя не обозначало бы «охранить наши интересы», то есть какъ византійскія, такъ и населенія той области, а обозначало бы пожертвовать греческими интересами въ пользу болгарскихъ, или дѣйствовать согласно рѣшенію народнаго собранія. Но повторяемъ, такъ не могъ дѣйствовать чиновникъ, стоящій во главѣ значительнаго отряда. На самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствительно заботится о сохраненіи византійскихъ политическихъ видовъ и отправляется съ докладомъ въ Константинополь.

Противъ общепринятого толкованія этого мѣста могло бы предостеречь и слѣдующее обстоятельство. Тотъ властитель, которому топархъ сдѣлалъ докладъ о положеніи дѣла «ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὖθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο», то есть охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами. Ясное дѣло, что снова давать власть могъ только тотъ, кто прежде далъ ее, а именно византійскій императоръ. Что касается, наконецъ, ежегодныхъ доходовъ, данныхъ топарху въ землѣ самого государя, то это можетъ обозначать или пожалованіе земельными угодьями въ смыслѣ проніи, или соединеніе подъ его властію другой области, составлявшей уже собственную, а не спорную область Византіи. Въ данномъ случаѣ топархъ, поставленный стратигомъ въ хазарской области, могъ быть сдѣланъ въ то же самое время корсунскимъ стратигомъ, иначе говоря, Крымъ и новыя владѣнія на сѣверъ отъ Чернаго моря соединялись подъ одною военною властью, носителемъ которой былъ нашъ топархъ.

Результатомъ нашего изслѣдованія можно считать слѣдующее. Отрывки Газе свидѣтельствуютъ о предпринятой византійскимъ правительствомъ военной экспедиціи въ населенную хазарами область. Цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы утвердить политическое вліяніе Византіи на сѣверъ отъ Крыма, гдѣ угрожала въ то время завоевательная политика другаго государя, дѣйствовавшаго посредствомъ своихъ эмиссаровъ на печенѣжскія орды и подстрекавшаго печенѣговъ дѣлать вторженія въ Крымъ. Византійскій предводитель почелъ за нужное обезопасить греческую власть постройкой крѣпости, подъ защитой которой должны были найти безопасность сочувствующіе византійской партіи хазары. Онъ дѣятельно и энергично исполнилъ свое дѣло, борясь съ значительными затрудненіями, которыя встрѣчалъ какъ въ набѣгахъ печенѣговъ, такъ и въ малодушіи и недовѣріи мѣстнаго населенія. Когда онъ окончилъ строеніе крѣпости, нашелъ отрѣзаннымъ отступленіе въ Крымъ и долженъ былъ съ величайшими

затрудненіями въ позднюю осень пробираться съ своимъ отрядомъ по южной Россіи къ одному изъ черноморскихъ пунктовъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что отрывки Газе, или такъ называемая Записка греческаго топарха имѣетъ историческое значеніе совсѣмъ не въ той сферѣ, въ какой оцѣнивали ея важность до сихъ поръ. Оказывается, что описываемыя въ ней дѣйствія происходятъ и не въ Крыму, и не на Дунаѣ, а по всей вѣроятности на Дону, а главное, что она совсѣмъ не имѣетъ прямаго отношенія къ русской исторіи. Но не думаемъ, чтобы вслѣдствіе новой постановки ея историческаго значенія она потеряла всю свою привлекательность для русскихъ изслѣдователей. Въ ней остается матеріалъ для прекрасной странички о культурной исторіи Византіи въ сѣверныхъ областяхъ Чернаго моря, и кто знаетъ, можетъ быть дальнѣйшія въ этомъ направленіи изслѣдованія приведутъ къ новымъ выводамъ къ культурной исторіи Россіи.

Для оцѣнки выводовъ, получаемыхъ изъ отрывковъ Газе въ связи съ дѣятельностью протоспаѳарія Петроны, намъ необходимо обратиться за справками къ другимъ источникамъ.

III.

Попытка Византіи обезопасить свои владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой четверти X в. Письма Н. Мистика.

Громадная борьба, завязавшаяся между Болгаріей и Византіей въ первой четверти X вѣка, не исчерпывается кровавыми столкновеніями между византійскими и болгарскими войсками и не ограничивается побоищами на Балканскомъ полуостровѣ. Эта борьба, по выраженію одного византійскаго оратора, отозвалась за Геркулесовыми столбами, въ нее вовлечены были разнообразные этнографическіе элементы отъ Дуная до Дона. Царь Симеонъ искалъ слабыхъ мѣстъ Византіи не только со стороны Балканскаго полуострова, но еще въ Малой Азіи (высадка въ Лампсакѣ) и въ Крыму. Въ общемъ значеніе этой борьбы оцѣнено и въ извѣстной исторіи Болгаріи Константина Иречка, и въ особенности въ спеціальной монографіи профессора М. С. Дринова [1]). Но мнѣ кажется, что интереснѣйшій источникъ

---

[1]) *Иречекъ*, Исторія Болгаръ. Русскій переводъ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова; *Дриновъ*, Южные славяне и Византія въ X в. Напечатано въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1875 г. кн. третья.

для этой борьбы, именно «Письма патріарха Николая Мистика», можетъ быть съ пользой вновь изучаемъ для выясненія нѣкоторыхъ новыхъ подробностей этой любопытной эпохи. Широкая сфера дипломатическихъ вліяній, направляющихся изъ Византіи и Болгаріи, а равно борьба политическихъ интересовъ на отдаленныхъ окраинахъ славянскаго и греческаго міра осталась мало выясненною и слабо намѣченною въ указанныхъ сочиненіяхъ. Что въ особенности любопытно, въ письмахъ Н. Мистика есть матеріалъ для политической и культурной исторіи Византіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, слѣдовательно, матеріалъ, прямо дополняющій то, что въ намекахъ находимъ въ отрывкахъ Газе. Особенную цѣнность эти данныя пріобрѣтаютъ въ нашей темѣ, для рѣшенія которой недостаетъ хронологическихъ данныхъ: въ письмахъ же Н. Мистика имѣемъ дѣло съ опредѣленной эпохой.

Политическіе виды Симеона на сѣверные берега Чернаго моря опредѣленно рисуются въ девятомъ письмѣ патріарха Н. Мистика [1]). Стратиги Македоніи и Ѳракіи, пишетъ патріархъ царю Симеону, извѣщаютъ и письмами, и чрезъ своихъ пословъ, что болгаре преслѣдуютъ одну цѣль, грабить и опустошать нашу страну. Къ этому присоединяютъ, что ты не оставляешь въ покоѣ и *Богу* херсонскаго стратига. И этотъ стратигъ постоянно дѣлаетъ донесенія, что болгаре все стараніе прилагаютъ *привлечь на свою сторону и печенѣговъ и другія племена, живущія въ этихъ мѣстахъ*, въ походъ и на войну съ ромэями. И не изрѣдка и не черезъ продолжительные промежутки времени, но чуть не ежедневно онъ надоѣдаетъ намъ таковыми письмами и донесеніями. Объ этомъ же доводятъ до свѣдѣнія и 16 человѣкъ печенѣжскаго посольства, явившихся сюда, *что изъ Болгаріи приходятъ къ печенѣгамъ послы*, и не одинъ разъ, а часто, и что эти послы предлагаютъ вступить съ ними въ союзъ, и что болгаре такъ озабочены устройствомъ этого союза, что соединяютъ своихъ сыновъ браками съ печенѣжскими дѣвицами, дабы приготовить этимъ военное сотоварищество болгаръ и печенѣговъ.—*Ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю* [2]). Но это не ради военныхъ дѣйствій и не для того, чтобы возбудить убійство твоего народа, но частію для того, чтобы позаботиться о

---

[1]) Привожу по изданію *Migne*, Patrologia Graeca, t. 111.

[2]) Τούτου ἕνεκεν ἡ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογὴ καὶ συγκίνησις καὶ ἡ πρὸς Πατζηνακίτας διάπεμψις.

собственной безопасности, *частію же чтобы пресѣчь и остановить ваше стремленіе и воспрепятствовать набѣгамъ на ромэйскую землю*, какъ въ томъ за вѣрное извѣстились мы и чрезъ Вогу [1]), и чрезъ пословъ печенѣжскихъ, и чрезъ донесенія другихъ стратиговъ.

По нашему мнѣнію, это письмо достаточно объясняетъ и появленіе византійскаго отряда въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря, и сосѣдство этихъ областей съ Симеономъ Болгарскимъ и предпочтеніе, оказываемое племенными старшинами болгарскому царю противъ византійскаго императора. Не рѣшается, конечно, вопросъ о томъ, были ли приглашенные топархомъ на совѣщаніе печенѣги, или хазары, или славяне, но во всякомъ случаѣ эти племена находились подъ прямымъ воздѣйствіемъ болгарской политики. Въ частности, что касается упоминаемаго въ письмѣ стратига Воги, отъ котораго получались въ Константинополѣ донесенія на счетъ печенѣговъ, византійская лѣтопись, хотя и не знаетъ стратига этого имени, но сообщаетъ свѣдѣнія о политической миссіи Іоанна Воги къ печенѣгамъ [2]). Гораздо любопытнѣй то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о посылкѣ военнаго отряда въ печенѣжскую землю. Но разумѣется ли здѣсь особая военная экспедиція или та же миссія Іоанна Воги, это трудно возстановить на основаніи имѣющихся данныхъ.—Письмо имѣетъ въ виду факты, имѣвшіе мѣсто до Ахелойскаго сраженія (20 августа 917 года).

Какой широкій размахъ имѣла въ то время византійская и болгарская политика, видимъ изъ *письма 23*: «страшное движеніе подготовляется. или скоро приготовится царскимъ стараніемъ противъ вашей власти и вашего рода (то есть, противъ болгаръ). Русскіе, печенѣги, аланы, угры—всѣ договорены и поднимутся на войну.—Не лишено, конечно, значенія то обстоятельство, что между имѣющими подняться народами не упомянуты хазары, хотя въ лѣтописи находимъ доказательства, что они служили въ войскахъ императора [3]). Но Симеонъ мало боялся этихъ угрозъ, потому что его эмиссары съ не меньшей энергіей и навѣрное съ большимъ успѣхомъ вербовали у тѣхъ же народовъ приверженцевъ и союзниковъ Болгаріи. Мало того, въ 920 году онъ сдѣлалъ совершенно неожиданный и опасный для Византіи шагъ. Высадкой въ Лампсакѣ, въ Дарданельскомъ проливѣ,

---

[1]) См. письмо 80.

[2]) *Theophanis Continuati*. VI. Cap. 7 и 9.

[3]) Theophanis Cont. VI. c. 9. ἐπεὶ δὲ καὶ Χαζάρους κατέσχεν ὁ Συμεὼν τῶν ἐκ τῆς ἑταιρείας τοῦ βασιλέως Λέοντος, τὰς αὐτῶν ῥῖνας ἀποτεμών.

онъ не только заперъ Константинополь, но и угрожалъ поднять противъ Византіи славянскія поселенія въ Малой Азіи [1]). Изъ письма 162 узнаемъ, что движеніе не ограничивалось даже печенѣгами и хазарами, а простиралась до Кавказа.

Не менѣе цѣнны въ письмахъ Николая Мистика нѣкоторыя детальныя указанія на херсонскія отношенія. Такъ, въ 68 письмѣ, высказавъ удовольствіе по поводу того, что лицо, къ которому обращено письмо, и въ которомъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ видѣть вышеупомянутаго Вогу, избѣжало страшныхъ опасностей и спаслось въ Херсонѣ, патріархъ пишетъ объ очень интересномъ для насъ предметѣ. Относительно, говоритъ онъ, *прибывшаго сюда хазарскаго посольства*, которое проситъ назначить имъ епископа, чтобы онъ рукополагалъ священниковъ, мы поручили назначенному на херсонскую каѳедру архіепископу отправиться съ Божіей помощію въ Хазарію и исправить тамъ необходимыя требы и затѣмъ возвратиться къ своей херсонской каѳедрѣ. Въ заключеніе проситъ оказать содѣйствіе архіепископу какъ въ его миссіи въ хазарской землѣ, такъ и при вступленіи на свою каѳедру. Послѣднее обстоятельство и даетъ намъ право видѣть въ корреспондентѣ патріарха херсонскаго стратига.

Очень также любопытны свѣдѣнія въ 106 письмѣ, адресованномъ къ архіепископу Херсона. Высказавъ сожалѣніе, что архіепископъ не явился въ Константинополь, чтобы насладиться вмѣстѣ радостію по случаю «единенія» и освобожденія отъ бывшей розни, патріархъ продолжаетъ. Мы въ особенности очень порадованы твоими стараніями въ пользу того народа, который *чуть не былъ обманутъ злымъ демономъ и не похищенъ изъ нѣдръ благочестія*. Просимъ тебя употребить все стараніе и показать всю заботу и попеченіе о спасеніи этого народа, дабы всецѣло сохранилось для Христа Бога нашего селеніе ихъ въ сохранности противъ всякой бѣды и несчастія. Твое благоразуміе пойметъ, какая твоя заслуга, что ты такое множество возвелъ изъ недостойнаго состоянія въ достойное. Возлагаемъ на тебя попеченіе согласиться съ ними относительно имѣющаго быть поставленнымъ имъ архіерея. Умудреннымъ разсмотрѣніемъ избери достойнаго на такое дѣло и пошли его къ намъ, дабы мы рукоположили его во всесвятомъ духѣ въ санъ епископа и поставили пастыремъ стаду, которое доселѣ лишено было пасущаго.

---

[1]) 95 письмо патріарха Николая.

Не нужно входить въ особыя объясненія, чтобы видѣть въ этомъ новомъ епископѣ перваго епископа хазарской церкви: это видно изъ вышеприведеннаго письма къ стратигу Херсона.

Нѣсколько объяснительныхъ чертъ къ исторіи новообразованной епископской каѳедры у хазаръ имѣемъ въ письмахъ 133 и 135. Они адресованы Петру, архіепископу Аланіи, и о содержаніи ихъ, очевидно, нужно судить по связи съ письмомъ къ херсонскому архіепископу. Похваливъ архіепископа Петра за труды и попеченія «о новопризванномъ къ благочестію народѣ», патріархъ отстраняетъ какія то притязанія этого архіепископа указаніемъ на примѣръ апостоловъ. Совѣтуетъ примириться съ епископомъ *Евѳиміемъ*, который прежде него былъ «проповѣдникомъ благочестія этому народу» и теперь послан на помощь архіепископу, дабы облегчить бремя его тяжестей.—Весьма вѣроятно, что въ этомъ Евѳиміи нужно видѣть перваго хазарскаго епископа, назначеніемъ котораго затрогивались епархіальныя права архіепископа Аланіи.

Сдѣланныя выдержки изъ писемъ патріарха Николая Мистика указываютъ намъ время и обстоятельства, при которыхъ византійское правительство поставлено было въ необходимость принять мѣры къ утвержденію своей власти и вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы патріархъ въ письмѣ къ болгарскому царю не старался придать этой мѣрѣ благовидный предлогъ и не ослабилъ ея дѣйствительное значеніе. Слѣдовательно, выраженіемъ «былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю» подтверждается фактъ, котораго уже нельзя было скрыть, но далеко не оцѣниваются византійскія мѣропріятія, что было несогласно съ назначеніемъ письма. Такъ, въ числѣ этихъ мѣропріятій была и духовная миссія изъ херсонской и аланской архіепископіи, о которой тоже не слѣдъ было заявлять болгарамъ. Дѣятельность восточной церкви, идущей объ руку съ цѣлями свѣтскаго правительства, рисуется въ этихъ письмахъ въ привлекательномъ свѣтѣ. Вообще же изъ разсмотрѣнія писемъ получается выводъ, что въ первой четверти X в. въ сѣверныхъ областяхъ отъ Крыма многообразно сталкивались политическія вліянія болгаръ и грековъ, что сюда направлялись греческіе и болгарскіе эмиссары съ цѣлью вербовать себѣ союзниковъ и что, наконецъ, для Византіи тогда былъ жизненный интересъ прикрыть свои крымскія владѣнія церковными насажденія и военными колоніями въ хазарской землѣ.

Итакъ, мы имѣемъ извѣстіе Константина Порфиророднаго о построеніи Петроной укрѣпленія Саркелъ, въ отрывкахъ Газе знакомимся частію съ военными операціями, частію съ мѣрами къ утвержденію византійскаго вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря посредствомъ построенія крѣпости неизвѣстнымъ византійскимъ вождемъ, наконецъ, въ письмахъ Н. Мистика видимъ энергическую борьбу изъ за вліянія между болгарами и греками въ первой четверти X вѣка въ областяхъ, населенныхъ печенѣгами и хазарами, при чемъ побѣда оказывается на сторонѣ византійской партіи, нашедшей благовременную помощь въ проповѣднической дѣятельности духовенства. Каждый изъ разсмотрѣнныхъ источниковъ самъ по себѣ, предъ судомъ критики, обнаруживаетъ болѣе или менѣе важные недостатки, каждый требуетъ пополненій и нуждается въ объясненіяхъ. Хронологія перваго подозрительна, выводы къ хронологіи втораго колеблются на сто лѣтъ. Общее въ нихъ только то, что всѣ они относятся къ исторіи сѣвернаго берега Чернаго моря. И между тѣмъ, автору настоящей статьи, сведшему эти источники, необходимо формулировать выводы изъ разсмотрѣнія ихъ, а чтобы эти послѣдніе имѣли научный характеръ, необходимо доказать законность сопоставленія самыхъ источниковъ.

IV.

Выводы изъ разсмотрѣнія источниковъ и общія заключенія.

Если читатель имѣлъ достаточно внимательности къ частнымъ положеніямъ, выведеннымъ въ предъидущихъ главахъ, то онъ согласится со мной по крайней мѣрѣ въ томъ, что есть много соблазнительныхъ точекъ соприкосновенія въ нѣкоторыхъ частяхъ разсмотрѣнныхъ извѣстій. Не говоря уже про общее всѣмъ имъ внутреннее содержаніе, извѣстія соприкасаются между собою въ особенности въ томъ, что каждое имѣетъ въ двухъ другихъ пополненіе какой нибудь недостающей въ немъ подробности, каждое заимствуетъ у другаго какую либо утраченную часть своего состава. Приведенные во взаимную связь, источники даютъ историческую картину, разсматриваемые же порознь, представляютъ собой или мало говорящіе уму эскизы, или просто обрывки какой то и кѣмъ то составленной живописи. Надѣюсь, что читатель согласится и съ тѣмъ, что ни одинъ источникъ не представляется ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ въ противорѣчіи съ

другимъ, или, продолжая сейчасъ сдѣланное сравненіе, отдѣльные эскизы какъ по тону, такъ и по характеру своему не нарушаютъ общей композиціи картины, напротивъ сообщаютъ ей желаемое выраженіе. Всѣ ли обломки извѣстій о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря приняты нами въ соображеніе, этого утверждать не беремся, памятуя слова стараго византиниста, который по мѣрѣ изученія греческихъ писателей приходилъ къ сознанію, что остается еще безграничное количество такихъ, которыхъ онъ не изучалъ [1]).

Отрывки Газе, за устраненіемъ изъ нихъ тѣхъ элементовъ, которые привнесены были изслѣдователями, желавшими во что бы то ни стало поставить ихъ въ связь съ походами на югъ древнихъ русскихъ князей, по нашему мнѣнію, могутъ нуждаться въ дополненіяхъ по слѣдующимъ вопросамъ. Относительно перваго отрывка, повѣствующаго объ отступленіи греческаго отряда съ востока на югозападъ и описывающаго слѣдовательно возвращеніе греческаго вождя, по исполненіи возложеннаго на него порученія, мы можемъ ограничиться вопросомъ: представляетъ ли византійская исторіографія въ періодъ IX и X вѣка какіе нибудь слѣды движенія византійскаго оружія въ области на сѣверъ отъ Чернаго моря? Такъ какъ далѣе византійскій вождь переходилъ Днѣпръ, возвращаясь изъ экспедиціи, то устраняется всякая мысль о томъ, что и эта экспедиція была предпринята въ Крымъ. Слѣдовательно, вопросъ сводится прямо къ движенію въ область на сѣверъ отъ Крыма, какъ о томъ свидѣтельствуютъ заключительныя слова: «мы шли по непріятельской землѣ».

По отношенію ко второму отрывку, который долженъ занимать первое мѣсто, можно желать подтвержденія византійской лѣтописью слѣдующаго положенія: не было ли когда попытки у византійскаго правительства, съ цѣлью обезпеченія своей власти на сѣверъ отъ Крыма, построить тамъ крѣпость и основать городъ? Какъ можно видѣть изъ изложенія дѣла во 2 отрывкѣ, греческій вождь экспедиціи вздумалъ построить укрѣпленіе на мѣстѣ прежняго города, разрушеннаго тѣми же самыми варварами во время прежнихъ набѣговъ. Для большей точности слѣдуетъ присоединить, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, выстроенъ съ цѣлью заселить область Климаты, что и византійскій вождь приписываетъ себѣ первому идею построить здѣсь греческое укрѣпленіе (ибо не греческое было и прежде).

---

[1]) *Migne*, Patrologia Graeca t. 114, col. 139 (Simon Wagnereckius въ письмѣ къ Льву Аллацію).

Относительно 3 отрывка, вопросъ, подлежащій изслѣдованію на основаніи византійской лѣтописи, сводится къ слѣдующему простому положенію: нѣтъ ли такого извѣстія, которое бы гласило, что греческій военачальникъ, предпринимавшій экспедицію на сѣверъ и построившій тамъ крѣпость, по возвращеніи въ столицу получилъ бы одобреніе за свое дѣло и назначеніе военачальникомъ въ ту область, которая впервые имъ была изучена и важность занятія которой онъ успѣлъ показать правительству. Относительно наименованія области отрывки сообщаютъ только слѣдующіе термины: «τά Κλήματα» и «τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχήν».

Но всѣ указанные вопросы сводятся къ одному: была ли когда у византійскаго правительства попытка обезпечить свои крымскія владѣнія отъ вторженія сѣверныхъ варваровъ союзами съ этими варварами и выставленіемъ гарнизоновъ въ областяхъ на сѣверъ отъ Чернаго моря? Дальнѣйшее наше изслѣдованіе въ объясненіе поставленнаго вопроса распадается на двѣ части: во первыхъ, нужно подвергнуть критическому анализу главу 42 De administr. imperio, во 2-хъ, показать, въ какихъ отношеніяхъ стояла Византія къ Крыму и имѣла ли она интересъ заботиться объ обезпеченіи своихъ здѣсь владѣній.

Читатель не долженъ находить для себя неожиданнымъ нашъ переходъ къ строителю Саркела Петронѣ, ибо во всей извѣстной литературѣ это есть единственный случай, которымъ засвидѣтельствованъ фактъ, какого намъ слѣдуетъ искать. Но при первомъ вниманіи обнаруживаются въ сказаніи о Петронѣ такія обстоятельства, которыя слишкомъ трудно примирить съ событіями, изложенными въ отрывкахъ Газе. Правда, хронологическія затрудненія значительно подрываются уже ранѣе приведеннымъ извѣстіемъ о Петронѣ, завѣдывавшемъ устройствомъ загражденій въ Солуни лѣтомъ 904 года. Ибо легко понять, что строитель Саркела при Өеофилѣ въ 835—7 году и инженеръ, дѣлавшій подводныя загражденія въ Солуни, едва ли то же самое лицо. По другимъ, хотя и недостаточно опредѣленнымъ [1]), извѣстіямъ, дѣятельность Петроны на другихъ поприщахъ государственной службы падаетъ на X, но не на IX столѣтіе. Итакъ, которыми данными пожертвовать и въ которыхъ предполагать ошибку?

Въ 42 гл. De adm. imperio нужно отдѣлять рядъ географическихъ данныхъ отъ политическихъ. Первыя, конечно, составлены на

---

[1]) Имѣемъ въ виду *Constantini*, De administr. imperio p. 204; *Contin. Theophanis*, Roman. Lecap. c. II; *Hamartoli*, p. 822.

основаніи географическихъ данныхъ, источникомъ для нихъ послужило путешествіе, и во всей вѣроятности, путешествіе, сдѣланное въ X вѣкѣ, послѣ того какъ произошелъ угорскій погромъ и началось движеніе печенѣговъ къ Дунаю. Среди этого произведенія X вѣка включены данныя не географическія, относящіяся къ IX в., данныя важнаго политическаго характера. Эти послѣднія могли находиться, конечно, и въ томъ географическомъ сочиненіи, которое послужило источникомъ для 42 главы, но и могли быть вставлены въ эпоху происхожденія всего сочиненія De adm. imper. Въ первомъ случаѣ извѣстіе о строеніи Саркела могло быть получено отъ мѣстныхъ жителей, и слѣдовательно, не имѣетъ документальнаго характера, во второмъ оно должно быть обязано своимъ происхожденіемъ архивнымъ матеріаламъ, найденнымъ въ Константинополѣ.

Мы склонны думать, что вставка о строеніи Саркела сдѣлана на основаніи данныхъ, хранящихся въ Константинополѣ, но сдѣлана умышленно и искажена. Хазарскій каганъ не могъ просить византійское правительство послать въ его страну военный отрядъ для строенія крѣпости; при извѣстныхъ же отношеніяхъ хазаръ къ грекамъ, отношеніяхъ недовѣрчивыхъ и ревнивыхъ, византійское правительство не могло отправить экспедицію на сѣверъ и приказать построить крѣпость безъ другаго распоряженія—оставить въ этой крѣпости свой гарнизонъ. Такова по крайней мѣрѣ обычная политика Византіи на восточныхъ окраинахъ, гдѣ она пріобрѣтала новыя области и города посредствомъ военныхъ колоній.— Во вторыхъ, въ занимающей насъ главѣ есть смѣшеніе двухъ вещей: постройка Саркела и реорганизація по управленію Корсунемъ. Мы считаемъ это недоразумѣніемъ, показывающимъ, что авторъ былъ не особенно сильный знатокъ въ томъ, о чемъ онъ писалъ. Посылка стратига въ Корсунь могла вызываться необходимостью усилить административный элементъ въ Крыму, а равно недовѣріемъ къ херсонскому сенату и городскому головѣ. Построеніе же Саркела вызывало созданіе новой административной должности въ хазарской землѣ и слѣдовательно назначеніе стратига для Саркела или для Климатовъ. Весьма вѣроятно, что въ документѣ, которымъ пользовался авторъ, и было слово Климаты, но онъ принялъ его въ смыслѣ крымскихъ Климатовъ. Теперь, что касается назначенія стратига въ Корсунь, то первое упоминаніе о корсунскомъ стратигѣ имѣется отъ конца IX вѣка, именно подъ 892 годомъ лѣтопись отмѣтила, что

херсонцы убили своего стратига Симеона, сына Іона или Іоанна [1]). Имя царя Ѳеофила, при которомъ происходили будто бы эти событія, поставлено или по ошибкѣ, или умышленно. Умышленность имѣетъ для себя объясненіе въ довольно деликатномъ съ политической точки зрѣнія положеніи дѣла. Византійскій императоръ посылкой экспедиціи на сѣверъ затрогивалъ интересы другихъ политическихъ европейскихъ силъ, которыя не желали допустить грековъ въ нынѣшнюю южную Россію.

Второй вопросъ — имѣла ли Византія политическій интересъ стараться утвердить свое вліяніе и далѣе Крыма — требуетъ разсмотрѣнія отношеній Византіи къ ея черноморскимъ владѣніямъ. Насколько вообще скудны наши свѣдѣнія по этому вопросу, и какъ господствующія мнѣнія произвольны и безосновательны, можно это видѣть изъ словъ едва ли не лучшаго у насъ знатока подобныхъ вопросовъ, академика Куника. Онъ говоритъ [2]): «До тридцатыхъ годовъ IX столѣтія корсунская область управлялась самостоятельно, съ этого же времени императоры стали присылать воеводу или губернатора (στρατηγός) который былъ однако слишкомъ безсиленъ въ военномъ отношеніи для того, чтобы ему оказывать дѣйствительное вліяніе на внутреннія или внѣшнія дѣла республики. Императоръ Константинъ около 950 г. называетъ правда корсунскую область 12 провинціею (θέμα) имперіи; однако до сихъ поръ не имѣется ни одной надежной данной, которая позволяла бы допустить предположеніе, что императорскій воевода въ Корсуни пользовался какимъ либо военнымъ или нравственнымъ вліяніемъ на южномъ берегу Крыма».

Это сказано по меньшей мѣрѣ неосторожно. Вѣрно лишь то, что мало мы знаемъ о дѣятельности представителей свѣтской и духовной власти въ Крыму, а что она оказывала вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла и имѣла особенно военное значеніе, это доказывается тѣмъ, что много было охотниковъ съ III по X столѣтіе завладѣть Крымомъ, но Византія однако не поступилась имъ ни въ чью пользу. А. А. Куникъ въ своей статьѣ о Запискѣ готскаго топарха привелъ литературу о Херсонѣ и о Климатахъ, такъ что мы можемъ не вдаваться здѣсь въ спеціальныя разысканія. Какъ извѣстно, у главнаго нашего руководителя по части занимающихъ насъ вопросовъ—у Константина Порфиророднаго, въ первыхъ главахъ его сочиненія De administr.

[1]) *Hamartoli*, p. 775, разночтеніе читается въ изд. *Миня*.

[2]) *О запискѣ готскаго топарха*, 71.

imperio упоминаются—и большею частію рядомъ—Херсонъ и Климаты, какъ мѣстности, которымъ могутъ угрожать печенѣги, хазары и другіе сѣверные варвары. По почину Ф. К. Бруна и академика Куника стали у насъ понимать подъ этими Климатами если не исключительно, то главнѣйше города по южному берегу Крымскаго полуострова, отождествляя иногда Климаты съ «Готіей» и даже представляя населеніе южнаго берега готскимъ народомъ. Мнѣ кажется, что болѣе внимательное наблюденіе за употребленіемъ слова Климаты у Константина должно было бы заставить изслѣдователей выступить изъ предѣловъ Крымскаго полуострова для опредѣленія точнаго смысла этого термина. Такъ, напримѣръ, во 2 главѣ область политической власти и вліянія Византіи рѣшительно выступаетъ далѣе Крыма.

Изслѣдователи не обратили вниманія до сихъ поръ на то обстоятельство, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ препятствуетъ послѣднимъ дѣлать нападенія не только на Херсонъ и Климаты (пусть это будетъ Готія), но еще на Саркелъ. Въ періодъ происхожденія De administr. imperio дипломатическая заботливость императора обнимала сѣверныя страны отъ Крыма, мало того, Саркелъ представляется греческимъ городомъ, на который могутъ нападать хазары и который защищенъ враждой аланъ къ хазарамъ. Это въ сущности единственное мѣсто, раскрывающее виды византійской политики на сѣверные берега Чернаго моря, но и оно до сихъ поръ оставалось непонятымъ. Я иду далѣе, и думаю, что Климаты здѣсь обозначаютъ не *крымскія* владѣнія, а *закрымскія*, именно ту область, гдѣ былъ Саркелъ [1]).

Саркелъ несомнѣнно былъ сначала въ хазарской странѣ, укрѣпленіе византійцевъ въ этой области было съ ихъ стороны значительнымъ военнымъ и политическимъ успѣхомъ, приготовившимъ въ свою очередь успѣхи русскому оружію надъ хазарами. Но что всего любопытнѣй по отношенію къ византійской фразеологіи, Климатами именно называетъ Константинъ хазарскія владѣнія, Хазарія раздѣляется у него на IX климатовъ. Ясно, что возникаетъ серьезное сомнѣніе въ правильности пониманія русскими изслѣдователями слова Климаты, когда они относятъ это выраженіе исключительно къ Крыму.

Итакъ, въ X вѣкѣ византійскія владѣнія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря не ограничивались Крымомъ, а простирались на

[1]) De adm. imp. c. II. ἐν τῷ διέρχεσθαι πρός τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα, и ниже τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασιν, т. е. неупомянутый во 2 случаѣ Саркелъ подразумѣвается въ выраженіи Климаты.

хазарскія Климаты и утверждались военнымъ положеніемъ въ Саркелѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Византія хорошо понимала свои выгоды въ этихъ странахъ и имѣла интересъ, несмотря на крайнія затрудненія, твердо отстаивать свои права.

Мы частію видѣли выше, какъ пользовалась Византія своимъ вліяніемъ въ сѣверныхъ областяхъ для обращенія хазаръ къ христіанству и для ослабленія враждебныхъ ей политическихъ тенденцій, исходящихъ изъ Болгаріи. Въ заключеніе позволимъ себѣ отмѣтить, что здѣсь могли быть ея торговыя и экономическія выгоды.

Въ главѣ 6 названнаго выше сочиненія Константина перечисляются предметы, которыми херсонцы уплачиваютъ печенѣгамъ за ихъ услуги. Это все предметы восточныхъ мануфактуръ: шелковыя ткани, пряности и т. п.—Въ глухую эпоху IX и X столѣтія можетъ быть здѣсь продолжались еще тѣ торговыя сношенія, которыя въ болѣе раннее время, равно какъ и въ позднѣйшее, со времени утвержденія здѣсь итальянскихъ факторій, дѣлали изъ Босфора и Херсона, Таны и Кафы складочныя мѣста товаровъ, направляемыхъ изъ внутренней Азіи на западъ. Прекрасное изслѣдованіе по этимъ вопросамъ Гейда [1]) для византійской эпохи изучаемаго нами періода не даетъ положительныхъ на этотъ счетъ выводовъ (см. I. p. 11). Но переходя къ характеристикѣ народовъ, населявшихъ южную Россію въ IX и X в., Гейдъ даетъ любопытныя для насъ данныя объ ихъ торговыхъ отношеніяхъ. Хазары (I. 47—48) являются организаторами правильной жизни, они предоставили право свободнаго поселенія въ своей землѣ евреямъ, христіанамъ и мусульманамъ, обезпечивъ имъ свободу вѣроисповѣданія и внутренняго самоуправленія. Вслѣдствіе того арабскіе купцы могли завязать правильныя торговыя сношенія съ прикаспійскими странами и съ столицей хазарскаго царства. Весьма интересно знать, не существовало ли кромѣ большой артеріи, образуемой Волгой, уже въ то время и той питательной вѣтви, которая имѣла большое значеніе въ средніе вѣка и которая шла отъ Волги къ Дону и отсюда къ Черному или Азовскому морю. Такъ какъ западныя владѣнія хазаръ простирались до Дона и Азовскаго моря, то они въ качествѣ посредниковъ между арабскими купцами могли доставлять восточные товары непосредственно въ Константинополь. И въ самомъ дѣлѣ, они поддерживали съ греками частыя сношенія, и можно находить слѣды

---

[1]) *Heyd*, во франц. переводѣ Histoir du commerce de Levant, I. II. Leipzig 1885—1886.

торговыхъ связей между ними. Въ X в. греческіе послы разсказывали при дворѣ кордовскаго калифа, что хазарскіе корабли отъ времени до времени привозятъ въ Константинополь рыбу, пушной товаръ и пр., изъ Византіи же вывозили разныя матеріи для платья.—Что касается участія Херсона въ этой торговлѣ съ Средней Азіей, Гейдъ высказывается на этотъ счетъ отрицательно [1]). Но любопытно, что, ссылаясь далѣе на 6 главу Константина, онъ толкуетъ ее въ томъ смыслѣ, что если бы херсонцы получали восточные товары путемъ каспійскимъ, то имъ не было бы нужды снабжать печенѣговъ этими товарами. Аргументація очень не искусная, ибо херсонцы платили этими товарами проводникамъ, сопровождавшимъ караваны [2]), а не передавали печенѣгамъ товары, привозимые другимъ путемъ.

Во всякомъ случаѣ, если торговые интересы не имѣли важной роли въ стараніяхъ византійскаго правительства держаться во что бы то ни стало въ сѣверныхъ странахъ отъ Крыма, то остается въ полной силѣ политическій интересъ и національный. Для защиты своихъ крымскихъ владѣній и съ цѣлію военнаго и нравственнаго вліянія между варварскими народами, Византія сочла за нужное укрѣпиться на Дону посредствомъ построенія крѣпости въ хазарскихъ владѣніяхъ. Византійская церковь здѣсь пріобрѣла новое поприще для христіанской миссіи, и ея усилія сопровождались важными результатами. При патріархѣ Николаѣ Мистикѣ въ хазарскихъ Климатахъ устроена была епископская каѳедра. Завоеванія Святослава въ землѣ хазаръ и ясовъ и касоговъ были первыми пріобрѣтеніями для Руси христіанскихъ земель, въ которыхъ были свои епископіи. Въ этомъ и полагаемъ основной выводъ предыдущаго изслѣдованія.

Записка готскаго или греческаго топарха, по нашему мнѣнію, не имѣетъ значенія въ той области историческихъ отношеній, въ которой полагали ея важность. Она, повидимому, теряетъ характеръ таинственной привлекательности, которая приковывала къ ней вниманіе, хотя взамѣнъ того даетъ прекрасную страничку для культурной исторіи Византіи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Въ заключеніе нѣсколько словъ къ хронологіи.

Въ первомъ отрывкѣ, изданномъ Газе, есть одно любопытное мѣсто, котораго мы не касались въ нашемъ изслѣдованіи. Это очень

[1]) *Heyd*, I. p. 48. La chose est douteuse, et le degré peu avancé de la civilisation des Petchénègues n'est pas le seul motif de notre doute.

[2]) Сравнить 1, 53, гдѣ Херсону приписывается участіе въ торговлѣ съ востокомъ.

тонкое астрономическое наблюденіе, говоримъ тонкое, потому что его могъ сдѣлать далеко не всякій. Когда авторъ отрывковъ, по переходѣ черезъ Днѣпръ, покрывшійся льдомъ, дѣлаетъ наблюденіе *о прохожденіи Сатурна въ созвѣздіи Водолея* и при томъ опредѣляетъ *начальную фазу прохожденія*, то ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ наблюденіемъ довольно опытнаго въ астрономіи человѣка: обыкновенный наблюдатель не замѣтилъ бы этой тонкости, тѣмъ болѣе, что Сатурнъ проходитъ чрезъ созвѣздіе Водолея въ значительные промежутки времени. Этимъ указаніемъ отрывковъ воспользовался В. Г. Васильевскій, сдѣлавъ изъ него слѣдующіе выводы.

«Такъ какъ Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ періодъ 29 лѣтъ и 174 дней и слѣдовательно въ одномъ и томъ же созвѣздіи видимъ бываетъ въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ то мы будемъ имѣть только два или три такіе періода (для второй половины X и начала XI в.), которые могутъ быть приняты въ разсчетъ».—Такимъ образомъ, профессоръ Васильевскій указываетъ два періода изъ конца X вѣка, въ которые Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ въ знакѣ Водолея: 964—967 и 993—996 годы. Сближая описываемые въ отрывкахъ факты съ временемъ похода Святослава въ Болгарію, онъ естественно долженъ былъ отдать предпочтеніе первому періоду, то есть отнести отмѣченное въ отрывкахъ положеніе Сатурна въ знакѣ Водолея къ 964—967 годамъ. Но читатель легко можетъ видѣть, что такимъ путемъ пріобрѣтается лишь приблизительная дата, которая на протяженіи X вѣка можетъ измѣниться четыре раза, сообразно съ тѣмъ, къ началу или къ концу этого вѣка повлекутъ изслѣдователя другія данныя и соображенія, принятыя имъ во вниманіе при изученіи отрывковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ X вѣкѣ Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ въ знакѣ Водолея въ 904, 933, 964 и 993 годахъ, и при томъ каждый разъ два года съ половиной. Которому изъ этихъ періодовъ дать предпочтеніе, это зависитъ, во 1-хъ, отъ времени дѣятельности Петроны, во 2-хъ отъ тѣхъ указаній, которыя нами найдены въ письмахъ Н. Мистика. Что касается перваго, то неподлежащія сомнѣнію извѣстія Іоанна Каменіаты даютъ для протоспаѳарія Петроны весьма опредѣленную дату (904 г.), что касается втораго, то византійскіе и болгарскіе интересы могли столкнуться на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой четверти X вѣка. Такимъ образомъ, естественно, для описываемыхъ въ отрывкахъ событій мы удерживаемъ дату перваго періода прохожденія Сатурна въ созвѣздіи Водолея въ X в. Здѣсь умѣстно сдѣлать одно

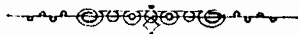
детальное замѣчаніе. Въ 42 гл. Константина указано, что строптелемъ Саркела былъ спаѳарокандидатъ Петрона, возведенный въ высшій чинъ протоспаѳарія послѣ исполненія возложеннаго на него порученія.

Въ исторіи І. Каменіаты прибывшій лѣтомъ 904 года въ Солунь инженеръ Петрона названъ въ чинѣ протоспаѳарія. Такимъ образомъ, еслибы оказалось, что въ глубокую осень или въ началѣ зимы 903 года Сатурнъ уже *началъ* свой путь черезъ созвѣздіе Водолея, то мы получили бы въ этомъ довольно точныя основанія для пріуроченія занимающихъ насъ событій къ концу 903 или началу 904 года.

Съ цѣлью обосновать свои положенія съ точки зрѣнія астрономіи, мы обратились къ спеціальнымъ свѣдѣніямъ въ этой области почтеннаго товарища нашего по университету профессора А. К. Кононовича, который съ любезною готовностью вычислилъ первый періодъ прохожденія Сатурна въ созвѣздіи Водолея въ началѣ X вѣка. По этимъ вычисленіямъ оказывается, что *въ концѣ 903 года Сатурнъ уже могъ быть наблюдаемъ въ созвѣздіи Водолея,* въ которомъ онъ оставался въ 904 и 905 годахъ.

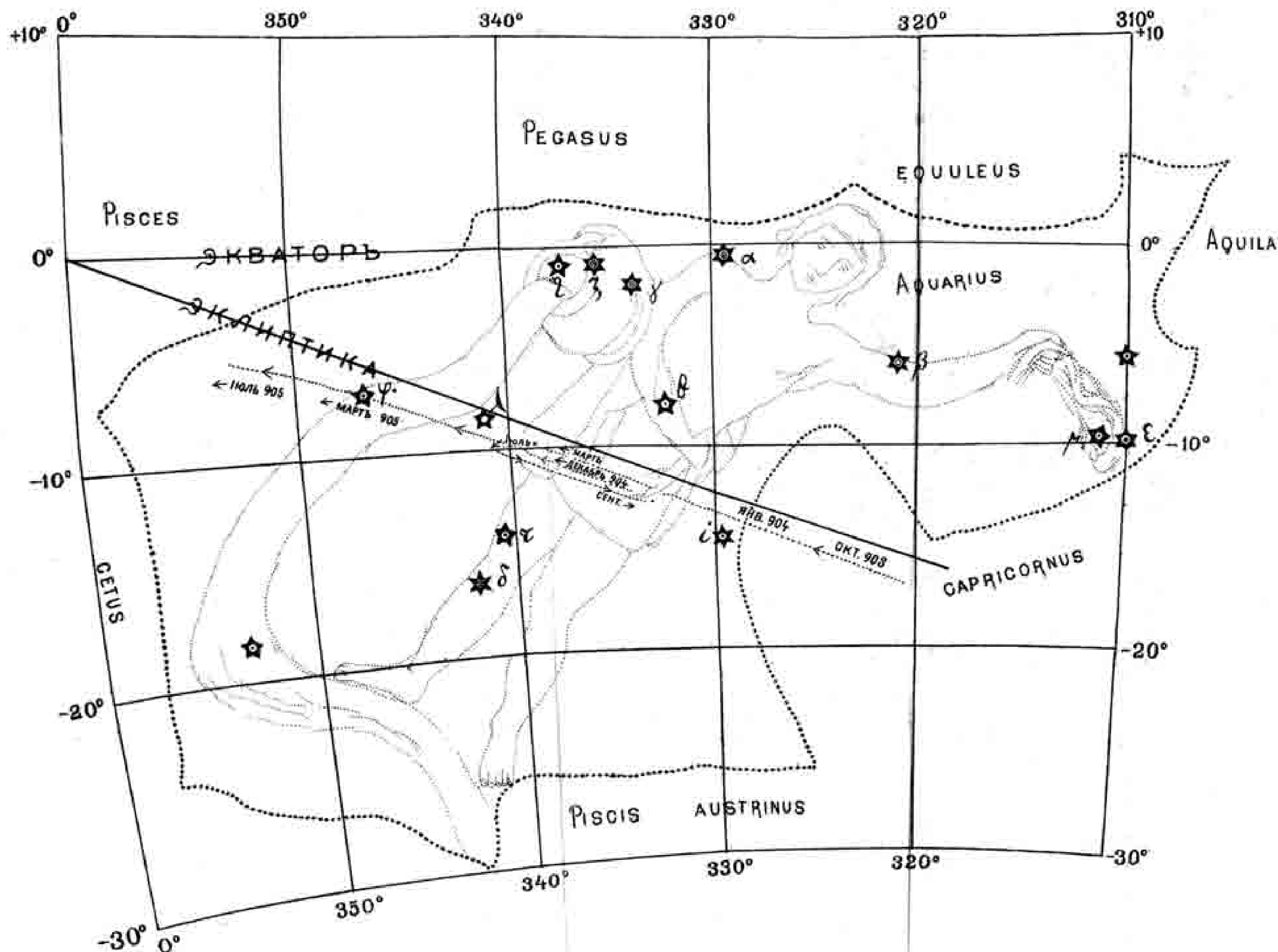
Для наглядности присоединяемъ рисунокъ, изображающій путь Сатурна въ означенномъ созвѣздіи.

Ѳ. Успенскій.



Положеніе Сатурна между звѣздами (въ созвѣздіи Водолея) въ 903—905 годахъ.

Снимокъ съ атласа Heiss'a—Atlas coelestis novus. Tabula XII.



звѣзда 3-й величины

звѣзда 4-й величины

граница созвѣздія Водолея

путь и направленіе движенія Сатурна между звѣздами

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

Третій классъ.

> Въ жизни почти каждаго изъ насъ въ молодости приходитъ пора, когда умъ нашъ внезапно пробуждается, когда потокъ нашей внутренней жизни измѣняетъ свое русло и мы вступаемъ въ новый фазисъ жизни. *Линъ-Линтонъ.*

Человѣку свойственно искать причины своихъ житейскихъ неудачъ внѣ себя, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ самъ онъ кругомъ виноватъ. Мы всегда готовы, подтасовавъ факты, подыскать тысячу смягчающихъ вину обстоятельствъ, чтобы оправдать свой проступокъ, свою лѣнь, заглушая въ себѣ немолчный голосъ собственной совѣсти. Желаніе увернуться отъ этого неумытнаго судіи до того сильно, что если мы вокругъ себя не находимъ такъ называемыхъ вещественныхъ доказательствъ, которыя помогли бы намъ софистически опровергнуть безпощадную логику фактовъ, мы переносимся въ область отвлеченностей, дѣлаемся фаталистами: „такое мое счастье! такая моя судьба! такъ мнѣ на роду написано!" твердимъ мы обыкновенно въ свое оправданіе.

Но „судьба, счастье, обстоятельства, говоритъ испанскій сатирикъ Ларра, слова, лишенныя смысла, которыми мы пользуемся, чтобы свалить на не существующія причины отвѣтственность за свои неудачи". Я далекъ отъ той мысли, чтобы вовсе не допускать въ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", 1889 г.. № 4, апрѣль.

жизни человѣка различныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ иногда зависитъ такой или иной исходъ нашихъ желаній и предположеній, такое или иное положеніе въ обществѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ уступаетъ силѣ этихъ обстоятельствъ не иначе, какъ послѣ долгой борьбы. Я всегда готовъ преклониться предъ неодолимымъ „закономъ необходимости", котораго никто не въ силахъ избѣгнуть и предъ которымъ, по сказанію греческихъ поэтовъ, преклонялись и всемогущіе боги. Тутъ не поможетъ ни сильная воля, ни желѣзное терпѣніе—и самая сильная человѣческая воля имѣетъ свои границы. Но дѣло въ томъ, что, благодаря нашему неразумному воспитанію, мы не вырабатываемъ въ себѣ характера, не пріобрѣтаемъ той упругости, той устойчивости и выносливости, при столкновеніи съ житейскими неудачами, которыми отличаются другія націи и безъ которыхъ человѣкъ становится ничтожнѣйшимъ существомъ, жалкимъ трусомъ, готовымъ бѣжать съ поля битвы, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Въ правѣ ли такой человѣкъ жаловаться на судьбу свою?

Между тѣмъ всѣ наши, такъ называемые, неудачники, какъ не получившіе перевода школьники, вѣчно проклинаютъ свою судьбу или сваливаютъ вину своихъ неудачъ на разныя препятствія, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ этими препятствіями. Собственную глупость и нерадѣніе они превращаютъ въ обстоятельства, яко бы приведшія ихъ къ тому, что они есть.

Правда, въ нашей русской жизни такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ встрѣчается болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь: несостоятельность нашего научнаго образованія и происходящая отъ того наша умственная немощь и шаткость убѣжденій, непрочность подгнившихъ уже основъ общественной жизни, лишающая многихъ полезныхъ дѣятелей твердой почвы, дикость семейныхъ нравовъ, безнравственность и сословные предразсудки однихъ, темнота и закоренѣлое суевѣріе другихъ: вотъ та среда, въ которой растетъ и формируется будущій гражданинъ земли русской! Но все таки препятствій этихъ не слѣдуетъ считать непреодолимыми. По крайней мѣрѣ, долгъ каждаго честнаго человѣка стремиться къ тому, чтобы ихъ у насъ было меньше, иначе немыслимъ никакой прогрессъ общества.

Переносясь мыслію въ свое прошлое и перебирая въ памяти тѣ безчисленныя затрудненія, какія встрѣтились мнѣ при самомъ началѣ училищной карьеры, я, не безъ чувства нѣкоторой гордости, могу сказать, что у меня на жизненномъ пути такихъ препятствій было больше, чѣмъ у многихъ изъ моихъ сверстниковъ. Я сталъ бороться съ ними съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія— съ поступленія въ училище. Отъ первѣйшаго до послѣдняго класса, при всей неудовлетворительности тогдашняго преподаванія, опиравшагося на одно чисто механическое заучиванье, я не зналъ никакого репетитора, и всѣмъ, что зналъ и что успѣлъ уже перезабыть, обязанъ самому себѣ. Но объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи, а пока и хвалиться то нечѣмъ: въ семь лѣтъ едва долѣзъ до третьяго класса, а все таки долѣзъ и не бросилъ ученія, подобно другимъ, хотя корень этого ученія былъ горекъ до отвращенія.

Еще до каникулъ, по полученіи отъ меня билета, отецъ началъ хлопотать о моемъ увольненіи отъ общества мѣщанъ. Препятствій къ тому не должно бы, казалось, встрѣтиться: во первыхъ, я былъ единственный у родителей сынъ и, слѣдовательно, рекрутской повинности на нашей семьѣ не лежало; во вторыхъ, отецъ мой, а еще болѣе дѣдъ, сослужили немалую службу самому обществу, проходя разныя общественныя должности. Дѣдъ мой, Алексѣй Ивановичъ, втеченіе своей столѣтней жизни, по нѣсколько трехлѣтій сряду, безвозмездно служилъ по выборамъ и ратманомъ, и бургомистромъ, и засѣдателемъ совѣстнаго суда, и засѣдателемъ приказа общественнаго призрѣнія (пять трехлѣтій) и не разъ исполнялъ обязанности городскаго головы, никогда не отказываясь отъ служенія на пользу общества, въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ. Цѣня такія заслуги высокочтимаго старца, нѣкоторые изъ порядочныхъ обывателей еще прежде сами предлагали отцу свои услуги по дѣлу моего увольненія, чтобы чѣмъ нибудь вознаградить его за понесенные имъ труды; но, такъ называемые, цеховые—шевцы, кравцы и шаповалы подняли гвалтъ.

— На що намъ тые паны? ихъ и такъ до чорта! Повыпускаемъ усихъ, а сами будемъ подушное платить. Не треба намъ сёго—мы не согласны.

Такъ орали на сходкѣ „братчики", размахивая своими мозолистыми руками. Никакіе резоны противной стороны, болѣе интеллигентныхъ мѣщанъ торговаго сословія, на нихъ не дѣйствовали— не согласны да и шабашъ! Но когда отецъ предложилъ имъ магарычъ, они стали податливѣе. Увольнительное свидѣтельство подписано и угощеніемъ цеховые остались довольны.

Осенью 1834 года я испыталъ первую въ жизни, но весьма чувствительную потерю: мой пестунъ, ангелъ-хранитель моего дѣтства, дидусь, скончался на сотомъ году своей жизни. Сохранивъ до послѣднихъ дней присутствіе всѣхъ умственныхъ способностей, онъ умеръ, какъ жилъ—тихою смертью праведника: побесѣдовавъ съ дѣтьми и перекрестивъ, по своему обыкновенію, на сонъ грядущихъ внучатъ—меня и двухъ сестеръ моихъ, онъ заснулъ на вѣки. Миръ праху твоему, добрый дидусь!

Кончина дѣда повлекла за собой неисчислимыя бѣдствія, обрушившіяся на наше семейство. Хотя онъ давно уже не принималъ никакого участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ нашихъ, но въ домѣ все еще чувствовалось присутствіе великой нравственной силы, сдерживавшей порочные инстинкты молодаго хозяина, загубившаго свою жизнь, оставивъ такъ хорошо начатое ученіе и попавъ въ грубую среду, какъ гнилое болото засосавшее человѣка, которому директоръ Халанскій и наставники Левицкій и Капля пророчили блестящую карьеру. Сидя на своей лежанкѣ, этотъ слѣпой и немощный старецъ не переставалъ быть главою дома, живымъ укоромъ всякаго безобразія. Зналъ онъ, что съ каждымъ годомъ достатки наши все уменьшаются: то нивку возьмутъ за долги, то сѣнокосъ отнимутъ. Торговля же не только не давала средствъ къ существованію, но истощала послѣднее достояніе. Товаръ покупался въ долгъ, а выручка со всѣми барышами шла не на уплату кредиторамъ, а совсѣмъ въ другое мѣсто. Все, что было въ домѣ по цѣннѣе, находилось въ залогѣ. Многое, конечно, тщательно скрывалось отъ него, но онъ все зналъ и предвидѣлъ печальную будущность семьи.

По смерти дѣда, предъ нами раскрылась бездна ужасающей нищеты. Тяжело, невыносимо тяжело переживать даже въ воспоминаніяхъ эти годы.

Ne ssun maggior dolore
Che recordarsi del tempo felice
Nella miseria.

сказалъ устами Франчески великій страдалецъ Данте, но не легко воспроизводить въ душѣ и прошлое горе въ счастливую пору жизни. Съ переходомъ въ 3-й классъ я очутился въ страшной крайности: ни одежи, ни книгъ, ни спокойнаго угла въ домѣ. Поставленный въ такія условія, я кромѣ того чувствовалъ совершенную несостоятельность въ усвоеніи положенныхъ по программѣ предметовъ, благодаря безтолковому распредѣленію учениковъ по классамъ и потому бился, бился какъ рыба объ ледъ, да и бросилъ учиться вовсе. А тутъ, какъ нарочно, подвернулись два двоюродные братца, уже успѣвшіе уволиться изъ гимназіи, и стали меня подговаривать послѣдовать ихъ примѣру. Въ то же время одинъ богатый купецъ, съ видомъ покровительства, предложилъ мнѣ мѣсто прикащика въ своей лавкѣ. Ученію моему грозила серьезная опасность. Я пересталъ было ходить въ гимназію, шлялся по цѣлымъ ндямъ то въ полковницкомъ гаю, то въ подмонастырской слободкѣ, въ сообществѣ тѣхъ же шалопаевъ-искусителей, которые кормили меня пряниками и леденцами, купленными на украденныя у родителей деньги.

Взялся было за мое исправленіе инспекторъ, товарищъ моего отца по гимназіи, но не сумѣлъ толково повесть дѣло, обращался со мной грубо и презрительно, все больше напирая на мое происхожденіе и забывая о своемъ собственномъ. Самолюбіе мое было уязвлено и я сталъ поступать наперекоръ своему непрошенному благодѣтелю. Во второй половинѣ учебнаго года меня перевели назадъ—во второй классъ. Просидѣвъ тамъ около мѣсяца, я еще больше отсталъ отъ уроковъ и окончательно опустился.

Матвѣй Албертовичъ почти полгода возился съ двумя „курьерами“, изъ которыхъ одинъ выѣхалъ изъ Одессы, а другой изъ Петербурга. Гдѣ жъ мнѣ было догнать ихъ, когда я не зналъ ни бельмеса изъ пройденнаго на курьерскихъ во второмъ классѣ?

— Имѣй сѣбѣ выраженѣ на упражнѣнѣ: $a + b$ — c, а другое сѣбѣ такое!—задавалъ учитель задачи для домашнихъ работъ. А мнѣ рѣшительно негдѣ было заняться ихъ рѣшеніемъ.

И вотъ, окончился годъ. Мнѣ дали отвратительный билетъ, который я, идучи домой, изорвалъ зубами на самые мелкіе куски, даже съѣлъ клочекъ бумаги. Мнѣ стукнуло 15 лѣтъ. Улучивъ добрую минуту, я сталъ просить отца объ увольненіи меня изъ гимназіи; но ременный шитикъ (пасъ), свернутый вдвое, отбилъ у меня охоту мечтать о глупой свободѣ. Я совершенно растерялся, упалъ духомъ и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не одинъ счастливый случай, который сообщилъ мнѣ толчокъ и направилъ на путь истинный.

Однажды, шатаясь по городу, противъ церкви Воскресенія я встрѣтился съ дальнимъ родственникомъ Романомъ Титовичемъ Сазоновымъ. Это былъ замѣчательно умный человѣкъ, хотя по наружности и казался простоватымъ. У него былъ младшій братъ Трофимъ, самоучка-архитекторъ, бравшій большіе подряды на постройку церквей, заводовъ и другихъ капитальныхъ зданій. Братья жили вмѣстѣ съ матерью въ большомъ каменномъ домѣ, вели тысячныя дѣла съ большими экономіями нѣсколькихъ уѣздовъ, ѣли и пили хорошо, хотя ихъ и считали въ городѣ скупцами. При всеобщей распущенности нравовъ, они не могли не казаться такими нашему купечеству, которое умѣло лишь проживать нажитое отцами добро; между тѣмъ какъ эти два брата, получивъ отъ отца ограниченное состояніе, собственными трудами нажили себѣ значительные капиталы и потому дорожили пріобрѣтеннымъ, живя особнякомъ отъ городскихъ самодуровъ и поддерживая знакомство только съ управляющими богатыхъ имѣній, съ которыми у нихъ были дѣла по подрядамъ и поставкамъ на фабрики и заводы.

Съ однимъ то изъ этихъ дѣльныхъ людей я встрѣтился. Хорошо знакомый съ нашими семейными обстоятельствами и узнавъ отъ матери о томъ, что я не желаю продолжать ученія, Романъ Титовичъ взялся поучить меня уму разуму, и такъ ласково, такъ убѣдительно сталъ говорить со мной, что моя природная застѣнчивость и „вовковатость“ на сей разъ совершенно стушевались. Съ полною откровенностію разсказалъ я ему все, что тяжелымъ камнемъ лежало у меня на душѣ. Выслушавъ мою сердечную исповѣдь, Романъ Титовичъ началъ уговаривать меня и ободрять; живо нарисовалъ онъ мнѣ мою печальную будущность, если я не опомнюсь и

не сдѣлаюсь инымъ человѣкомъ; увѣрилъ меня въ томъ, что все можно еще поправить, а главное, навелъ меня на ту безподобную мысль, что человѣкъ въ самомъ себѣ долженъ искать помощи, надѣяться только на свои силы, на свой трудъ; что единственный путь къ благополучію—ученіе, что наконецъ на мнѣ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежитъ святая обязанность помочь матери и сестрамъ, что погубивъ себя, я сдѣлаюсь причиной гибели всей семьи. Однимъ словомъ, достойнѣйшій Романъ Титовичъ говорилъ со мною такъ, какъ только умѣетъ говорить добрый и умный человѣкъ, убѣжденный собственнымъ опытомъ, что̀ значитъ добрая воля, трудъ, терпѣніе, характеръ, предъ которыми преклоняются самыя непреодолимыя, повидимому, препятствія. Напоивъ чаемъ, онъ отпустилъ меня уже въ сумерки.

Послѣ такой бесѣды, меня озарило свѣтомъ. Я впервые созналъ себя, впервые замѣтилъ передъ собой ту страшную бездну, куда влекла меня какая то темная сила; я стоялъ на краю этой пропасти, готовый упасть въ нее, увлекая за собой и страстно мною любимыхъ мать и сестеръ—и я отшатнулся отъ нея мгновенно. Не смотря на позднее время, я не пошелъ домой, а взобрался на Замокъ и тамъ, на просторѣ, далъ волю слезамъ, горько сожалѣя объ утраченныхъ годахъ. „Да, размышлялъ я, сходя съ горы, нечего плакать и причитать подобно старой бабѣ: что прошло, того не воротишь, не вернусь же и я къ своему прошлому“!

Мнѣ очень дурно спалось въ эту ночь. Тревожная работа пробужденной мысли отгоняла отъ очей безпечный сонъ моего недумающаго дѣтства. Въ эту памятную ночь я сталъ цѣлыми пятью годами старше своего возраста Стало свѣтать. Прежде всѣхъ проснулся въ домѣ мой любимецъ шпакъ, привѣтствуя меня громкимъ крикомъ „дурракъ!“ Самъ я послѣ долгихъ усилій и научилъ его произносить это слово, которое на сей разъ я почему то принялъ на свой счетъ. Потомъ какъ то ядовито-насмѣшливо засвистѣлъ другой мой пенатъ—снегирь и его пѣсня тоже мнѣ не понравилась. Лежа въ постели, я сталъ разглядывать все, что было въ комнатѣ, и во всемъ, что ни попадалось на глаза, находилъ какой то особенный смыслъ. Въ висѣвшихъ по стѣнамъ картинахъ, далеко не художественнаго стиля, къ которымъ такъ пригладѣлись глаза,

что на нихъ никто не обращалъ вниманія, я сталъ замѣчать нѣчто знаменательное.

Одна изъ литографій представляла женщину съ малюткой на колѣняхъ; она поитъ дитя изъ блюдечка молокомъ, а внизу подпись: „жизнь человѣческая“. Какая нелѣпость! Неужели, думалъ я, въ этомъ процессѣ питанія состоитъ въ самомъ дѣлѣ жизнь человѣческая? Ужели матери и отцы обязаны всю жизнь поить и кормить своихъ дѣтей? Ужели человѣкъ имѣетъ право во всю жизнь разсчитывать на чужую помощь? Ложь! Это унижаетъ человѣческое достоинство.

Другая картина, или, вѣрнѣе, цѣлая исторія въ картинахъ, съ французскими подписями внизу, изображала евангельскую притчу о блудномъ сынѣ. Страшно поразилъ меня этотъ погибшій юноша, пасущій свиное стадо и питающійся „отъ рожецъ“. Тутъ припомнились мнѣ отцовскія нравоученія, оканчивавшіяся всегда зловѣщимъ предсказаніемъ: „будешь свиней пасти, коли не станешь учиться“! Нѣтъ же, подумалъ я, не сбудется это ужасное пророчество!

Вотъ и еще картина: Ной, благословляющій дѣтей. Почернѣвшій, какъ надо полагать, отъ родительскаго проклятія Хамъ стоитъ поодаль, убитый, отверженный, а два почтительные и благонравные сына, стоя на колѣняхъ, благоговѣйно принимаютъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое. Отъ губъ Ноя до ушей дѣтей его какъ бы излетаютъ красныя словеса: „Блгснъ Гдь Бгъ Симовъ и Іафетовъ и да будетъ Ханаанъ отрокъ рабъ имъ“!

Вотъ и бѣдная палатинская принцесса Женевьева въ лѣсу, вся нагая, цѣломудренно прикрытая только длинными волосами и заставляющая сострадательную лань кормить ея ребенка. Все это наводило на размышленіе и поселяло въ душѣ увѣренность въ своихъ силахъ, рѣшимость на борьбу съ лишеніями и горемъ.

Вотъ и еще картина: молодой юноша, почти дитя, держитъ за хохолъ огромной величины голову, съ висящими до земли усами — это художественное произведеніе,—написанное, какъ и Ной, масляными красками малярромъ Конюховымъ,—отличалось не менѣе художественной надписью:

Гордился Голіаѳъ своею величиною;
Но палъ мертвъ, безчувственъ подъ малою рукою.

Того, котораго народъ страшился вида,
Трепещетъ днесь глава въ рукахъ Давида!

Это, само по себѣ безграмотное, четверостишіе въ просвѣтленномъ умѣ моемъ возъимѣло глубокій смыслъ; значитъ, размышлялъ я: не физическая сила даетъ человѣку превосходство передъ другими, а великая сила нравственная—сила духа, сила разума, обогащеннаго наукой, знаніемъ, талантомъ; что всѣ наши Голіафы—Сидоровичи, Шедьки, Александровы, Борщовы, похваляющіеся крѣпостію своихъ мышцъ, способны лишь разбивать носы, ворочать камни и работать десятифунтовымъ молотомъ, да и тутъ одною физическою силой ничего не подѣлаешь.

Каникулы близились къ концу. Нечего долго думать, пора приниматься за дѣло. Пересмотрѣвъ всѣ свои книги и тетради, я нашелъ, что у меня многаго недостаетъ. Просить у матери денегъ на покупку учебниковъ у меня не хватило смѣлости. Я отправился искать по городу такихъ учениковъ, у которыхъ были всѣ нужныя книги и записки, выпросилъ на время все, что мнѣ было нужно, и засѣлъ переписывать, чтобы было изъ чего учить уроки, какъ только начнется ученіе. Сидѣлъ я за этой работой двѣ недѣли, не разгибая спины; раньше всѣхъ вставалъ, позже всѣхъ ложился въ постель. Заходили за мной милые братцы, отправляясь куда то за городъ бить баклуши, но я отказался на отрѣзъ и просилъ оставить меня въ покоѣ и идти своей дорогой, а я пойду своей. Смотрятъ на меня домашніе—и глазамъ не вѣрятъ: что за превращеніе такое случилось съ хлопцемъ?

Началось ученіе. Въ классѣ я нашелъ нѣсколько незнакомыхъ личностей, частію переведенныхъ изъ втораго класса, частію поступившихъ изъ домашняго воспитанія и изъ уѣздныхъ училищъ другихъ ближайшихъ городовъ. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе мое привлекли: Яша Гребенниковъ, Миша Горлиловъ, уроженцы г. Мглина, Зибаровъ, Дворецкій, а также миловидный мальчикъ лѣтъ 12—Костя Ушинскій. Съ ними то я и старался сблизиться. Осталось отъ прошлаго года довольно и большихъ болвановъ, лѣтъ подъ 20, но я отъ нихъ сторонился подальше.

Направленіе и духъ школы, сравнительно съ прежними годами, значительно измѣнились, но увы! едва ли къ лучшему. Клас-

сная дисциплина, благодаря вліянію нѣсколькихъ молодыхъ преподавателей, дѣйствительно улучшилась, за то внѣ стѣнъ заведенія, по нѣкоторымъ квартирамъ, совершались великія безобразія. Особенно дурною репутаціей пользовались квартиры воскресенскаго діакона Фотіева, Хлопотыхи и Парфиля Мулюхи: это были шумные притоны разврата и пьянства; тамъ жили самые отчаянныя повѣсы. Образовалась цѣлая шайка бандитовъ, разбойничавшихъ по ночамъ въ отдаленныхъ захолустьяхъ города. Одно изъ похожденій въ подмонастырскую слободку окончилось даже убійствомъ: гимназисты, подъ предводительствомъ Данила Борщова, вступили въ рукопашную съ другой шайкой, предводимой уличными буянами, братьями Вязовиками, незаконными дѣтьми мѣстнаго гомеопата. Свалка кончилась тѣмъ, что ученикъ Канчинскій черезъ два дня отдалъ Богу душу. Инспекторъ нашъ, надобно отдать ему справедливость, былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Онъ безпрерывно шнырялъ по квартирамъ и энергически преслѣдовалъ всякіе дебоши. О какомъ бы то ни было нравственномъ вліяніи не могло быть и рѣчи: ученики преклонялись только предъ физической силой и просто боялись попасться подъ тяжелую десницу Герасима Ивановича, который расправлялся всегда собственноручно на мѣстѣ преступленія. Ходилъ онъ ночью по городу одинъ, подслушивалъ подъ окнами, являлся совершенно неожиданно, въ самый разгаръ пирушки, да тутъ и чинилъ судъ и расправу своею суковатою палкой. Такъ, однажды зимой, во время сильной мятели, въ отдаленной части города собралась большая компанія праздновать именины товарища. Никто, конечно, не ожидалъ въ такую непогодь незваннаго гостя. Между тѣмъ инспекторъ, какъ снѣгъ на голову. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ въ ставню постучался одинъ изъ запоздавшихъ гостей, герой ночныхъ оргій Петръ Борщовъ.

— Хозяинъ дома? вопрошаетъ онъ басомъ. Инспекторъ велитъ хозяину отвѣчать: дома; а самъ прячется за двери и ждетъ дорогаго гостя. — А водка есть? продолжаетъ Борщовъ. — Есть! отвѣчаетъ хозяинъ.—Ну, ладно!

Едва Борщовъ успѣлъ переступить порогъ, какъ Герасимъ Ивановичъ хвать его за чуба—и пошла ходить по спинѣ суковатая палка.

Герасимъ Ивановичъ былъ человѣкъ не только всевѣдущій, но и всевидящій. Недаромъ у дѣтей первыхъ двухъ классовъ вкоренилось убѣжденіе, что онъ видитъ позади себя такъ же хорошо, какъ и передъ собой, что у него, поэтому, непремѣнно гдѣ то въ затылкѣ скрыто засѣлъ глазъ, такъ какъ мальчуганъ, идучи позади его, попробовалъ сдѣлать ему гримасу и что жъ? пойманъ на мѣстѣ преступленія и пребольно высѣченъ.

Въ то самое время, какъ нашъ неутомимый инспекторъ такъ дѣятельно подвизался на пользу молодаго поколѣнія, г. директоръ, сидя у себя въ Турановкѣ, восторгался красотами классическихъ произведеній. Герасимъ Ивановичъ, будучи ему многимъ обязанъ, принявъ въ свое полное распоряженіе гимназію, дорожа довѣріемъ своего благодѣтеля, многое старался скрыть отъ него, чтобы докучливыми докладами не возмущать олимпійскаго спокойствія любимца музъ. Пріѣдетъ въ гимназію, соберетъ въ залу учениковъ, скажетъ имъ длинную орацію, да опять надолго исчезнетъ. Онъ сердился, даже заставая въ классѣ стоящаго на колѣнахъ ученика, его возмущало и такое ничтожное наказаніе, какъ же послѣ этого докладывать ему хоть бы, напр., о расправѣ съ Борщовымъ на именинахъ?

Разъ, впрочемъ, инспекторъ, выбившись изъ силъ отъ нескончаемой возни съ негодяями, представилъ ученика Трипольскаго къ исключенію, какъ совершенно неисправимаго и вреднаго для заведенія субъекта. Директоръ пріѣхалъ въ гимназію и тотчасъ велѣлъ собрать въ залу всѣ классы; сказалъ трогательную рѣчь объ испорченности молодаго поколѣнія, привелъ цитаты изъ Саллюстія и Тацита; наконецъ вызвалъ на средину Трипольскаго и голосомъ, полнымъ негодованія, сопровождая слова выразительными жестами, сказалъ:

— Иди отъ насъ! не оскверняй своимъ дыханіемъ святилище науки и доброй нравственности!

У порога стоялъ Парамонъ съ грязною метлой, которою и выметенъ за гимназическія ворота негодный соръ.

По поводу этого событія, мнѣ передали старшіе воспитанники гимназіи, что въ 1828 году между учениками уѣзднаго училища былъ открытъ „заговоръ“, состоявшій въ томъ, что кто то изъ

аборигеновъ привезъ изъ дому брошюру „Донесеніе слѣдственной коммиссіи“, наряженной въ 1825 году надъ декабристами. Директоръ этой простой случайности придалъ чрезвычайно важное значеніе. Въ подражаніе Цицерону, изобличившему Катилину, онъ началъ свою рѣчь ex abrupto, обратившись прямо къ личности „преступника“. Осужденный стоялъ у порога залы, рядомъ съ хромоногимъ Парамономъ, вооруженнымъ на сей разъ не метлой, а дубиной, съ которой и проводилъ онъ „заговорщика“ до самыхъ воротъ: тамъ стояла готовая почтовая тройка, умчавшая юнаго Катилину къ родителямъ въ деревню гоняться съ борзыми за лисицами.

Нашъ третій классъ помѣщался въ прежней гимназической залѣ. Во всю длину ея подъ окнами стояли скамьи по двѣ въ рядъ. Учитель сидѣлъ въ одномъ концѣ залы, подъ портретомъ кн. Репнина, а нѣкоторымъ ученикамъ приходилось сидѣть въ другомъ; очевидно, они ничего не могли слышать изъ учительскихъ объясненій. Да они нисколько и не интересовались ими. Тутъ обыкновенно помѣщались самые отпѣтые лѣнтяи, на которыхъ никто не обращалъ вниманія, лишь бы они не мѣшали заниматься другимъ, сидѣвшимъ ближе къ учителю. Стало быть, обѣ стороны, и учитель и ученики, были совершенно довольны другъ другомъ; ученики не мѣшали учителю задавать и спрашивать, а учитель не мѣшалъ имъ заниматься своими дѣлами, совершенно посторонними: одинъ вырѣзывалъ изъ березоваго нароста трубку или собачку, другой, не обладая кустарнымъ производствомъ, просто долбилъ ножикомъ скамью; третій, положивъ свою думную головушку на скамью, спалъ—это будущій помѣщикъ; нѣкоторые играли въ карты или въ скубки—будущіе господа офицеры.

Для того, чтобы попасть въ сборную учительскую комнату, гдѣ помѣщалась и библіотека, нужно было пройти черезъ нашъ классъ и каждый разъ, въ знакъ особаго уваженія къ гг. учителямъ, мы обязаны были привставать съ мѣста, что чрезвычайно мѣшало занятіямъ. При входѣ и выходѣ нѣкоторыхъ наставниковъ, напр., Шаты, или француза Тереха, весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, вскакивалъ—и начиналось продолжительное шарканье и топанье ногами, что приводило всегда въ смущеніе этихъ достойныхъ педагоговъ. Такое, отчасти лошадиное выраженіе восторга, нашъ „миніа-

тюрный художникъ" долго принималъ за чистую монету, сіяя довольствомъ, пока кто то не надоумилъ его, что мы просто издѣваемся надъ его рыжей особой. Обозвавши всѣхъ насъ „безсовѣстными", онъ нажаловался инспектору, который и прекратилъ наши неумѣстныя выходки.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ какъ относительно неудобствъ класснаго помѣщенія, такъ и со стороны моей домашней обстановки, я, однако жъ, успѣлъ сдѣлать довольно. Какъ вновь пройденное, такъ и непройденное вовсе во второмъ классѣ къ концу года я зналъ основательно, а главное безъ всякой посторонней помощи. При переходѣ въ слѣдующій классъ, я получилъ № 1-й—Ура! Labor omnia vincit [1]).

И какъ пріятно было отдохнуть послѣ годичныхъ трудовъ! Какъ радостно привѣтствовали меня давно невиданныя мѣста, живописно разбросанныя въ окрестностяхъ города! Казалось мнѣ, что сама природа радовалась моему возрожденію. Въ домѣ я получилъ право гражданства; никто меня не спрашивалъ, куда иду и зачѣмъ? Я по цѣлымъ днямъ исчезалъ на лугу, посвятивъ свои досуги двойному удовольствію: уженью и охотѣ. Это для меня было высшею наградой „за благонравіе и прилежаніе".

„Спокойствіе, говоритъ Берне, есть счастіе, когда оно—отдохновеніе". Но въ юныхъ лѣтахъ спокойствіе нельзя назвать счастіемъ, если оно, это счастіе, состоитъ въ неподвижности, въ физической инерціи. Что бы было за счастіе просидѣть цѣлый мѣсяцъ безъ движенія? Я далъ отдыхъ умственнымъ силамъ, находившимся круглый годъ въ напряженіи, не давая въ то же время отдыха своему тѣлу: въ движеніи, а не въ покоѣ я находилъ отдохновеніе.

„Человѣческое счастіе, говоритъ Матью, не состоитъ въ воображаемомъ спокойствіи, котораго люди стараются достигнуть и для достиженія котораго они только и работаютъ, сами того не понимая, что такого рода спокойствіе несноснѣе, скучнѣе, невыносимѣе трудовъ дѣятельной жизни".

Никогда я не чувствовалъ себя столько способнымъ къ труду, какъ послѣ дѣятельнаго движенія или послѣ мускульной работы.

---

[1]) Къ № 1-му принадлежали отличные ученики по поведенію и по успѣхамъ.

Занятія умственныя необходимо слѣдуетъ перемѣшивать съ занятіями чисто механическими, особенно такими, которыя требуютъ движенія, напряженности физической.

Наши педагоги весьма мало обращаютъ на это вниманія. А между тѣмъ, при такихъ только условіяхъ, умственная работа не покажется утомительной, не будетъ имѣть разрушительнаго дѣйствія на здоровье; а съ другой стороны, дѣятельность мозга не только не ослабѣваетъ отъ утомленія физическаго, но, напротивъ, пріобрѣтаетъ болѣе энергіи, крѣпости, становится быстрѣе и производительнѣе. Но...

Впередъ! впередъ моя исторія!

Четвертый классъ.

Дружба моя съ учениками, перешедшими со мной изъ третьяго класса, стала тѣснѣе. Я начиналъ входить во вкусъ чисто научныхъ занятій, стараясь, по возможности, чтеніемъ книгъ пополнить неудовлетворительность класснаго преподаванія. О заведеніи особенной ученической библіотеки въ оное время начальству и въ голову не приходило. Единственная книга, изъ которой мы знакомились съ образцами русской словесности „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка" нашего директора Тимковскаго, представляла отрывки изъ поэмъ Хераскова, оды Ломоносова и Державина, басни Хемницера и Дмитріева. Мы заучивали, по приказанію директора, цѣлыя тирады изъ „Кадма и Гармоніи", длиннѣйшія оды Державина и произносили ихъ по всѣмъ правиламъ ораторской декламаціи: это былъ распѣвъ, завѣщанный французской декламаціей. Предъ торжественнымъ актомъ насъ учили декламировать, выбирая для того самые вычурные отрывки изъ поэмъ и одъ. Даже въ басняхъ не допускался разговорный тонъ рѣчи и сюда привносили напыщенность и кривлянье.

Дрессировку учениковъ для акта директоръ обыкновенно поручалъ сихъ дѣлъ мастеру учителю словесности Смоленскому. Живо помню я, съ какими вычурами сей риторъ декламировалъ намъ, тогда еще новѣтовцамъ, басню Дмитріева, „Чижъ и Горлица".

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ?
Но вотъ ужъ и взошло и проч.

Пѣніе чижа передано было необыкновенно нѣжнымъ, ласкающимъ слухъ голосомъ, даже въ выраженіи лица лектора замѣчалось какъ будто что то птичье. Но не успѣлъ чижикъ окончить своего панегирика лѣтнему утру—смотримъ, нашъ риторъ нахмурился и замолкъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что собирается гроза, предъ которой все умолкаетъ въ природѣ... затѣмъ, желая оттѣнить чириканье птички отъ человѣческаго голоса, густымъ басомъ затянулъ:

Но солнце вдругъ сокрылось...
И небо тучами повсюду обложилось...

Мрачнѣе тучи сталъ нашъ декламаторъ и выразилъ своею физіономіею, какъ скрывается за тучами солнце...

Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ,
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.

Ревъ быка и ржаніе коня передано „звукоподражательно" и неподражаемо, при чемъ мимическимъ жестомъ изображено и подыманіе конемъ хвоста...

Намъ, конечно, оставалось только удивляться великому искусству словесника, но подражать ему, во время самаго акта, при многочисленной публикѣ, ни у кого не достало смѣлости, хотя нѣкоторые комики отлично умѣли передразнивать „рыжаго ритора" въ товарищескомъ кругу, потѣхи ради.

Директоръ Тимковскій, при всей его глубокой учености, былъ классикъ и риторъ до мозга костей, поклонникъ славяно-русскаго слога, отстаиваемаго Шишковымъ въ борьбѣ его съ карамзинистами; по этому не только Жуковскій и Пушкинъ, но даже Карамзинъ не считались въ числѣ образцовыхъ писателей. Одна только „Мареа Посадница" удостоилась его одобренія. Въ силу господствовавшаго тогда убѣжденія, что литература должна учить нравственности, всѣ новѣйшія произведенія, не отличавшіяся цѣломудріемъ „Телемака", по образцу коего фабриковались наши нравоучительныя повѣсти— „временъ Очакова и покоренья Крыма",—подвергались остракизму. Вслѣдствіе такого своеобразнаго взгляда на значеніе словеснаго искусства, все, что было въ литературѣ нашей живаго и свѣжаго, находилось подъ строжайшимъ запретомъ; но, какъ всякій запретный плодъ, насъ сильно соблазняли произведенія поэтовъ Пушкин-

ской школы. У насъ образовалась цѣлая рукописная библіотека „стиховъ", между которыми попадались стихотворенія весьма сомнительнаго достоинства, хотя всѣ они были у насъ извѣстны подъ именемъ „стиховъ Пушкина". Борзописецъ Барлуй, славившійся размашистымъ, писарскимъ почеркомъ, денно и нощно работалъ надъ переписываніемъ стиховъ, продавая потомъ толстыми тетрадищами своимъ товарищамъ „дары поэзіи святой" по гривеннику за листъ. Не одни краткія лирическія стихотворенія, но и цѣлыя поэмы заучивались наизусть. Почти у каждаго изъ насъ была своя заповѣдная тетрадь, куда вносилось все, что попадалось. Но, къ сожалѣнію, были и такіе аматеры, у которыхъ въ сокровенныхъ мѣстахъ хранились груды сочиненій Баркова [1]).

Книгъ для чтенія сколько нибудь путныхъ рѣшительно негдѣ было достать. Первая изъ попавшихся мнѣ, такъ называемыхъ, „прочетныхъ книгъ" еще въ третьемъ классѣ, была какая то средневѣковая повѣсть до приторности сантиментальная, потомъ „Бусурманъ" Лажечникова. Надъ ними много пролито слезъ. Затѣмъ на сцену выступилъ Марлинскій, съ блестящимъ сонмомъ влюбленныхъ героевъ и героинь, страстныхъ и пламенныхъ, какъ вулканъ.

Въ 1836 году, на мѣсто ритора Смоленскаго, къ намъ перешелъ изъ Чернигова Каконко, въ которомъ мы надѣялись встрѣтить человѣка вполнѣ современнаго, думая, что онъ, какъ человѣкъ молодой, станетъ больше подчиняться требованіямъ времени, чѣмъ внушеніямъ свыше, отнесется болѣе сочувственно къ новому направленію русской литературы, познакомивъ насъ съ лучшими ея образцами научнымъ путемъ; но увы! мы скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ. Учитель ровно ничего не читалъ, а только задавалъ и спрашивалъ, требуя, чтобы заданное мы отвѣчали ему слово въ слово—и зубрили разную дребедень изъ общей и частной реторики Кошанскаго. Въ VII классѣ нашъ Коконко встрѣтилъ сильный отпоръ такимъ нелѣпымъ требованіямъ. Задано было повтореніе той же пресловутой реторики. Входитъ учитель и, по своему обыкновенію, положивъ передъ собою учебникъ, начинаетъ спрашивать. Всталъ Лузгановъ. Не сморгнувъ ни однимъ глазомъ, съ

---

[1]) Впервые съ ними познакомилъ новгородъ-сѣверскую гимназію перешедшій къ намъ изъ черниговской семинаріи сынъ законоучителя Мануйловичъ.

комическою важностію, онъ началъ: „Любезные друзья! [1]) до сихъ поръ мы говорили объ описаніи, теперь перейдемъ къ повѣствованію“.

— Дуракъ! прерываетъ отвѣчающаго учитель, слѣдующій!

Но и „слѣдующій“, кажется, бакенбардистъ Солошка, цѣлой головой превышавшій своего наставника, говоритъ то же, что и первый.—Дуракъ! прерываетъ его учитель: слѣдующій!

Но и этотъ начинаетъ съ „любезныхъ друзей“.

Взбѣшенный Коконко хватаетъ журналъ и бѣжитъ вонъ изъ класса. Приходитъ инспекторъ на расправу. Ему, въ свое оправданіе, доложили, что отвѣты были съ подлиннымъ вѣрны, что никто не чувствуетъ себя виноватымъ, такъ какъ каждый въ точности старался исполнить требованіе преподавателя, отвѣчая слово въ слово.

Помимо небрежнаго преподаванія, педагога сего мы не взлюбили за его высокомѣрное съ нами обращеніе, за его мстительность и несправедливость. Мы готовы нашимъ наставникамъ простить все: неспособность, лѣнь, даже строгость; но несправедливости не забудемъ до конца дней нашихъ.

И неказистъ на видъ былъ этотъ маленькій человѣчекъ, съ черными, блестящими мышиными глазками, старательно прилизаннымъ хохолкомъ, но преядовитый! А что всего хуже, нападалъ онъ преимущественно на бѣдняковъ-плебеевъ: вопьется, какъ піявка, и сосетъ до тѣхъ поръ свою жертву, пока не выживетъ изъ гимназіи. Нѣмецъ Штранге былъ строгъ и солоно иногда намъ приходился; но какая между ними разница! Это былъ человѣкъ только вспыльчивый, но не мстительный и не злопамятный. Нашумѣвши на ученика и выкричавшись вволюшку, онъ послѣ старался загладить свою горячность ласковымъ обращеніемъ къ обиженному. За то мы его и уважали и учились у него прекрасно, успѣвши въ нѣмецкомъ языкѣ больше, чѣмъ во французскомъ.

А французъ нашъ Антонъ Антоновичъ Терехъ никуда не годился. Бездарнѣйшее существо, какое только вообразить себѣ можно. Всѣ переводы съ русскаго на французскій дѣлала, говорятъ, ему

---

[1]) Такимъ воззваніемъ начинается каждый отдѣлъ реторики Кошанскаго.

жена, тетрадки исправляла она же. А казалось бы, что по широкому, лоснящемуся челу Антона Антоновича можно заподозрить въ большихъ интеллектуальныхъ способностяхъ, но какъ видно, пословица недаромъ молвитъ, что „большая лысина — не мудрость". Пользуясь тѣмъ, что учитель не зналъ большой части учениковъ по фамиліямъ, ему отвѣчали не тѣ, кого онъ вызывалъ, а тѣ, которые лучше знали урокъ. Однажды спрошенъ былъ одинъ изъ старѣйшинъ класса, мой дядюшка Никифоръ Ходикъ, который никогда не зналъ урока, а пробавлялся одними подсказываньями товарищей и ему это всегда сходило съ рукъ благополучно; но на сей разъ обязанность суфлера взялъ на себя извѣстный проказникъ Егоръ Шрамченко и невѣжество моего дядюшки обнаружилось во всей красѣ своей. Для перевода съ французскаго на русскій намъ былъ заданъ историческій отрывокъ изъ христоматіи. Содержаніе этого отрывка заключалось въ слѣдующемъ: во время Гвельфо-гибелинской войны императоръ Конрадъ осадилъ замокъ Виннисбергъ и дозволилъ выйти изъ крѣпости только женщинамъ, взявъ съ собою все, что было для нихъ драгоцѣнно. Одна изъ женщинъ взяла на плечи своего мужа, за ней послѣдовали и другія. „Осадивъ замокъ Свинюсбергъ" диктуетъ суфлеръ Ходику. „Осадивъ замокъ Свинюсбергъ" повторяетъ за нимъ дядюшка. „Сапожникъ Кондратъ", продолжаетъ суфлеръ. —„Сапожникъ Кондратъ", повторяетъ тотъ.— „Ты самъ сапожникъ!" поправляетъ учитель: „не сапожникъ, а императоръ; не Кондратъ, а Конрадъ". „Императоръ Конрадъ, повторяетъ Ходикъ, дозволилъ женщинамъ выйти изъ замка".

„Одна изъ нихъ, подсказываетъ Шрамченко, сѣла на плечи мужа. „Сѣла на плечи мужа"... повторяетъ Никифоръ. „И ударила его по головѣ", подсказываетъ суфлеръ. „И ударила его по головѣ!" повторяетъ за нимъ Ходикъ. Антонъ Антоновичъ вытаращилъ глаза, а мы всѣ покатились со смѣху. Почтеннаго дядюшку обозвали болваномъ и заставили, какъ истукана, простоять за скамьей до конца урока. На перемѣнѣ онъ сорвалъ злобу, давши Шрамченку затрещину.

Разъ мы до того взбѣсили Тереха, что онъ весь позеленѣлъ и задыхающимъ голосомъ выпалилъ: „Вы вси с.... сыны!"

Джентельмены вломились въ амбицію и замѣтили французу, что въ классѣ есть ученики „сыны благородныхъ родителей“, на что Антонъ, въ видѣ оправданія, присовокупилъ: „всѣ кромѣ благородныхъ с... сыновъ!“

— Въ другой разъ мы не позволимъ ругаться площадными словами, отозвался съ задней скамьи Легкобитовъ.

— Я тебѣ какъ дамъ разъ, то ты будешь помнить во вѣкъ, разъ, навсегда, однажды! пригрозилъ учитель „благородному сыну“.

Законоучитель, онъ же и духовникъ, былъ старикъ предобрый. Пользуясь его добротой, мы позволяли себѣ шутить съ нимъ разныя шутки. Нюхалъ онъ прекрѣпкій табакъ и табакерку свою, съ изображеніемъ Екатерины II, ставилъ всегда на столъ, при началѣ урока. Но какъ только было зазѣвается нашъ протопопъ, тотчасъ Клочковъ и запуститъ въ табакерку свои пальцы, захвативъ ими столько табаку, что имъ обдѣлялъ всю братію—и начиналось повальное чиханье всего класса. Догадавшись въ чемъ дѣло, от. Стефанъ пряталъ въ карманъ табакерку и начиналъ браниться:

— Бачь, скурвые сыны, табаки не купятъ, а на чужую ласы!

Послѣ такого недвусмысленнаго намека, выискивался охотникъ и покупалъ для о. протоіерея цѣлый фунтъ настоящаго рапэ, что давало намъ полное право безвозбранно нюхать и чихать на урокѣ Закона Божія сколько угодно.

Передъ новымъ 1836 годомъ мы сговорились поздравить о. Стефана, съ приличнымъ приношеніемъ. Тому же Павлушѣ Клочкову поручено было купить у Цапеницкаго 10 бутылокъ выморозковъ, т. е. шипучаго донскаго вина, и отъ лица всего IV класса презентовать ему въ день новаго года.

До самаго поста законоучитель нашъ былъ какъ шолковый; потомъ вдругъ на Ѳоминой недѣлѣ, ни съ того, ни съ сего, круто перемѣнилъ свое обращеніе съ нами. Приходитъ въ классъ всегда такой сердитый, ни на кого не смотритъ и все сопитъ. Подходитъ къ нему нашъ дипломатъ Клочковъ и вкрадчивымъ голосомъ спрашиваетъ о причинѣ немилости.

— Пошовъ вонъ, я съ тобой и говорить не хочу. Какого вина ты мнѣ принесъ? а? Половина бутылокъ съ квасомъ?..

По справкамъ оказалось, что нашъ повѣренный дѣйствительно на складочныя деньги купилъ 10 бутылокъ донскаго, но соблазнился и половину выпилъ съ пріятелемъ да и поналивалъ пустыя бутылки квасомъ—и пробки засмолилъ и проволокой перевязалъ—этакій мошенникъ! Вино, преподнесенное о. протоіерею, долго стояло въ погребѣ, пока не дошла до него очередь на масляной: тутъ то и открылся подлогъ. Для возстановленія добрыхъ отношеній къ наставнику, мы заставили Клочкова купить другія 10 бутылокъ на его счетъ, которыя и были доставлены по принадлежности уже болѣе надежнымъ человѣкомъ.

Патріархальныя времена! Ученикъ проситъ батюшку разрѣшить его надоумѣніе, какъ правильнѣе сказать по русски: затрубили въ трубы или затрубили на трубахъ? (при взятіи Іерихона).

— Батько твой затрубилъ на трубахъ! отвѣтилъ о. Стефанъ.

Протоіерей нашъ приходился тестемъ учителю латинскаго языка Осипу Акимовичу Самчевскому, сыновья котораго Ваня и Миша [1]) были большими любимцами и баловниками дѣдушки: онъ въ нихъ души не чаялъ. Не разъ заставали старика лежащимъ по домашнему совершенно раздѣтымъ, а внуки лазили по немъ какъ лилипуты по великану, теребя его за бороду. Разревется бывало старшій изъ нихъ Ваня —давай ему среди ночи вертепъ, ну и посылаетъ дѣдушка за Аѳанасіемъ. Когда, по ходу представленія, дошла очередь до попа, антрепренеръ спрашиваетъ:

— Ваше высокопреподобіе! А чы пускать попа?

— Пускай его сякого такого! Нехай запорожецъ поучить ёго добре! отвѣчаетъ о. протоіерей... а когда запорожецъ начиналъ булавой выплачивать своему духовнику за исповѣдь—протопопъ былъ въ восторгѣ:

— Хорошенько его, хорошенько! Такъ ему й треба! приговаривалъ онъ, топая ногами.

Въ томъ же 1836 году, осенью, къ великому сожалѣнію всѣхъ прихожанъ, сослуживцевъ и воспитанниковъ, этотъ достойный пастырь и отличный человѣкъ скончался. Нашъ словесникъ Ко-

---

[1]) Ив. О. Самчевскій былъ въ 60-хъ годахъ инспекторомъ 2 й кіев. гимназіи, а М. О. Самчевскій учителемъ: оба покойники.

конко сказалъ надъ нимъ надгробную рѣчь, изъ которой въ памяти моей сохранилось обращеніе оратора къ воспитанникамъ:

„Давно ли, внимая съ родительскою, ему свойственною, къ вамъ ласкою, ваша любознательность удовлетворяема была отвѣтами, насаждающими въ юномъ вертоградѣ вашемъ высокія истины религіи? И нѣтъ вертоградаря!" (Не разумѣлъ ли въ числѣ этихъ „отвѣтовъ, насаждающихъ истины религіи", нашъ краснорѣчивый панегиристъ „трубнаго вопроса?").

За о. протоіереемъ вскорѣ послѣдовалъ и его дьячокъ Приходько, очень древній человѣкъ, любившій своего настоятеля до обожанія и не могшій пережить его отъ горя. Прихожане втеченіе полустолѣтія такъ привыкли слышать его дребезжащій, какъ разбитая сковорода, гласъ, что имъ не хотѣлось вѣрить, чтобы этотъ безсмертный кощей могъ когда нибудь умереть. Въ городѣ разнесся слухъ, что мертвецъ Приходько посѣщаетъ по ночамъ свою вдову, что нѣкоторые суевѣры „на собственныя очи" видѣли, какъ высокая костлявая фигура дьячка двигалась по улицѣ, со стороны кладбища, по направленію къ домику дьячихи на Кляшторѣ.

Воспользовавшись всеобщей паникой трусливыхъ горожанъ, проказники гимназисты вздумали пугать по вечерамъ запоздавшихъ прохожихъ. Привидѣніе начало появляться все чаще и чаще, все на одной и той же улицѣ, недалеко отъ дома Налегачихи, гдѣ квартировали ученики. Разсказы о появленіи мертвеца дошли до ушей инспектора, который не боялся никакой чортовщины, уповая на свою суковатую палку. Подстерегши однажды привидѣніе, въ полтора раза выше его исполинскаго роста, во всемъ бѣломъ, онъ погнался за нимъ. Случилось чудо: изъ одного мертвеца сдѣлалось два: одинъ большой, а другой маленькій; оказалось, что маленькій стоялъ на плечахъ большаго и оба побѣжали во всѣ лопатки, оставивъ среди улицы двѣ сшитыя вмѣстѣ простыни.

Теперь о своихъ домашнихъ дѣлахъ.

До сихъ поръ, благодаря заботливости обо мнѣ матери, я пробавлялся, пополамъ съ горемъ, кой какими крохами оскудѣвшихъ нашихъ средствъ къ жизни; закладывались вещи и на добытыя такимъ способомъ деньги шилось мнѣ форменное платье, покупа-

лись учебники, которые, какъ на зло, мѣнялись съ каждымъ годомъ. Не легко мнѣ было пользоваться такими жертвами!

Узнавъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ нашего семейства, къ услугамъ моимъ подвернулся непрошенный благодѣтель Герасимъ Ивановичъ. Въ тѣ патріархальныя времена у насъ существовалъ обычай, для поправленія обстоятельствъ, отправляться на кондицію, на выѣздъ въ деревню. Нашъ инспекторъ, желая поддержать добрыя отношенія съ окрестными панами, взялъ на себя роль поставщика домашнихъ учителей, изъ бѣднѣйшихъ гимназистовъ, получая, конечно, за коммиссію больше, чѣмъ получали за свои труды рекомендуемые имъ ученики. Съ перваго взгляда, такое вниманіе заботливаго начальства къ нуждамъ воспитанниковъ представляется весьма выгоднымъ для бѣдняковъ, получавшихъ чрезъ то возможность заработать кусокъ хлѣба и подѣлиться имъ съ родителями; но какъ много даровитыхъ юношей испортили себѣ карьеру именно этими кондиціями! Просидѣвъ годъ въ деревнѣ на панскомъ столѣ и лишенные возможности слѣдить за класснымъ преподаваніемъ, наши скороспѣлые педагоги, по большей части, уже не возвращались въ гимназію, заканчивая свое образованіе четвертымъ или пятымъ классомъ и поступая въ приходскіе учителя на 90 рублей жалованья, а нѣкоторые и того не достигали, оставаясь на всю жизнь панскими прихлебателями и паразитами, какихъ во время крѣпостного права у нашихъ душевладѣльцевъ всегда было довольно.

Съ такимъ то заманчивымъ предложеніемъ подъѣхалъ и ко мнѣ г. инспекторъ, дѣйствуя сперва черезъ Шату, который и родителей моихъ началъ было убѣждать въ несомнѣнной пользѣ кондиціи. Но я не поддался искушенію рыжаго бѣса, сознавая всю нелѣпость оставленія гимназіи на половинѣ дороги къ окончанію полнаго курса. Меня оставили въ покоѣ. А все таки я не избѣжалъ кондиціи, хотя и не столь продолжительной и зловредной. Предъ каникулами въ Новгородокъ пріѣхалъ за дѣтьми курскій помѣщикъ Б. и обратился къ инспектору съ просьбой порекомендовать ему какого-нибудь гимназиста на вакаціонное время, для компаніи его дѣтямъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной сынъ, хотя и рожденный крѣпостною дѣвицей, а другой—опекаемый имъ племянникъ. Инспекторъ указалъ на меня. Пришелъ я къ помѣщику, а онъ, не сдѣ-

лавъ со мной никакого условія, посадилъ меня въ свою коляску да и повезъ въ рыльскій уѣздъ.

Это былъ мой первый выѣздъ изъ города и мое первое знакомство съ совершенно новой для меня средой, діаметрально-противоположной той низменной средѣ, въ которой вращался я до того времени.

И какъ тамъ не похоже все на то, что я привыкъ видѣть и слышать въ своемъ ограниченномъ кругу! И какимъ смѣшнымъ дикаремъ показался я не только благовоспитаннымъ членамъ семейства курскаго барина, но и его многочисленной дворнѣ! Я не умѣлъ ни ступить, ни повернуться; не зналъ, какъ сѣсть и что отвѣчать, когда заговаривали со мной во время обѣда. Семейство помѣщика состояло изъ сестры его—старой дѣвы, маленькой рыжеволосой племянницы, дальней родственницы старушки, двухъ гимназистовъ, моихъ учениковъ, и еще одной, съ виду скромной личности, въ усахъ: это былъ пролетарій—паразитъ изъ отставныхъ военныхъ, котораго пріютилъ баринъ за искусную игру его на гитарѣ. И дѣйствительно, сколько я ни наблюдалъ за нимъ, онъ больше ничего не дѣлалъ, какъ только игралъ на гитарѣ, да подобострастно слушалъ болтовню своего патрона о похожденіяхъ его въ молодые годы по трактирамъ и ярмаркамъ. Всѣ означенныя лица были со мной снисходительно-ласковы и старались показать видъ, что они вовсе не замѣчаютъ моей неловкости. Да и чего бы, казалось, бояться этихъ добрыхъ людей? А между тѣмъ въ ихъ обществѣ на меня находилъ такой столбнякъ, что я слова не могъ вымолвить безъ того, чтобы не покраснѣть до ушей. Застѣнчивость моя и робость—я это сознавалъ—дѣлали меня до крайности смѣшнымъ и жалкимъ; я ни на кого не смотрѣлъ за обѣдомъ, но зналъ, что на меня обращены глаза всѣхъ, не только господъ, но и прислуги, что приводило меня въ крайнее смущеніе. Я не зналъ, какъ мнѣ управиться съ вилкой, какъ держать серебряную ложку, какою я съ роду не ѣдалъ, что, наконецъ, нужно ѣсть ложкой и что вилкой? Попадались такія кушанья, съ которыми я не зналъ рѣшительно, что дѣлать, такъ что, если бы изъ подлобья не наблюдалъ я за сидѣвшимъ подлѣ меня гитаристомъ, расправлявшимся съ даровыми блюдами съ ловкостію военнаго человѣка,—я бы, кажется, не отважился ихъ и попробовать.

Словомъ, представьте себѣ жителя поднебесной имперіи, случайно попавшаго на обѣдъ къ цивилизованному европейцу—и вы поймете мое положеніе. Кажись, и говорятъ всѣ о такихъ обыкновенныхъ вещахъ, и судятъ обо всемъ такъ просто, что я бы могъ о томъ же самомъ разсуждать гораздо толковѣе, но языкъ меня не слушался, словно въ болото завязъ, и я, во все продолженіе обѣда, оставался нѣмъ, какъ рыба. Особенно стѣсняло меня присутствіе женщинъ, на которыхъ я боялся и взглянуть, сколько онѣ ни старались приручить сѣверскаго медвѣдя.

Меня съ барчуками помѣстили во флигелѣ, окнами выходившемъ въ садъ. Звали насъ въ барскія хоромы только къ чаю, обѣду и ужину. Занятій у меня втеченіе мѣсяца съ моими учениками вовсе не было, да и встрѣчался я съ ними только за столомъ. Пользуясь досугомъ, я по временамъ читалъ подвернувшіяся подъ руку книги, да прогуливался въ саду. Стало быть, у меня было довольно времени, чтобъ присмотрѣться къ образу жизни этихъ антиподовъ нашего мѣщанства.

Помѣщикъ жилъ нельзя сказать, чтобы очень открыто и роскошно, но чрезвычайно широко. Барская усадьба занимала громадное пространство, со множествомъ безобразнѣйшихъ построекъ для дворни: это были, такъ называемыя, клѣти, въ родѣ шалашей или солдатскихъ бараковъ, съ маленькими окнами и дверями, въ которыя съ трудомъ пролѣзали рослые, хотя и тощіе на видъ мужики и безобразно подтыканныя бабы, съ перетянутыми грудями. Подлѣ самаго дома, поближе къ спальной барина, находилась дѣвичья съ разными Таньками, Грушками, Польками и т. п. На дворѣ, во всякое время дня, копошились, бѣгали и суетились, въ сущности ничѣмъ особеннымъ незанятые, дворовые. Надъ этой жалкой толпою рабовъ поставленъ былъ „старшой", такой же рабъ, но взысканный милостію своего господина и потому имѣвшій власть надъ своими собратами и угнетавшій ихъ безграничнымъ произволомъ.

Чѣмъ же эта грустная картина отличается отъ тѣхъ потрясающихъ душу картинъ, которыми такъ богата „Хижина дяди Тома", на вѣки заклеймившая позоромъ жестокихъ американскихъ плантаторовъ? Новый свѣтъ, по крайней мѣрѣ, оправдывалъ невольничество цвѣтомъ кожи своихъ рабовъ, превосход-

ствомъ интеллектуальныхъ способностей бѣлой расы предъ черной. Тутъ впервые узналъ я не изъ книгъ, а изъ самой жизни, что такое наше крѣпостное право. Такъ вотъ онъ тотъ добрый русскій баринъ, отецъ посреди дѣтей, какимъ его старались изобразить наши славянофилы!..

Не мало возмутительныхъ легендъ сохранилось въ семьяхъ дворовыхъ людей о подвигахъ ихъ кормильцевъ помѣщиковъ: взять въ свой гаремъ красавицу-дочь у родителей и, поигравшись съ ней, выдать за двороваго, лакея пьяницу или подарить пріятелю, промѣнять на свору гончихъ; забрить лобъ мужу и взять во дворъ его жену—явленія не разъ бывавшія.

При мнѣ случился такой анекдотъ: изъ столовой пропала серебряная ложка и такъ какъ это случилось не въ первый разъ, то баринъ разсвирѣпѣлъ страшно. Подозрѣніе пало на лакея Мишку, мальчика лѣтъ 15-ти. Бѣднягу потащили на конюшню, долго истязали, но онъ не сознавался. Что же съ нимъ дѣлать? Въ солдаты еще рано и вотъ его посадили куда то въ овечій хлѣвъ и стали морить голодомъ.

У барина былъ ручной воронъ, которому насчитывали болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Онъ леталъ за своимъ господиномъ во время частыхъ его поѣздокъ въ Рыльскъ, сопровождалъ на прогулку, влеталъ въ комнаты во время обѣда, хозяйничалъ на кухнѣ, хватая изъ рукъ повара лучшіе куски говядины—словомъ, преумная и презабавная птица. Сижу я однажды въ саду подлѣ недостроеннаго дома и читаю книгу. Вижу: по аллеѣ летитъ воронъ и какъ будто что то держитъ въ клювѣ. Я прослѣдилъ его, куда онъ полетитъ. Вижу—онъ гдѣ то скрылся на постройкѣ. Я за нимъ; присматриваюсь, прислушиваюсь—мой воронъ копошится подъ досками; потомъ, выбравшись оттуда, улетѣлъ. Меня взяло любопытство: что онъ принесъ и куда спряталъ? Раскидавъ доски, съ помощію садовника, я нашелъ подъ ними цѣлую кучу разныхъ вещей. Тамъ были: столовые ножи, носовые платки, ложки, перчатки, кусокъ какой то матеріи и т. п. Такъ какъ домъ давно уже стоялъ недостроеннымъ и заготовленный лѣсъ лежалъ на постройкѣ очень долго,

то сей пернатый воръ, вѣроятно, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пряталъ тамъ украденныя вещи, а лакеи и горничныя отдувались за его проказы собственной кожей.. Сдѣлавъ такое необычайное открытіе, я пригласилъ, въ качествѣ понятыхъ, управляющаго и гитариста на постройку и тутъ же негодный воръ былъ уличенъ съ поличнымъ. Самъ баринъ, старая барыня и барчуки долго смѣялись надъ остроумной выходкой проказника, который, какъ вольная птица, не будучи крѣпостнымъ, не подлежалъ тѣлесному наказанію. За что же наказаны Ваньки съ Таньками? О нихъ никто не догадался пожалѣть, какъ будто барской душѣ не полагается имѣть ни угрызенія совѣсти, ни даже простаго сожалѣнія о содѣянной несправедливости.

Насмотрѣвшись на безобразную жизнь нашего мѣщанства, я думалъ, что хуже этой жизни и на свѣтѣ нѣтъ; но приглядѣвшись къ нравамъ и обычаямъ дворянъ, примирился со многими недостатками своего роднаго болота.

Основной принципъ мѣщанской морали: quod licet Jovi, non licet bovi, котораго придерживаются мѣщане-отцы при воспитаніи дѣтей, обуздывая въ нихъ преждевременныя проявленія порочныхъ наклонностей, этотъ принципъ для привилегированнаго сословія не существуетъ. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться, наблюдая, втеченіе мѣсяца, за поведеніемъ своихъ учениковъ, мальчиковъ 14—15 лѣтъ.

Къ барину пріѣхалъ въ гости какой то родственникъ, здоровякъ лѣтъ 40, отецъ нѣсколькихъ подростковъ дочерей. Ему отвели помѣщеніе вмѣстѣ съ нами во флигелѣ. Пріѣзжій господинъ, съ помощію лакея Яшки, пригналъ во флигель цѣлый табунъ дѣвокъ. Я пришелъ въ ужасъ отъ такого безобразія, ушелъ черезъ окно въ садъ и провелъ всю ночь на постройкѣ, за что на другой день подвергнулся язвительнымъ насмѣшкамъ не только со стороны пріѣзжаго барина, но и со стороны своихъ учениковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ ночной оргіи, продолжавшейся до бѣла дня.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ помѣщичьей усадьбы чернѣлся лѣсъ. Тамъ еще недавно укрывалась шайка разбойниковъ, атаманомъ которой былъ помѣщикъ Воропановъ. О его подвигахъ мнѣ много разсказывали крестьяне, да гдѣ то я и читалъ о немъ.

„Орелъ да Кромы—первые воры“, говоритъ народное присловье. Но и куряне едва ли уступятъ орловцамъ въ этомъ отношеніи. Не даромъ ихъ въ Малороссіи называютъ „душегубами, що за цыбульку зариже“.

„А мои ти куряне—свѣдоми кмети: пути имъ вѣдоми, яруги знаеми“, говорилъ о нихъ Всеволодъ своему брату Игорю Новгородсѣверскому еще въ XII столѣтіи. Но и современнымъ курянамъ небезъизвѣстны пути и яруги, гдѣ можно подстеречь запоздалаго путника. Каникулы кончились. Я съ радостію оставилъ гостепріимный домъ помѣщика и вернулся во своясі подъ батьковскую стрѣху.

Пятый классъ.

Четвертый классъ былъ для меня классическимъ Рубикономъ. Съ переходомъ въ V, мои занятія пошли правильнымъ путемъ къ опредѣлившейся уже цѣли неуклонно. Самостоятельный трудъ, помимо классныхъ уроковъ, благодѣтельно повліялъ на мое развитіе. Конечная цѣль моего ученія стала для меня яснѣе и сознательнѣе: тамъ, вдали, сквозь непроглядный мракъ моего безпомощнаго положенія, возбужденному воображенію рисовалось высшее святилище науки, озаренное лучами свѣта и истины: въ университетъ рвалась душа моя! Будущность не пугала меня: я выбрался на торную дорогу, сталъ жить своими трудами.

Въ началѣ года мнѣ предложено было нѣсколько кондицій, на довольно выгодныхъ условіяхъ; но я избѣгалъ знакомства и сближенія съ помѣщиками, дичился ихъ общества и даже боялся. Выбралъ я самую невыгодную въ матеріальномъ отношеніи именно потому, что пригласившій меня господинъ былъ не помѣщикъ, а выслужившійся изъ мѣщанъ чиновникъ и притомъ дальній мой родственникъ. Уѣзжая на должность въ остерскій уѣздъ безъ семейства, онъ поручилъ мнѣ старшаго сына, который былъ лишь однимъ годомъ моложе меня, да двухъ мальчиковъ, будущихъ гимназистовъ. Я такъ надѣялся на наши родственныя отношенія, что принялъ мѣсто, не заключивъ предварительно никакихъ условій; между тѣмъ, пользуясь моею неопытностію, со мной поступили совсѣмъ не по родственному. Дали мнѣ, во первыхъ, помѣ-

щеніе совершенно неудобное для занятій: въ комнату мою вели трое дверей и мнѣ постоянно мѣшали; во вторыхъ, кормили отвратительно: хозяйка оказалась до крайности скупой, морила всѣхъ голодомъ, въ комнатѣ никогда не прибирали, завелась гадость и нечистота. Треногая кровать, ничѣмъ непокрытый соломенный тюфякъ да рваное одѣяло: вотъ всѣ мои спальныя принадлежности. Мнѣ было во сто разъ хуже, чѣмъ дома, при всей нашей бѣдности. Я былъ нищенски одѣтъ; самолюбіе мое страдало страшно. За полгода занятій съ дѣтьми мнѣ сшили самаго дешеваго сукна шинель—вотъ и весь гонораръ мой. Плохіе жъ мои заработки, подумалъ я, на нихъ далеко не уѣдешь. Правда, если занятія мои, сопряженныя съ потерею времени, оцѣнивать успѣхами моихъ учениковъ, то можетъ быть я и шинели не стоилъ; но все же я работалъ много, а лишеній терпѣлъ еще больше. Но виноватъ ли я, что мнѣ попались балованыя дѣти? Въ уваженіе къ моимъ лишеніямъ и трудамъ, слѣдовало бы хоть пару сапогъ прибавить, чтобы домашній учитель не ходилъ въ гимназію, за полторы версты, на собственной подошвѣ.

Дождавшись рождественскихъ праздниковъ, я сталъ помышлять уже о томъ, какъ бы бросить свою кондицію и вернуться домой, гдѣ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не дадутъ пропасть съ голоду и гдѣ я буду трудиться для собственной пользы, какъ развязка воспослѣдовала сама собою.

Ученикъ мой, страшный тупица и лѣнтяй, да вдобавокъ совершенно испорченной нравственности, съ пріятелемъ своимъ Свистухой, отправились однажды на охоту. Преслѣдуя зайца, они забрались въ чужую пасѣку и, словно медвѣди, стали лакомиться медомъ; ихъ поймали и отдали подъ судъ. Тутъ пока и конецъ моей педагогической дѣятельности. Я переселился домой и энергически принялся за работу, стараясь вознаградить задаромъ потерянное время. Въ это полугодіе я очень много сдѣлалъ, занимаясь преимущественно языками; но еще и больше успѣлъ бы сдѣлать, если бы ко мнѣ не пристала эпидемическая, прилипчивая болѣзнь нашего времени, которая бываетъ иногда опаснѣе оспы: это опасная страсть къ стихотворству — риѳоманія. Заражаясь въ душѣ вмѣстѣ съ первымъ пробужденіемъ юношескаго чувства любви, эта губительная страсть

испортила жизнь не одному непризнанному стихоплету. Она не покидала меня до окончанія гимназіи, прошла черезъ весь почти университетскій курсъ и оставила меня въ покоѣ только на службѣ, когда я попалъ въ желѣзныя лапы извѣстнаго гасителя поэтическаго огня для пользы службы—Зимовскаго.

Насколько могу припомнить, я впервые сталъ пробовать аккорды своей лиры въ то время, когда у насъ начали проходить теорію стихосложенія и латинскую просодію. Время это какъ нарочно совпало со временемъ моей разлуки съ сестрой моего ученика, такъ не кстати полакомившагося медомъ. Заронившееся въ душу чувство заставило меня стоически переносить всѣ невзгоды моей несчастной кондиціи; голодъ, холодъ, нужу... Поводомъ къ нашему сближенію послужило чтеніе по вечерамъ чувствительныхъ повѣстей Марлинскаго. Признался я въ любви не прямо, а косвенно—трескучими фразами влюбленнаго героя, а герои „того погибельнаго Кавказа", какъ извѣстно, говорятъ такимъ вычурнымъ языкомъ, какимъ никогда не выражаются въ дѣйствительности. Но какъ бы тамъ ни было, а мы хорошо поняли, что любимъ другъ друга. Романъ нашъ прервался на первой главѣ — продолженіе впредь... Да и отлично сдѣлала она, что во время уѣхала, мнѣ было совсѣмъ не до нея.

Ознакомившись съ структурой стиха, я скоро уловилъ тайну сочетанія звуковъ и началъ слагать не только ямбы и хореи, мнѣ и гекзаметры были ни почемъ: этимъ классическимъ размѣромъ я переложилъ не хуже Третьяковскаго цѣлую рыцарскую повѣсть, написанную старинной прозой. Непостижимая страсть! Бывало ждешь не дождешься, пока улягутся всѣ въ домѣ и настанетъ мертвая тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ стрекотаньемъ запечнаго сверчка—и тутъ, при тускломъ мерцаніи каганца, испещришь бывало цѣлый листъ мѣрными коротенькими строчками. Удачно прибранная риѳма доставляла душѣ невыразимое удовольствіе.

— Отчего ты не спишь, дитя мое? спроситъ бывало, проснувшись, мать.

— Сейчасъ, не мѣшайте! отвѣтишь ей рѣзко, не отрывая глазъ отъ завѣтной тетрадки.

Повѣреннымъ по части стиховъ былъ у меня Яша Гребенниковъ, страдавшій тою же болѣзнію. Что ни говори, а воспоминаніе о тѣхъ незабвенныхъ вечерахъ, когда мы читали другъ другу „свои незрѣлыя

творенья*, вызываетъ на уста добрую улыбку, пробуждая въ душѣ отрадное чувство любви и уваженія къ своей юности. Находя въ подобныхъ, въ сущности невинныхъ, занятіяхъ удовольствіе, мы не искали тѣхъ растлѣвающихъ душу наслажденій, къ которымъ безъ удержу тянулись дѣти богатыхъ родителей: не въ стихахъ находили они поэзію, а скорѣе въ ночныхъ оргіяхъ, подобныхъ видѣнной мною у курскаго помѣщика. И надобно замѣтить, что любовь къ словесности и поэзіи питаемая и поддерживаемая въ насъ не столько риторическими образцами, предлагаемыми намъ директоромъ, сколько заповѣдными тетрадками, развилась въ насъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нашъ словесникъ Коконко своею несимпатичною особой скорѣе могъ поселить въ душѣ отвращеніе къ своему предмету, чѣмъ привязанность. Зубреніе риторики Кошанскаго да логики Кизиветтера немного давало пищи нашей любознательности и нашему эстетическому развитію. Учитель усвоилъ себѣ отвратительную привычку задавать отъ сихъ поръ и до сихъ, никогда не объясняя заданнаго. Развѣ можно такимъ образомъ преподавать науку о словѣ, а тѣмъ болѣе науку о человѣческомъ мышленіи?

„Въ обширномъ курсѣ моего воспитанія, говоритъ знаменитый англійскій мыслитель Милль о преподаваніи логики, нѣтъ ни одного предмета, которому я былъ бы столько обязанъ за развитіе способности правильно мыслить“.

Чѣмъ же мы обязаны преподавателю этой важной науки, зазубривая безтолковый учебникъ Кизиветтера? Но и это еще бы ничего, еслибы недостатки нашего словесника ограничились одною лишь педагогическою несостоятельностію: мы къ этому привыкли. Но у него была отвратительная манера преслѣдовать и давить нелюбимыхъ имъ почему нибудь учениковъ, преимущественно же бѣдняковъ—плебеевъ, подобныхъ мнѣ грѣшному. Въ V классѣ онъ сталъ какъ то систематически тѣснить меня, и за что? я и до сихъ поръ не знаю. Какъ только войдетъ въ классъ, сейчасъ и за меня:

— Чалый, читай молитву, Чалый, говори урокъ!

Затѣмъ станетъ подлѣ первой скамьи, заложитъ руки въ карманы, раскрывъ передъ собой учебникъ, и едва начнешь ему доказывать великую истину, что „Кай смертенъ“.

— Не такъ, рычитъ учитель, пожирая меня глазами.

Начнешь опять сначала—не такъ! да и полно, а какъ именно слѣдуетъ отвѣчать, не говоритъ.

Ясно, что этотъ ядовитый человѣкъ хотѣлъ вызвать меня на дерзость, но я не поддавался на удочку. Замолчу и стою, какъ статуя безмолвія.

— Ну же, продолжай, что молчишь? ворчитъ мой гонитель; попробую еще разъ продолжать—но такъ! останавливаетъ меня снова и я замолчу окончательно.—И стоимъ мы оба цѣлый часъ, смотря другъ другу въ глаза, какъ влюбленные, до тѣхъ поръ, пока звонокъ не прерветъ этого тягостнаго tête à tete.

А чего мнѣ стоило перенести такое нелѣпое преслѣдованіе! Но я выдержалъ себя до конца, не сдѣлавъ ему никакой дерзости, чего онъ, повидимому, сильно добивался. Во второмъ полугодіи мой пріятель ударился въ другую крайность: вовсе пересталъ меня спрашивать, какъ будто меня вовсе не было въ классѣ.

Для полной характеристики нашего словесника, не мѣшаетъ коснуться его домашней обстановки. Коконко, человѣкъ чрезвычайно живой, ловкій танцоръ и каламбуристъ въ обществѣ, въ классѣ становился совершенно инымъ: никогда не шутилъ, не смѣялся и обходился съ учениками крайне оскорбительно.

Въ немъ проглядывало какое то озлобленіе на молодое поколѣніе, хотя самъ онъ былъ человѣкъ еще очень молодой. Такое, совершенно несвойственное истинному педагогу настроеніе духа, стало для насъ понятно только тогда, когда пансіонеръ его Шрамченко познакомилъ насъ поближе съ его домашними дѣлами. Женился онъ очень рано въ Черниговѣ, на богатой купчихѣ, соблазнившись ея капиталами, которые, впрочемъ, до поры до времени хранились въ сундукѣ тещи, жившей при дочери. Эта то теща, какъ мы узнали, и портила расположеніе духа нашего наставника. Видя ежегодное приращеніе семейства, разсчетливая старуха домашними мѣрами развела мужа съ женою и не позволяла имъ бывать вмѣстѣ. Частенько нарушавшій такое запрещеніе словесникъ былъ изгоняемъ клюкой изъ жениной спальни, а иногда и изъ дому, такъ что ему нерѣдко приходилось среди ночи искать убѣжища у своихъ холостыхъ сослуживцевъ. Понятно, какія чувства питалъ изгнанникъ къ своей тещѣ; а прогнать ее самое боялся все изъ за того же фиктивнаго

капитала, который хранился въ кованомъ сундукѣ ненавистной старухи.

Да мы то за что терпѣли напраслину? Такъ, здорово живешь.

Латинскій языкъ шелъ у насъ очень успѣшно. Осипъ Акимовичъ не придерживался нѣмецкой методы, лишающей ученика самодѣятельности, то есть, никогда не задавалъ урока, не диктовалъ словъ, не дѣлалъ предварительнаго анализа, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе учителя классическихъ языковъ, разные братушки, а заставлялъ насъ самихъ добиваться смыслу, копаться въ грамматикѣ, пріискивать слова въ лексиконѣ. Такого именно преподаванія требовалъ отъ учителя Илья Ѳедоровичъ, великій знатокъ латыни. На экзаменъ директоръ привозилъ цѣлую гору классиковъ и заставлялъ насъ всегда переводить мѣста незнакомыя, продерживая ученика подлѣ стола больше часу.

Мы очень любили и уважали почтеннаго Осипа Акимовича и онъ нами, въ свою очередь, былъ всегда доволенъ. Разъ только, помню, онъ на насъ немножко подулся, и то не надолго. Пришелъ онъ на урокъ послѣ именининаго обѣда у почетнаго попечителя Ладомірскаго, нѣсколько зарумянившись. Мы значительно переглянулись, что не ускользнуло отъ вниманія нашего наставника. Промолчавъ минутъ пять, О. А—чъ, ни на кого не смотря, ни къ кому лично не обращаясь, началъ свою лекцію такою многозначительною притчею: „Видите ли вы эту вещь?“ спросилъ онъ насъ, показывая табакерку. Мы молчимъ. „Возьмите вы сиволапаго мужлана и закажите ему сдѣлать ее—онъ будетъ дѣлать часъ, два, недѣлю, годъ, и не сдѣлаетъ. Отдайте жъ вы этого самого мужлана въ науку, на фабрику, пусть онъ тамъ поучится годъ—и этотъ самый сиволапъ сдѣлаетъ вамъ табакерку въ часъ. Поняли?“ (Продолжительная пауза). „Что вы были до поступленія въ гимназію? Неотесанные чурбаны, больше ничего. Васъ оболванили, ошлифовали, выучили, а кто? Ваши наставники, а вы надъ ними смѣетесь!“...

Аллегорія сильно на насъ подѣйствовала и мы немедленно извинились, приподнявшись съ мѣстъ цѣлымъ классомъ, и урокъ пошелъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

Въ другихъ классахъ, по случаю того же обѣда, урокъ окончился не такъ миролюбиво. Въ сосѣднемъ, четвертомъ классѣ,

французъ Терехъ до того расхрабрился, что вздумалъ силой поставить на колѣна 20-ти-лѣтняго молодца, не пожелавшаго этого сдѣлать. На бѣду сего упрямца, въ третьемъ классѣ былъ въ это время Эдуардъ Андреевичъ — гроза всѣхъ шалуновъ, — который и поспѣшилъ на помощь своему коллегѣ, выбросивъ за двери непокорнаго юношу.

Въ VII классѣ словесникъ, разгоряченный виномъ, читалъ самыя пикантныя мѣста изъ „Душеньки“ Богдановича, а слушатели его, не стѣсняясь сосѣдствомъ инспекторской комнаты, „смѣхъ несказанный воздвигли“.

Егоръ Андреевичъ во 2-мъ классѣ весь урокъ отпускалъ экивоки и смѣшилъ мальчугановъ до слезъ. Шата̀, во избѣжаніе великаго шкандала, заблагоразсудилъ вовсе не явиться въ гимназію, да едва ли онъ и былъ въ состояніи добраться до нея.

Такъ весело прошелъ памятный день ангела г. почетнаго попечителя каммергера Ладомірскаго.

Оставивъ еще зимой свою жалкую кондицію, я переселился подъ родительскій кровъ, гдѣ, до наступленія весны, претерпѣвалъ большія неудобства. Старинный дѣдовскій домъ нашъ приходилъ въ ветхость, печи не держали тепла, вслѣдствіе чего вся семья ютилась въ „пекарнѣ“, во все продолженіе жестокой зимы. Весной я отвоевалъ себѣ „свѣтлицу“, предназначенную для гостей, которыхъ у насъ давно не бывало. Здѣсь мнѣ было очень удобно заниматься. Жаль только, что я большею частію занимался не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало, предпочевъ пріятное полезному, вопреки латинской поговоркѣ *utile dulci*; несчастная страсть къ стихотворству поглощала всѣ мои досуги; я засиживался за полночь за своими твореніями. Пріисканіе риѳмъ лишало меня сна и аппетита; воображеніе было разстроено; я не въ шутку сталъ бредить славой поэта...

Въ „келію“ мою, обращенную окнами въ садъ, сквозь свѣжую зелень распустившихся деревьевъ, проглянуло солнышко. Я вставалъ съ зарею, наслаждаясь прелестію майскаго утра. Близились экзамены. Оставивъ на время свои поэтическія упражненія, я шибко принялся за работу.

„Директоръ ѣдетъ! директоръ ѣдетъ!“ раздалось по классамъ восклицаніе—и все забѣгало и засуетилось. Одинъ онъ, всегда ров-

ный и величаво спокойный, сохранялъ олимпійскую невозмутимость. Прослушали, по обыкновенію, рѣчь, которая на сей разъ произвела необыкновенный эффектъ, такъ что даже Михаилъ Гавриловичъ, учитель исторіи, человѣкъ замѣчательно умный и начитанный, котораго трудно было удивить краснорѣчіемъ, и тотъ отозвался о ней съ одобреніемъ. Къ рѣдкому дару слова Ильи Өедоровича можно безъ всякой натяжки примѣнить двустишіе Пушкина, относящееся къ Овидію:

Имѣлъ онъ рѣчи чудный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.

Экзамены наши производились при самой торжественной обстановкѣ. Посреди залы ставился длинный, покрытый краснымъ сукномъ столъ и какое то необыкновенное кресло для г. директора, напоминавшее тронъ великихъ князей московскихъ; на столѣ лежала цѣлая куча книгъ. въ красивыхъ, заграничныхъ переплетахъ—рѣдкія изданія римскихъ классиковъ, изъ которыхъ мы должны были переводить à livre ouvert, начиная съ V класса. Любимѣйшими предметами Ильи Өедоровича были латынь и русская словесность.

Экзамены по этимъ предметамъ тянулись иногда съ утра и до полуночи. Ученики переводили выбранные имъ самимъ отрывки изъ прозаиковъ и поэтовъ. Уже между учениками V-го класса были такіе бойкіе латинисты, которые довольно свободно переводили Георгики Виргилія, элегіи Овидія и даже нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. Напавши на такого доку, директоръ оживлялся и долго не отпускалъ его отъ стола, наслаждаясь красотами выраженій и успѣхами испытуемаго. Но не на однихъ отличныхъ останавливалъ свое вниманіе нашъ директоръ, и посредственные ученики не скоро отъ него отдѣлывались. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и весьма искусными пріемами старался навести его на дорогу, помогая дѣлать анализъ и конструкцію словъ и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлялъ его въ покоѣ, когда убѣждался вполнѣ въ его неспособности.

Такимъ пріемомъ директоръ желалъ убѣдить преподавателей, что, при извѣстной дозѣ терпѣнія и настойчивости, можно кое чему научить и самаго плохаго ученика. Если послѣ долгой возни съ

подобнымъ субъектомъ, ему удавалось уловить хоть малѣйшій проблескъ мыслительнаго аппарата и пониманія, то онъ начиналъ ободрять его разными поощрительными словами: „Ну, ну! продолжай! шевелится голова, шевелится“.

Въ такомъ то именно способѣ испытанія и заключается настоящая „гимнастика мысли“, пріуроченная нашими классиками—педагогами къ изученію древнихъ языковъ. Жаль только, что между теперешними нашими „гимнастами“—преподавателями едва ли найдется и одинъ изъ сотни, включая сюда и братьевъ—славянъ, который бы *такъ* понималъ преподаваніе классическихъ языковъ, какъ понималъ его нашъ неоцѣненный директоръ Илья Ѳедоровичъ Тимковскій.

Испытаніе по русской словесности главнымъ образомъ состояло въ писаніи сочиненій на заданную самимъ директоромъ тэму. По мѣрѣ окончанія сочиненій, авторы подходили къ столу и читали свои произведенія, при чемъ не мало встрѣчалось курьезовъ, потѣшавшихъ публику. На этотъ разъ намъ была предложена тэма „Израненный грекъ по возвращеніи изъ подъ Трои“. Авторъ однаго сочиненія, конечно, для красоты слога, заставилъ эллиновъ стрѣлять изъ пушекъ: „Загремѣли, говоритъ, пушки подъ стѣнами священнаго Иліона“...

Какъ ни серьезенъ былъ Илья Ѳедоровичъ, но и онъ покатился со смѣху. Автору другаго сочиненія, двѣ трети коего составлялъ одинъ приступъ, директоръ разсказалъ анекдотъ про Діогена, который, странствуя по Мидіи, подошелъ къ одному маленькому городку съ большими воротами и обратился къ жителямъ съ такимъ остроумнымъ совѣтомъ:

— Граждане! затворите ворота, а то городъ вашъ уйдетъ.

Почти одновременно подошли къ столу и мы съ Костей Ушинскимъ, который сталъ читать прежде меня. Сочиненіе было написано весьма толково и обстоятельно со стороны содержанія, но не встрѣтило отъ директора особенно лестнаго отзыва, потому что онъ, какъ риторъ, обращалъ преимущественное вниманіе не на содержаніе, а на форму: forma dat esse rei.—За Костей выступилъ и я съ своимъ твореніемъ; начиналось оно, помнится мнѣ, фигурой вопрошенія:

„Что предвѣщаетъ этотъ шумъ, наполняющій священную Элладу? Куда бѣгутъ эти бурныя волны населяющихъ ее народовъ?“ и проч. и проч.

— Прекрасно! воскликнулъ директоръ, не допустивъ меня дочитать сочиненія до конца, и велѣлъ тутъ же преподавателю зачислить его къ произнесенію на актѣ. Такое распоряженіе директора пріятелю моему Коконко больно было не по нутру; но я, не прибѣгая къ его помощи, на зло ему, просидѣлъ за обработкой своего дѣтища цѣлыхъ три дня и прочелъ его на актѣ такъ хорошо, что удостоился даже похвалы отъ самаго преосвященнаго Павла, присутствовавшаго на нашемъ торжествѣ, при проѣздѣ по епархіи.

Поработавъ усердно во время экзаменовъ и закончивъ такъ блистательно учебный годъ, я чувствовалъ сильную потребность въ вольномъ воздухѣ и въ движеніи. Маленькое мое ружьецо, эта красивая игрушка, на которую я, отрывая по временамъ глаза отъ книги, посматривалъ съ замираніемъ сердца—чувство, понятное только настоящему охотнику—доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Впродолженіе каникулъ не было дня, въ который бы я не ходилъ на охоту, при чемъ не забывались и удочки. И, повторяю, какъ освѣжительно дѣйствовали всегда на мой слабый организмъ эти, повидимому, вульгарныя развлеченія, недостойныя не только мыслящаго человѣка, но и сколько нибудь благовоспитаннаго юноши. Такъ, дѣйствительно, третируютъ ихъ кабинетные ученые. Оторвавшись съ ранняго дѣтства отъ материнскаго лона природы, они создали себѣ искусственный мірокъ, изъ котораго, какъ изъ заколдованнаго круга, не выходятъ иногда во всю свою жизнь. Но не завидую я мудрости всеобъемлющаго Канта, облетѣвшаго мыслію вселенную, не выходя ни разу за городскую черту роднаго Кенигсберга. Такое отреченіе отъ всего живаго, во имя отвлеченностей, мнѣ кажется самоубійствомъ.

Не такова была жизнь другаго великаго нѣмца — реалиста Гумбольдта. Какія высокія наслажденія должна была испытывать душа его, созерцая безконечно разнообразныя проявленія творящей силы природы!...

Погружаясь въ пучину трансцендентальностей Канта, испытываешь чувство путника, блуждающаго въ непроходимыхъ дебряхъ, куда не проникаютъ солнечные лучи. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на душу читателя „Космосъ“ Гумбольдта. Читая это великое твореніе, ощущаешь чувство довольства, душевной полноты; самъ испытываешь тѣ высокія наслажденія, которыя были присущи

душѣ геніальнаго натуралиста, когда онъ, стоя лицомъ къ лицу съ природой, озаренный лучами тропическаго солнца, въ безмолвномъ упоеніи, созерцалъ величавыя ея красоты, ощущая какъ бы біеніе ея пульса...

„Jndividua omnia, quamvis diversis gradubus, animata tamen sunt“ говоритъ пантеистъ Спиноза. А нашъ даровитый поэтъ Тютчевъ, какъ бы поясняетъ мысль философа:

Не то, что̀ мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть языкъ,
Въ ней есть любовь, въ ней есть свобода....

М. К. Чалый

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 году.

I.

Полоса земли отъ Синюхи до Днѣпра по надъ Высью, Ирклейцемъ и Тясминомъ послѣ турецкой войны, съ 1740 г., причисленная къ малороссійскому миргородскому полку, еще раньше того, во время пребыванія запорожской Сѣчи въ Алешкахъ, въ приднѣпровской своей части заселилась выходцами изъ обѣихъ Украинъ—правобережной и лѣвобережной,—такъ что еще въ первой четверти XVIII ст. здѣсь возникли хутора и села: Омельникъ, Каменка—Потоцкая, Крюковъ, Цыбулевъ, Усовка, а съ 1740 г. основаны были: Петроостровскій форпостъ на Выси, Архангелогородъ на Синюхѣ и Орловскій шанецъ (нынѣ Ольвіополь) у устья Синюхи на границѣ съ Оттоманской Портой; впослѣдствіи, въ 1753 г., на Ингулѣ, въ 40 в. отъ его истоковъ, положено было основаніе крѣпости св. Елисаветы (нынѣ Елисаветградъ).

Полоса эта—нынѣ сѣв. часть елисаветградскаго и александрійскаго уѣздовъ херсонской губерніи—лежала на пути изъ Крыма и запорожской Сѣчи въ Гетманщину, въ кіевское и брацлавское воеводства и Кіевъ; правда, былъ еще и другой путь изъ Крыма въ Кіевъ—чрезъ Очаковъ, Бендеры и Подолію, но онъ былъ весьма длиненъ и по немъ слѣдовали лишь въ крайности; отсюда много *шляховъ* пролегало тогда по этой полосѣ, изъ которыхъ одни были въ западной ея части, другіе—въ восточной. Отъ Никитина—Перевоза и Переволочны шляхи направлялись вдоль Днѣпра къ р. Омельнику; отъ Омельника вблизи теперешн-

няго села Павлыша расходились на нѣсколько изъ коихъ одинъ шляхъ велъ къ Кременчугу, другой же, мимо хутора Зѣнцова, къ Чигирину, третій мимо вершинъ Ингульца и Ингула—къ Петроострову, четвертый чрезъ Шведскую балку и р. Ингулецъ между селомъ Звенигородкою и гор. Александріей къ Очакову. Въ западной части этой полосы одни шляхи шли къ Выси, другіе—къ Синюхѣ [1]).

Край этотъ—отъ Синюхи до Днѣпра—не менѣе важенъ былъ и въ стратегическомъ отношеніи: здѣсь Россійская имперія стояла лицомъ къ лицу съ Рѣчью Посполитою и Оттоманскою Портой, съ которыми предстояло свести свои исконные, традиціонные счеты.

Край этотъ былъ приманкой и для гайдамаковъ; здѣсь по многимъ шляхамъ проѣзжали торговые люди, отсюда открывался широкій путь въ Польшу, и къ волохамъ, и въ область турецкую; многочисленные балки до овраги, въ то время поросшіе терномъ или камышемъ, и дремучіе лѣса всегда были для нихъ надежнымъ убѣжищемъ [2]).

---

[1]) Осадчій городка Архангелогорода, козакъ миргородскаго полка Давидъ. Звенигородскій, въ 1743 г. такъ докладывалъ миргородскому полковнику Капнисту о значеніи этого городка и его окрестностей: „Тутъ проѣздъ чрезъ границу и дороги лежатъ въ четырехъ мѣстахъ,—первая при городкѣ Архангелогородѣ и чрезъ Синюху перевозъ паромами, который перевозъ содержатъ отъ польскаго мѣстечка Тарговицы, (Тарговица на правомъ берегу Синюхи противъ Архангелогорода—нынѣшняго Ново-Архангельска), вторая по правую сторону городка въ 20 в. чрезъ Высь, гдѣ и мостъ есть; третья отъ того мосту вверхъ по Выси въ 40 в. при впаденіи въ оную Туреи, тутъ—бродъ; четвертая—по лѣвую сторону городка внизъ по Синюхѣ въ 70 в. „Уманская", (это *Шпаковъ шляхъ*, который шелъ на Умань, названный такъ потому, что по немъ въ началѣ XVIII в. хаживалъ Ѳедоръ Шпакъ—подручникъ Палѣя, одинъ изъ предводителей народнаго возстанія въ Подоліи, промышлявшій, между прочимъ, и грабежемъ), гдѣ чрезъ Синюху бродъ Костенской; и по означеннымъ дорогамъ проѣзжаютъ купецкіе всякіе люди, изъ польской области жиды и польскіе обыватели въ турецкую область, въ Крымъ, и Бѣлгородъ, и Очаковъ, и въ Запорожскую Сѣчь, и съ юга греки, армяне и волохи въ Польшу со съѣстными припасами, виноградными винами, сукнами и прочими разными товарами". Зап. Импер. Одес. Общ. Ист. и Др. т. 14-й, 1886 г., стр. 336).

[2]) Таковыми были: Черный лѣсъ, Чута (оба эти лѣса и теперь занимаютъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и находятся въ сѣв.—вост. углу александрійскаго уѣзда, начиная отъ Знаменки къ Цыбулеву и далѣе), крутыя и глубокія балки по рѣкамъ Омельнику, Ингульцу, Ингулу, Сугаклею и Добрянкѣ возлѣ Синюхи; а

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы разскажемъ о томъ, какъ дѣйствовали гайдамаки на пространствѣ между Бугомъ, Синюхою и Днѣпромъ въ 1750 г., какой имѣли успѣхъ въ погонѣ за ними сыскныя команды, какъ подвизались слѣдственныя о гайдамацкихъ дѣяніяхъ коммиссіи, какъ миргородская полковая, генеральная войсковая и кіевская генералъ-губернаторская канцеляріи относились къ ихъ продерзостямъ.

II.

Въ 1749 г. въ Крыму свирѣпствовала *опасная болѣзнь*—чума или холера; тогда „въ осторожность отъ опасной болѣзни за силу указовъ е. и. в. Елисаветы Петровны“ учреждены были караулы и карантины на южной границѣ Малороссіи по обѣ стороны отъ Днѣпра. Карантинныя заставы на право отъ Днѣпра находились: возлѣ теперешняго села Павлыша въ урочищѣ „Ягодная долина“ у рѣчки Омельничка [1]), въ селахъ Крюковѣ, Крыловѣ и въ 40 в. отъ Кіева—въ Васильковѣ; у Синюхина Брода и въ бугогардовой паланкѣ [2]) устроены были карантинные дома. Степные же караулы были расположены: по р. Омельнику отъ Омельника до Ингульца, вверхъ по Ингульцу, при вершинахъ Ингула и Выси. Сторожевую службу въ упомянутыхъ карантинахъ и

если сыскныя команды были уже очень дѣятельны и почему либо не давали гайдамакамъ въ ихъ убѣжищѣ покоя, то они находили себѣ болѣе надежный пріютъ въ запорожскихъ владѣніяхъ вблизи устья Синюхи, на скалистомъ со многими пещерами Мигейскомъ островѣ на р. Бугѣ—исконномъ сборномъ мѣстѣ гайдамацкихъ скопищъ; здѣсь была своего рода гайдамацкая сѣчь—съ атаманами (ватажками), пушками и засѣками; сюда въ первой половинѣ XVIII в. не отваживались добираться сыскныя козачьи команды.

[1]) Рѣка Омельникъ впадаетъ въ Днѣпръ между м. Мишуринъ—Рогъ и сел. Калужино; рѣчка Сухой Омельникъ впадаетъ туда же между сел. Успенскимъ и Деріевкою; ручей Омельничекъ впадаетъ въ Сухой Омельникъ у самой Онуфріевки. Балка *Ягодна* идетъ въ Сухой Омельникъ съ лѣвой стороны возлѣ сел. Павлыша, которое находится въ 10 в. отъ Потоцкой—Каменки и Крюкова.

[2]) Буго-гардовая паланка—запорожскія земли на лѣвомъ берегу Буга (правый принадлежалъ татарамъ); тамъ гдѣ теперь с. Богдановка ананьевскаго уѣзда херсон. губ., былъ запорожскій гардъ, въ коемъ жило начальство, вѣдавшее эти земли: полковникъ, асаулъ, и писарь.

степныхъ караулахъ несли козаки малороссійскаго миргородскаго полка сотенъ: потоцкой, кременчугской и власовской; а ближайшими командирами этихъ карантиновъ и карауловъ были состоявшіе подъ вѣдѣніемъ сотниковъ сотенные атаманы [1]).

Въ февралѣ 1850 г. въ одной изъ упомянутыхъ карантинныхъ заставъ, что были на р. Омельникѣ, произошелъ отмѣнный казусъ; учинившіе казусъ—гайдамаки; потерпѣвшіе же—крымскіе татары и партія запорожцевъ.

Перекопскаго гарнизона Мухамедъ—Джанъ Ага и съ нимъ шесть его товарищей „съ купеческимъ промысломъ" ѣхали въ Россійскую имперію, или иначе везли на продажу бугасовые (бугасъ—это шерстяная матерія чернаго цвѣта, чрезвычайно плотная) кафтаны и крымскіе смушки. Когда же они доѣхали до р. Омельника, то здѣсь ихъ задержалъ степной караулъ и атаманъ села Потоцкой Каменки Иванъ Сандулъ заключилъ ихъ 4 февраля 1750 г. „въ указный карантинъ", находившійся на р. Омельникѣ, между теперешними селами Онуфріевкой и Павлышемъ, въ урочищѣ Ягодной долинѣ.

Чрезъ два или три дня въ компанію къ Агѣ присоединилась другая партія, состоявшая изъ запорожцевъ—козаковъ куреня иркліевскаго: Мусія Караго, Петра Малаго, Павла Цыгана, Аврама Нагайца, Романа Луни, Михайла Заволоки, Миколы Крочака, Якима Мѣдика съ товаромъ—„съ рыбою осетрами во восьми возахъ", да незамайковскаго куреня Наума Носа съ товариствомъ—„съ солью въ пяти возахъ". Каждую фуру съ осетрами везла тройка лошадей, а у Наума Носа съ товариствомъ было десять лошадей; запорожцы направлялись въ Миргородъ на ярмарку, бывшую тамъ въ послѣднихъ числахъ марта, предполагая тамъ сбыть и рыбу, и соль. Но какъ Агѣ не суждено было перешагнуть Ягодной долины, такъ и запорожскимъ осетрамъ не удалось побывать въ Миргородѣ, потому что когда запорожцы, слѣдуя по „великому шляху", пріѣхали въ урочище „Ягодную долину", тотчасъ Иванъ Сандулъ остановилъ ихъ и

[1]) Малорос. полкъ дѣлился на нѣсколько сотенъ; сотня, какъ земельная единица, состояла изъ нѣсколькихъ селъ, хуторовъ и мѣстечекъ; сотнею завѣдывалъ сотникъ.

предложилъ остаться въ указномъ карантинѣ. Козаки открещивались отъ карантина и говорили, что они ѣдутъ изъ мѣста благополучнаго—прямо изъ Сѣчи, въ доказательство чего предъявили свои паспорты.

Но атаманъ Сандулъ твердо исполнялъ свою карантинную службу: разъ получилъ онъ изъ полковой канцеляріи такую инструкцію, чтобы не пропускать ни коннаго, ни пѣшаго, слѣдующихъ со стороны Крыма,—то онъ не полагалъ никакихъ исключеній, даже и для своего брата—козака, и сколько ни просили запорожцы о пропускѣ ихъ чрезъ карантинную заставу, сотникъ оставался глухъ и нѣмъ: паспорты отъ запорожцевъ отобралъ и засадилъ ихъ въ указный карантинъ.

Такимъ образомъ, запорожцы остались въ карантинѣ и, вмѣстѣ съ татарами, вынуждены были коротать свое время. У запорожцевъ кстати имѣлся изрядный запасъ „тютюну и горилки", почему они смалили *люльки* и тянули *горилку*, да иногда тараторили съ толмачемъ, находившимся при татарахъ; съ татарами же особенно не сообщались, такъ какъ они—*бусурмены* и рѣчи козацкой не понимали, знай себѣ пьютъ мерзкое кобылье молоко и ѣдять *лошатину*; впрочемъ, Ага иногда развлекалъ Караго, Носа и прочихъ,—показывая имъ свое добро: кафтаны бугасовые, смушки крымскіе, сабли турецкія, ружья, пистолеты и сѣдла. Запорожцы кое чѣмъ соблазнились: купили пять сѣделъ, нѣсколько смушковъ, сабель и ружей.

Такъ проходили дни за днями. Наумъ Носъ не безпокоился за соль, а Мусій Карый безпокоился,—онъ съ товариствомъ частенько поглядывалъ на своихъ осетровъ.

— Колыбъ не зпаскудыло.... говорилъ Мусій, оглядывая возы съ рыбой.

— Эге, якъ подме нызовый!.... Гляды, видкиля и визмецця!.... говорило товариство.

Но *низовый* не дулъ и осетры пока не портились.

— Де—що продамо по дорози и у Кременчузи, а то вже у Мыргороди всихъ роскуплять! Та ще времня таке пидходяще—пистъ! Хапатымуцця та ще онъ якъ за таку добру рыбу!...

Днивъ ще мабуть зо тры, та вже и сидинню тому буде кинець!...

Такъ думали и гадали чубатые запорожцы; но случилось иное—въ одну роковую ночь всѣ планы ихъ были разрушены.

III.

Въ ночь съ 27 на 28 февраля Микола Крочакъ, Якимъ Мѣдикъ, Михайло Заволока и двое товарищей Наума Носа находились въ с. Потоцкой Каменкѣ; а въ карантинѣ при возахъ оставались шесть „старыхъ" запорожцевъ съ двумя хлопцами. Вблизи запорожскихъ возовъ—саженяхъ въ 30—стояли татарскія кибитки; нѣсколько поодаль отъ товара помѣщались совмѣстно татарскія и запорожскія лошади и ихъ оберегалъ только одинъ татаринъ. Недалеко отъ табора—„не далѣе какъ въ полторы гонъ"—возлѣ стрѣлецкаго мостка стояли на стражѣ пять человѣкъ козаковъ: четыре пѣшихъ и одинъ конный.—Это былъ караулъ, „учрежденный и поставленный атаманомъ Сандуломъ *для береженія* запорожцевъ и татаръ".

Уже давно погасъ сумрачный февральскій день; кругомъ была гробовая тишина и такъ темно, что хоть глазъ выколи.

Татары усѣлись въ кружокъ, жарили да ѣли шашлыкъ, запивая его кумысомъ, одному только Агѣ что то не ѣлось и не пилось; онъ говорилъ, что на него напалъ какой то страхъ, что онъ среди всей этой обстановки чувствуетъ себя какъ бы подъ гробовой крышкой. Слушая такія рѣчи, товарищи перекинулись однимъ—другимъ словомъ и замолчали; умолкъ и Ага, погрузясь въ какую то думу. Остальные татары тоже чего то насупились, повѣсили носы и учащенно дымили изъ трубокъ. Взгрустнулось и юркому говорливому толмачу. Онъ то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ заговаривалъ, но бесѣда что то не клеилась. Чтобы размыкать напавшую на всѣхъ неопредѣленную тоску, отправился толмачъ къ запорожскимъ возамъ. Здѣсь было не то,—здѣсь рѣчи рѣкой лились и компанія хохотала до упаду: сидя возлѣ костра за вечерей, запорожцы прохаживались на счетъ Романа Луни,—поймавшаго сегодня въ Каменкѣ *óблызня*

отъ молодой бабы. Когда къ веселой компаніи подошелъ толмачъ, тутъ сейчасъ и надъ нимъ подтрунили, предложивъ ему „кулиша зъ саломъ“. Юркій и находчивый татаринъ не потерялся,—отпустилъ нѣсколько прибаутокъ и вступилъ въ разговоры. Разговоры эти были, должно быть, очень интересны, ибо запорожцы довольно долго балагурили съ нимъ. Когда же татаринъ—толмачъ пошелъ къ своей будкѣ, запорожцы тотчасъ же легли спать.

Толмачъ, пришедши въ будку, перекинулся нѣсколькими фразами со своими товарищами, завернулся въ халатъ и захрапѣлъ; захрапѣли скоро и остальные татары, кромѣ Аги,—этому не спалось: въ головѣ у него стучало, въ ушахъ звенѣло, дышалось тяжело, къ тому же мрачныя мысли одна за другой такъ и лѣзли ему въ голову; его тяготило какое то мрачное предчувствіе—и лишь по временамъ онъ впадалъ въ полузабытье.

А въ это время на вершинѣ Ягодной долины уже были степные украинскіе львы—страшные гайдамаки; ихъ собралось 12 человѣкъ, теперь они ползли къ татарскимъ будкамъ—и съ быстротой молніи нагрянули на спящихъ татаръ.

Прежде всего досталось несчастному Агѣ. Еще когда подкрадывались къ шатру гайдамаки, ему послышался какой то подозрительный звукъ,—онъ сталъ прислушиваться,—кругомъ все было тихо, но гдѣ то за будкой опять послышался тотъ же подозрительный звукъ. Ага навострилъ уши—опять тихо; наконецъ, слышитъ онъ у самой будки шорохъ и шепотъ, схватывается, и съ кинжаломъ въ рукѣ, въ одной рубашкѣ выскакиваетъ изъ будки; но едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ чья то рука всадила ему списъ въ лѣвое плечо; Ага замахнулся кинжаломъ, но другая рука вонзила ему списъ въ правое плечо; завязалась отчаянная борьба; отмахиваясь кинжаломъ, Ага вырвался изъ среды убійцъ и весь окровавленный пустился бѣжать къ запорожскимъ возамъ, за нимъ по пятамъ гнался гайдамакъ.

Когда Ага сражался возлѣ будки, толмачъ, заслышавъ шумъ, вскочилъ, чтобы бѣжать, но едва онъ успѣлъ сдѣлать шагъ, какъ нѣсколько гайдамаковъ проникли въ самую будку, гдѣ наткнулись сейчасъ же на толмача и нанесли ему нѣсколько ранъ; но послѣдній какъ то изловчился и, вырвавшись вонъ изъ

будки, оставилъ въ ихъ рукахъ свой халатъ; метнувшійся вслѣдъ за нимъ гайдамакъ успѣлъ лишь схватить его за рубаху, но ловкій татаринъ вынырнулъ изъ рубахи — и голый полетѣлъ стремглавъ тоже къ запорожскимъ возамъ; схватившій рубашку гайдамакъ побѣжалъ за нимъ; толмачъ это слышалъ и кричалъ о помощи.

— Го-ой!... Алла!... Атаманъ!... козаки!... ратуйте! Харцизъ рѣжетъ!...

Заслышавъ крикъ, Мусій Карый вскочилъ на ноги, какъ ошпаренный, и видитъ сцену: мимо запорожскихъ возовъ бѣгутъ два татарина—одинъ весь въ крови, другой совсѣмъ голый; слѣдомъ за ними гонятся два человѣка, всѣ они бѣгутъ мимо него—Мусія.

— Хто такый? окликалъ Мусій.

— Цыть, вражый сыну! И васъ выриже́мъ! сердито гаркнули преслѣдовавшіе. Услышавъ такую рѣчь, Мусій оробѣлъ, моментально приникъ къ землѣ, поползъ къ возамъ Наума Носа; возы Наума стояли далеко—возлѣ шляху. Добравшись ползкомъ до Наума, Мусій разбудилъ его, сообщивъ ему на ухо ужасную вѣсть. Испугался и Наумъ и не рѣшился идти къ возамъ Мусія. Находясь вдвоемъ возлѣ шляху, Мусій и Наумъ не видѣли, что творилось около возовъ. А тамъ происходило вотъ что: толмачъ юркнулъ въ первый попавшійся промежутокъ между возами и притаился тамъ; Магметъ Ага ворвался въ запорожскую будку, гдѣ спали два хлопца, и обезсиленный, истекающій кровью шлепнулся прямо на одного изъ нихъ; хлопецъ перепугался съ просонку, почувствовавъ на себѣ тяжесть навалившагося тѣла, и, выбравшись изъ-подъ него, съ ужасомъ увидѣлъ окровавленнаго татарина. Разбудивши своего товарища, хлопецъ во всѣ лопатки пустился съ нимъ въ Каменку, „вѣдомости даваты“.

IV.

Пока ночью два вѣстника спѣшили въ село Каменку, находившуюся въ 10 верстахъ, то скорымъ шагомъ, то *пидбигцемъ*, въ карантинѣ гайдамаки на чисто управились съ татарами и ихъ

добромъ. Сначала они принялись за татарскія буды: одни изъ гайдамаковъ повязали татаръ и стояли съ ножами надъ ихъ головами, другіе таскали все, что было въ будкахъ; и какъ повытаскали всѣ татарскіе пожитки, то пошли къ ихъ лошадямъ. Бывшій здѣсь сторожъ татаринъ спалъ, гайдамаки разбудили его,—имъ нужно было вывѣдать, какіе изъ коней татарскіе и сколько ихъ. Пробужденный татаринъ сразу узналъ, что это харцизы, и надѣлалъ крику; его ткнули списомъ въ руку,—татаринъ вторично закричалъ; тогда, приставивъ ножъ къ самому горлу, гайдамаки обратились къ нему: „Якъ ты, собача твоя харя, ще крычатымешъ, такъ ось тоби.... такъ и покотыться погана твоя башка!“ Татаринъ онѣмѣлъ. Надъ нимъ сейчасъ подсмѣялись: „Эге, заципыло! Якъ воды у ротъ набрала, погана вира!... Вже більшъ не будешъ крычаты!“ И стали допрашивать *погану виру*: „Де твои кони? Покажы! Та гляды—не збрешы, бо мы бачылы вашыхъ коней!“ Татаринъ съ полною покорностію показалъ всѣхъ семь коней. Моментально кони были взяты, а татаринъ связанъ.

Забравши лошадей, нагруженные татарскимъ добромъ гайдамаки, какъ вихрь, умчались и исчезли благодаря ночной тьмѣ. Тѣмъ временемъ караулъ, поставленный атаманомъ Сандуломъ для береженія козаковъ и татаръ, сладко дремалъ на своемъ посту; не проснулся онъ и при гайдамацкой расправѣ,—не слыхалъ онъ и *гука*, происходившаго въ таборѣ; и только тогда караульные очнулись отъ сна, когда гайдамаки съ добычей уносились въ степь[1]).

Такимъ образомъ караульные, прозѣвавъ гайдамацкій набѣгъ, поспѣшили въ таборъ, гдѣ какъ только все успокоилось и „*гукъ*“ утихъ, татары поприходили къ запорожскимъ возамъ „вязаные“;

---

[1]) Атаманъ Иванъ Сандулъ потòмъ такъ описывалъ поведеніе своего караула: „Оніе караульніе чинимаго разграбленія надъ татарами не слыхали; но какъ уже з забратими татарскими пожитки гайдамаки ѣхали прямо к стрелецкому мостку, то оніе караульніе 4 человѣка—какъ скоро послихали здалека—окликали: що за люде? а оніе гайдамаки, которихъ немалимъ числомъ било, какъ скоро возможность допустить бегучи, проѣхали насилно караулъ, сказивая всторону: дьяволови сыны! и уехали сѣчовымъ шляхомъ въ степъ; козакъ, который стоялъ на караулѣ влѣво къ греблѣ стрелецкой, объявилъ, что онъ окликалъ тѣхъ гайдамакъ: кто идетъ? и ему говорили: свои! и на сѣчевой шляхъ прямо въ степъ отъѣхали“.

Мусій Карый развязалъ ихъ и сталъ распрашивать „пытать“: „сколько гайдамаковъ было и гдѣ вашъ старшій Магметъ Ага?“ Татары говорили, что „харцизъ було з двадцять человѣкъ, а за Магмета не вѣдаемъ,—чы не мае межи вашими возами“. Начали искать Агу; нашли его въ запорожской будкѣ. Нашедши Агу, татары стали „кликать“ его; онъ былъ еще живъ и сказалъ: „не пойду отсель, вкрыйте мене здѣсь!“ Агу укрыли. Затѣмъ вся громада—запорожцы и татары—пошли къ татарскимъ будкамъ, гдѣ и застали полное опустошеніе: изъ повозокъ повытаскано было почти все, кое что было разбросано и валялось на землѣ. Пошли къ лошадямъ: ни одной татарской „коняки“ нѣтъ—всѣ забраны, а запорожскіе на лицо всѣ до одной и стоятъ на своихъ мѣстахъ.

Но вотъ снова послышался глухой гулъ; запорожцы и татары бросились къ возамъ, вооружились—кто ружьемъ, кто обухомъ, кто списомъ; караульные наладились палить; ждутъ; гулъ все ближе и ближе, всѣ думаютъ, что гайдамакъ скачетъ, но это прибѣжала татарская осѣдланная лошадь, вырвавшаяся изъ рукъ грабителей.

Одновременно съ этимъ и хлопцы прибыли въ Каменку, гдѣ сначала бросились къ атаману Ивану Сандулу и извѣстили его о случившемся съ ними въ будкѣ: что туда къ нимъ вскочилъ весь въ крови татаринъ, упалъ на одного изъ нихъ и еле еле проговорилъ: „харцизъ рѣжетъ!“ Съ этимъ же извѣстіемъ они поспѣшили къ Якиму Мѣдику и прочимъ его товарищамъ, ночевавшимъ въ Каменкѣ.

V.

Получивъ отъ хлопцевъ извѣстіе, атаманъ Сандулъ взялъ козака и поскакалъ съ нимъ къ Ягодной долинѣ. Вслѣдъ за нимъ помчались туда же Якимъ Мѣдикъ съ товарищами. Было далеко за полночь. Сандулъ, прибѣжавъ къ табору, спросилъ: гдѣ Магметъ? Атаману сказали, что Магметъ раненъ и находится въ козацкой будкѣ.

— Що тутечки подіялось таке? спросилъ атаманъ.

Ему разсказали о случившемся. Мусій Карый говорилъ, какъ его настращали гайдамаки обѣщаніемъ: „и васъ выррижемъ!" какъ онъ поползъ тогда къ Науму Носу. Наумъ Носъ говорилъ, что онъ и Карый не рѣшились вдвоемъ идти къ татарскимъ будкамъ, такъ какъ замѣтно было, что возлѣ запорожскихъ возовъ стояли на стражѣ гайдамаки. Остальные четыре запорожца заявили, что они ничего не видѣли и не слышали, ибо крѣпко спали въ своей будкѣ, а были разбужены Мусіемъ, когда никакого *гуку* и гайдамаковъ уже не было. Татары же пристали тутъ къ атаману, единогласно обвиняя запорожцевъ въ томъ, что будто бы запорожскіе козаки имъ „спомоществованія дать и мало не похотѣли, да и лошадѣ ихъ, на пастьбѣ ходячіе купно з запорожскими, вылуча, угнато, а запорожскихъ ни едного не взято".

Запорожцы сердито замѣтили татарамъ, что хотя бъ они, запорожцы, и не спали, все таки помощи не могли бы дать, ибо гайдамаковъ было много, и темною ночью пускаться пяти—шести человѣкамъ „на ратуванье" было опасно.

— Та воно такъ! замѣтилъ Сандулъ.

— Та щожъ караулни?... Якъ же це воны?... Дежъ вони булы?... восклицалъ онъ.

— Ось—осьдечки! отозвались караульные и повѣдали своему атаману, что они стояли каждый на своемъ посту, а того „*гуку*", того разбойства никто изъ нихъ не слыхалъ и не видалъ, въ таборѣ было тихо; только когда уже верховые бѣжали къ стрѣлецкому мостку, то они—караульные—„окликáли" бѣжавшихъ, и тѣ бѣжавшіе, ругаючись, ускакали сѣчовымъ шляхомъ въ степь.

— Отто караулни!... и не чулы.... бодай бы вамъ позакладало!... замѣтилъ атаманъ, выслушавъ рѣчи своихъ караульныхъ.

— Неначе оттутъ якъ обійшовъ хтось.... якъ наворожило щось!... оправдывались караульные.

— Бува!... Чого не бува на свити божому!... глубокомысленно замѣтилъ Романъ Луня.

Тѣмъ временемъ, когда атаманъ Сандулъ „извѣщался о случившемся", подоспѣлъ къ табору и Якимъ Мѣдикъ. Онъ сейчасъ полѣзъ въ запорожскую будку и сталъ „ворушыть" лежавшее здѣсь тѣло; тѣло было холодное и не издавало ни единаго звука.

— Отъ тоби й на!... вже Магметъ дуба давъ.... нежывый! сказалъ Якимъ подошедшему атаману.

— Що?... Якъ?... спросилъ атаманъ.

— Кажу жъ, що ворушывъ—ворушывъ Магмета, а винъ и не озывается!... Нежывый!... повторилъ Якимъ.

— Та то мабуть винъ такъ злякавсь, що не озывается! замѣтилъ атаманъ.

— А ну, мерщій, розведить вогню! Побачымо по видному, що воне таке и якъ воно!... приказалъ онъ.

Возлѣ возовъ развели огонь. Запылалъ костеръ—и ужасную картину освѣтилъ онъ предъ атаманомъ и запорожцами! Въ лужѣ крови лежалъ Магметъ Ага, вѣки у него были полуоткрыты, далѣе виденъ былъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, рука со скорченными пальцами нѣсколько приподнята....

— Я жъ казавъ, що винъ нежывый... одубивъ... раздался голосъ Якима среди общаго безмолвія.

— Эге, отъ воно що!... воскликнули нѣкоторые.

Зарыдали татары, увидѣвъ мертвымъ своего несчастнаго товарища. Перекрестились козаки.

— Такъ, мабуть, на роду ёму бидному напысано! замѣтилъ кто то изъ нихъ.

— Оце!... Оце!... Ачъ якъ!... И каравульныхъ поставывъ... а воно бачъ воно що!... Оце на лыху годыну!... восклицалъ въ недоумѣніи Сандулъ.

— Бува... ще й не те бува!... замѣтилъ преспокойно Романъ Луня.

— Треба жъ хочъ роздывытця, що воно ёму тамъ зроблено! сказалъ Сандулъ.

Вытащили мертвеца изъ будки, положили его предъ огнемъ и стали „роздывлятця“: между плечъ зіяли двѣ глубокія раны.

Только что окончили осмотръ Магмета, какъ вдали послышался вой волковъ. Чубатые запорожцы сняли „капелюхы“ свои и перекрестились; имъ не разъ приходилось слышать этотъ степной концертъ, но теперь онъ казался имъ болѣе дикимъ, страшнымъ.

— Отто на лыху годыну! ще цёго не доставало! Це жъ вона, бисова звирюка, теперечкы тичками бига! Колыбъ коняку яку

не вхопыла! говорили они между собой, и для безопасности разложили костеръ возлѣ лошадей.

Не прошло и получаса, какъ раздался далеко крикъ „ау!“ Крикъ повторился нѣсколько разъ и замеръ въ дали степной.

— А це ще шо таке?... Це неначе видтыля, де караулни стоять—по той бикъ яру! сказали нѣкоторые.

— Та неначе видтыля! Мабуть тамечкы щось е?... Замѣтили другіе.—Хыба вовкы пораються!...

— А вжежъ на-охляпъ не крычатыме! сказалъ Сандулъ и послалъ двухъ козаковъ на развѣдки.

Скоро посланные явились съ третьимъ верховымъ, который былъ изъ караула, находящагося въ 7 верстахъ отъ карантина вверхъ по Омельничку.

— Мабуть чоловикъ з пятнадцятеро, а може й бильшъ, выскочыло з яру, та набигло на будку, та увесь харчъ забралы, якъ есть усе, що у будци було! объяснилъ козакъ атаману Сандулу.

— Та хто жъ гукавъ? Ты такы? спросилъ Сандулъ.

— Эге, я жъ такы! Мы жъ такы—каравулни! Насъ тры чоловыки выихало у степъ слидомъ за харцызамы, та якъ уздрилы огныще, тай гукнулы,—сказалъ козакъ.

— Та де жъ воны?... Якъ же це воны?... сталъ допытываться Сандулъ.

— Хто такий?.. каравулни?.. въ свою очередь спрашивалъ козакъ.

— Та ни! Люде жъ таки ты, що харчъ забралы... харцызы?... пояснилъ атаманъ.

— Забралы жъ харчъ, кажу жъ, увесь; кульбакъ зо тры, дви буркы, пару чобитъ, рядныну забралы, казанокъ бывъ щербатый—и той узялы, та у степъ ударылысь сичовымъ шляхомъ!... вторично доложилъ казакъ.

— Оце лыха годына! Котрый оце рикъ те гайдамацтво гарцюе?!... то було купцивъ та татарву обдыраютъ, ляхивъ руйнуютъ, а це вже й на саму̀ сторо́жу накыда̀ются...

— Тай не въ дывовыжу, що татарву тутечкы попапалы!... перебилъ Сандула Мѣдикъ.

— Сказано, темна ничъ! На лыхого чоловика—воно якъ разъ на руку! прибавилъ Романъ Луня.

— Що тамъ ничъ!... Ось у день воны шпурхають по степахъ, якъ вовкы,—оце гледы видкыля и визьмытся верховець або двое! Сёгодни два чоловикы занялы нашу коняку; насъ четверо вдарылось за имы, гнались верстовъ зъ десятокъ; якъ ускочылы воны у яръ биля Ингульця, такъ якъ кризь землю провалылысь! Цилисенькій день издылы мы жъ такы по-надъ яромъ—нема тай годи! сказалъ козакъ.

— Эге, це жъ воны вамъ и оддячылы за те, що вы гналысь за имы, та назырцемъ издыли по-надъ яромъ, — мабуть имъ нудно було сыдиты увесь день у яру!... разсуждалъ Мусій Карый. Съ его мнѣніемъ согласились остальные и рѣшили, что ограбившіе караульныхъ были тѣ самые гайдамаки, которые управились и здѣсь съ татарами.

VI

Дождавшись разсвѣта, атаманъ Сандулъ послалъ гонцовъ въ разныя стороны для сысканія „разбойнаго слѣду", и самъ съ нѣсколькими козаками пустился на поиски ночныхъ забіякъ, ограбившихъ татаръ и караульныхъ.

Начало было удачное: Сандулъ вывелъ слѣдъ на хуторъ Зѣнцовъ. Потрусили (обыскали) хуторъ,—обшарили въ немъ всѣ закоулки и не нашли нигдѣ ничего подозрительнаго. Отъ хутора разбойничій слѣдъ потянулся влѣво къ греблѣ стрѣлецкой, гдѣ въ ночь на 28 февраля на караулѣ стоялъ козакъ. Отсюда слѣдъ выбѣжалъ на сѣчевой шляхъ—и на шляху исчезъ.

Разумѣется, за вѣтромъ въ полѣ ничего было гоняться,—и Сандулъ поспѣшилъ въ Каменку, чтобы увѣдомить поскорѣе о случившемся потоцкую сотенную канцелярію.

Сотникъ потоцкій Юрій Сахатовъ, получивъ 1 марта это извѣстіе, того же дня поспѣшно прибылъ въ Ягодную долину и здѣсь лично разузналъ о подробностяхъ разбоя и пробылъ до вечера, поджидая козаковъ, посланныхъ Сандуломъ на развѣдки. Разсыльные, проѣздивъ цѣлый день, воротились ни съ чѣмъ: подозрительныхъ людей они не видѣли; разъѣздныя команды, какія попадались имъ, гайдамаковъ не встрѣчали; по балкамъ, лѣс-

камъ и очеретамъ пусто. Выслушавъ такія вѣсти, Сахатовъ не оставался болѣе въ карантинѣ,—постарался поскорѣе отъѣхать домой, такъ какъ и татары, и запорожцы надоѣли ему своими жалобами.

— Колы вже кинець буде тому сидинню! говорили запорожцы. Мы жъ таки люды не абы якы: и пашпорты маемо, и хуры маемо—та ще не прости, а зъ рыбою, та ще онъ зъ якою! И коней бильшъ якъ тритцятеро маемо! Це жъ такы не шкуры яки, або̀ медъ, а рыба! Якъ вона лежатыме, такъ ни на вищо переведеться, пропаде, якъ собака у ярмарку! Тай худоба стоить такечкы безъ ніякого дила! печаловались запорожцы.

Сотникъ Сахатовъ кое какъ отдѣлывался отъ тѣхъ и другихъ: татаръ онъ утѣшалъ тѣмъ, что „харцызы" всенепремѣнно будутъ сысканы и примѣрно наказаны, что заграбленное ихъ имущество будетъ найдено, и жалоба на запорожцевъ и козаковъ будетъ разсмотрѣна; запорожцамъ обѣщалъ скорый отпускъ,—говорилъ, что хотя они люди честные и извѣстные, но какъ свидѣтели разбоя—сейчасъ не могутъ быть отпущены, безъ разрѣшенія полковой миргородской канцеляріи.

— Та вже жъ оцѐ мы и йидемо у Мыргородъ, треба жъ на ярмарокъ поспишаты! А якъ пійде те пысання, той кинця ёму не буде! Це вже мы добре знаемо, яке те скоре пысання бува̀! Мы жъ якъ бы оцѐ прыихалы у Мыргородъ, тамечкы жъ такы прямисинько самому полковныкови усе бъ и розказалы, що и якъ подіялось тутечкы зъ татарамы! Такъ воно дило скоришъ буде: значыться, и рыбу продамо, и допросьни речи виддамо̀!

Возраженія запорожцевъ не убѣждали ни сотника, ни атамана, указывавшихъ имъ, что, быть можетъ, имъ, запорожцамъ, не придется побывать въ Миргородѣ, они могутъ продать рыбу и не доѣзжая до Миргорода; а выѣхавъ изъ карантина, они тѣмъ самымъ навлекутъ на себя подозрѣніе: высшія власти подумаютъ, что и они, запорожцы, были въ стачкѣ съ грабителями; вотъ уже и теперь татары жалуются, что запорожцы помощи дать не похотѣли, и въ доказательство этой жалобы будутъ ссылаться на немедленный отъѣздъ ихъ изъ карантина; на сотника и атамана будутъ жаловаться татары, что запорожцы намѣренно

были выпущены, чтобы скрыть слѣды преступленія, сдѣланнаго гайдамаками, и совѣтовали кому либо изъ нихъ отправиться за Днѣпръ и тамъ пріискать купцовъ на рыбу. „И сино буде циле, и козы будуть сыти: и рыбу продасте, и въ сумнѣніи (въ подозрѣніи) не будете!“— говорили сотникъ и атаманъ.

— А бодай того сина никòму не исты!... Оце, на лыху годыну!.... И де вона узялася оця татарва, щобъ ій добра не було!... Хто варывъ, а кому хлыстаты!... говорили запорожцы, хватаясь за свои оселедцы (чубы).

— Пидождемо ще трохы! Побачымо, що воно зъ тòго выйде!... покы на погоди стоить, воно щебъ то й ничòго!... рѣшили они, и стали дожидаться изъ миргородской полковой канцеляріи резолюціи.

VII.

Прибывъ домой, сотникъ Юрій Сахатовъ, 2-го марта, послалъ въ миргородскую полковую канцелярію доношеніе, въ которомъ подробно описалъ происшедшее въ Ягодной долинѣ въ ночь съ 27 на 28 февраля 1750 года. Въ концѣ онъ спрашивалъ: „и запорожцевъ тѣхъ содержать ли подъ карауломъ, или отпустить ихъ съ товарами, якіе въ нихъ имѣются“.

Получивъ упомянутое донесеніе, полковая канцелярія 5-го марта представила его „въ высокое разсмотрѣніе“ господину генералъ-аншефъ кавалеру и кіевской губерніи генералъ-губернатору Михаилу Ивановичу Леонтьеву, увѣдомила о томъ и генеральную войсковую канцелярію, а потоцкому сотнику на его доношеніе „въ резолюцію“ послала указъ, и тѣмъ указомъ „велѣно“ учинить справку и по оной рапортовать, въ какомъ урочищѣ тѣ татары заключены были въ карантинъ, въ одномъ ли мѣстѣ съ ними были запорожцы, какихъ они куреней и сколько ихъ числомъ, и караулъ въ какомъ числѣ людей учрежденъ, и для чего разграбленіе допущено караульными? Потоцкій сотникъ Сахатовъ, получивъ указъ, препроводилъ его каменскому атаману Ивану Сандулу и послалъ ему ордеръ съ предложеніемъ „прислать *праведный отвѣтъ* о нападеніи на заключенныхъ въ

карантинѣ татаръ и о протчемъ". Такимъ образомъ началось канцелярское бумагомараніе, на какое ушло чуть ли не три недѣли.

Татары, предчувствуя, что дѣло затянется, давно убрались домой, чтобы искать черезъ хана удовлетворенія за свои обиды.

Запорожцы, несмотря на карантинную скуку, имѣли терпѣніе выжидать резолюціи относительно своего отпуска на миргородскую ярмарку. Правда, не разъ во время этого карантиннаго сидѣнья, ѣздили запорожцы въ Каменку и здѣсь приступали къ Сандулу съ требованіемъ отдать имъ паспорты и отпустить ихъ; но всякій разъ безуспѣшно возвращались въ ненавистный карантинъ: Сандулъ паспортовъ не давалъ, а указывая на необходимость дождаться „резолюціи", совѣтовалъ, чтобы двое или трое изъ нихъ, взявъ у него билетъ, отправились за Днѣпръ да пріискали бы тамъ купцовъ на свои товары—рыбу и соль.

Совѣтовъ Сандула запорожцы не слушали, ибо свободолюбивые „лыцари" всякій арестъ считали для себя тяжкимъ оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ паспортахъ прописано было: „чинить имъ свободный пропускъ".

Безпокойство ихъ возрастало съ каждымъ днемъ; погода становилась все теплѣе и теплѣе и миргородская ярмарка была что называется „уже на носу". Запорожцы намѣревались предпринять что либо рѣшительное и уже стали готовиться къ выѣзду изъ карантина,—какъ 16 марта раненько утромъ явился туда атаманъ Сандулъ. Обрадовались запорожцы, когда увидѣли его—думали, что атаманъ пришелъ объявить имъ отпускъ; но онъ сообщилъ запорожцамъ не веселую вѣсть: ему ордеромъ велѣно, дать праведный отвѣтъ о разбоѣ, бывшемъ 27 февраля; а для сего ему необходимо снять „сказку" съ нихъ, яко свидѣтелей того разбоя; сію сказку потоцкій сотникъ сегодня отправитъ въ миргородскую канцелярію, которая съ полученіемъ „сказки" разрѣшитъ имъ отпускъ. Запорожцы подумали, что и въ самомъ дѣлѣ это такъ будетъ, и успокоились. Допросъ былъ снятъ,—собственно показаніе далъ только Мусій Карый, какъ самый почтенный изъ нихъ и болѣе знакомый съ обстоятельствами разбоя [1]).

---

[1]) Вотъ текстъ этой сказки:

„1750 г. марта 16, я нижеподписавшійся козакъ Сѣчи запорожской ирклѣев-

Снявъ допросъ, Сандулъ сейчасъ метнулся въ Каменку, написалъ репортъ, въ коемъ изъяснилъ о поведеніи своего караула [1]), въ какомъ урочищѣ были заключены татары и запорожскіе козаки, и ходатайствуя о послѣднихъ, писалъ, что затруднительно задерживать ихъ долѣе, ибо у нихъ „товаръ таковый—рыба осятра“, что при настоящей теплой погодѣ можетъ „прійтить въ порчу“. Къ репорту Сандулъ присовокупилъ копію до-

скаго куреня Мусѣй Карый сказкою показалъ“,—такъ начинается показаніе,—и показалъ Карый слѣдующее: „будучи в карантини посаженій в урочищѣ Ягодной долини з рыбою в восми возахъ, да незамаивского куреня Наумъ Носъ з солю з товариствомъ в пяти возахъ, прошлаго февраля 27 противъ 28 отъ вишеписанихъ возов ночовали в селѣ Камянцѣ пять человѣка ихъ товариства, а при возахъ точію било 6, старихъ хлопцовъ 2; якого вечера отъ татарскихъ будокъ толмачъ, пришовши к возамъ запорожскимъ, сидѣлъ долгое время; отисшедши к своей будки—точію поснули; и наехали к нимъ гайдамаки, напали на соннихъ; и какъ вырвался з ихъ рукъ Магметъ в едной рубашки ввесь въ кривѣ, и другій за немъ нагий—закричалъ: „атаманъ и козаки ратуйте, харцизъ рѣжетъ!“ имимо вози запорожскіе прибежали, за которими оніе гайдамаки слѣдомъ два человѣка бежало; и какъ отъ возовъ Мусій Карий окликавъ: хто таковъ? оніе гайдамаки сказали: цить, вражій сыну! и васъ вирѣжемъ! который, улякшись, впавши на землю, полѣзъ къ возамъ Наума Носа; и оттоль з зашляху не видѣли оніе, какъ Магметъ межи вози вбежавши в будку—тамо сонного хлопця напавъ, который хлопецъ сподъ его вилѣзши, побежали в двохъ въ село Камянку ведомости давать; и какъ забрали всѣ пожитки ихъ, пошли къ конѣмъ татарскимъ тѣ гайдамаки, гдѣ будучого сторожа въ коней татарина вдаривши списомъ в руку, то оной крикнулъ двѣчи татаринъ, которому гайдамаки говорили, что не будешь вже болѣе кричать, и питали его татарина: сколько коней? и онойи показалъ имъ вси семь; якіе забравши тѣ лошади и имущество ихъ, отехали отъ онихъ; и изъ тихже татарских лошадей една въ сѣдлѣ без уздечки вскорости прибежала; и какъ той гукъ перестал, поприходивши оніе татаре къ возамъ вязани, которыхъ Мусѣй Карий, порозвязовавши, сталъ питать: сколько гайдамакъ било и гдѣ вашъ старший Магметъ? но оніе говорили, что харцизъ було з двадцять человѣкъ, а за Магмета не вѣдаемъ,—чи немае межи вашими возами? и в будки запорожской знайшедши, стали оніе татаре кликать къ себѣ, который еще живъ будучи сказалъ, что не пойду отсель, вкрійте мене здесь! и какъ вже атаманъ камянскій по извѣщенію вишеписаними хлопцями з козакомъ еднимъ къ табуру прибежалъ и питалъ: гдѣ Магметъ? кой сказалъ: въ будкѣ козацкой; и приехавши з Камянки Якимъ Мѣдикъ, полѣзши в будку, сталъ ворушить и повидѣвъ, что вже дубленъ, говорилъ: вже надежно Мегметъ неживъ! а отаманъ Якиму Мѣдику говорилъ: то, знать, онъ улякшись не озивается! и наклавши край возовъ огонь ввидѣли, что онъ неживъ сталъ; и видно на немъ било, что его списомъ ударито в плечи; что в самую истину сознавши—на томъ и подписался, не умѣючи писания, крестомъ“.

[1]) „Караульные—числомъ 5 человѣкъ—чинимаго разграбленія не слыхали и окликали гайдамакъ уже тогда, когда они бѣжали съ добычею мимо караульныхъ“.

проса, взятаго съ козака Мусія Караго, а также и подлинные паспорты Наума Носа и Караго.

„Праведный отвѣтъ“ атамана Сандула, копію показанія Караго и упомянутые паспорты потоцкій сотникъ Юрій Сахатовъ того же дня, 16 марта, представилъ въ полковую миргородскую канцелярію; при чемъ онъ „нижайшій особливо покорнѣйше“ просилъ: „объявленнихъ козаковъ запорожскихъ 13 человѣкъ содержать ли подъ карауломъ ихъ самихъ також и товары ихъ,—яко по представленію атамана Сандула имѣется в нихъ рыба осятри, которие отъ нинѣшнаго теплаго воздуха въ порчу приходятъ,—или какъ соизволено будетъ, въ резолюцію имею указу“—велерѣчиво заключилъ г. сотникъ. Но не удалось ему дождаться указа,—запорожцы не затруднились поступить съ собою, съ товарами и худобою по своему усмотрѣнію.

VIII.

Уже 16 марта значительно потеплѣло, подулъ „низовый“; 17-го полилъ сильный дождь, 18-го днемъ и ночью стоялъ такой туманъ, что на разстояніи трехъ шаговъ нельзя было видѣть человѣка; осетровъ совершенно „спаскудыло“; время миргородской ярмарки проходило,—терпѣнью запорожцевъ насталъ конецъ.

— Отъ тоби й те ждання!.. Отъ тоби й зпаскудыло товаръ не нащо!.. Щобъ имъ добра не було!.. Годи вже цему сидинню! И ярмарокъ вже пропавъ, мынувся!.. заорали они, глядя на погоду и на своихъ поблекшихъ осетровъ.

Теперь запорожцы отправились къ атаману Сандулу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выканючить у него хотя свои паспорты. Явились чубатые запорожцы въ Каменку и приступили къ Сандулу.

— Докы вже це сидиння та ждання буде? Чого ще ждаты, чого жъ це усе сидиты?.. Сказку взявъ... товаръ пропавъ... ярмарокъ мынувсь!.. Зроблено усе, чого хотилось! Давай намъ заразъ пашпорты, тай годи!—орали запорожцы.

— Та чого бо мурдуватысь?... Бильше ждалъ! Ще трохы пидождить,—може й завтра резолюція прийде! А тымъ часомъ

котри зъ васъ поѣхалы бъ на той бикъ, тай знайшлы бъ тамечкы купцивъ на товаръ!.. А резолюцію, кажуть, тымъ часомъ будете мать,—отъ якъ невыдно вона прійде! Такіе совѣты преподносилъ Сандулъ своимъ плѣнникамъ и паспортовъ имъ все-таки не давалъ, такъ какъ ихъ у него и не было: они, какъ мы знаемъ, отправлены были въ Миргородъ.

— Якои резолюціи ждаты? На вищо іи у биса ждаты? Хиба мы харцызякы яки, чы що?.. Годи вже ждаты!.. Мынулось те ждання! Якыхъ у чорта купцивъ шукаты, тай на вищо? Хыба хто здыхлятыну купоратыме?..—горячились запорожцы.

— Подаруймо ёму, братци, осятривъ... на снидановъ!.. Хай подавицця имы!..—возопилъ Михайло Заволока.

И братцы метнулись въ карантинъ. Они запрягли фуры; трое пошли за фурами, а остальные десять сѣли на лошадей и направились къ селу Каменкѣ.

Иванъ Сандулъ, замѣтивъ издали процессію, велѣлъ запереть „царину“ [1]) и поставилъ возлѣ нея стражу для недопущенія запорожцевъ въ село.

Когда запорожцы подъѣхали къ царинѣ, то объявили караульнымъ, что они и село разнесутъ, если только караульные будутъ имъ сопротивляться. „Сторожа“ оставила свой постъ,— и запорожцы торжественно всѣ вмѣстѣ въѣхали въ Каменку. Медленно шествуя, прибыли они во дворъ каменскаго атамана Ивана Сандула и здѣсь оставили свои фуры и двадцать лошадей, а сами на остальныхъ „верхы майнулы“ во свояси—въ Сѣчь. Иванъ Сандулъ только руками разводилъ, глядя на всю процедуру въѣзда и выѣзда запорожцевъ. Того же числа, т. е. 19-го марта, атаманъ Сандулъ отрапортовалъ объ отъѣздѣ запорожцевъ потоцкому сотнику Сахатову, при чемъ испрашивалъ отъ

[1]) *Царина*—это ворота при главномъ въѣздѣ въ село; на ночь царина запиралась и возлѣ нея находился караулъ; да и днемъ при ней стоялъ сторожъ и спрашивалъ незнакомцевъ, кто они и зачѣмъ ѣдутъ. Царинъ въ селѣ было двѣ или три, смотря по количеству главныхъ въѣздовъ въ село. И теперь въ Малороссіи во многихъ селахъ есть царины; при нихъ лѣтомъ устраивается будка изъ хвороста или „очерета“; въ будкѣ находится старикъ-сторожъ, который для общественнаго амбара отбираетъ опредѣленное количество сноповъ отъ селянъ, везущихъ съ поля хлѣбъ.

него резолюціи: что дѣлать „съ тѣми товарами и лошадьми?“ Вмѣсто разрѣшенія на рапортъ Сахатовъ 22 марта послалъ о случившемся „нижайшее доношеніе“ въ полковую миргородскую канцелярію. „Сего марта 22“, писалъ Сахатовъ, „сотнѣ моей потоцкой камянской атаманъ Иванъ Сандулъ присланимъ въ сотенную потоцкую канцелярію доношеніемъ представилъ, что содержимiе тамо до резолюціи з полковой миргородской канцеляріи запорожскіе козаки, якие стояли купно въ карантинѣ з татарами, тогожъ 19 марта оные запорозци вси до единого ввезши насильно въ село Камянку вози свои з товари—бросили; коихъ возовъ имеется съ рибою осятрами 7[1]), а из соллю 5, такожъ лошадей 20; а подъ себе взяли по едной лошади верхи и отъехали въ Запорожскую Сечь; хотя же атаманъ Сандулъ и многажды приказовалъ имъ запорожцамъ, чтоби съ нихъ 2 или 3 человѣкъ въ заднепрскіе места за его,—атамана, билетомъ отъехали для пріисканія купцовъ на имеющіе в нихъ товари,—токмо оние притомъ ему, атаману, обявили: *яко де не точію съ насъ 2 или 3, но хотя де и всемъ прикажи и на сию сторону Днепра со всеми возами ити, то де не желаемъ за тимъ, яко уже осятровъ много в порчъ сойшло, а другое—за миновеніемъ ярманку миргородского*; и требовалъ атаманъ Сандулъ темъ своимъ доношеніемъ резолюціи; того ради я нижайшій о предписанномъ полковой миргородской канцеляріи въ високое разсмотреніе представляю, и какъ о томъ будетъ соизволено—въ резолюцію ожидать мею указу“. Такимъ образомъ, Сахатовъ, не давъ атаману Сандулу резолюціи, сталъ дожидаться таковой изъ Миргорода. Это тѣмъ болѣе огорчило Сандула, что ему приходилось теперь няньчиться съ чужимъ добромъ: съ осетрами, солью и конями. Долго упорный атаманъ не разставался съ осетрами, пока они не обратились въ гниль, отъ которой несло на десятую улицу. Тогда Сандулъ собралъ громаду и церемоніально—при свидѣтеляхъ—выкинулъ осетровъ туда, откуда они были взяты—въ днѣпровскія воды.

[1]) Одинъ возъ осетровъ запорожцы распродали, бывши въ карантинѣ: сюда за осетрами пріѣжали изъ Кременчуга.

Такъ то пришлось распрощаться съ драгоцѣнною рыбою. Миргородцамъ не удалось покушать запорожскихъ осетровъ, кіевлянамъ же не довелось и понюхать ихъ, такъ какъ дождись запорожцы резолюціи, пришлось бы тащить ихъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ солью, по распоряженію миргородской полковой канцеляріи, которая постановила такое рѣшеніе: „имѣя сумнѣніе объ вышеозначенныхъ запорожцахъ, не изъ согласія-ль ихъ то нападеніе учинено,—отправить запорожцевъ *со всьми пожитками* для надлежащаго опредѣленія къ генералу-аншефу Леонтьеву, яко запорожскіе козаки въ главной командѣ его находятся". Полковая канцелярія уже изготовила Сахатову ордеръ, чтобы онъ препроводилъ запорожцевъ съ осетрами въ Кіевъ къ Леонтьеву, какъ вдругъ 26 марта получается отъ Сахатова новое донесеніе, что запорожцы, оставивъ свои товары и лошадей въ Каменкѣ, „самоизвольно" отъѣхали въ Сѣчь. Тогда миргородская полковая канцелярія потоцкому сотнику „резолюціи" никакой не дала, и переписку о разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ перенесла въ другую сферу.

IX.

Въ концѣ марта, когда въ Каменкѣ не знали, что дѣлать съ запорожскими осетрами и, наконецъ, ввергли ихъ въ Днѣпръ, явился въ м. Потокъ кременчугскій комендантъ—кіевскаго гарнизона премьеръ-маіоръ—Нѣмцовъ, предъявившій потоцкому сотнику Сахатову указъ. Указъ этотъ полученъ былъ Нѣмцовымъ изъ кіевской генералъ-губернаторской канцеляріи и въ немъ значилось: „по полученному изъ миргородской полковой канцеляріи донесенію вѣдомо стало, что за Днѣпромъ сотни потоцкой въ карантинѣ ночнымъ временемъ противъ 28 февраля сего года нѣсколько человѣкъ гайдамакъ, напавъ на крымскихъ татаръ, едного татарина въ смерть закололи, а двоихъ ранили и все имѣющеесь у нихъ имущество забрали; и ему, Нѣмцову, велѣно тѣмъ указомъ самоточнѣйше произвести о томъ слѣдствіе на мѣстѣ".

Нѣмцовъ и Сахатовъ, кое какъ переправившись черезъ Днѣпръ, прибыли въ Каменку. Здѣсь, во дворѣ атамана Сандула Нѣмцовъ осмотрѣлъ пустые возы, на коихъ были нѣкогда осетры, поглядѣлъ на запорожскихъ коней и отправился къ мѣсту печальнаго событія—въ опустѣвшій карантинъ при Ягодной долинѣ. Нѣмцову показали мѣста, гдѣ находились тогда татарскія будки, гдѣ стояли запорожскіе возы, гдѣ паслись кони, показали ему и урочище, гдѣ былъ караулъ въ ночь на 28 февраля; посѣтилъ онъ хуторъ Зѣнцовъ; проѣхался по сѣчевому шляху. Завывалъ вѣтеръ въ степи, шумѣли вербы въ яру—нѣмые свидѣтели бывшаго разбоя; живыхъ свидѣтелей—запорожцевъ не было; о гайдамакахъ, совершившихъ грабежъ и убійство, и слухъ пропалъ,—они какъ въ воду канули. Повертѣлся—повертѣлся премьеръ-маіоръ въ Ягодной долинѣ, поразспросилъ караульныхъ, такъ искусно сторожившихъ 27 фев. татаръ и запорожцевъ, поговорилъ съ Сандуломъ, затребовалъ изъ потоцкой канцеляріи копію показанія Караго, получилъ отсюда же „праведный отвѣтъ" Сандула „о содержаніи оныхъ татаръ въ карантинѣ" и „инструкцію, какова атаману Ивану Сандулу о имѣніи отъ опасной болѣзни предосторожности съ полковой миргородской канцеляріи дана",—и затѣмъ отправился въ Кременчугъ.

О результатѣ своей поѣздки въ Ягодную долину Нѣмцовъ немедленно отрапортовалъ кіевскому генералъ-губернатору,—сообщивъ ему не болѣе того, что писали прежде него въ миргородскую канцелярію Сандулъ и Сахатовъ.

Въ генералъ-губернаторской канцеляріи втеченіе апрѣля ничего не предпринимали по дѣлу о разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ,—отложивъ его до поры—до времени. За то по этому предмету работали въ канцеляріяхъ полковой миргородской и генеральной войсковой.

Полковая миргородская канцелярія, получивъ донесеніе потоцкаго сотника объ отъѣздѣ Караго и Носа съ товариствомъ въ Сѣчь, припрятала ордеръ, касательно отправки упомянутыхъ запорожцевъ къ Леонтьеву, и 31 марта послала доношеніе въ генеральную войсковую канцелярію, въ которомъ, объяснивъ пер-

воначальный ходъ дѣла, писала: „имѣя сумнѣніе о сихъ запорожцахъ, не изъ согласія ль ихъ то нападеніе учинено, хотя миргородская полковая канцелярія опредѣлила была отправить запорожцевъ со всѣми пожитками для надлежащаго опредѣленія къ генералу-аншефу Леонтьеву; однакъ сего жъ марта 26 сотникъ Сахатовъ присланымъ въ полковую миргородскую канцелярію доношеніемъ—по доношенію къ нему атамана камянскаго Ивана Сандула—представилъ, что тѣ запорожскіе козаки, сего жъ 19 марта вси до единаго, возы свои съ товары, ввезши насильно въ село Камянку, такожъ и лошадей 20, бросили и отъѣхали въ запорожскую Сѣчь; того ради съ прописанныхъ его, сотника, доношеній, такожъ изъ допросу козака запорожскаго Карого и изъ данныхъ имъ—запорожцамъ—изъ Сѣчи пашпортовъ копіи при семъ для разсмотрѣнія представляя, объ ономъ полковая миргородская канцелярія въ генеральную войсковую канцелярію покорно доноситъ“.

Донесеніе это было получено въ Глуховѣ 9 апрѣля. Но еще до этого генеральная канцелярія вознамѣрилась докопаться свѣдѣній о разбоѣ, совершенномъ гайдамаками въ Ягодной долинѣ. Въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію послана была промеморія, въ которой требовалось доставить тѣ самыя свѣдѣнія, какихъ прежде добивалась миргородская канцелярія отъ потоцкаго сотника, и сверхъ того данъ былъ указъ миргородской канцеляріи, коимъ велѣно: „ежели востребовано-бъ было для слѣдствія о томъ кого изъ малороссійскихъ старшинъ, такожъ команды для сыску тѣхъ гайдамакъ, все то скоро за полученіемъ изъ кіевской генерал-губернаторской канцеляріи указа исполнять въ самой скорости; а до полученія того *стараться сыскивать тѣхъ гайдамакъ всемѣрными образы*“.

Получивъ сей указъ, миргородская полковая канцелярія вторично сообщаетъ генеральной канцеляріи данныя о разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ, и только теперь—въ апрѣлѣ—озабочивается „объ искорененіи и поимкѣ тѣхъ гайдамакъ, кои татаръ разбили“. Для этой цѣли она снарядила команду изъ 400 козаковъ, начальниками которой назначила сотниковъ—городисскаго Кодинца и крыловскаго Рудя. Командирамъ—Кодин-

цу и Рудю—дана была надлежащая инструкція: „велено имъ, Кодинцю и Рудю, съ тою командою слѣдовать въ степніе мѣста и тѣхъ шатаючихся по степу гайдамакъ стараться всякими удобовозможными образы ловить, и въ случае безсилія для вспомоществованія давать знать состоящимъ въ заднѣпровскихъ мѣстахъ лантмилицкой и по фарпостамъ резервной командамъ; и ежели тѣ воры могли быть гдѣ пойманни, забивъ в ручніе и ножніе колодки, не отдавая ихъ никому, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать въ полковую миргородскую канцелярію для надлежащаго объ нихъ по указамъ разсмотренія и определенія; а честнимъ запорожскимъ козакамъ и по зѣмовникамъ жителствующимъ, кои къ воровствамъ и разбоямъ не косни, обидъ и разореній не чинить; и за границу, въ польскую и турецкую области, имъ сотникамъ и командѣ ни подъ какимъ видомъ не ѣздить и заграничнымъ людямъ обидъ никакихъ не оказывать—подъ жесточайшимъ по силѣ указовъ штрафомъ".

Объ этомъ своемъ распоряженіи миргородская полковая канцелярія не преминула покорно рапортовать, куда надлежитъ.

Такимъ образомъ, только съ половины апрѣля миргородскіе козаки начали гоняться по степямъ за гайдамаками. На нихъ собиралась гроза и съ другой стороны—со стороны Крыма, откуда крымскій ханъ усиленно требовалъ удовлетворенія за убійство и грабежъ, содѣянные 27 февраля въ Ягодной долинѣ.

X.

Татары, оплакавъ и похоронивъ Магмета Агу въ Ягодной долинѣ, отправились во свояси—въ Крымъ. Они ѣхали сюда добрыхъ 10 дней. Добравшись кое какъ домой при неблагопріятной погодѣ, они поспѣшили въ Бахчисарай и обратились съ жалобой къ хану. Они разсказали, какъ въ карантинѣ ночью напали на нихъ харцизы, Магмета Агу на смерть убили, двоихъ ранили, всѣ товары ихъ, деньги и коней забрали. При этомъ татары обвиняли атамана Сандула, караульныхъ и запорожцевъ—Мусія Караго съ товариствомъ; по ихъ словамъ, Сан-

дулъ умыслилъ ихъ обобрать и съ этою цѣлію задержалъ въ карантинѣ, а запорожскіе козаки, бывшіе въ томъ же карантинѣ, и стоявшіе на караулѣ люди были сообщниками харцизовъ.

Крымскій ханъ, Арсланъ Гирей, вполнѣ повѣрилъ жалобамъ своихъ подданныхъ и немедленно послалъ письмо генералъ-губернатору кіевской губерніи Михаилу Ив. Леонтьеву. Письмо было написано на татарскомъ языкѣ, а переведено на русскій уже въ канцеляріи Леонтьева.

„Въ месійской націи, пишетъ ханъ, между знатными избранный и въ Іисуса вѣрующемъ народѣ между великими господами славный, нынѣ кіевскій генералъ, истинный и высокопочтеннѣйшій пріятель нашъ, Михайла Івановичъ Леонтьевъ, жизнь вашу да окончаетъ Богъ благостію; отдавъ вашему превосходительству пристойно дружеское поздравленіе, чрезъ сіе пріятельски увѣдомляется".

„Перекопскаго гварнизона Мухамедъ-джанъ-Ага съ шестью человѣками товарищей ѣдучи въ россійскую имперію съ купеческимъ промысломъ къ Кременчуку, и какъ доѣхавъ до урочища Эменлыкъ, называемого Каменкой, командиръ Сандулъ злымъ своимъ вымысломъ подъ протестомъ 35 дней безъ выдержанія карантины пропустить не хотѣлъ; и какъ стояли они въ томъ карантинѣ, сего мѣсяца ребуль ахыра на третей недѣли въ среду, ночною порою 20 человѣкъ вооруженныхъ козаковъ на сонныхъ напавъ, помянутаго Агу до смерти убили да одного ранили, протчихъ же 5 человѣкъ товарищей ево перевязали, и притомъ пограбили 35 мешковъ крымскихъ денегъ (десять тысячъ пять сотъ рублей), шесть лошадей, три ружья, одну пару пистолетъ, три сандака, четыре сабли, сѣдло, такожъ все платье и вещи, что у нихъ имелося, пограбя, увезли; а по отъѣздѣ тѣхъ разбойниковъ, въ томъ же мѣстѣ состоящіе при карантинѣ архулупскаго куреня восемь человѣкъ запорожскихъ козаковъ да менскаго куреня пять, пришедъ, вышеозначенныхъ нашихъ людей, развязавъ руки, отпустили; сіи козаки, хотя будто не вѣдаючи о семъ дѣлѣ пришли, но въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, сообщася съ тѣми козаками, которые пожитки увезли, внуше-

ніемъ вышеупомянутого ихъ командира они разбивали; такожъ и на караулѣ стоящіе люди всѣ были притомъ сообщники; и тако будучи имъ такимъ тиранствомъ ограбленнымъ пришедъ къ намъ, обо всемъ обявили. Чего ради, убитаго Аги брата ево Каплана да пограбленнымъ вещамъ хозяевъ—Ахмеда, Мустафу и Хусеина—о взысканіи того человѣка кровавой цѣны[1]) и о требованіи пограбленныхъ имѣній и вещей къ вамъ отправили; во охраненіе между обоими имперіями заключеннаго трактата кондицеи, такожъ и во знакъ содержащейся между нами дружбы и пріятнаго сосѣдства, уповаемъ, что опредѣля къ нимъ нарочныхъ своихъ людей, отъ упомянутого ли командира или отъ казаковъ или отъ караульныхъ людей цѣну крови убитого человѣка и толикое число мѣшковъ денегъ и прочія именіи и пожитки взыскавъ, и все сполна имъ (татарамъ) отдать и по удоволствованію ихъ паки сохранно къ намъ возвратить стараніе приложить свое не оставите".

„Якоже мы козакамъ вашимъ по единому точію слѣду, когда скажутъ—въ такомъ-то мѣстѣ было и въ такое-то урочище слѣдъ палъ, во охраненіе вѣчнаго мира и добраго сосѣдства, хотябъ сіе въ самомъ дѣйствіи было или не было, завсегда всячину возвращаемъ; а сіе дѣло весьма явно и видно, что какъ вышеозначенный командиръ, такъ и состоящіе при карантинѣ караульные люди, такожъ и казаки всѣ во общемъ согласіи были и такое тиранство учинили согласно; и по толикому числу именія и вещамъ, такожъ и крови человѣческой, по силѣ вѣчного трактата кондицеи и доброй дружбы, всуе пропасть весьма неприлично; такожъ и впредь о нечиненіи такихъ продерзостей заказать, и все, что благое во утвержденіе и непоколебимости постановленного между обоими сторонами вѣчного мирнаго трактата касаться имѣетъ, обо всемъ къ лутчему рачителное свое стараніе прилагать не оставите, чѣмъ мы довольны пребудемъ".

Письмо это, посланное 25 марта, было получено въ Кіевѣ 7-го мая; его везли четыре татарина—хозяева пограбленныхъ

[1]) Примѣчаніе переводчика: „сіе на ихъ языкѣ еще значитъ кровь за кровь".

вещей: Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусеинъ. Сѣчевымъ шляхомъ—на Кременчугъ—они не рискнули ѣхать, а отправились въ Кіевъ окольнымъ путемъ: на Очаковъ, Бендеры и „чрезъ польскія мѣста". У васильковскаго форпоста татаръ задержали и посадили въ карантинъ, ханское же письмо съ разными предосторожностями было отправлено къ Леонтьеву.

Въ Васильковѣ Капланъ Ага и его товарищи должны были дожидаться распоряженій отъ Леонтьева, не замедлившаго 8-го мая послать указъ премьеръ-маіору Нѣмцову, съ предписаніемъ: „присланнымъ отъ хана татарамъ ѣхать изъ васильковского карантинного дому польскою стороною до кременчуцкаго форпоста; и пока опредѣленіе отъ генеральной войсковой канцеляріи къ нему, Нѣмцову, прибудетъ, велѣть тѣмъ татарамъ за кременчуцкимъ форпостомъ, на польской сторонѣ, быть въ карантинѣ"; при чемъ Леонтьевъ предупреждалъ Нѣмцова, дабы онъ обошелся съ татарами повѣжливѣе и помягче: „и о томъ (о сидѣньи въ карантинѣ) съ учтивостію имъ объявить"—сказано въ указѣ; „а когда отъ генеральной войсковой канцеляріи къ нему, примьеръ-маіору, опредѣленіе прибудетъ, то съ тѣми татарами, ежели они явятся во всемъ здорови, сообщеніе имѣть и оное слѣдствіе производить тамо, гдѣ запристойно будетъ; кто же изъ запорожскихъ козаковъ къ тому слѣдствію потребны будутъ, о томъ въ кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію репортовать, а подлежащихъ къ оному слѣдствію миргородскаго полку разныхъ чиновъ людей требовать отъ полковой канцеляріи или отъ полковника миргородскаго полка Капниста".

Къ указу была приложена и точная копія съ ханскаго письма.

Капланъ Ага и его товарищи *снабдены были* паспортомъ, съ коимъ надлежало имъ ѣхать „отъ васильковского карантинного дому польскою стороною до кременчуцкого форпосту".

Того же 8-го мая изъ кіевской генералъ-губернаторской канцеляріи послана была промеморія въ генеральную войсковую канцелярію. Въ промеморіи изъяснялось, что премьеръ-маіоромъ Нѣмцовымъ произведено было слѣдствіе о разграбленіи татаръ гайдамаками въ Ягодной долинѣ, и оное слѣдствіе было безъ

тѣхъ татаръ; сего же мая 7-го „ханъ крымской писалъ ему, Леонтьеву, принося кромѣ смертного убійства великую претензію съ требованіемъ удоволствія, и для того прислалъ съ тѣмъ письмомъ 4-хъ человѣкъ татаръ, хозяевъ, кои въ карантинѣ были ограблены гайдамаками; по сему надлежитъ быть при тѣхъ татарахъ вновь слѣдствію, и при томъ слѣдствіи опредѣлено быть Нѣмцову; того ради, кіевская генерал-губернаторская канцелярія требуетъ, дабы генеральная войсковая канцелярія соблаговолила опредѣлить кого надлежитъ и отправить того на кременчуцкій форпостъ къ примьеръ-маіору Нѣмцову немедленно, ибо оное слѣдствіе надлежитъ вскорости произвести, дабы татаръ не задержать и на ханское письмо отвѣтствовать и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ репортовать; и что учинено будетъ, кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію увѣдомить". Въ этой промеморіи изложены были и тѣ свѣдѣнія, о которыхъ запрашивала генеральная войсковая канцелярія еще въ началѣ апрѣля.

Такъ распорядился М. И. Леонтьевъ по поводу ханскаго письма. „Скоро сказка кажется, да не скоро дѣло дѣлается",—такъ было и съ этимъ слѣдствіемъ: оно не такъ то скоро совершилось, какъ того хотѣлъ кіевскій генералъ-губернаторъ; татарамъ пришлось долго промаяться на Руси.

XI.

Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусеинъ, снабженные паспортомъ, направили стопы свои на югъ. 12-го мая добрались они польскою стороною до Крюкова. Здѣсь, у крюковской заставы, встрѣтилъ ихъ премьеръ-маіоръ Нѣмцовъ; „съ учтивостію" объявилъ имъ, что они должны находиться въ крыловскомъ карантинѣ, ибо прибыли изъ Крыма—мѣстности, зараженной „опасною болѣзнію"; и какъ только изъ генеральной войсковой канцеляріи прибудетъ лицо, назначенное для слѣдствія, то оное слѣдствіе тотчасъ и начнется.

Отправились татары въ Крыловъ и снова, въ ожиданіи слѣдствія, потянулась ихъ жизнь въ скучномъ карантинѣ. А

тѣмъ временемъ въ генеральной и полковой миргородской канцеляріяхъ дѣйствовали. Изъ первой по полученіи отъ Леонтьева промеморіи, немедленно посланъ былъ указъ во вторую, которымъ предписывалось полковому обозному миргородскому Ѳедору Москову, обще съ премьеръ-маіоромъ Нѣмцовымъ, произвесть слѣдствіе объ учиненіи нападенія на семь человѣкъ крымскихъ татаръ, заключенныхъ въ карантинѣ близь села Каменки въ урочищѣ Ягодной долинѣ 27 февр. сего года въ ночное время; при присутствіи присылаемыхъ отъ хана татаръ въ самую сущую правду изслѣдовать, и что по изслѣдованію явится—отрапортовать въ генеральную войсковую и миргородскую полковую канцеляріи. Поэтому миргородская полковая канцелярія отъ себя вручила этотъ указъ Ѳедору Москову, который немедленно то отъѣхалъ въ Кременчугъ къ Нѣмцову, гдѣ ими прежде всего былъ поставленъ вопросъ: въ какомъ мѣстѣ производить слѣдствіе? Такъ какъ выборъ его былъ предоставленъ имъ самимъ, то они избрали его въ селѣ Крюковѣ[1]), какъ наиболѣе удобномъ для нихъ, потому что въ свободные часы имъ хотѣлось проживать въ безопасномъ форпостѣ Кременчугѣ.

Порѣшивъ съ мѣстомъ, слѣдователи навели справки о благосостояніи татаръ, пребывавшихъ въ крыловскомъ карантинѣ. Хотя тѣ татары оказались и благополучны, все же срокъ двойнаго карантина для нихъ не окончился, и слѣдователи побоялись возымѣть теперь съ ними сообщеніе,—а донесли кіевскому генералъ-губернатору, что выбрали для производства слѣдствія село Крюковъ, Капланъ Ага и его товарищи благополучны, но какъ срокъ „двойной карантины“ имъ еще не истекъ, то возможно ли съ ними здѣсь, въ Крюковѣ, имѣть сообщеніе? Пославъ запросъ Леонтьеву, Нѣмцовъ и Московъ стали выжидать отвѣта—это была первая задержка татарамъ: наступилъ іюнь, а слѣдствіе не начиналось.

Мая 31 Московъ отрапортовалъ то же самое и въ генеральную войсковую канцелярію, послѣ чего уѣхалъ домой, гдѣ и пребывалъ до полученія отвѣта изъ Кіева. Отвѣтъ былъ данъ

[1]) Село Крюковъ, нынѣ посадъ, находится на правомъ берегу Днѣпра въ верстѣ отъ Кременчуга.

Нѣмцову 10-го іюня, а 11-го іюня Московъ получилъ отъ Нѣмцова письмо: „на посланное нами въ кіевскую г.-губ. канцелярію представленіе указомъ повелѣно тое слѣдствіе отъ р. Днѣпра разстояніемъ въ верстѣ, въ селѣ Крюковѣ производить и татаръ съ карантина выпустить; только во всю слѣдствія бытность намъ, слѣдователямъ, и будучимъ при насъ отнюдь исъ того села Крюкова въ Кременчукъ не ѣздить и никакова ни съ кимъ въ Кременчукѣ сообщенія не имѣть, подъ опасеніемъ за небреженіе смертной казни; да и по окончаніи того слѣдствія—намъ и будучимъ при насъ въ Кременчукъ не ѣздить же, но держать при томъ кременчуцкомъ форпостѣ указную двойную карантину непремѣнно“.

Такое распоряженіе Леонтьева шло въ разрѣзъ съ намѣреніемъ слѣдователей—проживать во время слѣдствія въ Кременчугѣ.

Получивъ письмо, смущенный Московъ прибылъ въ Кременчугъ. Здѣсь онъ объявилъ Нѣмцову, что „самоизвольно—безъ вѣдома генеральной войсковой канцеляріи—ѣхать въ карантинъ онъ не смѣетъ“; и жить то тамъ, въ крюковскомъ карантинѣ, опасно: гайдамаки наскочатъ и предадутъ его смерти. Нѣмцову тоже не нравилась крюковская тюрьма,—ужъ если и держать карантинъ, такъ въ другомъ какомъ либо болѣе безопасномъ мѣстѣ. Недолго думая, Московъ и Нѣмцовъ согласились какъ нибудь затормозить указъ отъ 10 іюня, а татары все еще сидѣли въ крыловскомъ карантинѣ и ждали у моря погоды.

Господа слѣдователи затормозили указъ такъ: Нѣмцовъ отписалъ Леонтьеву, что полковый обозный Московъ самоизвольно, безъ вѣдома генеральной войсковой канцеляріи, заключаться въ карантинѣ не смѣетъ, и опредѣленія о томъ требуетъ отъ своего начальства; а Московъ 18-го іюня послалъ нижайшее доношеніе въ генеральную войсковую канцелярію. Въ доношеніи онъ „нижайшій“ выписалъ указъ Леонтьева отъ 10 іюня „о двойной указной карантинѣ“, затѣмъ изъяснялся и печаловался въ такихъ выраженіяхъ: „по письму примьеръ-маіора Нѣмцова я въ мѣстечко Кременчукъ въ другой разъ прибылъ, только за силу означеннаго указа самоизвольно, безъ вѣдома генеральной

войсковой канцеляріи, ѣхать въ карантинъ не смѣю; ибо по прежнему указу, упомянутому въ репортѣ моемъ 31 мая, надлежитъ только тѣхъ татаръ освидѣтельствовать, и ежели здорови явлются, то начать слѣдствіе тамо, гдѣ заспособно по нашему усмотрѣнію будетъ; оные же татары здѣсь въ крыловскомъ карантинѣ обрѣтаются благополучно; такожъ по благости божіей въ россійской границѣ отъ опасной болезни по подлиннымъ извѣстіямъ вездѣ состоитъ благополучно; а сверхъ всего, яко великое число гайдамакъ шатаются и нападенія дѣлають, между коими уповаю могутъ быть дѣйствительно такови, которіе, подъ судомъ полковой миргородской канцеляріи обрѣтаясь, были приговорены къ смертной казни и бѣжали; чтобъ сіи умышлено нападенія не учинили и надо мною не помстились и не причинили бъ преждевременно смерти, и по всѣмъ вишеписанимъ праведнымъ обстоятельствамъ—живучи мнѣ зъ маёромъ Нѣмцовымъ долговременно въ карантинѣ и не имѣя нѣ съ кимъ сообщенія, слѣдствіе производить и туда ехать я опасенъ; того ради, войсковой генеральной канцеляріи покорнѣйше прошу зъ оной енералной канцеляріи повелеть указомъ производить следствіе на основаніи вищеписанного прежнего къ Нѣмцову отъ генерал-губернаторской канцеляріи указа, или особливою снабдить мене инструкціею; въ дополненіе жъ о присылки для осмотру должно ли подлежатиметь лѣкара—предложить; и о томъ всемъ милостивое разсмотреніе и опредѣленіе учинить; о чемъ я зъ нижайщею моею покорностію ожидать буду въ резолюцію повелителного указу".

Въ этомъ доношеніи Московъ не безъ основанія указывалъ на ту опасность, какая предвидѣлась для него въ Крюковѣ: въ окрестностяхъ Крюкова и Крылова гайдамаки изрядно пошаливали,—„обдирали ватажанъ, слѣдующихъ въ Крымъ, въ Сѣчь и обратно;" недавно изъ крыловской тюрьмы бѣжало нѣсколько гайдамакъ, надъ которыми Московъ производилъ слѣдствіе [1]).

Дѣло татаръ все болѣе и болѣе запутывалось въ канцелярскомъ колесѣ! Прошелъ май, три недѣли іюня, а дѣло не дви-

[1]) Архивъ ю.-з. Р., т. 3-й, ч. III 1876 г., CCXC, стр. 606, п. 2.

галось и только 23 іюня Θедоръ Московъ получилъ указъ изъ войсковой генеральной канцеляріи, въ коемъ писалось, чтобы во всей точности соблюдать „двойную указную карантину“, предписанную генерал-губернаторомъ Леонтьевымъ; а оное слѣдствіе производить не въ селѣ Крюковѣ, но „отдалѣ отъ оного“—на островѣ днѣпровскомъ, „тамо учинить и держать строжайшій карантинъ“. Впрочемъ, слѣдователямъ дозволялось пріѣзжать въ Кременчугъ во время слѣдствія, но лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ имѣть соприкосновенія съ татарами и тѣми людьми, которые будутъ сторожить тѣхъ.

XII.

Получивъ указъ изъ генеральной войсковой канцеляріи, слѣдователи—Нѣмцовъ и Московъ—сдѣлали предварительныя распоряженія: во всѣ концы послали солдатъ и козаковъ, чтобы они сыскивали людей, что либо знающихъ о гайдамакахъ, ограбившихъ татаръ въ Ягодной долинѣ 27 февраля; Каплана Агу и его товарищей велѣли препроводить къ мѣсту слѣдствія, на днѣпровскій островъ въ пяти верстахъ отъ Кременчуга; сюда же потребовали каменскаго атамана Ивана Сандула и караульныхъ, бывшихъ на стражѣ въ ночь, столь роковую для Магмета Аги; сами же Нѣмцовъ и Московъ 24 іюня выѣхали на островъ и 25 іюня начали слѣдствіе.

Въ самомъ началѣ слѣдственной работы выплылъ наружу нѣкій поручикъ Иванъ Бурѣевъ, по всей вѣроятности или начальникъ крыловскаго карантина, или завѣдывающій здѣсь караулами—помощникъ начальника; обезпокоили поручика татары. Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусеинъ, допрошенные первыми, разсказали: бывши въ крыловскомъ карантинѣ, они—татары—пограбленную у нихъ гайдамаками лошадь опознали въ Крыловѣ у одного малороссійскаго человѣка; онаго человѣка съ тою лошадью приводили они къ поручику Ивану Бурѣеву „въ квартеру“; поручикъ опознанную лошадь велѣлъ отдать имъ, татарамъ. а того человѣка отпустилъ; куда и почему этотъ человѣкъ отпущенъ, они не знаютъ; ту лошадь свидѣтельствовалъ камен-

скій атаманъ Сандулъ и призналъ, что она ихняя—татарская. Выступилъ на сцену Сандулъ. При словесномъ допросѣ 25-го іюня онъ „добровольно" показалъ, что „въ реченнаго порутчика въ квартирѣ для развѣдованія объ опознанной татарами лошади былъ и про означенную лошадь—у кого она опознана—спрашивалъ, точію на оное ему, атаману, онъ, порутчикъ, объявилъ, что ту лошадь опознанную отдали татарамъ, а того человѣка, у котораго они, татаре, опознали, *чертъ ево знаетъ*; съ чѣмъ онъ, атаманъ, отъ него и возвратился обратно.

Тоже самое сказали слѣдователямъ и нѣкоторые изъ крыловскихъ обывателей: видѣли, молъ, малороссійскаго человѣка съ опознанною лошадью, а кто онъ—неизвѣстно, куда онъ дѣвался—Богъ его вѣсть. Словомъ, интересный „малороссійскій человѣкъ", обладавшій татарскою лошадью, для слѣдственной коммиссіи исчезъ безслѣдно. Тогда коммиссія послала поручику Ивану Бурѣеву предложеніе, дабы онъ „для отвѣту" прислалъ малороссійскаго человѣка, у котораго татары опознали заграбленную у нихъ гайдамаками лошадь, также и самъ онъ, поручикъ, прибылъ бы въ слѣдственную о татарахъ коммиссію для отвѣтовъ. Но поручикъ Бурѣевъ слѣдователей не послушался: и самъ не явился къ слѣдователямъ, и человѣка того къ нимъ не прислалъ. Пошла возня съ упорнымъ поручикомъ: вторично предложили ему прибыть въ слѣдственную о татарахъ коммиссію; поручикъ, не обратилъ вниманія и на это предложеніе; въ третій разъ послали Бурѣеву предложеніе о томъ же, Бурѣевъ не прибылъ къ слѣдователямъ, а былъ настолько благосклоненъ, что „отвѣтомъ объявилъ" имъ, что онъ, поручикъ Иванъ Бурѣевъ, являться не намѣренъ, „во 1-хъ потому, что въ предложеніяхъ изъ коммиссіи не изображено, для какого отвѣта его требуютъ; во 2-хъ, подъ оною коммиссіею онъ не состоитъ и подчиняться ей не обязанъ; а касательно присылки того человѣка, у котораго татары опознали свою лошадь, то онъ того человѣка не знаетъ, въ присланныхъ же къ нему и коммиссіи ордерахъ не обявлено, кто онъ именно, и затѣмъ вскорости сискать ево невозможно." Нѣмцовъ и Московъ симъ отвѣтомъ не удовлетворились и рѣшились прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: послали за

онымъ поручикомъ „унтеръ-афицера Анисима Сахарова съ пристойнымъ числомъ салдатъ и козаковъ", при чемъ дали ему инструкцію, какъ вести себя предъ поручикомъ Бурѣевымъ и какъ его требовать въ слѣдственную о татарахъ коммиссію.

Унтеръ-офицеръ Сахаровъ съ вооруженной силой явился къ Бурѣеву въ квартиру и вручилъ ему ордеръ. Въ ордерѣ Нѣмцовъ и Московъ писали, чтобы Бурѣевъ немедленно явился къ нимъ „для отвѣту." Повелительный тонъ ордера, назойливость, съ какою уже четвертый разъ его безпокоятъ, присылка вооруженной команды,—все это взбѣсило надменнаго поручика; а тутъ еще Сахаровъ словесно „съ почтеніемъ" изъясняетъ, зачѣмъ онъ явился.

— Безъ указу генералъ-губернатора кіевскаго не хочу ѣхать, да и впредь не поѣду, не поѣду! закричалъ взволнованный Бурѣевъ.

Не взирая на это, унтеръ-офицеръ Сахаровъ имѣлъ смѣлость приступить поближе къ поручику съ требованіемъ ѣхать.

— Оселъ.... болванъ!... Какъ?!... Вонъ!.. Прочь!... Заревѣлъ поручикъ и выгналъ оторопѣвшаго унтеръ-офицера съ его командой, при чемъ намѣревался бить его.

Выгнанный Бурѣевымъ Сахаровъ поспѣшно явился къ слѣдователямъ и „сказкою показалъ", что „онъ, поручикъ, безъ указу кіевскаго генералъ-губернатора ѣхать въ слѣдственную о татарахъ коммиссію не хочетъ; хотя же онъ, салдатъ, къ тому отвѣту о прибытіи съ нимъ, салдатомъ, какъ ему, салдату, приказано было, ево, порутчика, неотступно требовалъ, точію онъ на оное обявилъ, что *я тебя бить буду*". Разумѣется, слѣдователямъ теперь нечего было соваться къ Бурѣеву со своими предложеніями; нужно было писать Леонтьеву, что они и сдѣлали [1]).

---

[1]) Они писали: „Порутчику Ивану Бурѣеву четверократно предлагаемо было, яко онъ же порутчикъ Бурѣевъ, какъ уже по татарской сказкѣ явствуя, что онъ винностію не мало состоитъ,—потому что, опознавши татары свою лошадь, малороссійского человѣка съ тою лошадью приводили къ нему, порутчику, въ квартеру; а куда онъ ево отпусилъ и для чего—неизвестно: к томуже онъ, поручикъ, по командѣ о томъ до г. маёра Нѣмцова не репортовалъ; почему реченный порутчикъ Бурѣевъ неотмѣнно къ слѣдствію подлежитъ; зачѣмъ нынѣ о томъ слѣдствіи и остановка учинина; и того ради, мы—примьеръ-маёръ Василій Нѣмцовъ и полковый обозный

Отправивъ бумагу въ Кіевъ, 27 іюня, Московъ и Нѣмцовъ въ тотъ же день уѣхали въ Кременчугъ. О пріостановкѣ начатаго слѣдствія и о своемъ отъѣздѣ въ Кременчугъ Московъ счелъ долгомъ увѣдомить генеральную войсковую канцелярію [1].

Опять татарамъ не повезло; ничего особеннаго слѣдователи еще не добыли, а уже принуждены были пріостановить слѣдствіе. Во время остановки слѣдствія получались однѣ и тѣ же вѣсти: разсыльные, козаки и солдаты, возвращаясь изъ разныхъ концовъ, докладывали, что никто нигдѣ не видѣлъ гайдамаковъ съ татарскимъ добромъ; Рудь и Кодинецъ тоже не имѣли успѣха въ погонѣ за этими степными коршунами.

Такъ дѣла обстояли до 8-го іюля, когда получена была повелительная резолюція отъ кіевскаго генералъ-губернатора: поручику Ивану Бурѣеву приказано немедленно явиться въ слѣдственную о татарахъ коммиссію, а слѣдователямъ Нѣмцову и Москову —подтверждалось, дабы они „надобныхъ разныхъ чиновъ людей требовали всемѣрными образами",—посылали бы къ нимъ умноженныя команды и брали ихъ насильно, ежели добровольно они „не явятся" въ слѣдственную о татарахъ, коммиссію.

Но слѣдственной коммиссіи не пришлось прибѣгать къ такимъ дѣйствамъ, ибо и теперь и потомъ некого было требовать, кромѣ Бурѣева, да и тотъ явился въ коммиссію самъ.

Сверхъ того, что Бурѣевъ писалъ въ отвѣтѣ своемъ, теперь онъ выяснилъ немногое,—онъ лишь разсказалъ слѣдователямъ, какъ и почему скрылся неизвѣстный малороссійскій человѣкъ. Были уже сумерки, когда татары привели къ нему во дворъ человѣка съ лошадью; вслѣдъ за татарами прибѣжало нѣсколько

Ѳедоръ Московъ—въ кіевскую генерал-губорнаторскую канцелярію представляемъ съ прошеніемъ о прибытіи ему, порутчику, въ реченную комисію для отвѣту и о послушаніи во всемъ; такожъ и которые потребны и въ допросахъ запираться будутъ, какъ повелѣно будетъ съ ними поступать, повелителной резолюціи просимъ".

[1]) „Я, обще зъ примьеръ-маеромъ Нѣмцовымъ, какъ съ татарами такъ зъ салдатами и казаками, такожъ и крюковскими обивателями сообщенія не имѣли никакого, но поступали съ ними, какъ указы повелѣваютъ,—и для того до воспоследованія резолюціи о поручикѣ Бурѣевѣ, кой въ комисію не хочетъ явиться, отъѣхалъ въ Кременчукъ; а когда резолюцію получу и въ слѣдствіе вступлю, въ генеральную войсковую канцелярію репортовать буду."

обывателей м. Крылова; образовалась во дворѣ толпа; татары съ азартомъ орали во всю мочь, толкали того человѣка и что то показывали знаками; онъ, Бурѣевъ, сколько ни старался, не могъ остановить ни толкотни, ни крика татарскаго, не могъ понять въ чемъ дѣло; тогда онъ вошелъ въ квартиру, чтобы сыскать вѣстоваго и послать его за командой, но въ этотъ моментъ татары заревѣли пуще прежняго; онъ выскочилъ къ нимъ, оказалось, что тотъ человѣкъ вырвался изъ рукъ татаръ, ударивъ двоихъ такъ, что тѣ повалились на землю, и побѣжалъ въ степь; Бурѣевъ посылалъ команду сыскивать того человѣка, но его не нашли. Нѣкоторые изъ крыловскихъ обывателей подтвердили разсказъ Бурѣева. Татары, такимъ образомъ, оказались весьма пристрастными и недобросовѣстными свидѣтелями: они и запорожцевъ обвинили въ соучастіи съ гайдамаками, предъ ханомъ они оклеветали не только караульныхъ, но и самого атамана Сандула; а теперь на удочку имъ попался поручикъ Бурѣевъ.

Когда было установлено, что Бурѣевъ не отпускалъ человѣка, приведеннаго къ нему татарами, и въ побѣгѣ его неповиненъ,—то у слѣдователей болѣе не оказалось данныхъ для продолженія слѣдствія; Бурѣевъ былъ отпущенъ домой, а Нѣмцовъ и Московъ снова уѣхали въ Кременчугъ и стали поджидать „матеріи“ для дальнѣйшей слѣдственной работы. Матерія эта вскорѣ представилась.

XIII.

Въ то время, когда Нѣмцовъ и Московъ возились съ Бурѣевымъ и ничего не добились о неизвѣстномъ малороссійскомъ человѣкѣ, въ походной полковой миргородской канцеляріи фигурировала важная птица: то былъ *гайдамака* Яцко Ѳедоровъ сынъ Чабанъ. Онъ былъ схваченъ при деревнѣ Бѣлоцерковкѣ, состоявшей въ кременчугской сотнѣ миргородскаго полка. Въ походной миргородской канцеляріи Яцко Чабанъ былъ *допрашиванъ* и далъ весьма интересное показаніе.

Не сразу Яцко заговорилъ о дѣлѣ въ Ягодной долинѣ. Къ разбою, учиненному здѣсь, онъ подходилъ постепенно; онъ

разсказалъ сначала о своей предыдущей жизни и тѣхъ обстоятельствахъ, которыя привели его къ расправѣ съ татарами.

Яцко Чабанъ былъ родомъ изъ м. Омельника, миргородскаго полка; лѣтъ ему отъ роду до 30. Въ томъ мѣстечкѣ пять лѣтъ Яцко жилъ безотлучно при отцѣ своемъ Ѳедорѣ Деребенцѣ и матери Еленѣ. По смерти матери своей, Яцко Чабанъ пошелъ съ отцомъ изъ Омельника въ м. Келебурду, полтавскаго полка; здѣсь Яцко жилъ при отцѣ 5 лѣтъ; на 11-мъ году мальчугана постигло горе: онъ лишился отца. Ставъ круглымъ сиротой, одинадцатилѣтній бобыль—мальчикъ поступилъ въ услуженіе къ козаку Ѳедору Гузѣенку, жившему въ Келебурдѣ. У Гузѣенка малолѣтній бобыль служилъ безотлучно пять лѣтъ. Яцку стукнуло 15 лѣтъ; а онъ только и видѣлъ свѣта, что въ Келебурдѣ, только и зналъ одинъ уголъ, что у козака Гузѣенка. Омельникъ ему мерещился, какъ во снѣ, — ему захотѣлось „майнуть“ куда нибудь за Келебурду, а, быть можетъ, его притѣсняли у Гузѣенка и обременяли работой. Какъ бы то ни было, но прослуживъ у Гузѣенка 5 лѣтъ, Яцко долѣе не захотѣлъ у него оставаться, взялъ разсчетъ и „добровольно“ пошелъ въ м. Кременчугъ, миргородскаго полка. Въ Кременчугѣ сирота Яцко недѣлю другую шатался безъ дѣла, пока звенѣли „въ кишени“ деньжонки; питался, чѣмъ Богъ послалъ, спалъ подъ открытымъ небомъ,— благо была лѣтняя пора. Когда же послѣдній грошъ былъ потраченъ, Яцко поступилъ въ услуженіе къ тамошнему козаку Павлу Макаренку, у котораго жилъ въ наймахъ два года.

Живя въ Кременчугѣ, Яцко часто встрѣчался съ запорожцами и наслышался отъ нихъ заманчивыхъ рѣчей о Сѣчи запорожской и ея воинственныхъ обитателяхъ; слышалъ онъ, какъ запорожцы не разъ турка били, татарвы много поистребили,— только и осталось ее, что въ Крыму да за Бугомъ, да и той скоро не сдобровать; ляхамъ задавали *доброй прочуханки*; тамъ, въ Сѣчи, жизнь привольная, широкая: куда захотѣлъ, туда и идешь, что захотѣлъ, то и дѣлаешь, живешь вольной птицей. И вотъ, проживъ два года „въ наймитахъ“ у Макаренка, Яцко Чабанъ пожелалъ извѣдать привольной жизни и пустился въ Сѣчь, куда въ ту пору устремлялись всѣ подобные ему горемыки.

Оставивъ Кременчугъ, Яцко самъ пѣшкомъ прибылъ въ Сѣчь запорожскую; но не такъ то приняли его въ Сѣчи, какъ расписывали ему въ рѣчахъ,—здѣсь тоже были свои законы, правда не писанные, но установленные обычаемъ; прежде чѣмъ стать полноправнымъ и свободнымъ „лыцаремъ", прежде чѣмъ получить право гражданства въ этой своеобразной, воинственной общинѣ, нужно было подвергнуться испытанію и быть неженатымъ,—нужно было на нѣкоторое время сдѣлаться рабомъ—послушникомъ у какого нибудь опытнаго запорожца; это было нѣчто въ родѣ монастырскаго послушничества и іезуитскаго искуса. Такъ было и съ Яцкомъ. Добравшись до Сѣчи, онъ пристроился здѣсь въ пластуновскомъ куренѣ въ качествѣ наймита у козака Каленика Криваго, у котораго жилъ въ услуженіи цѣлыхъ три года. По истеченіи трехъ лѣтъ, съ 1745 года, Яцко Чабанъ жилъ въ томъ же куренѣ свободнымъ козакомъ и промышлялъ продажею рыбы и соли. Цѣлыхъ пять лѣтъ Яцко имѣлъ терпѣніе возиться съ рыбою да солью; наконецъ, надоѣла ему эта мирная и однообразная жизнь торговца,—ему захотѣлось извѣдать той тревожной и прибыльной жизни, какую многіе изъ его товарищей вели въ польскихъ и татарскихъ областяхъ, откуда возвращались съ богатой добычей—съ лошадьми и волами, червонцами и злотыми, съ дорогой сбруей и оружіемъ. А тутъ Яцку, мечтавшему о добычѣ, подвернулся и добрый товарищъ,—то былъ Грицко Таранъ, побывавшій въ гайдамацкихъ заѣздахъ; онъ расписывалъ Яцку о прелестяхъ гайдамачества и подбивалъ его попробовать этой беззаботной жизни. И вотъ, въ великій постъ 1750 года, пошелъ Яцко Чабанъ съ товарищемъ своимъ Грицкомъ Тараномъ въ путь—дороженьку. Они ушли изъ Сѣчи не тайкомъ, а съ вѣдома атамана пластуновскаго куреня Грицка Вѣрменка. Пошли они пѣшкомъ, захвативъ съ собою лишь по ружью. Искатели приключеній намѣревались идти на Великій Ингулъ. Но имъ не суждено было дойти туда; въ Маломъ Ингулѣ, въ одной балкѣ, *сошлись* они съ Харькомъ Балченкомъ, запорожцемъ мишастовскаго куреня. Харько былъ здѣсь не самъ, а съ „орленятами"—то были десять добрыхъ молодцевъ: Панаща—запорожецъ щерба-

новскаго куреня, Антонъ Шевчикъ—корсунскаго, Валашокъ—кущовскаго, Гаврило—донскаго и еще шестеро, имена и прозванія коихъ Яцко забылъ.

Въ балкѣ у Малаго Ингула Харько и молодцы его имѣли совѣщаніе съ Чабаномъ и Тараномъ, соображали, куда бы направиться за добычей; добыча эта была возлѣ рѣчки Омельничка въ Ягодной долинѣ. И „согласяся", всѣ они—Харько, Чабанъ, Таранъ и прочіе пошли подъ м. Каменку „къ состоящимъ" въ ту пору въ карантинѣ татарамъ. Нужно сказать, что Харько и шестеро его товарищей ѣхали „верхи", а остальные шли пѣшкомъ до Ягодной долины. Наѣхавъ на татаръ ночною порою, „едного" татарина „скололъ" Панаща, а „единъ" татаринъ бѣжалъ; прочихъ же повязавъ, взяли у нихъ „червонцевъ двѣстѣ" да тысячу рублей, между коими было левовъ сто; кромѣ того взяли: „бугасовыхъ кафтановъ два, байбаракъ крымскихъ смушковъ, бугасомъ покрытый, „шабель" турецкихъ три, изъ которыхъ одна была подъ серебромъ, янычарокъ три, вязню съ рогомъ и шабалтасомъ, подъ серебро оправленную, часы серебряные одни, пару сафьяновыхъ чоботъ, шапокъ двѣ, лошадей шестеро". Забравъ все это, гайдамаки пошли тѣмъ же путемъ къ рѣчкѣ Зеленой, гдѣ подѣлились, деньгами, вещами и лошадьми, при чемъ Чабану досталось: „байбаракъ, кафтановъ 2 бугасовыхъ, червонцевъ 17 да рублей битыхъ 46". За эти деньги онъ купилъ двое лошадей за 50 р.; эти лошади весною при урочищѣ рѣчки Вербовки у Малаго Ингула были забраны сѣчевою объѣздною командою; остальные деньги—30 р. Чабанъ далъ на сохраненіе Грицку Пониском у, жившему въ запорожскомъ селѣ Романковомъ и его куренному товарищу Ивану Кривому. По раздѣлѣ вещей и денегъ ватагою, Балченко съ товарищемъ Гаврилкомъ отправился въ Сѣчь и здѣсь преподнесъ кошевому атаману Василію Сычу серебряные часы и 10 червонцевъ; при чемъ объявилъ кошевому, что „онъ, Балченко, съ другими товарищами подъ Камянкою татаръ разбилъ", а кошевой Сычъ „Балченку приказалъ такъ *стерегтись крѣпко*, чтобъ о томъ знать никто не молъ".

Харько Балченко, возвратившись къ своимъ товарищамъ, бывшимъ у р. Зеленой, объявилъ о свиданіи съ кошевымъ, о вру-

ченіи кошевому серебряныхъ часовъ и червонцевъ и о приказѣ его „стерегтись крѣпко".

Выслушавъ наказъ батька кошеваго, гайдамаки отъ р. Зеленой „разошлись по разнымъ мѣстамъ, куда кто пожелалъ". Яцко Чабанъ пришелъ въ зимовникъ запорожскаго козака Ѳедора Камянецкаго и жилъ здѣсь, но недолго; чрезъ 2 недѣли Чабанъ пошелъ съ козаками пластуновскаго куреня Петромъ Гамадою и Василемъ Стрѣляйбабою, жившими въ упомянутомъ зимовникѣ, въ Ингулъ „на лясы" для ловли рыбы. „Въ той ловлѣ они обрѣтались" до праздника св. Николая. Послѣ сего праздника, въ маѣ, пошли они къ р. Мертоводу „для выпасу лошадей"; но ихъ влекло сюда и иное обстоятельство: прослышали они, что тамъ уже собираются великія гайдамацкія чаты. Дѣйствительно, у Мертоводъ они застали эти чаты, „въ коихъ имѣлось 324 человѣка".

У Мертовода гайдамацкія чаты стояли цѣлый іюнь мѣсяцъ; поджидались еще охотники, забирались справки, куда бы отправиться на обильную добычу. И вотъ, послѣ Петрова поста, великая гайдамацкая чата на коняхъ выступила въ походъ; ею предводительствовалъ ватагъ Михайло Сухый, запорожскій козакъ конеловскаго куреня. Подъ его предводительствомъ гайдамаки направились въ польскую область и шествовали прямо шляхомъ мимо петроостровскаго форпоста въ полуверстѣ отъ него. Караульные этого форпоста,—солдаты и козаки, видѣли ихъ походъ и „никакого воспрещенія имъ не чинили". Перебравшись свободно черезъ р. Высь, гайдамаки ступили на польскую землю и пришли подъ село Ерки „смѣлянской губерніи". И какъ пришли подъ это село, то онъ, Чабанъ, оставленъ былъ „при батовой" [1]).

Яцко Чабанъ, вмѣстѣ съ другими, сторожилъ батовую, а остальные товарищи имѣли баталію съ поляками возлѣ Ерковъ, и „съ той баталіи полегло сорокъ головъ польскихъ". Послѣ сраженія гайдамаки захватили немалую добычу; „но сколько чего съ пожитковъ достали--онъ, Яцко, знать не можетъ, и съ оныхъ пожитковъ ему ничего не дано".

---

[1] „Батовая"—это лошади, навьюченныя добычей.

Нагруженная добычей гайдамацкая чата отъ Ерковъ поворотила назадъ; во время этого марша, „идучи до Мертоводъ, подъ селомъ Капустинымъ [1]), гайдамаки заняли 30 воловъ, и тѣхъ воловъ въ Мертоводѣ въ пищу употребили".

Совершивъ удачный походъ въ польскую область подъ с. Ерки, насытившись въ Мертоводѣ воловьимъ мясцемъ, „будучіе въ той чатѣ всѣ гайдамаки разошлись по разнымъ мѣстамъ и запорожскимъ зимовникамъ. Зимовники не привлекали къ себѣ Яцка; отлучившись изъ чаты, онъ съ Яковомъ Горкушею ударился въ степь широкую—привольную; авось, думалось имъ, выпадетъ случай—можно будетъ хватить гдѣ нибудь „здобычь"; такой случай скоро подвернулся: „ѣдучи степомъ, въ урочищѣ надъ рѣчкою Жовтенькою", оба искателя приключеній *пристали* къ ватажку Роману Вербѣ. Романъ Верба уже имѣлъ у себя девять товарищей и только поджидалъ новыхъ охотниковъ; когда таковые „въ лицѣ Чабана и Горкуши, явились, шайка двинулась въ походъ. Двѣнадцать молодцовъ „поѣхали подъ село Глинское" [2])—миргородскаго полка, крыловской сотни; и тамъ съ хутора Назара Устимовича *своровали* восемь лошадей. Затѣмъ, „по наущенію ватажка Романа Вербы и товарища его Карпа Кравця", товарищи отправились въ хуторъ Свинарной. Вѣроятно, Верба и Кравець имѣли съ этимъ хуторомъ какіе нибудь счеты которые теперь нужно было свести. Къ заѣзду въ хуторъ подготовились: забравшись „въ шинкъ, неподалече отъ того хутора Свинарнаго стоящій, гайдамаки горѣлки *довольно* напились". Находясь въ изрядномъ куражѣ, Верба и сподвижники его нагрянули на хуторъ; управились ловко: „тамошняго старосту Еврашенка розграбовали, и дворъ, гдѣ онъ, староста, жительствуетъ, разорили и взяли немалое число пожитковъ;" но этого мало: Романъ Верба, Савка Таранъ, Павло Капуста и Яцко Горкуша „съ женщинами тамошними насильно блудничали",—эту вынужденную дань должны были удѣлить степнымъ забіякамъ старостиха, овчарка и войтиха. Яцко Чабанъ, засѣвъ въ шинкѣ, прозѣвалъ и разгромъ хутора, и блудничанье съ бабами.

---

[1]) Ерки и Капустино—нынѣ села кіевской губ., звенигородскаго уѣзда.

[2]) С. Глинское на р. Цыбульникѣ въ александрійск. уѣздѣ херсон. губ.

Полюбезничавъ вдоволь съ женщинами въ Свинарномъ, нагруженные добычей гайдамаки умчались въ степь; здѣсь гдѣ то въ глухой балкѣ они подѣлили между собой добычу и разлетѣлись въ разныя стороны.

Яцко Чабанъ, оставленный своими товарищами въ шинкѣ возлѣ Свинарнаго, задумалъ побывать въ Гетманщинѣ,—ему захотѣлось понавѣдаться въ родныя мѣста: въ Кременчугъ, Келебурду, Омельникъ [1]). Понавѣдался, но не пришлось „сиромахѣ“ вернуться изъ Гетмащины въ Сѣчь или въ степи ингульскія. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ своей родины, добрался Яцко до м. Бѣлоцерковки [2]); здѣсь его схватили, вѣроятно, проболтавшагося въ шинкѣ подъ пьяную руку.

„Чрезъ всю же его съ товарищи бытность“, добавляетъ Яцко, „кормилися они по зимовникамъ и отнимали харчъ въ купеческихъ ватажанъ, слѣдующихъ до Сѣчи и обратно въ домы своя; а въ здѣшнихъ обывателей [3]) на воровскіе пожитки ни отъ кого ничего не замѣнивали, и къ нимъ никогда не пріѣздили и ничего у нихъ съ харчей не брали, такожъ и воровскихъ пожитковъ имъ не продавували и даровизною не давали; только какъ они, гайдамаки, съ польской стороны обратно слѣдовали мимо петроостровскаго фарпоста,—то было 1-го или 5-го чиселъ минувшаго іюля,—такъ къ нимъ съ того фарпоста *еденъ афицеръ* выѣзжалъ, а въ какомъ онъ чину и какъ ево зовуть и прозываютъ—онъ, Чабанъ, не знаетъ; и выѣзжалъ къ нимъ тотъ афицеръ съ шестью или большимъ числомъ драгунъ и сказывалъ: Богъ вамъ въ помощь! Которому они, гайдамаки, отвѣтствовали: Спасиби! и дали ему съ заграбленнаго скота вола полового; а болѣе ли дали что—не знаетъ же; а съ прошенія ихъ тотъ афицеръ далъ имъ возокъ для возки раненыхъ ихъ двоихъ гайдамакъ“. Значитъ, въ сраженіи подъ Ерками и въ гайдамацкихъ рядахъ было не безъ убыли.

---

[1]) Келеберда—мѣстечко полтав. губ. на Днѣпрѣ, въ 10 в. отъ Кременчуга, Омельникъ—мѣстечко той же губ., на р. Пселѣ, въ 10 в. отъ Кременчуга.

[2]) Бѣлоцерковка—мѣстечко полтавской губ., хорольскаго уѣзда, на р. Пселѣ, въ 60 в. отъ Кременчуга.

[3]) Т. е. у жителей лѣвобережной Украины.

„Болѣе вышеписаннаго въ разбояхъ и грабительствахъ онъ, Чабанъ, нигдѣ не бывалъ, никого не умертвилъ и про воровъ и разбойниковъ не вѣдаетъ; и сіе показалъ въ самую сущую правду“.

По окончаніи допроса Яцко Чабанъ былъ отправленъ къ Нѣмцову и Москову. Предъ лицомъ слѣдователей Яцко повторилъ то же самое, что „сказывалъ“ и въ походной миргородской канцеляріи; безхитростно онъ винился въ разбояхъ и грабежахъ,

---

XIV.

Слѣдователи, Нѣмцовъ и Московъ, должны были привлечь къ допросу петроостровскаго офицера и выяснить: зачѣмъ онъ привѣтствовалъ гайдамаковъ, принималъ отъ нихъ подарки и отдалъ имъ возокъ? Къ сожалѣнію, документовъ о дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія нѣтъ; но несомнѣнно, что Яцко Чабанъ говорилъ сущую правду объ этомъ офицерѣ, какъ и вообще онъ прямодушно,—безъ всякихъ запирательствъ и противорѣчій,—говорилъ правду о всей своей жизни, начавъ отъ первыхъ отроческихъ лѣтъ. Показаніе Яцка именно отличается тономъ спокойнымъ и правдивымъ; онъ ни единымъ словомъ не старается выгораживать себя изъ разбоевъ и грабительствъ, не старается утаивать и товарищей своихъ,—съ кѣмъ изъ нихъ онъ былъ болѣе близокъ и которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ грабежахъ, тѣхъ онъ называетъ по именамъ и „прозвищамъ“, говоритъ, какихъ они куреней. По порядку Яцко разсказываетъ все, что было съ нимъ въ жизни; съ объявленіемъ объ *офицерѣ* онъ не только не торопится, а даже забываетъ сказать о немъ,—и говоритъ тогда, когда къ слову пришлось; а къ слову пришлось потому, что встрѣча съ этимъ офицеромъ была фактомъ исключительнымъ въ похожденіяхъ Яцка его и товарищей: „они, гайдамаки, у россійскихъ обывателей ничего не мѣняли на воровскіе пожитки, а мѣна произошла только съ офицеромъ петроостровскаго форпоста“.

Выслушавъ Яцка Чабана, слѣдователи засадили его въ тюрьму до будущаго свиданія съ товарищами; а свиданіе это, по мнѣнію

слѣдователей, скоро должно было состояться, ибо полковая миргородская канцелярія послала во всѣ полки предложенія, а полковыя канцеляріи во всѣ сотни разослали ордеры, дабы „сыскивать“ гайдамаковъ, оговоренныхъ Яцкомъ Чабаномъ; наконецъ, Кодинецъ и Рудь рыщутъ со своими командами по степямъ за гайдамаками; въ Сѣчь написано сыскивать гайдамаковъ. Но надежды слѣдователей не оправдались: изъ товарищей Яцка ни единый не былъ пойманъ. Яцко, если и поймался, то потому, что отлучился отъ товарищей на родину; остальные же были по практичнѣе: они шатались въ польской области, рыскали по степямъ между Днѣпромъ и Бугомъ и улетучивались въ мѣста, недосягаемыя для сыскныхъ командъ: на рѣчные острова, въ лѣсныя чащи, въ глубокіе овраги, поросшіе терномъ и колючкой, въ густые камыши, окаймленные болотами и трясинами; а то и по зимовникамъ между Бугомъ и Днѣпромъ гайдамаки находили себѣ пріютъ,—козаки тщательно скрывали здѣсь своихъ. Въ запорожскомъ Гардѣ гардовая старшина „за подарунки“ потакала гайдамакамъ, пропускала ихъ направо и налѣво, смотрѣла сквозь пальцы на то, какъ гайдамаки собирались въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ у Мертовода—всего въ 30 верстахъ отъ Гарда; въ Сѣчи гайдамаки находили убѣжище и даже поощреніе,—иначе Харько Балченко не рискнулъ бы явиться къ кошевому съ подаркомъ и кошевой не отпустилъ бы его съ наказомъ „крѣпко стерегтись“. Петроостровскій господинъ офицеръ не любилъ преслѣдовать гайдамакъ,—открывалъ имъ широкій путь куда угодно: и въ Польшу, и въ степи на югъ отъ Выси.

Даже если бы Харько и товарищи его были сысканы, то татары все таки не получили бы надлежащаго удовлетворенія: гайдамаки какъ обрѣтали добро, такъ легко и скоро спускали его; они жизнь свою мало цѣнили и еще меньше дорожили имуществомъ! Оружіе и лошади тоже были проданы или промѣнены—попали въ невѣдомыя мѣста, въ невѣдомыя руки. Вѣдь у Яцка Чабана никакого татарскаго пожитка не нашли; Грицко Пониській, получившій на сохраненіе 30 татарскихъ рублей, исчезъ „безвѣстно“; кошевой атаманъ Сычъ не былъ такимъ простакамъ, чтобы признавать показаніе Яцка фактомъ доказаннымъ:

онъ, кошевой, отрекался и отъ часовъ, и отъ Харька Балченка, говорилъ, что такого запорожца нѣтъ и не было въ Сѣчи уже болѣе года.

Словомъ, татары ни въ какомъ случаѣ не могли получить пограбленныхъ пожитковъ; цѣна же крови заколотаго Аги могла быть взыскана; для сего имѣлась на лицо собственная персона Яцка Чабана.

Татары пытались было поживиться на счетъ каменскаго атамана Ивана Сандула, караульныхъ и тѣхъ запорожцевъ, что стояли съ ними въ карантинѣ; но и тутъ послѣдовала осѣчка. Было выяснено и удостовѣрено, что эти запорожцы не имѣли никакого сообщенія съ грабителями. Харько Балченко болѣе года пропадаетъ невѣдомо гдѣ, Яцко Чабанъ вышелъ изъ Сѣчи въ то время, когда Мусій Карый и Наумъ Носъ уже посажены были въ карантинѣ; въ тотъ карантинъ къ запорожцамъ не приходили никакіе невѣдомые люди, да и запорожцы никуда не отлучались, развѣ иногда приходили въ Каменку и то съ вѣдома атамана. Что же касается караульныхъ, то они, находясь на своемъ посту, почти въ верстѣ отъ табора, дѣйствительно могли не слыхать чинимаго разбоя, тѣмъ болѣе, что онъ совершенъ былъ безъ особаго шума и необычайно быстро.

Когда Яцко былъ спрошенъ, какъ гайдамаки пробрались въ карантинъ, то онъ прямо сказалъ, что они зашли съ той стороны, гдѣ караула не было, а потомъ на проломъ промчались мимо караульныхъ и караульные „гукали“ на нихъ, но они только посмѣялись надъ тѣмъ гуканьемъ.

На счетъ атамана Ивана Сандула и сомнѣній не могло быть никакихъ: это былъ козакъ богатый и извѣстный всей сотнѣ своею честностью,—это былъ строгій исполнитель всякихъ приказовъ, исходившихъ отъ начальства; онъ усердно сторожилъ свой участокъ отъ гайдамаковъ и нѣкоторыхъ даже лавливалъ въ предыдущемъ году.

Слѣдователи—Нѣмцовъ и Московъ—не нашли возможнымъ удовлетворить татаръ на счетъ атамана Сандула, караульныхъ и запорожцевъ. Такъ татары, помаявшись до сентября на днѣпровскомъ островѣ, отправились во свояси съ одною опознанною ими

лошадью; слѣдственная коммиссія утѣшила ихъ лишь тѣмъ, что мѣры „къ переловленію“ остальныхъ товарищей Яцка приняты; „по поимкѣ воровъ и разбойниковъ“, они, татары, будутъ позваны и изъ пограбленныхъ пожитковъ получатъ „и больше того“. Но татары позваны не были и удовлетворенія не получили. Перекопскій каймаканъ такъ жаловался въ 1755 г. секундъ-маіору Миронову—послу кіевскаго вице-губернатора Костюрина, управлявшаго тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами: „У насъ бы все хорошо было и промежъ обоими высочайшими имперіями, россійскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было коммиссій, то никакого удовольствія обидящіе не получили“. Крымскій ханъ Арсланъ-Гирей тому же Миронову во время аудіенціи отвѣтствовалъ: „сколько коммиссій ни было, а обидящимъ моимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено; скажи своему генералу объ ономъ или гдѣ у васъ надлежитъ и выше донеси: долго ли мнѣ будетъ терпѣть?“ [1]).

XV.

Запорожцамъ—Мусію Карому и Науму Носу тоже не повезло: и они не получили удовлетворенія за безвременно погибшихъ осетровъ. При содѣйствіи кошеваго атамана, занесли они жалобу на каменскаго атамана Ивана Сандула въ миргородскую полковую канцелярію. Запорожцы печаловались, что они „безъ жадного резону и винности напрасно посажены были въ карантину камянскимъ атаманомъ Иваномъ Сандуломъ, и чрезъ него, атамана, они, нижайшіе, потерпѣли немалый на нѣсколько сотъ рублей убытокъ на товарахъ своихъ, везенныхъ при пашпортахъ на миргородскую ярмарку, особливо же рыба, осятри, вся въ порчь пришла; и чрезъ то они, запорожцы, принуждены были, оставивъ въ Камянкѣ товары свои и лошадей 20, возвратиться въ Сѣчь“,

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1885 г., т. XI, февраль. Къ исторіи пограничныхъ нашихъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ, А. Андр.; стр. 345, 351.

и просили, чтобы съ атамана Ивана Сандула былъ взысканъ тотъ убытокъ, какой они понесли на товарахъ своихъ.

Миргородская полковая канцелярія долго думала надъ этой жалобой и потомъ учинила такую „сатисфакцію“: „Хотя де они, запорожцы, яко то явилось по слѣдствію, и не принимали участія въ разграбленіи татаръ въ Ягодной долинѣ; однако они—Мусій Карый, Наумъ Носъ и прочіе съ ними—яко свидѣтели того разбоя, должны были оставаться въ карантинѣ, по приказу атамана Сандула, до резолюціи изъ оной полковой миргородской канцеляріи; съ товарами же своими они должны были поступить такъ, какъ было имъ предлагаемо отъ того же атамана; и какъ товары свои и лошадей они, запорожцы, бросили въ Камянкѣ не по принужденію камянскаго атамана, а самоизвольно, то по всему сему жалобѣ ихъ полковая миргородская канцелярія не можетъ дать удовлетворенія“.

Мусій Карый и Наумъ Носъ съ товариствомъ выслушали рѣшеніе миргородской полковой канцеляріи, понуривъ чубатыя головы, и поспѣшили въ Каменку, дабы оставленная тамъ „худоба не загинула“. Здѣсь Наумъ Носъ взялъ свою соль, а Карый и товарищи его своихъ лошадей. Такъ кончилась печальная исторія съ осетрами, начало которой восходитъ къ 27 февраля.

Иванъ Сандулъ трижды перекрестился, когда запорожцы, забравъ свою худобу, убрались въ Сѣчь. Онъ съ нихъ ничего не взялъ за прокормленіе лошадей,—онъ радъ былъ, что и такъ раздѣлался съ запорожцами и дѣло кончилось мирно.

А. Полницкій.

Кіевское городское управленіе въ 1786 г.

(ПО ПРОТОКОЛАМЪ ЗАСѢДАНІЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ).

Съ 1786 года начинается правильная дѣятельность кіевскаго городскаго управленія, организованнаго на основаніи екатерининской «грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи». Новое городовое положеніе 1785 года, какъ извѣстно, вводило весьма существенныя перемѣны въ оффиціальной группировкѣ различныхъ классовъ городскаго населенія, установило довольно запутанную и неопредѣленную систему всесословнаго городскаго представительства и исполнительные органы послѣдняго безусловно подчинило мѣстной администраціи; бывшіе городовые магистраты теперь окончательно превращены въ чисто судебныя учрежденія сословнаго характера. Для Кіева, издавна привыкшаго въ своихъ городскихъ дѣлахъ руководствоваться нормами магдебургскаго права и спеціальными привилегіями польскихъ королей, городовое положеніе 1785 г. имѣло значеніе еще недостаточно изслѣдованное и оцѣненное историками этого города. Намъ казалось поэтому небезполезнымъ представить здѣсь нѣкоторыя данныя изъ дѣятельности кіевскаго городскаго представительства при самомъ началѣ его новой организаціи, тѣмъ болѣе, что для XVIII вѣка 1786 годъ—единственный, отъ котораго сохранились оффиціальные протоколы засѣданій кіевской городской думы; остальныхъ книгъ XVIII в. нѣтъ въ думскомъ архивѣ,—онѣ вѣроятно погибли вмѣстѣ съ зданіемъ магистрата въ страшный пожаръ 9 іюля 1811 года. Случайно уцѣлѣвшіе протоколы 1786 года представляютъ рукописный фоліантъ въ 300 слишкомъ листовъ, переплетенныхъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ; нѣскольких, правда немногихъ, листовъ недостаетъ. Протокольныя записи велись изо дня въ день; всѣ получаемыя бумаги или словесныя предложенія и запросы вкратцѣ излагаются въ прото-

колахъ, затѣмъ непосредственно слѣдуютъ отдѣльныя постановленія по каждому вопросу, за подписью состава собранія; пренія гласныхъ или отдѣльныя мнѣнія въ протоколы не вносились.

Кромѣ данныхъ для исторіи собственно городскаго управленія, здѣсь находимъ не мало современныхъ указаній и на другія стороны городской жизни, указаній, впрочемъ, отрывочныхъ и случайныхъ, по самому свойству своего источника, но все же не лишенныхъ значенія для детальной разработки мѣстной исторіи. Въ этомъ отношеніи утрата остальныхъ протоколовъ составитъ довольно чувствительный пробѣлъ для будущихъ изслѣдователей кіевской городской жизни XVIII в., и пополненіе недостающаго матеріала потребуетъ не мало лишняго труда и времени.

Возможностью пользоваться сборникомъ неизданныхъ протоколовъ 1786 года мы обязаны покойному городскому головѣ И. А. Толли. Въ настоящее время подлинный сборникъ долженъ, по всей вѣроятности, храниться при архивѣ кіевской городской думы.

I.

Общая городская и шестигласная дума.—Отношенія думы къ городовому магистрату, губернатору и намѣстническому правленію.—Приготовленія думы къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.

Городовое положеніе 1785 г. дѣлило всѣхъ городскихъ обывателей по роду занятій на шесть различныхъ классовъ: т. наз. настоящихъ городскихъ обывателей, владѣвшихъ въ городѣ недвижимою собственностью, купцовъ трехъ гильдій, цеховыхъ или управныхъ ремесленниковъ, иногороднихъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ людей. Всѣ эти обыватели, если имѣли каждый не менѣе 50 руб. годоваго дохода, пользовались правомъ собираться для выбора городскаго головы, членовъ депутатскаго собранія по составленію обывательскихъ книгъ, бургомистровъ, ратмановъ и засѣдателей магистрата, судей совѣстнаго суда и гласныхъ какъ общей, такъ и шестигласной думы. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи русскихъ городовъ, И. Дитятинъ, послѣ разбора грамоты 1785 г. пришелъ къ заключенію, что роль общихъ собраній горожанъ ограничивалась однимъ днемъ въ теченіе трехъ лѣтъ и «что общая городская дума 1785 г. едва ли имѣла какое либо значеніе по отношенію къ городскому управленію, кромѣ того, что она служила второю избирательною инстанціею гласныхъ въ шестигласную

думу» и слѣдовательно функціонировала тоже лишь одинъ разъ въ три года (Дитятинъ, *Устройство и управленіе* городовъ Россіи, I, 441 сл.). Сколько можно судить по даннымъ 1786 г., такое заключеніе не вполнѣ примѣнимо къ Кіеву.

Послѣ введенія новаго положенія въ Кіевѣ во второй половинѣ 1785 г. и по февраль 1786 г. текущими дѣлами города завѣдывала кіевская городская дума, но такой порядокъ оказался неудобнымъ на практикѣ,—дѣла лежали безъ движенія. 27 января 1786 г. общая городская дума рѣшила «повѣрить городскому главѣ Ефиму Митюку и выбраннымъ съ гласныхъ общей думы, для всегдашнаго направленія дѣлъ, въ шестигласную думу гласнымъ Григорію Радзицкому, Семену Балабухѣ, Ѳедору Донцу, Ивану Могиліовцу, Василію Стефановичу и Трофыму Козачынскому... всѣ письменніе дѣла, впредь кромѣ важнѣйшихъ, касающихся къ цѣлому городу дѣлъ, отправлять и по онымъ какъ опредѣленія, такъ распоряженія и рѣшенія дѣлать». Хотя положеніе 1785 г. и не разграничиваетъ сферы дѣятельности общей и шестигласной думы, но въ Кіевѣ 1786 года общая городская дума созывалась при всякомъ сколько нибудь выдающемся вопросѣ, какъ напр. о пріобрѣтеніи городомъ домовъ или лавокъ у частныхъ лицъ, объ устройствѣ временныхъ лавокъ во время ярмарки, о назначеніи годоваго жалованья городовому архитектору, о заключеніи контракта по поставкѣ пожарныхъ инструментовъ, о займѣ городскихъ денегъ частнымъ лицамъ, о сдачѣ въ аренду городскаго погреба, о возобновленіи контракта по винному откупу, объ обмѣнѣ городскихъ грунтовъ на частные, о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ императрицы, о порядкѣ собраній гласныхъ думы и т. п. Судя по сохранившимся протоколамъ, кіевская общая городская дума созывалась въ 1786 году не менѣе двадцати разъ. Составъ ея на практикѣ еще не былъ точно опредѣленъ. Въ общую думу приглашались, смотря по важности подлежащихъ обсужденію вопросовъ, или только гласные, или и члены городоваго магистрата, или, наконецъ, и все «почетнѣйшее общество» вмѣстѣ съ цеховыми старшинами [1]). Выборъ того или инаго состава

[1]) Прот. 20 февр.: „для того сія дума, пригласивъ всѣхъ общей думы гласныхъ вмѣстѣ съ городскаго магистрата членами“ и пр. 25 апр.: кіевская городская дума „обще съ присутствующими въ кіевскомъ городовомъ магистратѣ, также Общею Думою и всѣмъ гражданствомъ“. 7 мая: „созвать Общую Думу, магистратъ и почетнѣйшее гражданство и общественно потрактовать“. 20 авг.: „созвать Общую Думу, магистратъ, всѣхъ почетнѣйшихъ мѣщанъ и цеховыхъ старшинъ“.

собранія зависѣлъ, повидимому, исключительно отъ усмотрѣнія шестигласной думы, такъ какъ положеніе 1785 года не давало точныхъ нормъ для этого случая, а въ протоколахъ нѣтъ указаній на вмѣшательство здѣсь администраціи. Представляется однако не вполнѣ яснымъ, почему шестигласная дума находила иногда нужнымъ приглашать въ собраніе только членовъ магистрата или почему цеховые старшины не всегда включаются въ составъ «почетнѣйшаго общества», призваннаго «общественно потрактовать» о важныхъ вопросахъ. Самое выраженіе: общая городская дума «въ собраніи всего здѣшнего общества», дума, «будучи въ полномъ собраніи» оказывается довольно неопредѣленнымъ въ дѣйствительности: протоколъ думы «въ полномъ собраніи» отъ 27 января подписанъ 13 гласными, тогда какъ протоколъ 30 марта имѣетъ уже 21 подпись, 18 апрѣля—19 подписей, 4 декабря—29 подписей; нужно думать также, что далеко не всѣ полноправные кіевскіе граждане приглашались въ общія собранія, если протоколы послѣднихъ имѣютъ maximum 63 подписи, обыкновенно же 35—45 подписей; такъ какъ за неграмотныхъ членовъ собранія подписывались грамотные товарищи, то малочисленность состава собраній нельзя объяснять пропускомъ подписей, и участіе массы гражданства въ обсужденіи важнѣйшихъ городскихъ дѣлъ приходится считать мнимымъ, несмотря на заголовки протоколовъ. Мало того: цеховые старшины въ 1786 году лишь два раза подписались подъ протоколами, хотя по 160 ст. городоваго положенія каждый цехъ посылалъ своего представителя въ общую городскую думу; слѣдовательно, цехи на практикѣ не пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ по закону. Едва ли, однако, всѣ эти неровности въ примѣненіи новаго положенія должны быть приписаны произволу шестигласной думы 1786 года: гласные общей думы, какъ видно, тяготились своими обязанностями и являлись въ собранія крайне неаккуратно, такъ что общая дума составила 25 сентября такое любопытное опредѣленіе: «Какъ по обширности сего города ежечасно важные случаются городскіе дѣла, которые по 175 ст. Высоч. о гор. положенія узаконенію разсматриваемы быть должны общественно, нерѣдко же случается, что за оповѣщеніемъ отъ господина городскаго главы по таковымъ дѣламъ не точію на назначенной въ оповѣсткѣ срокъ не приходятъ, но вовся въ собраніи не бываютъ; для того: сочинивъ именной реестръ, кто долженъ въ общемъ собраніи бывать всякую субботу неотмѣнно, въ началѣ десятаго часа, а по повѣсткамъ на срокъ въ оныхъ написанной, развѣ бы кто либо съ таковыхъ, имѣя необходи-

мыя надобности и немогутства быть, далъ о себѣ запискою знать или бы былъ въ отлучкѣ, прочетъ оный для знанія въ полномъ собраніи, безъ сего же, не пріемля никакихъ отговорокъ, должны будуть, яко непослушные, поздо въ собраніе приходящіе по пятидесяти копѣекъ, а вовся небывшіе по рублю на кладбищенскую гродсвую церковь безъ послабно уплачивать.»

Хотя уже по учрежденію о губерніяхъ 1775 г. городовые магистраты получили преимущественно сословно-судебное значеніе, а съ изданіемъ грамоты 1785 г. этотъ характеръ ихъ выраженъ былъ еще опредѣленнѣе и яснѣе, но въ Кіевѣ 1786 года городовой магистратъ, состоявшій изъ членовъ отъ купечества и мѣщанства, еще не лишенъ былъ всякаго участія во хозяйственныхъ дѣлахъ города. Такъ напр., вся операція по винному откупу сосредоточена была въ магистратѣ, совмѣстно съ казенной палатой, магистратъ отсылалъ откупныя деньги въ городскую шестигласную думу. Какъ видно, магистратъ считалъ мѣщанъ подчиненными ему не въ однихъ лишь судебныхъ дѣлахъ и какъ учрежденіе въ сущности правительственное, а не городское, относился къ шестигласной думѣ нѣсколько свысока. Но и шестигласная дума склонна была считать себя учрежденіемъ правительственнымъ, а не выборно городскимъ. Еще 13 февраля 1786 г. она постановила писать свои опредѣленія «По указу Его Императорскаго Величества», имѣть на столѣ сукно и зерцало,—хотя за разрѣшеніемъ пріобрѣсть эти вещи и пришлось обратиться къ губернатору Ширкову. Такъ какъ положеніе 1785 г. отдавало заботы о городскомъ хозяйствѣ въ руки общей и шестигласной думъ, то послѣднія получали право контроля по отношенію къ бывшимъ магистратамъ, за которыми числилось еще не мало дѣлъ, особенно финансовыхъ, не приведенныхъ въ ясность. Вслѣдствіе этого и въ Кіевѣ 1786 г. отношенія между шестигласною думою и городовымъ магистратомъ установились довольно непріязненныя, такъ какъ въ этомъ году бургомистромъ въ губернскомъ магистратѣ былъ Яковъ Гудимъ, бывшій лавникъ, а однимъ изъ ратмановъ Павелъ Лобко, бывшій инстигаторъ. Судя по тону протоколовъ, шестигласная дума нашла, что эти лица присвоили часть городскихъ доходовъ, проходившихъ ранѣе черезъ ихъ руки, и уже 30 января потребовала отъ нихъ объясненіе черезъ магистратъ. Отвѣта не получалось. Дума шлетъ новый запросъ о томъ, куда исчезъ капиталъ покойнаго лекаря Некиша въ 1500 слишкомъ рублей, принадлежавшій городу по выморочному праву. Чтобы затянуть дѣло, магистратъ въ свою очередь

запросилъ думу, для чего понадобилось ей это свѣдѣніе. Дума увѣдомила, но многозначительно указала при этомъ, что она «ни по какимъ законамъ необовязана точностію извѣщать, для чего оная требуетъ о имѣвшихся въономъ магистратѣ деньгахъ свѣдѣнія», и что отвѣчаетъ «единственно снисходя, а болѣе избѣгая излишнихъ и вовсе недѣльныхъ переписокъ и затрудненіевъ». Волей неволей магистратъ долженъ былъ дать отчетъ, и капиталъ Некиша, хотя съ трудомъ, но былъ возвращенъ городу. Въ ноябрѣ новое пререканіе: для закупки хлѣба въ городской магазинъ дума отрядила въ Польшу мѣщ. Дунаевскаго, который оказался нужнымъ магистрату по возникшему въ его отсутствіе дѣлу. Въ магистратѣ постановлено было потребовать отъ думы, чтобы она на будущее время не командировала мѣщанъ изъ города безъ вѣдома магистрата, такъ какъ «всѣ живущіе въ городѣ купцы и мѣщане по Высочайшему о губерніяхъ учрежденію и городовому положенію однимъ магистратамъ подвѣдомы». Дума не безъ достоинства отвѣчала на это, что хозяйственныя дѣла города проволочекъ не терцятъ, а между тѣмъ переписка съ магистратомъ затягивается,—чтобы получить отвѣтъ, нужно писать дватри раза; при такихъ условіяхъ городъ потерпитъ немалые ущербы «чрезъ малое городовымъ магистратомъ уваженіе» городскихъ нуждъ и медлительность въ отпискѣ; «поелику же городовой магистратъ недѣльно, и совсѣмъ невсходство изданныхъ на сей случай узаконеній подчиняя себѣ городскую думу, требуетъ, дабы оная въ наряженіи отъ нее по економическимъ дѣламъ здѣшнихъ купцовъ и мѣщанъ въ должности давала ему знать увѣдомленіемъ, для того въ городовой кіевскій магистратъ сообща требовать, дабы оной впередъ таковыми безъисправочными и изъ законами несходствующими требованіями въ теченіи дѣлъ, до сей думы касающихся, не дѣлалъ помѣшательства и остановки».

Въ отношеніи къ губернатору какъ шестигласная, такъ и общая городская дума стояли въ безусловной зависимости и подчиненности. Если не всѣ засѣданія обѣихъ думъ состояли въ выслушиваніи предложеній губернатора и безпрекословномъ принятіи ихъ къ исполненію, то о всѣхъ предположенныхъ мѣрахъ по городскому хозяйству предварительно представлялось такъ сказать по начальству, т. е. тому же губернатору. Такой порядокъ соблюдался не только въ дѣлахъ относительной важности для городскаго населенія, но въ такихъ мелочахъ, какъ, напр., вопросъ о прибавкѣ 10 р. въ годъ къ жалованью думскаго писца, о покупкѣ лошади для почтоваго двора, о

починкѣ печей въ магистратѣ, о вырытіи новаго колодца и т. п. Губернаторъ Ширковъ не ограничивался наблюденіемъ за правильностью распоряженій думы,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ непосредственное участіе въ городскомъ хозяйствѣ, и нецѣлесообразность такихъ отношеній администраціи къ городской общинѣ, хотя и чувствовалась думою, но не вызывала пререканій, благодаря неопредѣленной редакціи относящихся сюда статей городоваго положенія 1785 года. Изъ думскихъ протоколовъ 1786 года видно, что Ширковъ безъ участія и согласія думы заключилъ контрактъ съ евреемъ Зовелемъ Гершковичемъ на поставку городу пожарныхъ инструментовъ, съ острожскимъ мастеромъ Прумпаромъ о ремонтѣ Андреевской церкви, предписывалъ думѣ выдавать взаймы городскія деньги разнымъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ мѣстному обществу, большею частью чиновнымъ людямъ и при томъ такимъ, которымъ дума не довѣряла. Въ этомъ отношеніи дѣло о пожарныхъ инструментахъ не лишено значительнаго интереса.

Предложивъ думѣ озаботиться устройствомъ «пожарныхъ заливныхъ трубъ» [1]), Ширковъ вмѣстѣ съ тѣмъ «рекомендовалъ» ей могилевскаго жителя Зовеля Григорьева сына Гершковича, какъ человѣка опытнаго въ этомъ дѣлѣ, да кстати и какъ эксперта по части береговыхъ обваловъ Днѣпра, причинявшихъ городу немало затрудненій. Дума 27 марта согласилась осмотрѣть берегъ вмѣстѣ съ Гершковичемъ, отложивъ обсужденіе вопроса о пожарныхъ инструментахъ до представленія подрядчикомъ проектовъ и рисунковъ. 30 марта дума, въ общемъ собраніи, отказалась вступить съ Гершковичемъ въ договоръ, такъ какъ онъ предложилъ чрезмѣрно высокія цѣны, и постановила поручить устройство трубъ московскому мастеру Иванову, о чемъ и донести губернатору Ширкову. Хотя до десяти мѣстныхъ мастеровъ также не прочь были взять подрядъ гораздо дешевле Гершковича, но Ширковъ своею властью заключилъ контрактъ съ послѣднимъ и 11 апрѣля предписалъ думѣ выдать ему 600 руб.

---

[1]) Предписаніе организовать пожарную команду сдѣлано было еще въ октябрѣ 1785 г. генералъ-губернаторомъ Румянцевымъ—Задунайскимъ (прот. 15 іюня), но, какъ видно изъ донесенія брандмейстера (прот. 27 марта), пожарныя трубы при полицейскихъ частяхъ были въ самомъ жалкомъ состояніи. Между тѣмъ базарный смотритель 27 марта донесъ думѣ, что подлѣ лавки предсѣдателя губернскаго магистрата кол. ас. Гудимы усмотрѣны въ тряпицѣ сосновыя спички, положенныя туда неизвѣстными людьми съ цѣлью поджога. Дума тогда же постановила созвать все городское общество и „объявить, чтобы розузнали злоумышленниковъ“. Этотъ же случай далъ Ширкову поводъ рекомендовать вниманію думы еврея Гершковича.

впередъ въ счетъ договорной платы. Въ маѣ мѣсяцѣ мѣстные мастера Званинъ, Шведенко и Синявскій горько жаловались думѣ, что подрядчикъ Зовель Гершковичъ «неоднократно имъ сказывалъ, не умѣете де вы хлѣба ѣсть, а между тѣмъ просилъ ихъ, чтобъ отъ онаго подряда отстали,—онъ имъ дастъ 50 руб. или они пусть уплатятъ, а какъ де онъ, Гершковичъ, взялъ съ городской думы 600 р., то предъ ними говорилъ такіе рѣчи: дорого де было мнѣ запрягты, а поганять легко, а наконецъ, еще укорялъ ихъ такъ: васъ де было десять человѣкъ, да я де всѣхъ перемоглъ». Дума постановила: «записавъ, сообщить къ дѣлу и при ономъ содержать цѣлостно». Между тѣмъ Зовель Гершковичъ, получивъ деньги впередъ, трубъ заливныхъ не изготовилъ къ сроку, почему дума просила Ширкова сдать подрядъ мѣстнымъ мастерамъ, а съ Гершковича взыскать 600 руб. сер. съ процентами. Изъ протоколовъ видно, что, по крайней мѣрѣ въ въ 1786 г., деньги эти съ Гершковича взысканы не были. Если взять во вниманіе, что въ 1786 году цѣлый дворъ на Куреневщинѣ можно было пріобрѣсть за 25 руб. (прот. 6 мая), арендная плата за новую каменную городскую лавку не превышала 5 руб. въ годъ (прот. 29 апрѣля), а годовое жалованье копіисту городской думы равнялось 6 руб. (прот. 21 дек.), то потеря города должна быть признана весьма значительною [1]).

Съ кіевскимъ намѣстническимъ правленіемъ городская дума въ непосредственныя сношенія въ 1786 году не входила, исключая, впрочемъ, вопроса о приготовленіяхъ къ пріѣзду импер. Екатерины II. Приготовленія эти начались еще съ мая мѣсяца. 15 мая общая городская дума, вслѣдствіе предписанія намѣстническаго правленія, постановила: ремонтировать стоявшія на Крещатикѣ тріумфальныя ворота и украсить ихъ вновь картинами, «сему всерадостнѣйшему случаю приличествуемыми» [2]); ремонтировать скарбовую палату въ магистратѣ и «вымазать» ее алебастровыми красками и золотомъ, гдѣ оказалась порча, «а буди Ея Имп. Вел. Всемилостивѣйше удостоить изволитъ оную палату своего Всевысочайшаго посѣщенія и соблаговолитъ имѣть

[1]) Съ другой стороны, когда дума въ засѣданіи 30 марта отказалась измѣнить контрактъ съ подрядчикомъ по поставкѣ лѣса для города, то рѣшено было донести объ этомъ Ширкову, „въ такыхъ обстоятельствахъ, дабы паче чаянія непопасть каковому либо ответу и взысканію“. Между тѣмъ предложеніе измѣнить контрактъ было сдѣлано лично подрядчикомъ и требовало ничѣмъ не мотивированнаго и явно убыточнаго для города возвышенія договорныхъ цѣнъ лѣса.

[2]) Изъ протоколовъ видно, что въ октябрѣ мѣсяцѣ тріумфальныя ворота были сильно повреждены неизвѣстными лицами.

въ оной палатѣ обѣденной столъ, то одному изъ граждань проговорить самократчайшую благодарственную рѣчь»; иллюминовать магистратъ и магистратскую башню плошками разныхъ цвѣтовъ; при въѣздѣ поднести хлѣбъ отъ всего гражданства, а городскому головѣ произнести «самократчайшую поздравительную рѣчь»: «встрѣчу здѣлать, кромѣ тѣхъ почотнѣйшихъ гражданъ, кои должны будуть быть вмѣстѣ съ городскимъ головою пѣшо, и еще на площадяхъ сто человѣкамъ на собственный ихъ коштъ одѣтымъ въ одноцвѣтное зеленое платье съ хорошымъ лошадей уборомъ и изъ городскою музыкою, цехамъ же здешнымъ быть на встрѣчи съ ихъ знаменамы и стоять по обое стороны дороги по порядку». 4 декабря по тому же поводу въ общей городской думѣ состоялось новое постановленіе: выбраннымъ съ согласія всего общества для встрѣчи императрицы повелѣть, «дабы они неотмѣнно исправыли каждой съ нихъ на собственной коштъ одноцветное зеленое съ краснымы кафтанамы платье, шапки сѣрыя, зъ вершкомъ краснымъ и китицею бѣлою, ладунки и сабли, а такъ же лошади хорошіе и съ уборомъ оныхъ изряднымъ и пры въѣздѣ ея имп. вел. въ городъ Кіевъ (кромѣ почотнѣйшихъ гражданъ, кои къ тому опредѣлени будутъ вмѣстѣ съ городскимъ главою пѣшо) встрѣчу здѣлать нимъ на лошадяхъ сколь возможно въ лутшемѣ порядкѣ. А буди бы кто съ оныхъ значущихся у вѣдомосты въ семъ случаѣ ослушнымъ оказался и положенного обществомъ не выполнилъ, то не прыемля никакихъ извиненій или отговорокъ, неминуемо съ такого взыскать штрафу пятьдесять рублей, и сіи денги роздать всѣмъ тѣмъ, кои сіе положеніе общее выполнятъ, на кормъ ихъ лошадей; о чемъ къ непремѣнному исполненію каждому съ ныхъ предписать прыказалы, съ тѣмъ чтобы они, получа сіи прыказы, ни подъ какимъ видомъ никуда съ Кіева неотлучивались, а исполнили бы выше сего изъясненное».

Изъ протоколовъ видно, что къ пріѣзду императрицы думою приняты были еще слѣдующія мѣры: къ 40 почтовымъ лошадямъ прикуплено еще 20; устроенъ деревянный мостъ на льду противъ Неводницкой пристани; ремонтировано царское мѣсто въ Андреевской церкви и магистратская башня съ расходомъ на это болѣе 1400 руб. сер.; заготовлено 15 смоляныхъ бочекъ, кои «будутъ замѣною вмѣсто дровяныхъ кучекъ, которіе нужно поставить по путы поближе къ Кіеву на случая естлибы ея имп. вел. сюда въ Кіевъ ехать въ ночное время соизволили»; собирались свѣдѣнія и готовились вѣдомости о городскихъ доходахъ, объ устройствѣ думы, ея собраніяхъ, о членахъ думы и ея канцелярскихъ чиновникахъ, также историческія справки о Кіевѣ

и о дарованныхъ ему ранѣе привилегіяхъ, которыя, какъ видно изъ протокола 25 февр., тщательно сохранялись думою въ особомъ сундукѣ [1]); устроенъ былъ живорыбный садокъ, а рыбальской управѣ предписано озаботиться, чтобы въ свое время рыба была готова въ надлежащемъ количествѣ, а мясницкой управѣ подтверждено имѣть достаточно мяса. Такъ какъ губернаторъ Ширковъ требовалъ, чтобы городъ запасался жизненными припасами ко дню пріѣзда царицы, то дума подъ угрозой конфискаціи воспретила прасоламъ продавать хлѣбъ винокурамъ, по винѣ которыхъ будто бы ощущался въ городѣ недостатокъ и дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Само собою разумѣется, что распоряженіе это практическихъ результатовъ не имѣло. (О встрѣчѣ Екатерины II Кіевомъ 29 января 1787 г. см. у Н. Закревскаго, Описаніе Кіева, изд. 1868 г., т. I, стр. 101, сл.). Объ удаленіи изъ города людей «воспою и корью, лопухою или другою какою сыпью одержимыхъ», какъ это было въ 1744 г. въ ожиданіи пріѣзда имп. Елисаветы (см. у Ал. Андріевскаго, Истор. мат. изъ архива кіев. губ. правл., Кіевъ, 1883, вып. 5, стр. 162—168), на сей разъ не слышимъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ думскихъ протоколахъ 1786 года.

II.

Финансовое хозяйство г. Кіева въ 1786 году.—Главные источники городскаго дохода.—Питейный откупъ.—Поземельные сборы.—Торговые и др. сборы.—Недоимки.—Ссудная операція городской думы въ 1786 г.—Вопросъ о займѣ городу 200,000 рублей.

Со введеніемъ намѣстничества къ кіевскому городскому управленію были предъявлены требованія, которыя казались мѣщанамъ отяготительными, а связанное съ этимъ вмѣшательство высшей администраціи въ хозяйственную жизнь города возбуждало среди представителей мѣщанства нѣкоторое неудовольствіе и нареканія. Такъ какъ городъ лишенъ былъ права самостоятельнаго распоряженія своими финансами и другими отраслями своего хозяйства, то ему оставалось лишь дѣлать о своихъ потеряхъ и нуждахъ представленія по началь-

---

[1]) Какъ извѣстно, значительное число привилегій и др. грамотъ, принадлежавшихъ Кіеву, погибли въ генеральной войсковой канцеляріи въ Глуховѣ, куда онѣ были затребованы гр. Разумовскимъ еще въ 1763 г. см. А. Андріевскій, Кіевскіе смуты средины прошлаго столѣтія. „Кіев. Старина“, 1886 г., декабрь, стр. 679.

ству. Такъ это и было въ дѣйствительности. Представленія думы нерѣдко имѣли цѣлью исходатайствовать пособіе городу отъ казны въ виду того, что Кіевъ несъ повинности, имѣвшія общегосударственное значеніе, а между тѣмъ значительная часть городскихъ доходовъ со введеніемъ намѣстничества была отобрана отъ города и обращена въ казенную палату. Особенныя заботы думы какъ общей городской, такъ и шестигласной, посвящены были питейному дѣлу, такъ какъ все городское хозяйство держалось главнымъ образомъ питейными доходами. Извѣстна ожесточенная борьба кіевскаго мѣщанства и магистрата съ козацкой старшиной изъ за права винокуренія, которая велась въ Кіевѣ прошлаго вѣка. Со введеніемъ намѣстничества, въ 1782 году, борьба прекратилась, но потому, что возбуждавшее споры право было отнято и у мѣщанъ. По договору бывшаго кіевскаго магистрата съ казенной палатой, городъ имѣлъ въ 1786 году право на полученіе изъ питейной откупной суммы 22,750 руб.,—эта была главная статья городскаго годоваго бюджета. Деньги эти выручались отъ продажи хлѣбнаго вина собственно на Подолѣ, гдѣ были принадлежавшіе городу, сдаваемые въ аренду мѣщанамъ шинки; на Печерскѣ и въ Старомъ городѣ винная торговля производилась почти исключительно отъ казны и въ городской доходъ поступалъ лишь 1% казенной питейной выручки [1]). Такъ какъ по разсчету казенной палаты городской доходъ Кіева въ 1786 году долженъ былъ не превышать суммы въ 27,464 руб. съ копѣйками, то легко понять интересъ думы къ питейной операціи. Эта послѣдняя собственно стояла внѣ вѣдѣнія думы и назначенный по росписанію доходъ лишь передавался въ городскую казну отъ смотрителей питейной экономіи Барскаго, Яруцкаго и Атанасевича, подчиненныхъ казенной палатѣ и городовому магистрату. Но, вслѣдствіе наступившей въ 1786 г. сравнительной дороговизны хлѣба, выручка городскаго питейнаго дохода встрѣчала немало затрудненій, тѣмъ болѣе, что городъ не держалъ винокуренъ и пріобрѣталъ вино по вольной цѣнѣ отъ мѣстныхъ винокуровъ. Поэтому шестигласная дума считала себя вправѣ ходатайствовать предъ губернаторомъ о принятіи мѣръ противъ вздорожанія хлѣба, о нестѣсненіи

---

[1]) На Печерскѣ еще въ 1786 г. было нѣсколько шинковъ, принадлежавшихъ монастырямъ. 15 іюня дума ходатайствовала о передачѣ этихъ шинковъ городу, который по указу 3 мая 1783 г. долженъ „очищаться отъ всего несвойственнаго", или по крайней мѣрѣ объ отчисленіи 1% дохода въ городскую казну. Отвѣта отъ Ширкова не послѣдовало.—Съ казенныхъ шинковъ въ Печерскѣ и Старомъ Кіевѣ поступило за апрѣльскую треть 1786 г. въ городской доходъ всего 15 р. 90 к.

вольнаго мѣщанскаго винокуренія и, наконецъ, о разрѣшеніи продавать въ городскихъ шинкахъ вино по 14 коп. за кварту вмѣсто прежнихъ 12 коп., но въ то же время дума просила обязать мѣщанъ сбывать выкуренное вино только въ городской магазинъ. Такимъ образомъ, въ заботахъ думы главную роль игралъ фискальный моментъ, потому что городская монополія въ дѣлѣ купли вина отъ винокуровъ могла быть лишь невыгодна для этихъ послѣднихъ. Для думы имѣло значеніе и то, что съ земель подъ мѣщанскими винокурнями городъ получалъ до 500 руб. сер. ежегодно т. наз. покуничнаго сбора, пока вольное винокуреніе не было воспрещено,—сумма по тому времени весьма значительная. Изъ протоколовъ видно, что казенная палата согласилась только на просимое возвышеніе продажной цѣны вина, отпускаемаго изъ городскихъ шинковъ, «ибо такова прибавка никому въ тягость быть не можетъ, потому что всякъ, имѣя собственную свою волю покупать оное по тѣмъ цѣнамъ, а естли не пожелаетъ, будетъ въ томъ безъ малѣйшаго принужденія» (прот. 5 февр.). Хотя дума и представляла Ширкову, что, вслѣдствіе запрета вольнаго винокуренія, граждане впадутъ въ нищенство и разореніе и не станутъ вносить податей и налоговъ, но на это даже отвѣта не послѣдовало (прот. 9 сент.). Не были удачнѣе и ходатайства думы о прекращеніи буйствъ солдатъ по городскимъ шинкамъ. Въ маѣ дума жалуется, что солдаты днѣпровскаго пѣхотнаго полка, «ходя въ питейные домы, приходящихъ за покупкою горячого вына людей бьютъ безвынно и разные обиды и азарты дѣлаютъ, както не платятъ выпивши за выно денегъ, разбиваютъ бутылки, стаканы и чарки, а чрезъ то городской суммѣ дѣлаютъ немалый убытокъ». Дума избѣгала возбуждать по этому поводу оффиціальную переписку, опасаясь отсюда большихъ для себя хлопотъ и непріятностей, и вступила въ частныя словесныя сношенія «черезъ нарочнаго» съ военными властями объ удовлетвореніи обиженныхъ. Въ октябрѣ въ протоколахъ встрѣчаемъ новыя жалобы на то, что солдаты занимаются воинскимъ артикуломъ въ городскихъ шинкахъ и «подъ видомъ ученія» не пропускаютъ туда посѣтителей, чиня при этомъ различныя буйства и своеволія [1]). Жаловалась дума и на тайную торговлю какъ хлѣбнымъ, такъ и виноградным виномъ, въ ущербъ городскимъ доходамъ и мѣщанству, производимую купцами

---

[1]) На городской почтовой станціи Ширковъ, вслѣдствіе просьбы думы, распорядился поставить оберъ-офицера, въ виду „азартничества“ проѣзжающихъ курьеровъ (прот. 28 сент.).

Павловымъ, Загоровскимъ, Масловскимъ, Лакердою, бунчуковымъ товарищемъ Гудимою, Братскимъ монастыремъ и др. Но жалобы эти встрѣчаются въ протоколахъ думы довольно рѣдко, и тѣмъ болѣе, что 10 іюня Ширковъ, впредь до особаго указа сената, воспретилъ городу взимать въ свою пользу по 10 р. съ буты виноградняго вина, продаваемаго во всѣхъ частяхъ города,—по этому сбору за мѣстными торговцами Радзицкимъ, Рыбальскимъ, Лакердою, Иванскимъ и Маркевичемъ накопилась немалая недоимка еще съ 1783 г., которую Ширковъ въ январѣ 1786 г. распорядился было взыскать, но затѣмъ по неизвѣстной причинѣ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

Послѣ питейнаго, самый крупный доходъ получался съ поземельныхъ сборовъ разнаго рода. Въ 1785 г. съ 929 дворовъ на Подолѣ и съ купеческихъ и мѣщанскихъ дворовъ въ предмѣстьяхъ въ пользу города взималось *покуничнаго* по полушкѣ, съ квадратнаго аршина земли и *поворотнаго* по двѣ коп. съ каждаго двора. Земли, на которыхъ стояли различныя промышленныя заведенія, особенно винокурни, обложены были значительно высшею платою. Въ январѣ 1786 г. и этотъ доходъ города былъ значительно уменьшенъ, вслѣдствіе распоряженія губернатора Ширкова: прежній покуничный и поворотный сборъ, взимавшійся со всѣхъ обывателей безразлично, былъ отмѣненъ; съ купцовъ и мѣщанъ, имѣвшихъ дома внутри города или хутора въ предмѣстьяхъ, разрѣшено было взимать отнынѣ лишь по полушкѣ съ аршина земли, но не болѣе, и поворотнаго брать не велѣно, «по причинѣ что оны будучи здѣшніе купцы и мѣщане платятъ указные податы и отбуваютъ городскую службу»; съ разночинцевъ всякаго чина и званія, владѣвшихъ домами въ городѣ или хуторами въ предмѣстьяхъ, разрѣшено было взимать покуничные: за землю подъ дворомъ, въ городѣ съ квадр. саж. по копейкѣ, за землю въ хуторахъ удобную, подъ дворомъ, винокурнею, мельницею или плотиною, съ кв. сажени по денежкѣ, а подъ садомъ, огородомъ, пастовникомъ или сѣнокосомъ—по полушкѣ (напр. за 720 саж.—3 р. 60 к., за 3 дес. 638 саж. по полушкѣ—19 р. 59 к. съ денежкою). За земли подъ лѣсами, прудами и ручьями воспрещено было взимать какіе либо сборы въ пользу города, а съ кузницъ разрѣшено брать по 20 коп. поворотнаго. Распоряженіе это, очевидно, имѣло цѣлью облегчить лицъ, владѣвшихъ въ Кіевѣ недвижимою собственностью, но не принадлежащихъ къ мѣстному обществу, гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, пріобрѣвшимъ здѣсь осѣдлость, жившимъ въ Кіевѣ козакамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кто не входилъ въ составъ одного изъ шести городскихъ сословій. Та-

кихъ лицъ въ современномъ Кіевѣ было не мало; условія, на которыхъ они владѣли своими грунтами, были самыя разнообразныя и запутанныя; почти всѣ разночинцы относились враждебно къ мѣстному мѣщанству и купечеству, правами котораго, нѣкогда весьма обширными, не могли пользоваться. Поэтому къ концу года оказалось, что только одинъ разночинецъ внесъ покуничный сборъ, остальные же отказались наотрѣзъ, объявивъ, «что требуемыхъ городскою думою денегъ не уплатятъ, а будутъ о семъ просить высшей власти». Думѣ оставалось лишь просить содѣйствія Ширкова, что она и сдѣлала, съ обычнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, мѣщане и купцы также весьма неохотно платили покуничное и накапливали безнадежныя недоимки. Несмотря на всѣ усилія думскихъ уполномоченныхъ, къ 9 сентября покуничнаго сбора удалось взыскать лишь 27 р. 5 к. сер.

Хотя казенная палата въ росписаніи своемъ отъ 25 ноября 1785 г., разсчитала годовой доходъ Кіева въ суммѣ 27,464 р. 25¼ коп., но разсчетъ этотъ оказывается весьма проблематичнымъ при провѣркѣ его по думскимъ протоколамъ. Провѣрка эта не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ о поступленіи въ городской доходъ даже нѣсколько десятковъ коп. немедленно докладывалось шестигласной думѣ, которая составляла каждый разъ особое опредѣленіе о передачѣ денегъ городскимъ казначеямъ. Изъ этихъ подробныхъ протокольныхъ записей видно, что, кромѣ указанныхъ выше, городскіе доходы Кіева слагались въ 1786 году изъ слѣдующихъ статей: аренда 107 городскихъ лавокъ принесла 670 руб.; за отведенныя иногороднимъ купцамъ мѣста на успенской ярмаркѣ выручено 312 р. 41¼ к., за тѣ же мѣста передъ городскими лавками съ мѣстныхъ купцовъ взыскано 175 р. 87 к.; откупныхъ денегъ по продажѣ збитня и ячнаго кваса получено 200 руб. сер., и на слѣдующій годъ статья эта сдана на откупъ уже за 630 руб.; аренда полочекъ въ гостинномъ дворѣ дала 252 р. 38 к., аренда городской мельницы на р. Помойникѣ—33 р. 34 к., сборъ съ торговцевъ прѣсною брагою—28 р. 40 к., съ содержателя торговыхъ бань—20 р., съ торговцевъ прѣснымъ медомъ и вяленою рыбою—10 р. 10 к., 1% съ казеннаго питейнаго дохода по Печерску и Ст. Кіеву—15 р. 90 коп., за апрѣльскую треть, аренда городскаго погреба и ледника—60 руб., ярмарочной пошлины съ Печерска 3 руб. Почтовый дворъ приносилъ городу ежемѣсячно отъ 48 до 100 руб. дохода, но расходы въ нѣсколько разъ превосходили доходъ: содержаніе почты лежало на обязанности города. Штрафовъ съ цеховыхъ и купцовъ за нарушеніе уставовъ въ 1786 году поступило 27 руб-

лей[1]). Нельзя причислять къ постояннымъ городскимъ доходамъ такія поступленія, какъ 18 р. за проданную городскую лошадь, 1809 руб. за проданный изъ запаснаго магазина хлѣбъ, вмѣсто котораго пришлось тогда же купить новый по высшей цѣнѣ, и, наконецъ, выморочный капиталъ лекаря Некиша въ 1514 руб. съ копѣйками, не безъ труда истребованный отъ магистрата. Такимъ образомъ, доходные источники Кіева въ 1786 г. оказываются достаточно ничтожными, исключая питейнаго дохода, и совершенно очевидно, что уступка этого дохода Кіеву была въ то время дѣломъ неизбѣжнымъ, такъ какъ иначе городъ лишенъ былъ бы возможности удовлетворить своимъ насущнымъ нуждамъ и выполнять возложенныя на него обязательныя повинности. Такъ какъ иниціатива въ хозяйственныхъ дѣлахъ города находилась въ рукахъ губернатора, то въ протоколахъ встрѣчаемъ лишь рѣдкія и маловажныя указанія на тѣ мѣры, которыя дума считала съ своей стороны необходимыми для поднятія городскаго хозяйства и увеличенія городскихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ просьбы о ссудѣ городу 200,000 рублей, можно указать лишь на ходатайство о передачѣ городу монастырскихъ лавокъ и шинковъ и о разрѣшеніи ему устроить перевозъ черезъ Днѣпръ со взиманіемъ платы въ свою пользу, а не въ доходъ казны.

Но судьба этихъ ходатайствъ неизвѣстна,—вѣроятно Ширковъ не обратилъ на нихъ вниманія, такъ какъ отвѣтъ его неизбѣжно былъ бы упомянутъ въ протоколахъ думскихъ засѣданій. Не болѣе простора имѣла городская дума и для экономіи въ расходахъ, такъ какъ размѣръ и назначеніе послѣднихъ исключительно зависѣли отъ распоряженій губернатора и казенной палаты. Выше упомянуто уже о нѣкоторыхъ случаяхъ непосредственнаго вмѣшательства Ширкова въ хозяйственыя дѣла города. Немалое неудовольствіе среди гласныхъ думы возбудило распоряженіе казенной палаты объ уплатѣ изъ дохо-

[1]) Городскіе лѣса и сѣнокосы денежнаго дохода почти не приносили. Рубить дерево въ лѣсахъ разрѣшалось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. по случаю проѣзда бывшаго крымскаго хана Шагинъ Гирея (прот. 8 окт. и 11 ноября 1786 г.) и замощенія фашинникомъ нѣкоторыхъ городскихъ улицъ. Сѣнокосы городскіе на Трухановомъ островѣ сданы были на шесть лѣтъ нѣсколькимъ мѣщанамъ безъ платы, для расчистки отъ лозы, но расчистка производилась медленно и неохотно. Городской сѣнокосъ Убедь возлѣ Кирилловскаго монастыря всегда оставался „для выгоды общественой здѣшнихъ гражданъ какъ для свободнаго укошенія травы“, но въ іюлѣ 1785 г. этотъ „громадскій сѣнокосъ“ самоуправно выкошенъ городничимъ Кругловымъ. Думѣ оставалось лишь записать объ этомъ въ протоколъ и „пріобщивъ къ дѣлу, при ономъ содержатъ цѣлостно“,—обычная формула въ подобныхъ случаяхъ.

довъ Кіева 13,800 р. 48 к. графу Апраксину за купленное у него для г. Козельца имѣніе; по контракту съ палатою Козелецъ обязался выплачивать свой долгъ частями—по 200 руб. въ годъ. Когда совѣтникъ намѣстническаго правленія Иванъ Корбе предложилъ помѣнять свою усадьбу на городской грунтъ на Преоркѣ, то общая городская дума, единогласно отказавшись отъ этой сдѣлки, какъ явно убыточной для города, не безъ горечи напомнила, что и для Козельца пріобрѣтена у Апраксина земля, но деньги уплачены изъ доходовъ города Кіева, «почему и можетъ Козелецъ, купивъ за денги другого города то имѣніе, пріобрѣтеніе назвать для себе полезнымъ»,—сдѣлка же съ Корбе пользы Кіеву не обѣщаетъ.

Какъ ни малочисленны и скудны были источники городскихъ доходовъ, но взиманіе городскихъ сборовъ встрѣчало много затрудненій и поставлено было достаточно неудовлетворительно. Недоимки накоплялись изъ года въ годъ, дума составляла списки недоимщиковъ и отсылала къ городничему или въ управу благочинія, откуда получался обычный отвѣтъ, что недоимщики «упорствуютъ». Особенно много хлопотъ въ этомъ случаѣ имѣла дума съ т. наз. разночинцами, которые, живя на городской землѣ и занимаясь нерѣдко торговлею и промыслами, не считали себя членами городской общины и сильно тяготились необходимостью выплачивать городскіе сборы разнаго рода [1]); немало числилось недоимки и за посполитыми, жившими на оброкѣ на городскихъ земляхъ. Городничій и управа благочинія при взиманіи недоимки обращались даже къ содѣйствію военной команды. О сложеніи недоимокъ въ 1786 г. не слышимъ, а только въ ноябрѣ этого года губернаторъ Ширковъ предложилъ думѣ произвести раскладку подушнаго оклада бѣднѣйшихъ мѣщанъ на все общество «послѣ тончайшей выправки о бѣдности», но эта мѣра имѣла въ виду оградить казенный интересъ и не касалась собственно городскаго финансоваго хозяйства.

Сколько можно судить по протоколамъ, кіевская городская дума не имѣла точныхъ свѣдѣній о доходности городскаго имущества и различныхъ оброчныхъ статей,—доходы поступали по заведенному порядку, а расходовались большею частью по указаніямъ губернатора, и въ составленіи подробной и провѣренной практикою прежнихъ лѣтъ смѣты городскихъ доходовъ дума не видѣла особенной нужды.

---

[1]) Въ протоколахъ 13 окт. записанъ докладъ о томъ, что разночинцы упорно торгуютъ на Печерскѣ, сборовъ не платятъ, а ярмарочнаго смотрителя грозятъ бить и бороду вырвать.

Тѣмъ менѣе ощущалась эта нужда въ 1786 году, что новая городская дума получила черезъ казенную палату отъ бывшаго городскаго магистрата значительную по тому времени сумму наличными деньгами— 46,508 р. 20 к. и кромѣ того наводилась справка о 55,588 р. 78 к., которые хотя еще не поступили въ распоряженіе думы, но числились по счетамъ казенной палаты и бывшаго магистрата и также принадлежали городу. Такимъ образомъ въ распоряженіи городской думы въ 1786 году находится значительный денежный капиталъ, не имѣвшій опредѣленнаго смѣтнаго назначенія и увеличивавшійся новыми поступленіями, особенно съ питейнаго откупа. Какъ увидимъ ниже, расходы Кіева по разнымъ статьямъ городскаго хозяйства были весьма значительны и при обыкновенныхъ условіяхъ городской доходъ скоро истощился бы; вотъ почему дума, предвидя дефициты, нѣсколько разъ ходатайствуетъ о продолженіи прежнихъ казенныхъ пособій, которыя были прекращены со введеніемъ намѣстничества и устройствомъ казенной палаты. Эта послѣдняя находила, что доходы города вполнѣ достаточны для покрытія обязательныхъ расходовъ, и какъ дума не доказывала ошибочность такого взгляда, ссылаясь на отобраніе многихъ доходныхъ статей въ казну и чрезмѣрное возрастаніе городскихъ повинностей, представленія ея имѣли самый незначительный успѣхъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. До поры, до времени, если не доходы, то имѣвшіеся на лицо городскіе капиталы дѣйствительно съ избыткомъ покрывали городской обязательный расходъ, такъ что дума имѣла возможность даже заниматься ссудой денегъ частнымъ лицамъ. Операція эта заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности и какъ первый опытъ примѣненія въ Кіевѣ городскаго дешеваго кредита.

Хранившіеся въ кассѣ думы капиталы, въ виду отсутствія правильной смѣты доходовъ и расходовъ, не имѣли спеціальнаго назначенія и потому для городскихъ кредитныхъ сдѣлокъ особаго капитала назначено не было ни въ 1785, ни въ 1786 годахъ. Частныя лица, нуждавшіяся въ деньгахъ, обращались съ просьбой о займѣ или непосредственно въ городскую думу какъ общую, такъ и шестигласную, или къ губернатору Ширкову. При крупныхъ займахъ шестигласная дума обыкновенно созывала думу общую, которая, обсудивъ вопросъ о выгодности займа и вѣрности обезпеченія, ходатайствовала передъ Ширковымъ о разрѣшеніи выдать нужную сумму изъ городскихъ средствъ. Такой порядокъ соблюдался, если просители обращались въ думу. Но очень нерѣдко случалось, что Ширковъ попросту

предлагалъ думѣ выдать извѣстную сумму указанному лицу, и тогда дума безпрекословно исполняла приказъ, ограничиваясь занесеніемъ въ протоколъ, что это дѣлается именно по распоряженію губернатора. Изъ протоколовъ видно, что ссуды выдавались изъ указныхъ шести процентовъ, при чемъ проценты высчитывались изъ ссуды впередъ, такъ что при займѣ на полгода 8,000 р. совѣтнику кіевскаго губернскаго правленія Энгельгардту вычтено впередъ 240 р. и выдано всего 7,760 р. Ссуды выдавались подъ векселя, поручительство частныхъ лицъ и залогъ движимостей, наприм. серебряныхъ вещей разнаго рода; при этомъ одинъ видъ обезпеченія не исключалъ возможности примѣненія и другаго, такъ что иногда ссуды выдаваемы были подъ вексель, поручительство и залогъ вещей разомъ. Охотнѣе всего дума ссужала мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, и въ протоколахъ не встрѣчаемъ ни разу отказа въ ходатайствахъ этихъ лицъ о ссудѣ изъ городской казны. Мѣстнымъ обывателямъ изъ купцовъ и мѣщанъ ссуды выдавались большею частью подъ поручительство на векселѣ, такъ какъ аккуратная выплата долга представлялась думѣ въ этомъ случаѣ «несумнительною». Должно замѣтить однако, что бѣдные обыватели почти не пользовались услугами городскаго кредита, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ ссуды мѣщанамъ и купцамъ въ 100, 300, 400 и 500 рублей; крупнѣйшимъ купцамъ выдавались ссуды въ 1000 и 2000 рублей; наконецъ, всѣмъ гражданамъ, участвовавшимъ въ питейномъ откупѣ, выдано было въ ссуду 10,000 руб. сер. подъ залогъ хлѣбнаго вина, имѣвшагося на лицо въ городскомъ винномъ магазинѣ,—ссуда выдана была именно для уплаты за это вино. Затѣмъ крупнѣйшія ссуды выдавались по прямому приказанію губернатора Ширкова и при томъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ числу кіевскихъ гражданъ. Неизвѣстно, было ли это такъ при ссудѣ коронному польскому гетману Браницкому 15,000 руб. сер. въ 1785 году подъ поручительство упомянутаго выше Энгельгардта, такъ какъ протоколовъ 1785 года не сохранилось, но самъ Энгельгардтъ въ 1786 году получилъ изъ думы ссуду въ 8,000 р. на полгода и затѣмъ 4,000 руб. на годъ, оба раза по предписанію Ширкова, такъ какъ дума своею властью не выдавала денегъ и, какъ видно, не довѣряла Энгельгардту; не желала дума ссудить 3,000 руб. сер. кіевскому дворянству, которое обратилось было сперва съ просьбою объ этомъ къ думѣ, но Ширковъ распорядился выдать 2,000 руб. на три мѣсяца; по предписаніямъ Ширкова выданы ссуды: въ 2,000 рублей кіевскаго 6-го батальона «примеръ-маіору» Мартьянову, плацъ-маіору

Яхонтову и капитану Червинскому, 3000 и 1000 р. кіевскому губернскому почтмейстеру Волховскому, 3000 р. владимірской старостинѣ Натальѣ Ледоховской, неизвѣстнаго размѣра ссуда протоколисту дворянской опеки Степану Терновскому, 1,000 руб. кіевскому вице-губернатору Башилову. Распоряженіе о займѣ старостинѣ Ледоховской сдѣлано было вопреки ясно выраженному общею городскою думою недовѣрію къ этой дамѣ, какъ жившей въ другомъ государствѣ и дѣлавшей заемъ безъ согласія своего мужа; не съ большею охотою выдала дума и ссуду кіевскому дворянству, какъ можно догадываться по тону думскаго протокола. Лишь въ отказѣ ссудить 2000 р. женѣ коронноповѣреннаго кіевскихъ питейныхъ сборовъ Ростовцевой, мужъ которой былъ признанъ банкротомъ, Ширковъ присоединился къ мнѣнію думы. Въ результатѣ всей кредитной операціи за 1786 годъ оказывается, что мѣстнымъ купцамъ выдано было разновременно въ ссуду около 6,000 рублей, мѣстнымъ мѣщанамъ—около 4,400 рублей, 10,000 рублей ссужено смотрителямъ питейной экономіи для уплаты за пріобрѣтенное откупщиками хлѣбное вино и около 25,000 рублей выдано въ ссуду разнымъ, большею частью чиновнымъ, лицамъ, не принадлежавшимъ къ составу городской общины и не несшимъ городскихъ налоговъ и повинностей. При наличныхъ городскихъ средствахъ обрисованная вкратцѣ выше кредитная операція не могла быть расширена сколько нибудь значительно, между тѣмъ дума и гражданство считали ее не безвыгодною для города и отвѣчавшею потребности горожанъ. Уже 12 сентября городская дума разсуждала, что слѣдуетъ обратиться къ гр. Румянцеву съ просьбой объ исходатайствованіи для Кіева ссуды въ 200,000 рублей изъ заемнаго банка для отдачи этихъ денегъ заимообразно мѣстнымъ промышленникамъ разнаго рода подъ соотвѣтственные залоги, при чемъ постановлено было также донести о размѣрѣ и видахъ городской торговли и промысловъ. Въ донесеніи этомъ встрѣчаемъ, впрочемъ самыя общія, указанія на незначительность и упадокъ промышленной жизни Кіева, точныхъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу у самой думы не было; между прочимъ здѣсь указано на то, что мѣстные граждане не имѣютъ фабрикъ, «а имѣть оніе по способносты мѣста желаютъ», и что, благодаря недостатку свободныхъ капиталовъ, торговля города стѣснена, такъ какъ мѣстное купечество не пользуется кред..томъ заграницею и получаетъ оттуда товары частью мѣною, частью на выручаемыя отъ продажи мѣстныхъ произведеній деньги. Мѣсяцъ спустя вопросъ о ссудѣ городу обсуждался уже общею городскою

думою вмѣстѣ съ членами городскаго магистрата и мнѣніе шестигласной думы было одобрено, какъ совершенно правильное и соотвѣтствующее интересамъ города. Само собою разумѣется, что въ 1786 г. вопросъ этотъ еще разрѣшенъ не былъ, и изъ протоколовъ видно, что въ этомъ году намѣстническое правленіе не прислало отвѣта на ходатайство города.

Н. Молчановскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧУМА.

I.

Пріоръ іезуитскаго монастыря въ Тернополѣ, возвратясь изъ общей монастырской столовой, слегка зѣвая, готовился прилечь и отдохнуть послѣ хорошаго обѣда, для чего по случаю жаркой лѣтней погоды снялъ сапоги и рясу, какъ вдругъ въ дверь его кельи раздался стукъ. Наморщивъ лобъ и сдѣлавъ непріятную гримасу, пріоръ помолчалъ съ минуту, и только послѣ второго стука сказалъ.

— Войдите!

Съ низкимъ, утрированно смиреннымъ поклономъ вошелъ членъ конвента, патеръ Гаудентій.

— Вамъ что нужно, frater?—строго спросилъ его пріоръ.

— Я хотѣлъ просить васъ, clarissime,—началъ патеръ, останавливаясь у порога,—чтобъ вы выслушали меня. Я хотѣлъ бы сообщить вамъ кое что....

— Что нибудь важное случилось?—отрывисто спросилъ пріоръ.

— Н-нѣтъ,—замялся патеръ,—случиться не случилось ничего особеннаго. Но я хотѣлъ просить васъ выслушать нѣкоторыя мои мысли и соображенія....

— А, такъ, ваши мысли!—сказалъ съ нѣкоторымъ ироническимъ оттѣнкомъ въ голосѣ пріоръ.—Но нельзя ли эти мысли и соображенія отложить до болѣе удобнаго времени?

— Конечно, конечно, можно,—поспѣшилъ согласиться патеръ.—Однако извините, clarissime, я думалъ, что время теперь самое подходящее: школьныхъ занятій нѣтъ, да къ тому же еще при-

ближается срокъ высылки нашему преосвященному отцу провинціалу обычнаго ежемѣсячнаго рапорта.

— Рапорта!—почти вскрикнулъ пріоръ и совершенно очнулся отъ той полудремоты, въ которую начала его было погружать мѣрная и монотонная рѣчь патера, сопровождаемая жужжаньемъ большихъ мухъ въ рѣшетчатомъ окнѣ кельи, да чириканьемъ воробьевъ среди вѣтвей густыхъ вишень, нависшихъ къ самому окну.—Рапорта!—повторилъ онъ еще разъ и изъ подлобья взглянулъ на патера.

— А вамъ какое дѣло до рапорта?

— Сохрани Богъ,—поспѣшилъ извиниться патеръ Гаудентій.— Я отлично знаю, clarissime, что рапортъ—ваше дѣло, и потому именно осмѣливаюсь утруждать васъ моей просьбой, чтобъ вы могли изложить мои мысли и соображенія и представить ихъ въ своемъ рапортѣ отцу провинціалу, конечно, ежели онѣ вамъ покажутся того достойными и подходящими.

Но пріоръ, хотя и не сводилъ пристальнаго взгляда съ патера Гаудентія, не слушалъ его вкрадчивой, нѣсколько водянистой и монотонной рѣчи. Его занимала новая, внезапно поразившая его мысль. Онъ зналъ, что всякій изъ патеровъ имѣетъ право секретно обращаться къ провинціалу съ „рефератами“, т. е. съ доносами на прочую братію и въ томъ числѣ на него самого, пріора. Но до сихъ поръ дѣла какъ то такъ складывались въ монастырѣ, что тернопольскій конвентъ жилъ, какъ одна семья, и никто изъ-за взаимныхъ доносовъ не имѣлъ никакихъ непріятностей. Въ настоящемъ же году дѣла вдругъ измѣнились къ худшему. Ни съ того ни съ сего двухъ патеровъ перевели изъ Тернополя въ какой то горный монастырь въ Тиролѣ, считающійся мѣстомъ заточенья, и вмѣсто нихъ прислали двухъ новыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ будто мѣшокъ развязался со всякими выговорами, реколлекціями и прочими непріятностями, которыя такъ и сыпались изъ Кракова на несчастный тернопольскій конвентъ. Пріоръ и всѣ патеры недоумѣвали, кто это такъ имъ прислуживается. Подозрѣніе падало то на того, то на другаго изъ патеровъ, тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали себя виноватыми во

многихъ послабленіяхъ и упущеніяхъ противъ монастырской дисциплины.

Патера Гаудентія какъ то всего менѣе подозрѣвали въ этихъ „пакостяхъ". Во первыхъ, съ его прибытія въ конвентъ прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, и первые годы его пребыванія среди тернопольскихъ іезуитовъ были самые благополучные. Во вторыхъ, патеръ Гаудентій пользовался у прочей братіи репутаціей Якима-Простоты или даже, пожалуй, какого то юродиваго. Репутація эта, повидимому, очень огорчавшая патера, но которую онъ тѣмъ не менѣе всегда поддерживалъ разными незамысловатыми выходками, составилась главнымъ образомъ вслѣдствіе его знаменитаго „миссіонерскаго похода въ одиночку" въ люблинскую губернію, для католической пропаганды среди тамошнихъ уніатовъ. Походъ этотъ кончился самымъ постыднымъ бѣгствомъ патера изъ предѣловъ Россіи, гдѣ онъ, подобно древнему пророку Іонѣ, пробылъ всего три дня, и откуда возвратился безъ памяти отъ страха и отъ удара, полученнаго имъ ночью прикладомъ ружья отъ мощной руки пограничнаго объѣздчика. Съ истинно комическимъ прискорбіемъ разсказывалъ патеръ объ этомъ своемъ подвигѣ, и разсказъ его всегда доводилъ всю братію до взрывовъ неудержимаго хохота. Самъ же патеръ Гаудентій, какъ будто не замѣчая этого впечатлѣнія, строилъ при этомъ казанскую сироту и, увлекаясь разсказомъ, то блѣднѣлъ, то дрожалъ, то плакалъ, что конечно еще болѣе заставляло смѣяться его слушателей. Притомъ же патеръ казался такимъ простымъ, прямодушнымъ и незлобнымъ, что трудно было даже представить себѣ его пишущимъ доносы на своихъ собратій.

А все таки, по какому то неясному внушенію, именно эта мысль и промелькнула въ головѣ пріора въ тотъ моментъ, когда патеръ упомянулъ о ежемѣсячномъ рапортѣ. Онъ вспомнилъ все, что зналъ о прошломъ патера Гаудентія. Сынъ убогаго мазурскаго крестьянина, онъ былъ когда то взятъ тарновскимъ епископомъ Войтаровичемъ на воспитаніе и по смерти его поступилъ въ ученіе къ іезуитамъ въ Краковѣ, окончивъ образованіе въ Римѣ, гдѣ и принялъ монашество и поступилъ въ орденъ „имени Іисусова". Пріору неизвѣстна была репутація,

какою пользовался Гаудентій въ Римѣ. Онъ зналъ только, что нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ посланъ самимъ генераломъ ордена Бекксомъ „миссіонеромъ“ въ люблинскую губернію, гдѣ и провалился самымъ блистательнымъ образомъ. Теперь только, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, пріоръ мгновенно пришелъ къ убѣжденію, что, въ виду чрезвычайной важности „позиціи“ католицизма въ люблинской губерніи и вообще въ Россіи, римскіе верховоды должны же были хорошенько обдумать, кому ввѣрять такое дѣло, какъ миссія, и вслѣдствіе этого должно быть въ молодомъ патерѣ усмотрѣли какую нибудь гарантію ея успѣшнаго исхода. Отсюда патеръ Гаудентій долженъ же быть не такимъ ужъ простофилей и дуракомъ, за какого себя выдавалъ до сихъ поръ. А въ такомъ случаѣ пріору сразу все становилось яснымъ и патеръ Гаудентій, можетъ быть самъ того не вѣдая, мгновенно выросъ въ его глазахъ. Весь образъ дѣйствій этого юродиваго патера сразу получалъ совсѣмъ другое значеніе, значеніе очень ловко придуманной и искусно исполненной, чисто іезуитской интриги; къ тому уже давно догадывался пріоръ, что въ Римѣ недовольны образомъ дѣйствій тернопольскаго конвента, что отъ него, какъ отъ крайней твердыни на востокѣ, ожидаютъ бóльшаго; инстиктивно чувствовалъ онъ приближеніе чего то роковаго. И вглядываясь пристально, исподлобья въ патера Гаудентія, онъ не безъ основанія предполагалъ въ немъ провозвѣстника или даже авангардъ этого новаго направленія въ ихъ дѣятельности, которая должна была смести его, какъ смела отосланныхъ въ Тироль фратеровъ.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и соображеній, промелькнувшихъ въ головѣ пріора, лицо его приняло какой то озабоченный видъ, и онъ, помолчавъ съ минуту, какъ то поспѣшно и отрывисто проговорилъ:—Гмъ, вотъ какъ! Мысли и соображенія..... Что жъ, это хорошо! конечно, конечно обсудимъ и изложимъ... Садитесь, reverendissime, садитесь пожалуйста здѣсь! Я къ вашимъ услугамъ.

Тонкая ироническая улыбка пробѣжала по лицу патера, покуда онъ, униженно раскланиваясь, занялъ мѣсто на простомъ деревянномъ стулѣ у стола, за которымъ возсѣлъ пріоръ.

— Ну-съ, reverendissime, произнесъ пріоръ, когда они оба усѣлись другъ противъ друга. На счетъ чего хотите вы предложить свои мысли?

— Одна только у меня забота, clarissime, всѣмъ намъ общая: благо и преуспѣяніе нашей святой, католической церкви, отвѣтилъ патеръ Гаудентій.—Вамъ, clarissime, конечно, лучше меня извѣстно положеніе нашей церкви въ здѣшнемъ краѣ, особенно же положеніе нашего конвента здѣсь, на самомъ восточномъ аванпостѣ католицизма, на самомъ, такъ сказать, виду могучаго и грознаго противника—православія.

— А, значитъ, я не ошибся!—подумалъ пріоръ, это онъ, провозвѣстникъ реформы, подосланный къ намъ въ соглядатаи! Это онъ—авторъ доносовъ! Ну, хорошо, теперь по крайней мѣрѣ я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

И затѣмъ, обращаясь къ патеру, какъ бы недоумѣвая, спросилъ.

— Позвольте однако, reverendissime, но я не совсѣмъ ясно понимаю къ чему это вступленіе?

— Сейчасъ буду имѣть честь объяснить вамъ все,—поспѣшно произнесъ патеръ,—смиренно прося вниманія съ моимъ словамъ. Я хотѣлъ только предупредить васъ, что я не позволилъ себѣ ни на минуточку сомнѣваться никогда въ вашей глубокой мудрости и въ вѣрномъ знаніи и пониманіи окружающихъ насъ обстоятельствъ, и если позволилъ себѣ по своему собственному побужденію собратъ кое какія свѣдѣнія, касающіяся настоящаго положенія вещей, и формулировать кой какіе выводы, то никакъ не изъ недовѣрія къ вашему руководительству, но скорѣе изъ горячаго усердія къ нашему общему святому дѣлу.

Недоумѣніе пріора смѣнилось нетерпѣніемъ. Онъ почувствовалъ какое то отвращеніе и ненависть къ сидящему предъ нимъ приниженному лицемѣру и доносчику, сознавая въ то же время, что тотъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ совсѣмъ въ духѣ правилъ іезуитскаго ордена. Дѣло касалось пріора лично, и потому въ немъ человѣкъ взялъ верхъ надъ іезуитомъ. Сообразивъ, что передъ нимъ сидитъ его тайный врагъ и соглядатай, онъ и рѣшился говорить съ нимъ прямо, безъ лишняго фарисейства.

„Покуда я еще здѣсь старшій, думалъ онъ,—и нужно дать ему это почувствовать, а тамъ будь что будетъ“.

— Знаете, reverendissime—произнесъ онъ какимъ то жесткимъ и брезгливымъ тономъ,—говорите со мной просто и открыто. Я въ Римѣ не бывалъ, дипломатіи никогда не обучался, и всегда думалъ, что за ней скрывается порядочная доля неискренности. Къ тому же я думаю, что мы свои люди, такъ будемъ же говорить безъ лишнихъ обиняковъ.

Патеръ опять улыбнулся иронически, какъ будто чувствовалъ удовольствіе въ томъ, что такъ скоро вывелъ старика изъ терпѣнія и заставилъ его такъ открыто высказаться.

— Что жъ, воля ваша, clarissime,—сказалъ онъ, все тѣмъ же утрированно смиреннымъ голосомъ.—Моя душа чиста отъ порока неискренности, особенно же предъ лицомъ моего настоятеля, который долженъ быть для меня первымъ послѣ Бога.

— Къ дѣлу, reverendissime, къ дѣлу!—перебилъ его пріоръ.

— Дѣло мое вотъ въ чемъ,—говорилъ нимало не смущаясь, патеръ Гаудентій.—Извѣстно вамъ, clarissime, какія цѣли, какія задачи преслѣдуетъ въ здѣшнемъ краѣ нашъ святой орденъ. Завѣтное слово, произнесенное святѣйшимъ папой Урбаномъ, „orientem esse convertendum“ заключаетъ въ себѣ всю нашу программу, и путь къ ея исполненію долженъ быть вездѣ предметомъ нашего постояннаго и самаго тщательнаго вниманія.

— Между тѣмъ, вы находите, что мы съ недостаточнымъ вниманіемъ относимся къ этой нашей задачѣ? возразилъ пріоръ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ.

— Боже сохрани, clarissime, Боже сохрани! Никогда я этого не думалъ! Да къ тому же кто такой эти „мы“? Вѣдь я же часть ихъ! значитъ... Нѣтъ, нѣтъ, не къ тому клонится моя рѣчь. А вотъ послушайте! Не безъизвѣстно вамъ тоже (въ голосѣ его прозвучала при этихъ словахъ ироническая нотка), что въ восточной части этого края живетъ народъ, считающій себя единоплеменнымъ съ народомъ, живущимъ по ту сторону Збруча. Но не въ томъ суть, а вотъ въ чемъ. Народъ этотъ принадлежитъ какъ будто къ католической церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ себя членомъ греческой, значитъ православной, церкви.

Эта... эта двойственность религіознаго сознанія между двумя воинствующими лагерями—какъ вы полагаете, clarissime, не должна ли она возбуждать нѣкотораго сомнѣнія и опасенія?

— Вотъ что!—почти вскрикнулъ пріоръ,—вы считаете положеніе уніатской церкви двойственнымъ, значитъ двусмысленнымъ?

— Да, clarissime!—твердо отвѣчалъ патеръ Гаудентій.—Болѣе того, я полагаю, что именно существованіе этой двойственной нейтральной почвы здѣсь, на рубежѣ, составляетъ одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ расширенію нашего вліянія по ту сторону пограничной черты.

— Это во всякомъ случаѣ интересное мнѣніе,—холодно и полупрезрительно сказалъ пріоръ,—и я очень хотѣлъ бы знать доказательства и факты, склонившіе васъ къ такому выводу.

— О, на этотъ счетъ, clarissime, за мной остановки не будетъ. Возьмите хотя бы ихъ священниковъ! Какая польза намъ, что они считаютъ себя католическими священниками, когда живутъ съ женами? Тамъ гдѣ бы нужно было работать для католицизма, отдать себя нераздѣльно и безусловно его интересамъ, они слушаются своихъ женъ, дѣйствуютъ сообразно своимъ семейнымъ отношеніямъ!

— Все это и вѣрно до васъ неоднократно подвергалось обсужденію,—желчно замѣтилъ пріоръ,—но вѣдь перемѣнить это не въ нашей власти. Дѣло это утверждено синодами и апостольскимъ престоломъ.

— Объ этомъ еще рѣчь впереди,—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ патеръ, но вотъ еще и другое обстоятельство. Развѣ вы не считаете нелѣпостью такое воспитаніе юной генераціи священниковъ, какое въ ходу у этихъ греко-католиковъ? Какой же священникъ выйдетъ изъ молодаго человѣка, который наканунѣ своего рукоположенія въ іереи, наканунѣ, повторяю, принятія самаго высокаго таинства церковнаго, по праздникамъ выдѣлываетъ „козачка“, да „коломыйки“, кружитъ головы поповнамъ и о томъ только и думаетъ, какъ бы найти невѣсту съ хорошимъ приданымъ и избавиться отъ долговъ, надѣланныхъ въ духовной семинаріи!?

Патеръ очевидно начиналъ входить въ азартъ, увлекаясь теченіемъ своихъ мыслей. Рѣчь его, въ началѣ вялая и подслащенная, дѣлалась страстной и живой, и пріоръ начиналъ слушать его съ большимъ вниманіемъ.

— Дѣйствительно, это дѣло неподходящее,—отвѣтилъ онъ,—но и этого, кажется, мы не въ состояніи передѣлать.

— Только словъ Христовыхъ да догматовъ святой католической церкви никто не въ правѣ измѣнить,—съ жаромъ произнесъ патеръ.—Все остальное не болѣе, какъ человѣческія узаконенія, установленныя во времени и для временныхъ нуждъ. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, мѣняются и нужды или замѣняются другими, поэтому и узаконенія должны измѣниться сообразно новымъ нуждамъ и обстоятельствамъ. Вы, clarissime, упомянули о прежнихъ буллахъ и синодахъ, нормирующихъ положеніе уніатской церкви. Не забывайте, что все это было два или три столѣтія назадъ, когда здѣсь существовало могучее католическое польское государство, когда православіе было въ упадкѣ и когда католическая церковь могла, не роняя своего могущества и авторитета, дѣлать уступки мѣстнымъ традиціямъ. Теперь обстоятельства измѣнились, теперь всякое послабленіе со стороны католицизма враги и друзья его готовы считать доказательствомъ его дѣйствительной слабости. Теперь, clarissime, когда мы дѣйствительно стали слабѣе, намъ нужно по крайней мѣрѣ казаться сильными, во что бы то ни стало сильными!

Пріоръ слушалъ эту восторженную тираду, широко раскрывъ глаза. Такой страсти, такого широкаго взгляда на вещи онъ не ожидалъ у обыкновеннаго патера. Не оставалось никакого сомнѣнія, здѣсь онъ имѣлъ дѣло съ агентомъ довольно крупнаго разбора.

— Ну, положимъ, что это такъ,—согласился онъ,—что все это можно измѣнить. Но все таки интересно было бы знать, что и какъ вы хотите сдѣлать?

— О, для этого достаточно только хорошо знать, какъ стоятъ дѣла въ настоящее время, а образъ нашихъ дѣйствій самъ собою опредѣлится. Нужно твердо убѣдиться, что положеніе этой такъ называемой уніи совершено несостоятельно, что въ настоящее

время она растеніе безъ корней: отъ православія отстала, а къ католицизму не пристала. Ну, скажите, что можетъ быть нелѣпѣе этого требованія какой то автономіи, какой то народной церкви со стороны уніатовъ? Вѣдь католическая церковь тѣмъ только и сильна, что одна и централизована, что всегда держится этого принципа: кто не со мной, тотъ противъ меня. Автономія, нейтральность во время борьбы, это вѣдь равносильно предательству. Вотъ почему мы должны прежде всего искоренить здѣсь всѣ эти автономическія поползновенія, водворить католицизмъ sans phrase и только тогда будемъ имѣть въ рукахъ могучій рычагъ для дальнѣйшей борьбы съ востокомъ.

Патеръ Гаудентій остановился, чтобы перевести духъ. Лобъ его покрылся каплями пота, и въ углахъ рта образовались клочки бѣлой пѣны. Пріоръ сидѣлъ молча, съ выраженіемъ раздумья на полномъ, лоснящемся лицѣ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Что жъ, reverendissime, мысли ваши очень интересны и я, конечно, постараюсь сообщить о нихъ, куда слѣдуетъ. Я думаю даже, что дѣло это въ самомъ народѣ не встрѣтитъ никакого препятствія. Я знаю довольно близко уніатское населенія здѣшняго города и вижу, что оно очень охотно ходитъ въ костелы на латинское богослуженіе. Бывалъ я тоже на католическихъ „отпустахъ“ въ Милятинѣ, Кальваріи, Кохавинѣ и собственными глазами видѣлъ, какія массы уніатскаго народа стекаются на эти празднества. Это и приводитъ меня къ заключенію, что самъ народъ симпатизируетъ латинскому обряду, быть можетъ, даже больше греческаго и не будетъ противодѣйствовать такимъ реформамъ, какія вы, очевидно, имѣете въ виду.

— Факты, приведенные вами, clarissime, очень цѣнны и интересны сами по себѣ,—отвѣчалъ патеръ,—но къ сожалѣнію, это только одна сторона медали. Вы указываете на латинскіе „отпусты“ въ Кальваріи и Милятинѣ. Я вамъ укажу на уніатскіе „отпусты“ въ Гошевѣ и Зарваницѣ, посѣщаемыя ежегодно почти такимъ же множествомъ народа, какъ и указанные вами. Но это не все! Я вамъ укажу еще на одинъ фактъ. Въ православный Почаевъ, хотя онъ и за границей, путешествуютъ ежегодно тысячи этихъ уніатовъ, между тѣмъ какъ католическіе „отпусты“

патеровъ доминиканцевъ въ сосѣднемъ, по сю сторону границы лежащемъ, Подкаменѣ никакъ не могутъ добиться успѣха. Вотъ вамъ факты, о которыхъ стоитъ подумать!

— Но позвольте, reverendissime какъ же это объяснить?— спросилъ озадаченный пріоръ.

— Вотъ то то и грустно, что объясненіе этого факта почти невозможно безъ предположенія о томъ, что унія не только сама по себѣ двусмысленна, не только недопускаема въ настоящее время по политическимъ соображеніямъ, но оказалась совсѣмъ непригодной для религіознаго воспитанія массъ народныхъ, поселяя въ нихъ равнодушіе къ самымъ существеннымъ истинамъ религіознымъ, двоевѣріе или даже полное отсутствіе всякаго религіознаго убѣжденія.

— Однако, позвольте... пробовалъ было возражать пріоръ.

— Нѣтъ, clarissime,—перебилъ его патеръ Гаудентій, забывая всякое почтеніе къ настоятелю.—Прежде выслушайте меня, а потомъ уже судите. На дняхъ, возвращаясь изъ Подкаменя, нагналъ я близь деревни Товстохлоповъ кучку богомольцевъ и вступилъ съ ними въ разговоръ.

— А видкыля Богъ провадыть?—спрашиваю ихъ.

— Та зъ прощи—отвѣчаетъ мнѣ какой то мужикъ, шедшій во главѣ богомольцевъ.

— А куды ходылы на прощу?—продолжаю спрашивать.

— Та въ Почаивъ.

— Въ Почаивъ? Ну, и якъ же вамъ тамъ сподобалось?

— Та якъ же бо, добре—простодушно отвѣтилъ мужикъ.

— Добре? Бійтеся Бога!—не могъ я воздержаться, чтобы не вскрикнуть.—Що жъ тамъ такого доброго? Хыба жъ вы не знаете, що тамъ шызматыцька видправа?

— Та Богъ ёго знае,—отвѣчалъ мужикъ, почесывая затылокъ,— чи шызматыцька, чи не шызматыцька. Не наша ричъ о тимъ судыты. Намъ досыть знаты, що й тамъ Бога хвалять. Тай ще одно знаемо,—прибавилъ онъ и окинулъ меня какимъ то насмѣшливымъ взглядомъ,—що тамъ за сповидь менче беруть, нижъ у Пидкамени, а до того ще зимою въ церкви топлять.

Послѣ это разсказа патеръ Гаудентій сдѣлалъ эффектную паузу и оставался нѣсколько мгновеній съ распростертыми руками, съ полураскрытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, какъ бы пораженный ужасомъ и негодованіемъ.

— Какъ же на вашъ взглядъ, clarissime,—спросилъ онъ, прерывая молчаніе,—это ли не блестящее доказательство полнаго упадка религіознаго чувства среди массы уніатскаго народа? Вѣдь можно подумать, что ихъ не коснулся до сихъ поръ свѣтъ вѣры Христовой?

— Да, это вѣрно,—грустно подтвердилъ пріоръ.—Фактъ этотъ нельзя такъ оставить. А не знаете ли, откуда были эти люди?

— Изъ Товстохлопъ, я это сейчасъ же узналъ.

— И кто тамъ у нихъ священникомъ?

— Чимчикевичъ.

— Кто такой? Чимчикевичъ? Я что то до сихъ поръ не слыхалъ такой фамиліи.

— И неудивительно, потому что попъ онъ по истинѣ ископаемый. Старикъ древній, и вотъ уже тридцать лѣтъ никуда не выѣзжаетъ изъ своей деревни. Курьезъ, а не попъ. Я какъ то годъ тому назадъ познакомился съ нимъ.

— Ну, хорошо, объ этомъ послѣ,—перебилъ его пріоръ.—А теперь скажите же, къ какимъ собственно заключеніямъ вы пришли и какія вы предлагали бы средства для выполненія вашихъ предположеній?

— Я осмѣливаюсь предложить на разсмотрѣніе высшихъ властей вотъ какія предположенія. Во первыхъ, вліять на простой народъ по селамъ и мѣстечкамъ, искоренять среди него язву двоевѣрія и систематически воспитывать въ немъ религіозный католическій духъ.

— Хорошо, но какими средствами?—спросилъ пріоръ.

— Средства обыкновенныя. Нужно устраивать по селамъ и мѣстечкамъ, наипаче же возлѣ границы, систематически процессіи и миссіи съ возможно большимъ торжествомъ и соотвѣтственными проповѣдями. На грамотныхъ же въ городахъ, а также и въ селахъ можно вліять посредствомъ соотвѣтственныхъ къ тому нашихъ изданій, какъ это съ такимъ успѣхомъ практикуется уже нами въ западной части Галичины.

— Вполнѣ съ вами согласенъ, reverendissime,—сказалъ пріоръ и пожалъ руку ненавистному патеру.—Все это вѣрно придумано, и мнѣ кажется, что предположенія ваши должны встрѣтить полное одобреніе властей.

— Non mihi, clarissime,—смиренно отвѣчалъ патеръ,—sed ad majorem gloriam nominis Iesu. Что же касается уніатскаго духовенства, то намъ нужно раздѣлить его на двѣ категоріи. Есть между ними хитрецы, которые устами исповѣдуютъ унію съ Римомъ, душой же принадлежатъ православію и стараются подъ видомъ „очищенія обряда“ подогнать его къ православнымъ формамъ, отдаляясь все болѣе и болѣе отъ святой римской церкви. Такихъ нужно считать нашими прямыми врагами и поступать съ ними такъ, какъ съ врагами на войнѣ. Ихъ нужно держать подъ непрестаннымъ надзоромъ и, ежели только они подадутъ какой нибудь поводъ, компрометировать ихъ передъ властями и ихъ собственной паствой. Другая категорія — это допотопные, нищіе духомъ и добродушно наивные. Этихъ, конечно, большинство, и ихъ нужно ласкать, всячески обходить ихъ мирнымъ путемъ и медленно превращать ихъ въ наши орудія... Одновременно съ этимъ нужно обратить главное вниманіе на подборъ іерархіи изъ сторонниковъ нашего направленія и на воспитаніе молодежи въ нашемъ духѣ, особенно же стараться, чтобы молодые люди иначе не рукополагались бы въ іереи, какъ въ безбрачіи. При всемъ этомъ само собой разумѣется, что хожденіе на православные „отпусты“ въ Почаевъ или даже въ Кіевъ должно быть уніатамъ строго запрещено.

Пріоръ былъ дѣйствительно увлеченъ и растроганъ простотою, логичностью и грандіозностью плана, предложеннаго патеромъ Гаудентіемъ. Іезуитъ проснулся въ немъ и онъ порывисто бросился обнимать патера.

— Ахъ, reverendissime! Выслушавъ вашъ планъ, я, старикъ, и то помолодѣлъ!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, это дѣйствительно, замѣчательныя предположенія и будьте увѣрены, что я постараюсь, чтобы имъ былъ данъ ходъ. Да, впрочемъ, и вы сами, кажется, имѣете личную переписку съ властями? Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ такъ невинно, слегка, исходилъ такъ просто среди

только что установившихся между ними отношеній, что патеръ Гаудентій, находившійся подъ впечатлѣніемъ торжества своего краснорѣчія надъ пріоромъ, сразу не нашелся солгать.

— Ну, да,—сказалъ онъ—иногда, по обязанности моей, я долженъ. Злобною радостью заискрились небольшія глазки пріора. Улыбаясь добродушно и пожимая сердечно руку патера, онъ сказалъ:

— Ну да, ну да, я такъ и думалъ, что это вы иногда, конечно, по своей обязанности, да пописываете доносы на нашу братію! Что жъ, reverendissime, это похвально, это даже повелѣваетъ нашъ уставъ. О, нѣтъ, не смотрите на меня съ такимъ смущеніемъ! Я ничего! Напротивъ, даже очень одобряю. Вы такой способный и опытный человѣкъ, и непремѣнно должны далеко пойти впередъ, а это вѣдь у насъ единственный способъ! И такъ, до свиданья, reverendissime, до свиданья. Предположенія ваши и соображенія я постараюсь вполнѣ передать, куда слѣдуетъ, а ужъ вы, пожалуйста, тоже не забывайте меня въ своихъ молитвахъ и своихъ..... хе, хе.. хе... рапортахъ!

И съ этими словами, любезно раскланиваясь и болтая безъ умолку, пріоръ выпроводилъ озадаченнаго и ошеломленнаго патера Гаудентія въ корридоръ, послѣ чего заперся въ своей кельѣ.

II.

Прошелъ ровно мѣсяцъ послѣ этого разговора. И опять патеръ Гаудентій въ пріорской кельѣ, съ смиреннымъ и уничиженнымъ видомъ сидитъ напротивъ отца пріора, готовый слушать, зачѣмъ тотъ велѣлъ позвать его.

Не весело жилось патеру въ конвентѣ впродолженіе этого мѣсяца. Правда, никто не сдѣлалъ ему ни одного упрека, ни однимъ словомъ не обнаружилъ къ нему ни вражды, ни негодованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ его прежняя шутовская роль сразу прекратилась, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, всѣ отвернулись отъ него, и тѣ, которые прежде такъ любили слушать его разсказы и шутки, теперь или проходили молча, или ограничивались самыми необходимыми фразами. У всѣхъ изъ

братіи, при встрѣчѣ съ нимъ, какъ то невольно вытягивались лица, смыкались уста, дѣлались очень набожныя и постныя рожи. Весь мѣсяцъ былъ для патера однимъ непрерывнымъ silentium, усиливавшимся еще тѣмъ, что пріоръ не выпускалъ его ни на шагъ изъ монастырской ограды и не высылалъ по прежнему на служеніе ни въ городскія, ни въ загородныя церкви.

Патеръ переносилъ стоически это общее къ нему нерасположеніе братіи, но все таки видно было, что принималъ его глубоко къ сердцу и считалъ большимъ для себя оскорбленіемъ. Вѣдь онъ же не дѣлалъ ничего противозаконнаго! Вѣдь, можетъ быть, всякій изъ братіи преспокойно дѣлалъ то же, а все таки они дружелюбно разговариваютъ между собой, смѣются, ходятъ вмѣстѣ по монастырскому саду, только его одного чуждаются, какъ прокаженнаго.

— Все это интрига этого сибарита, этого дряннаго пріора!— скрежеталъ патеръ, ходя взадъ и впередъ по своей одинокой кельѣ.

— Но постой же ты, придетъ еще мое время; сведемъ мы съ тобой счеты!

Неудивительно затѣмъ, что вся злость, вся ненависть патера Гаудентія сосредоточивалась на головѣ пріора, и что всякая встрѣча съ этимъ своимъ „первымъ по Богѣ настоятелемъ" была для него крайне тяжела, тѣмъ тяжелѣе, что къ ненависти и злобѣ какъ то невольно примѣшивалось глубокое чувство стыда и униженнаго человѣческаго достоинства.

Пріоръ все это очень хорошо сознавалъ и потому всячески ухищрялся продлить пытку злополучнаго патера. Такъ, въ общей столовой онъ велѣлъ ему садиться напротивъ себя; мѣсто это было почетное, занимаемое обыкновенно лицомъ приближеннымъ къ пріору, съ которымъ пріоръ всего болѣе любилъ разговаривать. Но пріоръ не удостоивалъ Гаудентія ни единымъ словомъ, разговаривалъ съ сидящими возлѣ него, и не переставалъ сверлить его своимъ пристальнымъ, добродушно-ироническимъ взглядомъ. Патеръ Гаудентій весь горѣлъ на своемъ почетномъ мѣстѣ подъ этимъ взглядомъ пріора,—онъ чувствовалъ, что тотъ хотѣлъ посадить его на общее позорище, и все время

сидѣлъ молча, согнувшись, съ наклоненнымъ лицомъ, стараясь никого не видѣть и ничего не слышать. Общія трапезы, благодаря этой невинной уловкѣ благочестиваго пріора, были для Гаудентія непрерывнымъ рядомъ мученій, отъ которыхъ онъ даже похудѣлъ.

Но вотъ случилось что то необыкновенное: пріоръ велѣлъ позвать Гаудентія къ себѣ въ келью. Нечего и говорить, что патеръ шелъ туда не въ очень то набожномъ настроеніи духа. Пріоръ встрѣтилъ его своимъ обыкновеннымъ, шутливо-ироническимъ взглядомъ, и не давая ему произнести слова, началъ свою рѣчь:

— Да, да, reverendissime, какъ я вамъ говорилъ.... Садитесь, садитесь, пожалуйста, вотъ здѣсь!.. Именно, какъ я вамъ говорилъ, такъ и случилось. Вотъ вамъ письмо отъ отца провинціала, и очень, очень даже милостивое къ вамъ. Конечно, это и не удивительно; вы вполнѣ заслужили такое къ вамъ довѣріе начальства! Говоря это, пріоръ развернулъ письмо провинціала и положилъ его передъ собой на столѣ. Патеръ Гаудентій протянулъ къ нему руку.

— Нѣтъ, извините, reverendissime,—смѣясь сказалъ пріоръ, накрывая письмо своей широкой, мясистой ладонью,—письмо это еще не вамъ адресовано, а покуда еще ко мнѣ. Я долженъ только передать вамъ его содержаніе, а именно то, что соображенія ваши приняты благосклонно, и вамъ же велѣно поручить исполненіе перваго ихъ пункта, именно устроеніе миссій и проповѣдей, гдѣ и какъ покажется вамъ нужнымъ. Конечно, всѣ мы обязаны вамъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, но въ видахъ высшихъ властей имѣется, чтобъ дѣло это велось сначала исподтишка, незамѣтно, совершенно такъ, какъ вы это умѣете,—язвительно добавилъ пріоръ.

— Воля начальства — воля Божья, — скромно и почтительно произнесъ патеръ—и я готовъ немедленно приняться за это дѣло.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ пріоръ.—Но въ такомъ случаѣ скажите, каковъ вашъ планъ и въ чемъ должна выразиться наша вамъ помощь?

— Я хотѣлъ бы устроить первую миссію въ тѣхъ самыхъ Товстохлопахъ, о которыхъ я прежде имѣлъ случай упоминать въ разговорѣ съ вами.

— Да, помню, помню,—подтвердилъ пріоръ.—Вы называли даже тамошняго священника.... какую то фамилію?...

— Чимчикевичъ,—подсказалъ патеръ.

— Да, да, Чимчикевичъ! Что это за фигура такая?

— Крайне любопытная фигура,—отвѣчалъ патеръ,— и именно фигура эта заставляетъ меня съ Товстохлопъ начать миссіонерскую дѣятельность. Представьте себѣ: старикъ восьмидесятилѣтній, чудакъ, образованія почти никакого, настоящій мужикъ среди мужиковъ, о догматахъ вѣры ни малѣйшаго понятія—однимъ словомъ—явленіе допотопное. И при томъ добродушнѣйшій человѣкъ, наивный и довѣрчивый, какъ дитя. Такъ что съ одной стороны дѣятельность миссіонерская въ этомъ селѣ крайне нужна, а съ другой стороны здѣсь именно всего легче ее начать, потому что Чимчикевичъ всего менѣе способенъ на какое нибудь противодѣйствіе.

— Ну, и прекрасно! Богъ вамъ на помочь! Но почему вы полагаете, что миссіонерская дѣятельность въ Товстохлопахъ нужнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь?

— Да вѣдь подумайте, clarissime, что этотъ допотопный человѣкъ живетъ тамъ пятьдесятъ лѣтъ, и какія поученія онъ преподаетъ своей паствѣ! Вообразите, что проповѣди говоритъ всего только два или три раза въ годъ, да какія проповѣди! Просто уму непостижимо. Сосѣдніе священники передавали мнѣ ихъ дословно, они между ними просто стали притчею во языцѣхъ.

— Дитоньки, сьогодни народывся Исусъ Христосъ въ Вифлееми, мистечку жыдивськимъ, въ стайни бидний и убогий. Такъ, такъ, а зъ паномъ комысаромъ податковымъ раджу вамъ не заходыты соби, бо що вамъ зъ того прыйде? А? Его рука, его й сыла. Отъ що! Благословеніе Господне на всихъ ваа-асъ"... Или вотъ другой образчикъ:

— „Дитки мои, сьогодни Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а завтра у насъ храмовой празднykъ. Памятайте соби, щобы нихто зъ васъ завтра не бувъ пьяный ани бреверій ніякихъ не робывъ.

Боже васъ сохраны! А то та громадьска толока—часъ бы вамъ уже зыйтыся и порадытыся, що зъ нею робыты... Чую, що тамъ жыдъ до васъ пидсусиджуется, арендуваты хоче чи що.... Ге, старшына? Памятайте соби, що якъ тилько мени впустыте жыда до села, то я васъ и бачыты не хочу! А ни чуты о васъ не хочу, не то що! Рцемъ вси отъ всея души, отъ всего помышленія нашего рцемъ!"...

Пріоръ хохоталъ неудержимо.

— Ну, уморили вы меня, reverendissime! Оставьте ради Бога! Да развѣ это возможно?

— Совершенно вѣрно, clarissime. Да чего больше, довольно только взглянуть на его образъ жизни, чтобъ убѣдиться, что отъ него и не этого можно ожидать. Живетъ онъ въ бѣдной крестьянской избенкѣ, старой и покосившейся, живетъ вмѣстѣ съ старой служанкой Хвеськой, глухой на одно ухо, и съ дряхлымъ слугой Прокопомъ, слѣпымъ на одинъ глазъ. Громада сама когда то построила Чимчикевичу домъ на главной улицѣ, близь церкви, но онъ сперва не хотѣлъ совсѣмъ переходить въ новый домъ, когда же, наконецъ его, таки уломали, онъ прожилъ въ немъ безъ малаго двѣ недѣли,послѣ чего ночью перешелъ въ свой „зимовникъ". А въ новомъ, обширномъ помѣщеніи онъ, какъ въ сараѣ, сложилъ хлѣбъ. Представьте себѣ скандалъ въ селѣ и во всей окрестности, когда изъ всѣхъ оконъ новаго приходскаго дома видны были одни только торчащіе снопы. И ни за что въ мірѣ нельзя было болѣе уломать старика, чтобъ онъ опять перешелъ жить туда; громадѣ оставалось только одно: во избѣжаніе всеобщаго смѣха поскорѣе вымолотить сложенный въ новомъ домѣ хлѣбъ и принять этотъ домъ подъ общественные амбары и мѣсто засѣданій сельскаго начальства.

— Ну, да и хорошаго же вы выбрали себѣ противника!— сказалъ пріоръ, утирая шелковымъ платкомъ слезы, катившіяся по его лицу отъ смѣха.—Съ такимъ противникомъ борьба должна быть очень легка и успѣшна.

— Что жъ, clarissime,—смиренно возразилъ патеръ,—когда рожь поспѣетъ, колосья начинаютъ клониться.

— Хорошо, хорошо, съ Богомъ и на жнитво! Такъ какъ же вы думаете скоро собраться?

— Я думаю, что вообще нечего терять времени. Въ ближайшее воскресенье я могу сказать первую проповѣдь въ Товстохлопахъ.

— Хорошо! Сегодня у насъ понедѣльникъ. Сегодня же я напишу этому вашему Чимчикевичу, чтобъ онъ приготовилъ все нужное для миссіи, а въ субботу послѣ богослуженія вы и двинетесь въ путь.

— Какъ прикажете, clarissime!—отвѣтилъ патеръ.

Оба они поднялись съ мѣстъ, пріоръ проводилъ патера до двери, и на его низкіе поклоны отвѣчалъ той же добродушно-иронической улыбкой.

III.

Въ субботу, послѣ ранней обѣдни, патеръ Гаудентій сѣлъ на приготовленную для него монастырскую бричку и весело покатилъ за городъ. День былъ прекрасный. По полямъ то и дѣло блестѣли серпы, звенѣли косы, раздавались пѣсни, смѣхъ и перекликанья рабочаго люда. Лѣтняя страда была въ полномъ разгарѣ.

Послѣ удушливой монастырской атмосферы патеру Гаудентію вдвойнѣ пріятенъ былъ этотъ широкій, свободный просторъ, этотъ чистый воздухъ и эта могучая, хотя и однообразная подольская картина.

До Толстохлопъ путь былъ хотя и хорошъ, но совсѣмъ не близокъ. Была уже послѣобѣденная пора, когда легкая, рессорная бричка, постукивая слегка по твердой глинистой дорогѣ, въѣзжала въ тѣсный дворикъ товстохлопскаго прихода.

— А, reverendissime!—закричалъ изъ подъ какой то „повитки“ отецъ Чимчикевичъ, издалека завидѣвъ вылѣзавшаго изъ брички патера Гаудентія.—Попеломъ, попеломъ ноги посыпаты такымъ ридкымъ гостямъ! Що за буры, що за тучы загналы васъ у нашы стороны, а?

Патеръ Гаудентій ничего не отвѣчалъ, но сладко улыбаясь, заключилъ старика въ свои распростертыя объятія.

— Просымо, просымо блыжче, не погордуйте нашымъ домомъ! упрашивалъ Чимчикевичъ, суетясь вокругъ іезуита.—Прокопе, гей, Прокопе,—обратился онъ къ своему старому слугѣ и сожителю,—а прыладь тамъ вивса и сина ихъ конямъ, и поможы порозпрягаты!

— А може воны заразъ поидуть, прошу его мосця?—лѣниво буркнулъ Прокопъ, непріязненно осматривая однимъ глазомъ непрошеннаго гостя.

— Ну, ну, поихаты поидуть,—возразилъ, добродушно улыбаясь, отецъ Чимчикевичъ,—на парахвію до насъ не пріихалы, то певно. Але й не заразъ поидуть, Прокопе, не заразъ! Такъ швыдко мы ихъ не пустымо. Гей Хвесько, а де ты, стара?

— Я ту, его мостыку! А чого вамъ?

— Прыладь потымъ, бабусю, де яку закуску, розумієшъ?

— Загнаты гуску?—переспросила глухая старуха, и Чимчикевичъ, не имѣя желанія кричать громче, пошелъ выяснять ей на пальцахъ, чего ему нужно.

— Вотъ вѣрный образъ всей этой церкви!—думалъ патеръ Гаудентій, присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что происходило вокругъ,—выжившій изъ ума пастырь, и паства его на половину глухая, а на половину слѣпая.

Но вотъ о. Чимчикевичъ, торопясь и сѣменя ногами, взялся проводить патера въ свою комнату, служившею ему и спальней, и столовой, и канцеляріей.

— Сидайте, reverendissime, сидайте!—просилъ онъ, придвигая простой деревянный стулъ, покуда іезуитъ осматриватъ его жилище. Правду сказать, тамъ нечего было и осматривавь. Комнатка небольшая, чисто и просто уставлена деревянной мебелью, деревянная кровать въ углу, прикрытая старосвѣтскимъ одѣяломъ сельской, но очень изящной работы, съ боку столикъ, заваленный метрическими книгами, на которыхъ, вопреки деревенскому обычаю, не было видно ни одной пылинки; въ другомъ углу небольшой стеклянной шкафчикъ съ книгами, а на стѣнѣ, подъ старинной иконой св. Николая, висѣлъ круглый и большой съ

телѣжное колесо овсяный вѣнокъ, переплетенный вѣтками красной калины. Посрединѣ комнаты стоялъ большой, четырехугольный столъ, накрытый мережаной скатертью, а на немъ, въ деревянной мискѣ, лежали только что вырѣзанные золотисто-янтарные соты, на всю комнату распространявшіе сильный медовый запахъ.

— Отже якъ знавъ, що гости будуть, такъ такы душа вищувала, весело сказалъ о. Чимчикевичъ.—Немовъ бы щось пхнуло мене по обиди: а пиды, выймы меду! А славный у мене медъ, reverendissime! Прошу лышень, будьте ласкави спробуваты!

Патеръ все еще сидѣлъ молча. Совершенная наивность и радушіе этого старика нѣсколько смутили его. Но искушенію душистыхъ медовыхъ сотовъ онъ не могъ противостоять.

Придвинувъ свой стулъ поближе къ столу, онъ взялъ изящную рѣзнаго дерева ложечку и, медленно высасывая медовые соты, началъ съ Чимчикевичемъ разговоръ, конечно, на томъ же русинскомъ нарѣчіи, на которомъ только что говорилъ послѣдній.

— Эге, панотченьку,—съ видомъ искренняго удовольствія началъ іезуитъ,—про це нема щой говорыты—славный у васъ медъ, славный! Не дурно про вашу пасику слава йде по цилій окрузи. Видъ разу выдно, що тямуща рука коло бджилъ ходыть!

— Пьятьдесять литъ, reverendissime, пьятьдесять литъ зъ бжоламы захожуся, то й якъ же мени не знаты ихъ натуры й звычаивъ?

— Пьятьдесять литъ!—вскрикнулъ патеръ, какъ будто Чимчикевичъ сказалъ ему какую нибудь поразительную новость.—Онъ якъ! Такъ вы уже пьятьдесять литъ священныкомъ?

— Э, ни, попомъ я вже пьятьдесять и пьять литъ,—просто отвѣчалъ о. Чимчикевичъ.—Аджежъ постійте, святывся я тоди, якъ Наполеона былы—пидъ Ватерло, чы де тамъ! То килько тому буде? Здается, въ 1815 було. А? Славный часъ бувъ, reverendissime! Не дай Боже дожыты другого такого.

— Такъ вы гадаете?

— А вжежъ, що не якъ. Ну, а потимъ пьять литъ кидалы мною по администраціяхъ. Назнався я биды—крый Господы! И горивъ, и тонувъ, и мерзъ, и мокъ, якъ то кажуть. И жинка покійныця

въ тій нужди померла, а жинка, reverendissime, у нашого брата перша и послидня. Ажъ тоди змылувались надо мною и далы оцю парахвію. И тутъ я, на сёму мисци, пьятьдесятъ литъ держуся. Якъ те боже дерево, де ёго Богъ посадывъ, тамъ и росте, доки его свята воля. Слава Ему и поклинъ. Чи якъ вы думаете, reverendissime, га?

— Тай село у васъ славне, ни що й казаты,—началъ іезуитъ, какъ будто продолжая развивать свою прежнюю мысль.—Произжаешъ—ажъ очы радуються. Поля оброблены, сады, огороды, хаты нови, скотынка сыта и гладка, всюды выдно достатокъ и благодать Божу....

— Що жъ, reverendissime, працюемо, якъ можемо. „Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“—чы якъ тамъ у пысьми сказано, га?... И о другыхъ не забуваемо.

— Чувавъ, панотченьку, чувавъ,—подхватилъ іезуитъ.—Панъ староста вашою громадою нахвалытыся не може. Чы податкы сплатыты, воны—каже—перши, чы порядки громадськи, дорогы, мосты—все у ныхъ якъ Богъ прыказавъ. А колы треба складкы якои, помогты тамъ чы погорильцямъ, чы тымъ, що повинь ихъ зруйнувала, чы биднымъ—Товстохлопы чысто по паньски дають.

— По людськи, reverendissime, по людськи, не по панськи! Паны на таки речы не дуже то щедри. А мы такъ, якъ Хрыстосъ учивъ: що царське, те цареви, а що Боже—Богу. Чы такъ я говорю, га?

— Такъ то, такъ,—протянулъ патеръ, немного наклоняя голову на бокъ. Про те, що людське, а що царське, я зъ вамы не буду перечытысь. Ту ваши Товстохлопы можуть буты прымиромъ для всякои другои громады, и певно не за чіимъ прыводомъ, якъ за вашымъ. Се кождый прызнае. Але що дотыкается Божого, духовного.....

Патеръ не договорилъ, какъ будто стѣснялся затрогивать такой деликатный вопросъ. Но Чимчикевичъ, повидимому, и не подозрѣвалъ здѣсь ничего деликатнаго и спросилъ безъ обиняковъ:

— Що жъ, маете мынище зъ того погляду закынуты? Говорить, я радо выслухаю.

— Н-ну, закынуты!—живо, какъ будто обидясь подхватилъ патеръ.—Яке я право маю вамъ закыдаты? Сохраны Господы! Я тильки такъ... тее... отъ прымиромъ хоть бы й те! Окружный инспекторъ шкильный надывуватыся не може. Що се за дыво—каже,—таке село багате, порядне дбаюче, а отсе вже пьять литъ мучуся, прошу, напомынаю, и ніякымъ свитомъ не можу добытыся, щобъ школу у себе завело.

— Отъ що!—живо воскликнулъ о Чимчикевичъ.—Такъ се инспекторъ вамъ жалувався! А може й прыславъ васъ сюды на те, щобъ уговориваты насъ школу заводыты?

— Ни, ни, панотче, де тамъ! Я до такои службы зовсимъ не гожый!

— Такъ я й думавъ,—успокоясь сказалъ о. Чимчикевичъ.—А панъ инспекторъ, не кажучы ему лыхого слова, дурень, тай годи. Разъ ёму сказалы, що докы винъ у насъ инспекторомъ, доты школы не заложымо, то чого бъ ёму ще морочыты? Я самъ, бачыться, доволи ясно ёму се выяснявъ.

— Такъ ёму й видказалы? Ну, се цикаве дило!

— Ни, reverendissime, зовсимъ не цикаве. Не подобався панъ инспекторъ нашымъ людямъ, и не хочуть маты его за начальныка надъ своею школою. А чому не хочуть, се ихъ дило. „Розвидувалы мы—кажуть—по сусидскыхъ селахъ, яки винъ тамъ порядкы заводыть, якъ зъ учытелямы обходыться и якъ имъ зъ дитьмы каже обходытысь, и бачымо, що мы бъ у себе такого не стерпилы. То липше нехай у насъ не буде ніякои школы, нижъ маемо разъ у разъ дертыся зъ инспекторомъ и поносыты кары Богъ зна за що!“

Патеръ Гаудентій только руками развелъ.

— Ну, прызнаюсь вамъ, се зовсимъ не рація. Прости хлопськи выкруты! Ще чого не ставало, щобъ кожный урядныкъ старався подобатысь своимъ пидвладнымъ! Сёго такы за багато! Ну, а що жъ вы на те, панотче? Не вже мовчалы? Думаю, що вашъ обовязокъ бувъ выясныты имъ, що таке вымогане, выбачайте, и дурне, и бизпидставне. Аджежъ такымъ робомъ черезъ свою прымху воны позбавляють усякои освиты циле пидростаюче поколине.

— Що жъ, reverendissime, зъ рукою на серци, я не мигъ имъ того сказаты.

— Не моглы? А то чому?

— Разъ тому, що ихъ правда, бо инспекторъ для людей, а не люде для нёго. А по друге—никого се не позбавыло освиты, бо въ нашимъ сели увесь народъ освиченый, вси диты вміють чытаты й пысаты далеко краще, нижъ по сусидныхъ селахъ, де е школы.

— Вси диты вміють чытаты й пысаты!—съ истиннымъ испугомъ вскричалъ патеръ.—А школы въ сели нема? Якъ же це сталося?

— Проста ричъ. Кождый батько й маты сами вчать своихъ дитей.

— А воны жъ видкы вміють?

— Ихъ я навчывъ. Видъ тридцяты литъ у мене така встанова, що непысьменному парубкови и непысьменній дивци зъ свого села слюбу не дамъ.

Патеръ Гаудентій широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на о. Чимчикевича, какъ на какое нибудь чучело заморское. Заморское же чучело въ свою очередь посматривало глупо—наивно на патера, какъ будто не понимая, чему тутъ удивляться. Помолчавъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, о. Чимчикевичъ выдвинулъ изъ подъ стола низкій табуретъ, втащилъ изъ сѣней корзину, полную до верху капустныхъ листовъ, и сѣлъ на табуретъ. Въ ту же минуту, какъ бы по данному знаку, изъ полуотворенныхъ дверей сосѣдней коморки ринулись въ комнату цѣлые десятки кроликовъ, и крупными скачками бросились къ своему хозяину. Струя кокого то непріятнаго, животнаго запаха ворвалась съ ними въ комнату, но о. Чимчикевичъ не замѣчалъ этого. Будто куча пушистаго, разноцвѣтнаго мха кролики укрыли старика. Одни вскочили ему на колѣни, другіе на плечи, на голову, на руки, прочіе же бросились къ корзинѣ и начали хрупать свѣжіе листья, махая своими длинными ушками и вытаращивъ десятки круглыхъ, влажныхъ глазъ на незнакомаго гостя.

— А тпрррусъ!—крикнулъ ласково о. Чимчикевичъ, отряхиваясь отъ мягкопушистыхъ своихъ любимцевъ и выбрасывая имъ

листья на полъ. Кролики всѣ разомъ соскочили съ его плечъ и колѣнъ и бросились хрупать, но нѣкоторые остановились передъ хозяиномъ, ставъ на заднія лапки и смотря ему прямо въ глаза, какъ будто прося не прогонять ихъ.

— Отъ бачыте, reverendissime,—улыбаясь прервалъ молчаніе о. Чимчикевичъ,—тваръ безсловесна якъ, кажуть, а тако жъ де чому навчыться и прывычокъ набратыся може. Треба тилько, щобъ чоловикъ доложывъ старунку до всёго, що робыть, щобъ душу свою вложывъ у дило, тоди й дило буде зъ душею, жыве. Онъ якъ! А хто душы своеи въ дило не вложыть, той и не найде іи, чы якъ вы думаете, га?

Неизвѣстно, запахъ ли кроликовъ, или этотъ постоянно повторяемый вопросъ, или закравшееся въ душу патера подозрѣніе, что Чимчикевичъ не такъ глупъ, какъ представляется, или, наконецъ, все это вмѣстѣ довело патера до какого то нервно-возбужденнаго состоянія. Онъ началъ чего то безпокоиться и рѣшился скорѣе покончить этотъ разговоръ и прямо приступить къ дѣлу.

— Зовсимъ зъ вамы згожуюсь, панотчыку,—произнесъ онъ совершенно другимъ, жесткимъ и полнымъ укоризны голосомъ.—Де священныкъ не додасть своему стаду духа правдывои набожности, тамъ его й шукаты дарма.

О. Чимчикевичъ при этихъ словахъ сразу вскочилъ съ табурета, какъ отъ укушенія змѣи.

— Се... се... се... вы якъ, reverendissime?—спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Се вы проты мене?

— Проты васъ — не проты васъ, а въ загали, — уклончиво отвѣчалъ іезуитъ.

— Значыть нибы, що я старый дурень, зъ бжоламы та кролямы панькаюсь, а своихъ парахвіянъ побожности не навчаю, га?

— Але жъ, панотче! Хто вамъ се каже?—вскричалъ іезуитъ.

— Знаю, reverendissime, знаю, хто се каже! И вы тилько що се сказалы! Що жъ, може воно й справди я дурень, ни до чого не прыгидный! Адже жъ двадцять литъ уже всяки добри прыятели пышуть тай пышуть на мене доносы до консысторіи, що мов-

лявъ, я неукъ, непотрибъ, казань у церкви не говорю, и Бигъ зна ще що выробляю. И все це „въ добрій думци", якъ кажуть. Тилько що певно нихто зъ ныхъ и не подумавъ, якъ то мени старому слухаты таки закыды. Аджежъ майте мылосердье до мене! Бачыте, я вже одною ногою въ могыли, не ныни, то завтра передъ Богомъ на рахунокъ стану! Позвольте жъ мени спокійно вмерты! Не затроюйте мени тыхъ килька послиднихъ хвиль! Хыба жъ я тому вынenъ, що Господь десь тамъ забувъ про мене и не бере мене до себе?

Голосъ старика пресѣкся отъ волненія, и двѣ крупныя слезы скатились по его увядшимъ, морщинистымъ щекамъ. Іезуитъ сидѣлъ молча, потупивъ взглядъ и стараясь не смотрѣть на о. Чимчикевича.

— Знаю я добре—опять началъ немного спокойнѣе Чимчикевичъ,—що теперъ пастырямъ треба бильше знаты и вмиты, але я вже за старый, щобъ учытыся. Отъ хочъ бы й ся свята догматыка! Ще въ семынаріи мало я еи знавъ, тай якъ тамъ насъ тоди вчылы! А описля й усе до решты забувъ. Ну, й яке жъ я казанье скажу своимъ мужыкамъ? Почну говорыты про догмы—боюсь, щобъ ще ересі якои не наплутаты. Ну, тоди бъ певно на мене посыпалось тилько жалобъ и доносивъ, що й у десятёхъ водахъ не обмывся бъ. Чытаты зъ казальныци те, що други понапысувалы и понадруковувалы—прызнаюсь вамъ и встыдно, и очы не служать, и все той клопитъ, що й ихъ я багато не розумію. А говорыты такъ, що на языкъ навернеся—и встыдно, и совисно. Я знаю, що бесидныкъ я не мудрый. Заснуть мои парахвіяне, ій Богу заснуть, колы почну имъ говорыты про те, що не вяжеся безпосередно зъ ихъ жыттемъ. Не маю того дару—говорыты плавно и до ладу о такихъ речахъ, що не торкаються зъ блызька до ихъ жыття. Ну, и скажить теперъ, reverendissime, що мени робыты! Дайте пораду! Чы гнивыты Бога, всуе прызываючы Его святе имя? Краще мовчаты и наклыкаты на себе гнивъ консысторіи.

— Певна ричъ—отвѣчалъ склоняясь патеръ—що бильшый грихъ гнивыты Бога, нижъ консисторію. Але чымъ же вы прогнивыте

Бога, колы всяку недилю будете навчаты своихъ парахвіянъ святій вири и жыттю христіяньскому?

— Тымъ прогнивлю, пидчасъ мого казаня вси заснуть, а до того ще я й самъ ересивъ наплету, онъ що! Вже я себе знаю добре, и не порываюсь на те, чого мени Богъ не давъ. А прыкыдатыся, лукавыты душею, вчыты людей тому, чого самъ не знаю, на те я, reverendissime, за старый, сумлинне не позволяе.

— Мій Боже!—вскрикнулъ патеръ Гаудентій,—значыть, ваши парахвіяне такъ такы й жывуть безъ наукы святои виры?

— Такъ такы й жывуть,—отвѣчалъ о. Чимчикевичъ, свѣсивъ голову на грудь.—Правда, правда, чытають уси и катехизисъ на память уміють, але бильше ничого й не знають, бо й я самъ бильше ничого не знаю, а навить и въ катехизиси не все розумію, то й не все можу имъ выясныты. Ну, що жъ робыты, reverendissime, колы не розумію? Брався читаты кныгы теологичны... Та куды тоби... Чы то очы у мене слаби, чы то памьять прытупылася, ни въ зубъ не розумію. А ту люде прійдуть часомъ, пытають: що воно се, а якъ розумиты те? Що жъ я имъ скажу? Буду брехаты, колы самъ напевно не знаю? Отъ и говорю имъ начастише: „Диточкы мои, розумійте якъ хочете, а то й зовсимъ не розумійте, Богу се зовсимъ все одно. Винъ самъ сказавъ: „Нѣсть ваша разумѣти времена и лѣта.“ Такъ и лышить! Жыйте тилько по Божому, а тамъ уже якось воно та буде.“

Патеръ Гаудентій даже хлопнулъ себя по колѣнямъ.

— Бійтеся Бога, панотче, не вже вы такъ и говорыте имъ?

— А якъ же? говорю, якъ сумлинне велыть.

— Ну, а повага церкві, котрій дана власть навчаты и вказуваты стежкы Господни?

— Що жъ, reverendissime,—почти со слезами на глазахъ сказалъ Чимчикевичъ,— выдно, що Господь Богъ не хотивъ даты мени повагы, колы не давъ умення. А коли не давъ, то видкы жъ я визьму, а?

— Въ такимъ рази вы повынни покинуты се мисце, до котрого почуваете себе неспосибнымъ. Ваше сумлинне день и ничъ повынно васъ мучыты за той грихъ, що вы займаете таке

важне мисце, а не сповняете прывязанныхъ до нёго обовязкивъ. Адже жъ вы отакъ доводыте свою духовну паству до страшнои безодни невиры, варварства, здычиння! Бо чымъ е чоловикъ безъ виры якъ не звиремъ? Власне сумлинне повынно вамъ се казаты!

— Ну, що жъ, reverendissime, колы мое сумлинне ничого такого мени не говорыть?

— Якъ то не говорыть? Для чого?

— Бо мои парахвіяне дуже далеки видъ невиры, безувирства чы якъ вы се такъ дывненечко назвалы, reverendissime, га?— далеко дальши, нижъ парахвіяне другыхъ церквивъ, котри що недили по дви годыни дримають на проповиди. Я вчу, не проповидую, а такъ по просту, въ розмовахъ про домашни, блызьки всякому речи. Се я добре знаю и воны розуміють. „Не крады, не пый, не проклынай, не бый, другому въ биди допомагай!“... Чы повирыте, reverendissime, що за десять литъ зъ нашого села нихто въ крыминали не сыдивъ? Видъ 30 литъ ани одного жыда у себе не маемо—выгналы! Школы на маемо, а за то чытальня яка! Правда, смишно воно, але що зъ того? Кому смишно, той нехай сміеся!

— Гарно то все, гарно,—соглашался патеръ,—але всего сёго ще не досыть.

— То правда, що не досыть,—живо подхватилъ о. Чимчикевичъ, съ лукавой улыбкой поглядывая на іезуита.—А вы, reverendissime, произжалы черезъ наше село? И бачылы яке воно? Не мовъ одынъ садъ, въ которому ту и тамъ порозкыдани хаты. А до того ще зъ обохъ бокивъ обрамоване цилымъ лисомъ овочевыхъ деревъ! Що, може, брешу? А знаете, reverendissime, якъ зовеся той лисъ? „Покутный“, онъ якъ. А чому? Пустопашъ тамъ була, колы я сюды прыбувъ, такъ, такъ и звалась Неужытокъ. А отсе я на сповиди замисцъ звычайнои покуты: пять разъ Отче нашъ, пять разъ Богородыце, а разъ Вирую—зачавъ кождому завдаваты таку покуту, щобъ зразу коло своеи хаты, а дали й на тій пустоши засадывъ або защепывъ одно овочеве деревце, а за тяжчый грихъ, той килька. Ну, черезъ 50 литъ и лисъ вырисъ, и все село обсадылы, де тилько було яке вильне

мисце. За овочи съ Покутного селяне касу заложылы таку, що зъ самыхъ процентивъ уси додатки краеви, повитови, громадськи и шкильни оплачують, а що роздается биднымъ та потрибнымъ, се и въ коляду не кладу. Якъ же вамъ здаеся, reverendissime, чы мыла Богу така покута, чы ни?

— Не хулить Бога, панотче!—строго возразилъ патеръ.—Хто може знаты, що мыле Богу, а що ни? Хто постыгне глыбыну путивъ Господнихъ? Але на килько мій слабый розумъ може судыты, то кажу вамъ смило: не мыла и не може буты мыла!

— Не мыла? А то чому? съ нескрываемымъ удивленіемъ спросилъ о. Чимчикевичъ.

— А тому, що до покуты Богъ вымагае сердця сокрушенного и смиренного, а вы що даете Ему? Дали Богъ жадае, щобъ чоловикъ якъ мога видрывався видъ усего земного, видъ свитовои суеты, а вы своею роботою хиба жъ не прывязуете ихъ сердця ще бильше до сего свита? Ни, отче, хибна ваша дорога! Богъ не може благословыты такого дила. Противно, Богъ уже теперъ простеръ надъ вами свою руку, посылае вамъ вищунивъ свого гниву, и горе вамъ, колы завчасу не покаетеся и не вернете на путь правды!

При этихъ словахъ патеръ невольно всталъ и протянулъ правую руку впередъ. Лице его сіяло, глаза блистали, на челѣ и устахъ нависла суровость разгнѣваннаго судьи.

— Вищунивъ? Якыхъ вищунивъ?—дрожа и блѣднѣя, спросилъ о. Чимчикевичъ.

— То то й горе, що вы ихъ не бачыте! Посылае найстрашнійшу духову заразу: духову слипоту, двоевирство и байдужнысть!

— Двоевирство и байдужнысть? Якъ же вы се розуміете?

— Зовсимъ по просту. Ваша паства не вміе видрызныты доброго видъ злого, Хрыста видъ Беліала, святои виры католыцькои видъ схызмы. Ваши духовни овечкы любисинько ходять за граныцю на православны службы Божы. Хыбажъ се ничого?

— А, такъ отъ про що вы!—произнесъ Чимчикевичъ, вздохнувъ свободнѣе и съ облегченнымъ видомъ.—Ну, се, здаеся, не такый ще тяжкый грихъ.

— Не тяжкый грихъ?—вскрикнулъ патеръ.

— Думаю, що ни. Аджежъ и тамъ одного Бога хвалять, ще й такъ само, якъ у насъ.

— Одного Бога! — озлился патеръ. — Отъ и туркы такожъ одного Бога хвалять. То вы певно позволылы бы своимъ парахвіанамъ и на турецьке богомолле ходыты.

— Ну, reverendissime, се вже вы далеко зайшлы. Я позволяю имъ ходыты на латынську службу, тилько що воны самы не радо йдуть туды, бо ничого тамъ не розуміють. А православна служба така сама, якъ наша, а тыхъ догматычныхъ тонкостивъ, що розрижняють насъ, ани я самъ не второпаю, ани мои мужики.

— Эхъ, панотче, панотче!—съ сожалѣніемъ произнесъ патеръ Гаудентій, кивая головой,—и вы се говорыте! Вы, католыцькый священныкъ, можете такъ говорыты, а навыть такъ робыты!

— Щожъ, reverendissime, якъ хто вміе, такъ и піе! Щожъ я вcase, що говорю и роблю тилько те, що знаю?

— Значитъ треба розшырюваты свое знаніе, або...

— А бо що?

— Або постаратысь о когось, хто бы вамъ допомигъ.

— А...хтожъ мени допоможе?--пренаивно спросилъ Чимчикевичъ.

— Ну, се хыба велыке дило? Отъ и я самъ готовъ.

— Вы, reverendissime? А то якъ?

— Можу вамъ зобовязатыся хочъ и що недили говорыты въ церквы казаня, а не тылько завтра.

— Завтра, якъ то? Не тылько завтра?—съ удивленіемъ спрашивалъ Чимчикевичъ.

— Ну, такъ! Адже жъ я того й пріихавъ!—отвѣчалъ патеръ, въ свою очередь удивленный удивленіемъ Чимчикевича.

— Чого пріихалы?

— Щобъ завтра казаты казанне въ вашій церкви. Адже жъ вы вже о тымъ увидомлены?

— Я? Сохраны Господы! Я увидомленый?

— Ну, такъ! Адже жъ нашъ пріоръ, знаете, въ Тернополи, мавъ пысаты вамъ о тымъ!

— Вашъ пріоръ? Во имя Отца и Сына!... Алежъ я не знаю вашого пріора.

— Якъ то, не вже винъ не пысавъ вамъ? Не вже вы не дисталы ніякого пысьма?

— Пысьмо якесь я на сёму тыжни диставъ, — отвѣчалъ съ смущеннымъ видомъ Чимчикевичъ,—але я незнавъ, видъ кого воно и про що пысане.

— Якъ то не зналы?

— Та такъ, що не знавъ! Бачыте, ось воно! Що я намучывся, щобъ прочытаты, и литеры, здаеся, де-якы розбыраю, а слова хоть бы тоби однысенько! Ниде гриха диты, плюнувъ я на нёго, тай сховавъ. Ось вамъ воно, погляньте, чы се видъ вашого пріора?

И о. Чимчикевичъ подалъ патеру измятое, засаленное письмо пріора. Тотъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и только ахнулъ: письмо писано было *по латыни*, которую Чимчикевичъ еще полвѣка тому назадъ успѣлъ перезабыть всю безъ остатка.

— Отъ воно якъ!—произнесъ патеръ послѣ минутнаго молчанія, успѣвъ проклясть въ душѣ хитраго пріора, который сыгралъ съ нимъ такую шутку,—що жъ теперъ буде?

— Не знаю, reverendissime!

— Я, конче, мушу завтра сказаты проповидь у вашій церквы. Мени моя власть наказала.

— Щожъ, смиренно отвѣчалъ Чимчикевичъ,—зъ Богомъ, reverendissime. Тилько що мени моя власть скаже?

— Ваша власть? Яка?

— Ну, мытрополитъ, консысторія. Чы може вы маете ихъ дозвилъ?

— Ни. А хыба жъ се не видъ васъ залежыть?

— А вжежъ, що ни. Безъ вызшого дозволу я не можу допустыты священныка другого обряду проповидаты въ моій церквы.

Патеръ Гаудентій стоялъ, какъ пришибленный. Вотъ тебѣ на! Отъ такой пустой формальности должна была бы погибнуть его миссія. Ахъ, и всегда эти пустяки должны его преслѣдовать, эти мелочи жизни, на которыя онъ не обращаетъ вниманія и которыя иногда могутъ все дѣло испортить. Но нѣтъ, этого не

можетъ быть, по крайней мѣрѣ теперь! Въ какомъ то нервномъ возбужденіи началъ онъ шагать по комнатѣ, придумывая, что тутъ дѣлать. Вдругъ онъ остановился передъ Чимчикевичемъ.

— Такъ се вы кажете, що не маете права допустыты мене до проповидання въ вашій церквы?

— Ни, reverendissime, не маю.

— Ну, а коло церквы, на цвынтари можу проповидаты?

— Тамъ можете.

— Ну, ось и гарно. Буду проповидаты на цвынтари.

— Добре. Тылько знаете, reverendissime, я чоловикъ старый, слабый, боюсь, щобъ не було мени за се якои халепы.

— Видъ кого?

— А отъ, хоть бы видъ пана старосты. Знаете, на цвынтари будь що будь, мисце публычне, а проповидь, будь що будь, бесида. А староста у насъ острый, службыстый. Набижыть и запытае: а ще се у васъ, отче, безъ дозволу власти на публычному мисци якись зборыща збыраются, бесиды говоряться. И що жъ я на се скажу?

— Смійтеся зъ того, панотче!

— Ну, вы соби, reverendissime, смійтеся на здоровье! А по мни мурашкы бигають. По що мени клопоту на здорову голову? А липше знаете що? У васъ кони добри, брычка легенька, дорога теперъ добра. Отъ вы,—не въ гнивъ вамъ кажучы,—идьте до города и добудьте дозвилъ видъ пана старосты. А я дуже радо зроблю все, що видъ мене буде залежаты. Потрудиться, reverendissime, нехай се буде Богу на славу, а для мене старого спокійнишъ.

Патеръ Гаудентій думалъ было сначала сопротивляться и убѣждать Чимчикевича, что опасенія его напрасны, но едва уловимая ироническая нотка въ послѣднихъ словахъ „попа“ поразила его, какъ молнія. Сразу онъ почувствовалъ, что слишкомъ мало цѣнилъ этого старика, и что за той дѣтской простотой и наивностью у него кроется нѣчто болѣе глубокое, какое то совсѣмъ недюжинное „себѣ на умѣ“. Не говоря ни слова болѣе, красный и озлобленный, патеръ схватилъ шляпу и выскочилъ на крыльцо.

— Запрягаты!—крикнулъ онъ во все горло, увидя, что солнце уже начало опускаться, и соображая, что до города добрыхъ верстъ пятнадцать.

— Вотъ проклятый попъ, ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, дожидаясь, покуда запрягутъ его бричку. Замучилъ меня совсѣмъ. Кажется—глупъ, какъ пень, а между тѣмъ онъ тягучъ, какъ лыко. Да и я то хорошъ, что такъ долго съ нимъ церемонился, времени сколько понапрасно потратилъ! Чортъ бы его побралъ съ этимъ позволеніемъ—нашелъ, что выдумать! И какъ это мнѣ управиться сегодня?...

— А що, прошу его мостя, чы я не говорывъ, що воны скоро поидуть?—говорилъ, осклабляясь, Прокопъ Чимчикевичу, запирая ворота за отъѣзжающими гостями.

— Такъ то, такъ, Прокопе,—грустно сказалъ о. Чимчикевичъ,—поихалы то воны поихалы, але не сёгодни, такъ завтра зновъ вернуться.

— А най Богъ бороныть!—крикнулъ Прокопъ.—А чого имъ видъ насъ треба, прошу его мостя?

— Чого?—повторилъ о. Чимчикевичъ.—Чого? пытаешъ. Слухай же, Прокопе! Ты мене давно знаешъ. Якъ ты гадаешъ, дбавъ я о громадянахъ, учывъ ихъ добру, дававъ имъ добрый прыкладъ? Бувъ я для васъ добрымъ попомъ?

— Падлюка бувъ бы той, хто инакше говорывъ!—вскричалъ Прокопъ.—Не попомъ, а батькомъ риднымъ! отъ чымъ вы булы для насъ!

— Ну, не говоры такъ, Прокопе, знаю и свои хыбы. Але того, що мени сей іезуита сказавъ, я до нынишнёго дня не знавъ и не думавъ.

— То се іезуита? А що жъ винъ вамъ сказавъ?

— Сказавъ, що мои парахвіяне Бога не знають, въ двохъ богивъ вирять, а то тому, що и ту и до Почаева до церквы ходять, а въ Почаеви, мовлявъ, уже не той Богъ, що ту. Чуешъ, небоже? И за се, грозывъ, не мыне насъ кара Божа.

— Отъ що винъ вамъ крякавъ! О, крягалы бы надъ нымъ вороны!

— Не клены, Прокопе! И для того, говорывъ, треба насъ усихъ просвищаты, навернуты на правдыву езуитьску виру, и винъ се зробыть.

— Винъ, а не дождавъ бы! А якъ же винъ насъ навертатыме?

— Буде вамъ що недили казання говорыты.

— Тылько всёго? Ну, чувалы мы ихъ казання! Се ще не велыкый страхъ! Нехай соби говорыть. Я думавъ, що може до староства наказъ пріиде, а староство жандарамъ накаже. Отъ тоди справди бувъ бы клопитъ, бо не тылько бы навернулы, килько обдерлы. А казання—нну! И, махнувъ рукой, Прокопъ побрелъ во дворъ къ своему дѣлу. А о. Чимчикевичъ долго еще сидѣлъ на крылечкѣ своей старой избы, подъ тѣнью густо вьющейся, цвѣтущей квасоли, — сидѣлъ и думалъ о неожиданномъ визитѣ іезуита, о разговорѣ съ нимъ и его странномъ намѣреніи.

— Ой, не проста, не прынадкова то ричь,—думалъ онъ. Не на мене одного гострять зубы ти іезуиты, — тилько здаесь, що мене першого хочуть проковтнуты. Що жъ, Божа воля. Просывъ я Господа, щобъ дозволывъ мени вмерты супокійно, та здаесь, що за мои грихы не выслухавъ мене Богъ. Прыйдесь мабуть власными старымы очыма побачыты ще початокъ новои боротьбы, а може и свои стари кости въ ній зложыты. Его свята воля! А люта буде боротьба, страшна! И хто то въ ній переможе? Находыть на насъ чорна хмара зъ заходу, гризна, узброена просвитою, хытрощамы, интрыгою, протекціямы и всякымы мудрымы штукамы, а що жъ мы насупротывъ неи поставымо? Находыть велыка пошесть, страшна чума, котра може знесты насъ зъ лыця земли, якъ вода злызуе мулъ. А якъ же жъ мы видъ неи охоронымось, де найдемо на неи ликъ?...

И о. Чимчикевичъ взялъ старый молитвенникъ въ деревянномъ, холстомъ обшитомъ переплетѣ, писанный крупнымъ, красивымъ почеркомъ на древней толстой бумагѣ. Это была единственная вещь, которою онъ владѣлъ и дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ. Старикъ открылъ книгу и началъ медленно, громко и выразительно читать. Молитва его успокоила, тяжелое впечатлѣніе, произведенное іезуитомъ, разсѣялось. Какъ то невольно взоръ Чимчикевича остановился на послѣднихъ листахъ молитвенника, гдѣ самъ онъ, по старымъ запискамъ, документамъ и разсказамъ старожиловъ списалъ болѣе, чѣмъ 300-лѣтнюю лѣтопись села

Товстохлоповъ. Одна страница этой лѣтописи привлекла его вниманіе. Прочитавъ ее, онъ тихо захохоталъ. Какая то новая мысль блеснула въ его головѣ. Онъ еще разъ прочелъ эту страницу и еще разъ улыбнулся.

IV.

Было воскресенье. Прекрасный лѣтній день. На небѣ не видно ни одной тучки. Темной, густой зеленью укрывали вѣковыя липы старую, но въ хорошемъ порядкѣ содержанную, товстохлоповскую церковь съ ея краснымъ желѣзнымъ куполомъ и золоченымъ наверху крестомъ. Возлѣ церкви небольшая приземистая колокольня блестѣла новой мѣдной крышей. Изъ церкви раздавалось громкое на все село протяжное пѣніе литургіи: въ церкви пѣли всѣ, кто только могъ, мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки гармоническимъ хоромъ. Казалось, что огромная волна тѣхъ голосовъ раздвигаетъ стѣны старой церковки и подноситъ ее на себѣ вверхъ. Съ боку возлѣ крылоса стоялъ высокій и черный патеръ Гаудентій съ какимъ то набожнымъ, угрюмымъ лицомъ и ждалъ, покуда окончится „служба Божа". Много онъ натерпѣлся вчера; поздно ночью пріѣхалъ въ мѣстечко и кое какъ переночевалъ въ дрянномъ жидовскомъ трактирѣ. Утромъ набѣгался, пока разбудилъ старосту и получилъ отъ него позволеніе произнести рѣчь въ публичномъ мѣстѣ. Но все таки поставилъ на своемъ и вернулся во время. Сначала онъ очень боялся, чтобы Чимчикевичъ не устроилъ ему штуки и не отслужилъ службу пораньше, такъ что, пріѣхавши, онъ застанетъ только запертыя двери и никого больше въ церкви. Но нѣтъ, Чимчикевичъ поступилъ совершенно лойяльно и даже послѣ заутрени цѣлый часъ ждалъ его пріѣзда. Это немного примирило патера, хотя до сихъ поръ не могъ онъ еще простить Чимчикевичу вчерашняго безпокойства.

Вотъ о. Чимчикевичъ дрожащимъ голосомъ прочиталъ евангеліе. Патеръ подумалъ, не начнетъ ли онъ самъ теперь говорить проповѣдь, но нѣтъ, служитъ дальше. Вотъ и служеніе оканчивается. Послѣ причастія патеръ вышелъ изъ церкви. Близко

возлѣ колокольни между двухъ огромныхъ липъ лежала большая, четырехугольная, въ аршинъ вышиной плита, какой то старый, надгробный камень. Патеръ взошелъ на нее,—это будетъ его каѳедрой. Вынулъ изъ платка „комжу“ (стихарь) и надѣлъ ее сверхъ „сутанкы“ (рясы). Стоя высоко на плитѣ, съ блестящимъ на солнцѣ, гладко выбритымъ теменемъ („беретъ“ онъ забылъ взять съ собой), онъ казался высокимъ, какъ верстовой столбъ, и грознымъ, какъ привидѣніе. Солнце подходило къ полудню и жарило немилосердно. Въ тѣни липъ чирикали воробьи. Масса красныхъ большихъ насѣкомыхъ лазила на могилкахъ, наполняя всѣ отверстія и тѣнистыя щели въ деревянной оградѣ. Ни малѣйшаго освѣжающаго вѣтерка. Листья не колыхались, точно замерли. Патеръ какъ разъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ за цѣлый полдень не падала тѣнь. У него на лбу, вискахъ и рукахъ началъ выступать потъ мелкими блестящими капельками; онъ съ нетерпѣніемъ прислушивался къ пѣнію, которое ручьемъ лилось изъ церкви.

Уже прочитана „заамвонная молитва“, но вдругъ патеръ съ досады чуть не выбранился громко:—раздалось въ церкви: Радуйся Николае, великій чудотворче!

— Съ ума сошелъ попъ, что ли! Понадобилось ему сегодня акафистъ читать!

Но гнѣвъ былъ напрасенъ. Надо было ожидать конца акафиста. А о. Чимчикевичъ, будто нарочно, каждое слово произносилъ протяжно, отчетливо, какъ будто подозрѣвалъ, какимъ мученіямъ подвергается патеръ Гаудентій! Цѣлые полчаса длился акафистъ; а какъ за то время измучился патеръ на своемъ каменномъ возвышеніи на солнечномъ припекѣ—того ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать. Съ удовольствіемъ слѣзъ бы онъ съ камня и сѣлъ бы въ холодку подъ колокольней, если бы не толпа дѣтей и старшихъ дѣвушекъ, которыя повыходили изъ „бабинця“ и стали на крылечкѣ, крестясь и постоянно посматривая на него. При нихъ слѣзать неловко. Патеръ разъ двадцать въ душѣ посылалъ ихъ къ чорту, но это мало помогало. Мелкія потныя капельки давно уже превратились въ ручейки, которые тихо сплывали внизъ по щекамъ, затылку, груди. Ру-

башка на немъ была совершенно мокрая и прилипала къ тѣлу, кровь усиленно билась въ вискахъ, голова горѣла, въ ушахъ шумѣло, въ горлѣ пересохло—патеръ серьезно началъ побаиваться солнечнаго удара или какой нибудь скоропостижной болѣзни. Ну, слава Богу! Наконецъ то окончился акафистъ,—онъ вздохнулъ свободнѣе. Но что же это? Въ церкви пѣніе стихло, что то говорятъ. Можетъ ли быть? О. Чимчикевичъ началъ проповѣдь! Патеръ иронически улыбнулся, вспомнивъ разсказы о его рѣчахъ. Эта, вѣроятно, не будетъ длинная,—подумалъ онъ. А все же жаль, что я не въ церкви—интересно было бы послушать! Дѣйствительно, стоило послушать эту проповѣдь.

— Дитоньки мои, говорилъ о. Чимчикевичъ,—вычытавъ я отсе въ старыхъ паперахъ, що ныни якъ разъ сто литъ мынае.... Эге, сто литъ, якъ одынъ день!—якъ у нашому сели Товстохлопахъ выбухла страшна пошесть, чума. Пивъ села вымерло за одынъ тыждень. Трыста висимдесятъ душъ безъ сповиди и прычастя святого. Нехай насъ усихъ Богъ бороныть видъ такого, небожата! А якъ гадаете, дитонькы мои, чы не годылось бы намъ якъ небудь видсвяткуваты столитню памятку такого велыкого нещастя?

Народъ стоялъ, и крестился набожно и воздыхалъ отъ глубины души.

— Такъ слухайте жъ, якъ я про се думаю, дитонькы! продолжалъ о. Чимчикевичъ. Видправмо молебень съ колѣнопреклоненіемъ—за ти померши душенькы, а описля выберить соби кильканадцять парубкивъ, що дужшыхъ, зрозуміете? И нехай воны за чергою до самого вечора звонять, не вгаваючи. Нехай ти голосы идуть до Всевышнёго Бога и сповистять тыхъ нашыхъ небижчыкивъ, що мы й по 100 литахъ не забулы про ныхъ. Нехай се буде Богу на хвалу, щобъ Винъ змылувався надъ намы и видвернувъ видъ насъ усяке лыхо, всяку чуму тилесну й духову. Амынь.

Послѣ этихъ словъ зазвонили колокольчики мелкіе, церковные, далѣе отозвалась тонкая „сигнатурка“ въ церковномъ куполѣ, а за ними загремѣли густые голоса изъ колокольни. Народъ палъ на колѣни и панихида началась. Патеръ смотрѣлъ удивленно, не понимая, въ чемъ дѣло, не зная, стоять ли ему или

тоже стать на колѣни. Наконецъ, и онъ преклонился на своемъ камнѣ. Окончилась панихида, окончилась „служба Божа", но колокола какъ гудѣли, такъ и гудятъ. Крестясь, двинулся народъ изъ церкви, дѣвушки въ бѣлыхъ платкахъ и разноцвѣтныхъ ленточкахъ пестрѣютъ, какъ макъ; за ними показались женщины въ бѣлыхъ „намиткахъ", засѣрѣли мужчины въ темныхъ свиткахъ; дѣти кучами разбѣжались по кладбищу. Патеръ стоялъ на камнѣ, облитый солнечнымъ сіяніемъ, и перекрестился. Народъ съ любопытствомъ столпился вокругъ него,—а колокола гремятъ, не смолкая. Съ лукавой улыбкой тѣснятся парубки къ колокольнѣ, стучатъ тяжелыми сапогами, подымаясь вверхъ по крутой лѣсенкѣ; тѣ же, что уже влѣзли, повыставили головы изъ всѣхъ оконъ и отверстій и съ неменьшимъ любопытствомъ смотрятъ на іезуита. Среди гулкаго звона колоколовъ слышится ихъ громкій смѣхъ. Собралось множество народа, патеръ перекрестился еще разъ, потомъ удивленно посмотрѣлъ на колокольню, какъ бы спрашивая глазами, когда же перестанутъ тамъ звонить. А колокола и не думаютъ переставать, звучатъ, что есть силы. А хорошіе, густые и громкіе колокола были на товстохлопской колокольнѣ,—разсказываютъ, отлитые изъ бывшихъ козацкихъ пушекъ, которыя остались здѣсь въ болотахъ послѣ какой то битвы, а позднѣе отысканы были мужиками. Хорошіе, громкіе колокола! Какъ всѣ семь разомъ зазвонятъ, такъ возлѣ колокольни своего собственнаго голоса не услышишь, а звукъ ихъ слышно въ семи окружающихъ деревняхъ...

Патеръ перекрестился третій разъ.

— Во имя Отца и Сына, началъ онъ громкимъ голосомъ,—но куда тебѣ! за колоколами ничего не слышно.

— А що, не перестануть воны тамъ звоныты? крикнулъ онъ погромче окружающей его толпѣ.

— Га, що, якъ?—закричали ему въ отвѣтъ люди.

— Не перестануть звоныты? рявкнулъ что есть силы патеръ.

— Перестануть!

— Колы?

— У вечери?

— Якъ то въ вечери? А чому жъ се?

— Чуму проганяемо.

— Яку чуму?

— Сто литъ тому! Чума була! Трыста душъ безъ сповиди! За душы померши! Чуму проганяемо!—такія отрывочныя фразы разобралъ патеръ изъ смѣшаннаго крика народа. Сразу догадался онъ, что это новая выдумка Чимчикевича. Глаза его зажглись гнѣвомъ, и онъ соскочилъ съ камня на землю.

— Я вамъ маю говорыты проповидь,—заговорилъ онъ ласково народу.

— То говорить!—послышались голоса изъ толпы.

— Якъ же мени говорыты, колы звонять? Скажить, щобъ пересталы!

— Ни, не можна.

— Але мени самъ староста позволывъ говорыты.

— То говорить!

Изъ средины толпы раздавался все большій смѣхъ. Колокольня была переполнена молодежью, среди которой каждое движеніе и слово патера возбуждали неудержимые взрывы смѣха и веселья. А звонъ не переставалъ ни на минуту. Патеръ увидѣлъ, что трудъ его напрасенъ, напротивъ, чѣмъ больше онъ будетъ злиться и выходить изъ себя, тѣмъ его положеніе будетъ смѣшнѣе. И онъ рѣшилъ, что лучше уступить на этотъ разъ, съ тѣмъ, чтобы въ другой разъ тѣмъ вѣрнѣе одержать побѣду. И, сладко улыбаясь, заговорилъ:

— Ну, звонить соби, звонить, я прыиду на другу недилю. Богъ зъ вамы!

Но, садясь въ бричку, которая здѣсь же за оградой ожидала его, онъ стиснутымъ кулакомъ погрозилъ въ сторону приходскаго дома и злобно проворчалъ:

— Почéкай, ты стàры шызмàтыку, я цéбе наýченъ.

Миронъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ[1].

ГЛАВА 3-я.

Русская государственная и народная колонизація въ XVIII и 1-й четверти XIX вѣка.

Постройка укрѣпленныхъ линій и крѣпостей.—Постройка городовъ: Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы.—Основаніе селеній: малорусскія и великорусскія казенныя слободы; помѣщичьи села и деревни.

Еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, въ новороссійскихъ степяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ козаками, водворились сербы; къ нимъ вскорѣ присоединились другіе иностранные поселенцы. Правительство строитъ здѣсь рядъ новыхъ городовъ, куда цѣлыми массами стекается отовсюду населеніе. Одновременно съ этимъ возникаетъ множество новыхъ селъ, деревень, хуторовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ владѣльческой и народной колонизаціи. Однимъ словомъ колонизація края идетъ теперь съ лихорадочной поспѣшностью. Потемкинъ и др. дѣятели этого времени желаютъ какъ бы наверстать то время, когда приливъ населенія въ эти мѣста извнѣ былъ очень слабъ и единственными «насельниками этого края» были запорожцы. Но отдавая должное новымъ колонистамъ, мы не должны забывать услугъ той безстрашной дружины русичей, которая въ теченіе болѣе 2½ столѣтій вела упорную борьбу за обладаніе степями съ татарами. Она подготовила почву для быстраго заселенія области во 2-й половинѣ XVIII в., въ особенности со времени покоренія Крыма въ 1783 году.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 4, апрѣль.

Присоединеніе Крыма къ Россіи имѣло громадное и рѣшительное вліяніе на успѣшный ходъ колонизаціи черноморскихъ степей. Съ устраненіемъ этого важнѣйшаго тормаза колонизаціи ходъ и размѣры ея могли опредѣлиться различными естественными и историческими условіями, которыя въ общемъ должны быть названы весьма благопріятными. Теперь явилась возможность заселять и обрабатывать не только рѣчныя долины, но и чисто степныя мѣста, покрытыя тучнымъ черноземомъ; борьбу нужно было вести не съ хищниками-татарами, а съ степною природой, съ тѣми условіями, которыя препятствовали развитію земледѣльческой культуры. Только съ присоединеніемъ къ Россіи столь желаннаго побережья Чернаго и Азовскаго морей, только съ открытіемъ доступа къ морю, Новороссійскій край, съ его громадными естественными богатствами, могъ получить настоящую цѣну. Съ построеніемъ портовыхъ городовъ, пустынное дотолѣ побережье оживляется, отпускная и привозная (заграничная) торговля развивается съ поразительною быстротою; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ населеніе и промышленность. Спросъ на хлѣбъ и на др. предметы сельскаго хозяйства, въ особенности въ Одессѣ, въ свою очередь долженъ былъ благопріятно отразиться на возрастаніи населенія въ самихъ степяхъ—въ увеличеніи тамъ разнаго рода селеній, въ развитіи земледѣльческой культуры и т. п.; появленіе новыхъ селъ и деревень благопріятно отражалось на ростѣ городскаго быта и наоборотъ. Словомъ, исторія заселенія Новороссійскаго края со 2-й половины XVIII в. представляетъ любопытнѣйшую и характернѣйшую страничку въ исторіи Россіи вообще и нашего юга въ частности. Мы постараемся разобраться въ сложной этнографіи степей и представить общую характеристику колонизаціи съ ея главнѣйшими типическими чертами и наиболѣе характерными ея особенностями. Уже въ силу такой постановки вопроса, мы не будемъ гоняться за исчерпывающею полнотою содержанія и новизною фактическаго матеріала.

Изучая колонизацію Новороссійскаго края, мы въ ней различаемъ два главныхъ типа или вида: 1) русскую (правительственную и народную) и 2) иноземную. Конечно, такое дѣленіе можетъ вызвать кое какія возраженія и замѣчанія; но я его принимаю, потому что оно позволитъ оріентироваться въ массѣ разнородныхъ фактическихъ данныхъ и представить ихъ въ болѣе или менѣе цѣльныхъ историческихъ картинахъ и характеристикахъ. Колонизаціонная дѣятельность правительства проявилась главнымъ образомъ въ постройкѣ въ Новороссійскомъ краѣ укрѣпленныхъ линій и городовъ. Еще въ

царствованіе Елисаветы Петровны было образовано Ново-сербское и Славяно-сербское военныя поселенія съ крѣпостями Елисаветградомъ, Бахмутомъ и Константиноградомъ (о нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обозрѣніи иностранной колонизаціи). Въ началѣ царствованія Екатерины II была построена такъ называемая *Днѣпровская линія*[1]) (1770 г.), явившаяся результатомъ успѣховъ русскаго оружія въ 1-ю турецкую войну; въ это время заняты были нами два порта— Азовъ и Таганрогъ, которые турки забыли укрѣпить; линія эта должна была отдѣлять всю новорос. губ. вмѣстѣ съ запорожск. землями отъ татарскихъ владѣній; отъ Днѣпра она шла къ Азовскому морю, проходя по рр. Бердѣ и Конскимъ Водамъ и пересѣкая всю крымскую степь; послѣдняя крѣпость ея (св. Петра) находилась у самаго моря близь нын. Бердянска и прикрывала небольшую бухту его; всѣхъ крѣпостей въ этой линіи было 8. Устройствомъ этой новой линіи правительство надѣялось (и надежды его отчасти оправдались) обезопасить тотъ край, который лежалъ за старою украинскою линіею (шедшей отъ Днѣпра къ Сѣв. Донцу въ предѣлахъ нын. полт. и харьк. губ.) и отличался плодородіемъ почвы и всяческими естественными богатствами, а между тѣмъ былъ очень слабо заселенъ. Такъ какъ крѣпости были основаны исключительно съ военными, а не торговыми или промышленными цѣлями, то и не имѣли задатковъ особеннаго развитія въ будущемъ; но подъ прикрытіемъ ихъ должны были быть заведены и мирныя селенія; охранять линіи должны были 3 козачьи полка. Земли, захваченныя новою линіей, были утверждены за Россіей по кучук-кайнарджинскому миру (1774 г.); она получила Керчь, Ениколь и Кинбурнъ со всею областью между Бугомъ и Днѣпромъ, т. е. юговосточную часть новороссійскихъ степей (а также Азовъ и Таганрогъ)[2]). Такимъ образомъ, Россія твердою ногою ступила на азовское побережье. Одному изъ этихъ городовъ,—Таганрогу предстояла великая будущность. Это былъ 1-й шагъ къ расширенію, а вскорѣ послѣдовалъ и 2-й.

Въ 1783 г. былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ, а въ слѣдующемъ году рѣшено было устроить *новую линію крѣпостей*, для огражденія территоріи, вошедшей въ составъ русскаго государства, противъ

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хронол. обозр. I, 84—86; см. также П. С. Зак., т. XIX, № 13460 (ук. 10 мая 1770 г.); описаніе этой линіи у Гюльденштедта, Reisen durch Russland, II, 101—106.

[2]) Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) построенъ былъ, собственно говоря, еще при Петрѣ Вел., но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ только въ 1769 году; Зап. О. Общ., 3-й томъ, стр. 295—296.

Польши и Турціи, а именно—при впаденіи въ Днѣпръ р. Тясьмина, въ Ольвіополѣ (при впаденіи Синюхи въ Бугъ), при впаденіи Ингула въ Бугъ (т. е. на мѣстѣ нын. Николаева), Кинбурнъ, Херсонъ, Днѣпровскую крѣпость (на Збурьевскомъ лиманѣ) и, наконецъ, цѣлый рядъ различныхъ пунктовъ въ Крыму (Севастополь, Перекопъ и мн. др.). Благодаря этой новой линіи укрѣпленій прежніе передовые пункты (крѣпости украинской и днѣпровской линій, крѣпость св. Елисаветы и Таганрогъ) потеряли свое окраинное положеніе и сдѣлалось внутренними селеніями, что, конечно, должно было благопріятно отразиться на дальнѣйшемъ развитіи нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, Елисаветграда) [1]). Собственно говоря, всѣ эти укрѣпленія не имѣли важнаго значенія въ стратегическомъ отношеніи и они не представляли изъ себя крѣпостей въ точномъ смыслѣ этого слова и не могли бы, конечно, выдержать нападенія регулярной арміи; съ другой стороны они не могли исполнять такихъ функцій, какія нѣкогда несла, напр., украинская линія: имъ не приходилось уже защищать границы отъ набѣговъ мелкихъ непріятельскихъ партій, такъ какъ съ завоеваніемъ Крыма они прекратились; не удивительно, так. обр., что крѣпости на устьѣ р. Тясьмина, на Збурьевскомъ лиманѣ, остались въ проектѣ, и другіе только на время образовали пограничную черту, которая скоро, подобно предъидущимъ линіямъ, очутилась въ серединѣ, и ея мѣсто заняла такъ называемая *днѣстровская линія*, лежавшая еще дальше на западѣ.

2-ая турецкая война, какъ извѣстно, предоставила въ руки Россіи очаковскую область, обнимающую зап. часть нынѣшней херсонской губ. между Бугомъ и Днѣстромъ; по установившемуся обычаю предстояло теперь оградить и ее линіей пограничныхъ укрѣпленій; западная сторона ея должна была идти по Днѣстру отъ впаденія въ него Ягорлыка, т. е. прямо по нын. границѣ херсонской губ., а южная по морскому берегу до г. Очакова. Въ очаковской области до присоединенія ея къ Россіи было 4 города (Очаковъ, Аджидеръ—нынѣ Овидіополь, Хаджибей—Одесса и Дубоссары), около 150 селъ, населенныхъ татарами и молдаванами и ханскія слободы, заселенныя бѣглыми малороссіянами и великоруссами—раскольниками; но въ моментъ присоединенія край опустѣлъ. Мейеръ полагалъ, что тамъ было 120,000 населенія, цифра явно преувеличенная [2]); на самомъ дѣлѣ, какъ это видно

---

[1]) О немъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обозрѣніи славянской колонизаціи.

[2]) Мат. для оц. зем. херс. губ. I. 42.

изъ карты екатер. намѣстничества, составленной не ранѣе 1790 г., тамъ было 19,547 д. муж. пола [1]). Первыя мѣры, принятыя правительствомъ для заселенія новопріобрѣтенной отъ Турціи очаковской области, были слѣдующія. Екатерина II поручила губернатору Каховскому: прежде всего обозрѣть страну, раздѣлить ее на уѣзды, назначить мѣста подъ города и представить обо всемъ этомъ планъ; во 2-хъ, отводить землю какъ подъ казенныя слободы, такъ и для помѣщиковъ, но не свыше той нормы, которая установлена была для екатер. губ. съ обязательствомъ заселить эти земли; въ 3-хъ, слѣдить за тѣмъ, чтобъ казенныя селенія не смѣшивались съ помѣщичьими; въ 4-хъ, принять мѣры для поселенія арнаутовъ; въ 5-хъ, оказать особенное преимущество въ полученіи земель молдавскимъ боярамъ; это были, такъ сказать, обычныя средства Екатерины II и ея сотрудниковъ [2]).

Для приведенія въ исполненіе этихъ предначертаній была учреждена уже по смерти Потемкина, въ 1792 г., экспедиція строенія южныхъ крѣпостей, во главѣ которой поставленъ екатер. губ. Каховскій [3]); новыя крѣпости велѣно было строить—1) на Днѣстрѣ противъ Бендеръ (нын. Тирасполь), 2) на Днѣстровскомъ лиманѣ (нын. Овидіополь), 3) у Хаджибейскаго замка (нын. Одесса), на развалинахъ Очакова на линіи, идущей въ лиманъ. Военное значеніе этихъ пунктовъ было невелико (исключая Очакова). Въ этой новой русской области важнѣе всего была ея южная полоса, прилегавшая къ Черному морю. Здѣсь то на мѣстѣ турецкой кр. Хаджибей былъ основанъ городъ, которому суждено было занято 1-е мѣсто между всѣми городами Новороссійскаго края. Съ постройкою днѣстровской линіи явилась возможность сосредоточить свои заботы исключительно на мирныхъ культурныхъ задачахъ.

Устраивая новыя крѣпости въ Новороссійскомъ краѣ, правительство должно было позаботиться о контингентахъ на случай военныхъ дѣйствій. Для этой цѣли оно пользовалось разнообразными въ этнографическомъ отношеніи элементами—русскими (великороссіянами и малороссіянами) и иностранцами; и тѣ, и другіе обыкновенно представляли изъ себя въ краѣ военно-земледѣльческое населеніе; таковы были козачьи полки, расположенные по крѣпостямъ днѣпровской линіи,

---

[1]) Мат. для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ., Шмидта I, 59—60.

[2]) П. С. Законовъ т. XXIII, № 17018 (Указъ Каховскому отъ 26 янв. 1792 г.), Зап. Од. Общ. II, 770.

[3]) Скальковскаго. Хрон. обозр. I, 217—218.

потомки запорожцевъ—черноморское козачье войско, выходцы сербы, образовавшіе гусарскіе полки и другіе иностранные колонисты.

Дѣлая общую оцѣнку оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ Новорос. краѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ началѣ второй половины XVIII в. онѣ были еще довольно значительны, но потомъ мало по малу ослаблялись, дѣлаясь все менѣе необходимыми; въ особенности это нужно сказать о томъ періодѣ, который начался съ присоединенія Крыма къ Россіи; тогда исчезла необходимость мелкой оборонительной партизанской войны съ татарами; исчезла опасность постояннаго нападенія, которая угрожала осѣдлому земледѣльческому населенію. Правда, и послѣ 1783 г. наступило еще время, когда Новороссійскій край превратился въ какой то военный лагерь; но это вызвано было 2-ю турецкою войною, потребовавшею напряженія всѣхъ военныхъ силъ области; по окончаніи же войны, въ царствованіе Павла Петровича и Александра I-го главная забота была направлена къ развитію мирныхъ культурныхъ занятій подъ прикрытіемъ русскаго войска и флота. Но первые зачатки этой мирной, культурной такъ сказать, колонизація начались гораздо раньше, одновременно съ чисто военной; съ теченіемъ времени первая все болѣе и болѣе возрастала на счетъ послѣдней, пока не сдѣлалась господствующей. Не касаясь первыхъ шаговъ ея, имѣющихъ мѣсто въ царствованіе Елизаветы Петровны и началѣ царствованія Екатерины II, мы только остановимся на нѣкоторыхъ болѣе выдающихся фактахъ, относящихся ко времени кн. Г. А. Потемкина, который былъ назначенъ управителемъ Новорос. края въ 1774 г. и оставался въ этой должности до самой смерти своей въ 1791 г. При немъ и по его иниціативѣ были построены всѣ военныя укрѣпленныя линіи, кромѣ послѣдней днѣстровской. Онъ заботился, какъ мы увидимъ дальше, объ иностранной и народно-владѣльческой колонизаціи; но главная его заслуга состоитъ въ постройкѣ новыхъ городовъ, первое мѣсто среди которыхъ занимаютъ Херсонъ, Екатеринославъ и Николаевъ. Это были уже не только крѣпости, но и города въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, мы обращаемся теперь къ характеристикѣ правительственнаго *градостроенія*, которое нужно признать второю формою колонизаціонной дѣятельности правительства. Излагая важнѣйшіе факты, относящіеся къ этому дѣлу, мы будемъ помнить, что они должны намъ дать матеріалъ для опредѣленія заслугъ въ этомъ дѣлѣ самого Потемкина и его главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Первый городъ, построенный по инициативѣ кн. Потемкина, былъ Херсонъ; указъ императрицы объ его постройкѣ относится къ 1778 г. и былъ вызванъ желаніемъ имѣть новую гавань и верфь поближе къ Черному морю, такъ какъ прежнія, напр. таганрогская, представляли значительныя неудобства по своему мелководію. Еще въ 1775 г. послѣдовало повелѣніе объ устройствѣ гавани и верфи на Днѣпровскомъ лиманѣ при урочищахъ Глубокой Пристани и Александръ-Шанцѣ, но приведено въ исполненіе оно не было цѣлыхъ три года, такъ какъ затруднялись выборомъ мѣста. Въ 1778 г. императрица снова повелѣваетъ окончательно выбрать мѣсто для гавани и верфи на Днѣпрѣ и назвать его Херсономъ. Потемкинъ выбралъ Александръ-Шанцъ. Производство работъ было поручено потомку извѣстнаго негра и крестника Петра В. Ганнибалу. Въ его распоряженіе было дано 12 ротъ мастеровъ. Подъ будущій городъ было отведено значительное количество земли. Въ крѣпость его прислано 220 орудій. Высшее руководительство и главное начальство въ этомъ дѣлѣ было поручено кн. Потемкину [1]). Императрица въ это время ведетъ постояную переписку съ Потемкинымъ о новостроющемся городѣ. «Спасибо, голубчикъ, и весьма спасибо за расторопное распоряженіе о Херсонѣ; коменданство же смѣло изволь обѣщать Соколову; верфи же хотя на три корабля чаю довольно будетъ»... «Спасибо и премного спасибо, писала ему императрица въ другомъ письмѣ, за прилагаемое попеченіе о Херсонѣ, а лѣсу сейчасъ прикажу Кашкину тебѣ дать голубчику на строеніе»... «Батя, что касается до Херсона, читаемъ мы въ третьемъ письмѣ, то мнѣ все равно, гдѣ бъ не стоялъ, лишь бы остановки у работъ не было» [2]).

Біографъ Потемкина Самойловъ о постройкѣ Херсона сообщаетъ намъ такія подробности: первоначально былъ отправленъ, по его словамъ, для пріисканія мѣста подъ будущій городъ контръ-адмиралъ Шубинъ; но Потемкинъ донесъ императрицѣ, что выбранное имъ мѣсто ничѣмъ не защищено отъ Очакова. Императрица согласилась съ представленіемъ Потемкина и велѣла построить городъ въ 35 вер. отъ днѣпровскаго устья. Городъ строился подъ непосредственнымъ руководствомъ Потемкина, который хотѣлъ сдѣлать его столь же цвѣтущимъ и знаменитымъ, какъ древній Херсонесъ таврическій; онъ разсчитывалъ устроить въ немъ все то, что Петръ В. въ Петербургѣ,

---

[1]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 27-й, 155.
[2]) Ibidem, 155—156, 166.

несмотря на его зыбкій болотистый грунтъ (адмиралтейство, карантинъ, пакгаузъ). Постройка не представляла никакихъ затрудненій: каменоломня была почти въ самомъ городѣ, по Днѣпру привозили лѣсъ, желѣзо и всѣ необходимые матеріалы. Лежащія въ окружности города земли онъ раздавалъ для устройства загородныхъ домовъ, садовъ и т. п. Черезъ два года въ Херсонъ уже приходили корабли съ грузомъ подъ русскимъ флагомъ. Со всѣхъ сторонъ устремлялись сюда промышленные люди. Иностранцы завели въ немъ коммерческіе дома и конторы: французскія торговыя фирмы (барона Антуана и др.), а также польская (Заблоцкаго), константинопольская (Фродинга), австрійская (Фабри), русская (купца Масленникова)[1]). Очень важную роль въ расширеніи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Франціей игралъ баронъ Антуанъ; въ послѣднее время напечатана любопытная переписка его съ извѣстнымъ гр. Сегюромъ: въ одномъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «стремленіе наше пріобрѣтать русскія естественныя произведенія, удвоитъ производство ихъ, а изобиліе послѣднихъ быстро повліяетъ на увеличеніе народонаселенія, которое служитъ настоящимъ мѣриломъ благосостоянія государствъ[2])». Русскій зерновой хлѣбъ онъ отправлялъ въ Корсику, въ различные порты Прованса, въ Ниццу, Геную и, наконецъ, Барселону[3]). Тотъ же баронъ Антуанъ составилъ любопытный историч. очеркъ торговыхъ и морскихъ отношеній портовъ Чернаго и Средиземнаго морей; на основаніи его г. К. Юрченко написалъ ист.-статистическій очеркъ торговли г. Херсона[4]). Какъ видно изъ этого очерка, Антуанъ ѣздилъ въ Петербургъ и ходатайствовалъ о цѣломъ рядѣ льготъ для основываемой имъ французской компаніи въ Херсонѣ и вообще для иностранныхъ купцовъ; нѣкоторыя его просьбы были уважены (основаніе банковой конторы, свободный вывозъ хлѣба и лѣса и т. п.). Отправившись въ Польшу, Антуанъ предложилъ польскій товаръ отправлять не черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ, а по Днѣпру къ Аккерману и по Бугу — къ Очакову. Потомъ ему была оказана помощь французскимъ правительствомъ. 1-й его корабль прибылъ изъ Херсона въ 1784 году съ грузомъ конопли, пшеницы, чаю, льнянаго и конопляннаго сѣмени; онъ прислалъ туда солильщиковъ, бочара, свѣчнаго мастера и стро-

---

1) Зап. Од. Общ. XIII, стр. 156.

2) Ibidem, стр. 158.

3) Ibidem, стр. 159.

4) Ibidem, стр. 165—179.

ителя плотовъ. Многіе марсельскіе и херсонскіе купцы стали конкуррировать съ Антуаномъ въ торговлѣ съ южной Россіей и Польшей черезъ Черное море: въ теченіе года прибыло 20 судовъ изъ Херсона въ Марсель и 15 изъ Марселя въ Херсонъ. Торговля велась со Смирной, Ливорно, Мессиной, Марселемъ и Александріей. Энергичнымъ сотрудникомъ Потемкина былъ извѣстный Фалѣевъ. Простой кременчугскій купецъ, но энергичный, предпріимчивый, онъ не удовлетворился своею прежнею скромною дѣятельностью и рѣшился выйти на болѣе широкое и плодотворное поприще. Онъ предложилъ Потемкину на собственныя средства очистить днѣпровское русло у пороговъ, чтобы сдѣлать удобнымъ рѣчной путь изъ внутреннихъ областей государства къ Херсону. Цѣль не была достигнута, но, по словамъ Самойлова, уже въ 1783 г. прошли прямо въ Херсонъ изъ Брянска барки съ желѣзомъ и чугуномъ; также благополучно проходили суда съ провіантомъ; за это Фалѣевъ получилъ золотую медаль и дипломъ на дворянское достоинство [1]).

По словамъ современнаго изслѣдователя, въ Херсонѣ работало множество солдатъ, получавшихъ небольшое вознагражденіе отъ казны. Кораблестроеніе привлекло сюда кромѣ того множество вольныхъ рабочихъ, такъ что городъ все болѣе и болѣе возрасталъ. Съѣстные припасы привозились изъ польской и слободской Украины. Въ это же время началась въ Херсонѣ и заграничная торговля. Императрица, пріѣхавшая въ Херсонъ въ 1787 г., осталась очень довольна,—какъ это видно изъ письма ея къ ген. Еропкину,—и казармами, и крѣпостью, и каменными строеніями, и церковью, и адмиралтействомъ, и кораблями, и множествомъ разноязычнаго населенія [2]). Императоръ Іосифъ II, лично осмотрѣвшій Херсонъ, въ общемъ также остался доволенъ, но заявилъ, что большой торговли здѣсь никогда не будетъ [3]). Лица, нерасположенныя къ Потемкину, напр. Воронцовъ, отзывались дурно объ этомъ новомъ «колоссѣ», какъ его называла императрица. Спрашивается, какъ примирить противорѣчивыя извѣстія источниковъ? Какой взглядъ установить на постройку Херсона и на результатъ энергіи и заботъ самого Потемкина? [4]). Къ счастью, до насъ дошли

---

[1]) Рус. Архивъ. 1867 г. 1213—1215 стр.

[2]) Скальковскаго Хрон. обозр., I. 145, 190—191.

[3]) Брикнеръ. Иллюстр. ист. Ек. II, III, 416, IV, 616.

[4]) Краткій историческій очеркъ г. Херсона, составленный Чирковымъ, напечатанъ въ Пам. кн. херсонской губ. на 1864 г., прил. 1—17; упадокъ Херсона авторъ объясняетъ, на нашъ взглядъ совершенно основательно,—конкурренціей Николаева.

ордера кн. Потемкина, заключающіе себѣ свѣдѣнія о постройкѣ г. Херсона съ 1781 по 1785 г. включительно [1]). Они даютъ намъ возможность отвѣтить опредѣленно на нѣкоторые существенные вопросы, относящіеся къ этому дѣлу. Заботы Екатерины II о новомъ городѣ объясняются главнымъ образомъ желаніемъ устроить въ немъ адмиралтейство, такъ какъ Азовъ и Таганрогъ не представляли значительныхъ удобствъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того въ Херсонѣ должна была быть воздвигнута хорошая крѣпость и коммерческая гавань.

Таковъ былъ проектъ, внушенный императрицѣ Потемкинымъ. Новый городъ долженъ былъ дѣйствительно вырости, какъ бы изъ подъ земли, по мановенію руки всесильнаго князя. Въ своемъ ордерѣ строителю Ганнибалу онъ, между прочимъ, писалъ, что «вся ожидаемая отъ сего знаменитаго для государственнаго зданія (г. Херсона) польза состоитъ въ томъ, чтобы оное со всею возможною поспѣшностью, до наступленія осени если не совсѣмъ отстроилося, то по крайней мѣрѣ всѣ земляныя работы, обезпечивающія тѣ мѣста, были дѣйствительно кончены» [2]). Конечно, такъ быстро построить городъ оказалось невозможнымъ. Съ такою же лихорадочною поспѣшностью производились работы и въ послѣдующее время: Потемкинъ ожидалъ императрицу въ 1784 г., какъ это видно изъ ордера его на имя Ганса. «Чтобъ успѣшнѣе шло производство строеній въ Херсонѣ, то я за нужное считаю, не обременяя васъ другими дѣлами, оставить при одномъ строеніи, которое и рекомендую стараться всѣми мѣрами умножить и совершенно въ томъ успѣть, ибо ея имп. вел. въ будущемъ лѣтѣ самолично въ Херсонѣ быть изволитъ» [3]). Также заботился Потемкинъ и о быстрой постройкѣ кораблей. «Между тѣмъ подтверждаю вамъ, писалъ онъ капитану надъ портомъ Муромцеву, и еще употребить возможное стараніе, чтобъ работы корабельныя шли съ крайнею поспѣшностью, въ чемъ и присылать ко мнѣ еженедѣльно подробные рапорты.... Забота моя о производствѣ сего дѣла тѣмъ для меня важнѣе, что непремѣнная ея имп. вел. есть воля о крайнѣйшемъ въ томъ поспѣшеніи» [4]). Всѣ помыслы кн. Потемкина были направлены къ тому, чтобъ новый городъ понравился императрицѣ. Недостатка въ деньгахъ быть не могло—Потемкину были предоставлены чрезвычайныя полномочія

[1]) Они напечатаны въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XI, 324—377.

[2]) Скальковскаго, Хр. обоз., I, 135.

[3]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XI, 342.

[4]) Ib. 344.

и онъ почти безконтрольно распоряжался суммами. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, во что обошлась правительству постройка новаго «колосса», но, судя по тѣмъ цифрамъ, которыя постоянно встрѣчаются въ Потемкинскихъ ордерахъ, можно думать, что сумма эта была весьма значительна. Приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ расходовъ. Ежегодно оставалась извѣстная сумма на производство крѣпостнаго строенія; въ 1782 г., напр., на сентябрьскую треть ассигновано болѣе 155,000 руб.; но, независимо отъ этого, многіе десятки тысячъ рублей отпускались въ возвратъ долга адмиралтейской суммы (б. 60,000 руб.); въ 1781 г. есть извѣстіе объ израсходованіи б. 420,000 руб.; большія суммы затрачивались особо на покупку и доставку корабельныхъ лѣсовъ (въ 1783 г.—50,000 р.), на наемъ плотниковъ (на треть 1785 г. 60,000 руб.) и т. п. Въ 1784 г. по выс. повелѣнію была отпущена для херсонскаго адмиралтейства экстраор. сумма въ размѣрѣ б. 1,533,000 р. сверхъ тѣхъ денегъ, которыя были выданы раньше на это дѣло и отпускались по штату ежегодно. «Что принадлежитъ до мѣстъ асигнованія, пишетъ Потемкинъ Вяземскому, то не представляется мнѣ ни малаго затрудненія въ полученіи оныхъ изъ окрестныхъ къ Херсону губерній; оттуда и могу я прямо назначить подлежащія суммы кому оныя будутъ слѣдовать». Вообще на экстраор. траты Потемкинъ получалъ и экстраор. суммы: напр., на переселеніе церковниковъ и калмыковъ 200,000 р. Потемкинъ не затруднялся въ полученіи необходимыхъ суммъ: онъ требовалъ и получалъ ихъ изъ петерб. и моск. казначейства и разныхъ казенныхъ палатъ (орловской, курской, харьковской и др.). Можно сказать, что вся Россія несла спеціальныя повинности въ пользу предпріятій свѣтл. князя. Кромѣ денегъ къ его услугамъ были и рабочія руки, и техники, и спеціалисты. Будучи генералъ-губерн. громаднаго Новорос. края, онъ, естественно, могъ и самъ выбирать необходимыхъ ему лицъ; но, кромѣ того, и правительство приходило въ этомъ отношеніи къ нему на помощь, такъ что онъ не могъ пожаловаться на внѣшнія препятствія для исполненія своихъ намѣреній. Къ его услугамъ были и войска, и казенные и вольные рабочіе. Для расчистки днѣпровскаго форватера у пороговъ отряжено было три пѣхотныхъ полка; для работъ въ Херсонѣ употреблялись солдаты и рекруты; для производства корабельнаго строенія постоянно нанимались въ Петербургѣ, Олонцѣ и др. мѣстахъ плотники (б. 1000 чел.) и присылались казенные охтенскіе плотники; для того же херс. адмиралтейства присылались рекруты изъ Казани; изъ Москвы отпускались нѣмцы—кузнецы и т. д. Являлись по требованію Потемкина не

только простые рабочіе, но и ученые спеціалисты: врачи (изъ азовской и новорос. губ.), садовники, живописцы и т. п. «Пріѣхавшаго изъ Петербурга живописца Федора Данилова, пишетъ Потемкинъ Гансу, употребить слѣдуетъ для писанія вновь построенной залы въ Херсонѣ, о чемъ дайте ему знать, препоруча ему ту работу и опредѣля въ помощь живописцевъ изъ Петербурга въ Херсонъ привезенныхъ». Мало того,—кромѣ денегъ и рабочихъ, Потемкинъ получалъ необходимые ему предметы натурою,—отобранныя отъ запорожцевъ ружья (изъ крѣп. св. Елизаветы), порохъ и селитру (изъ кіевскаго цехгауза) артиллерію съ разными припасами (изъ крѣп. св. Елизаветы). Понятное дѣло, что при такомъ изобиліи средствъ, при спѣшности постройки, контроль надъ истрачиваемыми суммами не могъ быть значителенъ. Несмотря на то, что лица, завѣдывавшіе постройками, кромѣ жалованья, получали и значительныя прибавки изъ суммъ, назначенныхъ для херсонскаго строенія, бывали случаи злоупотребленій въ расходованіи денегъ. Въ этомъ былъ изобличенъ и одинъ изъ строителей полк. Гансъ, которому Потемкинъ писалъ: «Представленныя отъ васъ вѣдомости и книги расходовъ экстраординарной суммы ведены весьма безпорядочно и съ таковымъ смѣшеніемъ, что при выдачахъ казенныхъ рядомъ написаны партикулярныя». Спѣшность работъ должна была вредно отзываться и на самомъ качествѣ производимыхъ предметовъ. Такъ оказывается, напр., что суда строились изъ сырого не высохшаго еще лѣсу и потому быстро портились и дѣлались никуда негодными. Итакъ, постройка Херсона велась на широкую ногу и потому обошлась она правительству страшно дорого. Справедливость требуетъ сказать, что самъ Потемкинъ былъ истиннымъ руководителемъ этого дѣла, заботился о скорѣйшемъ окончаніи его, и заботился не только о важныхъ, но и мелочныхъ обстоятельствахъ, къ нему относящихся, и не трудно догадаться, что главнымъ двигателемъ его было честолюбіе и славолюбіе. Онъ не допускалъ критики, которая могла бы омрачить «оригинальную славу» императрицы и его самого. Весьма характерный въ этомъ отношеніи фактъ—это его ордеръ главному доктору Самойлову. «Въ Моск. Вѣд.» сего года подъ № 74 въ артикулѣ «изъ Херсона» нашелъ я объявленіе Вашего сочиненія: описаніе подробное херсонскихъ болѣзней. Еще неизвѣстно, будетъ ли сдѣлано таковое «описаніе» и послужитъ ли оное къ пользѣ общей, но подобныя объявленія обнародываемыя дѣлаютъ весьма худое впечатлѣніе о странѣ той, особливо жъ по далекому ея состоянію. Итакъ, желалъ бы я, чтобъ извѣстія о болѣзняхъ тамошнихъ вступали въ публику

ie прежде, какъ вмѣстѣ съ описаніемъ свойства ихъ и надежныхъ средствъ, противъ нихъ употребляемыхъ». Рѣчь идетъ здѣсь о весьма щекотливомъ предметѣ для Потемкина—повальной заразительной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Херсонѣ, благодаря его болотистой почвѣ; и вотъ свѣт. князь боится, какъ бы сообщаемыя въ книгѣ Самойлова факты не уронили его дѣятельности въ глазахъ императрицы, какъ бы этимъ не воспользовались тѣ, которые скептически относились къ этому новому колоссу, основанному, подобно Петербургу, на болотахъ; въ результатѣ и явился ордеръ, заключающій въ себѣ косвенное цензорское veto, такъ какъ ни Самойловъ, ни тогдашняя медицинская наука не знали вѣрныхъ средствъ противъ болѣзни.

Потемкинъ достигъ той цѣли, къ которой стремился впродолженіи 9 лѣтъ: императрица осталась довольна Херсономъ. И дѣйствительно, говоря вообще, безотносительно къ затратамъ, за 8—9 лѣтъ сдѣлано было очень много [1]). Путешественникъ Измайловъ, посѣтивши Херсонъ въ началѣ XIX в., говоритъ о г. Херсонѣ, какъ объ очень торговомъ пунктѣ, и указываетъ на предметы вывоза и ввоза [2]) Другой иностранный путешественникъ къ этому прибавляетъ, что Херсонъ болѣе походилъ на городъ, чѣмъ Николаевъ; «домы здѣсь гораздо выше и улицы тѣснѣе; впрочемъ, также худо выстроенъ; жителей въ немъ гораздо болѣе, нежели въ Николаевѣ. Здѣсь производится важная торговля строевымъ лѣсомъ. На набережной, которая простирается на цѣлую милю, видны большіе анбары сего лѣса. Здѣсь строятъ военные корабли; я видѣлъ одинъ о 110 пушкахъ, приготовленный къ спуску въ воду. Здѣсь столько же находится жидовъ, какъ и въ Николаевѣ—и они здѣсь также бѣдны» [3]). Но надежды, возлагаемыя на новый городъ, все таки не оправдались: со взятіемъ Очакова и построеніемъ Николаева, значеніе Херсона, какъ крѣпости и адмиралтейства, пало, а между тѣмъ на устройство его укрѣпленій и верфи были затрачены громадныя суммы. Въ николаевскомъ инженерномъ архивѣ морск. вѣдомства хранится топограф. планъ херсонской крѣпости и адмиралтейства за время съ 1808 по 1828 г. Изъ описанія ихъ, составленнаго г. Чирковымъ, видно, въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ они были устроены. И что же? «Изъ всѣхъ этихъ строеній,

---

[1]) См. выдержки изъ различныхъ отзывовъ о Херсонѣ во время пребыванія тамъ императрицы въ ст. Брикнера „Путеш. Екат. въ Крымъ“ (Ист. Вѣстн. 1885 г. сентябрь, 478—487).

[2]) Пут. въ пол. Рос., II. стр. 186—188.

[3]) Письма о Крымѣ...., стр. 42.

бывшихъ въ обширномъ и образцовомъ херсонскомъ адмиралтействѣ, дорого стоющихъ государству, почти не осталось ни одного... Бывшія адмиралтейскія строенія (исключая немногихъ, получившихъ тѣ или иныя назначенія), обширная деревянная набережная, бревенчатый полисадъ на валу вокругъ всего адмиралтейства и даже каменныя стѣны были проданы на сносъ съ публичнаго торга, и поэтому въ настоящее время сохранилось объ нихъ только темное преданіе, которому немногіе даже и вѣрятъ» [1]). Sic transit gloria mundi! Невольно припоминаются при этомъ слова австрійскаго имп. Іосифа II, что мѣсто для Херсона было выбрано неудачное, что слѣдовало бы построить городъ на 30 верстъ ближе къ морю, и что при настоящемъ положеніи дѣла въ немъ никогда не будетъ процвѣтать торговля. Сегюръ и Палласъ также не одобряли выбраннаго Потемкинымъ мѣста подъ городъ. И дѣйствительно, онъ не только не сдѣлался другимъ Амстердамомъ, но торговля его развивалась довольно туго и онъ уступалъ въ этомъ отношеніи Таганрогу и Очакову; въ 1794 г. въ Таганрогъ привезено было иностранныхъ товаровъ на 156,058 р., а вывезено на 439,011 р., въ Очаковъ—привезено на 244,340 р., а вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—вывезено на 148,433 р.; между тѣмъ Николаевъ, который былъ построенъ 11 годами позже, отпускалъ въ это время товаровъ на 106,532 р., т. е. немногимъ менѣе Херсона [2]). Не говоримъ уже, что надежда сдѣлать Днѣпръ судоходнымъ у пороговъ не оправдалась и что чума едва было не погубила дѣла заселенія города въ самомъ его началѣ, во всякомъ случаѣ крайне тормозила его успѣшный ходъ: переселенцы и мастеровые изъ центральныхъ губ. Россіи страшно болѣли отъ непривычнаго климата и болотнаго воздуха при отсутствіи сносныхъ помѣщеній и т. п.

Обобщая все сказанное о Херсонѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ мѣстности, на которой Потемкинъ рѣшилъ воздвигнуть Херсонъ, не было задатковъ для великаго будущаго. Потемкину удалось съ поразительною быстротою построить городъ, но для этого понадобились громадныя средства отъ государства и населенія, которыя не окупились впослѣдствіи; ошиблась Екатерина, которая писала, что Херсонъ будетъ все болѣе и болѣе развиваться; его быстрый, сказочный ростъ былъ искусственный, онъ выросталъ не благодаря самому себѣ, какъ ростутъ многіе американскіе города, а благодаря помощи, ока-

---

[1]) Зап. Им. Од. Общ. Ист. и Др., XII, 477—481.

[2]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр. I, 233.

зываемой ему могущественнымъ княземъ Тавриды, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ императрицы и желавшимъ блеснуть передъ нею, всей Россіей и даже Европой своею неусыпной дѣятельностью.

Обратимся теперь къ постройкѣ другаго города, который долженъ былъ составить славу Екатеринѣ — Екатеринослава. Исторія этой постройки въ высшей степени характерна. Мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на ней слишкомъ долго, такъ какъ отпразднованный въ позапрошломъ году 100-лѣтній юбилей города вызвалъ на свѣтъ 3 работы, посвященныя исторіи основанія и первыхъ годовъ жизни Екатеринослава [1]. Начать съ того, что Екатеринославъ нѣсколько разъ переходилъ съ одного мѣста на другое. 1-й Екатеринославъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи р. Кильчени въ Самару. Построенъ онъ былъ по проекту азовскаго губ. Черткова (въ 1777 г.), но въ 1786 г. Потемкинъ, который и прежде не желалъ устраивать его на р. Самарѣ, издалъ ордеръ о перенесеніи Екатеринослава (переименованнаго еще раньше въ Новомосковскъ) на новое, болѣе возвышенное мѣсто, такъ какъ на прежнемъ онъ постоянно страдалъ отъ наводненій. И дѣйствительно, Екатеринославъ 1-й, иначе Новомосковскъ, считавшій въ 1781 г. 2194 души (въ томъ числѣ 270 д. купцовъ), на основаніи ордера Потемкина, сталъ расходиться врознь; «въ городѣ Новомосковскѣ жителей, кромѣ городничаго съ штатною командою съ ротою солдатъ и нѣкотораго числа канцелярскихъ служителей, нынѣ уже никого не имѣется; всѣ разошлись по разнымъ мѣстамъ», говорится въ одномъ документѣ. Новомосковскъ былъ переведенъ далѣе вверхъ на р. Самарѣ на свое нын. мѣсто, гдѣ было с. Новоселица, а губернскій городъ Екатеринославъ, по мысли Потемкина, долженъ былъ основаться на правомъ берегу Днѣпра на мѣстѣ запорожск. села Половицы, гдѣ онъ находится и теперь [2]. Но раньше чѣмъ были сдѣланы необходимыя постройки въ новомъ городѣ, прежнее населеніе его и администрація временно пріютились въ одномъ изъ предградій, форштатовъ будущаго города «Новыхъ Кайдакахъ», въ которомъ населеніе сильно увеличилось и онъ именовался иногда даже въ оффиціальныхъ бумагахъ Екатеринославомъ [3]. Первый указъ о постройкѣ Екатеринослава на правомъ берегу Днѣпра у Кай-

[1] Егорова, Екатеринославское блуканіе, Е. 1887 г.; Владимірова, Первое столѣтіе Екатеринослава (матеріалы для истор. очерка). Е. 1887 г.; К. Королькова, Столѣтній юбилей Екатеринослава, Е. 1887 г.

[2] Мат. для ист.—стат. оп. екат. еп., Е. 1880 г., 306—318. Владиміровъ, 11—20.

[3] Мат. для ист. ст. оп. ек. еп. I, 25—40.

данова относится еще къ 1784 г.[1]); но самая постройка его началась позже. Новый городъ, по проекту Потемкина, долженъ былъ служить къ вящщей славѣ Екатерины и потому планировали его въ необычайныхъ размѣрахъ: городъ долженъ былъ находиться между 2 форштатами — Старымъ и Новымъ Кайдаками и заключать въ себѣ пространство въ 300 кв. верстъ; одного выгона для скота предполагалось отвести 80,000 десятинъ; улицы должны были быть шириною въ 30 саж. (теперь всей земли у города немного болѣе 5,000 дес., а проектированную ширину имѣютъ только двѣ улицы). Сохранился проектъ городскихъ построекъ, написанный собственноручно Потемкинымъ, ярко рисующій намъ грандіозные замыслы князя Тавриды (поданъ за 3 мѣсяца до отъѣзда императрицы въ ея путешествіе). «Всемилостивѣйшая Государыня, гдѣ же, индѣ, какъ не въ странѣ, посвященной славѣ вашей, пишетъ Потемкинъ, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А потому я предприналъ проекты составить, достойные высокаго сего города названію. Во первыхъ представляется, въ подражаніе св. Павла, что въ Римѣ (очевидно П. хотѣлъ сказать св. Петра), тутъ храмъ великолѣпный, посвященный Преображенію Господню, въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ и обиталище звѣрей въ благопріятное обиталище людямъ, изъ всѣхъ странъ текущимъ. Судилище, на подобіе древнихъ базиликъ, въ память полезныхъ вашихъ узаконеній. Лавки полукружіемъ, на подобіе пропилей или предудверій афинскихъ, съ биржею и театромъ посерединѣ. Палаты государскія, гдѣ жить и г. губернатору, во вкусѣ греческихъ и римскихъ зданій, имѣя посрединѣ великолѣпную и пространную сѣнь. Архіепископія при соборной церкви Преображенія съ дикастеріей и духовной школой. Какъ сія губернія есть военная, то въ призрѣніе заслуженнымъ престарѣлымъ воинамъ — домъ инвалидной со всѣми возможными выгодами и съ должнымъ великолѣпіемъ. Домъ губернаторской, вице-губернаторской, домъ дворянской и аптека, фабрика суконная и шелковая. Университетъ купно съ академіею музыкальной или консерваторіей. Для всѣхъ сихъ строеній довольно всякихъ припасовъ заготовлено, на что употребится 200,000 руб. оставшіеся отъ экстраординарныхъ суммъ» [2]).

---

[1]) П. С. З. т. XXII, № 15910 (ук. отъ 22 янв. 1784 г.).

[2]) Рус. Архивъ, 1865, стр. 394—395.

Въ новомъ городѣ велѣно было немедленно учредить университетъ съ академіею художествъ [1]); назначенъ былъ директоромъ консерваторіи знаменитый музыкантъ Сарти; сохранился любопытный контрактъ съ нимъ кн. Потемкина.

«Быть мнѣ, говоритъ Сарти, директоромъ музыки при учреждаемомъ въ г. Екатеринославѣ университетѣ; обучать тамъ сочиненіе оной и самому сочинять музыкальныя пьесы, *въ какихъ будетъ надобность*, и за сіе получать мнѣ жалованья годоваго.... по 3500 руб. въ годъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ и 1,500 руб. прогоновъ» [2]); на службу въ неосуществившійся университетъ были зачислены, кромѣ того, профессорами Ливановъ и Прокоповичъ, преподавателями живописи Неретинъ и Бухаровъ и исторіографомъ капитанъ французской службы de Guienne [3]), которые и получали жалованье по штату (всего ассигновано было съ 1785 года болѣе 20,000 руб.). На постройку университета назначено было 300,000 руб. [4]). Разсчитывали, что въ этомъ университетѣ съ академіей художествъ и музыки, съ училищемъ хирургическимъ и народною схолою «по сосѣдству Польши, Греціи, земель Воложской, Молдавской и народовъ Иллирическихъ, множество притечетъ юношества обучаться».

Но не однѣ науки и искусства должны были процвѣсти въ новомъ городѣ: въ немъ должна была зародиться, по мановенію всесильнаго вельможи, и промышленность: большія суммы (340,000 руб.) были ассигнованы на устройство казенной фабрики съ 2 отдѣленіями—суконнымъ и шелково—чулочнымъ [5]). Въ своемъ донесеніи императрицѣ Потемкинъ указываетъ на громадную пользу, которую принесетъ эта фабрика Россіи, которая превзойдетъ въ количествѣ суконъ всѣ прочія государства, «а посредствомъ дворянъ-учениковъ это ремесло разойдется по всей Россіи, шелкъ будетъ хорошаго качества и дешевъ; «колоніи ремесленниковъ, говоритъ въ заключеніе своего донесенія Потемкинъ, фабриканты въ большомъ числѣ, находятся у меня теперь въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ожиданіи построенія жилищъ въ Екатеринославѣ, которыя въ будущей осени поспѣютъ, и они на судахъ

---

[1]) П. С. Зак. т. XXII, № 16057 (ук. 4 сент. 1784 г.).

[2]) Зап. Одеск. Общ. IV, 375.

[3]) Ibidem, 376, 377.

[4]) Зап. Одес. Общ. II, 332 и 774.

[5]) Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 444—445; всѣхъ фабрикъ въ Екатеринославѣ предполагалось 12.

Днѣпромъ съ инструментами доставятся въ свое мѣсто» [1]). Въ 1787 г. императрица, во время своего извѣстнаго путешествія, посѣтила Екатеринославъ и заложила грандіозный соборный храмъ, который по величинѣ своей долженъ былъ превосходить храмъ св. Петра въ Римѣ: на 1 аршинъ длиннѣе послѣдняго [2]).

Что же вышло изъ всѣхъ этихъ грандіознѣйшихъ проектовъ? Отвѣтимъ кратко: очень мало. Программа тѣхъ величественныхъ сооруженій, которыя проектировалъ свѣтлѣйшій, осуществилась въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ (дворецъ Потемкина и нѣк. др.); чулочная фабрика закрыта была очень скоро, а суконная кое какъ протянула до 1836 г; соборъ, заложенный Екатериной, не былъ выстроенъ: дѣло ограничилось однимъ фундаментомъ, который обошелся казнѣ въ 71,102 р.; сбылось такимъ образомъ предсказаніе Сегюра, что въ этомъ соборѣ никогда не будетъ службы; правъ былъ отчасти и императоръ Іосифъ II, который сказалъ, что онъ съ императрицей совершилъ великое дѣло: она положила 1-й камень новаго города, а онъ 2-й и послѣдній. Университетъ съ академіей и другими учрежденіями никогда не осуществился; профессора его напрасно получали жалованье, исключая, б. м., одного Сарти, который исполнилъ свою обязанность, указанную въ контрактѣ: составилъ торжественную кантату для встрѣчи императрицы; заготовленные для построекъ матеріалы были частью проданы съ публичнаго торга, а частью получили другое назначеніе. «Такимъ образомъ, говоритъ преосв. Гавріилъ, все разлилось въ разныя стороны; въ самое краткое время всего лишился Екатеринославъ; златомъ сіять надѣявшійся, онъ превратился въ сосудъ глиняный, или въ ту самую *Половицу*, на мѣстѣ которой основался» [3]).

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Екатеринославѣ было 2201 д. муж. пола, въ томъ числѣ 277 д. купцовъ, 874 д. мѣщанъ и цеховыхъ и 1050 д. разночинцевъ [4]), а въ 1800 г.—только 2634 д. *обоего пола*, т. е абсолютная цифра уменьшилась; въ 1804 г. 6389 д., въ 1825 г.—8412 д.., т-е въ теченіе 25 лѣтъ текущаго столѣтія населеніе болѣе чѣмъ утроилось, хотя все таки абсолютная цифра его была не велика [5]). Положеніе екатеринославскаго купече-

---

[1]) Рус. Архивъ 1865, стр. 66—68.

[2]) Ibidem, стр. 869.

[3]) Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 458—459.

[4]) Зап. Од. Общ., III, стр. 289;

[5]) Владимірова. Первое стол. г. Екатеринослава, стр. 212—213;

ства въ первые годы существованія города было очень печальное; яркими красками рисуется оно въ прошеніи, которое предполагалось подать гр. Зубову; лица, стоявшія во главѣ управленія и желавшія сдѣлать Екатеринославъ достойнымъ его высокаго назначенія, всячески обнадеживали поселенцевъ разными льготами, но этихъ льготъ въ дѣйствительности не оказывалось, въ особенности это нужно сказать о времени Павла Петровича; для усиленія коммерціи было открыто въ городѣ 4 ярмарки, но купцовъ на нихъ не было [1]). Да и могло ли быть иначе? Неудача объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что хотѣли искусственно, однимъ почеркомъ пера, создать то, для чего потребны были благопріятныя мѣстныя условія; но объ этихъ условіяхъ не справлялись; наоборотъ, въ особенную заслугу думали себѣ вмѣнить постройку знаменитаго города въ пустынной мѣстности, у болота; и вотъ, когда золотой дождь въ видѣ правительственныхъ ассигновокъ, прекратился,—и науки, и искусства, и промыслы, и торговля такъ и остались въ проектѣ.

Представимъ теперь, наконецъ, нѣкоторыя данныя о постройкѣ г. Николаева. Еще въ 1784 г. приказано было построить крѣпость при впаденіи Ингула въ Бугъ, но она почему то построена не была. Въ 1787 г. турки очаковскаго гарнизона, по преданію, разорили находившуюся на р. Бугѣ, недалеко отъ впаденія въ него р. Ингула, дачу иностранца Фабри; этотъ послѣдній просилъ казну вознаградить его за убытки; для опредѣленія ихъ былъ отправленъ извѣстнымъ уже намъ Фалѣевымъ офицеръ, который донесъ ему, что возлѣ Фабровой дачи есть мѣсто, удобное для верфи. Въ 1788 г., по приказанію Потемкина, въ небольшой деревнѣ Витовкѣ были построены казармы и госпиталь, а на р. Ингулѣ заведена верфь. Постройка зданій и судовъ была поручена Фалѣеву, а сотрудниками его были архитекторъ Варезетъ, Бестужевъ, Старовъ, Де-Воланъ и др. Самое основаніе г. Николаева мы относимъ къ 27 августа 1789 г., потому что этимъ именно годомъ, мѣсяцемъ и числомъ помѣченъ ордеръ Потемкина на имя Фалѣева такого содержанія: «Фаброву дачу имяновать Спаское, а Витовку Богоявленское, новозаводимую верфь на Ингулѣ городъ Николаевъ» [2]); Высочайшее повелѣніе о наименованіи новаго города

---

[1]) Ibidem, стр. 103—105, 145—150.

[2]) Зап. Од. Общ., II, 672; А. А. Скальковскій высказалъ мнѣніе, что Николаевъ получилъ начало 28 марта 1789 г., и ссылается на архивъ черном. гидрограф. депо, откуда онъ перепечаталъ и во 2-мъ томѣ Зап. Од. Общ.; окончательно разрѣшитъ этотъ вопросъ тотъ, кто наведетъ справку въ этомъ архивѣ.

Николаевомъ послѣдовало только въ 1790 г.[1]). Свое имя онъ получилъ по имени перваго корабля св. Николая, построеннаго на его верфи. Въ томъ же 1790 г. послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ устройствѣ въ Николаевѣ адмиралтейства и верфи. «Глубина р. Ингула, при впаденіи ея въ Бугъ, говоритъ авторъ исторіи черноморскаго флота Аркасъ, много способствовала къ построенію тамъ верфи для сооруженія судовъ большаго ранга.... Херсонская верфь, хотя была также удобна какъ николаевская, но мелководіе гирлъ препятствовало выводить изъ Херсона въ море большаго ранга суда... и потому постепенно начали переводить изъ Херсона въ Николаевъ сначала главнаго командира, правленіе черноморскаго флота и кадетскій корпусъ, потомъ нѣкоторыя мастерскія и, наконецъ, въ 1824 г. уничтожили въ Херсонѣ адмиралтейство и перевели въ Николаевъ» [2]). Найдя новый удобный пунктъ, Потемкинъ рѣшается устроить здѣсь городъ, портъ и адмиралтейство. Сохранился въ высшей степени интересный проектъ Потемкина о постройкахъ въ Николаевѣ. Рѣшено было адмиралтейство изъ Херсона перевести въ Николаевъ, такъ какъ въ немъ и вода, и воздухъ чище, а въ Херсонѣ оставить одни только магазины и постройку мелкихъ судовъ, которые могутъ проходить безъ камелей; сначала предполагали сдѣлать доки и деревянную гавань на р. Бугѣ, но вслѣдствіе дороговизны отказались отъ этой мысли и рѣшили оставить адмиралтейство и верфь на Ингулѣ, а на Бугѣ имѣть только докъ; всѣ необходимые для адмиралтейства магазины, мастерскія и набережную предполагалось построить изъ лѣса, заготовленнаго въ с. Мошнахъ (кiев. губ.); число казармъ увеличить; на Бугѣ и лиманѣ повбивать сваи, чтобы суда могли тянуться и въ плохую погоду; для привлеченія иностранцевъ къ поселенію въ Николаевѣ исходатайствовать на 20 лѣтъ портофранко; ярославскихъ каменьщиковъ, купленныхъ у Мещерской, сдѣлать казенными и пріохочивать къ поселенію въ Николаевѣ; заниматься постройкою судовъ, чтобы довести число ихъ до предположенной нормы; составить для гребнаго флота приморскій гренадерскій корпусъ, которому имѣть постоянныя квартиры въ Николаевѣ; въ мирное время онъ долженъ былъ заниматься работами въ портѣ или же гнать лѣса по лиману; для того, чтобы никогда не было недостатка въ мастеровыхъ, учить женатыхъ рекрутъ плотничьему и другимъ ремесламъ, необходимымъ въ адмиралтействѣ, и

[1]) Зап. Од. Общ., II, стр. 769.

[2]) Начало учрежд. рос. флота на Черномъ морѣ (Зап. Од. Общ., IV, 285).

поселить изъ нихъ 3,000 (а также 1,000 каменьщиковъ) на казенныхъ участкахъ и на земляхъ, которыя нужно купить у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (у разныхъ владѣльцевъ около Николаева, у Безбородка близь Херсона, у ген. Соймонова на устьѣ Ингульца у Глубокой пристани, гдѣ построенъ литейный заводъ для переливки негодныхъ пушекъ и ядеръ, на Бугѣ у Русской косы, противъ Николаева и Богоявленска на той сторонѣ Буга, на Ингулѣ на дачѣ помѣщика Ларія); въ бугскихъ порогахъ завести водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ и оружейнаго завода; построить противъ Богоявленска купальню въ томъ мѣстѣ, гдѣ криница; завести въ удобномъ мѣстѣ канатный заводъ «безъ затѣй»; для сплава лѣса изъ Херсона въ Николаевъ построить плашкоуты; для пристанища байдаковъ и плотовъ во время шторма подѣлать пристани на Глубокой и ниже Станиславова; вымѣрять дно Буга и Ингула до Березани; сдѣлать при николаевской верфи кузницу и токарню; распахать какъ можно больше земли возлѣ Николаева, для чего сдѣлать еще 20 плуговъ, а въ Богоявленскѣ завести земледѣльческое училище съ аптекарскимъ садомъ подъ дирекціей проф. Ливанова, учениковъ же въ него опредѣлять изъ рядовыхъ солдатъ или женатыхъ поповичей; на копанкахъ поселить женатыхъ военныхъ, неспособныхъ къ службѣ, въ Богоявленскѣ всѣхъ заштатныхъ церковниковъ; такое же населеніе, а также безпаспортные выходцы изъ Польши и бродяги, должны устроиться въ Воскресенскѣ и Покровскѣ; служащимъ въ адмиралтействѣ отводить землю подъ хутора въ окрестностяхъ города; насаждать при адмиралтейскихъ поселкахъ лѣсъ; давать жалованье адмиралтейскимъ рабочимъ; для молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ морскую службу, построить въ городѣ училище навигаціи на 360 чел. дворянъ и на столько же разночинцевъ, которые будутъ выходить въ штурмана, шкипера и др. подобныя должности. Завести небольшое училище кораблестроенія и снабдить его новѣйшими англійскими и французскими книгами; для отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ основать монастырь Спасо-Николаевской лавры и дать туда колоколъ въ 1000 пудовъ, перелитый изъ колокола Межигорскаго монастыря; доходы съ лавокъ, выстроенныхъ у биржи, съ погребовъ, трактира и кофейной употребить на церковь св. Григорія и на причтъ ея, а сосуды дать туда монастырскіе; построить инвалидный домъ и такой госпиталь, въ которомъ могли бы лечиться и херсонскіе больные, такъ какъ здѣшнее мѣсто и вода несравненно здоровѣе херсонскихъ; въ Богоявленскѣ и Николаевѣ всѣ фонтаны

обдѣлать мраморомъ и устроить торговую турецкую баню; въ Николаевѣ ничего не строить деревяннаго, а если есть мазанки, то ихъ оштукатурить; разнымъ лицамъ, оказавшимъ услуги при устройствѣ города и края, дать награды и пенсіи (оберъ-интенданту Аѳанасьеву, проф. Ливанову за находку серебряной руды, каменнаго угля, мрамора и красокъ, архитектору Ванрезани). Изъ отвѣтныхъ донесеній Фалѣева мы узнаемъ, что въ Богоявленскѣ садили разныя деревья (дубы и т. п.) и виноградъ, отысканный въ Очаковѣ; для приведенія въ благоустройство города Фалѣевъ ходатайствовалъ объ учрежденіи и полиціи [1]).

Нельзя не замѣтить, что при устройствѣ Николаева Потемкинъ дѣйствовалъ нѣсколько иначе, чѣмъ при постройкѣ Екатеринослава и Херсона. Здѣсь меньше желанія произвести эффектъ, больше исполнимыхъ, практичныхъ проектовъ: есть даже желаніе устраивать кое что «безъ затѣй». Потемкинъ, очевидно, разочаровался въ Херсонѣ; по крайней мѣрѣ онъ, какъ мы видѣли, убѣдился въ нездоровомъ климатѣ занятой имъ мѣстности. Впрочемъ, и во время строенія Николаева погибло не мало народа, и это обстоятельство сильно огорчало свѣтлѣйшаго. «А теперь только скажу, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ какъ нарочно. Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду. А я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину. Я опредѣлялъ людей въ работу да и еще и съ заплатою, а изъ сего сдѣлали каторгу. И по несчастью какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучатъ другіе, а потакаете вы» [2]). Изъ этого документа видно, что работы были очень тяжелы, если самъ Потемкинъ называетъ ихъ каторгой и тиранствомъ. Не обходилось дѣло и безъ хищенія казенныхъ денегъ. «Пора отстать, пишетъ Потемкинъ, отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили суммы и все недостатками подчивали. Чрезъ нихъ разворовано много» [3]).

Далеко не всѣ предположенія и предначертанія Потемкина относительно Николаева осуществились: многое, по смерти его, было оставлено втунѣ; его преемникъ Зубовъ вовсе не желалъ продолжать

---

[1]) Зап. Од. Общ., XIII, 182—183, 184—186, 187; см. также „Распоряженія и предположенія кн. Потемкина-Таврическаго объ устройствѣ черн. флота и г. Николаева“ (Мор. Сбор. 1855, № 11, стр. 151—167.

[2]) Зап. Од. Общ. II, 673—674.

[3]) Ibidem, 673.

начинаній своего предмѣстника, а хотѣлъ въ свою очередь оставить память о своей дѣятельности въ новомъ городѣ Вознесенскѣ. Но несмотря на это неблагопріятное обстоятельство, Николаевъ не захирѣлъ, подобно Екатеринославу, а сталъ развиваться и даже конкуррировать съ Херсономъ. Объ его ростѣ свидѣтельствуетъ слѣдующіе факты.

Въ 1788 г. [1]) николаевскую верфь посѣтилъ нѣмецкій врачъ Дримпельманъ, который оставилъ любопытное описаніе ея. «Какъ сильно я былъ удивленъ, говоритъ онъ, когда извощикъ, котораго я подрядилъ изъ Елисаветграда, вдругъ остановился и, хотя я не видѣлъ ничего кромѣ отдѣльныхъ хижинъ изъ тростника и часовыхъ, объявилъ мнѣ, что тутъ и есть Николаевъ... Ближайшее освѣдомленіе у часовыхъ показало, что слова извощика были справедливы и что я дѣйствительно нахожусь въ самомъ Николаевѣ». Описавъ посѣщеніе свое Богоявленска, Дримпельманъ разсказываетъ дальше слѣдующее: «Доселѣ ни одно человѣческое существо не могло жить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ городъ, который уже въ первые годы своего существованія обѣщалъ счастливое процвѣтаніе и гдѣ теперь селятся люди всѣхъ странъ. Вокругъ все было пусто. Единственныя живыя существа, которыхъ здѣсь можно было встрѣтить, были змѣи. Хотя укушеніе ихъ и не опасно, однако онѣ были непріятны и страшны для людей тѣмъ, что проникали въ жилища, плохо построенныя изъ тростника и досокъ. Въ нашу тростниковую хижину, въ которой намъ пришлось провести первую ночь по пріѣздѣ въ Николаевъ, наползло множество этихъ гадинъ. Хотя мы изъ предосторожности устроили постель на 4-хъ высокихъ кольяхъ, но это нисколько не помогло: змѣи поднимались вверхъ и, почуявъ людей, съ отвратительнымъ шипѣньемъ переползали черезъ насъ на другую сторону кровати и уходили. Постройка новаго города шла впередъ съ изумительною быстротою: въ тотъ годъ, когда я жилъ здѣсь, выстроено было болѣе 150 домовъ. Лѣсъ и другіе строительные матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Бугу и продавались весьма дешево какъ чиновникамъ, такъ и другимъ лицамъ, желавшимъ здѣсь поселиться. Только каждый строившійся обязанъ былъ строго сообразоваться съ планомъ, по которому городъ постепенно долженъ былъ возникать. Число жителей, собравшихся изъ разныхъ частей государства, доходило въ 1789 г., когда я покинулъ Николаевъ,

[1]) Вѣроятно, дѣло происходило не въ 1788 г., а нѣсколько позже.

до $2\frac{1}{2}$ тысячъ [1])». Изъ другихъ (оффиціальныхъ) данныхъ видно, что и въ 1792 г. въ Николаевѣ было менѣе 2,500 жителей; нужно думать поэтому, что или Дриммельманъ значительно преувеличилъ цифру населенія, или, что вѣроятнѣе, выставилъ ошибочную хронологію: на самомъ дѣлѣ былъ въ Николаевѣ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVIII-го вѣка. Въ 1791 г. въ Николаевѣ было 26 дворовъ, 147 д. жителей обоего пола (105 муж. и 42 ж.) и 1,200 дес. земли подъ усадьбами [2]). Екат. губ. Каховскій въ своемъ письмѣ къ извѣстному Попову сообщаетъ такія данныя о Николаевѣ въ 1792 году: «строеній кончено и начато много. Вода въ колодезяхъ хороша, а въ фонтанахъ отмѣнно хороша. Деревьевъ насажено много. По хуторамъ разводятся огороды для поваренныхъ растеній и распахиваются земли подъ посѣвъ хлѣба... Признаюсь В. П., что я пришелъ въ изумленіе, увидя столь много строеній на томъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ видѣлъ я два только шалаша изъ камыша сдѣланныхъ». Въ 1792 г. въ немъ дѣйствительно уже существовали: 1 церковь, 4 общественныхъ дома, 100 казармъ, 13 магазиновъ, 158 каменныхъ и деревянныхъ домовъ, 209 мазанокъ, 61 землянка, 149 лавокъ, 23 погреба и 1,566 д. обоего пола [3]). Кромѣ того здѣсь же временно проживало 1,734 д. рабочихъ. Громадная разница съ состояніемъ города въ 1791 г., ясно свидѣтельствующая о томъ, что предположенія Потемкина получили нѣкоторое практическое осуществленіе. Измайловъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ самомъ концѣ XVIII в., описываетъ Николаевъ такъ: «Николаевъ стоитъ въ долинѣ, окруженной пригорками при впаденіи Ингула въ Бугъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чернаго моря. Адмиралтейство, крѣпость, суда, стоящія на якоряхъ, служатъ главнымъ украшеніемъ города. Соборная церковь во имя св. Григорія есть зданіе вкуса и нѣжности» [4]). «Николаевъ, говоритъ одинъ иностранный путешественникъ, посѣтившій его въ 1808 г., стоитъ на лѣвомъ берегу Буга... Въ семъ городѣ находятся складни и магазины черноморскаго флота. Когда мы проѣзжали, то еще въ гавани не было ни одного линейнаго корабля въ отстройкѣ; какъ скоро они отдѣлаются, немедленно отправляютъ ихъ въ Севастополь. Жителей въ городѣ около девяти тысячъ (цифра эта, по всей вѣроятности.

[1]) Записки нѣм. врача о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка (Русскій Архивъ. 1881, кн. 1-я, стр. 48—49).

[2]) Зап. Од. Общ., II, 747.

[3]) Зап. Од. Общ., II, 772.

[4]) Пут. въ полуд. Рос. II, 99—100.

сильно преувеличена), почти всѣ—служащіе во флотѣ или жиды; сіи послѣдніе имѣютъ отвратительный видъ. Положеніе Николаева не такъ хорошо—улицы широки, а домы низкіе и выстроены по большей части изъ дерева или глины» [1]). Въ «Землеописаніи» Зябловскаго (напеч. въ 1810 г.) о Николаевѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «въ немъ, по выгодной глубинѣ залива и безопасной для судовъ рейды, стоитъ черноморская гребная флотилія, также имѣетъ пребываніе главнокомандующій надъ черноморскимъ и азовскимъ флотами и учреждено училище штурманское и другое корабельной архитектуры. Имѣетъ таможенную заставу и 3 церкви [2]) (русскую, католическую и греческую)». Въ 1817 г. въ Николаевѣ было 6 церквей и 7-я синагога, 4 общественныхъ зданія, 99 казенныхъ, 1,368 частныхъ домовъ (1,010 каменныхъ и 358 деревянныхъ), 3,285 д. обоего пола [3]). Прогрессъ въ числѣ жителей за 25 лѣтъ послѣдовалъ, какъ видно изъ этихъ цифръ, ничтожный; очевидно, послѣ форсированнаго роста, вызваннаго искусственными мѣрами, наступило затишье. Но Николаевъ все таки имѣлъ будущее, какъ удобное мѣсто для постройки судовъ и торговый портъ. По числу выпущенныхъ изъ его верфи кораблей онъ уступалъ Херсону [4]), но относительно отпускной хлѣбной торговли въ самомъ концѣ XVIII в. стоялъ нѣсколько выше его [5]).

Уже по смерти Потемкина былъ основанъ городъ, который занялъ первое мѣсто среди всѣхъ городовъ Новороссійскаго края, и старыхъ, и новыхъ—это Одесса, основанная на мѣстѣ турецкой крѣпости Хаджибея; указъ императрицы о постройкѣ военной и купеческой гавани и города Хаджибея (такъ раньше называлась Одесса) относится къ 1794 г. [6]); постройка была поручена де-Рибасу; подъ новый городъ было отведено болѣе 30,000 десятинъ земли; на устройство порта, адмиралтейства, казармъ и т. п. было ассигновано около 2,000,000 руб.; важнымъ моментомъ въ первоначальной исторіи Одессы (такъ его назвала академія наукъ) было поселеніе греческихъ выходцевъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ; городъ въ это

---

[1]) Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азов. морѣ. М. 1810, стр. 39—40.

[2]) Землеопис. рос. имп., V, 347—348.

[3]) Зап. Од. Общ. II, 747.

[4]) См. сравнительную таблицу различныхъ судовъ, построенныхъ въ той и другой верфи до 1824 г. въ Зап. Од. Об., II, 749—750.

[5]) Скальковскій, Хрон. об., I, 235.

[6]) Впрочемъ мысль о постройкѣ города на мѣстѣ тур. Хаджибея возникла у императрицы еще въ 1782 г.; см. Зап. Од. Общ., I, 261.

время состоялъ изъ двухъ форштадтовъ — военнаго и греческаго; частныя лица получали «открытые листы» на свои усадьбы; въ надеждѣ на большія выгоды здѣсь стали селиться русскіе и иностранные (гл. обр. греческіе) купцы; въ предмѣстьѣ города Пересыпи поселились черноморскіе (бывшіе запорожскіе) козаки. Въ 1796 г. въ Одессѣ было 2,349 д. обоего пола; больше всего мѣщанъ (новороссійскихъ, иногороднихъ и б. казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ); купцовъ разныхъ гильдій 84 чел. м. п., евреевъ 150 д. м. п., грековъ (кромѣ греч. дивизіона) 129 д. м. п., 98 д. черном. козаковъ. Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, наступившія для города съ воцареніемъ имп. Павла Петровича, населеніе въ немъ постоянно возрастало; царствованіе Павла Петровича было непродолжительно, а съ воцареніемъ имп. Александра I-го жители Одессы получили многія важныя привилегіи (25-лѣтняя льгота, освобожденіе отъ постоевъ, утвержденіе за городомъ земли и т. д.). Въ 1802 г. въ Одессѣ было уже болѣе 9,000 д. обоего пола жителей, въ томъ числѣ постоянныхъ и временныхъ купцовъ 2,285 д. об. п., а мѣщанъ — 5,743 д. об. п.; 39 фабрикъ, заводовъ и мельницъ, 171 лавка, 43 погреба, 1,092 обывательскихъ дома и 257 землянокъ, городскихъ доходовъ — 40,675 р. 38 к., товаровъ привезено было на 719,982 р., а вывезено — на 1,534,114 р., всего на 2,254,096 р. Но все это было ничто въ сравненіи съ дальнѣйшимъ прогрессомъ въ населеніи и торговлѣ. Этимъ прогрессомъ Одесса обязана гл. об. дѣятельности дюка де-Ришелье, который занялъ здѣсь постъ градоначальника въ 1803 г. По словамъ Сикара, Ришелье самъ стоялъ во главѣ всего и управлялъ всѣмъ больше своею личностью, чѣмъ предоставленной ему властью; въ свободныя минуты онъ обходилъ городъ и гавань, наблюдая за работами, самъ отдавая вездѣ приказанія и заставляя такимъ образомъ другихъ подвигать дѣло съ необычайнымъ усердіемъ; онъ посѣщалъ иностранцевъ въ карантинѣ, узнавалъ ихъ планы, нужды, приглашая ихъ возвращаться или поселяться въ Одессѣ. Въ городѣ онъ лично зналъ всѣхъ купцовъ, какой бы національности они ни были, встрѣчался съ ними или посѣщалъ ихъ магазины, разговаривалъ и освѣдомлялся о ихъ торговлѣ, успѣхахъ, препятствіяхъ, желаніяхъ и нуждахъ [1]). «Въ продолженіе почти 12-ти лѣтняго управленія Одессою Ришелье, пользуясь высокимъ довѣріемъ монарха, обращалъ его единственно на пользу

---

[1]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIV, р. 32. (Notice sur 11 années de la vie du duc de Richelieu à Odessa pour servir à l'histoire de sa vie).

города. Онъ не только что возстановилъ дарованныя имп. Екатериною милости городу, но исходатайствовалъ новыя, несравнено большія; устроилъ портъ, карантинъ, таможню, театръ, госпиталь, докончилъ начатые храмы Божіи; учредилъ воспитательно-учебное заведеніе, поощрилъ частныя въ городѣ постройки, которыхъ при его отъѣздѣ считалось 2,000; увеличилъ населеніе города до 25,000 душъ; возвысилъ торговые обороты его. Любя страстно садоводство и вообще разведеніе деревъ, онъ всячески покровительствовалъ владѣльцамъ дачъ и садовъ и первый выписалъ изъ Италіи сѣмена бѣлой акаціи, роскошно принявшейся на одесской почвѣ. Ришелье за границей не забывалъ Одессу»... Такъ характеризуетъ его дѣятельность историкъ Одессы Смольяниновъ [1]). При Ришелье Одесса сдѣлалась центромъ торговыхъ связей Новороссійскаго края и европейскихъ приморскихъ городовъ: торговые обороты ея въ 1814 г. простирались болѣе чѣмъ на 20,000,000 руб.; главнымъ предметомъ отпускной торговли была пшеница; естественныя богатства Новороссійскаго края нашли себѣ сбытъ. Расширеніе торговыхъ оборотовъ одесскаго купечества вызвало увеличеніе потребностей и привело къ общему подъему культурности и цивилизаціи: Одесса превратилась въ небольшой, но бойкій, торговый и благоустроенный *европейскій* городъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно свидѣтельство самого Ришелье: «когда я прибылъ, говоритъ онъ, въ 1803 г. въ Одессу, то прошло 6 недѣль, прежде чѣмъ я могъ достать себѣ дюжину самыхъ простыхъ стульевъ,— а въ 1813 г. было уже вывезено изъ Одессы въ Константинополь на 60,000 рублей мебели, которая была сдѣлана почти также хорошо какъ петербургская или московская» [2]). О томъ, что̀ изъ себя представляла Одесса въ десятыхъ годахъ XIX ст., можно получить свѣдѣнія изъ сочиненія маркиза де-Кастельно, гдѣ сообщаются обстоятельныя данныя о населеніи ея, общественныхъ и частныхъ сооруженіяхъ, управленіи, полиціи, а въ особенности о торговлѣ: данныя эти вполнѣ подтверждаютъ мысль о сравнительно высокой степени культурнаго развитія города [3]).

Кромѣ Херсона, Екатеринослава, Николаева и Одессы, можно указать и еще нѣсколько важныхъ городовъ въ Новороссійскомъ

---

[1]) Исторія Одессы, стр. 167—168.

[2]) Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ., т. LIV, p. 370.

[3]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, III, p. 17—112; приложенныя нами фактическія данныя объ Одессѣ позаимствованы изъ сочиненій Смольянинова и А. А. Скальковскаго.

краѣ, возникшихъ также путемъ колонизаціи; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ; таковы Маріуполь, Ростовъ, Таганрогъ, Дубоссары. Въ Маріуполѣ, который былъ основанъ въ 1780 году, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ насчитывалось уже 1,506 душъ мужескаго пола, въ томъ числѣ 144 купца [1]). Въ Ростовѣ (первоначально называвшемся крѣпостью св. Димитрія Ростовскаго) въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было только 704 души жителей; но за то въ сосѣднемъ съ нимъ армянскомъ городѣ Нахичевани, который получилъ начало въ 80-мъ году, числилось тогда же 1040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ и заводовъ и много каменныхъ лавокъ [2]). Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) былъ построенъ еще, собственно говоря, при Петрѣ Вел., но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ былъ только въ 1769 г.; въ немъ въ началѣ 80-хъ годовъ была гавань, таможня, биржа, крѣпость; кромѣ значительнаго числа моряковъ, въ немъ жило 222 чел. купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ [3]). Хотя гавань его отличалась многими неудобствами [4]), но въ немъ все таки процвѣтала заграничная торговля. Въ самомъ началѣ XIX ст. онъ представлялъ изъ себя, по словамъ одного путешественника, торговый, но худо выстроенный и грязный городъ; жителей въ немъ было отъ 8 до 10 тыс. чел., торговля здѣшняя была въ рукахъ грековъ; съ возникновеніемъ Одессы Таганрогъ потерялъ свое прежнее значеніе самаго важнаго торговаго пункта [5]). Дубоссары славились сухопутной торговлей; по словамъ Пейсоннеля, отсюда вывозилось всякихъ сырыхъ продуктовъ въ концѣ XVIII в. на 12,210 р. [6]),

---

[1]) Записки Од. Общ., III, 293. „Описаніе городовъ и уѣздовъ азовской губ."; основываясь на нѣкоторыхъ хронологическихъ указаніяхъ самаго документа, издатели относятъ его къ 1779 г.; но спрашивается, какъ можно говорить о 1779 годѣ, когда въ текстѣ же мы находимъ упоминаніе о 1780-мъ? Судя по тому, что здѣсь описывается 1-й Екатеринославъ, нужно отнести его къ началу 80-хъ годовъ XVIII вѣка.

[2]) Ibidem. стр. 297; Зап. Од. Общ., II, 835—838.

[3]) Записки Од. Общ., III, 295—296.

[4]) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ. LIV, р. 276—281; на сто коммерческихъ судовъ здѣсь погибало 5, 6, т. е. въ 9 разъ болѣе, чѣмъ на Средиземномъ морѣ; также отрицательно, какъ и Ришелье, отзывается о Таганрогѣ Гюльденштедтъ.

[5]) Письма о Крымѣ.., стр. 230, 232, 258, 262; впрочемъ, въ 1805 г. торговые обороты Таганрога превышали 5,000,000 руб. (Скальковскаго, Хронологическій обзоръ, II, 95).

[6]) Traité de la commerce..., I, р. 302.

а въ 1805 г., по сообщенію А. А. Скальковскаго, уже на 179,562, а привозилось на 1,163,979 р.[1]).

Дѣлая общее заключеніе объ экономическомъ ростѣ городовъ Новороссійскаго края, мы должны сказать, что важную роль въ этомъ случаѣ играли льготы, предоставляемыя правительствомъ населенію; это ясно видно на примѣрѣ Одессы; размѣры льготъ были не вездѣ одинаковы; общее представленіе о нихъ даетъ «открытый листъ» губернатора Хорвата 1795 года, обращенный къ русскимъ и иностраннымъ поселенцамъ городовъ екат. и вознес. губ.: онъ предоставляетъ десятилѣтнюю льготу отъ податей, свободное отправленіе богослуженія и денежныя ссуды[2]); такія же льготы были предоставлены и городамъ очаковской области въ 1803 г.[3]). Просматривая составъ населенія торговыхъ городовъ Новороссіи, мы замѣчаемъ въ нихъ значительный процентъ иностранцевъ; эти иностранцы и составили торгово-промышленное ядро городскаго населенія, давшее первый толчокъ заграничной торговлѣ. Такъ было въ Одессѣ; тамъ мы находимъ грековъ, евреевъ, болгаръ, молдаванъ, поляковъ[4]); вскорѣ господствующее положеніе въ Одессѣ заняли греки; существовавшій здѣсь раньше для «россійскаго купечества» магистратъ замѣненъ былъ «иностраннымъ магистратомъ» и въ выборахъ нѣкоторое время участвовали одни иностранцы[5]); громадное большинство одесскаго купечества 1-й и 2-й гильдій въ 1800 г. были иностранцы; видное мѣсто они занимаютъ и среди торговцевъ 3-й гильдіи[6]); и это понятно: съ 1796 г. по 1800-й годъ было принято въ магистратъ 135 д. купцовъ россійской націи и 181 д. купцовъ, вышедшихъ изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ[7]). Маріуполь былъ обязанъ не только своимъ торговымъ значеніемъ, но и происхожденіемъ греческой колонизаціи, какъ это мы увидимъ при обозрѣніи иностранной колонизаціи. Важную роль играли греки и въ торговлѣ внутренняго города Елисаветграда, гдѣ они составили особую общину. Таганрогская торговля, какъ мы видѣли, также была въ рукахъ гре-

[1]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., II, 95.

[2]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., I, 246—247.

[3]) Ibidem., II, 40—41: о льготахъ, предоставленныхъ жителямъ г. Одессы, см. А. Орлова. Истор. очеркъ г. Одессы. Одесса. 1885 г.

[4]) А. Орловъ. Истор. очеркъ Одессы, стр. 14.

[5]) Ibidem, 52.

[6]) Ibidem, прил., 123—127.

[7]) Ibidem, прил., 101—122.

ковъ, а она послѣ одесской занимала 1-е мѣсто. Яснымъ доказательствомъ того, что гл. обр. иностранцы создали торговлю нашихъ новороссійскихъ городовъ, можетъ служить примѣръ Ростова и Нахичевани: торговля процвѣтала въ концѣ XVIII в. въ одной только Нахичевани, обязанной своимъ происхожденіемъ предпріимчивымъ, обладавшимъ промышленнымъ духомъ армянамъ.

Кромѣ двухъ названныхъ нами причинъ экономическаго развитія новороссійскихъ городовъ, слѣдуетъ указать еще на нѣсколько другихъ не менѣе важныхъ, таковы—существованіе въ окружности болѣе или менѣе значительныхъ и многолюдныхъ земледѣльческихъ поселеній, удобства географическаго положенія и сравнительная безопасность выбранныхъ подъ города мѣстностей и т. п.; разъ все это не принималось во вниманіе, тогда и огромныя затраты, какъ это было съ постройкою Вознесенска, не приводили ни къ чему

Кромѣ постройки укрѣпленныхъ линій и городовъ, колонизаціонная дѣятельность русскаго государства и народа выражалась еще въ основаніи цѣлаго ряда различныхъ *селеній*—селъ, деревень, слободъ, мѣстечекъ, хуторовъ. Жители ихъ принадлежали частью къ малорусской, а частью къ великорусской народности (не считая иностранцевъ). Судя по тому, что въ настоящее время малоруссы составляютъ преобладающую группу населенія, можно предполагать, что и въ прежнее время они представляли изъ себя наиболѣе численную народность; и такое предположеніе оправдывается всѣми извѣстными намъ историческими данными. Въ малороссійской колонизаціи нужно различать три элемента, которые, впрочемъ, постоянно смѣшивались другъ съ другомъ,—запорожскихъ поселенцевъ, выходцевъ изъ заднѣпровской (правобережной) Малороссіи и переселенцевъ изъ лѣвобережной и отчасти слободской Украины. Что касается великорусскихъ колонистовъ, то они приходили, убѣгали сюда или переводились изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Великорусскія селенія были перемѣшаны съ малорусскими; иногда (и даже очень часто) въ одномъ и томъ же селеніи жили представители обѣихъ народностей; такъ было и въ казенныхъ, и во владѣльческихъ поселкахъ. Въ виду всего этого мы находимъ неудобнымъ обозрѣвать малорусскую колонизацію отдѣльно отъ великорусской, а установимъ дѣленіе по другому (не этнографическому, а соціальному) принципу. Всѣ земли, предназначавшіяся для заселенія, дѣлились на двѣ части—казенныя или государственныя и частныя или помѣщичьи; сообразно съ этимъ и все русское населеніе Новороссійскаго края можетъ быть раздѣлено на 2 боль-

шія группы—1) свободныхъ поселянъ, жившихъ въ государственныхъ слободахъ и деревняхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ; они принадлежали частью къ великорусской, частью къ малорусской народности; одни изъ нихъ добровольно, по собственному желанію или по вызову правительства, явились въ Новороссію, другіе были переведены сюда правительствомъ, третьи, наконецъ, убѣжали отъ своихъ господъ; 2) владѣльческихъ, помѣщичьихъ крестьянъ великорусскаго и малорусскаго происхожденія, садившихся на земляхъ частныхъ лицъ и вступавшихъ къ нимъ въ извѣстныя зависимыя отношенія.

Въ послѣднее время своего историческаго существованія Запорожье, какъ мы видѣли, переходило мало по малу къ осѣдлому земледѣльческому быту; въ предѣлахъ его возникло значительное количество селъ, деревень и хуторовъ. Эта мирная колонизаціонная дѣятельность запорожскихъ козаковъ и ихъ «пидданныхъ» продолжается и послѣ политической смерти Сѣчи и представляетъ весьма замѣтное явленіе въ общемъ ходѣ вольной народной колонизаціи б. запорожскихъ «палестинъ», несмотря на то, что правительство далеко не оказывало ей такого содѣйствія, какъ иностранцамъ и многимъ великорусскимъ поселенцамъ; немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло то обстоятельство, что къ запорожцамъ въ моментъ уничтоженіи ихъ политической самостоятельности относилась подозрительно и центральная власть, и многіе мѣстные дѣятели. Послѣ уничтоженія Сѣчи вся ея войсковая и старшинская казна была конфискована и изъ нея образованъ такъ называемый городской капиталъ (б. 120,000 руб.) для выдачи ссудъ жителямъ новороссійской губ. [1]): такъ и послѣ смерти своей Запорожье оставило наслѣдство, служившее для тѣхъ же цѣлей колонизаціи, которыя нѣкогда преслѣдовало и само «товарыство». Еще важнѣе было другое наслѣдіе, оставленное покойнымъ Запорожьемъ—это его «обширныя» и богатыя «палестины», которыя опять таки, подобно денежной казнѣ, достались, какъ увидимъ далѣе, другимъ.... Очень вѣроятно, что запорожцы могли бы заселить сами значительную часть своихъ «вольностей», если бы онѣ не были отданы помѣщикамъ и иностраннымъ выходцамъ. Впрочемъ, факты живой дѣйствительности взяли свое, побороли предубѣжденіе противъ запорожской колонизаціи: и мы видимъ, что лица, хорошо знакомыя съ мѣстными условіями жизни (въ родѣ, напр., Черткова) послѣ 1775 г.

---

[1]) Скальковскаго. Хрон. обозр. I. 124.

начинаютъ покровительствовать устройству запорожскихъ поселковъ. Да и могли ли они поступать иначе, когда эта вольная народная колонизація оказывалась наиболѣе дѣйствительной и не стоила правительству почти ничего, между тѣмъ какъ иностранцамъ, напримѣръ, приходилось выдавать огромныя ссуды? Если мы обратимся къ наиболѣе значительнымъ селеніямъ нын. екатеринославской губ., то увидимъ, что многія изъ нихъ представляли нѣкогда «старожитныя» козацкія займища, зимовники, хутора; тутъ въ землянкахъ и мазанкахъ безсмѣнно проживали женатые козаки со своими семействами, челядью, наймитами, хлопцами и малюками. «Ловкій и аккуратный запорожецъ Горленко, говоритъ преосв. Ѳеодосій, произведенный Чертковымъ въ волководскаго коммиссара Горленскаго, согласно видамъ и желаніямъ Черткова, при содѣйствіи преданныхъ ему запорожцевъ, скоро основывалъ на козацкихъ зимовникахъ слободы и заселялъ ихъ народомъ семейнымъ и осѣдлымъ... Незабвенный въ лѣтописяхъ Запорожья, доселѣ живущій въ памяти народной подъ именемъ *дикаго попа* лейбъ—кампаніи священникъ о. Кириллъ Тарловскій—другъ и благодѣтель человѣчества, ближайшее и самое довѣренное лицо Черткова, при содѣйствіи іеромонаховъ Самарскаго мон., оживилъ и заселилъ степи орельскія и терновскія; въ короткое время онъ основалъ 24 слободы и устроилъ въ нихъ 12 церквей съ шпиталями и школами при нихъ» [1]). Вообще, малороссійскія слободы въ большинствѣ случаевъ были обязаны своимъ происхожденіемъ энергіи и колонизаторской дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ называемыхъ осадчихъ. Вотъ какъ, напр., основалась госуд. слобода Вязовокъ. Въ 1775 г. азовскій губернаторъ Чертковъ пожелалъ основать сл. Вязовокъ; межевая экспедиція отвела землю, а «вахмистръ Вас. Мураевъ самъ вызвался быть осадчимъ сл. Вязовка, населителемъ, колонизаторомъ и организаторомъ ея. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ, получивъ отъ лейбъ—кампаніи священника о. Кирилла Тарловскаго благословеніе и денежную помощь, осадчій Мураевъ поручилъ Мих. Бѣлостоцкому, въ указанныхъ и намѣченныхъ мѣстахъ, строить въ слободѣ землянки и хаты—мазанки, а самъ отправился во всѣ стороны въ мѣста дозволенныя *сманивать* народъ семейный, приглашать его на осѣдлую жизнь въ новую государственную слободу Вязовокъ. Богатыя, роскошныя и плодородныя степи самарскія вполнѣ отвѣчали стремленію народному, и весною 1776 г. явилось въ сл. Вязовокъ значительное количество на-

---

[1]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы., I, 8—9.

сельниковъ—людей семейныхъ и осѣдлыхъ, изъ народа вольнаго и свободнаго; осадчій Мураевъ назначенъ уже былъ смотрителемъ сл. Вязовка, а житель Вязовка Радченко былъ атаманомъ общества» [1]. Наиболѣе выдающеюся личностью въ этомъ дѣлѣ является запорожскій полк. Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ [2]); его «хлопецъ и малецъ» Сергѣй Лотъ въ зимовникѣ его осадилъ 50 дворовъ козаковъ и основанную такимъ образомъ слободу назвалъ въ честь своего «татуся» Колпаковкой [3]). Любопытный примѣръ обращенія запорожскаго селища въ слободу представляетъ Гродовка (въ бахм. у. екат. губ.). «Въ обширнѣйшихъ, роскошныхъ и богатыхъ степяхъ между Торцомъ и Солоненькою, говоритъ пр. Ѳеодосій, часто проживали запорожцы и *грѣли животы свои*... По уничтоженіи въ 1775 г. послѣдней Сѣчи запорожской, жившіе въ балкѣ Холодной запорожцы, согласно видамъ и желанію азовскаго губ. Черткова, со всѣхъ сторонъ начали стягивать къ себѣ на жительство семейный и осѣдлый народъ малороссійской націи. Въ 1788 г. въ государственной слободѣ Гродовкѣ постоянныхъ жителей поселянъ малороссійской націи было обоего пола свыше 800 д. [4]) А. Пишчевичъ (который вообще относится къ запорожцамъ очень враждебно), передаетъ, что изъ запорожскихъ хуторовъ возникли м. Глинскъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ, и только сожалѣетъ при этомъ, что по именамъ «этихъ разбойниковъ» были названы многія населенныя мѣстности [5]).

Въ основанныя бывшими запорожцами селенія приходило много народа изъ Гетманщины; это были по большей части родственники и свойственники бывшихъ запорожцевъ; для холостыхъ поселенцевъ въ г. Алешкахъ отыскивались жены въ Малороссіи [6]). Иногда выходцы изъ Гетманщины основывали самостоятельныя селенія въ предѣлахъ бывшаго Запорожья; таково, напр., происхожденіе сл. Пологовъ, основанной выходцами изъ переяславскаго уѣзда полт. губ. [7]). Объ успѣшности этой колонизаціи можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ 1810 г. поселянинъ с. Петровки (александрійскаго у.) Павелъ Треска вы-

---

[1]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы... I, 496.

[2]) См. о немъ замѣтку Мурзакевича въ Зап. Од. Общ., XII, 462—464.

[3]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы...., I, 358.

[4]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., II, 50—51; точно также были основаны Шолахова, Чаплинка и др.

[5]) Примѣч. А. С. Пишчевича на Новорос. край („Кіев. Стар." 1884, янв., 118).

[6]) Зап. Од. Общ. X, 239.

[7]) Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., II, 295.

звалъ изъ Малороссіи 119 душъ переселенцевъ и ему отведено было въ херсонскомъ уѣздѣ 23,000 дес. земли; въ качествѣ осадчаго онъ продолжалъ дѣйствовать такъ удачно, что въ 1814 г. въ этомъ Ново-павловскомъ селѣ числилось уже 1448 д. обоего пола и «множество земледѣльческихъ обзаведеній» [1]). О размѣрахъ колонизаціоннаго движенія изъ лѣвобережной Украины (собственно Черниговщины) свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: въ одномъ херсонскомъ уѣздѣ выходцами изъ Черниговщины было основано частію или цѣликомъ 32 селенія [2]). Одни изъ этихъ переселенцевъ (б. козаки) пользовались правомъ вольнаго перехода и потому на законномъ основаніи переселялись въ Новороссію; другіе же (б. посполитые) лишились этого права въ 1783 г. и потому должны были убѣгать отъ своихъ владѣльцевъ, тоже самое нужно сказать и о слободской Украинѣ; здѣсь они надѣялись получить свободу и само правительство, какъ увидимъ далѣе, не пренебрегало бѣглыми. Правитель екатер. намѣстничества Синельниковъ предлагалъ даже купить у харьковскихъ и воронежскихъ помѣщиковъ подданныхъ черкасъ (малороссіянъ) и поселить ихъ въ Новороссіи; купить ихъ можно было бы, по его словамъ, не дорого (по 40 или 50 р.), а поселеніе ихъ на новыхъ мѣстахъ не стоило бы почти ничего, потому что они охотно обратились бы изъ подданныхъ въ казенныхъ крестьянъ [3]); другими словами, онъ проектировалъ для нихъ на новомъ мѣстѣ свободу отъ крѣпостной зависимости.

Громадное число переселенцевъ—малороссіянъ доставила также и заднѣпровская Украина, бывшая тогда подъ властью Польши; нѣкоторая часть ихъ селилась въ запорожскихъ деревняхъ, другая въ малороссійскихъ, третья—въ помѣщичьихъ и т. д. Въ недавно изданныхъ матеріалахъ для исторіи Запорожья А. А. Андріевскаго мы находимъ цѣлую серію документовъ, служащихъ къ разъясненію этого дѣла. Нын. елисаветградскій уѣздъ херс. губ. съ ранняго времени сталъ заселяться выходцами изъ Польши, отчасти Гетманщины и Запорожья. На самой границѣ съ Польшей, при впаденіи р. Тарговицы въ Синюху, былъ основанъ Архангельскій городокъ (нын. Новоархангельскъ), населеніе котораго возрастало главнымъ образомъ отъ прилива малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши. Кіевскому полковнику Танскому

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Хрон. Обозр. II, 240.

[2]) Нѣсколько выводовъ изъ стат. трудовъ по черн. и херс. губ. Изд. херс. губ. зем. упр. стр. 15.

[3]) Зап. Од. Общ., IX, 279.

велѣно было возобновить и заселить села, лежавшія по русской сторонѣ Синюхи и разрушенныя татарами во время турецкой войны; въ Цыбулевъ назначенъ былъ атаманомъ и осадчимъ козакъ миргородскаго полка Леонтій Сагайдачный, а въ Архангельскъ—тамошній пасѣчникъ Степанъ Таранъ; 1-й удачно повелъ свое дѣло и поселилъ у себя болѣе 300 дворовъ (выходцевъ изъ Польши); 2-й же жилъ въ лѣсу и никакихъ стараній къ исполненію возложеннаго на него порученія не прилагалъ и потому былъ замѣненъ козакомъ миргородскаго полка Давидомъ Миргородскимъ. Новый городъ, благодаря своему окраинному положенію, испытывалъ (въ особенности на первыхъ порахъ) большія опасности; ближайшее селеніе Цыбулевъ находилось отъ него на разстояніи 10 верстъ; поляки сдѣлали нападеніе на этотъ городокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ жителей; осадчій Звенигородскій былъ схваченъ на польской территоріи и казненъ; такое же нападеніе было сдѣлано и на с. Давидовку. Для огражденія новыхъ поселенцевъ правительство распорядилось устроить здѣсь укрѣпленія и поставить караулы; это дѣло поручено было миргородскому полковнику Капнисту; въ 1744 г. въ этой мѣстности было уже поселено 13 слободъ и въ нихъ 357 коз. и 563 посполитскихъ двора; здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, важнымъ двигателемъ колонизаціи были льготы, предоставляемыя новымъ поселенцамъ [1]). Подъ защитой укрѣпленій и карауловъ дѣло заселенія этого пограничья пошло очень успѣшно: въ 1752 г. тамъ жило б. 4,000 дворовъ малороссіянъ (старинныхъ поселенцевъ и выходцевъ изъ Малороссіи, слободскихъ полковъ, Запорожья и Польши [2]).

Таково было начало переселенческаго движенія изъ Заднѣпровья. Въ царствованіе имп. Екатерины II-й оно продолжалось попрежнему. Лица, стоявшія во главѣ колонизаціи (Каховскій, Синельниковъ), очень цѣнили этихъ заднѣпровскихъ выходцевъ и даже посылали тайно своихъ коммиссаровъ для вербовки населенія въ Новороссію. «Изъ Польши, писалъ Каховскій, собирается поселянъ къ намъ много. Я послалъ отсюда внушить имъ, чтобъ выбирались не торопясь и забирали бы съ собою не только все свое имущество, но и домы. Если Всевышній поможетъ, то уповаю, что въ донесеніяхъ моихъ о выходцахъ будутъ цифры не десятичныя, но тысячныя. Да поможетъ только Богъ добраться въ ту сторону». Въ другомъ письмѣ тотъ же Каховскій

---

[1]) А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнорус. края. Од. 1886 г. стр. 50—77.

[2]) Матеріалы для оцѣнки земель херс. губ., т. II, стр. 128—129.

скій говоритъ: «Посылаемые мною въ Польшу (т. е. кіев. и под. губ.) для вызова поселянъ доносятъ да и ушедшіе изъ подъ стражи польскіе поселяне утверждаютъ, что генеральные коммиссары и губернаторы (приказчики) въ имѣніяхъ владѣльцевъ, а присовокупясь къ нимъ, и арендаторы имѣній строго принялись пресѣчь выходъ желающихъ прійти къ намъ на поселеніе. Они перехватываютъ идущихъ и, ограбивъ ихъ имущества, что ограбить можно, возвращаютъ семейства на прежнія ихъ жилища, хозяевъ же садятъ въ тюрьмы и поступаютъ съ ними сурово. Дерзость сія... опечаливаетъ меня крайнѣйше и чувствительнѣйше, поелику препятствуетъ къ скорому исполненію... заселить сей прекрасный и полезный край». Для избѣжанія этихъ препятствій Каховскій совѣтовалъ устроить подвижной кордонъ [1]). Въ Новороссійскомъ краѣ чувствовался сильный недостатокъ въ женскомъ населеніи; поэтому сюда вербовали и дѣвицъ; одному еврею вербовщику платилось по 5 р. за всякую дѣвицу; офицеровъ награждали чинами (кто наберетъ на свой счетъ 80 душъ, тому давали чинъ поручика [2]); для удобства устраивали слободы у самой границы, чтобы легче было переводить сюда жителей Заднѣпровья [3]). Правитель екатер. нам. Синельниковъ самъ говоритъ, что онъ возбудилъ въ малороссійскомъ населеніи польскихъ губерній стремленіе къ переселенію въ Новороссійскій край [4]).

Что касается великорусскихъ колонистовъ, то это были казенные и экономическіе крестьяне, однодворцы, козаки, отставные солдаты, матросы, дьячки и раскольники. Изъ ярославской, костром., владим. губ. вызывались казенные крестьяне, знающіе какое либо мастерство; такъ было въ 1795 г., когда Зубовъ принималъ всяческія мѣры для заселенія созданной имъ вознесенской губерніи [5]); въ началѣ XIX ст. государственныя слободы были уже довольно многочисленны и очень многолюдны. Въ 1814 г. въ мелитопольской провинціи таврич. губ. было, по вычисленію проф. Дюгурева, 13 госуд. деревень съ 21,147 д. муж. пола, т. е. въ среднемъ приходилось по 1,626 д. муж. п. на каждую [6]). Значительная часть госуд. слободъ была на-

1) Зап. Од. Общ. XII. 349, 358—359.

2) Зап. Од. Общ., IX, 272.

3) Ibidem, 273—274.

4) Зап. Од. Общ., IX, 265.

5) Зап. Од. Общ. II, 775.

6) De la civilisation des tatars-nogais dans le midi de la Russie européenne. 1816. p. 120.

селена такъ называемыми однодворцами, извѣстными съ давняго времени въ украинскихъ великорусскихъ губерніяхъ и составлявшими тамъ особый разрядъ служилыхъ людей; таково, напр., происхожденіе сл. Богдановки и Терновки въ екат. губ. [1]). Отставнымъ матросамъ и солдатамъ Каховскій предполагалъ отвести земли по обоимъ берегамъ р. Буга до самаго Николаева [2]). Заштатныхъ дьячковъ Потемкинъ проектировалъ селить въ Новороссіи, потому что они, по его мнѣнію, могли быть въ одно и то же время и земледѣльцами, и военными ландмилиціонерами [3]). По указу 1781 г. велѣно было въ Новороссію переселить до 20,000 экономическихъ крестьянъ и выбрать изъ среды ихъ до 24,000 добровольныхъ переселенцевъ [4]). Но едва ли не первое мѣсто между великорусскими переселенцами занимали раскольники. Они начали селиться въ Новороссіи еще въ царствованіе Анны Іоанновны (и даже раньше) въ херсон. губ. возлѣ нын. Ананьева и Новомиргорода; здѣсь ими были основаны Цыбулевъ и Бешка (нын. Александрія); но число ихъ было не велико. Гораздо больше явилось ихъ въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в., когда само правительство манифестами вызывало ихъ изъ Польши и Молдавіи; имъ отведены были земли въ крѣпости св. Елисаветы (нын. Елисаветградъ) и ея окрестностяхъ, гдѣ они основали цѣлый рядъ селъ (Клинцы и др.); селенія ихъ были многолюдны и отличались зажиточностью; Потемкинъ также старался о переселеніи раскольниковъ въ Новороссію. Въ 1785 и 1786 г. явилась весьма значительная партія ихъ и поселилась въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврич. губ. на р. Бѣлозеркѣ. Знаменскимъ раскольникамъ, предполагавшимъ переселяться на р. Бѣлозерку, рѣшено было давать по 50 р. на дворъ, состоявшій изъ 4-хъ человѣкъ, и пятилѣтнюю льготу отъ податей [5]). Въ указѣ императрицы о раскольникахъ сказано слѣдующее: «для поселенія старообрядцевъ назначить мѣста, лежащія между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ что они будутъ получать поповъ своихъ отъ архіерея таврич. обл. опредѣленнаго, дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ. А дабы разсѣянныхъ внѣ границы имперіи нашей старообрядцевъ вызвать въ Россію, можете публиковать сіи свободы, имъ дозволенныя»; лицамъ, вызывавшимъ раскольниковъ,

---

[1]) Пр. Өеодосія. Матеріалы... I, 486

[2]) Зап. Од. Общ. XII. 349—350.

[3]) Зап. Од. Общ. VIII, 212.

[4]) Владимірова. 1-е стол. г. Екатеринослава, стр. 9.

[5]) Зап. Од. Общ., IX, 270.

выдавалось извѣстное вознагражденіе [1]). И этотъ указъ не остался безъ результатовъ: въ 1795 г. изъ Порты Оттоманской вышло и поселилось въ очаковской области 6,524 д. старообрядцевъ [2]). Кромѣ старообрядцевъ, мы находимъ въ Новороссіи еще и духоборцевъ; они были поселены по р. Молочной на основаніи манифеста имп. Александра I 1802 г.; [3]) имъ было отведено въ полную собственность значительное количество земли, а кромѣ того за ничтожную плату предоставлены въ аренду участки ногайскихъ земель и дана пятилѣтняя льгота отъ податей: не удивительно, что духоборческія селенія отличались зажиточностью; у нихъ существовала общественная обработка земли съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. Въ 1814 г. духоборческихъ селеній въ мелитопольскомъ уѣздѣ тавр. губ. было 8 съ 1,155 д. муж. п. [4]), т. е. въ среднемъ по 144 д. м. п. на каждое; слѣдовательно, они не были особенно многолюдны. Духоборцы на р. Молочной нашли себѣ тихое пристанище послѣ тѣхъ испытаній, которыя имъ пришлось вытерпѣть раньше; одни изъ нихъ побывали на работахъ въ ссылкѣ въ кр. Динамюндѣ, а другіе въ Екатеринбургѣ и были возвращены оттуда только въ 1801 г. по милостивому указу имп. Александра I [5]). Въ двадцатыхъ годахъ XIX ст. переселились въ Новороссію молокане (изъ тамб. и астрах. губ.) и основали здѣсь нѣсколько селеній, которыя также отличались зажиточностью, благодаря гл. обр. единодушію, господствовавшему между населеніемъ. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго стол. всѣхъ раскольниковъ въ Новороссійскомъ краѣ было около 36,000 обоего пола [6]).

Особую и чрезвычайно многочисленную группу среди колонистовъ составляли бѣглые, принадлежавшіе и къ великорусской, и къ малорус-

[1]) Зап. Од. Общ., XI, 284; грамота, предоставлявшая старообрядцамъ свободу вѣроисповѣданія при поселеніи въ Новороссіи, напечатана въ „Хрон. Обозр.“. А. А. Скальковскаго, I, 280—281.

[2]) Зап. Од. Общ., IX. 288; ссылка на Русскій Архивъ 1869 г.; стр. 1611.

[3]) Новорос. губ. Миклашевскому велѣно было переселить слободско-укр. и новорос. духоборцевъ въ одно мѣсто—на р. Молочную и дать имъ по 15 дес. земли на всякую душу, 5-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и заимообразно по 100 р. подъемныхъ на семью, съ обязательствомъ уплатить ихъ черезъ 30 лѣтъ, начавъ уплату черезъ 10; см. П. С. Зак., т. XXVII, № 20123 (указъ отъ 25 янв. 1802 г.).

[4]) De la civilisation des tatars—nogais, p. 120.

[5]) Въ архивномъ дѣлѣ „О выпущенныхъ по всемилостивѣйшему повелѣнію духоборцахъ на прежнія жилища 1801 г.“ заключаются любопытныя подробности о возвращеніи духоборцевъ изъ ссылки; онѣ могутъ послужить предметомъ особой статьи.

[6]) См. А. А. Скальковскаго „Русскіе диссиденты въ Новороссіи“ („Кіев. Стар.“ 1887, апр., 771—782); его же. Опытъ... I. 212—215.

ской народности. Бѣглыхъ принимали не одни помѣщики: они находили себѣ пріютъ и въ казенныхъ селеніяхъ. Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, правительство, можно сказать, санкціонировало здѣсь право убѣжища (droit d'asile). Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., секретное письмо гр. Зубова къ екатеринославскому намѣстнику Хорвату, въ немъ, между прочимъ, говорится, что къ бѣглымъ нужно имѣть снисхожденіе по человѣчеству, «дабы строгостью законами повелѣваемою не доводить ихъ до отчаянія»... и чтобы, стараясь истребить побѣги, не подать нѣкоторымъ образомъ къ тому повода, что если окажутся бродяги, то стараться ихъ приписывать къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, смотря по ихъ состоянію, чтобы они могли такимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе, но дѣлать это нужно было скромнымъ образомъ, подъ рукою и безъ всякой огласки. Результатомъ этого было то, что въ число горожанъ попадали нерѣдко разныя подозрительныя лица, объявлявшія за собою значительные капиталы, а на самомъ дѣлѣ не могшія даже обзавестись домомъ и хозяйствомъ. Такъ было въ Екатеринославѣ. Магистратъ г. Екатеринослава, исполняя указы высшаго начальства о припискѣ такихъ лицъ въ купечество, долженъ былъ выдавать имъ паспорты, съ которыми они уже свободно бродили съ одного мѣста на другое, впадая иногда въ преступленіе и нанося ущербъ коренным жителямъ, потому что подати за нихъ взыскиваются съ наличныхъ гражданъ[1]). Въ числѣ одесскихъ обывателей также оказалось не мало бѣглыхъ, которыхъ разыскивали помѣщики[2]).

Но дѣло не ограничивалось одними бѣглыми: мѣстное начальство не брезгало даже и преступниками: въ 1792 г. велѣно было переселить въ очаковскую область жителей с. Турбаевъ (полт. губ.), убившихъ своего помѣщика Базилевскаго[3]). Въ Таганрогъ на поселеніе присылались арестанты изъ московск., казанск., ворон. и нижег. губ.[4]).

Заканчивая обзоръ колонизаціи, которую, подъ наблюденіемъ правительства, вели лично свободные русскіе поселенцы, мы должны сказать, что не всегда поселенія, основываемыя такими лицами, получали въ необходимыхъ размѣрахъ помощь отъ мѣстной админи-

---

[1]) Владимірова. 1-е стол. Екатеринослава, стр. 207—210.

[2]) Орлова. Истор. очеркъ Одессы, стр. 15—16; о бѣглыхъ въ Черноморіи см. ст. г. Щербины въ „Кіевск. Стар." 1883 г., іюнь, стр. 233—248.

[3]) Зап. Од. Общ. II, 770; любопытное дѣло объ этомъ убійствѣ хранится въ архивѣ полт. губ. правл.

[4]) Зап. Од. Общ., VII, 301.

страціи. Всѣ преимущества въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ далѣе, были на сторонѣ иностранныхъ колоній. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что русскіе поселяне (въ особенности мѣстные), какъ болѣе знакомые съ мѣстною культурою, менѣе нуждались въ субсидіи отъ казны. Но такое разсужденіе было справедливо только на половину: на самомъ дѣлѣ и русскіе поселенцы, на первыхъ порахъ, нуждались въ разныхъ льготахъ и субсидіяхъ; не получая ихъ, они долго не могли стать на собственныя ноги и достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ очевидецъ, профессоръ харьк. университета Дюгуровъ. По его словамъ, деревни, основанныя по сосѣдству съ ногайцами, возлѣ р. Молочной, пришедшими изъ Малороссіи обывателями, находились въ жалкомъ положеніи; главныя причины ихъ бѣдственнаго состоянія заключались въ томъ, что они прибыли почти безъ всякихъ средствъ на новыя мѣста, гдѣ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительныя подати, а между тѣмъ земли у нихъ было мало [1]).

Это наблюденіе привело Дюгурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ желаніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались такимъ же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда, не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться иноземнымъ узаконеніямъ; но пересаженные съ сѣвера на югъ или съ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться въ прежнихъ мѣстахъ), они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земледѣльческими орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они

[1]) De la civilisation des tatars-nogais, p. 95—96; книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ ногайцевъ; авторъ ея былъ командированъ на югъ въ качествѣ ревизора мѣстныхъ учебныхъ заведеній и, заинтересовавшись ногайцами, составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ мѣропріятіями русскаго правительства; въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ сосѣдямъ ногайцевъ—молоканамъ духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, малороссіянамъ. Въ харьк. унив. Дюгуровъ читалъ всеобщ. исторію (см. Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности харьк. унив. въ 1-е десятилѣтіе его существованія, оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., стр. 22).

бы все это навѣрное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, нѣмцы и евреи. Почему бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колоній? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ-исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (которыхъ было бы долго перечислять) было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время поселенцы могли бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать понемногу ежегодно ту маленькую ссуду, которую имъ выдали. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (иностранныхъ) было совершенное... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали бы себя очень хорошо, если бы онѣ были поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленія, а въ Россіи они, по большей части, являются гарантіей противъ нихъ [1]). Трудно что нибудь прибавить къ этимъ прекраснымъ строкамъ иностранца (французскаго выходца), такъ хорошо понявшаго нашу колоніальную систему. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ только, что такъ иногда и поступало правительство съ русскими подданными (напримѣръ съ раскольниками): къ сожалѣнію, это только бывало иногда, а не всегда; обыкновенный же порядокъ былъ иной..

Теперь обратимся къ владѣльческой, помѣщичьей колонизаціи, матеріаломъ для которой служили крѣпостные, подданные, бѣглые и т. п. Единственными обладателями обширныхъ пространствъ Новороссійскаго края были нѣкогда запорожцы. Но еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, какъ извѣстно, значительная часть земель ихъ была отдана подъ поселеніе сербамъ, волохамъ и другимъ выходцамъ. Тщетно запорожцы жаловались, просили, протестовали, ссылались на свои права: ихъ вѣковое достояніе постепенно уплывало изъ ихъ рукъ. Немедленно послѣ разрушенія Сѣчи (въ 1775 г.) ихъ земли стали раздаваться частнымъ лицамъ, принимавшимъ на себя обязательство заселить ихъ вольными или крѣпостными людьми. Земли эти могли получать чиновники, штабъ и оберъ офицеры и иностранцы; исключались только однодворцы, крестьяне и помѣщичьи люди. Такимъ образомъ, искусственно создавалось крупное землевладѣніе въ томъ краѣ, который до сихъ поръ почти не имѣлъ помѣщичьяго и крѣпостнаго элемента; минимальнымъ участкомъ было 1,500 десятинъ удобной земли. Не считалось необхо-

---

[1]) De la civilisation. p. 96—98.

димымъ, чтобы лицо, берущее землю, находилось на службѣ въ Новороссійскомъ краѣ; предполагалось, вѣроятно, что оно можетъ быть хорошимъ колонизаторомъ, оставаясь въ Великороссіи или Малороссіи. Условія полученія земель были очень льготныя: на 10 лѣтъ давалась льгота отъ всѣхъ повинностей; въ теченіе этого времени владѣльцы должны были заселить свои участки въ такомъ разсчетѣ, чтобы на каждыя 1,500 дес. приходилось по 13 дворовъ (цифра, какъ мы видимъ, небольшая); величина участковъ колебалась отъ 1,500 до 12,000 дес.; впрочемъ, были и такія лица (въ родѣ генер.-прок. Вяземскаго, Прозоровскаго), которыя получили по нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ [1]). Съ 1774 г. по 1784 годъ (въ теченіе 10 лѣтъ) новороссійскою и азовскою губенск. канцеляріями было роздано помѣщикамъ и подъ казенныя селенія 4,470,302 $^{1}/_{2}$ дес. удобной и неудобной земли, на которыхъ поселилось 53,511 д. мужск. и 44,098 д. женск. пола, т. е. въ среднемъ на каждую мужск. душу приходилось болѣе чѣмъ по 83 дес. [2]). Мною напечатанъ найденный г. Манжурою любопытный документъ [3]), содержащій въ себѣ перечень всѣхъ лицъ, получившихъ поземельные участки въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1776 г.; изъ него оказывается, что 94 лицамъ было дано здѣсь около 400,000 дес. удобной и неудобной земли, т. е. въ среднемъ 4,000 дес. на душу; даже регистраторъ Башнатовъ и архива-

---

[1]) См. объ этомъ любопытную инструкцію и цѣнное предисловіе къ ней въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г., августъ, стр. 322—330; А. С. Пишчевичъ, сынъ извѣстнаго сербскаго выходца Сим. Ст. Пишчевича, относится весьма сочувственно къ этой раздачѣ запорожскихъ земель крупнымъ владѣльцамъ, потому что этимъ „содѣялась пространная область полезною государству“; иначе, конечно, и не могъ взглянуть на это дѣло сербскій поселенецъ Новороссіи, такъ какъ сербы находились въ постоянной смертельной враждѣ съ запорожцами изъ за земель; но онъ самъ приводитъ такіе факты, которые противорѣчатъ его взгляду. „Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, говоритъ онъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому при 200,000 дес. земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 дес. земли заселены 3,000 душъ и наслѣдниками князя Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ асессоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ по откупу соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ, Штиглицъ сдѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ со временемъ принадлежать жиду!“; см. „Примѣчанія Александра Пишчевича на Новороссійскій край“ („Кіевская Старина“, 1884 г., январь, стр. 121).

[2]) Записки Од. Общ., II, 763—764.

[3]) „Кіевск. Старина“, 1885 г., апрѣль, стр. 783—790.

ріусъ Бурманъ получили по 1,500 дес. удобной земли; извѣстный Фалѣевъ получилъ подъ фабрику 12,000 дес. Земли эти, по истеченіи 10 лѣтъ, могли обратиться въ собственность этихъ лицъ. Конечно, при такихъ условіяхъ Новороссія должна была оказаться какимъ то Эльдорадо, золотымъ дномъ для всѣхъ этихъ секундъ-майоровъ, регистраторовъ, архиваріусовъ и т. п. Ничѣмъ не рискуя, можно было укрѣпить за собою участокъ прекрасной земли, лишь бы только тамъ поселилось 13 дворовъ; всѣ заботы, слѣдовательно, должны были быть направлены на водвореніе поселенцевъ; но и это дѣло не представляло особыхъ трудностей; не нужно было придумывать ничего новаго; слѣдовало только пустить въ ходъ старинное извѣданное средство—закликанье на слободы—и дѣло сдѣлано! На первыхъ порахъ необходимо было предоставить самыя большія льготы новымъ поселенцамъ, но за то въ недалекомъ будущемъ улыбалась возможность владѣть не только землею, но и людьми [1]).

Очевидно, Потемкинъ и другіе дѣятели не только не могли отрѣшиться отъ крѣпостническихъ взглядовъ, но даже привносили ихъ въ новый край и насаждали въ немъ сѣмена крѣпостнаго права, которыя потомъ и принесли свой плодъ. Они построили свой планъ колонизаціи на томъ же принципѣ, который былъ господствующимъ и въ жизни центральныхъ областей государства. Этотъ принципъ (крѣпостнаго труда) при Екатеринѣ II-й былъ формально водворенъ въ соціальной жизни малороссійскаго края; Потемкинъ и др. дѣятели распространили его и на Новороссію и первымъ шагомъ ихъ въ этомъ дѣлѣ было уничтоженіе Запорожья, которое, по своему строю, находилось съ нимъ въ непримиримомъ противорѣчіи. Дальнѣйшимъ шагомъ была раздача крупныхъ земельныхъ участковъ, которая создала въ новомъ краѣ сначала землевладѣльческое дворянство, а потомъ и крѣпостное состояніе. Насколько прочно утвердились подобные взгляды

---

[1]) Вотъ характерный народный разсказъ о такихъ слободахъ, записанный г. Манжурою: якъ увелы „положеніе“ Сынегубъ и поселывся у Заплавци (слоб. новомосковскаго уѣзда) и почавъ до себе хрестьянъ наклыкаты. Тоди саме пишла така казенщина и городъ (Екатеринославъ) строилы, выгонялы и шляхы копаты заставлялы, то було винъ и маве: идить до мене, поможете мени що по хазяйству управыты, а я васъ на казенщину не дамъ. Отто и йшлы люде. Годъ шисть росказують и добре було. Прывезе було чоловикъ ёму визъ очерету, та дровъ воза тры, а въ литку съ хлибомъ поможе управытысь—та и уся робота. А то уже якъ выйшло шисть годъ—винъ ихъ и подпысавъ пидъ себе на викы; та такъ дило и зашерхло ажъ до воли (Екатерин. юбил. листокъ, 1887 г., № 2 „Картинка введенія екат. порядковъ въ зап. краѣ“).

въ умахъ тогдашнихъ дѣятелей, видно изъ того, что эту систему стали примѣнять и при заселеніи вновь пріобрѣтенной отъ Турціи очаковской области. Сохранилась любопытная вѣдомость земель этой области, которыя предположено было отвести подъ поселенія городовъ, казенныхъ селеній и помѣщичьихъ деревень: изъ этой вѣдомости оказывается, что и тутъ лица привилегированнаго состоянія получали не менѣе какъ по 1,500 дес. удобной земли. Во всѣхъ четырехъ уѣздахъ было отведено 2,167,800 дес. удобной земли, а именно подъ новые города (Новые Дубоссары, Григоріополь, Хаджибей) съ 15 казенными селеніями 113,500 дес., подъ существующія нынѣ 38 казенныхъ селеній 342,500 д., оставлено подъ новыя имѣющія основаться казенныя сел. 89,000 д., роздано помѣщикамъ 624,600 д., назначено имъ же 414,000 д., оставлено для нихъ же 584,200 д.; итого казеннымъ поселенцамъ и горожанамъ было дано 545,000 д., а помѣщикамъ 1,634,800 д., т. е. первымъ втрое меньше, чѣмъ вторымъ [1]). По даннымъ генер. межеванія оказывается, что частнымъ владѣльцамъ (чиновникамъ военнаго или гражданскаго вѣдомства) въ александрійскомъ уѣздѣ херс. губ. (359 ч.) было отведено больше земель, чѣмъ казеннымъ обывателямъ и горожанамъ; на долю каждаго изъ нихъ приходилось въ среднемъ по 1,000 д.; между тѣмъ жителей у нихъ было гораздо меньше, чѣмъ на казенныхъ [2]). Лучшія дачи Каховскій долженъ былъ раздавать сильнымъ міра сего, которые могли имѣть вліяніе на его служебную карьеру. «Сколь скоро землемѣры, писалъ онъ извѣстному Попову, снимающіе здѣшней области карту, соберутся въ Дубоссары, то выберу и назначу я, по предписанію В. П. лучшую дачу для е. с. гр. Н. И. (Салтыкова, президента военной коллегіи) и къ заселенію ея потщусь оказать всѣ зависящія отъ меня пособія»; «самыя лучшія дачи, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, берутъ гг. Мордвиновъ и Рибасъ да самовольно завладѣлъ оберъ-комендантъ херс., очак. кинб. и никол. гр. Виттъ (такъ онъ подписывается на подорожныхъ); я всѣмъ подлаживаю; послѣдній однако чудно творитъ» [3]). Конечно, это обстоятельство (подлаживаніе) иногда могло вредить успѣшному заселенію края; такъ, Каховскій считалъ необходимымъ занять всю новую западную границу (днѣпровское побережье), исключительно казенными селеніями; «изъ сихъ поселянъ, писалъ онъ

[1]) Зап. Од. Общ., IX, 319—331.

[2]) Матер. для оцѣнки земель херс. губ., т. III, стр. 123—125.

[3]) Зап. Од. Общ., XII, 360—361.

Попову, можно будетъ устроить военную цѣпь въ своё время и при селеніяхъ построить небольшіе редуты... Буде же сіи селенія поступятъ въ отдачу помѣщикамъ, то всѣ они разбредутся». И что же? Онъ не осмѣливается привести въ исполненіе этого полезнаго предпріятія, потому что гр. А. А Безбородко далъ записку объ отводѣ ему земель, служившихъ мѣстожительствомъ черноморцевъ (до перехода ихъ на Кубань); и вотъ, онъ проситъ Попова уладить это деликатное дѣло, обѣщаетъ отвести Безбородку дачи, которыя мало въ чемъ уступятъ прежнимъ и будутъ имѣть даже преимущество въ одномъ отношеніи передъ ними: не занимая пограничнаго положенія, онѣ будутъ безопасны отъ непріятеля и въ нихъ легче будетъ удерживать населеніе отъ побѣговъ [1]). Раздача лучшихъ земель, и при томъ громадными участками, должна была невыгодно отражаться на вольной народной колонизаціи. Стародубскіе раскольники, вызванные кн. Потемкинымъ, въ количествѣ 60 сем. заняли себѣ мѣсто ниже Большой Знаменки; кое какъ перезимовавъ и испытавъ массу трудностей, они стали уже распахивать свои земли, но должны были уйти отсюда, потому что земля эта была отведена кн. Вяземскому. На новомъ мѣстѣ они также не удержались, потому что песчаныя пространства (кучугуры) преградили доступъ имъ на пахатныя поля [2]).

Видное мѣсто среди поселенцевъ помѣщичьихъ земель занимали бѣглые; тѣ изъ нихъ, которые нанимали хаты у помѣщиковъ и обработывали имъ землю за десятую часть урожая, назывались десятинщиками [3]); въ помѣщичьихъ крестьянъ обратились многіе изъ бывшихъ «подданныхъ» или «челяди» запорожскаго войска, а также выходцы изъ заднѣпровской Украины [4]). Кромѣ того помѣщики переводили въ Новороссію на свои земли крѣпостныхъ крестьянъ изъ центральной Россіи.

Насколько же успѣшно шло заселеніе всѣми этими людьми помѣщичьихъ земель? Оправдались ли надежды правительства на быстрое заселеніе этихъ земель? Документальныя данныя заставляютъ насъ дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ оказалось совсѣмъ незаселенныхъ послѣ 1-й раздачи 182,896½ д. удобной и 6,024 д. неудобной земли у 64 владѣль-

---

[1]) Ibidem, стр. 363—364.

[2]) „Кіев. Стар." 1885, мартъ, 534—535.

[3]) Мат. для оцѣнки зем. херс. губ. I, 48—49.

[4]) Феодосія. Матеріалы. I, 560.

цевъ [1]). А о томъ, какъ шло заселеніе помѣщичьихъ земель въ очаковской области, свидѣтельствуетъ оффиціальный документъ, помѣщенный въ Пол. Собр. Законовъ. До свѣдѣнія правительства дошло, что земли между Бугомъ и Днѣстромъ, которыя были розданы для заселенія разнымъ владѣльцамъ, не были заселены, а остались впустѣ. По этому поводу министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ поручено было представить свои соображенія. Изъ собранныхъ ими свѣдѣній оказалось слѣдующее. Всѣхъ удобныхъ земель раздано было чиновникамъ до 824,374 дес.; на всемъ этомъ пространствѣ въ теченіе 12 лѣтъ поселено помѣщичьихъ крестьянъ не болѣе 6,740 д.; многіе участки до 12,000 дес. удобной земли оставлены безъ всякаго населенія, другіе же до 18,000 дес. имѣютъ не болѣе 30 душъ: такимъ образомъ обязательства о заселеніи остаются невыполненными; помѣщики вслѣдствіе этого, не получаютъ должныхъ выгодъ и край, вопреки предположеніямъ 1792 г., остается малонаселеннымъ и даже способы къ будущему заселенію встрѣчаютъ существенныя затрудненія. Въ виду всего этого, министры предложили, а государь утвердилъ слѣдующія мѣры: предоставить еще 4-хъ лѣтній срокъ (кромѣ прежняго 12-ти лѣтняго) для заселенія земель (въ препорціи по 30 десятинъ на муж. душу); принимать какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ поселенцевъ (вольныхъ и крѣпостныхъ), за исключеніемъ только бѣглыхъ; кто поселитъ меньше положеннаго числа, у того отрѣзывать только излишекъ земли; незаселенныя земли владѣльцы должны или отдавать въ казну съ уплатою въ пользу ихъ по 80 коп. за десятину, или продавать другому кому либо, кто пожелаетъ принять на себя прежнее обязательство; земли, отошедшія въ казну, могутъ быть розданы колонистамъ, казеннымъ крестьянамъ или частнымъ лицамъ на какія нибудь полезныя заведенія, съ уплатою за нихъ по 80 к. за десятину; владѣльческія земли, на которыхъ хотя и не было населенія, но за то было заведено скотоводство, не должны были отходить въ казну [2]). Такимъ образомъ помѣщикамъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ, правительство предоставило новыя льготы настоящимъ указомъ; на такую благосклонность они едва ли были въ правѣ даже разсчитывать. «Князь Вяземскій, гр. Салтыковъ, Безбородко, Завадовскій, Остерманъ, Якоби, Грибовскій, Рибасъ и мн. др. своихъ земель не заселили, а

[1]) Екатерин. Юбил. Листокъ, 1887 г., № 3 „Реестръ о розданныхъ, но незаселенныхъ екатериносл. уѣзда земляхъ“.

[2]) П. С. Зак., т. XXVIII, ук. 31 декабря 1804 г.

впослѣдствіи продали.... Грибовскій село Ташино, населенное переселенцами молдаванами, не устрашился продать, какъ крѣпостное, одесскому таможенному чиновнику» [1]) Другихъ постигали неудачи; такъ было съ 2 французскими графами, Шуазелемъ и Клермонтерой, бѣжавшими послѣ революціи въ Россію и занявшими себѣ землю по обѣ стороны балки Лепатихи [2]). Иные и брали земли просто для того, чтобы потомъ продать ихъ [3]). Въ XIX в. размѣры пожалованій уже нѣсколько сократились, хотя все таки были еще довольно значительны; въ 1803 г. велѣно было штабъ-офицерамъ отводить по 1,000, а оберъ-офицерамъ по 500 дес. земли [4]) въ Новороссійскомъ краѣ. Число жителей здѣсь въ это время было уже довольно значительно: въ екатеринослав. губ. 666,163 чел., т. е. около 444 чел. на кв. милю, и въ херсонской—370,430 чел., т. е. по 264 д. на кв. милю [5]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и объ отношеніи его къ общей цифрѣ населенія. У А. А. Скальковскаго мы находимъ, впрочемъ, одну любопытную статистическую вѣдомость: въ 10 уѣздахъ новорос. губ. (исключая двухъ крымскихъ) было въ 1800 году 179,883 д. муж. и 156,013 д. женск. пола крѣпостныхъ крестьянъ [6]) (335,896 д. об. п.), къ концу 1-й четверти XIX в. число ихъ еще болѣе увеличилось и составило еще болѣе видный процентъ въ общей цифрѣ населенія края. Сюда нужно присоединить еще нѣкоторое количество монастырскихъ крестьянъ, появленіе которыхъ находится въ тѣсной связи съ монастырскою колонизаціей. Въ 1794 г. монастырскихъ крестьянъ въ екатеринославской епархіи было 4,215 д. муж. и 4,215 д. женскаго пола [7]). Первое мѣсто между всѣми монастырями занималъ знаменитый Самарскій [8]), начало котораго относится еще къ запорожскимъ временамъ. За нимъ числилось 1,512 д. крестьянъ обоего пола и множество всякихъ угодій.

Такова была русская колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края въ XVIII и первой четверти XIX в.

Д. И. Багалѣй.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Зап. Од. Общ., XII, 383.

[2]) „Кіев. Стар“., 1885 г., мартъ, 537.

[3]) Зап. Од. Общ., XII, 337.

[4]) Мат. для геогр. и стат. Рос. Екат. губ., стр. 9.

[5]) Землевѣдѣніе рос. имп. V, 304, 339.

[6]) А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., II, 27.

[7]) Ibidem. I, 231.

[8]) Свѣдѣнія о немъ въ трудахъ пр. Гавріила и Феодосія.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

21—22.

Плахта. Дерга.

Слово плахта встрѣчается во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, западныхъ и южныхъ, въ значеніи холстины, простыни, головнаго платка или юбки (см. *Будиловича*, Первоб. слав. § 259). Въ Малороссіи плахтой называется родъ юбки, точнѣе, кусокъ шерстяной матеріи, полосатый или клѣтчатый, который женщины носятъ сзади, навязывая потомъ спереди, вмѣсто фартуха, запаску (*Закревскаго*, Старосв. банд. и словарь 451; *Основа* 1861. I). Плахта повсемѣстно выходитъ изъ употребленія; уже въ тридцатыхъ годахъ хорошія плахты считались рѣдкостью, а нынѣ и простыя трудно найти, и то въ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и заводовъ. Г. Ѳ. Квитка, описывая костюмъ Маруси, говоритъ: „Плахта на ній картацька, черчата, що матерынська придана; теперъ вже такихъ не роблять. И якихъ то цвитивъ тамъ не було? батечку мій, та и годи. Запаска шовкова, морева; каламайковый поясъ"... Плахта картацкая, т. е. клѣтчатая, а черчатая по красной основѣ, кромѣ примитокъ, или краевъ квадратиковъ рисунка. Кромѣ черчатыхъ плахтъ были еще напильныя, у которыхъ основа на половину синяя, на половину красная, и синятки, у которыхъ вся основа синяя. Узоры на плахтахъ почти повсюду одинаковы; но по достоинству матеріала, по прочности красокъ новыя плахты далеко уступаютъ стариннымъ. Въ старинныя плахты входилъ шелкъ, га-

[1]) См. „Кіев. Старина" 1889 г., № 4, апрѣль.

русъ, тонкая (шленская) шерсть и лучшая льняная пряжа; теперь ихъ замѣнили простая шерсть, нитки и бумага. Описывая производство плахтъ г. Ахтырки, г. Твердохлѣбовъ говоритъ, что ахтырскія плахотницы, —„серьезныя, ласковыя, привѣтливыя, скромно сознающія свое достоинство паниматки-украинки... Важно сидитъ она за своей работой въ бѣлой сорочкѣ съ шитыми мережкой или заполочью рукавами, въ спидницѣ, подперезанной червонымъ поясомъ, повагомъ, вдумчиво перекидываетъ она свой човникъ со стороны на сторону, то молчаливо, то напѣвая одну изъ тѣхъ пѣсенъ, „про котори багато де хто вже позабувавъ". Верстать стоитъ подъ образами, подлѣ окошка; на стѣнѣ—шитые рушники, моточки шерсти, бумаги. За образами заткнуты васильки, ласкавець, гвоздики съ чернобрывцями. Нигдѣ ни пылинки; повсюду чисто, уютно. Отъ всей этой скромной обстановки вѣетъ тихой памятью все болѣе и болѣе забываемой старины" (*Труды* коммис. III. 80).

Въ послѣднее время стали покупать плахты на обивку мебели, экипажей, на украшеніе стѣнъ; но это вѣяніе моды не подниметъ промыселъ, не оживитъ его, когда въ подрывъ его соединились такія серьезныя обстоятельства, какъ упадокъ крестьянскаго овцеводства, прекращеніе шелководства и недостатокъ красильныхъ растеній.

Ту же участь раздѣляетъ дерга, простой женскій костюмъ въ родѣ короткой юбки. Дерга—кусокъ шерстяной матеріи темнаго цвѣта, которую крестьянки оборачиваютъ вокругъ тѣла, сверхъ сорочки, отъ поясницы до колѣнъ. Въ дергѣ онѣ работаютъ въ полѣ и дома. Въ харьковской губерніи дерга встрѣчается еще во многихъ селахъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, напримѣръ, въ Ахтыркѣ; но уже въ 37 верстахъ отъ Ахтырки, въ большомъ торговомъ селѣ Боромлѣ дергу совсѣмъ забросили, и женщины усвоили мѣщанскій костюмъ.

Въ юго-западномъ краѣ плахта и запаска въ послѣднее время также вытѣсняются ситцевыми спидницами; плахта здѣсь встрѣчается рѣдко и то у пожилыхъ богатыхъ крестьянокъ (*Чубинскій*, VII, 428). Костюмъ этотъ встрѣчается чаще среди женщинъ консервативнаго населенія галицкаго Покутья, въ Карпатскихъ горахъ (см. рисунки у *Kolberg*, Pokucie, I; *Головацкій*, Галиц. пѣсни).

23.

Галаньци.

Въ перелицованной Энеидѣ Котляревскаго Дидона даритъ Энею:

Штаны й пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайки,
И шапку, поясъ зъ каламайки
И чорный шовковый платокъ.

П. А. Кулишъ, издавая Энеиду Котляревскаго, съ своей стороны усердно ее перелицовалъ, передѣлавъ многіе стихи и слова. Такъ, вмѣсто общеизвѣстнаго слова штаны у г. Кулиша находимъ темное слово галанци. Слово это, впрочемъ, довольно старинное и народу извѣстное. Оно означаетъ нынѣ узкіе штаны. Въ этомъ словечкѣ скрывается любопытная страница польской и южнорусской бытовой исторіи. Слово галанци по происхожденію и отчасти значенію родственно польскому слову фалендышъ; оба они происходятъ отъ словъ fein holländich—такъ называлось тонкое голландское и англійское сукно, употреблявшееся въ Польшѣ XVI вѣка на одежду. Въ малорусскій народъ названіе это вошло потому, что паны любили одѣвать своихъ слугъ, преимущественно козачковъ, въ фалендышевыя сукна, чаще всего дѣлали изъ него штаны и куртку. Польскій сатирикъ XVII в. Петръ Збылитовскій, обвиняя молодыхъ шляхтичей въ расточительности, между прочимъ, говоритъ: „Не умѣетъ онъ написать даже вызова въ судъ, въ законахъ ни аза не разумѣетъ, а пріѣдетъ домой, ему нужна уже шестерня, да карета разноцвѣтная съ дорогими коврами, для козачковъ тонкое голландское сукно, а для кучеровъ лондонское, да къ тому же мѣдныя шоры и сбрую для лошадей“. Тщеславные паны разорялись на богатыя ливреи для своихъ слугъ. „Такой роскоши не было при доблестныхъ нашихъ предкахъ, говоритъ другой польскій писатель Андрей Збылитовскій. Она началась только въ наше время. Помню, хотя я еще недавно на свѣтѣ, что панскій слуга не носилъ на своихъ плечахъ ливреи изъ бархата, атласа, дорогаго пурпура и тонкаго голландскаго сукна, а теперь вы ихъ одѣваете даже въ телеты“. Мартынъ Бѣльскій (1495—1575), знавшій хорошо Галичину, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о модныхъ товарахъ, продававшихся въ его время

въ суконномъ ряду въ Краковѣ: „Если пойдешь въ тотъ прекрасный суконный рядъ, то тамъ скоро выворотятъ наизнанку твой кошель. Фалендушемъ прозвали дорогое италіанское (?) сукно, чтобы лукаво сводить съ ума бѣдныхъ поляковъ"...[1]) Тождественное указаніе на наряды пановъ и слугъ ихъ идетъ со стороны православнаго инока Іоанна Вишенскаго. Іоаннъ обвиняетъ южнорусскихъ пановъ и высшее духовенство въ „ненасытной любви къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иншихъ суконъ", въ обиліи слугъ, въ страсти къ дорогимъ экипажамъ и винамъ[2]).

Искаженное слово галанци является культурнымъ переживаніемъ отъ давнопрошедшей шляхетской Польши. Это—блѣдный остатокъ старинной шляхетской роскоши и тщеславія, и нѣтъ никакого основанія вводить его въ литературный языкъ, возрождать къ новой жизни слово, выражающее одинъ изъ холопскихъ элементовъ давнопрошедшаго быта.

24.

Калатало.

Калаталомъ называется деревянная колотушка или колокольчикъ на шеѣ пасущагося въ лѣсу скота, надѣваемый на быковъ и коровъ съ той цѣлью, чтобы пастухамъ легче было разыскивать ихъ въ лѣсу. Г. Бартельсъ въ засѣданіи берлинскаго общества антропологіи и этнологіи 15 мая 1886 г. указалъ на совершенно сходный деревянный колокольчикъ на о. Суматрѣ (*Zeitschr. fur Ethnolog*. 1886, IV, 329). Тутъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо заимствованіи, и фактъ этого сходства интересенъ въ томъ отношеніи, что косвенно устанавливаетъ глубочайшую древность калатала.

---

[1]) *Макушевъ*, Обществ. и госуд. вопросы въ польской литературѣ XVI в 67. 109, 89.

[2]) Подробн. см. въ моемъ соч. объ І. Вишенскомъ 20, 21.

25.

Засовка.

Значительное сходство по внѣшнему виду съ калаталомъ представляетъ засовка, или деревянный замокъ, употребляемый въ хатахъ, млинахъ и иногда коморахъ. Это большой продолговатый кусокъ дерева, прикрѣпленный къ дверному столбу вблизи ручки дверной, съ отверстіемъ внутри, въ которомъ находятся подвижныя деревянныя палочки. Чтобы открыть дверь, нужно вставить въ круглое отверстіе въ двери загнутую палочку или желѣзку опредѣленной величины и приподнять ею замочныя палочки, что для человѣка неопытнаго довольно трудно. Засовка имѣетъ характеръ предмета древней культуры. Встрѣчается она въ Малороссіи повсемѣстно, въ лѣвобережной Украинѣ, въ юго-западномъ краѣ (*Чубинскій*, VII, 383), въ Галиціи (*Kolberg*, Pokucie. I, 57). Желѣзные замки употребляютъ только для скрыни, иногда для коморы, построенной отдѣльно. Слово засовъ встрѣчается и въ церковно-славянскомъ языкѣ, (напр., у Амос. въ сп. XV в. „съкрушу засовы Дамаска"); но не въ смыслѣ вереи, какъ полагаетъ Востоковъ (Словарь ц.-слав. яз. 136), а скорѣе въ смыслѣ затвора, или замка, каковой древній смыслъ этого слова сохранился въ малорусской засовкѣ.

26.

Преданіе объ обрядахъ при основаніи поселка.

Классическіе народы при постройкѣ села или города слѣдовали опредѣленному уставу, освященному религіей. При основаніи города Рима Ромулъ, по преданію, провелъ борозду; гдѣ онъ поднималъ плугъ, тамъ потомъ были поставлены ворота. Глыбы земли, приподнятыя сошникомъ, старательно отбрасывались внутрь окружной межи, чтобы ни одна частица священной почвы не осталась въ сторонѣ чужихъ. Ромулъ, съ покрываломъ на головѣ и въ греческой одеждѣ, самъ правилъ плугомъ, напѣвая молитвы. Въ плугъ были впряжены бѣлый волъ и бѣлая корова. Титъ Ливій говоритъ о Римѣ: „Нѣтъ въ этомъ городѣ ни одного мѣста, которое не было бы

пропитано религіей и занято божествомъ" (*Фюстель-Куланжъ*, Древн. общество 205). То же въ древности могъ сказать и славянинъ о своемъ городѣ, селѣ или въ частности дворѣ, потому что и славяне при основаніи жилищъ всякаго рода заботились о привлеченіи къ нимъ покровительства боговъ, хотя внѣшная обрядность у нихъ могла быть нѣсколько другая, вообще слабѣе классической. Повидимому, и у русскихъ славянъ необходимымъ считалось провести предварительно окружную борозду. Въ Малороссіи существуетъ преданіе, что при основаніи села предварительно проводили плугомъ окружную межу, причемъ въ плугъ впрягали быка и корову отъ одной матки; плугомъ правилъ парубокъ, а воловъ погоняла дивчина, непремѣнно сестра его, чтобы впослѣдствіи въ городѣ развилось семейное начало (*Nowosielski,* Lud ukr., I, 155). Въ борозду закапывали горшки съ просомъ и житомъ. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ (преимущественно сербскихъ) есть указанія, что при постройкѣ городовъ, крѣпостей и мостовъ, вообще большихъ сооруженій, закапывали или замуровывали живьемъ человѣка. Трудно сказать, практиковался ли такой обычай и у русскихъ славянъ, или онъ имѣлъ мѣсто только у балканскихъ славянъ, находившихся подъ вліяніемъ древнихъ классическихъ народовъ. Указаніемъ на древнее опахиваніе земли, при основаніи села, служитъ современное опахиваніе во время мора или падежа. Въ с. Новоселкахъ, кіевскаго уѣзда, говорятъ, что одна помѣщица во время повальной болѣзни приказала опахать село маленькимъ плугомъ, въ который былъ впряженъ пѣтухъ, и болѣзнь прекратилась (*Nowosielski,* I, 156) Въ волынской губерніи плугъ везутъ во время опахиванія на парѣ воловъ (*Аѳанасьевъ,* II, 565). Въ Великороссіи обычай опахиванія лучше сохранился, чѣмъ въ Украинѣ. Опахиваютъ всегда женщины, съ горящими лучинами въ рукахъ, съ громкими криками и пѣснями. Иногда при этомъ несутъ иконы и поютъ молитвы. Женщины идутъ или совсѣмъ нагія, или въ однѣхъ сорочкахъ, съ распущенными косами. Въ курской губерніи въ соху впрягаютъ бабу-неродицу (неплодную); управляетъ сохой дѣвка, рѣшившаяся не выходить замужъ; вдовы набираютъ песку и разсѣваютъ его по проведенной бороздѣ. Посѣвъ песку совершается также въ губерніяхъ воронежской и орловской во время опахиванія (*Аѳанасьевъ*, II, 567). Оче-

видно, здѣсь песокъ соотвѣтствуетъ житу малорусскаго преданія объ опахиваніи мѣста для постройки села.

Аѳанасьевъ высказалъ мнѣніе, что „опахиваніе было символическимъ знаменіемъ грозы“ (II, 569); я расположенъ видѣть въ немъ остатокъ древнихъ священныхъ обрядовъ при основаніи поселка, обусловленныхъ потребностью мѣстнаго культа богамъ, покровителямъ семейной и общественной жизни. Такимъ образомъ освящалось мѣсто, изгонялось изъ него все нечистое и вредное и привлекалось къ нему благорасположеніе божества.

Опираясь на замѣчаніе Скальковскаго въ статьѣ о гайдамакахъ (1845 г.), что всякое село въ Украинѣ и въ Новороссіи имѣло своего осадчаго, Новосельскій предполагаетъ, что осадчій совершалъ обряды при возникновеніи поселка (Lud ukr., I, 159). Предположеніе это не находитъ оправданія въ историческихъ документахъ. Въ то время какъ въ греко-римскомъ мірѣ на первый планъ выступала отдѣльная личность дѣятеля, что давало пищу преданію и пѣснѣ, въ славянствѣ выступаетъ община, сложная коллективная личность, и память объ ней сохранилась только въ повѣрьѣ и обрядѣ. Въ классической древности основателемъ города являлся человѣкъ, совершавшій священнодѣйствіе, безъ котораго этотъ городъ не могъ существовать. Онъ водружалъ очагъ и своими молитвами и обрядами призывалъ боговъ и водворялъ ихъ въ новомъ городѣ. Воспоминаніе о такомъ основателѣ переживало вѣка. Его считали богомъ, и городъ видѣлъ въ немъ своего высшаго покровителя. У славянъ все дѣлалось по общественному рѣшенію и приговору, и совершавшіе закладку поселка были исполнителями воли большинства населенія, на подобіе того, какъ въ настоящее время обрядъ опахиванія совершается съ общаго согласія и по рѣшенію мірской сходки. Общиннымъ характеромъ опахиванія обусловлено то обстоятельство, что въ немъ участвуютъ многія лица, выборныя изъ дѣвицъ и вдовъ. Такъ какъ хранителями религіозно-обрядовой древности явились почти исключительно женщины, то онѣ и въ опахиваніи являются полными распорядительницами обряда.

27.

Обряды при закладкѣ хаты,

какъ и слѣдовало ожидать, имѣютъ большое сходство съ извѣстными по преданіямъ обрядами при основаніи поселка. Есть указаніе, что въ старину опахивали отведенное для двора мѣсто. Въ настоящее время обычай этотъ, кажется, уже не встрѣчается; но вмѣсто него въ исключительныхъ случаяхъ домашней жизни соблюдается тотъ обычай, что домохозяйка нагишомъ обѣгаетъ вокругъ своего двора или, въ виду того неудобства, что дворъ застроенъ повитками и ограниченъ сосѣдними тынами, вокругъ своей хаты. Въ настоящее время при закладкѣ хаты сыпятъ по угламъ рожь; на ночь кладутъ въ каждый изъ четырехъ угловъ по „цѣлушкѣ“ хлѣба и стаканчику воды. Если на другой день хлѣбъ и воду застаютъ въ томъ же видѣ, то это признаютъ хорошимъ признакомъ, если хлѣбъ и вода окажутся тронутыми, то это предвѣщаетъ несчастье, или „тамъ чорты будуть товктысь“, и обращаются за совѣтомъ къ знахаркамъ. Зерно хлѣбное сыпятъ также при постройкѣ сарая (*Чубинскій*, I, 101, 104). Иногда кладутъ посреди мѣста, назначеннаго подъ хату, сковороду и кружокъ деревянный, и хорошимъ признакомъ считается, если подъ сковородой окажется роса, а подъ кружкомъ муравьи (*Nowosielski*, I, 163). Хорошимъ мѣстомъ для хаты считается еще то, на которомъ ложится рогатый скотъ (*Чубинскій*, VII, 376). На „закладины“ зовутъ священника, который окропляетъ мѣсто святой водой и читаетъ установленную на то молитву, упоминаемую еще въ Требникѣ Петра Могилы. По угламъ вмѣсто простаго хлѣба кладутъ кусочки артоса, по малорусскому выраженію „дарныка“, и кусочки ладона. Когда хата готова, входъ въ нее обставленъ нѣкоторой обрядностью: сначала вносятъ иконы; подъ ними на покутѣ ставятъ дѣжу; на столъ кладутъ хлѣбъ и соль (*Nowosielski*, I, 164). Въ подольской губерніи въ новый домъ на одну ночь пускаютъ черного пѣтуха и курицу; на другую ночь черную кошку и кота, и затѣмъ уже переходятъ на жилье въ новый домъ, передъ восходомъ солнца, съ хлѣбомъ въ рукахъ (*Дыминскій*, въ Этн. Сб. VI. Ст. 8).

28.

Къ исторіи хаты.

Та чистенькая и красивая хатка, которую мы встрѣчаемъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, которую видимъ на картинахъ г. Сергѣева, которая, по словамъ Т. Г. Шевченка, „стоить собі на прыгори въ садочку, квитами повыта, неначе дивчына", или, по словамъ Я. И. Щоголева, „пидъ горою, край долыны у вышневому садочку та въ калыни", эта хата предполагаетъ рядъ предшествующихъ культурныхъ ступеней и усовершенствованій. Одностороннее было бы думать, что особенности въ постройкѣ хаты зависятъ только отъ климата и почвы, согласно съ замѣчаніемъ П. П. Чубинскаго: „измѣненіе почвенныхъ и климатическихъ условій непремѣнно кладетъ свою особую печать на постройку избы, хозяйственныя постройки и расположеніе ихъ относительно другъ друга" (*Чубинскій*, VII, 375). Это вѣрно лишь отчасти; такъ какъ наряду съ такими факторами, какъ климатъ и почва, обнаруживается могущественное вліяніе исторіи, при чемъ открываются остатки прежняго быта и культурныя вліянія сосѣдей. Вирховъ справедливо замѣтилъ недавно, что характеръ постройки опредѣляется, между прочимъ, историческими привычками народа и его нравами. Какъ на характерный примѣръ, онъ указываетъ на постройки крестьянъ юго-восточной Франціи, въ древней Бургундіи. Здѣсь печи отличаются такой солидной постройкой, какая вовсе не обусловливается климатомъ, а представляется лишь остаткомъ древняго бургундскаго быта, обусловленнаго пребываніемъ бургундовъ на холодномъ сѣверѣ, у береговъ Балтійскаго моря, откуда бургунды вышли во II вѣкѣ по Р. Хр. и окончательно поселились въ теплыхъ странахъ юго-восточной Галліи въ V вѣкѣ (*Zeitschr. f. Ethnol.* 1888, VI, 299).

Еще въ 1850 г. Кавелинъ писалъ, что „подробное описаніе крестьянскаго жилья любопытно въ двоякомъ отношеніи. Крестьянская архитектура и расположеніе жилища представляютъ довольно замѣтныя различія у различныхъ вѣтвей русскаго народа, и слѣдовательно, являются важной составной частью этнографіи; нерѣдко по измѣненіямъ въ устройствѣ и расположеніи избы въ одной и той же мѣстности можно открыть составныя части ея народонаселенія. Но

особенно важными представляются эти описанія для нашей археологіи, которая изъ письменныхъ памятниковъ можетъ извлечь одни намеки и неясныя указанія, и только съ помощью описаній современнаго быта въ состояніи представить довольно полную картину старины. Наконецъ, этого рода описанія служатъ богатымъ источникомъ и пособіемъ для объясненія нашихъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій". (*Кавелинъ*, Сочин. IV, 208). Замѣчанія эти справедливы и въ приложеніи къ малорусской хатѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не подвергавшейся научному сравнительно-культурному изученію, что представляется, правда, и весьма затруднительнымъ, такъ какъ имѣются только описанія хатъ разныхъ мѣстностей (въ *Этногр сб. у Чубинскаго*, *Головацкаго*, *Кольберга*) и почти нѣтъ рисунковъ или фотографическихъ съ нихъ снимковъ. Въ этомъ отношеніи завидное положеніе занималъ, напр., тотъ нѣмецкій ученый, который при изученіи швейцарскихъ и южно-французскихъ крестьянскихъ построекъ имѣлъ 900 рисунковъ и фотографическихъ снимковъ (*Zeitchr. f. Ethnol.* 1888, IV) [1]. Но и по тому немногому, что извѣстно о хатѣ, можно замѣтить различіе между хатами Галиціи, Волыни, Приднѣпровья и Новороссіи, по внѣшней наружности и внутреннему устройству.

Въ настоящее время въ народѣ сохраняется темное преданіе, что люди нѣкогда („до потопа") не умѣли строить домовъ; постройка первой хаты приписывается Соломону или, подъ вліяніемъ апокрифовъ о сотвореніи міра и Адама, Богу и Сатанѣ, съ проведеніемъ обычнаго дуализма, что Сатана построилъ хату, а Богъ прорубилъ окна для свѣта, чего не могъ сдѣлать чортъ (*Чубинскій*, I, 100). Въ этихъ преданіяхъ любопытна та подробность, что первая хата была темна, что первые („послѣ Ноя") домики всегда строились безъ оконъ; но явился добрый человѣкъ (или ангелъ) и прорубилъ въ домѣ дыру для свѣта, а чтобы не дулъ въ нее вѣтеръ, закрылъ ее рыбьимъ пузыремъ (ib). Преданія эти вѣрно вос-

---

[1]) Западная литература богата сочиненіями по археологіи крестьянской избы; здѣсь укажемъ на соч. *Meitzen*, Das deutsche Haus, 1882; *Henning*, Das deut. Haus in sein. hist. Entwickelung, 1882; *Bezzenberger*, Ueber das litawische Haus, 1886; *Jan Karlowicz*, Chata polska, 1884. Прим. авт.

производятъ древнее устройство хаты, съ однимъ лишь отверстіемъ для свѣта и дыма.

Хатѣ предшествовала землянка. Индѣйцы Колумбіи выкапываютъ въ землѣ круглыя ямы отъ 10 до 12 футовъ глубины и отъ 40 до 50 футовъ въ окружности и устраиваютъ надъ ними крышу изъ сплавнаго лѣса и глины. Съ одной стороны оставляется отверстіе для прохода, вмѣсто двери, и въ него вставляется бревно съ зарубками, замѣняющее лѣстницу. Помѣщеніе обогрѣвается само собой, вслѣдствіе скопленія народа (12 — 15 чел.) и отсутствія вентиляціи (*Леббокъ*, Доист. времена, 420). Въ сѣверо-западной Америкѣ ингалики устраиваютъ подобныя подземныя жилища: входъ въ видѣ деревянной будки; затѣмъ идетъ спускъ внизъ въ землянку, по нѣсколькимъ ступенямъ и небольшому туннелю. Самая землянка представляетъ яму съ сводообразной крышей съ отверстіемъ посрединѣ, для выхода дыма. Ночью, когда погаснетъ огонь на очагѣ, головни выбрасываютъ черезъ отверстіе на крышѣ, а затѣмъ плотно закрываютъ его шкурами. Входъ также тщательно завѣшивается мѣховыми занавѣсами (*Гельвальдъ*, Ест. ист. народовъ, 337). Деревни древнихъ бриттовъ (до 420 г. по Р. Х.) состояли изъ собранія лачужекъ, выдолбленныхъ въ холмахъ или прямо въ землѣ, съ тою цѣлью, чтобы не строить стѣнъ; боковыя стѣны представляли собой простой плетень; крышу же крыли соломою (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 326). Въ Россіи, въ частности въ Украинѣ, часто строятъ землянки для временнаго помѣщенія рабочихъ или сторожа. Понятно, что при устройствѣ землянокъ всегда возможны частныя улучшенія. Такъ, въ харьковской губерніи землянки лѣсныхъ сторожей представляютъ уже переходъ къ хатѣ: на сухомъ мѣстѣ выкопана яма; стѣнки и потолокъ сдѣланы изъ хвороста, обмазаны глиной и побѣлены; внутри печь; наверху соломенная крыша съ хворостяной трубой, также обмазанной глиной. Внутри хаты скамьи, а иногда и столъ, земляныя, смазанныя глиной. Въ такой хатѣ-землянкѣ лѣсничій съ семьей живетъ многіе годы. Какъ извѣстно, запорожскіе курени въ Сѣчи представляли землянки большаго размѣра. Стѣны укрѣплялись на подпорахъ и обмазывались. Крыша состояла изъ земляной насыпи или изъ плетенаго хвороста, сверхъ котораго насыпали землю или набрасывали соломы. Земляная кровля

скоро заростала травою, и видны были только дымовыя трубы или дыры. Въ курень входили по землянымъ ступенямъ; были курные курени и курени съ печами. Окна продѣлывались только въ тѣхъ куреняхъ, которые поднимались выше земли. Такіе курени были не только у запорожскихъ, но и у донскихъ и яицкихъ козаковъ; часто весь поселокъ состоялъ изъ такихъ землянокъ.

Въ Приднѣпровьѣ, въ предѣлахъ бывшей слободской Украины и въ Новороссіи вездѣ есть дымовая труба, даже въ землянкахъ; но на Волыни и въ Галиціи удержались еще курныя хаты, встрѣчающіяся также во многихъ великорусскихъ губерніяхъ. Вердумъ, побывавшій въ Подоліи и на Волыни во второй половинѣ XVII в., замѣтилъ, что „въ русскихъ домахъ нѣтъ трубъ, а только печка. По всѣмъ сторонамъ избы находятся отверстія, которыя отворяютъ, соображаясь съ вѣтромъ, для выпуска дыма" (*Пташицкій*, въ Журн. Мин. Н. Пр. 1878, CXCIX, 90). Въ галицкомъ Покутьѣ у бѣдныхъ гуцуловъ встрѣчаются курныя хаты, въ которыхъ дымъ „валитъ изъ затопленной печки на всю комнату и стоитъ густымъ облакомъ подъ чернымъ потолкомъ, тѣснясь вонъ четыреугольнымъ отверстіемъ въ потолкѣ. Пока не выгоритъ въ печкѣ, двери и окошки открыты" (*Головацкій*, I, 693). Курныя избы часто встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети въ Полѣсьѣ. По словамъ П. П. Чубинскаго, „курная изба—низенькая, темная, грязная; стѣны ея, кромѣ того что закопчены дымомъ, почти всегда снабжены въ достаточномъ количествѣ клопами, пруссаками, тараканами и другими насѣкомыми, развитію которыхъ способствуютъ грязь и нечистота". Но тамъ же, въ Полѣсьѣ, встрѣчается полукурная изба, какъ переходъ къ хатѣ отъ курной избы; въ полукурной избѣ труба проведена только въ сѣни, такъ что дымъ выходитъ на горище, или чердакъ. Вновь мало строятъ уже курныя избы (*Чубинскій*, VII, 389). Въ пѣснѣ „не литай, мудрагелю (мотылекъ?), по пидъ чорну стелю, не запорошы билу постелю" мы имѣемъ курную избу, съ потолка которой сыпется сажа.

Нельзя опредѣлить съ точностью, когда масса малорусскаго народа перешла отъ курной избы къ хатѣ. Въ XVI—XVII ст. хата была уже господствующей формой жилья, въ видѣ свѣтлой и чистой избы, изъ одного или двухъ жилыхъ помѣщеній, съ при-

бавкой иногда темной коморы. Священникъ Никоновъ, описывая современную намъ хату крестьянъ воронежской губерніи, замѣчаетъ: „хаты снаружи и внутри бѣлятся очень чисто; домашнія иконы украшаются множествомъ цвѣтовъ; битый глиняный полъ въ хатѣ малороссійская женщина смазываетъ вновь непремѣнно каждую субботу и зимой и лѣтомъ, то же дѣлаетъ и съ печнымъ шесткомъ (*Никоновъ*, въ Труд. Вольно-Экон. Общ., 1867, т. III).

Расположеніе хатъ по улицѣ различно по мѣстностямъ. Въ Галиціи у горянъ гуцуловъ села не велики, и хаты разставлены въ безпорядкѣ: „Хата направо, хата налѣво, хата впереди, хата назади; ничего общаго, ничего связаннаго нѣтъ; каждый живетъ самъ по себѣ" (*Головацкій*, I, 692). На крайнемъ востокѣ Малороссіи, въ воронежской губерніи, наоборотъ, хаты „никогда не отставляются отъ плановой линіи внутрь двора, а или всей своей длиной, или по крайней мѣрѣ одной узкой стороной выходятъ на улицу. Ряды малороссійскихъ хатъ бываютъ очень длинны, безъ всякихъ промежутковъ; усадьбы чрезвычайно узки и длинны. Средняя часть усадьбы занята сараями, амбарами, кошарами или простыми повитками, а задняя левадой, или огородомъ, гдѣ только возможно съ водой и рощицей" (*Никоновъ*, 166). Такое же расположеніе хатъ и хозяйственныхъ построекъ въ харьковской губерніи.

Хаты большею частью стоятъ за тыномъ, что придаетъ усадьбѣ нѣкоторую скрытность и уютность, отвѣчающія сосредоточенному характеру малоросса; въ большихъ селахъ харьковской губерніи стали ставить хаты на улицу или прорубливаютъ въ тыну противъ окна отверстіе на большую дорогу (шляхъ). Весьма возможно, что въ обычаѣ пускать на улицу тынъ скрывается какое-нибудь восточное вліяніе, которое нужно, впрочемъ, еще опредѣлить и доказать; обычай этотъ держится несомнѣнно потому, что выгоденъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ тынъ, часто густой и высокій, съ „острожкомъ", прикрываетъ отчасти хату отъ холоднаго вѣтра.

Хата прогрессируетъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ торговыхъ селахъ харьковской губерніи. При перестройкѣ ее увеличиваютъ; вмѣсто глиняной печи устраивается кирпичная; прибавляется число оконъ; вмѣсто подъемныхъ трехъ-стекольныхъ окошечекъ начинаютъ пользоваться растворчатыми 4 или 6 стекольными окнами.

Если уже говорить объ инородномъ вліяніи на малорусскую хату, то лишь о западно-европейскомъ, повидимому, нѣмецкомъ вліяніи; П. П. Чубинскій нашелъ, что форма крыши полѣсской курной избы напоминаетъ крышу нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся въ волынской губерніи; она имѣетъ два ската, одинъ на передній, другой на задній фасадъ избы, при чемъ одинъ иногда бываетъ покрытъ соломой, другой досками (VII, 390). Нѣмецкія крестьянскія хижины на верховьяхъ Дуная отличаются высокой крышей, галлерейкой вокругъ дома и узкими простѣнками между окнами (*Шерръ*, Ист. цив. Герм., 574). Такимъ же характеромъ отличались дома малорусскихъ зажиточныхъ козаковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ стараго времени (напр., домъ Аѳан. Иван. въ „Старосв. помѣщ.“ Гоголя). И теперь еще изрѣдка встрѣчаются такіе дома, съ высокой соломенной крышей и „пиддашьемъ“—навѣсомъ, или галлерейкой вокругъ дома. Что нѣмецкая изба могла оказать вліяніе на хату, можно уже судить по значительному числу нѣмецкихъ словъ, обозначающихъ составныя части хаты, какъ-то: дахъ, ганокъ, грубка, шибка.

Въ повѣсти Квитки „Ложныя понятія“ (на рус. яз.) находится любопытное описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося еще въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и большихъ селахъ. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ поддерживается двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо ведетъ въ „залку“. Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы мастеровъ борисовскихъ и суздальскихъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до нижняго конца зеркала по обѣ стороны спускалось полотенце, расшитое красными нитками; по субботамъ его мѣняли; на стѣнахъ развѣшаны картинки батальнаго и любовнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой довершаютъ убранство залы. Изъ залки дверь на право ведетъ въ „гостиненку“, дверь на лѣво въ спальню; изъ спальни выходъ въ кухню, а изъ послѣдней въ

сѣни. Въ сѣняхъ дверь на право вела въ отдѣльную комнатку „упокой“, предназначенную для гостя или постоя. У Квитки въ такомъ домѣ живетъ казенный крестьянинъ Стовбырь, изъ всѣхъ силъ тянущійся въ городское мѣщанство, въ одеждѣ, домашней обстановкѣ, даже въ фамильномъ своемъ названіи (Стовбыревскій), а потому при его домѣ нѣтъ ни садика, ни огорода, на которые Стовбырь, этотъ прародитель современныхъ торговцевъ-кулаковъ, смотритъ, какъ на „мужицкіе промыслы“.

29—37.

Домашніе талисманы.

Благосостояніе семьи зависитъ отчасти отъ занимаемаго ею жилья. Въ настоящее время удобство жилаго помѣщенія опредѣляется съ чисто практической, санитарной и экономической точки зрѣнія, по количеству свѣта и воздуха, по положенію дома на высокомъ или низкомъ мѣстѣ, по числу печей и т. п. Въ древнее время въ понятіе объ удобствѣ жилья входило мистическое начало, обусловленное наклонностью мысли къ анимизму, или къ усмотрѣнію во всѣхъ подробностяхъ быта вліянія духовъ, благосклонныхъ или враждебныхъ человѣку. Въ домѣ жили души предковъ, или душа перваго его строителя, въ видѣ своенравнаго старика домоваго, и онъ является иногда покровителемъ и хранителемъ хаты и ея жильцовъ; но такъ какъ у крестьянина есть много мистическихъ враговъ въ видѣ разныхъ вѣдьмъ, колдуновъ, упырей, огненныхъ змѣевъ, то одного заступничества домоваго, даже христіанской молитвы, св. воды и иконъ недостаточно для полной охраны семейнаго мира и благополучія, и потому возникли повѣрья о разныхъ охранительныхъ домашнихъ талисманахъ, предупреждающихъ то или другое несчастіе. Повѣрья эти большею частью коренятся въ глубокой языческой древности. Главными домашними талисманами служатъ:

1) *Огонь.* Съ особенной отчетливостью значеніе огня на очагѣ, какъ домашняго талисмана, открывается въ гимнахъ Ригъ—Веды. Здѣсь выдѣляется одинъ огонь, главный, всенародный, „пупъ племенъ“, и затѣмъ, какъ его вѣтви, другіе огни, семейные, общин-

ные, племенные. Агни семейный—„damunas"—называется „владыкой дома." Домашній священный огонь горѣлъ въ каждомъ домѣ, какъ семейное божество. (*Овсянико-Куликовскій*, Къ ист. культа огня у инд., 12). Что и у нѣмцевъ былъ свой Агни семейный—видно изъ многихъ повѣрій и обрядовъ, гдѣ большую роль играетъ домашній огонь. При полученіи имущества и при входѣ въ новый домъ возжигали огонь. Какъ въ старину, такъ и нынѣ при первомъ вступленіи новобрачной въ домъ мужа зажигаютъ огонь (Grimm, Deut. Rechtsalt. 195). Былъ Агни семейный и у славянъ, въ видѣ домашняго огня, которому молились и приносили жертвы. Наиболѣе характерныя черты семейнаго Агни сохранились въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ обрядахъ и повѣрьяхъ. Въ Бѣлой Руси молодая, оставляя отцовскій домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ: „Добрая доля да идзи за мной съ печи пламенемъ, съ хаты каминемъ." Въ Великороссіи при переходѣ на новоселье переносятъ изъ старой печи жаръ. По малорусскому повѣрью, каждый день слѣдуетъ дѣлать огню подарокъ, т. е. на ночь ставить въ печь горшокъ съ водою. Въ гнѣвѣ огонь сожигаетъ хату (*Потебня*, О долѣ, 16). Въ грубешовск. и житомирск. уѣздахъ огонь почитается ангеломъ. Въ огонь запрещается плевать или заметать его въ печку вѣникомъ. Въ литинскомъ уѣздѣ огонь признаютъ чѣмъ то святымъ, олицетворяемымъ въ формѣ мстительнаго человѣка. Всякая хозяйка обращается съ огнемъ осторожно, заметаетъ его чистой метелкой, креститъ его, иногда ставитъ въ печь на ночь горшокъ съ водою и полѣно, чтобы онъ имѣлъ что ѣсть и пить. „Мы шануемъ огонь якъ Бога, говорятъ малороссы; винъ нашъ дорогый гисть" (*Чубинскій*, I. 44—45). Въ Галиціи горяне гуцулы при разведеніи перваго огня на лѣсныхъ пастбищахъ скота падаютъ передъ нимъ на колѣни (*Головацкій*, I, 699).

2) *Печь* получила освященіе по разводимому въ ней огню. „Сказавъ бы, та пичь въ хати", говорятъ малороссы, удерживаясь отъ произнесенія дурнаго слова. Особенно важное значеніе имѣетъ печь въ свадебныхъ обрядахъ. Чтобы сватовство удалось, сваты выламываютъ изъ печи кирпичину и держатъ ее въ карманѣ (*Драгомановъ*, Малор. пред. 20). Дѣвушка во время сватовства колупаетъ печь; свата сажаютъ передъ печкой и т. д. (подроб. см. въ моемъ соч

О свадеб. обр. 186—192). То же у другихъ народовъ. Въ Германіи дѣвушки просятъ печку послать жениха: „Lieber Ofen! ich bete dich an, gieb mir doch bald einen Mann" (*Mülhause*, Die Urrelig. 98) Въ нѣмецкихъ сказкахъ передъ печкой становятся на колѣни, молятся ей и приносятъ ей жертву (*Grimm*, Deut. Myth. I. 595). Древніе греки къ очагу относились съ благоговѣніемъ, какъ священному предмету (*Wachsmuth*. Hellen. Alterth. II, 236). Въ Германіи, у австрійскихъ и балканскихъ славянъ, въ древности у римлянъ и индусовъ невѣсту обводили вокругъ очага (мое соч. О свад. обр. 190 и др.).

3) *Соръ*, при всей своей ничтожности, иногда играетъ роль таинственнаго талисмана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полт. губ., начиная отъ вечера Богатой кутьи до Новаго года, выметая избу, соръ не выбрасываютъ вонъ, а собираютъ въ одно мѣсто и въ Новый годъ выносятъ его до восхода солнца въ садъ и сожигаютъ (*Маякъ* 1843, XI, 39). Съ переходомъ въ новый домъ или на квартиру, на прежней выметаютъ и выбрасываютъ соръ, чтобы не оставить доли въ покинутомъ домѣ, и затѣмъ горсть сора переносятъ въ новый домъ и бросаютъ его въ передній уголъ (*Kopernicki*, въ „Zbiór wiadom." XI, 203). Выбрасываютъ соръ до захода солнца. Употребляютъ соръ въ гаданіяхъ: берутъ на „смитныку," не глядя, какую нибудь выброшенную вещь и по ней гадаютъ, кто будетъ мужемъ, сапожникъ, плотникъ или кто другой (*Ящуржинскій*, въ Кіев. Стар. 1888. XI. 63) [1]), но преимущественно употребляютъ у нѣкоторыхъ народовъ соръ на свадьбахъ, на что въ Малороссіи намекаетъ лишь пословица „на смитныку женывся" (*Номисъ*, Приказки, § 8819). Чтобы понять основное значеніе этого выраженія, нужно принять во вниманіе, что у древнихъ индусовъ молодая при входѣ въ домъ мужа становилась на кучу сора (*Weber*, Ind. Stud., V, 371) а въ западной Германіи молодую въ домѣ новобрачнаго обводятъ вокругъ кучи сора (*Wuttke*, Volksabergl. 351). Основное значеніе обрядоваго употребленія сора у русскаго и др. индоевропейскихъ народовъ достаточно объясняется слѣдующимъ древнимъ индусскимъ свадебнымъ обрядомъ и относящимся къ нему изрече-

---

[1]) Въ казанской губ. дѣвушки гадаютъ, имѣя въ рукахъ горсть сора (*Можаровскій*, Святоч. пѣсни, игры и гад. 102). Прим. авт.

ніемъ: на кучу сора клали камень; на него клали немного травы, и мужъ возводилъ новобрачную на камень, приговаривая: „для тебя, жена, держу я счастливый и цѣлебный твердый камень въ лонѣ божественной земли" (*Weber*, Ind. Stud., V, 395). Такимъ образомъ оказывается, что соръ служилъ символомъ земли, и обрядовое его употребленіе обусловлено религіознымъ почитаніемъ земли, а что такое почитаніе земли было нѣкогда свойственно и русскому народу, видно изъ многихъ другихъ малорусскихъ обрядовъ и повѣрій, напримѣръ, изъ запорожскаго обычая мазать грязью лицо вновь выбраннаго въ кошевые атаманы, изъ повѣрья, что отъ нѣкоторыхъ болѣзней полезно съѣсть немного земли, изъ клятвы землей и т. п. У Т. Г. Шевченка Катерина, оставляя родное село, взяла съ собою кусочекъ земли изъ своего садика, съ тѣмъ, что когда она умретъ на чужбинѣ и ее похоронятъ въ чужую землю, „то своеи крихотка надо мною ляже, та про долю, мое горе чужымъ людямъ скаже"... Здѣсь обнаружилось уже затемнѣніе древняго вѣрованія въ божественность земли и слишкомъ субъективное его пониманіе, что, однако, не можетъ быть разсматриваемо, какъ poetica licentia, а раздѣляется массой народа.

4) *Ужъ*. Крестьяне считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ хатѣ поселится ужъ. Онъ приноситъ съ собой богатство (*Чубинскій*, I. 65; *Kopernicki*, 221). Повидимому, въ видѣ ужа представлялся домовой. Въ Литвѣ, по свидѣтельству Герберштейна, почитали змѣй швоитовъ, держали ихъ въ домѣ, приносили имъ въ даръ молоко, сыръ, яйца и куръ (*Герберштейнъ*, въ пер. Анонимова, 80). Кромеръ говоритъ, что и въ Польшѣ дозволяли ужамъ и змѣямъ селиться въ домахъ подъ печкой и чтили ихъ какъ пенатовъ (*Аѳанасьевъ*, II. 633). Такъ какъ понятіе о семейныхъ и родовыхъ пенатахъ было распространяемо на цѣлые города и области, то у древнихъ грековъ содержали змѣй въ аѳинскомъ акрополѣ и во многихъ другихъ городахъ.

5) *Ласточка*. Въ малорусскихъ колядкахъ ласточка предсказываетъ домохозяину „божу мылость" въ видѣ урожая хлѣба и приплода скота (*Потебня*, Колядки, 68; *Лоначевскій*, Сбор. пѣс. буков. нар., 26). Счастливымъ предзнаменованіемъ считается, если ласточка вьетъ гнѣздо въ домѣ; разрушить его большой грѣхъ. Если

ласточки улетаютъ изъ какой нибудь мѣстности, то непремѣнно слѣдуетъ ожидать мора людей (*Чубинскій*, I, 59). Если разорять гнѣзда ласточекъ, то онѣ будутъ летать подъ коровъ, отчего портится молоко (*Nowosielski*, II, 129), или на лицѣ виновнаго будутъ веснушки, „ластовиння". Если даже допустить, что повѣрье о морѣ людей по отлетѣ ласточекъ основывается на какомъ нибудь реальномъ наблюденіи, то при всемъ томъ останется еще много повѣрій о ласточкѣ, какъ такой птицѣ, которую „грихъ драты, бо то Божа птыца." Ласточкино сердце привязываютъ къ шойному кресту (*Аѳанасьевъ*, I, 455), очевидно, какъ талисманъ. Крестьяне нарочно прибиваютъ подъ кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда (ib. III. 686). Въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ о ласточкѣ обнаруживается примѣсь христіанскаго апокрифическаго элемента; напр., ласточка присутствовала при распятіи Спасителя и крала гвозди (*Чубинскій*, I, 59); въ Чехіи и Германіи она называется птицей Божіей Матери (*De Gubernatis*, Die Thiere, 523). Въ Германіи и Италіи считаютъ тяжкимъ грѣхомъ убить ласточку или разрушить ея гнѣздо. Какъ въ Малороссіи, такъ и въ Венгріи, и въ Германіи думаютъ, что въ наказаніе за разрушеніе гнѣзда ласточки молоко у коровъ пропадаетъ или обращается въ кровь. Считается хорошимъ признакомъ, если ласточка влетитъ въ окно. Древніе писатели говорятъ, что даже хищные птицы считаютъ ласточку священной птицей. У Арріана ласточка предупреждаетъ Александра Македонскаго объ опасности; въ Эддѣ 7 ласточекъ совѣтуютъ Сигурду убить чудовище, оберегающее кладъ (*De Gubernatis*, 523). Въ Дагестанѣ разсказываютъ, что богатыри основали аулъ Цудахаръ по слѣдующему поводу. На этомъ мѣстѣ они имѣли ночлегъ и воткнули знамя въ землю вокругъ своего очага. Проснувшись по утру, они увидѣли, что ласточки носятъ землю на конецъ ихъ копья, гдѣ знамя, и устраиваютъ на немъ себѣ гнѣздо. Ученые сказали, что это доброе предзнаменованіе, и потому богатыри поселились здѣсь (*Анучинъ*, Отч. о поѣздкѣ въ Дагестанъ, 74).

6) *Аистъ* (гайстеръ, бусолъ или бусля, боцянъ, лелека, черногузъ) приноситъ счастье той хатѣ, на которой сложитъ гнѣздо; если разорять его гнѣздо, то онъ спалитъ хату; не разъ видѣли

аиста, несущаго въ клювѣ горящую головню для подпала хаты, гдѣ разорено его гнѣздо (*Nowosielski*, II, 126; *Чубинскій*. I. 62). Разгнѣванный аистъ можетъ еще наслать грозовую тучу (*Kopernicki*, 218). Разсказы о происхожденіи аиста имѣютъ христіанскій апокрифическій характеръ: Пресв. Дѣва приказала своей служанкѣ вымыть свою сорочку въ морѣ, не глядя на сорочку; но служанка не исполнила приказанія и была за то обращена въ черногуза (*Чубинскій*, I, 62; *Драгомановъ*, Малорус. пред. 8). По другому варіанту, въ аиста былъ обращенъ человѣкъ, не исполнившій приказанія Бога выбросить мѣшокъ съ гадами, не заглядывая въ него (*Чуб.*, *Kopern.* ib.). Аистъ встрѣчается въ сказкахъ, напр., въ Сборникѣ Аѳанасьева т. I, § 36 и IV, § 210 (шутливаго содержанія), во 2 т. „Трудовъ" Чубинскаго § 66 („про журавля, що жинку вкравъ", также шутливая) и въ др. Де-Губернатисъ, останавливаясь, между прочимъ, и на аистѣ по даннымъ въ сборникѣ сказокъ Аѳанасьева, даетъ ему миѳическое объясненіе (der Storch personificirt den unheilvollen Himmel, стр. 540), что однако весьма сомнительно. И аистъ, и ласточка, повидимому, получили свѣтлое значеніе отъ того, что рано прилетаютъ весной и селятся вблизи хатъ.

7) *Конская подкова*, какъ талисманъ, встрѣчается преимущественно въ домахъ мѣщанъ или въ торговыхъ лавкахъ. Подкову прибиваютъ на порогѣ, чтобы было много покупателей. Трудно сказать, заимствовано ли это повѣрье, или существуетъ на Руси искони. Источникъ его кроется въ религіозномъ почитаніи коней кельтами, германцами, вендами. Для охраненія своихъ стадъ отъ моровой язвы венды втыкали головы лошадей и коровъ на заборахъ вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ, а для отогнанія злыхъ духовъ клали въ ясли лошадиную голову. Въ Голландіи вѣшаютъ лошадиную голову въ свиныхъ хлѣвахъ; въ Мекленбургѣ кладутъ ее подъ подушку больнаго. Германцы для отвращенія грозы ставили на верху избы конскія головы съ разинутыми пастями, обращенными въ ту сторону, откуда ожидали бѣду. Впослѣдствіи, у германцевъ и славянъ на избахъ стали строить коньки деревянные. Наряду съ употребленіемъ подковы для развитія богатства, въ Малороссіи встрѣчается нѣсколько другихъ сходныхъ обрядовъ. Въ Поднѣстровьѣ втыкаютъ кобылью голову на колъ плетня въ огородѣ, чтобы „все родыло." Украинскіе

знахари относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ той травѣ, которая проростаетъ сквозь глазныя ямки брошеннаго конскаго черепа и стараются собирать ее для своихъ чаръ (*Аѳанасьевъ*, I, 637). Въ пользу предположенія о заимствованіи малороссами обычая прибивать на порогѣ подкову говоритъ то обстоятельство, что обычай этотъ распространенъ въ Германіи, причемъ подкова здѣсь оберегаетъ домъ отъ всякаго зла (*Lippert*, Christenthum, 461).

8) Разные *предметы растительнаго царства*, напримѣръ: *Макъ выднякъ* употребляется противъ вѣдьмъ; этимъ макомъ обсыпаютъ домъ (*Чубинскій*, III. 225, I. 81), чтобы не ходили въ него вѣдьмы; обсыпаютъ мертвеца, подозрѣваемаго въ знахарствѣ (*Nowosielski*, II, 148), чтобы онъ потомъ не безпокоилъ людей. *Чертополохъ* также держатъ въ домѣ для отогнанія злыхъ духовъ и вѣдьмъ (*Nowosielski*, II, 145). *Чернобыль* — подпоясываются дѣвушки противъ козней вѣдьмъ (*Kolberg*, I, 202). *Лопухъ*—въ Галиціи вѣшаютъ въ хатѣ отъ вѣдьмъ (ib. 201). *Чеснокъ* въ Галицкой и Угорской Руси вплетаютъ въ вѣнокъ невѣсты на свадьбахъ, а наканунѣ дня св. Георгія (23 апр.) мажутъ чеснокомъ ободверины и порогъ (*Записки* Геогр. Общ. по отд. этн. 1869, II, 100). Отъ вѣдьмъ держатъ въ домѣ также *крапиву*, *осину*, *рябину*, освященныя въ церкви вербовыя вѣтки (*Мандельштамъ*, Опытъ объяс. обыч. 307).

9) Разные *предметы христіанскаго религіознаго благочестія*, какъ то: *четверговая или страстная свѣча*, иначе называемая громницей; стараются принести изъ церкви зажженной и выпаливаютъ затѣмъ ею кресты на верхней дверной перекладинѣ и на сволокѣ. Зажигаютъ ее во время грозы, тяжелыхъ болѣзней или пожара [1]). Затѣмъ важное значеніе имѣетъ *іорданская вода*; ее хранятъ въ теченіи всего года, кропятъ животныхъ, даютъ пить людямъ отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Весьма цѣнится, какъ талисманъ, апокрифъ „*Сонъ Богородицы*". Списокъ апокрифа хранятъ за кіотомъ. Такое уваженіе къ этому апокрифу обусловлено находящимся въ концѣ его обширнымъ заговоромъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: кто сей сонъ въ домѣ своемъ содержитъ въ чистотѣ и съ прилежностью, и домъ тотъ сохраненъ будетъ и

[1]) Тоже у поляковъ (см. *Głos*, 1888, № 200), у великоруссовъ, у чеховъ (*Časop. čes Mus.* 1849, I, 165).

помилованъ отъ лукаваго и отъ нечестиваго духа, діавольскія силы; къ тому человѣку, къ дому, къ рабамъ не приступится и не прикоснется лихой и злой человѣкъ, и будетъ въ томъ дому духъ святый почивать, и будетъ счастье и умноженіе всякаго плода и ущербу ни въ чемъ не будетъ (*Пыпинъ*, Памят. стар. р. лит. III, 126).

Такъ ясно и обстоятельно объяснено въ одной старинной рукописи значеніе апокрифическаго „Сна"; такое же широкое значеніе имѣли и другіе домашніе талисманы, огонь, подкова и пр. Они охраняли семью отъ злаго духа и отъ злаго человѣка, вносили въ душевное настроеніе старинпаго человѣка чувство устойчивости и опоры противъ обуревавшихъ его мистическихъ страховъ и опасеній.

Въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ большую роль играетъ дѣдушка домовой, возникшій изъ разнородныхъ представленій объ огнѣ, какъ семейномъ духѣ покровителѣ, и о душѣ предка. Есть добрые и злые домовые; для своего двора домовой почти всегда оказывается добрымъ покровителемъ. Мы здѣсь не будемъ говорить о домовомъ, такъ какъ считаемъ этотъ предметъ достаточно подробно изслѣдованнымъ Аѳанасьевымъ во 2 т. Поэт. воззр. слав. на природу. стр. 67--120. Нѣсколько любопытныхъ подробностей о древнихъ классическихъ домовыхъ добрыхъ (dii manes) и злыхъ (лемуры) можно найти въ „Эпиграфич. этюдахъ" г. Помяловскаго, 57—59, о домовыхъ австрійскихъ южныхъ славянъ въ „Знаніи", 1877, апр., и о домовыхъ разныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ въ „Первобытной культурѣ" Тэйлора, въ главахъ объ анимизмѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НЕЧИСТАЯ СИЛА.[1]

ПОВѢСТЬ.

При выходѣ Евки замужъ, всѣ бабы и дивчата каркали, какъ вороны, предсказывая недоброе, удивляясь и завидуя тому, что ее берутъ въ самый богатый дворъ. Она и тогда уже съ пренебреженіемъ относилась къ этому счастью и предпочла бы своему жениху сотню другихъ. Ѳедоръ былъ тогда тощимъ, нескладнымъ юношею, съ кривыми ногами, и еще безъ усовъ; еще недавно онъ пасъ скотъ вмѣстѣ съ другими подростками, а теперь хвалился, что заставитъ ее, Евку, взяться за умъ и будетъ бить до тѣхъ поръ, пока не пріучитъ къ работѣ какъ слѣдуетъ. Евка смѣялась, вслушиваясь въ эти рѣчи; самъ чортъ убѣжалъ бы отъ ея смѣха,—Ѳедоръ же оставался къ нему равнодушенъ. Вышла за него она изъ крайности: голодъ преслѣдовалъ ее съ самаго ранняго дѣтства. Мать ея была глупа до того, что еще и теперь, вспоминая о ней, Евка презрительно пожимала плечами. Да и было отчего: высокаго роста, черноглазая, еще молодая женщина, она вѣчно ходила въ лохмотьяхъ, какъ нищая. А вѣдь волостной писарь хотѣлъ взять ее къ себѣ въ хозяйки—а она... отказалась.

— Довольно одного грѣха! говорила она, теперь нужно Богу молиться, заботиться о душѣ.

Писарь же нашелъ себѣ другую, румяную, красивую, царившую у него, какъ у себя въ домѣ. Евка не разъ видѣла, какъ она, въ розовой ситцевой юбкѣ, въ голубомъ шелковомъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 4, апрѣль.

платочкѣ, кормила зерномъ птицу или крошила зелень для свиней; у нея были кольца, сережки; сидитъ бывало по цѣлымъ часамъ за самоваромъ у открытаго окна, пьетъ чай въ прикуску. Пополнѣла, похорошѣла, крестьяне снимали передъ нею шапки, приносили ей куръ, яица, орѣхи. Въ самую страдную пору, въ то время, когда другія бабы отъ зари до самой ночи жали безъ отдыха, не разгибая спины, писарская господыня сидѣла себѣ на крылечкѣ, грѣясь на солнышкѣ, и щелкала себѣ орѣхи или расчесывала гребнемъ собаку своего хозяина.

Евка же, худая, смуглая, въ разорванной юбкѣ, въ грязной, разстегнутой на груди рубахѣ, по цѣлымъ часамъ стояла притаившись въ кустахъ и смотрѣла на всю эту роскошь, пожирая глазами изъ зависти всѣ малѣйшіе признаки писарскаго богатства. Огромный блестящій самоваръ внушалъ ей почти такой же благоговѣйный страхъ, какъ и самъ панъ писарь. Ее охватывала дрожь, на зубахъ чувствовалась оскомина не только при видѣ различныхъ яствъ, но даже отъ одного запаха жаренаго мяса или горячаго кушанья. Она жадно ловила этотъ запахъ, глотая слюнки, и незамѣтно, почти безсознательно, какъ лунатикъ, подвигалась все ближе и ближе къ дому писаря; робко выходила она изъ за угла, прокрадывалась вдоль стѣнъ до самаго крыльца и забивалась въ самый уголокъ, скорчившись, притаившись тамъ, какъ бы отъ страха... Ея сѣрые глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны, пальцы судорожно сжимались, худые и костлявые, какъ у обезьяны. Бережливая хозяйка ничего не оставляла на крыльцѣ, лишь изрѣдка на лавкѣ валялись или нѣсколько стручковъ гороху, обгрызенное яблоко, или остатки недоѣденнаго собакою хлѣба съ масломъ. Правда, иногда она сама давала ей кусокъ сахару, сыра, даже вареннаго мяса, и Евка поспѣшно, спрятавъ добычу за пазуху, бѣжала безъ оглядкичерезъ плетни и загоны вплоть до старой кузницы, гдѣ мать ея имѣла уголъ въ хаткѣ, тѣсной, какъ сундукъ, поросшей снаружи крапивой и лопухомъ, темной и холодной, какъ погребъ. Здѣсь запирала она дѣвочку, уходя на работу, оставляя ей холоднаго вареннаго картофеля, кусокъ хлѣба и горшокъ перьевъ, которыя та должна была передрать. За окномъ щебетали воробьи, солнечные лучи проникали въ это логовище сквозь щели въ стѣнахъ,

изъ-подъ истлѣвшихъ угловъ выглядывала трава, зеленыя ящерицы, погрѣвшись на солнцѣ, просовывали сюда свои головки, оглядывали темную избу и убѣгали. Евка слѣдовала ихъ примѣру; съѣдала все, что можно было съѣсть, выламывала кусокъ гнилой доски и вылѣзала на свѣтъ Божій... Случалось, что какая нибудь голодная собака прокрадывалась сюда тѣмъ же путемъ, но черезъ минуту выходила такою же голодною, какъ и вошла. Евка шла кормиться, хватая по дорогѣ все, что попадалось ей подъ руку. Наѣвшись до сыта яблокъ, грушъ, разныхъ овощей, она жадно прятала все оставшееся въ передникъ, за пазуху и, нагруженная добычею, осторожно прокрадывалась подъ плетнями, согнувшись пробиралась черезъ коноплянники, бѣжала во всю мочь черезъ поля, наконецъ, добравшись благополучно до хаты, прятала здѣсь свою добычу между крапивою, прикрывала травою и листьями и, отдохнувъ немного, опять бѣжала собирать ягоды, грибы' орѣхи.

Голодъ упорный, неутолимый преслѣдовалъ дѣвочку точно болѣзнь; у нея чесались зубы при видѣ пищи въ какой бы то ни было формѣ; еще издали чуяла она запахъ вареной пищи или жаренаго сала и бѣжала въ ту сторону, глаза ея разгорались сердце усиленно билось, она останавливалась у дверей въ нѣмомъ ожиданіи, оглядывалась, прислушивалась... Въ хатѣ ѣли; иногда выходила собака съ костью въ зубахъ и принималась грызть у ея босыхъ ногъ этотъ лакомый кусочекъ—кость еще теплую, влажную, съ остатками хрящей и жилъ. Евка глотала слюнки, горло сжималось до боли, она терлась о стѣны, переступала съ ноги на ногу, но войти въ избу не рѣшалась, наконецъ, разъяренная, стиснувъ зубы, выхватывала кость и со всѣхъ ногъ бросалась въ поле, ежеминутно оглядывалась, а когда настигала собака, она бросала кость въ кусты или въ огородъ на гряды и смѣялась злобнымъ пискливымъ смѣхомъ, глядя, какъ обиженное, сбитое съ толку животное останавливалось, нюхало воздухъ и, печально повѣся носъ, возвращалось назадъ. Она выкрадывала изъ *торбы* у пастуховъ сыръ, хлѣбъ и кислые огурцы. Долгое время въ этихъ продѣлкахъ подозрѣвали самого чорта,— такъ искусно умѣла она, притаившись, ощупать черезъ полотно каж-

дый кусокъ и, улучивъ удобную минуту, засунуть въ сумку свою маленькую, тонкую руку; прежде чѣмъ дѣдъ успѣвалъ повернуть голову, она была уже далеко со своею добычею, въ самой чащѣ орѣшника на берегу ручья и ѣла торопливо, съ жадностью, тревожно поглядывая вокругъ сквозь густую листву.

Уютное это было мѣстечко! Подъ тѣнью густыхъ кустовъ орѣшника разстилался пышный коверъ изъ мягкой травы, усѣянной бѣлымъ и розовымъ клеверомъ, и даже въ самые сильные жары здѣсь господствовала душистая прохлада; разныя птички стаей слетались сюда, усаживались на вѣткахъ или скрывались въ чащѣ, оглашая окрестность всевозможными голосами. Въ полдень деревенскіе парубки, оставивъ скотъ въ полѣ, приходили сюда отдохнуть, растянувшись въ мягкой травѣ надъ источникомъ; тамъ дивчата и молодицы обыкновенно стирали бѣлье на двухъ большихъ камняхъ, стоя по колѣна въ прозрачной, тихо журчащей водѣ. Евка поглядывала и на нихъ изъ своей засады, но оставалась на мѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока не съѣдала послѣдняго куска и зачастую уходила во время самой интересной сцены, съ полнымъ равнодушіемъ пожимая плечами. Иногда мать случайно встрѣчала ее тамъ и гнала домой, толкуя по дорогѣ о Богѣ, о добродѣтели, и, подталкивая кулакомъ, гнала передъ собою тощую, голодную дѣвочку, сама заливаясь слезами надъ ея праздностью и безпутствомъ.

— Чортъ бы побралъ всѣ эти добродѣтели! ворчала Евка. Отъ быстрой ходьбы ей снова начиналъ докучать голодъ; она поглядывала на право и на лѣво и, примѣтивъ плетень пониже, стремглавъ бросалась въ ту сторону и, какъ рыба въ водѣ, исчезала среди конопли и широкихъ листьевъ *бульбы*; только слегка колебавшіяся головки маку и аниса въ концѣ огорода указывали направленіе ея бѣга.

Мать смотрѣла ошеломленная... въ этой дѣвочкѣ сидѣло какое то зло... Она давно уже была увѣрена въ этомъ, а подъ конецъ и сосѣдки начинали догадываться. Почти у каждой таскала она овощи въ огородѣ, выкрадывала сыръ, сушившійся въ корзинахъ, и уже принялась выслѣживать куръ. Въ селѣ прошелъ слухъ, будто она тайкомъ подбираетъ яица... Старыя бабы видѣв-

шія многое на своемъ вѣку, начали поговаривать, что она можетъ быть и коровъ выдаиваетъ въ полѣ... Ни у кого въ цѣломъ селѣ не было столько враговъ, какъ у Евки. Едва выходила она на улицу, какъ изъ каждой двери, изъ за каждаго плетня показывалась голова въ красномъ или бѣломъ платкѣ; всѣ кричали на нее еще издали, дѣти и собаки бѣжали ей на встрѣчу, послѣднія выскакивали изъ подворотни, догоняли, окружали ее со всѣхъ сторонъ... Къ счастью, она была худа, какъ спичка, на длинныхъ тонкихъ ногахъ, и разбѣжавшись, далеко оставляла дѣтей за собою, однѣ собаки не отставали, а настигши, теребили зубами дырявую юбченку, хватали за ноги, нерѣдко кусали до крови. Тревога и опасности преслѣдованія возбуждали въ дѣвочкѣ энергію, закаляли отвагу и рѣшимость; при видѣ собственной крови на пескѣ она только пожимала плечами; послѣ каждаго же такого столкновенія она ѣла съ удвоеннымъ аппетитомъ, или наоборотъ ложилась спать страшно голодная и видѣла во снѣ себя собственницею цѣлаго хлѣба совершенно свѣжаго, еще теплаго, но при желаніи полакомиться имъ вдругъ просыпалась въ пустой хатѣ, на соломѣ и горько плакала отъ голода.

Когда Евка подросла и поступила въ услуженіе нянькою къ дѣтямъ эконома, она уже ежедневно ѣла на кухнѣ горячую пищу, получая временами что нибудь и отъ стола, за то постоянно принуждена была въ нѣмомъ бездѣйствіи смотрѣть на настоящій экономскій аппетитъ и достатокъ. Запахъ жирныхъ, сытныхъ кушаньевъ всюду преслѣдовалъ ее; двѣ низкія, душныя комнаты были переполнены творогомъ и сметаною, на столахъ передъ окнами сушились попеременно то макъ, то различные сорта крупъ или муки; въ углахъ, за печкою и дверьми висѣли сушеные грибы, яблоки и груши; когда солнце согрѣвало всѣ эти припасы, воздухъ въ комнатѣ становился удушливымъ, мухи летали медленно, словно пьяные, у ней какъ то тяжелѣла голова и сама она какъ то успокаивалась, дѣлалась серьезнѣе; на новомъ мѣстѣ она получила красную юбку и полинялый синій платокъ, которымъ могла прикрыть дырявую рубаху.

Прошло нѣсколько лѣтъ; дѣвочка выросла и изъ тощаго голоднаго бѣсенка превратилась въ худощавую, но стройную,

смуглую дѣвочку; поваръ собирался ей уже купить первые башмаки, но она только равнодушно пожимала плечами на всѣ ухаживанія за собою. Теперь она рѣдко бывала голодна, а такъ какъ дѣти прибывали у эконома съ каждымъ годомъ, то Евка въ теченіи всей весны и лѣта спокойно грѣлась на солнышкѣ съ ребенкомъ на рукахъ, дремала, когда клонило ко сну, и только ко времени завтрака или обѣда ощущала прежнее безпокойство и энергію. Во дворѣ говорили, что она немного лѣнива, но порядочная дѣвушка, она и на это пожимала плечами. Другія дивчата получали въ подарокъ ленты, бусы, иногда навеселѣ возвращались съ ярмарки, съ полными карманами грошевыхъ пряниковъ и конфектъ. Евка въ своей красной юбкѣ, короткой и полинялой, въ сѣрой рубахѣ, заплатанной на плечахъ бѣлымъ коленкоромъ, на все смотрѣла изъ подлобья, стиснувъ зубы...

Она давно готова была оставить мѣсто, гдѣ служила только за одежду и харчи, если бы не боялась снова возвратиться въ село на вѣчный голодъ и тяжелую работу. При томъ же одинъ изъ дворовыхъ парубковъ, Андрей, сказалъ ей разъ навсегда, что женится на ней, если она будетъ порядочною дѣвушкою, въ противномъ же случаѣ обѣщалъ переломать ей всѣ кости, привязать камень на шею и бросить въ рѣку. Онъ говорилъ все это спокойно, суровымъ, хриплымъ голосомъ, даже палки не было въ рукахъ, но Евка повѣрила, какой то инстинктъ подсказывалъ ей, что онъ способенъ сдержать слово. Она побаивалась Андрея, становилась проворнѣе и старательнѣе, если онъ смотрѣлъ на нее, нѣсколько разъ даже, заглянувши къ нему въ конюшню въ праздничный день, останавливалась въ изумленіи, какъ бы въ нерѣшимости. Въ то время, какъ прочіе парубки слонялись по двору, спали на сѣнѣ или, растянувшись на травѣ передъ кухнею, играли въ старыя, замасленныя карты, онъ сидѣлъ на связкѣ соломы подъ жолобомъ и читалъ... Положа на колѣни азбуку, медленно водилъ онъ пальцемъ по строкамъ, бормоталъ какіе то непонятные слоги, весь красный, измученный, какъ при самой тяжелой работѣ, запускалъ пальцы въ свою рыжую гриву, чесалъ за ухомъ, вздыхалъ, но все таки читалъ. Замѣтивъ дѣвушку въ дверяхъ, Андрей поспѣшно пряталъ книжку за пазуху.

— Ну, и чего пришла? сердито кричалъ онъ, краснѣя отъ смущенія, ступай къ ребенку! вотъ еще начнешь шататься по конюшнямъ!... Онъ отворачивался, не зналъ куда дѣвать глаза, и мрачно смотрѣлъ въ темный уголъ, стыдясь своей учености, не желая подать повода къ толкамъ, будто онъ не то что другіе.

— Вотъ дуракъ! шептала Евка, поспѣшно удаляясь изъ конюшни.

Иногда Андрей нагонялъ ее и шелъ рядомъ, заложа руки въ карманы и мрачно потупивъ голову; одѣвался онъ хорошо: сапоги всегда были въ исправности, бѣлье чистое и крѣпкое, говорилъ мало, съ разстановкою, и постоянно смотрѣлъ въ землю. Всѣ во дворѣ относились къ нему съ уваженіемъ: онъ никогда не напивался, не кралъ, былъ силенъ, трудолюбивъ, только слишкомъ гордъ и рѣзокъ; даже самъ экономъ подолгу обдумывалъ и взвѣшивалъ каждое слово прежде, чѣмъ замѣтить ему что нибудь, и часто уходилъ молча, какъ пришелъ, боясь встрѣтить рѣзкій отпоръ.

— Ты, Евка, сиди дома, говорилъ онъ мягко, идя рядомъ съ нею, остерегайся злыхъ языковъ; человѣкъ... того... ну, извѣстно... каждый человѣкъ долженъ остерегаться людей.

Ему хотѣлось бы выразить яснѣе свою мысль, но этого онъ не умѣлъ, ему не доставало словъ; онъ чувствовалъ только, что готовъ былъ бы душу отдать за эту худощавую, смуглую дѣвушку съ ея сѣрыми глазами, злымъ и въ то же время какимъ то осмысленнымъ смѣхомъ... готовъ былъ бы задушить каждаго, кто только осмѣлится тронуть ее пальцемъ. Женился бы онъ на ней хоть сейчасъ, но боялся: видалъ онъ не разъ, какъ другіе батраки переходили съ мѣста на мѣсто съ женами и дѣтьми, сложивши на повозку все свое жалкое имущество: сломанный столъ, сундукъ безъ замка, плетеную колыбельку, въ которой пищало одно или двое дѣтей. Сколько разъ, если случалось ему, проходя мимо, замѣтить грязнаго, заброшеннаго ребенка, котораго толкали свиньи, дергали гуси и козы, Андрей останавливался и смотрѣлъ, не желая даже защитить малютку.

— Пусть издыхаетъ, пусть пропадаетъ, пока не отросло еще отъ земли! Лучше смерть, чѣмъ собачья жизнь!

— Глупый хлопъ! шепталъ какой то голосъ въ его душѣ; онъ хмурилъ брови, угрюмо смотрѣлъ въ землю и по цѣлымъ днямъ тогда нельзя было слова добиться отъ него.

— Женись на мнѣ, говаривала не разъ Евка, заглядывая ему въ лицо своими сѣрыми глазами. Ей улыбалась жизнь батрачки: она могла бы спать подолгу, варить, что захочетъ, и лишь изрѣдка, и то изъ любезности, пойти подоить хозяйскихъ коровъ или выполоть грядку въ огородѣ.

— Погоди, можетъ быть, послѣ лучше будетъ, былъ отвѣтъ. Евка пожимала плечами на это неопредѣленное „послѣ"; ей и теперь не было худо и будь у нея новая одежда да не нужно бы было стирать пеленки, она была бы вполнѣ довольна.

— Можетъ быть удастся купить кусокъ земли.... собственную хату... вотъ тогда...

Онъ задумывался при этихъ словахъ, закрывалъ глаза; густые волосы спускались ему на лобъ, рыжіе усы щетинились; крѣпкій и плотный, вѣчно угрюмый парубокъ импонировалъ ей своею силою и серьезностью.

— А ты, Евка, не воруй хозяйскаго сахару, выговаривалъ онъ ей строго, но по пріятельски; вотъ я нашелъ кусокъ, идучи за тобою, и бросилъ собакамъ. Что заслужено, то твое, а красть грѣшно и стыдно. Ты будешь у меня хозяйкою, женою, значитъ и душу должна сохранить честною... Зачѣмъ намъ сахаръ, да еще чужой? лишь бы хлѣбъ свой былъ. На этотъ разъ прощаю, а на другой побью, ей Богу! Хоть у меня у самого болитъ сердце, но что же, если ты добраго слова не хочешь послушать!

— Вотъ дуракъ! тьфу! чтобъ его!.. мысленно повторяла Евка, отправившись отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нея спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ женихъ. Хлѣбъ у меня и такъ есть, а сахару никто не даетъ, если сама не возьму.

Она все ждала, что будетъ дальше, но время шло, и все оставалось по прежнему: Андрей все откладывалъ женитьбу и становился все угрюмѣе и молчаливѣе; не разъ находили на него приступы гнѣва, тогда онъ начиналъ говорить дерзости, наконецъ экономъ пригрозилъ ему разсчетомъ.

— И самъ пойду! довольно уже здѣсь своего труда положилъ! Свѣтъ великъ, а голодъ и работу всюду можно найти—былъ гордый отвѣтъ.

Экономъ боялся, какъ бы онъ въ сердцахъ не зажегъ хлѣба на гумнѣ или не отравилъ коровъ, и рѣшился смолчать, приказавши, впрочемъ, наблюдать издали за Андреемъ.

— Пойду въ свѣтъ, говорилъ тотъ невѣстѣ, теперь такое время, что каждый, у кого есть толкъ въ головѣ, идетъ въ свѣтъ... пойду за море или за Дунай.

Такъ говорилъ онъ, а самъ хмурилъ брови и посматривалъ изъ подлобья на поля, покрытыя волнующимся хлѣбомъ, на луга, среди которыхъ дремало болотистое озерце, поросшее плесенью, переполненное лягушками. Виды были скучные, однообразные, но Андрей не могъ отвести отъ нихъ глазъ и чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ тише повторялъ: „пойду въ свѣтъ“! иногда же и совсѣмъ умолкалъ, снова брался за работу и нѣсколько дней трудился упорно, какъ волъ, до кроваваго пота; экономъ давалъ ему вечеромъ рюмку водки и не вспоминалъ о разсчетѣ. Тѣмъ не менѣе мысль бросить все и идти искать счастья по свѣту не покидала Андрея, а постепенно возрастала и укрѣплялась.

— Что я здѣсь заработаю? повторялъ онъ Евкѣ, которая слушала его рѣчи, широко раскрывъ глаза, и время отъ времени незамѣтно пожимала плечами. Буду смолоду работникомъ, на старость пастухомъ. А въ свѣтѣ, я слышалъ, люди наживаются сразу, тотъ такъ, тотъ иначе заработаетъ денегъ, купитъ землю... и трудится на своемъ. Пойду въ свѣтъ! Ты, Евка, береги мою собаку; пусть хоть одна живая душа помнитъ обо мнѣ. Черезъ годъ, черезъ два вернуся... Я за большимъ богатствомъ не гонюсь, немного заработаю, немного призайму, купимъ хату у лѣсника и довольно!

Евка слушала молча, а въ груди ея дрожалъ злобный смѣхъ, она оглядывалась по сторонамъ, лишь бы не смотрѣть ему въ глаза.

— Куда онъ пойдетъ?... а? вотъ не видали дурака на свѣтѣ! думала она, но сказать этого въ слухъ не смѣла. Андрей становился всё угрюмѣе и мрачнѣе, какъ то осунулся, постарѣлъ, со-

биралъ понемногу свои вещи, а самъ ходилъ какъ одурѣлый, иногда забывалъ даже о ѣдѣ и, наконецъ, взялъ отъ эконома все свое жалованье до копѣйки.

— Завтра уже иду, обратился онъ къ Евкѣ въ послѣдній вечеръ.

Онъ сидѣлъ подъ вербою около конюшень, охвативъ руками колѣни, и слушалъ, какъ лошади съ храпомъ жевали овесъ, прислушивался къ глухому, неуловимому шопоту осенняго воздуха, къ шелесту листьевъ... Голосъ оборвался, онъ не могъ продолжать... Евка стояла, прислонившись къ дереву, и теребила въ рукахъ уголъ фартуха; у нея были уже свои планы... она только и ждала этого „завтра“.

— Въ Понѣмунѣ рубятъ лѣсъ, по рублю въ день платятъ.... пойду! послѣ можетъ быть и получше что нибудь подвернется... нужно будетъ поискать по свѣту, проговорилъ онъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, какъ бы во снѣ, и умолкъ; съ болота повѣяло сыростью и прохладою; онъ потянулъ въ себя воздухъ и медленно, какъ лунатикъ, повернулъ голову въ ту сторону; какое то безсиліе овладѣло имъ—хорошо было бы заснуть такъ подъ вербою и спать до суднаго дня.

Евка сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но отойти не смѣла; хоть онъ и ни разу не билъ ее, все же она боялась его желѣзнаго кулака, грубаго голоса, даже эти рыжія брови, насупленныя, какъ у разбойника, наводили на нее страхъ. Она переступила съ ноги на ногу и вздохнула отъ злости. Андрей поглядѣлъ на нее; босая, щупленькая дѣвушка въ старой юбкѣ и плохой рубашкѣ, съ головою, прислоненною къ стволу вербы, казалась печальною... въ тотъ вечеръ вся природа смотрѣла какъ то грустно: по небу ползли сѣрыя тучи, начиналъ накрапывать холодный дождикъ.

— Не горюй, ворочусь! годъ не вѣкъ! *Будешъ шануватысь*.... не пожалѣешь! А сгубишь душу—и я тебя сгублю! сказалъ разъ, что ты мнѣ суждена, такъ и быть должно! Отъ судьбы не уйдешь! Я отъ роду не смотрѣлъ на бабъ, а тебя полюбилъ, не давалъ тебя въ обиду, такъ и ты, Евка, смотри за собою... Голову скручу, если что... вотъ тебѣ крестъ! ты знаешь, я не собака, понапрасну лаять не стану!

Онъ немного разчувствовался, взялъ ее за руку, подержалъ минутку и выпустилъ.

— Ну, прощай! завтра чуть свѣтъ меня здѣсь не будетъ. Шельма Петро будетъ теперь поить лысаго! Лютъ онъ на лошадей, никакой жалости не знаетъ! Да чортъ съ нимъ, не мои лошади, не мнѣ и жалѣть объ нихъ!

Онъ плюнулъ, полѣзъ въ карманъ за трубкою и не успѣлъ зажечь, какъ Евка была уже на серединѣ двора; онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ; сквозь вечернія сумерки онъ различалъ ея стройную фигуру, видѣлъ, какъ она ускоряла шаги, пока не скрылась за домомъ. Андрей опустилъ руки и забылъ о трубкѣ, постоялъ еще нѣсколько времени и поплелся отяжелѣлыми шагами на послѣдній ночлегъ въ конюшню.

III.

Черезъ годъ Евка была женою Өедора. Первое время она ходила, какъ потерянная, сама не сознавая, былъ ли то сонъ, или тяжелая, гнетущая дѣйствительность, во сто разъ хуже службы у эконома, хуже ея дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ голодѣ и холодѣ, за то безъ дѣла и на свободѣ. Съ самаго начала на нее взвалили самую тяжелую работу, съ утра до ночи не давая отдыха.

Въ низкой, закоптѣлой хатѣ старикъ отецъ, высокій, обросшій волосами, какъ разбойникъ, слѣдилъ за нею взглядомъ изъ подъ нахмуренныхъ бровей, побуждалъ къ работѣ, не позволяя присѣсть; самъ онъ все еще, какъ старый волъ, ходилъ въ ярмѣ, по привычкѣ заглядывалъ въ каждый уголъ, а за молодою невѣсткою смотрѣлъ больше, чѣмъ за всѣми домашними—просто съ глазъ не спускалъ. Евка готова была провалиться сквозь землю, а между тѣмъ не могла скрыться отъ него хоть на минуту ни подъ плетнемъ, ни въ конопляникѣ. Чуть присядетъ она на минуту, стиснетъ руками одурѣлую голову и начнетъ расправлять кости на солнцѣ—какъ изъ за угла выходитъ старикъ, трясетъ нижнею челюстью, сопитъ и стучитъ по землѣ суковатою палкою. Евка вскакиваетъ съ мѣста, черезъ плетень, черезъ нивы

бѣгомъ возвращается къ своему дѣлу, проклиная въ душѣ свою долю, и мужа, и хату, но молчитъ и трудится. Работа ея плохая, не умѣетъ она ни за что взяться какъ слѣдуетъ—отъ страха и злости все валится у ней изъ рукъ. Старикъ съ перваго дня назвалъ ее дармоѣдкою, грозилъ выгнать изъ хаты, но Ѳедоръ немного успокоилъ его, пообѣщавши, что хотя самъ онъ и перебьетъ на ней двѣ—три палки, а все таки пріучитъ ее къ порядку.

Максимыха только плечами пожимала отъ удивленія; она дала Евкѣ свою рубашку, юбку, бѣлый чистый платокъ на голову и обѣщала поучить ее работать; одинъ Максимъ ничего не говорилъ, смотрѣлъ на нее изъ подлобья и молчалъ. Евка угадывала въ немъ союзника и, оставаясь одинъ на одинъ въ полѣ или въ хатѣ, улыбалась ему и заглядывала въ лицо своими сѣрыми глазами. Онъ обыкновенно отворачивался и уходилъ, иной разъ даже отплевывался, какъ отъ грѣховнаго искушенія.

Въ домѣ всего было вдоволь, шесть коровъ, свиньи, овцы, стадо гусей, куръ безъ счета, въ обширной коморѣ хранились запасы хлѣба за нѣсколько лѣтъ, холсты, сукна, кожухи. Евка глазамъ своимъ не вѣрила, глядя на весь этотъ достатокъ, дотрогивалась руками до каждой вещи, потомъ отходила на средину и смотрѣла по стѣнамъ, завѣшеннымъ одеждою, пряжью, мѣшками различныхъ крупъ и муки, кусками сала и копченой свинины.

— Вотъ богатство! А! твердила она, будучи не въ силахъ оторвать глазъ. За цѣлый годъ ей всего не переѣсть! Сперва она даже потеряла аппетитъ, пресыщенная однимъ видомъ такого обилія, но чрезъ нѣсколько дней жадность проснулась въ ней съ новою силою, возбуждаемая еще болѣе видомъ множества припасовъ, изъ которыхъ черпали очень осторожно, даже скупо, какъ будто ихъ разсчитали впередъ на цѣлыхъ сто лѣтъ. Евка въ изумленіи раскрывала глаза, на губахъ ея замиралъ крикъ досады, негодованія при видѣ чуть приправленнаго сметаною картофеля или постнаго крупника въ то время, какъ въ кладовой гнила свинина, а сало грызли мыши.

— Для воровъ добро бережете! не вытерпѣла—замѣтила она однажды Максимыхѣ со слезами на глазахъ; въ голосѣ ея звучало справедливое негодованіе.

Та посмотрѣла на нее невозмутимымъ взглядомъ... Сразу даже не поняла, въ чемъ дѣло; цѣлый вѣкъ свой такъ жили, никто еще не умеръ съ голоду и никому не приходило на мысль желать лучшей пищи. Вѣдь нельзя было бы отличить праздника отъ будней, если бы ежедневно ѣсть мясо и всякія приправы.

— Мы ни у кого не воруемъ и насъ, слава Богу, не обкрадывали, отвѣчала она спокойно.

Впрочемъ, она сразу отгадала натуру Евки и всегда носила ключъ отъ коморы за пазухою, на ночь прятала его къ себѣ подъ сѣнникъ, попрежнему смотрѣла сама за всѣмъ, употребляя Евку только для разныхъ работъ и услугъ.

— Бѣдную сироту приняли въ хозяйскую хату, будь довольна своею судьбою, не бѣгай отъ дѣла! Тяжело пришлось въ началѣ, что же дѣлать, родная мать бьетъ дитя, пока научитъ уму—разуму, а между тѣмъ обиды здѣсь нѣтъ. Старика отца почитай, умный онъ, справедливый, а если поворчитъ иной разъ—на то онъ старикъ.... Кто ближе къ гробу, тому нужно уступать,—такъ уже самимъ Богомъ установлено на свѣтѣ, уговаривала Максимыха Евку, когда та, подобно дикой кошкѣ, начинала метаться по хатѣ, проклиная весь свѣтъ, или, сидя на лавкѣ окаменѣлая, кусала губы и поглядывала изъ подлобья въ темные углы.

— Чортъ бы побралъ все ваше богатство! Вы и въ нуждѣ жили бы точно такъ же, какъ теперь живете въ достаткѣ, кричала она, все болѣе и болѣе раздражаясь отъ такой однообразной трудовой и необыкновенно умѣренной жизни.

— А жили бы! согласилась Максимыха.

— А чтобъ васъ всѣхъ задавило! Волы проклятые! внѣ себя кричала молодая женщина и выбѣгала изъ хаты.

Въ цѣломъ селѣ у нея не было ни души знакомой; Ѳедоръ взялъ ее изъ чужаго села, близь мѣстечка; здѣсь же и люди будто не тѣ, сперва приглядывались къ ней, а послѣ и смотрѣть перестали... освоились, какъ стадо съ новою лошадью или коровою, купленною на рынкѣ.... Она заговаривала съ бабами, заглядывала въ хаты, пробовала жаловаться, обвинять—ее слушали и молчали.

— Молода еще, потому и глупа, поживетъ—поумнѣетъ, говорили о ней старыя женщины.

— Вѣдьму привелъ въ село, повторяли мужчины старые и молодые, провожая ее глазами каждый разъ, какъ она бѣжала по улицѣ.

Евка задыхалась въ хатѣ особенно по вечерамъ, когда все стихало, старикъ храпѣлъ на печи, Максимыха хлопотала по хозяйству, а мужъ ея и братья сидѣли, развалившись за столомъ надъ остатками ужина. Молодой женщинѣ не сидѣлось въ избѣ, она бѣжала за ворота, предварительно пригладивъ волосы надъ лбомъ, на ходу оправляла на себѣ рубаху и передникъ, улыбаясь какимъ то зародившимся въ ней мыслямъ. Мимо воротъ проходили *господари* и парубки, никто не смотрѣлъ на нее, иной только пробормочетъ „слава Богу"! и пойдетъ своею дорогою; Евка сама затрогиваетъ ихъ, но едва засмѣется, едва успѣетъ разговориться, какъ изъ хаты зоветъ ее Максимыха, кричитъ, что пора спать и сейчасъ будутъ гасить огонь въ избѣ; наконецъ, не дождавшись, выходитъ сама, сложивъ руки подъ фартухомъ, медленными шагами подходитъ къ воротамъ, останавливается между нею и только что развеселившимся, немного подзадореннымъ парубкомъ, посмотритъ на обоихъ и скажетъ.

— Стыдись, Евка, на улицѣ скалить зубы, точно дивчына! иди, читай молитву да ложись спать. Завтра еще до солнца идемъ *на жныва*; старикъ четыре морга снялъ у эконома.

Евка дѣлала видъ, будто не слышитъ, поворачивалась къ ней спиною, но Максимыха не оставала, дергала ее за юбку, за рукавъ рубахи, повторяя: „стыдно тебѣ, Евка"! и подъ конецъ принуждала таки слѣдовать за собою; по дорогѣ она дѣлала еще два—три замѣчанія, на которыя та плевала въ отвѣтъ или злобно подергивала плечами.

— Убѣгу, ей Богу убѣгу! шептала Евка придавленнымъ голосомъ, глядя издали, съ поля или съ берега рѣки, на эту низкую, почернѣлую хату и два большіе стога соломы, возвышавшіеся подлѣ *стодолы*, словно памятники труда и богатства.—Пусть имъ чортъ служитъ, а не я! За что я буду здѣсь тратить силы, губить свою молодость? Или мнѣ жизнь не мила? Ой, Боже ми-

лостивый, за что ты меня такъ покаралъ? Лучше бы мнѣ было, лежа въ темной могилѣ, грызть сырую землю, чѣмъ въ этой проклятой хатѣ, въ тяжкой неволѣ выжидать смерти!

Такъ размышляла она не разъ по цѣлымъ часамъ, спрятавшись въ обрывѣ надъ рѣчкою; малѣйшій шорохъ приводилъ ее въ дрожь, она оглядывалась въ тревогѣ, не выйдетъ ли изъ за кустовъ старикъ съ суковатою палкою, или мужъ, или Максимыха, чтобы и тамъ отыскать ее и погнать на вѣчную, нескончаемую работу. Изъ кустовъ вылетала какая нибудь сѣренькая птичка, также испуганная шелестомъ, сперва кружилась надъ берегомъ, потомъ постепенно спускалась все ниже, и ниже и, наконецъ, исчезала въ заросляхъ. Евка успокаивалась, садилась на землю, прислонившись спиною къ песчаному обрыву, грѣла ноги въ горячемъ пескѣ, вытягивалась, какъ кошка, прищуривъ глаза отъ солнца. Вечеромъ всѣ нападутъ на нее, старикъ онѣмѣетъ отъ злости, только застучитъ палкою объ землю, выпучитъ глаза и заплюетъ себѣ всю бороду, бормоча проклятія! Мужъ по обыкновенію еще разъ повторитъ обѣщаніе—прибить ее когда нибудь до полусмерти, Максимыха покиваетъ головою, какъ по умершей... такъ что жъ? Евка привыкла уже ко всему этому, только къ работѣ никакъ не могла привыкнуть.

Земли у нихъ было мало, поэтому они цѣлою семьею ходили на заработки, а старикъ отбиралъ изъ рукъ каждый грошъ, считалъ, разсматривалъ, оборачивалъ на всѣ стороны его дрожащими руками, послѣ чего клалъ въ кожаный мѣшочекъ, который тщательно пряталъ за пазуху; послѣ чего останавливался въ раздумьи посреди двора или у дверей хаты, снова пересчитывалъ въ умѣ, соображалъ, хмурилъ брови—какъ бы чего то не досчитывался, а можетъ быть онъ уже начиналъ сомнѣваться въ томъ, что еще въ состояніи вести денежныя дѣла семьи. Медленно качалъ онъ головою, вздыхалъ, устремивъ угасающій взглядъ въ ту землю, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ орошалась его трудовымъ потомъ. Сыновья осторожно проходили мимо него, старались говорить потише, какъ бы опасаясь вывести старика изъ его тяжелаго раздумья.

Евка смѣялась въ душѣ надъ этими рабочими волами, добровольно отдававшими ему свой кровный заработокъ, не оставляя себѣ ни гроша хоть на табакъ. Ого! она не будетъ такъ глупа! Скорѣе увидитъ старикъ свою смерть, нежели одинъ грошъ изъ ея заработка! Получивъ первые девять злотыхъ за выжатый у помѣщика хлѣбъ, и возвращаясь домой съ невѣсткой, она размышляла по дорогѣ о томъ, что за эти деньги купитъ себѣ въ воскресенье башмаки и передникъ или, можетъ быть, розоваго ситцу на кофту,—при воспоминаніи же о свекрѣ презрительно пожимала плечами. Вѣдь не убьетъ же ее старикъ, а отъ живой не видать ему ни гроша, въ этомъ она готова поклясться. Старикъ уже ждалъ ихъ; едва только вошли они во дворъ, онъ всталъ съ прызьбы, выпрямился во весь ростъ—онъ былъ какъ то значительно выше въ тотъ день, поднялъ плечи и протянулъ костлявую руку за деньгами. У Евки сердце застыло, отвага замерла въ груди; съ ужасомъ смотрѣла она, какъ Максимыха отдала весь свой заработокъ, а онъ оставилъ въ ея рукѣ десять мѣдныхъ копѣекъ. Младшія дѣти вымирали у нея одно за другимъ и эти нѣсколько копѣекъ старикъ оставилъ нарочно, чтобы она въ воскресеніе роздала нищимъ у церкви. Максимыха зажала деньги, отерла рукою слезы и поспѣшила въ хату; старикъ протянулъ руку къ Евкѣ и мрачно поглядѣлъ ей въ лицо. Она и сама не сознавала, какъ и почему отдала ему все до копѣйки.

А когда онъ съ деньгами поплелся въ избу, она чуть не разрыдалась въ отчаяніи. Въ тотъ же вечеръ, она въ первый разъ побила своего мужа—нарочно для того и выбѣжала за нимъ изъ хаты послѣ ужина. Въ селѣ все уже стихло, всѣ звѣзды высыпали на небо, Евка оглянулась на всѣ стороны, подскочила къ Ѳедору, который, наклонившись у воза, снималъ испорченное колесо, размахнулась и ударила его нѣсколько разъ изо всей силы кулакомъ въ спину, затѣмъ отскочила, стиснувъ зубы, дрожа отъ злости, и ждала, что онъ тотчасъ же свернетъ ей голову.

Онъ медленно выпрямился и смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи, словно не довѣряя собственнымъ глазами и спинѣ.

— Такъ это ты, стало быть, побила меня? спросилъ онъ.

— А что жъ! и побила! Ну, такъ что же? вотъ побила и руки не усохли! И каждый день бить буду, потому что ты меня на смерть, на погибель привелъ сюда! Потому что ты меня на поруганье отдалъ. Я тебѣ не работница, я жена и хозяйка, а между тѣмъ гроша за душею не имѣю, ничѣмъ не пользуюсь, съ голоду умираю... собственный свой заработокъ тому... тому... отдавать должна!

Голосъ оборвался въ горлѣ, она зажала кулаки, все выжидая, когда же онъ начнетъ бить ее.

— Вѣдьма ты, а не жена, отвѣчалъ Өедоръ, сдерживая голосъ, и поглядѣлъ черезъ плечо на освѣщенное окошко. Я бралъ тебя отъ добраго сердца и хоть ты мнѣ уже до живаго досадила, все ждалъ, что ты исправишься, одумаешься! А когда ты такая, то и я теперь... не тотъ буду.

Евка засмѣялась и подскочила къ нему съ кулаками.

— Что жъ ты мнѣ сдѣлаешь? изъ хаты выгонишь? Ой, ой, велика бѣда! Чтобъ васъ всѣхъ вмѣстѣ съ хатой молнія сожгла! Жила я безъ васъ и дальше сумѣю прожить!

— Что я сдѣлаю? Ужъ я знаю, что сдѣлаю! отвѣчалъ тотъ, видимо озабоченный.

— Что? ну, что? говори! шипѣла Евка, стиснувъ зубы и не спуская съ него глазъ; не убьешь, не утопишь, на это ни ума, ни силы тебѣ не достанетъ. Что жъ ты сдѣлаешь? Вотъ видишь! И одурѣлъ, и говорить забылъ! Теленокъ ты лысый! Тебѣ бы еще корову сосать, а не брать въ хату жену.

— Гмъ, бачилы очы, що куплялы, плачте, хочъ повылазьте! проворчалъ Өедоръ и наклонился надъ возомъ; Евка такъ и задрожала отъ злости и негодованія. Еслибы онъ избилъ ее до полусмерти, заперъ въ хлѣву вмѣстѣ со скотомъ на цѣлую ночь, она можетъ быть отгрызла бы себѣ всѣ пальцы, можетъ быть подрыла бы или проломила стѣну и убѣжала, какъ нѣкогда изъ своей старой хаты, но по крайней мѣрѣ знала бы, что у нея мужъ не хуже другихъ. Этотъ безусый, невозмутимый простакъ въ глазахъ ея былъ ничтожнѣе послѣдняго мальчишки подпаска.

— Андріечку, мій мыленькый, дежъ ты подився? крикнула Евка, давая волю возмущенному сердцу. Ну, хорошо, посмотримъ! если

исправишься, можетъ быть и я стану къ тебѣ ласковѣе, прибавила она, внезапно опомнившись,—не исправишься, ей Богу, чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться,—каждый день бить буду. Довольно я отъ васъ натерпѣлась обидъ и пренебреженія. Теперь я сама буду учить васъ! Съ этими словами Евка плюнула и убѣжала въ хату. Ѳедоръ продолжалъ мастерить и раздумывалъ, не лучше ли приладить новое колесо, или и съ этимъ расколотымъ можно будетъ ѣхать по утру за снопами?

— А, чтобъ оно пропало! ворчалъ онъ, почесывая за ухомъ и поглядывая то на колесо, то на возъ, и вдругъ вспомнилъ жену.

— Вѣдьма! шепнулъ онъ. Вишь, разсохлось! Стояло на солнцѣ да и разсохлось, а тутъ и новаго не приладишь, какъ слѣдуетъ.

Этотъ возъ, колесо и снопы въ полѣ поглощали все его вниманіе; только окончивъ работу и убѣдившись, что возъ можетъ служить весь завтрашній день, онъ вернулся мыслями къ женѣ, значительно успокоенный, уступчивый, почти обрадованный ея умомъ и энергіею.

— Этъ! Такая же баба, какъ и другія. Исправится, какъ отвѣдаетъ палки! А все таки умна! Знаетъ, что со мною ласкою все можно сдѣлать, потому и обѣщаетъ быть добрѣе. Боится! Знаетъ, что если я разсержусь на нее, какъ слѣдуетъ, такъ не жить ей на свѣтѣ! Сила у меня страшная, но есть и разсудительность!

И въ доказательство своей разсудительности, онъ не пошелъ уже въ хату въ тотъ вечеръ, а остался ночевать съ Петромъ подлѣ лошадей; въ слѣдующіе дни онъ также нѣсколько избѣгалъ жены и выходилъ изъ хаты, чуть только она возвышала голосъ, „чтобы не портить себѣ крови пустыми разговорами".

Осенью Ѳедора взяли въ солдаты. Старикъ самъ отвезъ его въ мѣстечко, но предварительно долго искалъ чего то на чердакѣ, а когда Евка послѣ ихъ отъѣзда, въ свою очередь, полѣзла на чердакъ, она замѣтила между двумя кроквами продолговатое углубленіе въ соломѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ крыша была почи новая. Евка поочередно засовывала въ него обѣ руки, ощупывала на право и на лѣво своими тонкими пальцами, но встрѣчала одинъ влажный мохъ, пока, наконецъ, не продавила насквозь

солому; до крови разцарапала себѣ руки, а уходя поправила дыру, какъ могла, но старикъ все таки увидалъ, что тутъ порылась чужая рука. Первый же день по возвращеніи самъ онъ встащилъ туда куль соломы и аккуратно задѣлалъ крышу, только послѣ того влѣзъ на печь и пролежалъ нѣсколько дней какъ неживой, а слѣзъ оттуда состарившійся лѣтъ на десять, сгорбленный, молчаливый, спряталъ шапку и рукавицы Өедора въ свою кубышку и каждый разъ, садясь за обѣдъ или ужинъ, въ первые дни посматривалъ на сыновей... опускалъ голову, а изъ глазъ слеза скатывалась за слезою и останавливалась въ сѣдыхъ, коротко подстриженныхъ усахъ.

Въ домѣ стало еще скучнѣе. Максимъ и Петръ по цѣлымъ днямъ рѣзали доски у шинкаря; Максимыха съ Евкою трепали ленъ, готовили на зиму свеклу и капусту; осень стояла дождливая, холодная,—изъ хаты и темныхъ сѣней нельзя было выглянуть на свѣтъ Божій. При томъ же Максимыха рѣшительно не давала покоя бѣдной Евкѣ, постоянно твердила ей слова сочувствія и утѣшенія, скорбѣла надъ горькою участью и одиночествомъ *солдатки*, учила ее страху Божію и скромности, свои же мудрыя рѣчи подтверждала самымъ дѣломъ: относя обѣдъ мужу и брату, она клала въ миску одинъ кусокъ протухлой свинины, сметану для нихъ собирала сверху.

— Намъ, бабамъ, немного нужно! лишь бы не умереть съ голоду, говаривала она, оставляя въ горшкѣ водянистый крупникъ, а въ кувшинѣ одно кислое молоко;—ихъ работа тяжеле, имъ и поѣсть нужно лучше. Она подсыпала имъ даже лишнюю щепотку соли по добротѣ сердечной, клала немного перцу въ бумажку и бѣжала съ обѣдомъ, забравши съ собою всѣ ключи отъ коморы, сундука и кубышекъ.

Все это терпѣла Евка до поры, до времени, а въ головѣ роились мысли одна другой умнѣе. Она мечтала о томъ, какъ она отыщетъ сокровище старика, выберетъ все до копѣйки и убѣжитъ въ свѣтъ, съ деньгами, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ бѣжала къ себѣ въ хату съ полнымъ передникомъ незрѣлыхъ яблокъ.

Свѣтъ представлялся ей различно: всего чаще это былъ большой городъ, чрезвычайно похожій на единственное, извѣстное ей, мѣ-

стечко, полный еврейскихъ лавочекъ, переполненныхъ всевозможными яствами, ситцами съ красными и желтыми цвѣтами, съ толпами людей на улицахъ, съ длинными рядами домовъ и церквей, опять таки какъ двѣ капли воды похожихъ на ихъ приходскую церковь и шмулеву корчму. Въ этомъ городѣ она одѣвалась бы съ головы до ногъ въ самую лучшую одежду, купила бы себѣ сережки, а можетъ быть даже зонтикъ и шляпку! Ужъ тогда то пожила бы!... такъ пожила бы на славу, всегда съ утра до ночи среди людей, среди смѣха и веселія, какъ на ярмаркѣ. На нее будутъ оглядываться, смотрѣть, какъ это она однимъ-одинешенька. Такъ что жъ? Пусть смотрять! Это ей не новость! Голодъ ей не страшенъ, одежды всякой была бы у нея полная скрыня, пусть бы тогда хоть всѣ люди превратились въ собакъ, пусть бы лаяли на нее изо всѣхъ силъ, она только смѣялась бы надъ ними и жила бы себѣ, какъ барыня! Вѣроятно, такая жизнь тянулась бы недолго, — годъ — два, пока хватитъ денегъ... но ужъ въ село она бы никогда не воротилась! Лучше поступила бы на службу въ большой домъ къ богатымъ господамъ, гдѣ работы мало, а слугъ много, ѣдятъ они по барски,—веселіе, досугъ.., а въ садахъ различные фрукты, ягоды, всюду роскошь такая, даже собакъ и кошекъ поятъ сливками. Въ лавочной одеждѣ, въ серьгахъ и кольцахъ, она легко могла бы поступить въ такой домъ, ее даже сами попросятъ, пришлютъ за нею пароконную бричку; вотъ она въѣзжаетъ во дворъ, съ большою зеленою скрынею, съ огромнымъ узломъ постели, а лакеи, повара, вся прислуга выглядываютъ въ окна и головою качаютъ въ изумленіи: ого! какая богачка эта новая горничная! толкуютъ они между собою въ то время, какъ она, въ розовой юбкѣ, въ черной шерстяной кофточкѣ, въ золотыхъ сережкахъ, сидитъ себѣ въ дѣвичьей надъ мискою яичницы, надъ жаренымъ мясомъ и все это заѣдаетъ бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ..

— Ой, Боже мій мылый! вырвалось изъ ея запекшихся устъ въ то время, какъ она, вся раскраснѣвшись, съ горящими глазами, развивала въ мысляхъ эти заманчивые образы. Евка сидѣла одна въ пустой хатѣ, заваленной бураками, капустою, брюквой и морковью, одинъ за другимъ скоблила бураки сломаннымъ ножемъ

и машинально бросала въ кадку съ капустою; потомъ, хватая попеременно то морковь, то брюкву, въ задумчивости бросила и ножъ въ кадку, вскочила съ мѣста и бросилась искать вездѣ вокругъ, подъ столомъ, подъ лавкою, между кореньями... Ножъ изчезъ, какъ заколдованный! Ужь не чортъ ли выхватилъ его изъ рукъ? Гдѣ нибудь долженъ же онъ быть въ этой старой, полусгнившей хатѣ... Можетъ быть на печи сторожитъ спящаго старика!... Евка выбѣжала изъ хаты, захлопнувъ за собою дверь; охваченная холодомъ, она пришла въ себя и по обыкновенію пожала плечами.

— Вотъ, дура! Какіе тамъ черти? Кто ихъ видѣлъ? Такъ болтаютъ, лишь бы что нибудь сказать! Пугаютъ людей, чтобы потеряли охоту ко всему дурному! Неужели не встрѣтила бы я его прежде гдѣ нибудь, лазивши за малиною по болотамъ, по трясинамъ, по обрывамъ и зарослямъ? Уже и змѣй разныхъ видала, а чорта не встрѣчала нигдѣ! Потому что его и на свѣтѣ нѣтъ! Что тамъ и говорить!—Она совсѣмъ успокоилась, на душѣ стало легко.

— А все таки ножъ схватилъ! шепнуло что то надъ самымъ ухомъ.

Евка оглянулась на сѣни, плюнула черезъ плечо, но идти обратно въ хату ей не хотѣлось, она вышла за огородъ, къ рѣчкѣ. Тамъ Максимъ чинилъ заборъ, обухомъ топора вколачивалъ въ землю новые колья и съ каждымъ ударомъ глухой стонъ вылеталъ изъ его широкой груди. Евка прошла мимо и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, лицомъ къ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ взяли Өедора, она часто становилась такъ надъ берегомъ или у воротъ, никто не гналъ ее на работу, потому что и работы неотложной уже не было, и жалѣли ее немного. Максимъ, который бывало прежде слова къ ней не промолвилъ и не обращалъ на нее никакого вниманія, теперь помогалъ загонять коровъ, открывалъ ворота, когда она съ полными ведрами входила во дворъ; однажды спросилъ даже, не видала ли она, въ какую сторону погналъ Петръ лошадей на ночь. Съ тѣхъ поръ они все чаще и чаще перекидывались словечкомъ, стоя у воротъ или въ дверяхъ хаты другъ противъ друга. Максимъ былъ неразговорчивъ по природѣ, онъ никогда не выпускалъ трубки изо рта, а говорилъ, что было нужно, сквозь зубы, глядя въ землю, словно не-

хотя. Съ того же времени, когда задумали избрать его старшиною, онъ сдѣлался еще серьезнѣе: держался степенно, хмурилъ брови, проходя по селу съ трубкою въ зубахъ, небрежно переваливался съ боку на бокъ и только, поровнявшись съ самыми почетными хозяевами, останавливался, слушалъ ихъ бесѣду, время отъ времени кивая головою въ знакъ одобренія, и уходилъ молча съ трубкою въ зубахъ. Дома также ни съ кѣмъ почти не говорилъ кромѣ отца; между ними господствовало полное согласіе, они сходились во всемъ и старикъ каждое слово сына, даже то, котораго не разслышалъ, подтверждалъ кивкомъ головы; оба они курили капустный листъ вмѣсто табаку, оба не любили говорить о своихъ деньгахъ. Старикъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какая сумма хранилась у него въ запасѣ изъ общаго заработка; Максимъ также никогда не вспоминалъ о деньгахъ, взятыхъ за женою, пряталъ ихъ на самое дно скрыни въ такой грязной тряпкѣ, что даже послѣдній нищій не взялъ бы ее въ руки въ самой крайней нуждѣ. Онъ пользовался большимъ почетомъ среди односельчанъ, отвозилъ подати въ волость, отъ имени всѣхъ заключалъ условіе съ экономіею относительно пастбищъ и крестилъ почти всѣхъ дѣтей въ селѣ. Однако жъ онъ до сихъ поръ ни разу не былъ старшиною, несмотря даже на то, что пошилъ себѣ кафтанъ и штаны изъ чернаго сукна и поѣхалъ на выборы парою лошадей въ зеленой телѣжкѣ. Возвратившись послѣ неудачныхъ выборовъ, онъ сдѣлался еще серьезнѣе,— не останавливался даже около бесѣдовавшихъ на улицѣ сосѣдей.

Между тѣмъ въ селѣ сразу не хотѣли вѣрить, что не онъ старшина. Хозяева воротились подъ хмѣлькомъ и не помнили, кто собственно избранъ, что же касается женщинъ, то онѣ такъ привыкли уважать спокойный характеръ, серьезность и молчаливость Максима, что и слушать не хотѣли о другомъ старшинѣ. Почти каждая изъ нихъ была его кумою, почти каждая надѣялась получить отъ него помощь въ дѣлахъ семейныхъ и сосѣдскихъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались просьбы и жалобы. Въ спокойномъ до того времени селѣ все зашумѣло, заволновалось! Нѣсколько женщинъ жаловались на своихъ мужей, подъ секре-

томъ, со слезами заклинаясь своею душою, своими дѣтьми, готовы были показать ему еще прошлогодніе синяки на спинѣ, готовы были привести полъ-села въ свидѣтели того, что мужья ихъ разбойники, гайдамаки, растрачиваютъ имущество, угнетаютъ и тиранятъ женъ. Онѣ цѣловали руку Максима, падали къ его ногамъ, умоляя о помощи; однако не желали и кары для мужей, потому что каждый изъ нихъ, несмотря на злой характеръ и дурныя привычки, былъ „добрый, людскый, спокійный" и только иногда, „зъ поспиху" обижалъ жену, заводилъ ссоры въ хатѣ, входилъ въ долги или отбиралъ у жены послѣдній грошъ! Старшина долженъ все это какъ нибудь исправить, уладить, не говоря ни слова мужу, не урезонивая жены, потому что оба они люди взрослые, имѣютъ свой умъ, сами знаютъ, какъ нужно жить на свѣтѣ; его дѣло, не заходя даже въ хату, воротить къ нимъ любовь, единодушіе и согласіе. На то онъ и старшина. Бабы исповѣдывались передъ нимъ, какъ передъ отцемъ духовнымъ, въ томъ, что было и чего и совсѣмъ не было. Теперь онъ долженъ помочь! Наплакавшись и нагоревавшись вволю, высказавши всѣ свои печали, бабы стояли въ ожиданіи того волшебнаго слова, которое должно было, какъ чудный талисманъ, излечить ихъ отъ старой недоли. Напрасно толковалъ имъ Максимъ, что онъ совсѣмъ не старшина, что старшиною остался прежній, онъ же можетъ быть избранъ не ранѣе трехъ лѣтъ. Никто не вѣрилъ. Еще входя во дворъ, имъ почудился запахъ жаренаго поросенка, а въ сѣняхъ всѣ видѣли боченочекъ, заткнутый соломою,—разумѣется съ водкою. Такіе расходы не дѣлаются безъ важныхъ поводовъ! Максимъ—несомнѣнно старшина, только не хочетъ помочь имъ, потому что, какъ всякій мужчина, самъ держитъ сторону мужчинъ, а женщинъ презираетъ, опять же и потому, что сердитъ, зачѣмъ пришли къ нему съ пустыми руками. Кто жъ его зналъ! Прежде былъ онъ справедливъ, не желалъ чужаго, теперь же, сдѣлавшись старшиною, захочетъ пожалуй обирать людей... Бабы падали къ его ногамъ, ловили руки, съ боязливою мольбою заглядывая ему въ глаза. Изъ сосѣда и кума онъ вдругъ превратился въ какую то необыкновенно важную, торжественную особу. Наиболѣе наивныя

забылись до того, что стали толковать ему о своей нуждѣ и бѣдности, хотя онъ прекрасно зналъ день рожденія каждой ихъ коровы, каждой лошади и свиньи, даже самъ иногда занималъ у нихъ деньги. Всѣ называли его „паночку", „батечку" и даже дивились въ душѣ, какъ это они еще вчера могли звать эту важную особу просто Максимомъ.

Еще во сто кратъ докучливѣе были жалобы о покражахъ, обмѣнахъ и тому подобныхъ злоупотребленіяхъ. Почти каждая курица въ селѣ оказывалась спорною; въ наименѣе сомнительныхъ случаяхъ оказывалось по три, по четыре претендентки! Возобновились давно забытые споры за куски холста, обмѣненные во время бѣлѣнія, за горшки, метлы и тому подобную домашнюю утварь. Никогда еще село не имѣло своего старшины; въ числѣ обывателей были и такіе, что прожили полвѣка и ни разу не говорили даже съ старшиною, понятія не имѣли о его значеніи и власти, не понимали, зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ. Званіе, привилегіи, а всего больше сношенія съ властями возвышали его надъ уровнемъ обыновенныхъ смертныхъ, дѣлали чѣмъ то высшимъ, словно онъ и не крестьянинъ. Только въ умахъ самыхъ крайнихъ скептиковъ могло зародиться убѣжденіе, потомъ перешедшее въ пословицу, будто „и старшину чортъ беретъ". Вообще же значеніе его преувеличивалось.

Тѣ изъ сосѣдей Максима, которые, возвратившись навеселѣ послѣ выборовъ, не могли сразу припомнить, кто на самомъ дѣлѣ былъ избранъ старшиною, въ первые дни при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки и въ то же время проклинали его въ душѣ, сами не зная за что. Онъ еще не притѣснялъ ихъ, но сдѣлаетъ это со временемъ, черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ мѣсяцъ... если же и не сдѣлаетъ, то все таки онъ старшина, „гарапникъ", какая то злобная сила, тяготѣющая надъ ихъ имуществомъ и свободою. Тяжущіяся между собою бабы приносили ему яица, масло, цыплятъ, болѣе щедрыя насильно совали въ руку вытертый пятакъ, котораго и шинкарь уже не хотѣлъ брать. Говорили всѣ заразъ, всѣ требовали суда, въ полной увѣренности, что Максимъ, какъ сосѣдъ, кумъ и старшина изъ своего села, долженъ всѣмъ угодить. Максимъ зналъ, что вся эта

суматоха въ концѣ концовъ уляжется, что рано или поздно люди сознаютъ свою ошибку и оставятъ его въ покоѣ; тѣмъ не менѣе онъ пробовалъ урезонивать ихъ, убѣждать, что можетъ быть развѣ только черезъ три года.... Ему не давали кончить! Видя, что онъ и не думаетъ разбирать никакихъ дѣлъ, должно быть ожидаетъ большихъ приношеній, бабы приходили въ справедливое негодованіе: болѣе голосистыя выкрикивали передъ нимъ, что не боятся старшины,—плевать имъ на старшину—и знать его не хотятъ, обойдутся и безъ него, какъ и прежде обходились! Принесенныхъ цыплятъ и яица забрали такъ аккуратно, что Максимыха по уходѣ ихъ не досчиталась деревянной ложки, новаго мѣшка и метлы.

Недоразумѣніе выяснилось только тогда, когда прежній старшина пріѣхалъ собирать недоимки. Только тогда и бабы, и всѣ сомнѣвавшіеся поняли, что были въ заблужденіи. Максимъ усмѣхался, принималъ равнодушный видъ, но въ душѣ былъ оскорбленъ оказаннымъ ему неуваженіемъ; всѣмъ извѣстно было, что онъ въ ротъ не бралъ водки, жилъ спокойно, умѣлъ читать и писать, во всѣхъ дѣлахъ—о мостахъ, дорогахъ или общественныхъ повинностяхъ онъ всегда говорилъ умнѣе всѣхъ; его уже знали, знали и то, что не терпѣли бы отъ него ни обиды, ни притѣсненія. Чуть не сто разъ служилъ онъ имъ, какъ могъ, какъ умѣлъ; передъ выборами всѣ кричали о немъ, заранѣе называли мудрымъ, справедливымъ старшиною, а въ послѣдній день „тотъ прежній“ поставилъ ведро водки и крикнули за него всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подали голоса даже тѣ, которые и въ глаза его никогда не видѣли.

— Ага! Не хотѣли аккуратнаго человѣка, пусть теперь шельмы покаются! повторялъ въ душѣ Максимъ и побожился отнынѣ ни въ какія дѣла не мѣшаться,—заплатитъ, что слѣдуетъ, и довольно. У него свое хозяйство, жена, дѣти и будетъ съ него! Къ чему понапрасну портить себѣ кровь, учить другихъ, если они продадутъ его послѣ за кварту водки!

К. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

I.

Кошчичи-Стрижовскіе.

1. Кошчичи Брацлавскіе и Винницкіе въ XVI в.

Въ половинѣ XVI ст. восточная часть подольской земли, подъ установившимся въ исторіи именемъ Брацлавщины, съ двумя господарскими замками: Брацлавомъ и Винницей, принадлежала еще исключительно Литвѣ и управлялась на особыхъ основаніяхъ, отличавшихся отъ того склада и порядка, которые уже успѣли значительно воздѣйствовать на сосѣднее подольское воеводство, принадлежавшее коронѣ польской. Здѣсь еще доживали свой вѣкъ порядки, установленные Коріатовичами. Назначаемые литовскимъ господаремъ волынскіе воеводы совмѣщали должности луцкаго, володимерскаго, винницкаго и брацлавскаго старостъ [1]). Исполняя кое какъ трудную военно-оборонительную миссію, они мало имѣли вліянія на внутрен-

---

[1]) Намъ кажется, что почтенный авторъ смѣшиваетъ случайный фактъ съ нормальнымъ государственнымъ порядкомъ. Должность волынскаго воеводы была установлена только въ 1566 году; до того времени Волынью управлялъ маршалокъ земли волынской, онъ же староста луцкій и володимерскій, который развѣ случайно могъ быть въ тоже время старостою брацлавскимъ и винницкимъ. Въ доказательство выпишемъ извѣстныхъ намъ чиновниковъ, занимавшихъ означенныя должности, до конца первой четверти XVII столѣтія:

Маршалки земли волынской:

кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій 1491—1506.
Ѳедоръ Янушевичъ 1506—1507.

нюю жизнь края, ближайшее управленіе которымъ оставалось на прежнихъ началахъ въ рукахъ земянъ.

Потомки преимущественно древнихъ русскихъ боярскихъ родовъ, земяне Брацлавщины пережили времена татарскаго владычества и къ половинѣ XVI ст. представляютъ изъ себя болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ среды которыхъ, мало по малу, подъ западнымъ вліяніемъ все отчетливѣе выдѣляется классъ мѣстнаго землевладѣльческаго шляхетства.

Составъ брацлавскаго земянства со времени литовскаго владычества сталъ постепенно пополняться пришельцами, преимущественно изъ волынской земли, получавшими за выслугу *«твердости»* на разныя имѣнія, принадлежавшія замкамъ господарскимъ Винницѣ и Брацлаву. Твердости эти, въ видѣ жалованныхъ грамотъ, привилегій и листовъ, раздавались великими князьями или его намѣстниками-старостами съ господарскаго утвержденія, при чемъ непремѣн-

---

кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій 1507—1522.
кн. Ѳедоръ Михайловичъ Чарторыйскій 1522—1542.
кн. Андрей Михайловичъ Сангушко-Коширскій 1542—1560.
кн. Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій 1560—1566.

Воеводы волынскіе:

кн. Александръ Ѳедоровичъ Чарторыйскій 1566—1571.
кн. Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій 1571—1579.
кн. Андрей Ивановичъ Вишневецкій 1579—1585.
кн. Янушъ Константиновичъ Острожскій 1585—1593.
кн. Александръ Константиновичъ Острожскій 1593—1603.
кн. Янушъ Янушевичъ Заславскій 1603—1629.

Старосты брацлавскіе и винницкіе:

кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій 1491—1529.
кн. Илія Константиновичъ Острожскій 1529—1541.
кн. Семенъ Глѣбовичъ Пронскій 1541—1542.
кн. Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко 1642—1550.
кн. Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій 1550—1579.
Юрій Струсь 1579—1604.
Валентинъ Калиновскій 1604—1616.
Балабанъ 1620.
Адамъ Калиновскій 1624—1630.

Такимъ образомъ мы видимъ, что за 140 лѣтъ должности маршалка или воеводы волынскаго и старосты брацлавскаго и винницкаго совпадали случайно только два раза: при кн. Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ (1507—1522) и при кн. Богушѣ Ѳедоровичѣ Корецкомъ (1560—1566 и 1571—1579), т. е. въ теченіи только 30 лѣтъ.—*Ред.*

нымъ условіемъ была обязанность земянина нести при старостѣ военную службу. Такое служилое сословіе, заинтересованное въ безопасности края, было необходимо для правительства въ этой далекой окраинѣ, на рубежѣ дикихъ полей.

Се теченіемъ времени новые пришельцы встрѣтили протестъ со стороны аборигеновъ и стараго земянства. Во время ревизіи брацлавскаго замка въ 1545 г., старые земяне потребовали, чтобы всѣ права и твердости были провѣрены: «нехай бы была ведомость, хто за чымъ держытъ, а годенъ ли есть держаты». Этихъ «подлейшихъ земянъ они братею собе не менуютъ, ани знаютъ, отколь есть», замѣчаетъ ревизоръ [1]).

Къ числу старыхъ земянскихъ родовъ, владѣвшихъ въ Брацлавщинѣ въ XVI вѣкѣ значительными имѣніями, принадлежалъ родъ *Кошковъ*.

Первое извѣстіе объ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ ревизіи винницкаго и брацлавскаго замковъ въ 1545 г., изъ которой видно, что Кошки владѣли на правахъ вотчинныхъ имѣніями, тянувшими къ обоимъ замкамъ.

Къ брацлавскому замку тянули обширныя имѣнія двухъ братьевъ Ивана и Андрея Кошковъ. Замковая ревизія передаетъ только, что они принадлежали къ старшимъ земянамъ и имѣли совмѣстно съ Исаемъ Жабокрицкимъ и Богданомъ Слубицей одну общую городню въ брацлавскомъ замкѣ. Относительно ихъ имѣній отмѣченъ только споръ брацлавскихъ мѣщанъ о рыбномъ озерѣ при устьи р. Удича въ р. Бугъ. Мѣщане жаловались ревизору, что «Удычское Устіе Чорное здавна було замковое, нижли дей князь Пронски (бывшій староста) ему поступилъ». «А тотъ Иванъ Кошчичъ поведаетъ, штожъ на тое озеро маетъ прывилія листы потверженіе господарское. А мещане сознавали, хотя дей онъ заочне прывилія и листы собе бралъ, нижли того николы не вжывалъ, бо есть зъ великою шкодою замку господарского, ижъ дей кромъ того озера на усти, не машъ нигде инде на замокъ рыбу ловити» [2]).

Вскорѣ однако татары въ конецъ опустошили имѣнія Кошковъ, и братья переселились въ Винницу, гдѣ ихъ и застаетъ описаніе замка 1552 года. «Люди пановъ Кошчичовъ въ местѣ Венницкомъ человѣкъ 31; роботъ имъ на лето: день одинъ косятъ, а другій жнутъ, а

---

[1]) Zródła dzejowe, VI, 126.

[2]) Zródła dziejowe, VI, 118, 122 и 123.

иного зъ нихъ ничого. Селища ихъ пустые въ Браславскомъ повете, на имя: Польчиковъ, Чозовъ, Плисковъ, Хановъ, Осипковъ, Воробевцы, Хвальковъ, Черемошны, Иголковъ, Игнатовцы, Шпековъ, Деремчинцы, Кобылая». Дохода съ этихъ имѣній братья не имѣли; только болоховцы, имѣвшіе тамъ свои уходы, вносили иногда до 4 копъ грошей въ годъ. «Въ мѣстѣ Браславскомъ мели они 60 человѣковъ, которые давали имъ на годъ каждый по 12 грошей, а по третиннику овса» [1]).

Изъ другаго источника мы знаемъ, что Иванъ и Андрей Кошчичи уже послѣ люблинской уніи въ 1582 г. раздѣлились своими обширными имѣніями въ Брацлавщинѣ и старшій изъ нихъ Иванъ Кошка, въ то время судья брацлавскій, продалъ князю Острожскому свою часть, недавно опустошенную татарами, состоявшую изъ Шпикова, Воробіевки и Рогозной [2]). Вторая часть имѣнія, а именно краснянскій ключъ, осталась въ рукахъ Андрея Кошки. Кромѣ того, братья Кошчичи владѣли дворами въ г. Винницѣ, какъ это видно изъ описанія винницкаго замка 1552 г. [3]).

Тѣ же братья Иванъ и Андрей Кошки имѣли большое жировицкое имѣніе на далекой Волыни, въ луцкомъ повѣтѣ, по сосѣдству съ Колками, имѣніемъ Ролковскаго. Преемникъ ихъ въ 1605 г. назывался тамъ Кошкой—Журавицкимъ въ отличіе отъ другихъ Кошковъ, встрѣчаемыхъ довольно часто въ волынскихъ актахъ XVI и первой половины XVII ст. [4]). Нѣкоторые изъ нихъ, подъ польскимъ вліяніемъ, измѣняютъ свою фамилію на Котовичей [5]).

Дальнѣйшая судьба брацлавскихъ Кошчичей намъ пока неизвѣстна. Остановимся теперь на другой вѣтви того же рода—винницкихъ Кошчичахъ.

Ревизія винницкаго замка 1545 г. называетъ земянъ Ивана Кошку и вдову Сасиновую, владѣющихъ совмѣстно имѣніями Стрижовкою, Святковцами и Янезцами или Яновомъ [6]). Главнымъ ихъ имѣніемъ была Стрижовка, гдѣ они и проживали, а потому, по обычаю того времени, они часто называются просто: Сасиновая Стрижевская, Ивашко Стри-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Рос. VII, т. I. 610.

[2]) Kwiaty i Owoce. Kijów 1870 г. ст. 301.

[3]) Арх. Ю.-З. Р. VII, т. I, 607.

[4]) Описи акт. книгъ кіевс. центр. архива № 2035, ст. 19; № 10, стр. 9; № 13, стр. 53, 55.

[5]) Ibid. № 14, ст. 27, 39; № 17, ст. 11, 12; № 18, ст. 6.

[6]) Zródła Dziejowe VI, 109, 110, 115.

жевскій, безъ упоминанія родоваго имени Кошка или Кошчичъ. Со временемъ родовое имя совершенно изчезло и мы далѣе будемъ встрѣчать только одну помѣстную фамилію Стрижевскихъ. Подобная перемѣна фамилій произошла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. у многихъ старыхъ земянъ Брацлавщины. Такъ, родъ Козубовъ или Коцубовъ сталъ зваться Козубами—Якушинскими, а затѣмъ просто Якушинскими отъ родоваго имѣнія Якушинецъ; родъ Гречиновъ именовался Сабаровскими отъ имѣнія Сабарова, и т. д. Многіе роды застають акты того времени только съ одной помѣстной фамиліей, какъ Петничанскіе изъ с. Петничанъ, Ободенскіе изъ с. Ободнаго, Микулинскіе изъ с. Микулина и мн. др.—Упомянутые выше братья Иванъ и Андрей Кошчичи дольше Стрижовской вѣтви удержали родовое имя, надо полагать потому, что не жили въ вотчинныхъ разоренныхъ помѣстьяхъ и должны были переселиться въ другой повѣтъ.

Въ указанныхъ выше имѣніяхъ Кошчичей-Стрижовскихъ числилось девяносто душъ крестьянъ. Сравнительно съ прочими, это было одно изъ болѣе населенныхъ имѣній; оно уступало только имѣнію Петничанскому Миска Степановича, имѣвшаго сто десять душъ. Цифры эти, однако, далеко не выражали полной численности населенія; онѣ относятся только до крестьянъ послушныхъ, подданныхъ. Къ сожалѣнію, ревизіи замковъ, позднѣйшія люстраціи и другіе архивные матеріалы, указывая на повсемѣстное присутствіе свободнаго сельскаго элемента подъ именами хуторянъ, козаковъ, (болоховцевъ ?), не даютъ никакихъ ровно указаній относительно ихъ численности.

Для своихъ имѣній, на случай нашествія непріятелей, Кошчичи имѣли въ винницкомъ замкѣ двѣ городни, одну для Стрижовки, а другую для Янова и Святковецъ.

Въ описаніи винницкаго замка, составленномъ чрезъ семь лѣтъ послѣ первой ревизіи, т. е. въ 1552 г., въ качествѣ владѣльцевъ Стрижовки и Янова мы уже не встрѣчаемъ ни Ивана Кошчича, ни вдовы Сасиновой, а въ перечисленіи земянскихъ селъ читаемъ: «село пана Аксаково Стрыжовка» и «село Яново того жъ пана Оксаково», при чемъ въ Стрижовкѣ показано 80 домовъ, а въ Яновѣ 16. Въ г. Винницѣ тотъ же «Аксакъ Стрыжевскій» имѣлъ своей дворъ рядомъ съ дворами братьевъ Ивана и Андрея Кошчичей [1]).

Описаніе замка отмѣчаетъ слѣдующія обязанности стрижовскихъ жителей: «хто коня маетъ, каждый на службу военную ѣдетъ при

---

[1]) Арх. Ю.-З. Рос. VII, т. I, 602, 607 и 610.

пану, и безъ пана, при старосте, або наместнику его; робятъ на лѣто: день косити, а другой жаты а орати, на толоку ходятъ на пиво день одинъ, а на лѣто отъ пасекъ дани урочистое на годъ съ дому по 16 грошей; а клинки (?) на замокъ старосте даютъ зъ дому на годъ по 3 грошей полскихъ» [1]).

Имена владѣльцевъ стрижовскаго и яновскаго имѣній, указанныя въ ревизіи винницкаго замка 1545 г. и въ описаніи 1552 г., стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ позднѣйшими несомнѣнными актовыми данными. Такъ, въ одномъ актѣ 1570 года, который будетъ приведенъ ниже, войскій винницкій Миско Степановичъ Петничанскій, въ то время глубокій старикъ, показывалъ въ качествѣ свидѣтеля передъ королевскими коммиссарами, что еще при старостѣ князѣ Ильѣ Константиновичѣ Острожскомъ владѣльцемъ Стрижовки былъ Дымытръ Лехновичъ Стрижевскій. Изъ того же и другихъ актовъ мы знаемъ, что въ 1566 г. владѣлъ тѣмъ же имѣніемъ родной сынъ Дмитрія Лехновича Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій. Такъ какъ кн. Илья Константиновичъ былъ винницкимъ старостою далеко раньше ревизіи 1545 года, послѣ него былъ старостой князь Пронскій, а ревизія производилась уже при князѣ Ѳедорѣ Сангушковичѣ, то оказывается, что владѣльцы, указанные въ ревизіи и описаніи замка, Иванъ, вдова Сасиновая и Аксакъ владѣли Стрижовкою въ промежутокъ между владѣніемъ отца Дмитрія Лехновича и сына Гневоша Дмитріевича. Мы не имѣемъ пока данныхъ для выясненія родственныхъ отношеній между всѣми этими владѣльцами. Быть можетъ, Иванъ, вдова Сасиновая и Аксакъ Стрижовскіе были старшими родными братьями и сестрою Гневоша Стрижовскаго. Во всякомъ случаѣ, имѣнія эти, какъ видно, находились давно въ родѣ Кошковъ Стрижовскихъ и во второй половинѣ XVI вѣка единственнымъ владѣльцемъ является Гневошъ Дмитріевичъ Стрижовскій, но имѣнія его, какъ увидимъ, далеко не ограничивались одною Стрижовкой и Яновомъ.

---

2. Гневошъ Дмитріевичъ Стрижовскій, войскій винницкій. (1566—1604).

По обычаю того времени, брацлавскіе земяне хранили всѣ свои драгоцѣнности и цѣнные документы въ винницкомъ замкѣ. Этотъ замокъ, какъ новый, построенный недавно на островѣ р. Буга и болѣе

[1]) Ibid. стр. 610.

удаленный отъ дикихъ полей, считался болѣе надежнымъ противъ татаръ оплотомъ, чѣмъ замокъ брацлавскій. При томъ Брацлавъ былъ опасенъ и по другимъ болѣе важнымъ причинамъ. Южные хищники главнымъ образомъ грабили села и деревни, избѣгая вооруженныхъ замковъ и добывая ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ виду брацлавскаго замка былъ болѣе грозный врагъ, чѣмъ татары Тамъ вслѣдствіе близости дикихъ полей и постоянныхъ столкновеній съ татарами, въ населеніи очень рано и довольно сильно стало проявляться стремленіе къ козакованію и «своеволію», давшее впослѣдствіи большую поддержку движенію Косинскаго и Наливайка. Мѣщане брацлавскіе, еще болѣе корсунскихъ и богуславскихъ, ознаменовали себя въ концѣ XVI ст. рядомъ бунтовъ противъ власти старостъ и заставили брацлавскихъ земянъ усиленно ходатайствовать передъ сеймомъ о переводѣ всѣхъ воеводскихъ и земскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Брацлава въ Винницу, что и было исполнено формально въ 1598 году [1]).

Въ винницкомъ, слѣдовательно, замкѣ привыкли земяне хранить свои *твердости*. Но 8 октября 1580 г., вслѣдствіе какого то несчастнаго случая, новый винницкій замокъ сгорѣлъ до основанія [2]), а съ нимъ погибли всѣ акты какъ правительственные, такъ и частные. Желая обезпечить свои права, земяне обратились къ королю на сеймѣ въ февралѣ 1581 г., прося занести въ книги королевской канцеляріи ихъ заявленія о сгорѣвшихъ документахъ. Между прочими занесено заявленіе Гневоша Стрижовскаго, въ то время уже войскаго винницкаго, подъ 3 февраля 1582 г., изъ котораго видно, что въ винницкомъ замкѣ сгорѣли данные ему великими князьями литовскими и королями польскими привилегіи, пожалованія, листы и другія письменныя доказательства на *дедичныя* его имѣнія: *Кобыля* надъ р. Десной и р. Кобылей, *Стрижовка* надъ р. Бугомъ, *Цветковцы, Клобочища*, *Пилявинцы* надъ р. Десною, *Яновъ* на р. Бугѣ и Сниводѣ; всѣ эти села въ повѣтѣ винницкомъ, и кромѣ того въ повѣтѣ кіевскомъ: *Селища*, *Ерхачевъ* и *Щербовъ* [3]) на р. Раставицѣ.

Въ кіевскомъ повѣтѣ у Гневоша Стрижовскаго было еще имѣніе, *часть села Дѣдковскаго* [4]), другая часть котораго принадлежала

---

[1]) Volumina Legum II, f. 1470, § 65.

[2]) Kwiaty i Owoce. 307.

[3]) Нынѣшнее мѣстечко Ружинъ; въ 1591 король Сигизмундъ III подарилъ село Щербовъ кн. Николаю Ружинскому, который переименовалъ его въ Ружинъ.

[4]) Нынѣшнее село Дѣдовщина.

Милохнѣ Бѣлого. Владѣніе его въ этомъ имѣніи не было спокойное: онъ имѣлъ споръ съ сосѣдкой земянкой Головинской и судился съ ней въ 1584 г. за то, что она наслала на Дѣдковское имѣніе своего урядника съ крестьянами, которые избили и изувѣчили слугу его и пограбили у него деньги. Въ томъ же году, 20 ноября 1584 г., онъ продалъ свою часть въ Дѣдковцахъ за 200 копъ грошей литовскихъ своему земляку брацлавскому земскому писарю Северину Кропивницкому, который одновременно купилъ и другую часть отъ Милохны Бѣлого за 600 копъ грошей. Продавъ Дѣдковское имѣніе, Гневошъ Стрижевскій сейчасъ же купилъ тамъ же въ кіевскомъ повѣтѣ у той же Милохны Бѣлого имѣніе *Кисоричи* за 100 копъ грошей литовскихъ [1]).

Какъ видимъ, имѣнія Стрижовскаго были довольно значительны и, какъ убѣдимся послѣ, перечисленныя названія по винницкому уѣзду не обнимаютъ всѣхъ поселеній: это только главные центры, къ которымъ тянули болѣе мелкіе поселки, слободы, хутора и пасѣки. Главную, однако, существенную часть этого состоянія представляли, разумѣется, крестьяне и ихъ трудъ. Сколько было крестьянъ у Гневоша Дмитріевича, мы не знаемъ, но слѣдуетъ полагать, что значительно больше, чѣмъ у его предковъ, такъ какъ времена хотя и были тревожныя, южные гости своихъ набѣговъ не оставляли, но все же осѣдлый людъ понемногу укрѣплялся на старыхъ урочищахъ и способы защиты совершенствовались.

Въ разсматриваемый нами періодъ, во второй половинѣ XVI ст. въ Брацлавщинѣ довольно сильно проявляется стремленіе земянъ къ точному опредѣленію границъ своихъ помѣстій и возникаетъ цѣлый рядъ межевыхъ процессовъ, часто сопровождавшихся самоуправствами и насиліями. Во всѣхъ почти этихъ процессахъ центръ тяжести сводился не къ вопросу объ обладаніи крестьянами, а прямо о владѣніи землею. Прославленная пустынность безхозяйныхъ обширныхъ степей на нижнихъ окраинахъ Рѣчи Посполитой по отношенію къ винницкому повѣту вовсе не находитъ себѣ подтвержденія. Напротивъ, при ближайшемъ изученіи актовъ оказывается, что здѣсь жизнь кипѣла полнымъ ключемъ, велось привольное хлѣбопашество издавна, каждая пядь земли имѣла свою цѣну и энергически отстаивалась отъ чужаго посягательства. Умолчанія въ разныхъ ревизіяхъ и люстраціяхъ о населенности и землевладѣніи края объясняется односторонностью этихъ актовъ. Ревизоры искали людей послушныхъ и пла-

[1]) Опись акт. книги кіев. центр. арх. № 8, ст. 13, 18, 19, 30 и 37.

тельщиковъ, а гдѣ таковыхъ не находили, тамъ для нихъ была или пустыня, или своеволіе. Въ описаніи, напр., винницкаго замка 1552 г. отмѣчено всего около 20 селъ замковыхъ и земянскихъ въ винницкомъ повѣтѣ, но на самомъ дѣлѣ можно ихъ по актамъ XVI ст. легко насчитать втрое больше. Да и самъ ревизоръ заявляетъ, что «иншие села писатися не дали в небытности пановъ, а врадныковъ своихъ» [1]).

Гневошъ Дмитріевичъ былъ заботливымъ хозяиномъ и оберегалъ границы своихъ обширныхъ грунтовъ. Вскорѣ, вѣроятно послѣ принятія наслѣдства, онъ затѣялъ процессъ съ винницкими мѣщанами изъ за границъ своего стрижовскаго, или вѣрнѣе, кобыленскаго имѣнія, тянувшагося широкой полосой сѣверо-восточнѣе мѣщанскихъ угодій. Процессъ закончился 24 мая 1566 г. декретомъ брацлавскаго и винницкаго старосты кн. Богуша Ѳедоровича Корецкаго. Въ декретѣ этомъ, сохранившемся въ польскомъ переводѣ 1650 года такъ описаны границы по направленію съ запада на востокъ: «Лѣсомъ великимъ отъ верховьевъ рѣчки Сони до устья, гдѣ вливается въ Богъ по лѣвую сторону стрижовскій, по правую грунтъ мѣщанскій, по ту сторону Богу рѣчки отъ устія Вельбежовки этой рѣчкой Вельбежовкой вверхъ до дороги, которая идетъ изъ Петничанъ мимо Круглець по лѣвую руку стрижовскій, а по правую мѣщанскій. Тою же дорогой отъ Вельбежовки до Глубокой Криницы; по ту сторону Криницы Островъ, на которомъ присягалъ шляхетный Дмитръ Стрижовскій, а отсюда по дорогѣ до Семёнки стрижовскій по лѣвую, а по правую мѣщанскій. Отъ этой дороги въ верху Семенки до верховьевъ Свынаровыхъ Лозъ, внизъ Свынаровыми Лозами, этой рудой, до Хомутной по лѣвую стрижовскій, по правую мѣщанскій; пройдя черезъ долину Хомутной, Сухою горою до Нетяговъ ниже Калитына става на Лозы, а отъ этихъ Лозъ на Колодяжъ, отъ Колодяжа на густой березнякъ и тамъ уже пришелъ грунтъ Вороновицкій» [2]).

---

[1]) Арх. ю.-з. Рос. VII, т. I, 611.

[2]) Рѣчка *Соня*, правый притокъ р. Буга, протекаетъ въ лѣсахъ по нынѣшней границѣ стрижовскаго и петничанскаго имѣній. *Вельбежевка*, лѣвый притокъ р. Буга, теперь называется Вербежевкой. *С. Петничаны*, согласно акту, придется причислить къ владѣніямъ г. Винницы. Дѣло въ томъ, что это село замковое и отдано было господаремъ при кн. Константинѣ Острожскомъ Степану Демидовичу; во время отвода границъ имъ владѣлъ сынъ его Миско Степановичъ. *Хомутна* рѣчка, лѣвый притокъ р. Кобыльной, впадающей въ Десну. *Свынаровы лозы* руда, болотистый

Отмѣтивъ указанныя мѣста на картѣ, увидимъ, что граница стрижовскаго имѣнія тянулась съ запада на юго-востокъ, начиная отъ земель с. Якушинецъ, переходила черезъ р. Бугъ и доходила до вороновицкихъ земель въ нынѣшнемъ брацлавскомъ уѣздѣ гдѣ то около с. Еленовки. Она захватывала съ юга, кромѣ Стрижовки и теперешняго с. Стадницы, почти всю систему рѣки Кобыльны, на которой расположены теперь села: Приборовка, Кобыльна, Коссаковка, Кохановка, Пеньковка и Козинцы. Всѣ земли этихъ селъ входили въ составъ кобыленскаго имѣнія, отдѣлявшагося отъ собственнаго стрижовскаго имѣнія рѣкою Десною.

Утвердивши этимъ декретомъ свои границы съ винницкими мѣщанами, Гневошъ Дмитріевичъ добился того же по отношенію къ огромному старостинскому имѣнію селу Мизякову. Къ этому древнему замковому селу тянуло огромное пространство земли, начиная отъ границъ с. Якушинецъ по направленію къ сѣверо-востоку вплоть до верховьевъ р. Десны и до Чернаго шляха. Земли эти почти на всемъ пространствѣ, покрытыя въ то время лѣсомъ, усѣянныя мизяковскими пасѣками и козацкими хуторами, огибали стрижовское имѣніе съ запада и сѣверо-запада. Граница шла очень близко отъ главнаго мизяковскаго поселенія, котораго уходы и пахати расположены довольно неудобно и на далекихъ разстояніяхъ на югъ и на сѣверъ, между тѣмъ какъ стрижовскіе грунты были подъ рукой. Такое расположеніе угодій давало поводъ къ частымъ взаимнымъ нарушеніямъ границъ. Мизяковскіе люди подъ крыломъ старостинской власти постоянно захватывали стрижовскіе земли, часто безнаказанно, но иногда дѣло доходило до насилій и взаимныхъ самоуправствъ. Споры съ мизяковцами начались очень давно, и еще покойный Дмитрій Лехновичъ во времена старосты кн. Ильи Константиновича Острожскаго въ тридцатыхъ годахъ XVI ст. велъ межевое дѣло и возстановлялъ копцы и зарубы на деревьяхъ.

Подобныя отношенія не пришлись по вкусу Гневошу Дмитріевичу; отвѣчать за самоуправство и заѣздъ той же монетой, по укоренявшемуся уже въ то время и въ Брацлавщинѣ обычаю, не было,

---

ручеекъ, лѣвый притокъ Хомутной, впадаетъ ниже с. Малыхъ Крушлинецъ. *Нетяги* рѣчка, лѣвый притокъ Кобыльной. *Калитынъ ставъ* на рѣчкѣ Нетягахъ въ с. Калитинцы. Село это пожаловано Мартину Хруслинскому въ 1599 г. и отъ его имени названо впослѣдствіи Хруслинцы, теперь Большія Крушлинцы.—Вмѣстѣ съ Калитинымъ ставищемъ пожаловано Хруслинскимъ *урочище Нетяги* и *Телепентынъ ригъ*, нынѣ с. Телепеньки (Арх. ю.-з. Россіи VII т., I ч., стр. 259).

кажется, въ его правилахъ. По крайней мѣрѣ намъ не удалось встрѣтить даже намека въ документахъ того времени на то, чтобы кто либо жаловался на Гневоша Дмитріевича за «гвалтовное» или «збройное» нападеніе. Прямой путь для него былъ обратиться съ жалобой къ королю и ходатайствомъ о назначеніи разграничительной коммиссіи.— Ходатайство это было уважено, и 23 апрѣля 1570 года прибыли на мѣсто королевскіе коммиссары (которымъ было одновременно поручено важное дѣло разграниченія кіевскаго, подольскаго и брацлавскаго воеводствъ) съ понятыми и свидѣтелями, и отвели границу между стрижовскими и мизяковскими грунтами на всемъ ихъ протяженіи, отъ якушинецкой до прилуцкой «*пяты*» [1]). Протоколъ этого отвода, имѣющійся у меня на польскомъ языкѣ, представляетъ много интересныхъ подробностей, а потому я считаю не лишнимъ привести главную его часть въ русскомъ переводѣ: «Я. Олизаръ Кердей Мильскій, маршалъ е. кор. м., да я, Мисько Шашкевичъ Долбановскій, объявляемъ и чинимъ вѣдомо» etc., «что, согласно приказанію и письму е. кор. м—ти, мы, какъ коммиссары, въ присутствіи благородныхъ пановъ Миска Петничанскаго, войскаго винницкаго, пана Матвѣя Козельскаго, ротмистра е. кор. м—ти и князя Ярослава Соколинскаго съ одной, а земянъ его кор. м—ти воеводства брацлавскаго Лаврына Яцковскаго и пана Филона Кордыша съ другой, вслѣдствіе жалобы пана Гневоша Дмытровича Стрызовскаго на большіе убытки по винѣ подданныхъ е. кор. м—ти села Мизяковскаго, захватывающихъ стрижовскіе грунты... въ день св. Юрія мѣсяца апрѣля 23 дня нижеписаннаго года, всѣ вмѣстѣ съ уполномоченнымъ пана старосты паномъ Львомъ Васильевичемъ Стубельскимъ, имѣя при себѣ вознаго брацлавскаго воеводства, пана Семена Сабаровскаго, назначеннаго по этому дѣлу винницкимъ гродскимъ урядомъ, выѣхали на тотъ грунтъ, въ которомъ считалъ себя обиженнымъ со стороны Мизякова панъ Гневошъ Стрижевскій, а именно: прежде всего взявъ отъ *урочища Переорокъ* (Periorek) отъ верховьевъ Переовскаго пруда [2]) отъ россохатаго дуба, на которомъ явственны зарубы (rubezy); отъ этого дуба черезъ поляну на могилу, отъ этой могилы при входѣ въ лѣсъ въ самомъ началѣ стоитъ дубъ, на которомъ тоже зарубы, а направляясь

---

[1]) *Пятой* называлось мѣсто, гдѣ сходились границы 3-хъ разныхъ грунтовъ или имѣній.

[2]) Существуетъ и теперь с. Переорки на рѣчкѣ Стрижовкѣ, на которой и теперь есть прудъ. Село принадлежитъ къ стрижевскому имѣнію.

лѣсомъ между пасѣкой Коржиновой, человѣка мизяковскаго, и между пасѣкой Панаса Шаневича, человѣка стрижовскаго, по правую руку грунтъ стрижовскій, а по лѣвую мизяковскій, а отсюда черезъ *лѣсъ Дубовецъ* [1]) до *Поплава* [2]) между пасѣкой Лиснева, человѣка мизяковскаго и между пасѣкой Снетыновича, человѣка стрижовскаго, выйдя изъ этого лѣса на взлѣсье (aż na wzlas), стоитъ большой дубъ, на которомъ зарубы граничные явственные; а потомъ отъ этого дуба и подлѣсья, вывелъ насъ панъ Стрижевскій и признавалъ своею землю до другаго дуба въ концѣ полей и нивъ, отъ того грунта несомнѣнно до стараго дорожища, которое пролегаетъ возлѣ руды Поплавской со стороны села Стрижовскаго, стоя здѣсь на дорогѣ, идущей изъ Мизякова въ Винницу возлѣ той руды на самой дорогѣ (na drodze gościńca), панъ Стрижовскій, согласно общему закону (prawa pospolitego), указывая свои границы, поставилъ 18 свидѣтелей, людей хорошихъ и достойныхъ вѣры, и старыхъ, и взрослыхъ, которые говорили, что нѣкоторые изъ нихъ помнятъ около ста лѣтъ; эти послѣдніе, ставъ передъ нами, показали, что земля эта никогда не принадлежала селу Мизяковскому, а Стрижовскому; а при показаніи этихъ свидѣтелей панъ Миско Петничанскій, войскій винницкій, тоже показалъ, что когда мы съ отцомъ пана Гневоша Стрижевскаго, паномъ Дымытромъ Лехновичемъ Стрижовскимъ еще за староства е. м. князя Ильи пріѣзжали сюда, то покойный панъ Дмытръ указалъ мнѣ по этой сторонѣ руды отъ своего имѣнія стрижевскаго нивы, засѣянныя пшеницей, бокомъ возлѣ самой руды Поплавы, а по ту сторону, отъ могилы, то по его указанію была земля мизяковская; при этомъ показаніи пана Миска Петничанскаго, изъ числа свидѣтелей истца пана Стрижовскаго, подданный пана Петра микулинскаго супруновскій, по имени Дмытръ Крывдышъ сказалъ, что когда у пана Петровича, еще во время староства князя Ильи Константиновича Острожскаго, когда панъ Петровичъ шелъ въ поле, въ Супруновѣ уворованы были лошади; за этой кражей лошадей супруновскіе выводили слѣдъ и тогда мизяковскій говорилъ и нарекалъ на супруновцевъ такъ: вы знаете, что ваша граница только съ нами, а вы безъ нашего вѣдома черезъ нашу землю вели слѣдъ до границъ стрижовскихъ, а вѣдь наша граница

---

[1]) Сѣвернѣе с. Переорокъ есть теперь въ этомъ мѣстѣ хуторъ Дубовецъ на границѣ стрижовскаго имѣнія.

[2]) Руда Поплава нынѣ большой топкій заливъ р. Буга съ правой его стороны выше села Лавровки, входящей и теперь въ составъ стрижовскаго имѣнія.

съ паномъ Стрижовскимъ въ порядкѣ, а по той сторонѣ руды уже земля пана Стрижовскаго; и послали къ стрижовскому атаману Лучкишаню, чтобы принявъ съ ихъ земли тотъ слѣдъ при этомъ рудѣ и границѣ стрижовской, вывелъ бы и изъ своей земли [1]). Потомъ панъ Стрижовскій, ведя насъ тою же рудою, сказалъ, что эта руда, моя граница, впадаетъ въ р. Бугъ; на той сторонѣ, отъ рѣки панъ Стрижовскій также указалъ свою границу съ Мизяковымъ—*урочище и рѣчку Медведовку*, которая впадаетъ въ Богъ [2]), а отъ верховьевъ той рѣчки Медведовки до Верболоза, а отъ Верболоза до Осниковъ, а отъ Осниковъ до могилы, на которой ямы явственно вырытыя, а отъ той могилы урочище *Сальникъ* [3]), а отъ Сальника до Дубровки Малишовой Колки, а отъ Дубровки Малишовая Колка до рѣки Жерди, на которой лозовый и березовый островъ; тамъ же возлѣ этого острова и рѣки явились лично земяне брацлавскаго воеводства благородные панъ Иванъ Лисень, панъ Сергій и панъ Семенъ Демяшенки Прилуцкіе и сказали, что отъ этой рѣчки Жерди граница наша прилуцкая и пята съ Стрижовкою и Мизяковомъ». Послѣ указанія Гневошемъ Дмитріевичемъ этихъ границъ, присутствовавшіе подданные его кор. м—ти, отаманъ Супрунъ Каренко и другіе заявили споръ, доказывая, что границы эти захватываютъ отчасти и мизяковскіе грунты. Вслѣдствіе этого было предложено Гневошу Дмитріевичу совмѣстно съ посторонними свѣдущими лицами подтвердить свои указанія присягою. Панъ Стрижовскій выполнилъ присягу по составленному листу [4]), а приглашенные имъ старые крестьяне изъ Супрунова, Багриновецъ и Пикова ее подтвердили. Этимъ былъ разрѣшенъ споръ

---

[1]) Древній и узаконенный литовскимъ статутомъ обычай выводить слѣдъ состоялъ въ слѣдующемъ. Послѣ обнаруженья кражи лошадей (или скота), потерпѣвшій съ понятыми шелъ по слѣдамъ, но если слѣды доходили до границъ чужаго села, то посылали за старшимъ въ селѣ, и онъ уже долженъ былъ вести слѣдъ; если бы люди чужаго села не захотѣли выводить слѣда, то принимали на себя отвѣтственность за убытки. Если же сосѣдъ вывелъ слѣдъ до слѣдующей границы, то долженъ былъ передать этотъ слѣдъ своимъ сосѣдямъ. (Лит. статутъ, роздѣлъ XIV, артикулъ 9).

[2]) Существуетъ и теперь с. Медведовка на рѣчкѣ того же имени, лѣвомъ притокѣ Буга, выше с. Лавровки.

[3]) Нынѣ с. Сальникъ.

[4]) Присяга Гневоша Стрижовскаго помѣщена въ Арх. Ю.-З. Рос. VII т., I ч. стр. 231. Актъ этотъ оказывается очень искаженнымъ; названія селъ и урочищъ и число мѣсяца, въ которомъ составлено разграниченіе, искажены, вѣроятно, въ спискѣ XVIII вѣка, изъ котораго онъ заимствованъ.

и коммиссары, утвердивъ границы, передали Гневошу Стрижовскому отдѣленные грунты «w moć, w dzierżenie i używanie wiecznemi czasy», насыпали копцы и подѣлали зарубы; что же касается претензій п. Стрижовскаго на вознагражденіе убытковъ, происшедшихъ отъ насилій и грабежа (za grabieżnym i gwałtownym najściem), то таковые предоставили потерпѣвшему взыскивать судебнымъ порядкомъ. Актъ коммиссарскій составленъ былъ 24-го апрѣля 1570 г. въ замкѣ стрижовскомъ и затѣмъ внесъ въ винницкія гродскія книги.

Къ сожалѣнію, у насъ весьма мало указаній относительно характера и способа веденія хозяйства въ имѣніяхъ Гневоша Дмитріевича и размѣра его доходовъ. Кромѣ дани натурою и деньгами отъ подданныхъ крестьянъ, Стрижовскій имѣлъ доходъ отъ собственнаго хозяйства какъ полеваго, такъ и лѣснаго. Главными предметами вывоза были въ то время пшеница, гурты воловъ, воскъ и медъ. Всѣ имѣнія его лежали въ лѣсистой полосѣ повѣта; полоса эта и до нынѣ въ устахъ народа слыветъ подъ названіемъ *«лисá»*, въ отличіе отъ югозападной части повѣта *«степы»*. Не видно ни изъ актовъ, ни изъ названій урочищъ, чтобы въ лѣсахъ Стрижовскаго было развито добываніе поташа или другіе лѣсные промыслы.—Всѣ эти винницкія имѣнія пана Гневоша, состоявшія изъ трехъ ключей стрижовскаго, кобыленскаго и яновскаго, не говоря уже объ имѣніяхъ въ кіевскомъ повѣтѣ, занимали обширныя пространства, и во всякомъ случаѣ ставили его въ ряду самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ краѣ. Въ винницкомъ повѣтѣ съ Гневошемъ Стрижовскимъ могъ помѣряться обширностью своихъ грунтовъ развѣ одинъ родъ Острожскихъ, владѣвшій здѣсь большимъ пиковскимъ имѣніемъ, занимавшимъ весь сѣверозападный уголъ повѣта. Къ большимъ имѣніямъ можно было отнести еще владѣнія его кор. милости старостинскія, но и тѣ по большей части были розданы отдѣльными селами разнымъ лицамъ то въ собственность, то въ пожизненную аренду. Остальныя земянскія имѣнія были сравнительно небольшія. Обширныя нѣкогда земли Микулинскихъ къ концу XVI в. раздробились между сонаслѣдниками и каждому члену рода принадлежало одно какое нибудь селище. Горностаи изъ Гущинецъ, Копцубы изъ Якушинецъ, Черлинковскіе изъ Черлинкова, Калитынскіе изъ Тыврова, Степановичъ изъ Петничанъ, Кордыши, Ободенскіе, Гречины, Ласки, Семашки, Красносельскіе, Кропивницкіе и т. д.—всѣ они сидѣли на одномъ, много на двухъ небольшихъ селахъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ встрѣчаемъ и по два владѣльца.

Состоятельность пана Стрижовскаго позволяла ему, не ограничиваясь двумя городнями въ винницкомъ замкѣ, имѣть еще свой собственный довольно фундаментально укрѣпленный замокъ. Такую роскошь можно встрѣтить у весьма немногихъ винницкихъ земянъ, ограничивавшихся только обычнымъ рвомъ и палисадомъ. Слѣды стрижовскаго замка до сихъ поръ видны. Онъ былъ построенъ по образцу малыхъ литовскихъ замковъ того времени, южнѣе села, на высокой отвѣсной, скалистой горѣ надъ р. Бугомъ. Со стороны рѣки онъ былъ безусловно неприступенъ, а съ запада защищался глубокимъ рвомъ и и двумя концентрическими валами, спускавшимися по обѣ стороны замка въ крутой обрывъ надъ Бугомъ. Часть замчища вмѣстѣ съ наружнымъ валомъ, отчасти еще сохранившимся, занята крестьянскими огородами осѣвшей здѣсь впослѣдствіи Слободки Стрижовской, а другая часть, внутренняя, находится во владѣніи теперешняго помѣщика. Въ немъ устроенъ фамильный склепъ гр. Грохольскихъ съ часовней и разведенъ паркъ. Говорятъ, что во время работъ при устройствѣ склепа обнаружено было много камня, кирпича и истлѣвшаго дерева.

До люблинской уніи и учрежденія особаго брацлавскаго воеводства, между Брацлавщиной и землей волынской установились прямыя и довольно тѣсныя сношенія. Луцкъ, Владиміръ, Винница и Брацлавъ управлялись на одинхъ основаніяхъ и находились подъ властью одного старосты. Вслѣдствіе этого въ XVI ст. въ Брацлавщинѣ мы встрѣчаемъ много людей волынскихъ, сподвижниковъ князей Острожскихъ, Пронскаго, Сангушка, Корецкаго и др. Въ свою очередь, вліятельнѣйшіе земяне брацлавскіе въ интересахъ служебно—административныхъ сближаются съ панами волынскими, а иногда и переселяются на сѣверъ [1]) Гневошъ Дмитріевичъ имѣлъ тоже связи на Волыни и женился на Оленѣ Кадановнѣ Чаплянкѣ изъ богатаго и вліятельнаго въ Луцкѣ рода Чаплицовъ-Кадановичей. Вслѣдствіе этого брака онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ волынскимъ воеводой и винницкимъ старостой княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ Корецкимъ, женатымъ тоже на Чаплянкѣ Кадановнѣ Маріи Васильевнѣ. Время женитьбы Гневоша Дмитріевича и размѣръ полученнаго имъ приданаго намъ неизвѣстны. Когда подросли дѣти и надо было

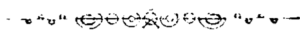
---

[1]) Можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго г. Ролле, что родиной Кошковъ былъ луцкій повѣтъ и что, слѣдовательно, брацлавскіе и винницкіе Кошчичи переселились изъ Волыни, но для подтвержденія этой догадки у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ того факта, что брацлавскіе Кошчичи имѣли въ луцкомъ повѣтѣ Жировицкое имѣніе. (См. *Dr. Antonij.* Szkice i opowiadanie. Serja V, гл. 4).

ихъ отдѣлять. Гневошъ Дмитріевичъ, по обычаю того времени, обезпечилъ свою жену, пустивъ ей одно изъ лучшихъ своихъ имѣній «въ заставу» въ суммѣ 1,600 копъ грошей литовскихъ. Въ актѣ, писанномъ 6 іюня 1578 г. въ Стрижовкѣ, онъ заявляетъ, что «взялъ и позычилъ есмы ку великой и пылной потребе у малжонки моее мылое панее Олены Кадановны Чаплица» 1,600 копъ грошей литовскихъ, «личачы въ копу по шестыдесять грошей, а въ грошъ по десяты пѣнязей бѣлыхъ», и въ этой суммѣ «завѣлъ и заставилъ есмы» своей женѣ «имѣніе мое отчизное на имя Стрызовка зо всимы кгрунты и селищами цветковскими и кобыленскими.... ничого на себе и на дети мои не оставуючи... до рукъ и владности въ держане и ужыване поступилъ», а въ случаѣ еслибы я, не заплативъ этихъ денегъ, умеръ раньше, то никто изъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ (повиныхъ), не заплативши «шестынадцять сотъ» копъ гр. л., не вправѣ будетъ въ это имѣніе вступаться, «и на то есмы малжонце моей мылой паней Оленѣ Кадановнѣ Чаплонце далъ сесь мой лысть» [1]).

Мы не встрѣчаемъ Гневоша Дмитріевича, несмотря на его богатство и связи, ни въ числѣ пословъ на сеймы коронные, ни въ числѣ лицъ, добившихся тѣхъ или иныхъ служебныхъ отличій и доходныхъ пожалованій. Послѣ смерти пріятеля своего отца, Миска Степановича Петничанскаго, онъ занялъ его должность «войскаго винницкаго». Съ этимъ титуломъ мы впервые его встрѣчаемъ въ только что приведенномъ актѣ 6 іюня 1578 г., а послѣдній разъ незадолго, вѣроятно, передъ смертію въ одномъ владѣнномъ актѣ въ качествѣ «упрошоного прыятеля» 2 генваря 1604 г. Должность войскаго не была изъ первыхъ въ повѣтѣ, но все же соединена была съ нѣкоторою властью и въ этомъ окраинномъ фортѣ несомнѣнно представляла довольно солидное и почетное положеніе въ обществѣ.

Ц. Нейманъ.



[1]) Актъ этотъ былъ внесенъ 14 іюля 1578 г. въ брацлавскія гродскія книги и посвидѣтельствованъ брацл. и вин. старостой Юріемъ Струсомъ изъ Комарова. Актъ сгорѣлъ во время пожара винниц. замка, но сохранился въ книгахъ королевской канцеляріи, куда былъ внесенъ 29 декабря 1578 г. Выпись помѣчена 10 ноября 1773 г. и озаглавлена: Wypis z ksiąg archiwa koronnego, litera E, str. 159».

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ.

Въ артистѣ надобно помнить человѣка.
П. Н. Кудрявцевъ.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ былъ однимъ изъ немногихъ на Руси актеровъ нашего вѣка, соединявшимъ въ себѣ всецѣло огромный талантъ вмѣстѣ съ свѣтлою, высокоразвитою душею. Насколько его духовная натура была могуча и крѣпка, можно видѣть, прослѣдивъ нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его біографіи. Особенно любопытнымъ намъ кажется его собственное воспоминаніе о томъ, какъ онъ добился того, чтобы изъ представителя шаблоннаго, ходульнаго направленія игры на сценѣ, отличавшейся ложноклассическимъ духомъ, обратиться въ правдиваго воспроизводителя жизни, достойнаго именоваться создателемъ реальнаго творчества на русской сценѣ.

Еще юнымъ, начинающимъ актеромъ пришлось ему въ 1810 году случайно быть зрителемъ на любительскомъ спектаклѣ, который былъ данъ однимъ знатнымъ помѣщикомъ у себя въ имѣніи, въ селѣ Юноховкѣ, харьковской губ. Въ этомъ спектаклѣ принялъ участіе замѣчательный любитель, князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій. Этотъ вельможа славился своимъ талантомъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ. Ему приходилось даже играть при дворѣ императрицы Екатерины Великой. Такъ какъ этотъ спектакль послужилъ толчкомъ къ полному перерожденію Щепкина, какъ артиста, то мы считаемъ небезполезнымъ охарактеризовать направленіе, которое царило въ области сценическаго искусства того времени. Когда Щепкинъ начиналъ свою карьеру,

то онъ засталъ въ полномъ расцвѣтѣ господство крикливой, неестественной декламаціи и необузданное злоупотребленіе вычурными жестами, сопровождавшими, какъ онъ самъ говоритъ, „почти каждое слово“. Такія неизбѣжныя во всякой трагедіи слова какъ: любовь, страсть, измѣна не говорились по человѣчески, а выкрикивались, по словамъ Михаила Семеновича, „такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ“. Вслѣдствіе погони за ложными эффектами, которыми актеры срывали себѣ у чувствительной публики вѣрные и неистовые аплодисменты, выработалась традиція, возлагавшая на служителей Мельпомены обязанность строго держаться правилъ, которыхъ никто не дерзалъ нарушать; такъ, напримѣръ, когда актеръ кончалъ какой нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то театральный катихизисъ требовалъ не иначе удаляться со сцены за кулисы, какъ поднявъ кверху правую руку. Насколько актеры боялись нарушать эти обязательные традиціонные пріемы, это видно изъ того комическаго случая, свидѣтелемъ котораго былъ Щепкинъ. Одинъ изъ его товарищей, окончивши тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку. Вдругъ онъ вспомнилъ о своей оплошности и на половинѣ дороги „рѣшился поправить свою ошибку и торжественно поднялъ эту завѣтную руку“. Щепкинъ вспоминаетъ еще объ одномъ сценическомъ пріемѣ того времени: „актеръ на сценѣ, говоря съ другимъ лицомъ, и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой;—а публика, съ своей стороны за такой сюрпризъ,—апплодировала неистово“.

Такихъ правилъ, стѣснявшихъ правдивое воспроизведеніе жизни и ставившихъ артиста того времени какъ бы на огромныя ходули,—было очень много. Молодой Щепкинъ долженъ былъ ихъ всѣ твердо себѣ усвоить и былъ самымъ горячимъ и ревностнымъ ихъ послѣдователемъ. Но вотъ онъ смотритъ игру князя Мещерскаго. Была поставлена пьеса Сумарокова „Приданое обманомъ“ Князь исполнялъ роль скупаго Салидора. Игра его до такой степени не походила на ходульную, искусственную

игру актеровъ того времени, что нашему молдому актеру невольно пришло въ голову, что князь играть совсѣмъ не умѣетъ.

„У, какъ я торжествовалъ въ этотъ мигъ",—вспоминаетъ Щепкинъ,—„думал: вотъ оно! отъ того, что вельможа, такъ и хорошо!—И что это за игра? Руками дѣйствовать не умѣетъ, а говоритъ...... Смѣшно сказать — „говоритъ просто, ну такъ, какъ всѣ говорятъ! Да что же это за игра?—Нѣтъ, далеко вашему сіятельству до насъ! Словомъ, всѣ игравшіе съ нимъ казались мнѣ лучше его, потому что „играли", а особенно игравшій Скопила. Онъ говорилъ съ такою быстротою и махалъ такъ сильно руками, какъ любой самый лучшій, настоящій актеръ. Князь же все продолжалъ по прежнему: только странно, что несмотря на простоту его игры,—что я считалъ неумѣніемъ играть,—въ продолженіи всей роли, гдѣ только шло дѣло о деньгахъ, вамъ видно было, что это касалось самаго больнаго мѣста души его, и что въ этотъ мигъ вы забывали всѣхъ актеровъ. Страхъ смерти и боязнь разстаться съ деньгами были поразительно вѣрны и ужасны въ игрѣ князя; и простота, съ которою онъ говорилъ, нисколько не мѣшала его игрѣ. Чѣмъ далѣе шла пьеса, тѣмъ больше я увлекался, и, наконецъ, даже усумнился, что чуть ли не было бы хуже, еслибъ онъ игралъ по нашему".—

Восторгъ Щепкина дошелъ до того, что по окончаніи пьесы, когда всѣ, довольные игрой актеровъ, хохотали, молодой артистъ заливался слезами, вслѣдствіе сильнаго потрясенія души. Въ юной головѣ его кипѣла горячая работа, происходила борьба старыхъ воззрѣній съ новыми, борьба не на животъ, а на смерть. Все перепуталось въ его мысляхъ: то ему казалось, что князь нехорошо говоритъ, потому что говоритъ просто; то ему приходило въ голову, что именно это то и прекрасно, т. е. простота и естественность: это значитъ—думалъ Щепкинъ,—что актеръ какъ бы не играетъ, а живетъ.

И вотъ нашъ воспріимчивый юноша отваживается на долгую и мучительную работу, состоявшую въ энергическомъ переламываніи себя, въ совершенномъ, радикальномъ измѣненіи своей дикціи, въ тщательной, тяжелой заботѣ отучиться отъ шаблонныхъ, ходульныхъ и заученныхъ манеръ въ движеніяхъ и голосѣ. Необычайно трудно было это вначалѣ! Нѣсколько дней сряду онъ уходилъ въ рощу,—„и тамъ съ деревьями игралъ всю комедію (т. е. ту самую комедію Сумарокова, въ которой игралъ кн. Мещерскій)" Но увы! Щепкинъ чувствовалъ съ невыносимою болью въ сердцѣ, что ничего не выходитъ изъ его трудовъ: онъ никакъ не могъ уловить простоту и естественность, которыми блистала игра князя. „Все это приводило меня въ отчая-

ніе,"—говоритъ Щепкинъ. „Мнѣ никакъ не приходило въ голову, что для того, чтобы быть естественнымъ, прежде всего должно говорить своими звуками и чувствовать по своему, а не передразнивать князя. Послѣ долгихъ трудовъ я упалъ духомъ и пришелъ къ такой мысли, что мнѣ никогда не достигнуть простоты въ игрѣ."

И долго онъ мучился, стараясь добиться естественности, и много разъ у него руки опускались. Но судьба сжалилась надъ молодымъ подвижникомъ и наградила его неусыпную энергію. Это произошло совершенно неожиданно и, казалось, какъ будто случайно. Однажды шла репетиція мольеровской комедіи „Школа мужей", гдѣ Щепкинъ игралъ роль Сганареля.

„Такъ какъ ее много репетировали",—вспоминаетъ онъ, —„и это мнѣ наскучило да и голова моя была занята въ то время какими то пустяками, то я велъ репетицію, какъ говорится, неглиже; не игралъ, а только говорилъ, что слѣдовало по роли, и говорилъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. И что же? Я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто, что если бъ не по пьесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту фразу, то сказалъ бы ее точно также. И всякій разъ, какъ только мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ, я чувствовалъ наслажденіе, и такъ мнѣ было хорошо, что къ концу пьесы я уже началъ стараться сохранять этотъ тонъ разговора."

Но тутъ опять пошла бѣда: какъ только онъ начиналъ намѣренно, усиленно стараться, такъ терялъ искомую, желанную простоту и впадалъ въ свою обычную ходульность, господствовавшую въ то время на сценѣ. И онъ до такой степени, благодаря излишнему старанію, уклонялся тогда отъ идеала естественности, что товарищи (а они были питомцы ложной, старинной школы) къ концу пьесы осыпали его хвалами, находя, что онъ никогда не игралъ такъ удачно. На самомъ дѣлѣ это, стало быть, значило, что онъ никогда не игралъ въ такой сильной степени ходульно и неестественно. Воображаемъ, какъ мучительно должно было быть душевное состояніе Щепкина при такихъ отзывахъ товарищей! Навѣрное, ему „не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ!" Нечего и говорить, что при такой упорной энергіи въ стремленіи къ самоисправленію Щепкинъ въ концѣ концовъ добился своей цѣли и вышелъ изъ жаркаго боя побѣдителемъ.

Стремясь къ самосовершенствованію, онъ вѣчно трудился и вѣчно учился. Въ этомъ отношеніи можно безъ преувеличенія сказать, что онъ всюду умѣлъ извлекать себѣ пользу. С. Т. Аксаковъ, хорошо и близко знавшій Щепкина, сказалъ: „вся жизнь Щепкина и внѣ театра была для него постоянною школою искусства: вездѣ находилъ онъ что нибудь замѣтить, чему нибудь научиться; естественность, вѣрность выраженія (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей—все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста“. Щепкинъ, по свидѣтельству того же современника, внимательно слѣдилъ за бесѣдами въ обществѣ, въ которомъ онъ бывалъ. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, подъ вліяніемъ мыслей, выслушанныхъ имъ посреди шумныхъ рѣчей или споровъ, Щепкинъ часто мѣнялъ свой взглядъ на изучаемую имъ роль. „Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить.“ Тщательная работа надъ каждою пьесой доходила у Щепкина до того, что онъ, по словамъ Нестора Кукольника, „на всякое свое слово, всякое тѣлодвиженіе всегда былъ готовъ представить мотивъ вполнѣ уважительный.“

Свои сценическіе пріемы Щепкинъ бралъ изъ самаго вѣрнаго источника—изъ глубокаго наблюденія надъ дѣйствительною жизнью. Этому много помогала его природная любознательность, его рѣдкая любовь къ наблюденіямъ. Онъ всѣми силами старался впитывать въ себя, говоря словами поэта, „всѣ впечатлѣнья бытія,“ чтобы тѣмъ ярче отражать дѣйствительную жизнь на сценѣ. А зналъ онъ жизнь, по свидѣтельству современниковъ, въ совершенствѣ. Не было ни малѣйшаго преувеличенія, замѣчаетъ А. Н. Аѳанасьевъ, въ словахъ Щепкина: „я знаю русскую жизнь отъ дворца и до лакейской.“ Этому знанію жизни удивлялся въ Щепкинѣ даже такой знатокъ Россіи, какъ Гоголь, который въ письмѣ своемъ къ Языкову называетъ Щепкина замѣчательнымъ человѣкомъ, у котораго „куча воспомина-

ній, исторій объ разныхъ углахъ Россіи". Въ этомъ отношеніи его вліяніе на Гоголя безспорно. Онъ не разъ давалъ Гоголю сюжеты для его сочиненій. Такъ, на основаніи разсказа Щепкина о случаѣ, происшедшемъ съ его бабкою, Гоголь разсказалъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" о томъ, какъ передъ смертью Пульхеріи Ивановны къ ней явилась кошка. Разсказываютъ, что когда Щепкинъ прочелъ эту повѣсть, то при встрѣчѣ съ авторомъ сказалъ ему, шутя „а кошка то моя"!—„За то коты мои!"—отвѣтилъ Гоголь. Подъ вліяніемъ разсказа Михаила Семеновича въ „Мертвыхъ душахъ" явился такъ называемый „симпатическій анекдотъ" на тему: „полюби насъ черненькими" и т. д. Своимъ знакомствомъ съ жизнью Щепкинъ былъ полезенъ Гоголю еще въ томъ отношеніи, что онъ могъ, съ свойственнымъ ему чутьемъ къ истинѣ, указывать писателю на его уклоненія отъ правды, на утрировки и ошибки противъ реализма, находившіяся въ его сочиненіяхъ. Сильно сказалось это благотворное вліяніе Щепкина на передѣлкѣ первоначально полуромантической, мало естественной комедіи Гоголя „Женихи" въ извѣстную реальную комедію того же автора „Женитьба".

Не одинъ Гоголь изъ среды нашихъ писателей заимствовалъ сюжеты у Щепкина. Нашему артисту обязанъ былъ Искандеръ-Герценъ, описавшій въ своей повѣсти „Сорока—воровка" исторію крѣпостной актрисы на основаніи разсказа Щепкина. Воспоминаніями Михаила Семеновича изъ быта провинціальныхъ актеровъ воспользовался графъ Соллогубъ для своей повѣсти „Собачка". Какъ ни велико значеніе житейской опытности и чуткой наблюдательности, однако ихъ недостаточно еще для полнаго, истиннаго пониманія жизни и людей. Для этого необходимо широкое умственное и нравственное развитіе; истинному артисту, для правильнаго и сознательнаго усвоенія воспроизводимыхъ въ драматическомъ произведеніи человѣческихъ типовъ и характеровъ обязательно литературное развитіе. Безъ этого условія артистъ не можетъ быть настоящимъ, правдивымъ воспроизводителемъ жизни. Вотъ почему, напр., Мочаловъ, этотъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго и другихъ современниковъ, замѣчательнѣйшій артистъ, не умѣлъ создавать цѣльный образъ изъ

своей роли. Для того, чтобы охватить всю роль общей идеей, придать характеру цѣльность, особенно если изображаемое лицо принадлежало къ классическому репертуару, Мочалову не доставало умственнаго развитія и литературнаго образованія. Щепкинъ сознавалъ недостатокъ своего образованія и потому всѣми силами всю жизнь стремился къ духовному самосовершенствованію. Для этого онъ считалъ долгомъ сблизиться съ лучшею, передовою частью общества, т. е. съ наиболѣе развитыми представителями интеллигенціи. И онъ дружески сошелся съ Пушкинымъ, который настолько уважалъ великаго артиста, что собственноручно началъ подъ его диктантъ писать его автобіографію. Онъ близко сошелся также съ Лермонтовымъ, во время послѣдней поѣздки поэта въ Москву. Хорошія отношенія связывали его и съ Грибоѣдовымъ, который, какъ гласитъ преданіе, помогалъ ему лично своими бесѣдами усвоить роль Фамусова.—Съ Гоголемъ нашего артиста соединяла прежде всего одинаково горячая любовь къ своей родинѣ—Малороссіи.

Между прочимъ, на характерѣ обоихъ особенно ярко отразилась отличительная черта малороссовъ, именно ихъ національный юморъ. Этотъ юморъ съ его поэтическими оттѣнками былъ, по словамъ одного изъ поклонниковъ таланта Щепкина, тѣмъ новымъ элементомъ, тѣмъ своимъ роднымъ началомъ, которое внесъ на русскую сцену нашъ геніальный актеръ. И люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ считали Щепкина необходимымъ членомъ своей семьи. Дружба его съ Бѣлинскимъ не прекращается до самой смерти великаго критика. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ съ семьей С. Т. Аксакова, съ Кирѣевскимъ, съ Хомяковымъ, Герценомъ, Станкевичемъ, Грановскимъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Кудрявцевымъ и др. Съ особенною теплотою вспоминалъ Щепкинъ о Грановскомъ. „Бесѣды съ Грановскимъ,“— сказалъ артистъ на своемъ юбилеѣ, „поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству“. Въ этомъ избранномъ кругу лучшихъ умовъ Щепкинъ былъ далеко не послѣдній человѣкъ. Напротивъ, онъ былъ тамъ однимъ изъ самыхъ выдающихся, самыхъ любимыхъ друзей. Добрый и честный человѣкъ, остро-

умный собесѣдникъ, талантливый разскащикъ,—онъ былъ центромъ, вокругъ котораго стекались въ знаменитой „Литературной кофейнѣ" въ Москвѣ многіе писатели и ихъ просвѣщенные друзья. Его блестящіе разсказы смѣшили и трогали не только слушателей, но и самого разскащика, который нерѣдко заключалъ свое повѣствованіе непритворными слезами. Къ этому избранному кругу лучшихъ умовъ тянула Щепкина неутолимая жажда образованія. Щепкинъ постоянно обращался къ нимъ за совѣтомъ. Положительно можно сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ актеровъ на Руси никто и никогда съ такимъ жаромъ, съ такой искренностью не обращался къ указаніямъ науки. Съ живѣйшимъ интересомъ читалъ онъ статьи о театрѣ, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ въ кружкѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ спеціально для Михаила Семеновича. Когда ему приходилось играть роль изъ классическаго репертуара французской или англійской драматургіи, то предварительно онъ освѣдомлялся у тѣхъ же друзей о томъ, какъ объясняется тотъ или другой характеръ, та или другая пьеса на Западѣ. И вѣрные друзья дѣлали для него извлеченія изъ наиболѣе замѣчательныхъ иностранныхъ критикъ данной пьесы. Такъ, по словамъ А. Н. Аѳанасьева, когда великій артистъ задумалъ сыграть „Скупаго", то все лучшее, что было написано по поводу этой комедіи, и что было необходимо для отчетливаго пониманія роли, для объясненія характера избраннаго лица и для постановки пьесы,—все являлось въ переводахъ, сдѣланныхъ друзьями нарочно для него. Такимъ образомъ, тотъ скупой, которымъ публика восторгалась въ Щепкинѣ, „былъ плодъ и великаго таланта, и глубоко обдуманнаго изученія". Въ области вопросовъ о сценическомъ искусствѣ главнымъ совѣтникомъ Щепкина былъ высокообразованный человѣкъ, замѣчательный знатокъ Шекспира Н. Х. Кетчеръ. По словамъ А. В. Станкевича, Щепкинъ всегда обращался къ этому другу за приговорами о томъ, какъ онъ сыгралъ ту или другую роль. „Взыскательному къ самому себѣ артисту", говоритъ А. В. Станкевичъ, „нужно было знать впечатлѣніе Кетчера. Скажи послѣдній, доволенъ онъ или недоволенъ исполненіемъ роли Щепкинымъ, и для артиста это уже было поправ-

леніемъ или подтвержденіемъ собственнаго мнѣнія объ игрѣ своей".

Сближеніе Щепкина съ людьми такого круга имѣло необыкновенное вліяніе на всю его жизнь. Въ этомъ съ искреннею благодарностью онъ сознался самъ на своемъ юбилейномъ праздникѣ, говоря, что просвѣщенные представители русскаго общества были его „двигатели на сценическомъ поприщѣ". Передъ своимъ отъѣздомъ заграницу, въ 1853 году, на прощальномъ обѣдѣ Щепкинъ сказалъ: „Я не сидѣлъ на скамьѣ студентовъ, но съ гордостью скажу, что много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство".

Глубокому пониманію искусства особенно много способствовало появленіе гоголевскаго „Ревизора". Подъ вліяніемъ этой пьесы въ Щепкинѣ произошла великая перемѣна, сказался значительный шагъ впередъ въ его эстетическомъ развитіи. Онъ понялъ тогда, какое воспитательное значеніе имѣетъ общественная комедія, обличающая язвы современнаго общества. Тогда онъ убѣдился, какъ бѣденъ русскій репертуаръ, какъ ничтожны по своему содержанію, по своему вліянію на общество пьесы Шаховскаго и Загоскина, наиболѣе игравшіяся въ то время. Онъ убѣдился, что для исполненія геніальной комедіи Гоголя, этой общественной сатиры,—наши артисты не подготовлены, не подготовлены по недостатку умственнаго и гражданскаго развитія. И передъ его мысленнымъ взоромъ сразу открылись недостатки современнаго сценическаго искусства. „Съ представленія „Ревизора" начинается для меня новая жизнь", говорилъ Щепкинъ. И онъ полюбилъ эту комедію всѣмъ сердцемъ и всей душей. Въ отношеніи Щепкина къ „Ревизору" очень ясно обнаружилась та высокая степень эстетическаго и гражданскаго развитія нашего артиста, до какой могли доходить въ то время только первые умы изъ интеллигентнаго класса той эпохи. Это особенно ярко сказалось на одномъ фактѣ. Именно, когда въ душевномъ настроеніи Гоголя произошелъ извѣстный переломъ, результатомъ котораго оказалось изданіе его переписки съ друзьями, когда Гоголь измѣнилъ свой взглядъ на „Ревизора" и хо-

тѣлъ всѣхъ увѣрить, что герои этой комедіи—не живыя лица, а только наши страсти, представленныя въ аллегорической формѣ, тогда Щепкинъ пришелъ въ глубокое негодованіе. Онъ написалъ Гоголю горячую отповѣдь, въ которой насквозь видна вся добрая, честная, любящая душа артиста—гражданина.

„До сихъ поръ"—пишетъ Щепкинъ,—„я изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора", какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ въ нихъ много знакомаго, такъ роднаго, и такъ свыкся съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіи десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы мнѣ ихъ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще, всѣхъ людей.—Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я взросъ и почти состарѣлся. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими людьми въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ".

Человѣкъ съ такимъ широкимъ развитіемъ не могъ не быть истинно разумнымъ учителемъ сценическаго искусства. Онъ въ своихъ пріемахъ преподаванія не походилъ на тѣхъ учителей искусства, которые учатъ декламаціи съ голоса, какъ учатъ канареекъ пѣть. Нашъ создатель реализма на сценѣ, будучи нѣкоторое время преподавателемъ драматическаго искусства въ театральной школѣ, всегда старался поддержать свободное развитіе личности въ своихъ ученикахъ. Ни за что, бывало, онъ не соглашался самъ, своею читкой, показать, какимъ тономъ надо выразить ту или другую фразу. Онъ требовалъ, чтобы ученикъ самъ вдумывался. На усиленную просьбу ученика: „Научите же, какъ сказать",—Михаилъ Семеновичъ отвѣчалъ: „Этого нельзя, я скажу, можетъ быть и хорошо, но *по своему*; ты можешь сказать еще лучше, тоже *по своему*, у всякаго человѣка есть манера, присущая только ему" [1]). Вообще Щепкинъ отличался строгой серьезностью и „рѣдкою гуманностью своихъ педагогическихъ пріемовъ" [2]).

---

[1]) „Воспоминанія А. И. Шубертъ", „Рус. Старина", 1888 г., № 11.

[2]) „Библіотека для чтенія", 1863 г., № 7: „Русская сцена. Кончина Щепкина".

Что Щепкинъ превосходно понималъ и зналъ, чему надо учить молодыхъ артистовъ, это видно изъ его глубокомысленныхъ и поучительныхъ совѣтовъ, которые онъ давалъ Шумскому, г-жѣ Шубертъ и другимъ. Великій труженикъ прежде всего завѣщалъ артистамъ трудиться. „Что же достается даромъ и что же бы значило искусство",—писалъ онъ Шумскому,—„если бы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разрабатывай данныя Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влазь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный быть, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непремѣнно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно". Добросовѣстность работы должна была, какъ училъ Щепкинъ, вести къ тому, чтобы артистъ зналъ исполняемую имъ роль на зубокъ, и никогда бы ни на іоту не осмѣливался отступать отъ подлинника. „Избави Богъ", восклицалъ онъ,—„не знать роли или передавать своими словами; какъ публика и критики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять посвоему?" На репетиціи Щепкинъ внушалъ артистамъ не позволять себѣ отдѣлываться машинальнымъ чтеніемъ роли или индифферентнымъ повтореніемъ ея за суфлеромъ, какъ это дѣлаютъ и теперь, къ сожалѣнію, наши актеры. Нѣтъ, онъ требовалъ, чтобы артистъ и на репетиціи, какъ и на спектаклѣ, постоянно жилъ на сценѣ, играя всю роль какъ слѣдуетъ, не жалѣя своего голоса и силъ. Критикуя игру своихъ молодыхъ друзей, онъ строго преслѣдовалъ всякую неестественность, малѣйшее отсутствіе простоты въ движеніяхъ, голосѣ и манерахъ. Г-жа Шубертъ говоритъ, что онъ часто рѣзко обрывалъ её, какъ только замѣтитъ излишнюю манерность и стремленіе бить на эффектъ: „не ломайся, маточка",—замѣчалъ онъ,—„не актрисничай, говори проще". Щепкинъ старался также удерживать

молодаго артиста отъ увлеченія своимъ успѣхомъ: „пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея,—и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ апплодисментовъ". Въ преслѣдованіи самомнѣнія Щепкинъ былъ очень послѣдователенъ. Будучи самъ олицетворенною скромностью, онъ не выносилъ суетнаго честолюбія, отъ котораго такъ часто погибали крупныя дарованія. Молодые артисты очень любятъ, упоенные своими лаврами, увѣковѣчивать свой образъ на память потомству, при помощи фотографическаго искусства, снимаясь во всевозможныхъ роляхъ, въ какихъ имъ удавалось срывать у публики апплодисменты. Щепкинъ этого терпѣть не могъ. Когда открылась въ Москвѣ новая фотографія, то артистовъ попросили сняться. Пришло въ голову одной изъ учепицъ Щепкина предложить Михаилу Семеновичу сняться. „Батюшки", вспоминаетъ она,— „какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша!"—„Прекрасно, я не хороша, ну, вы хороши,"—капризно возражаетъ Щепкину артистка. Но суровый и строгій учитель скромно и честно отвѣчаетъ: „И я не хорошъ: однимъ понравился, другимъ нѣтъ" [1]).

Собственною жизнью своей Щепкинъ подтверждаетъ эти правила. У него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Во имя этого дѣла онъ легко сдерживалъ въ себѣ стремленіе къ славѣ и никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей, какъ бы ничтожны онѣ ни были въ его глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Онъ ни разу не пропустилъ во всю свою жизнь ни одной репетиціи, ни разу не опоздалъ; не было случая, чтобы онъ, играя какую нибудь роль хотя бы въ сотый разъ, несмотря на свою превосходную память не перечитывалъ ея наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой. Въ театрѣ, въ тотъ вечеръ, когда онъ игралъ, съ нимъ нельзя было говорить, къ нему нельзя было подойти ни съ какимъ разговоромъ. Щепкинъ такъ перерождался въ представляемое имъ лицо, что „предъ поднятіемъ занавѣса, за полчаса, онъ ходилъ по сценѣ совершенно

---

[1]) „Воспоминанія А. И. Шубертъ", Рус. Стар., 1888, № 11.

отдѣльно отъ всѣхъ, окружавшихъ его, такъ что если бы кто приставилъ къ груди его пистолетъ, онъ бы этого не замѣтилъ [1])". По словамъ г-жи Шубертъ, онъ въ это время „священнодѣйствовалъ": „весь въ огнѣ, потъ льетъ градомъ; играя даже водевиль, онъ готовился какъ будто къ чему то страшному". Работа надъ изученіемъ ролей особенно усилилась подъ старость, когда онъ началъ чувствовать ослабленіе памяти, а между тѣмъ не мѣнялъ своего строгаго правила читать роль безъ запинки. И вотъ онъ, бывало, съ 6 часовъ утра расхаживаетъ по аллеямъ сада или парка, молча и задумавшись.—„Вы рано встали сегодня"? спрашивали его, когда всѣ собирались къ утреннему чаю.—„Да, ходилъ по аллеѣ", отвѣчалъ онъ отрывисто, „сто разъ про себя роль прочелъ!" прибавлялъ онъ съ нѣкоторой досадой [2]).

При такомъ отношеніи артиста къ дѣлу очень легко понять, почему роли, которыя онъ исполнялъ, „никогда", по словамъ одного изъ современниковъ его, „не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постоянно и постоянно". Онъ, бывало, гуляетъ по улицѣ и такъ погрузится въ обдумываніе, какъ лучше исполнить то или другое мѣсто роли, что забудется и начнетъ говорить вслухъ. „На репетицію иногда ѣдемъ въ казенной каретѣ",—вспоминаетъ г-жа Шубертъ,—„онъ такъ просто, естественно начинаетъ говорить,—думаешь, что это онъ мнѣ говоритъ, оказывается,—роль читаетъ наизустъ, да такъ твердо,—слова не переставитъ". Жажда самосовершенствованія была въ немъ такъ велика, что онъ вѣчно находилъ у себя ошибки и недостатки, вѣчно обдумывалъ и перерабатывалъ отдѣлку своихъ ролей, вѣчно спрашивалъ совѣта и мнѣнія другихъ и относился къ нимъ съ уваженіемъ, слушая внимательно всѣхъ, начиная съ почтенныхъ и опытныхъ судей и кончая самыми юными студентами. „Въ эпоху блистательнаго торжества",—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—„когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ

---

[1]) „Театральныя афиши и антрактъ", 1864 г., № 160, см. статью о Щепкинѣ.
[2]) См. „Мих. Сем. Щепкинъ", статья А. Щ.,—„Рус. Вѣд.", 1887, № 85.

рукоплесканій,—былъ въ театрѣ одинъ человѣкъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человѣкъ былъ—самъ Щепкинъ. Никогда не былъ собою доволенъ взыскательный художникъ, ничѣмъ неподкупный судья!“

Его благородное недовольство собой доходило до такой степени, можно даже прямо сказать, до такой крайней и поразительной скромности, что онъ не удовлетворялся своимъ исполненіемъ коренной своей роли, въ которой онъ стяжалъ себѣ самыя единодушныя похвалы. „Хвалятъ меня въ Фамусовѣ“, говорилъ онъ— „а я не баринъ: нѣтъ у меня барской ноты. Вотъ Петя Степановъ, еслибъ не лѣнился,больше меня былъ бы на мѣстѣ, у него барскія ноты“.

Щепкинъ, который умѣлъ цѣнить науку и постоянно, въ случаѣ нужды, прибѣгалъ къ ея помощи, естественно, долженъ былъ сознавать всю важность научныхъ основъ искусства для актера. Онъ искренно сожалѣлъ, что въ его время совсѣмъ не была выработана теорія искусства. Это видно, между прочимъ, изъ его письма къ Шумскому, гдѣ онъ говоритъ, что актеръ долженъ брать уроки въ своемъ искусствѣ пока только у самаго непосредственнаго источника—у природы, при помощи тщательнаго наблюденія за дѣйствительною жизнью. „Эта живая книга (т. е. жизнь) замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, *къ несчастію*, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ“. Изъ стремленія Щепкина къ серьезному изученію сценическаго искусства вытекало его сознаніе необходимости познакомиться съ положеніемъ театральнаго дѣла заграницей. „Мнѣ нужно видѣть заграничные театры, очень нужно“,—писалъ онъ въ 1847 году къ Гоголю. Онъ мечталъ, совершивъ путешествіе по Европѣ съ специальною цѣлью изученія постановки тамошняго театральнаго дѣла, обнародовать, въ поученіе молодому поколѣнію артистовъ, свой взглядъ на драматическое искусство вообще и сдѣлать посредствомъ сравнительнаго метода характеристику каждаго театра въ Европѣ. Осуществленіе этой завѣтной мечты онъ считалъ исполненіемъ своего послѣдняго долга искусству, послѣ чего онъ могъ бы спокойно сказать: „нынѣ отпущаеши“. Къ сожалѣнію, это ему

не удалось и, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ на путешествіе.

Любовь Щепкина къ театру была настолько высока, что онъ не могъ не страдать, видя, на склонѣ лѣтъ своихъ, что театръ низко падаетъ, обращаясь въ пустое и легкое развлеченіе. Насколько вѣрно смотрѣлъ Щепкинъ подъ старость на состояніе театра на перемѣну, происходившую въ направленіи драматической литературы,—насъ въ настоящій моментъ не такъ интересуетъ. Но намъ желательно показать, какъ ясно выражается въ сохранившихся письмахъ искренняя привязанность артиста къ театру, неподдѣльная жгучая боль его за судьбу дорогаго искусства. Несимпатичное для него новое направленіе искусства, въ которомъ онъ видѣлъ только пустую забаву, балаганщину и даже шарлатанство, довело его до глубокой меланхоліи. „Грусть меня одолѣваетъ",—писалъ онъ къ сыну въ 1848 году,—„занятіе мое по службѣ сдѣлалось мнѣ несносно, даже отвратительно, потому что изъ артиста дѣлаютъ поденщика; репертуаръ преотвратительный—не надъ чѣмъ отдохнуть душою, а вслѣдствіе этого память тупѣетъ, воображеніе стынетъ, звуковъ не достаетъ, языкъ не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушаетъ меня, уничтожаетъ меня и не видишь ни въ чемъ отрады". Убѣжденный въ паденіи искусства, какъ въ очевидномъ, несомнѣнномъ фактѣ, онъ смущался, когда выходилъ передъ публикой. Ему было совѣстно и за нее, и за себя. За нее онъ скорбѣлъ оттого, что она ничѣмъ не выражала своего недовольства современною постановкою театральнаго дѣла. „Она, голубушка, также милостива ко мнѣ",—писалъ онъ къ сыну, говоря о публикѣ,—„не видитъ, что къ ней на сцену выходитъ не артистъ уже, одаренный вдохновеніемъ, посвятившій всего себя своему искусству, но поденьщикъ, неуклонно выполняющій и зарабатывающій свою задѣльную плату. Нѣтъ! ей все равно! выходитъ туловище, которое носитъ названіе Щепкина, и она въ восторгѣ. Грустно, страшно грустно! Знаешь ли: мнѣ бы легче было, если бы меня иногда ошикали, даже это меня бы порадовало за будущій русскій театръ; я видѣлъ бы, что публика умнѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло".

Воплемъ отчаянія отзываются нижеслѣдующія строки изъ письма артиста къ Барятинскому: „все идетъ впередъ, а драматическое искусство назадъ. Конечно, мы сдѣлались смѣлѣе, самонадѣяннѣе; но наше самолюбивое *я* скоро сравняетъ насъ съ балаганными фокусниками, и мы уже близки къ тому.“

Боль Щепкина за судьбы искусства вытекала изъ глубокаго сознанія просвѣтительной роли театра. Уже по приведеннымъ нами выпискамъ изъ писемъ Щепкина можно заключить, намъ кажется, что Щепкинъ любилъ искусство не какъ таковое, не искусство для искусства, а искусство для общества, для нравственнаго развитія народа. И его сердце глубоко было растрогано, когда онъ, съ слезами радости и счастія, выслушалъ отъ лучшихъ представителей общества, составляющихъ красу и гордость нашей литературы, признаніе его высокой заслуги для общества, благодарность за нравственное вліяніе на соотечественниковъ. Именно, въ письмѣ отъ петербургскихъ литераторовъ, прочтенномъ въ 1855 году на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Щепкина,—въ письмѣ, украшенномъ подписью Льва Толстаго, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Майкова и другихъ, находятся эти прекрасныя слова, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ преклоненія передъ геніальной личностью: „Въ эти полвѣка тысяча тысячъ зрителей, постепенно смѣняясь, покидали театръ съ сердцемъ, умягченнымъ благодатью безкорыстныхъ прекрасныхъ слезъ, добраго, свѣтлаго смѣха,—и какъ сосчитать, сколько благородныхъ движеній пробуждено артистомъ, сколько готовыхъ навсегда погаснуть чувствъ—вызвано изъ усыпленія, оживотворено имъ?. Это—заслуга невидимая, неизслѣдимая, но великая; общее сочувствіе—ей награда, лучшая награда, какой можетъ желать человѣкъ“.

На томъ же юбилеѣ не разъ въ рѣчахъ упоминалось о его великой заслугѣ въ качествѣ лучшаго и популярнѣйшаго толкователя и комментатора великихъ созданій литературныхъ геніевъ.

Но этого мало: за нимъ признавали и другую заслугу, уже чисто гражданскаго характера: „онъ знакомилъ насъ съ Малороссіей“, говоритъ М. П. Погодинъ, „лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія“. (См. „Юбилей Щепкина“, Москвитянинъ 1855, ноябрь). Онъ возбуждалъ въ русскихъ людяхъ нѣжныя

братскія симпатіи къ родственному украинскому народу, благодаря глубоко-артистичекому исполненію такихъ малороссійскихъ пьесъ, какъ „Москаль-чаривникъ", „Наталка-полтавка" и др., а также благодаря его горячимъ стараніямъ познакомить русское общество съ поэзіей Шевченка. Какъ чуткій эстетикъ, Щепкинъ, вскорѣ послѣ появленія „Кобзаря" въ Петербургѣ, сразу угадалъ въ молодомъ Шевченкѣ, авторѣ этого произведенія, великій талантъ. Чудные звуки родной украинской музы очаровали нашего артиста, онъ долго носился съ сочиненіями новаго поэта—земляка, пѣвца сельскаго народа, и первый положилъ твердый камень во главу угла поэтической славы великаго малороссійскаго поэта. Онъ любилъ читать въ литературныхъ московскихъ кружкахъ знаменитое шевченковское: „Думы мои, думы мои, лыхо мыни зъ вамы". Особенно же любилъ Щепкинъ читать въ литературныхъ собраніяхъ посвященное ему стихотвореніе того же поэта „Пустка".

Любя искусство и поэзію безкорыстною любовью, Щепкинъ также безпристрастно умѣлъ любить и уважать всякій талантъ. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ знакомъ съ чувствомъ, столь естественнымъ для артиста,—именно, съ завистью къ сопернику. Напротивъ, онъ съ неподдѣльною искренностью выражалъ свои восторги, разсказывая объ игрѣ талантливаго товарища. Такъ, онъ съ восхищеніемъ отзывался объ актерѣ Угаровѣ, съ которымъ, будучи молодымъ актеромъ, игралъ въ Малороссіи. „Угаровъ", писалъ съ увлеченіемъ Щепкинъ „былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу". Съ восхищеніемъ отзывался онъ также о необыкновенномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ Многіе изъ публики считали Соленика равнымъ по таланту Михаилу Семеновичу, и называли Соленика украинскимъ Щепкинымъ. Иные даже ставили Соленика выше Щепкина. Тѣмъ не менѣе нашъ благодушный артистъ не ревновалъ публику къ своему сопернику: онъ умѣлъ забывать свое „я", и отдаваться искренно безкорыстнымъ эстетическимъ наслажденіямъ.

Далекій отъ чувства зависти и другихъ мелочныхъ страстей, Щепкинъ не питалъ ни къ кому злобы и имѣлъ полное право сказать о себѣ: „я люблю всѣхъ людей". Онъ любилъ даже дурныхъ людей, побуждаемый высокимъ христіанскимъ чувствомъ всепрощенія. „Кто знаетъ, что его сдѣлало дурнымъ,"—говорилъ Щепкинъ про плохаго человѣка,—„можетъ быть, онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему некому было сказать". Онъ любилъ спасать людей изъ бѣды, выручать ихъ и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ съ охотою готовъ былъ, ради другихъ, забывать свои прямые интересы. Такъ, въ силу чувства товарищества и участливости къ бѣдному человѣку, Щепкинъ, служа въ полтавской труппѣ на жалованьѣ въ 1500 рублей, отказался отъ весьма существенной прибавки въ 500 рублей. И это онъ сдѣлалъ для того, чтобы уступить назначенныя ему деньги товарищу, Угарову, какъ человѣку нуждающемуся и семейному. „Сколько юношей были обязаны ему своимъ воспитаніемъ, сколько стариковъ нашли подъ его кровлей послѣдній спокойный пріютъ!" восклицаетъ А. Н. Аѳанасьевъ. Это былъ замѣчательный благотворитель, совершавшій свои подвиги милосердія въ глубокой тишинѣ, ревниво оберегая тайну. Онъ всегда считалъ своимъ долгомъ помогать семьѣ, оставшейся сиротой послѣ смерти какого нибудь изъ его товарищей по искусству и воспитывать его дѣтей на свой счетъ. Несторъ Кукольникъ говоритъ, что когда онъ навѣщалъ Михаила Семеновича, онъ всякій разъ имѣлъ случай любоваться его превосходнымъ сердцемъ, потому что „всякій разъ въ домѣ его видѣлъ новыхъ молодыхъ людей, которымъ помогалъ словомъ и дѣломъ знаменитый комикъ" [1]). Кукольникъ зналъ очень многихъ людей, которые только благодаря ходатайству Щепкина пользовались покровительствомъ сильныхъ людей.

На юбилеѣ Михаила Семеновича одинъ изъ чествователей великаго юбиляра, К. Н. Барсовъ, публично возблагодаривъ Щепкина, гостепріимно пріютившаго подъ свой кровъ бѣдную его семью, вспоминалъ, что въ домѣ артиста находили себѣ прі-

---

[1]) „Рус. Старина", 1888, № 11: „Мих. Сем. Щепкинъ".

ютъ безпрестанно новыя лица и жили у него, сколько хотѣли: кто мѣсяцъ, а кто и годъ и „едва ли кому нибудь изъ нихъ удалось поблагодарить гостепріимнаго хозяина и благотворительнаго человѣка. Мих. Семеновичъ не выслушивалъ благодарности“ [1]). Недаромъ одинъ изъ авторовъ статей о Щепкинѣ называетъ его квартиру „домашней богадѣльней“. И всѣ эти обильныя благодѣянія Щепкинъ расточалъ, несмотря на то, что онъ былъ вовсе не богатъ и жилъ однимъ жалованьемъ. Слова Некрасова, посвященныя памяти Бѣлинскаго: „Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ“ могутъ быть вполнѣ примѣнены и къ Щепкину. Это была въ высшей степени привязчивая, нѣжная душа, способная безгранично увлекаться людьми. Ради друзей онъ готовъ былъ на все. Особенно это ярко сказалось на его отношеніяхъ къ земляку своему, поэту Шевченку, котораго Щепкинъ, по удачному выраженію проф. Н. И. Стороженка, „любилъ, какъ сына, берегъ, какъ зѣницу ока“. Цѣльная натура Щепкина, одареннаго гармоническимъ развитіемъ всѣхъ своихъ силъ, оказывала великое, благотворное вліяніе на горячую голову поэта, раздражительнаго, запальчиваго, отдающагося минутѣ. Щепкинъ умѣлъ охлаждать горячіе порывы Шевченка, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и умѣлъ наставлять своего молодаго друга, наводя его на вѣрную стезю жизни и убѣждая его „беречь себя для родины и поэзіи“ [2]).

Истинные друзья узнаются всего болѣе въ несчастіи. Въ 1847 году Шевченко подвергся опалѣ и былъ разжалованъ въ солдаты, вслѣдствіе обвиненія его въ сочиненіи сатиры на одно высокопоставленное лицо. Десять лѣтъ томился несчастный поэтъ въ ссылкѣ, но Щепкинъ не забывалъ своего бездольнаго друга: онъ оказывалъ ему матеріальную помощь и, насколько позволяли суровыя обстоятельства того желѣзнаго времени, онъ посылалъ поэту черезъ общихъ знакомыхъ сердечныя привѣтствія. А когда многострадальный поэтъ былъ въ 1857 году возвращенъ изъ ссылки, то радости Щепкина не было и конца. Шевченко самъ всею душою рвался въ Москву повидаться съ своимъ

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1855 г., ноябрь: „Юбилей Щепкина“.

[2]) См. „Щепкинъ и Шевченко“,—рѣчь проф. Н. И. Стороженка.

„единственнымъ“, великимъ другомъ, но ему въѣздъ въ столичные города былъ воспрещенъ. Тогда Щепкинъ собирается, несмотря на преклонные года свои, самъ ѣхать къ другу, поселившемуся въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Не пріѣхать ли мнѣ въ Нижній?“ съ лукавымъ добродушіемъ закидываетъ вопросъ добрый старецъ, зная, что отъ одной мысли, о свиданіи съ нимъ, у его друга внезапно навернутся на глаза горячія слезы умиленія. И Щепкинъ продолжаетъ далѣе, что поѣхать онъ желаетъ къ другу не для того только, чтобъ повидаться, а потому что „поговорить бы о многомъ нужно. Можетъ быть, моя старая голова навела бы и на твою добрую мысль“. Дѣйствительно, восторгъ и ликованіе Шевченка, получившаго радостную вѣсть о скоромъ пріѣздѣ Щепкина, были безмѣрны. „Я жду къ себѣ изъ Москвы“,—пишетъ онъ одному другу,—„дорогаго гостя. И кого бы вы думали я такъ трепетно ожидаю? 70 лѣтняго знаменитаго старца и сердечнаго друга моего, М. С. Щепкина. Не правда ли, дорогой гость у меня будетъ? Да еще какой дорогой! единственный! И дѣйствительно, это единственный и счастливѣйшій человѣкъ между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свѣжесть нравственную! Это явленіе необыкновенное. Мы не видались съ нимъ съ 1847 г. и такъ какъ мнѣ воспрещенъ въѣздъ въ столицы, то онъ, старецъ-юноша, несмотря на морозъ и вьюгу, ѣдетъ ко мнѣ единственно для того, чтобы поцѣловать меня! Не правда ли,—юноша? И какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моимъ старымъ геніальнымъ другомъ и горжусь справедливо“. Умѣя ласкать и нѣжно холить своихъ друзей, Щепкинъ умѣлъ ихъ и пожурить, если они своимъ поведеніемъ могли повредить себѣ же или своему доброму имени. Щепкинъ изъ себя вышелъ, когда узналъ отъ одного общаго знакомаго, что Шевченко, проводивъ своего друга изъ Нижняго, запилъ съ тоски. „Никакая пощечина“,—пишетъ онъ Шевченку,—„меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья! Не щадишь ты ни себя, ни друзей своихъ. Не набрасывай *этого* на свою натуру и характеръ. Я *этого* не допускаю; человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои

грубыя слова. *Дружба строга*; а ты самъ произвелъ меня въ друзья, и потому пеняй на себя".

Такимъ образомъ, Щепкинъ былъ для Шевченка какъ бы олицетвореніемъ голоса совѣсти. И это, быть можетъ, особенно и привлекало поэта къ нему, что такъ прекрасно и просто выражено у Шиллера, въ его двустишіи, озаглавленномъ: „Порицатель":

Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты ошибки;
Я вѣдь за то и люблю такъ же, какъ совѣсть, тебя.

Любя друзей, которыхъ у него было много какъ между великими людьми, такъ и между простыми смертными, окруженный всюду ореоломъ славы, Щепкинъ не былъ гордъ, не возносился передъ людьми, ниже его поставленными, но умѣлъ и о нихъ подумать, не забывая, что и онъ когда то былъ простымъ крѣпостнымъ и всякаго горя навидѣлся. Въ письмѣ къ Шевченку онъ поручаетъ поэту непремѣнно пойти къ одному болѣе или менѣе сильному лицу и попросить, чтобъ онъ обратилъ благосклонное вниманіе почтмейстера на маленькаго человѣка—на почтальона, везшаго Щепкина изъ Нижняго. „Доброе слово для маленькаго человѣка необходимо", убѣждаетъ Щепкинъ.

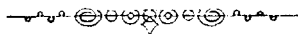
Обнаруживая столь живую участливость къ отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, Щепкинъ не былъ равнодушенъ къ общественнымъ вопросамъ. Онъ относился къ нимъ съ горячимъ интересомъ. Съ восторгомъ читалъ онъ проектъ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ. Съ увлеченіемъ юноши слѣдилъ онъ за преобразованіями, которыя начались съ воцареніемъ императора Александра II. Манифестъ 19-го февраля встрѣченъ былъ чуднымъ старцемъ съ неподдѣльными, горячими слезами ликованія. Эти слезы вытекали изъ его горячей любви къ русскому крестьянину. Одушевленный этой любовью, онъ любилъ часто декламировать стихи, восхвалявшіе простаго труженика,—изъ которыхъ приведемъ отрывокъ:

Честь тому, кто глубь земли
Тяжкимъ заступомъ копаетъ;
Кто трудами для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ;
Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ;
Кто слугой у господина
Ношу тяжкую несетъ
Для жены своей, для сына.
Честь и слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота....
Честь мозолистымъ рукамъ...
Да спорится ихъ работа!

Помня ужасное прошлое нашего крѣпостнаго безправія, умный и честный старикъ стоялъ сознательно и съ глубокимъ убѣжденіемъ за наше поступательное движеніе впередъ. Онъ свято исповѣдывалъ вѣру, что Россія постепенно, безостановочно идетъ и будетъ идти впередъ, къ свѣту, добру и истинѣ! Слава его не угаснетъ никогда, и къ нему во всей силѣ примѣнимы слова украинской думы:

„Слава твоя не вмре, не поляже!"

Владиміръ Ермиловъ.



Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ [1]).

Эпизодъ изъ временъ „Руины“.

Своеобразная личность паволоцкаго полковника Ивана Поповича и его трагическая судьба мало обратили на себя вниманіе историковъ, описывавшихъ событія на Украинѣ: даже и тѣ изъ нихъ, которые на ряду съ другими фактами, сообщаютъ нѣкоторыя данныя и о Поповичѣ, говорятъ о немъ какъ бы вскользь—бѣгло, въ немногихъ строкахъ [2]); а между тѣмъ жизнь и дѣятельность этого человѣка, даже въ томъ далеко неполномъ видѣ, какъ онѣ намъ извѣстны, стоятъ того, чтобъ на нихъ остановиться подольше: онѣ довольно наглядно рисуютъ намъ то настроеніе, какое господствовало въ концѣ 1662 и первые мѣсяцы 1663 гг. въ части малорусскаго населенія правобережной Украины, указываютъ, какія отношенія существовали тогда между населеніемъ этимъ, поляками и евреями, сообщаютъ нѣсколько небезъинтересныхъ данныхъ о личности гетмана Тетери. Пополнить указанный пробѣлъ, т. е. передать, подвергнувъ критикѣ, все, что извѣстно о полковникѣ Поповичѣ, и составляетъ задачу предлагаемаго очерка [3]).

Въ іюлѣ 1662 года гетманъ Юрій Хмельницкій потерпѣлъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра жестокое пораженіе отъ царскихъ войскъ. Оно

---

[1]) Читано въ историч. общ. Нестора-Лѣтописца.

[2]) См. Историч. монографіи Н. Костомарова. Спб. 1872. Т. 12-й, стр. 303; Гетманство Брюховецкаго. Кіевъ, 1885 года (сочин. С. Е.), стр. 10; Соловьевъ, Исторія Россіи. Москва. 1880. т. 11-ый, стр. 137.

[3]) Указанія на источники приводятся у насъ, въ надлежащихъ мѣстахъ, подъ слѣдующими сокращеніями: 1) Ерличъ: Latopisiec Ierlicza. Т. 2-ой. 1854; 2) Грабянка: Лѣтопись Григорія Грабянки. Издана кіевскою временною коммиссіею 1854 г. 3) Костомаровъ: Историч. монографіи. Т. 12-й Спб. 1872; 4) Соловьевъ: Исторія Россіи. т. 11-й. Москва. 1880.

произвело «всеобщее волненіе въ Украинѣ праваго берега» [1]). Тамъ «возобновлялась прежняя наклонность быть подъ рукою православнаго монарха» [2]), обнаружились явные признаки недовольства и малоспособнымъ гетманомъ, и обманувшими надежды украинскаго народа поляками [3]). Уже въ августѣ 1662 года, въ донесеніи своемъ польскому королю, Хмельницкій, «умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жалуется на свое безсиліе, на невозможность удерживать въ повиновеніи украинскій народъ, волнующійся отъ малѣйшаго вѣтра» [4]). О необходимости какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому писалъ тогда королю и генеральный писарь Тетеря, ссылаясь на то, что «гетманъ человѣкъ усердный, но войско непослушное», и что безъ своевременной присылки помощи «дѣла примутъ дурной оборотъ» [5]). Это болѣе или менѣе глухое, скрытое волненіе правобережной Украины выразилось вскорѣ въ одномъ изъ полковъ ея и въ формѣ открытаго возмущенія: на сцену выступилъ наволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ.

Поповичъ былъ родомъ, какъ кажется, изъ м. Ходоркова: по крайней мѣрѣ, современный лѣтописецъ Ерличъ зоветъ его «ходорковскимъ» [6]). Впервые мы встрѣчаемъ его, уже въ званіи полковника наволоцкаго, въ концѣ 1662г., или въ самомъ началѣ 1663 года [7]): онъ сносился тогда съ кіевскимъ воеводою, убивалъ и разгонялъ жившую въ его полку польскую шляхту [8]). Гетманъ Тетеря (избранъ на мѣсто Юрія Хмельницкаго въ январѣ 1663 года [9]), какъ ревностный приверженецъ Польши и всего польскаго, не могъ, конечно, смотрѣть снисходительно на вредную для него и поляковъ дѣятельность наво-

---

[1]) Костомаровъ, стр. 270.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., стр. 270—273.

[4]) Соловьевъ, стр. 128.

[5]) Ibid., 129.

[6]) Ерличъ, стр. 74 и 80.

[7]) Въ опредѣленіи времени мы слѣдуетъ здѣсь Ерличу: по его словамъ, отъ принятія Поповичемъ священства до вторичнаго возмущенія его не прошло и полгода (стр. 75), разсказъ же о послѣднемъ фактѣ онъ помѣстилъ въ своемъ „Лѣтописцѣ“ подъ 4 мая 1663 г. (стр. 74), слѣдовательно, принявъ во вниманіе, что упомянутое принятіе священства состоялось при гетманѣ Тетерѣ, первые извѣстные намъ шаги политической дѣятельности Поповича слѣдуетъ отнесть или къ самому началу гетманства Тетери, или къ самому концу гетманства Юрія Хмельницкаго.

[8]) Ерличъ, стр. 75.

[9]) Костомаровъ, стр. 274.

лоцкаго полковника и хотѣлъ казнить его. Послѣдній былъ еще очень молодъ, и желаніе жить сильно заговорило въ немъ: онъ проситъ нѣкоторыхъ полковниковъ, сотниковъ, наконецъ, кіевскаго митрополита и ставшаго монахомъ Хмельницкаго ходатайствовать о дарованіи ему жизни, обѣщая сдѣлаться священникомъ. Тѣ заступились за молодаго полковника: ему даровали жизнь, и онъ принялъ на себя священство [1]). Жажда политической дѣятельности, желаніе освободить родную Украину отъ власти поляковъ не могли, однако, примирить Поповича съ выпавшей на его долю скромной ролью священника; вскорѣ послѣ посвященія своего въ этотъ санъ онъ опять вступаетъ въ сношенія съ кіевскимъ воеводою, обѣщая подговорить къ возстанію козаковъ и снова привесть въ зависимость отъ московскаго царя правобережную Украину [2]). Чтобъ еще болѣе обезпечить себѣ успѣхъ задуманнаго предпріятія, Поповичъ вступилъ тогда въ сношенія и съ наказнымъ гетманомъ лѣвобережной Украины Сомкомъ [3]), который дружелюбно переписывался съ Тетерею и «въ то же время наряжалъ агентовъ въ заднѣпровскіе города возбуждать противъ польской власти тамошніе полки» [4]). Менѣе, нежели черезъ четыре мѣсяца послѣ принятія священства, а можетъ быть, и раньше [5]) Поповичъ производитъ въ наволоцкомъ полку новое

---

[1]) Ерличъ, стр. 74. Miesiaca Maja 4 dnia—jeden zdrajca Popowicz Chodorkowski, którego chciał był Tetera Hetman Zaporozki za swawolę stratić, który będąc pułkownikiem Pawołockim znosil się z wojewodą Kijowskim, który był od Cara Moskiewskiego na Kiowie—który to zdrajca pułkownik szlachtę znieważal i bijał, za to chciał go był stracić rozkazać. Który zbiegając takiéj śmierci a będąc młodym jeszcze niecnota w leciech, prosi różnych ludzi pułkowników, setników, w ostatku Ojca Mitropolitę i Chmielnickiego czernca, aby go darowano gardłem, obiecując zostać Popem: a gdy mu odpuszczono i darowano gardłem, wziął na się świaszczeństwo i był Popem. Czemu nie wyszło pół roku...

[2]) Ibid., стр. 75: Czemu nie wyszło pół roku, Ojciec Metropolita umiera, a on z Wojewodą Kijowskim się znosi i zmowę czyni, obiecując jako znowu Ukrainę na Carskie imie powrócić i kozaków namówić.

[3]) На это прямо указываетъ Грабянка (стр. 183), да при томъ и вполнѣ естественно было Сомку, желавшему тогда поднять противъ польской власти заднѣпровскіе полки, вступить въ сношенія съ человѣкомъ, который имѣлъ большое вліяніе въ своемъ полку и извѣстенъ уже былъ за открытаго врага поляковъ.

[4]) Костомаровъ, стр. 278.

[5]) Поповичъ сталъ священникомъ въ гетманство Тетери, слѣдовательно, не раньше января 1663 года, а разсказъ о второмъ возмущеніи Поповича помѣщенъ у Ерлича подъ 4 мая 1663 года. Вѣроятно, это число указываетъ на начало новаго возмущенія, такъ какъ и Брюховецкій въ письмѣ отъ 8 іюня 1663 г. къ царю говоритъ объ избіеніи въ наволоцкомъ полку всѣхъ ляховъ и жидовъ, какъ о событіи недавнемъ.

возмущеніе противъ поляковъ и ихъ приверженцевъ. Толчокъ этому движенію данъ былъ съ лѣваго берега Днѣпра: по словамъ Ерлича [1]), Поповича побудила къ новому бунту полученная имъ черезъ кіевскаго воеводу царская грамота или привилегія; по словамъ Грабянки [2]), побудительной причиной въ этомъ случаѣ служило соглашеніе паволоцкаго полковника съ Сомкомъ; но, кажется, скорѣе слѣдуетъ принять, что побужденія тутъ шли и отъ Сомка, и изъ Кіева [3]). Какъ бы то ни было, какъ только разнеслась вѣсть о рѣшимости Поповича снова биться съ поляками, къ нему стали стекаться его приверженцы. Поповичъ идетъ къ Паволочи, истребляя по дорогѣ евреевъ и шляхту, которая, послѣ недавняго бѣгства, навернулась уже было въ свои дома. Въ Паволочи находился въ ту пору посланный туда староста сандомірскаго воеводы Лисаковскій и другіе служащіе. Поповичъ неожиданно является подъ Паволочью и овладѣваетъ ею. Тамъ гибнутъ попавшій въ плѣнъ и затѣмъ убитый Лисаковскій и другіе служащіе, немало евреевъ и богатыхъ мѣщанъ. Разнаго рода людъ еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ стекаться тогда къ Поповичу, который дѣлаетъ Паволочь исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, выходя отсюда, онъ собираетъ вокругъ себя «купы» разнаго люда и съ помощію ихъ избиваетъ шляхту и евреевъ, грабитъ и убиваетъ купцовъ. Скоро въ паволоцкомъ полку не осталось ни одного поляка, ни одного еврея: всѣ они или погибли, или бѣжали [4]). Движеніе, поднятое Поповичемъ, грозило принять опасные для польскаго господства въ правобережной Украинѣ размѣры, но его вскорѣ прекратили: оставшіеся вѣрными польскому королю козацкіе полковники и сотники двинули войска къ Паволочи и осадили ее. Поповичъ, имѣвшій при себѣ отрядъ болѣе, чѣмъ въ тысячу человѣкъ, защи-

---

[1]) Ерличъ, стр. 75.

[2]) Грабянка, стр. 183.

[3]) Изъ послѣдняго, однако, едва ли въ той формѣ, которая указана Ерличемъ: мы знаемъ о сношеніяхъ Поповича съ кіевскимъ воеводою, но о передачѣ послѣднимъ паволоцкому полковнику царской грамоты или привилегіи нигдѣ, кромѣ какъ у Ерлича, не упоминается.

[4]) Въ письмѣ Брюховецкаго къ царю, отъ 8 іюня 1663 года, между прочимъ, сказано: „полковникъ поволоцкій недавно побилъ всѣхъ ляховъ и жидовъ, которые были въ его полку" (Соловьевъ, стр. 137). Извѣстіе это, вполнѣ согласное въ главномъ и съ данными Ерличева „Лѣтописца", кажется, нѣсколько преувеличено: такъ какъ вѣсть о новомъ возмущеніи Поповича быстро распространилась въ паволоцкомъ полку, то трудно допустить, чтобъ, при такихъ условіяхъ, никто не спасся тогда изъ упомянутыхъ ляховъ и жидовъ.

щался мужественно, надѣясь на помощь изъ-за Днѣпра [1]). Надежда эта однако не оправдалась, а сидѣнье въ осадѣ наскучило осажденнымъ (особенно паволоцкимъ мѣщанамъ); поэтому, сговорившись между собой, они выдаютъ Поповича съ пятнадцатью главными сподвижниками его и сдаются сами, прося побѣдителей о помилованіи. Послѣдніе отбираютъ у сдавшихся соратниковъ Поповича оружіе и коней, а самихъ ихъ грабятъ, бьютъ кіями и обухами, затѣмъ пускаютъ на волю [2]). Попавшій въ руки враговъ Поповичъ былъ казненъ въ половинѣ іюля 1663 года. Гетманъ Тетеря сильно желалъ узнать, что побудило паволоцкаго полковника къ новому возмущенію, а потому подвергъ его передъ казнью ужаснымъ пыткамъ: сперва Поповичу вытерли раскаленнымъ кирпичемъ плѣшь на головѣ; затѣмъ, когда палачъ сталъ подымать несчастнаго на дыбы, Тетеря приказалъ приложить къ боку его раскаленное желѣзо и, отстранивъ палача, наединѣ, съ бумагой и перомъ въ рукѣ, сталъ допрашивать Поповича, самъ ли онъ задумалъ учинить бунтъ, или кто подбилъ его къ этому, при чемъ, если справедливо послѣднее, требовалъ назвать имена виновныхъ (у Ерлича— «полковниковъ или сотниковъ»); процедура подыманія несчастнаго на дыбы и допроса его наединѣ гетманомъ продолжалась нѣсколько разъ. За такими ужасными пытками послѣдовала и столь же ужасная казнь: несчастнаго паволоцкаго полковника четвертовали. Обезображенный трупъ его лежалъ нѣсколько

---

[1]) О надеждѣ Поповича на помощь Сомка есть прямое указаніе у Грабянки (стр. 183). Да и вполнѣ естественно было паволоцкому полковнику, при тогдашнемъ уговорѣ его съ кіевскимъ воеводою и Сомкомъ, ожидать помощи изъ-за Днѣпра.

[2]) Вотъ разсказъ Ерлича (стр. 75) о второмъ возмущеніи Поповича: Który (Поповичъ) otrzymawszy gramotę albo przywiléj carski przez wojewodę, znowu rzucił się do buntów. Idzie ku Pawołoczy, tamże szlachtę, która już była nawrociła się do domów swoich, gdzie starostę I. pana wojewody sandomirskiego przewiskiem IP. Lisakowskiego zesłanego, na Pawołoczy obskoczywszy i pojmawszy zabijają i innych służałych niemało żydów, mieszanów bogatych. Do którego się hultajstwo, co żywo dowiedziawszy się, zewsząd kupić, poczęło, napotem od miasteczka chodząc, kupę zbierając ludzi różnych, kupców szarpając i zabijając. O czem dowiedziawsczy się starszyzna: pułkowniky i sotnicy, którzy królowi i. mci i Rzeczplitéj przysięgali zbierają się, oskoczyli go w Pawołoczy, który już miał tèj swywoli więcéj tysiąca rozbójników; a gdy bronili to hultajstwo w mieście co siedzieli a mieszczanom pawołockim dokuczano; namówiwszy się wydają onego zdrajcę popa pułkownika i samo piętnaści innych, a ostatek szubrawstwa zebranego prosi o miłosierdzie; którym stzelbę i konie odebrawszy i oszarpawszy, kijami i obuchami wybiwszy, żiwo puszczają i darują zdrowiem.

часовъ на площади, гдѣ совершилась казнь, а затѣмъ его сожгли [1]).

Итакъ, въ политической дѣятельности своей Поповичъ является ревностнымъ приверженцемъ Москвы и врагомъ господства на его родинѣ поляковъ. Съ помощью Сомка и Москвы онъ думалъ подчинить московскому царю правобережную Украину, а потому на движеніе, поднятое имъ, можно смотрѣть, какъ на попытку, хотя и неудавшуюся, остановить пагубное раздвоеніе Украины [2]).

Въ приведенномъ сообщеніи о дѣйствіяхъ и судьбѣ Поповича мы слѣдовали почти исключительно словамъ Ерлича. Грабянка разсказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе. Вотъ сущность его разсказа. Незадолго до пріѣзда въ лѣвобережную Украину царскаго дьяка Башмакова [3]), поволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ, видя, «яко паки ляхи на Украинѣ господствовати начаша», оставилъ должность полковника и сдѣлался священникомъ. Затѣмъ, «разсмотрѣвъ, каковіе пакости Ляхи и Жиди іереамъ творять», снова принялъ полковничество и, войдя въ соглашеніе съ лѣвобережнымъ гетманомъ (наказнымъ) Сомкомъ, много разъ вступалъ въ бой съ поляками и, поразивъ ихъ на голову, изгналъ изъ Украины. Поповичъ былъ такой храбрый мужъ, что, еслибъ Брюховецкій не предалъ безвинно смерти Сомка и Васюту (нѣжинскій полковникъ Золотаренко), могъ бы подчинить «подъ руку царскаго величества» всю Украину. Вполнѣ надѣясь, что Сомко его не оставитъ, онъ «многожди Ляхомъ и Татаромъ знаменитій привѣтствію ихъ отвѣтъ даяше». По смерти Сомка, на него вооружился съ польскими и козацкими силами гетманъ Тетеря. Въ надеждѣ на помощь отъ Брюховецкаго, Поповичъ сперва оказывалъ врагамъ сильное сопротивленіе, но потомъ, увидѣвъ, что надежда

---

[1]) Вотъ разсказъ обо всемъ этомъ Ерлича (стр, 80): Tegoż czasu i miesiąca (15 іюля 1663 года) zdrajcę tego popa buntownika (chodorkowskiego) osądzono na śmierć taką: aby pierwéj koronę albo plesz rozpaloną cegłą albo kamieniem starto, i tak uczyniono, napotém dano katu w ręce, którego kat gdy ciągnął, hetman Tetera nie puszczając żadnego ku onemu zdrajcy, rozkazał katu szynę do boku przyłożyć rozpaloną, napotém i katu każe ustąpić; a jedno sam hetman wziąwszy papieru i kałamarza pyta zdrajcę: kto go na to namowiał, czyli sam tego się domyślał, a którego by z pułkowników albo setników powołał; którego zdrajcę po kilka razy ciągnął kat, a za każdym razem odstępował opodal od niego, jedno Tetera sam pytał; któremu napotém kazano ręce i nogi poodcinać, który tułuw leżał na placu kilka godzin, a potém go spalono.

[2]) Костомаровъ, стр. 303.

[3]) Башмаковъ прибылъ въ Украину въ ноябрѣ 1663. См. Соловьевъ, стр. 151.

его напрасна, и «не хотя сущихъ подъ областію градовъ и въ нихъ живущихъ людей погубити», безбоязненно вышелъ самъ къ гетману Тетерѣ, и его «таможде со всенароднимъ жалемъ смерти предано». Разсказъ Грабянки заканчивается увѣреніемъ, что Сомко и Поповичъ могли бы, еслибъ дольше пожили, возобновить на Украинѣ времена «старого Хмельницкого» [1]). Сличивъ извѣстія о Поповичѣ двухъ упомянутыхъ лѣтописцевъ, нельзя не придти къ заключенію, что вполнѣ сходясь между собою въ главномъ, существенномъ, извѣстія эти сильно расходятся въ изображеніи подробностей. Какому же изъ двухъ лѣтописцевъ слѣдуетъ отдать въ этомъ случаѣ преимущество? Чей разсказъ правдивѣе, ближе къ дѣйствительности? По нашему мнѣнію, предпочтеніе должно быть отдано Ерличу. Ерличъ, какъ извѣстно, былъ современникомъ Поповича, родился и жилъ тамъ же, гдѣ и послѣдній, т. е. въ правобережной Украинѣ. Какъ шляхтичъ [2]) и мѣстный житель, Ерличъ имѣлъ на родинѣ обширныя знакомства и связи и, стоя близко къ происходившему тогда на правой сторонѣ Днѣпра, иное могъ знать, какъ очевидецъ, а о многомъ другомъ могъ имѣть извѣстія изъ болѣе или менѣе надежныхъ рукъ. Свѣдѣнія о Поповичѣ онъ занесъ въ свою лѣтопись—дневникъ [3]), надо полагать, своевременно, т. е. вскорѣ послѣ втораго возмущенія паволоцкаго полковника: не записавъ во время, трудно было бъ пріурочить ихъ потомъ къ опредѣленнымъ днямъ, какъ то сдѣлано въ трудѣ Ерлича, да едва ли бы сохранились въ этомъ случаѣ и многія мелочныя, приводимыя Ерличемъ по данному поводу подробности. Такимъ образомъ, извѣстія этого лѣтописца о Поповичѣ являются разсказомъ лица, которое и по мѣсту, и по времени близко стояло къ переданнымъ имъ фактамъ. Далеко нельзя сказать того же объ извѣстіяхъ о паволоцкомъ полковникѣ Грабянки. Мы не знаемъ, откуда позаимствовалъ Грабянка свѣдѣнія о Поповичѣ, но есть полное основаніе думать, что неизвѣстный намъ авторъ ихъ менѣе зналъ о происшедшемъ тогда въ паволоцкомъ полку, чѣмъ Ерличъ, и далеко не съ той точностью, какъ послѣдній. У Ерлича о Поповичѣ приведено больше подробностей, чѣмъ у Грабянки; въ разсказѣ перваго о паволоцкихъ событіяхъ ничто не противорѣчитъ всѣмъ другимъ, прямо или косвенно относящимся сюда, даннымъ; въ разсказѣ втораго извѣстіе объ изгнаніи

---

[1]) Грабянка, стр. 183 и 184.

[2]) Ерличъ былъ православнымъ шляхтичемъ.

[3]) Latopisiec Ерлича имѣетъ характеръ дневника.

Поповичемъ поляковъ изъ всей Украины—явное преувеличеніе, а другое извѣстіе его—о томъ, что гетманъ Тетеря выступилъ противъ паволоцкаго полковника «по смерти уже Сомковой», мало внушаетъ довѣрія: Сомка казнили 18 сентября 1663 года, а Поповичъ произвелъ свое второе возмущеніе, какъ то несомнѣнно извѣстно [1]), ни въ какомъ случаѣ не позже мая того же года: едва ли бы гетманъ Тетеря, находившійся въ ту пору на лицо въ правобережной Украинѣ, дозволилъ открыто возставшему Поповичу безнаказанно хозяйничать въ паволоцкомъ полку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По отношенію ко времени записи извѣстій о паволоцкомъ полковникѣ Ерличъ также стоитъ выше Грабянки: какъ мы видѣли, Ерличъ записалъ ихъ, надо полагать, вскорѣ послѣ втораго бывшаго въ Паволочи возмущенія, тогда какъ разсказъ о томъ же, попавшій въ лѣтопись Грабянки, не могъ быть записанъ раньше конца сентября 1663 года (упоминаетъ о дѣйствіяхъ Поповича и послѣ смерти Сомка), т. е. запись это состоялась гораздо позже, чѣмъ сдѣлалъ то Ерличъ. У Грабянки причиной оставленія Поповичемъ полковничества и принятія священническаго сана является убѣжденіе послѣдняго, «яко паки ляхи на Украинѣ господствовати начаша», и эта же въ сущности причина («пакости» ляховъ и жидовъ іереямъ, т. е., строго говоря, опять таки господство въ Украинѣ поляковъ) заставляетъ священника Поповича снова сдѣлаться полковникомъ. Такимъ образомъ, одна и та же причина производитъ совершенно противоположныя слѣдствія. У Ерлича паволоцкій полковникъ становится священникомъ не по собственной волѣ, а по принужденію, что гораздо естественнѣе доводовъ Грабянки, такъ какъ этимъ путемъ легко объясняется и послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ обратное превращеніе Поповича въ полковники. Уступая Ерличу въ точности и полнотѣ извѣстій о Поповичѣ, Грабянка имѣетъ, однако, по отношенію къ этимъ извѣстіямъ и одно преимущество передъ нимъ: онъ лучше Ерлича знаетъ то, что происходило тогда на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Такимъ образомъ, Грабянка очень неполно и неточно знакомитъ насъ съ личностью и дѣятельностью паволоцкаго полковника Поповича и очень хорошо съ тѣмъ, что дѣлалось въ ту пору въ Украинѣ лѣвобережной. Это обстоятельство удобнѣе всего, кажется, можно объяснить тѣмъ, что разсказъ о Поповичѣ, бывшій въ пользованіи у Грабянки, принадлежалъ перу лица, хотя и современнаго паволоцкому полковнику, но жившаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра и запоздавшаго нѣсколько съ записью бывшихъ въ Паволочи происшествій.

Вл. Ляскоронскій.

[1]) См. выше, стр. 582, примѣч.

Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. [1]).

I.

Въ кіевской «*смѣтѣ* денежной казны» 7162 (1654) г. [2]), составленной при боярахъ и воеводахъ кн. Θедорѣ Семеновичѣ Куракинѣ и кн. Θедорѣ Θедоровичѣ Волконскомъ и при дьякѣ Андреѣ Немировѣ, находимъ, между прочимъ, слѣдующую любопытную запись о расходахъ на освященіе Десятинной церкви въ этомъ году:

«По приказу бояръ и воеводъ.... построено въ *каменной церкви* Рождества Пречистые Богородицы *Десятинные*, что въ Кіевѣ, въ острогѣ, *ко освященію* тое церкви дѣланъ въ алтари *новый престолъ*, *жертвенникъ*, *кладезь* (?), *горное мѣсто* и *лавки кирпичные*, и на престолъ написанъ образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ», да сдѣланы «полотняные *срачицы*» на престолъ и жертвенникъ, на простолъ же — «таѳтяная *пелена*, опушка миткалиная, подложена крашениною», да «*покровецъ* бархатѣльной», «покровцы» на церковные сосуды — «таѳтяные червчатые, обложены бязью».

«А за то строенье.... *иконнику* отъ письма, и что построено въ алтарѣ — за кирпичь, и за полотна, и за таѳту» и проч., также «портному мастеру отъ срачицъ и отъ пеленъ» и пр., и для освященія церкви «попомъ на *олентія*, за полотно», за «мытье старыхъ ризъ», «за *горшки*», на ладонъ и проч. — «всего вышло въ расходъ — *7 рублевъ* 28 алтынъ пол-деньга» (лл. 13 об. — 14).

II.

Виноградъ въ Кіевѣ въ 1654 г.

Въ той же «смѣтѣ» записанъ и такой расходъ: «по приказу бояръ и воеводъ.... куплено въ Кіевѣ про государевъ.... обиходъ *винограду 760 кистей*», который посланъ въ Москву съ жильцомъ Иваномъ Суздальцевымъ. «Половина того винограду» положена «въ па-

---

[1]) Изъ документовъ Моск. Архива Мин—ва Юстиціи.

[2]) „*Разрядная вязка*" 1-я, № 82.—По своему содержанію эта „смѣта" весьма приближается къ воеводскимъ „смѣтнымъ книгамъ" и „росписнымъ спискамъ" и заслуживаетъ вниманія, какъ самая древнѣйшая изъ извѣстныхъ доселѣ кіевскихъ книгъ этого рода. Въ такъ называемомъ „кіевскомъ столѣ" разряднаго приказа (въ Архивѣ Юстиціи) древнѣйшая „смѣтная книга" Кіева относится къ 1681 г., но въ печати извѣстенъ отрывокъ изъ „смѣтной кн." 1661 г. (см. статью „Кіев. столъ разр. приказа" въ „Кіев. Старинѣ", 1886, № 11, сс. 541—542.

токѣ». Дано за виноградъ—4 *рубля* 11 алтынъ 3 деньги, за патоку—3 р. 20 алт., за телѣгу и 6 «колесъ телѣжныхъ»—2 р. 2 алт. 2 ден., за «подмазъ» телѣги—3 алтына, на овесъ и сѣно въ дорогѣ 6 «государевымъ подьемнымъ лошадямъ» выдано Суздальцеву—4 р. 6 алт. 4 деньги. Всего израсходовано—14 р. 10 алт. 1 деньга (л. л. 11 об.—12).

III.

Царскіе дары посланцамъ митрополита Петра Могилы, 1644 г.

«Память» изъ казеннаго приказа въ сибирскій приказъ, отъ 30 генваря 152 г.: «.... велѣти прислати въ казенной приказъ... сорокъ соболей въ 30 рублевъ, 2 сорока соболей по 20 рублей сорокъ, а дати тѣ соболи государева жалованья изъ посольского приказу... при немъ государѣ на милостину кіевского митрополита Петра Могилы *строителю старцу Илинарху*—сорокъ соболей въ 30 рублевъ, а 2 сорока соболей по 20 рублевъ дати отъ казны архидьякону *Амбросію* да митрополичю приказному человѣку Ивану *Предремирскому*» [1]).

IV.

Изъ кіевскаго „росписнаго списка“ 1684 г. [2]).

«Росписной списокъ» Кіева составленъ, отъ 7 августа 192 г., при пріемѣ города бояриномъ и воеводою Ѳедоромъ Петровичемъ Шереметевымъ у боярина и воеводы Алексѣя Петровича Салтыкова. Выписываю отсюда кое что любопытное:

а) Описаніе воеводскихъ *«образовъ»* и *«полковаго знамени»*:

«Божіе Милосердіе—*образъ* Пресвятые Владычицы нашіе *Богородицы*, Христіянскіе Помощницы, Живоносного Источника, на поляхъ окладъ серебреной, гладкой, золоченъ, вѣнцы и на поляхъ около иконы обнизано земчюгомъ большимъ, въ одно зерно, окладъ оклеенъ бархатомъ червчетымъ, пелена отласная червчетая, обложена круживомъ золотымъ кованнымъ» (лл. 3 об.—4). Также подробно описанъ и другой воеводскій образъ—св. *Сергія* Радонежскаго (л. 4).

«Великихъ государей полковое *знамя*, писано по зеленой камкѣ, на обѣихъ сторонахъ образъ Пресвятые Богородицы да преподобныхъ

---

[1]) *Сибирскаго приказа* столбецъ № 230, *л.* 180.

[2]) *Кіевскаго стола* кн. № 51, лл. 1—138.—Одинъ отрывокъ изъ этой книги (по по рукописи не А—ва Юст., а Моск. Общества Ист. и Др.) напечатанъ въ „Описаніи Кіева“ *Н. Закревскаго*, т. II, сс. 900—904.

отецъ *Антонія и Θеодосія* Печерскихъ, поля писаны мѣстами золотомъ и серебромъ и красками, древко писано золотомъ же и красками, на древкѣ крестъ серебряной, на тожъ знамя сукно красное» (л. 4).

б) Описаніе *приказной избы*: «..... въ приказной избѣ образъ Спаса Вседержителя, въ кіотѣ рѣзномъ, кіотъ золоченъ»,—еще 3 образа, затѣмъ—«книга Соборное Уложенье, печатное, на столѣ. На томъ же столѣ сукно алое, кармазинное. Въ *задней избѣ* на столѣ коверъ старой, да въ *середней* и въ задней избахъ *полавочники* суконные, сукно алое. Да 3 *тюшека* коженыхъ, 2 сукна зеленыхъ на полавочникахъ; 2 *шандала* мѣдныхъ, тройной да двойной; да на дву столахъ, гдѣ подьячіе сидятъ—2 сукна голубые, польскіе» (лл. 6—7).

Подьячими приказной избы были: Θедоръ Наковальнинъ, Иванъ Калачниковъ, Иванъ Соловковъ, Матвѣй Налетовъ, Осипъ Сусловъ и еще 10 человѣкъ (л. 126).

При избѣ же состоялъ *«вѣстовщикъ»*—кіевскій житель Михаилъ *Сусловъ*, котораго велѣно «для провѣдыванья подлинныхъ вѣстей посылать изъ Кіева *тайно*, безпрестанно, въ Волоскую землю и въ польскіе городы»... Вѣстовыя свои «отписки» онъ долженъ посылать въ Кіевъ, откуда они пересылаются въ приказъ Малой Россіи (л. 127).

в) Въ приказной избѣ хранились между прочимъ—«64 книги, называемые *Трубы Духовные*, а тѣ книги присланы съ Москвы въ Кіевъ во 189 (1681) г., и велѣно ихъ въ Кіевѣ продавать по указной цѣнѣ, *по 2 рубли* книгу, а у тѣхъ книгахъ края побиты, изгибы погнили, а иные и въ переплетъ негодятца» (л. 15 об.).

г) Въ «*Меньшемъ* городѣ», на «*Софѣйскомъ* выводѣ» находилось «5 пищалей мѣдныхъ». Одна изъ нихъ описана довольно подробно: «*пищаль* мѣрою 4 аршинъ 2 вершковъ, ядромъ въ 6 гривенокъ, а сколько пудъ—того невѣдомо, для того что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ и привѣсить не на чемъ; а на ней *признакъ*—вылита *подпись*: Божіею милостію, повелѣніемъ государя царя и великого князя Михаила Θедоровича всеа Русіи, лѣта 7130-го (1622) году, *мастеръ* Григорей *Наумовъ*.—У выходу вылиты *личины*, около личинъ *змѣй*, а подлѣ ушей и запалу вылиты *травы*. Станокъ окованъ, ветхъ, на дубовыхъ каткахъ, катки неокованы» (лл. 25 об.—26).

д) *Пожарными* инструментами Кіевъ былъ очень не богатъ въ 1684 г.: въ росписи разныхъ инструментовъ встрѣчаемъ всего только «5 *крюковъ пожарныхъ*, желѣзныхъ, большихъ, на шестахъ», да 9 *вилъ* пожарныхъ, желѣзныхъ, на шестахъ» (л. 94).

е) Переченъ *«государевыхъ дворовъ»*: въ *«Меньшемъ* городѣ» находилось 3 двора, гдѣ останавливаются бояре, окольничіе и воеводы, 2 двора для дьяковъ и 1 дворъ для стольниковъ и полковниковъ.—Въ *«Большомъ* городѣ»: дворъ, гдѣ стоитъ генералъ-поручикъ Петръ *Гордонъ*,—дворъ стольника и полковника Павла Бохина,—еще 17 дворовъ для «начальныхъ людей» и 143 «войсковыя избы» для стрѣльцовъ, почтовый дворъ (на немъ 28 лошадей), «дворъ, гдѣ дѣлаютъ зелье и ѳитиль»,—дворъ Кіево-Печерскаго монастыря.—Въ Большомъ и Меньшемъ «городахъ» находилось 13 колодезей и 2 мельницы (вѣтреная и «ручная»).—Въ *«Нижнемъ* городѣ»—бывшій дворъ епископа *Меѳодія*, гдѣ теперь лежатъ хлѣбные запасы.—«Подъ Кіевомъ, на берегу р. Днѣпра» устроена мельница «на дву бойдакахъ» (лл. 114 об.—119).

ж) Въ 1684 г. былъ «взятъ къ государеву двору, гдѣ ставятца первые бояре и воеводы»—*садъ*, расположенный *за* «Большимъ городомъ, за валомъ, *на горѣ*, повыше *Крещатика»*, противъ двора, гдѣ стоитъ полковникъ Юрій Ѳамендинъ. Въ саду—«43 дерева *волоскихъ орѣховъ»* (лл. 114 об.—115).

з) Описаніе *мостовъ*: «на р. *Днѣпрѣ* и на *Почайнѣ* и на *прошвахъ* мостъ наведенъ на прежнемъ мѣстѣ—на 19 парахъ *струговъ*, мѣрою 157 саженъ съ полусаженью, да на 310 *плотахъ*, мѣрою 420 саженъ съ полусаженью, да.... на плоты здѣлано 6 примостковъ, мѣрою 3 саж., всего *608 саженъ»*. Да «на *Проротѣ»* былъ прежде мостъ на стругахъ, но теперь они «отставлены», потому что на нихъ идетъ «многое число желѣза, смолы, пеньки и пропадаютъ якори». Вмѣсто струговъ мостъ построенъ на 37 «плотахъ», «для того что *плоты вѣчнѣе и прибыльнѣе»*. Мѣра этого моста 140 саж. (л. 128).

і) *«Крещацкой* мостъ, которой намощенъ былъ съ кіевскіе стороны по берегу р. Днѣпра, на режахъ, водою понело было и режи выламало и мостъ рознесло». Нынѣ онъ возобновленъ, снова на «режахъ», которыя и учинены *откапывая горы* выше старыхъ, для того, чтобъ впредь вешнею водою того мосту не понело». Мѣра этого моста 280 саж.—«Всего мостового строенія 1028 саженъ» (л. 129).

V.

Богатый кіевлянинъ конца XVII в.

Въ кіевскихъ документахъ 1670—80-хъ годовъ нерѣдко встрѣчается имя богатаго кіевскаго жителя, торговаго человѣка, родомъ

«гречанина»—*Николая Торніота.* Оно фигурируетъ главнымъ образомъ въ «вѣстовыхъ отпискахъ» кіевскихъ воеводъ въ Москву. По своимъ крупнымъ торговымъ дѣламъ Торніотъ дѣлалъ поѣздки въ «Турскую землю», Польшу и др. страны. Возвращаясь домой, въ Кіевъ, онъ обязательно сообщалъ воеводамъ послѣднія политическія новости посѣщенныхъ имъ странъ. Къ его «вѣстямъ» относились въ Кіевѣ и Москвѣ съ довѣріемъ, такъ какъ видѣли въ Торніотѣ человѣка развитаго и бывалаго, обладавшаго, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ связямъ, искусствомъ добывать крупныя и достовѣрныя политическія новости.

Но въ 1686 г. этотъ цѣнный источникъ добыванія «вѣстей» неожиданно изсякъ: по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Н. Торніотъ «великимъ государемъ *измѣнилъ—отъѣхалъ* въ нынѣшнее воинское время въ Турскую землю», оставивши въ Кіевѣ свою семью и дворъ. Тогда приказъ Малой Россіи предписалъ кіевскимъ воеводамъ боярину кн. Юрію Семеновичу Урусову съ товарищи—дворъ Торніота «отписать на великихъ государей».

«Переписная роспись» этого двора находится въ кіевскомъ *«росписномъ спискѣ»* 1687 г. [1]) «Роспись» очень интересна для характеристики домашней обстановки богатыхъ кіевлянъ конца XVII в. Документъ обстоятельно описываетъ усадьбу Торніота и особенно подробно останавливается надъ внутреннимъ убранствомъ его дома. Начавши—по обыкновенію—съ «Божьяго милосердія», роспись переходитъ къ серебряной, мѣдной и оловяной *посудѣ* Торніота, затѣмъ описываетъ его *оружіе*, *драгоцѣнныя вещи*, *монеты*, *платье* и проч.

Представляю эту любопытную «роспись» въ извлеченіи, не выбрасывая ничего существеннаго.

«Роспись» начинается слѣдующимъ предисловіемъ: «въ нынѣшнемъ во 195-мъ году, сентября въ 18 день, въ грамотѣ великихъ государей.... изъ приказу Малой Россіи въ Кіевъ, къ боярину и воеводамъ ко кн. Ю. С. Урусову съ товарищи написано: велѣно на дворъ кіевского жителя гречанина Николая *Торніотого* послать кого пристойно и велѣть при кіевскомъ войтѣ на томъ ево дворѣ животы всѣ и дворовое всякое строеніе переписать и *отписать* на великихъ государей, а *жену* ево и *брата*—буде есть—дать на крѣпкіе поруки и изъ двора ихъ выслать, а буде порукъ не будетъ—велѣно ихъ держать въ тюрьмѣ до указу великихъ государей, потому что по

[1]) *Кіевскаго стола* кн. № 55, лл. 109 об.—122.

вѣдомостямъ онъ, Николай, великимъ государемъ измѣнилъ—отъѣхалъ въ нынѣшнее воинское время въ Турскую землю. А учиня по тому великихъ государей указу, велѣно къ нимъ великимъ государемъ писать и *переписную роспись* двору и животамъ прислать къ Москвѣ, за перепищиковою и стороннихъ людей за руками и за дьячею приписью» (лл. 109 об.—110).

«И по тому великихъ государей указу», для описи двора «Н. Торніотого» воеводы послали стольника и подполковника Ивана Спѣшнева, капитана Семена Вишина, подьячаго Ивана Соловкова, войта Яна *Быковича*, бурмистра Яна *Сѳѳоновича*, райцу Александра *Кумченка*, сотника Савву *Туптала*, двухъ «ратушныхъ подписковъ» и др. Представленная И. Спѣшневымъ «переписная роспись» отправлена въ приказъ Малой Россіи 21 октября 195 г., а «черная роспись» оставлена въ кіевской приказной избѣ.

«А въ росписи написано» (л. 112): стольникъ И. Спѣшневъ съ товарищи, во дворѣ Н. Торніота, находившемся въ «*Нижнемъ городѣ*», переписали «въ *свѣтлицѣ* Божіе милосердіе: *образъ* Спасовъ, окладъ серебреной позолоченъ, съ вѣнцомъ вѣнецъ съ чернью, въ кіотѣ, кіотъ рѣзной, вызолоченъ» —Затѣмъ также подробно описано еще *13 образовъ*, изъ нихъ—8 въ серебряныхъ позолоченныхъ «окладахъ», а 5—безъ окладовъ (л. 113).

Подъ образомъ стояли 4 мѣдныхъ малыхъ «*шендаловъ*», да висѣло мѣдное «*поникадило*» (л. 114).

«Въ *сундукѣ*», стоявшемъ въ «свѣтлицѣ», найдены слѣд. *серебряныя* вещи: вызолоченный «*роструханъ*», большая «*стопа*», 13 «*дастакановъ*», 21 *ложка*; *оловянныя* вещи: 26 *блюдъ* «середней статьи», 1 большое блюдо, 11 малыхъ блюдъ, 12 *тарелокъ*; затѣмъ— «*стопа* каменная, черная, оправлена оловомъ»; 3 мѣдныхъ «одинокихъ шендаловъ» и 1 оловянный «шендалъ» (л. 114).

«*Шкатунка*, а въ ней 3 *четвертины* угольныхъ, да *рукомойникъ*, оловеные».—Въ другой «шкатункѣ»—4 оловянныхъ «угольныхъ четвертинъ», третья «шкатунка»—пустая (лл. 114 об.—115).

Оловянныя вещи: 2 «*стопы* съ крышками» и 2 небольшихъ «*кубгана*» (?).—*Мѣдные* предметы 2 «*чашки*»; 4 чашки «турецкіе работы»; «чаша рукомойная» и «*рукомойникъ* съ кувшиномъ», «полуженые, турецкіе работы»; 2 малыхъ «*ендовки*»; «*щоть* съ пестомъ»; турецкое *блюдо*; «*кубикъ* съ крышкою»; «*ендова*»; 2 *котла*; 2 *лохани*, «полуженые», турецкой работы; *кувшинъ* турецкой работы; *горшокъ*; *желѣзная сковорода* (л. 115).

Оружіе Торніота: «*сабля* булатная, оправлена серебромъ, черенъ рыбей, наконечника нѣтъ»; «пара *пистолей*», въ мѣдной оправѣ «*ѳузпя*, насѣчена серебромъ»; «простая *пищаль*»; «*карабинъ* съ русскимъ замкомъ»; «*чеканъ*», оправленный въ серебро; небольшая «нѣмѣцкая *шпашка*»; 20 *стрплъ* «*кіевскіе работы*» (л. 116).

«Въ *подголовкп*» найдены: 3 пары золотыхъ *серегъ*, съ жемчугомъ и камнями, турецкой работы; 4 «*червонныхъ* двойныхъ золотыхъ», одинъ изъ нихъ—«въ четыре червонныхъ»; «червонной одинокой турецкой»; «золотая *копъйка*»; 49 «*тарелей* (талеровъ) битыхъ»; 23 «польскихъ *юрта*» (юртъ въ 4 алтына); «*маниста* жемчюжная» въ одну нитку, крупнаго жемчуга, съ 7 «*дукатами*» золотыми червонными; 10 нитокъ крупнаго и мелкаго *жемчуга* (л. 116).

Небольшой ящикъ съ *шафраномъ*; ящикъ *съ золотыми и серебряными кружевами*; «штука *цвилиху*»; «500 *бунтовъ* простыхъ *ножей*»; 4 «портища *выбойки* травчетой» (л. 117).

«*Платье мужское*»: «*кавтанъ* обьяринной, вишневой, холодной, на немъ 32 пуговицы серебреныхъ, золоченыхъ *съ финифтью*»; «зуѳряной каѳтанъ», черный, холодный, съ 5-ю серебренными золочеными пугвицами; суконный лазоревый каѳтанъ, подложенъ кумачемъ, старый; старый лазоревый «киндячной» кафтанъ; «киндячный» кафтанъ «крапивной цвѣтъ», съ 9 серебряными пуговицами; «*шабалія*, подъ бѣлымъ сукномъ, нашывка золотая»; лисья *шуба*, подъ лазоревымъ сукномъ, съ 22 шелковыми съ серебромъ пуговицами; суконные *штаны*; старые красные кумачные штаны; «*тесьма* шелковая, на ней *плащи* (пластинки?) серебреные вызолочены, съ каменьи» (поясъ?); шелковый тканый турецкій *кушакъ* (лл. 117 об.—118).

«*Женского платья*»: красная бархатная «*шветка*», подложена собольими пупками, «около ее (обложено по краямъ) золотымъ *плетенкомъ*», съ 24 серебренными позолоченными малыми пугвицами»; атласный алый «травчетый *кунтушъ*», на горностаѣ, съ 10 серебряными пуговицами, «около кунтуша плетенекъ золотой»; «обьяринной кунтушъ», на бѣлкахъ, съ «золотымъ плетенкомъ» и 9 серебряными позолоченными пуговицами «съ финифтью»; «обьяринная» зеленая «*исподница*», съ золотымъ «плетенкомъ»; красная «исподница», съ такимъ же «плетенкомъ»; «исподница» атласная, зеленая, «травчетая зъ золотомъ», съ «серебренымъ плетенкомъ», (лл. 108 об.—119).

3 хрустальныхъ *зеркала*, средней величины; большое хрустальное зеркало (л. 119 об.).

«Двороваго строенія»: на дворѣ новая *«свѣтлица»* съ *«комнáтою»*; противъ свѣтлицы — *«бѣлая изба»*, въ ней *«волоская печь»*; свѣтлицу съ избой соединяютъ *«сѣни»*, надъ сѣньми *«чердакъ»*; въ свѣтлицѣ, комнáтѣ и избѣ—5 большихъ стеклянныхъ *«окончинъ»*, да на чердакѣ 3 такія же «окончины».

Другая—«старая свѣтлица», съ «комнáтою и «избою», кои соединены «сѣньми», въ свѣтлицѣ и комнатѣ—3 большихъ «окончины» (лл. 119 об.--120).

«На дворѣ»: 2 небольшія старыя *«клѣти»*, «порозжія»; *конюшня* и *сарай*, крытые оба *«дранью»* (л. 120).

«На *огородѣ*, въ саду—*баня* ветха, покрыта дранью».—«Въ *саду* деревья—*вишни, сливы, виноградные кусты*».—Дворъ огороженъ весь *«въ заборъ*, ворота большіе съ *калиткою*, покрыты драною» (л. 120 об.).

Всѣ эти «Миколаевы животы Торніота» положены были въ «компатѣ» и «бѣлой избѣ» новой свѣтлицы, гдѣ и запечатаны печатями воеводы боярина кн. Ю. С. Урусова и кіевскаго войта Яна Быковича. *Теща* Торніота показала, что изъ оловяной посуды—14 блюдъ, 14 тарелокъ и 2 мѣдныхъ «шендала»—принадлежатъ ей. Однако Спѣшневъ не нашелъ возможнымъ возвратить ей эти вещи и всѣ они были запечатаны вмѣстѣ съ прочими. Для караула у вещей поставили 5 солдатъ и стрѣльцовъ.

Прасковья Торніотъ, жена бѣжавшаго Николая—«поручные записи по себѣ не собрала, а сказала: ручатца—де по ней нѣкому»... Она же заявила о братѣ ея мужа—Степанѣ Торніотѣ, что онъ уѣхалъ съ товарами въ брянскій уѣздъ, на *«свинскую* ярмонку», а оттуда собирался въ Москву.

Жена Торніота оставлена во дворѣ мужа и «отдана на томъ же дворѣ за караулъ, до указу великихъ государей» (лл. 120 об.—122).

На подлинной «переписной росписи» рукою И. Спѣшнева было написано, что кіевскій сотникъ Савва Тупталъ и войтъ Янъ Быковичъ не приложили своихъ рукъ къ «росписи», а составили, «особые свои двѣ росписи противъ той же (Спѣшнева) росписи», которыя и взяли съ собою—одну взялъ сотникъ, другую войтъ (л. 122).

Этимъ замѣчаніемъ и заканчивается «роспись». О дальнѣйшей судьбѣ семьи Николая Торніота и его имущества—мнѣ неизвѣстно.

Н. Оглоблинъ.

Кіевскіе толмачи.

Указомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 26 января 1723 года велѣно было «для посылокъ въ Царьградъ выбрать въ Кіевѣ изъ рейтаръ самыхъ добрыхъ десять человѣкъ, да изъ козаковъ, которые по турецки и по татарски говорить могутъ, десять и привесть ихъ къ вѣрѣ въ томъ, чтобы имъ какъ туда ѣдучимъ, такъ и назадъ возвращающимся, ничьихъ партикулярныхъ писемъ не возить, и давать на всякой съѣздъ рейтару по 30-ти, козаку по 20-ти рублевъ, а въ бытность въ Царьградѣ при резидентѣ даванъ имъ будетъ поденной кормъ; и тѣхъ опредѣленныхъ рейтаръ и козаковъ въ другія ни въ какія посылки не посылать, чтобъ они для посылокъ въ Царьградъ были всегда въ готовности и, за отсылкою ихъ куда, присылаемымъ изъ кол. ин. дѣлъ указомъ въ Кіевѣ удержанія бъ не было; а присланныя письма изъ Царяграда отъ резидента въ кол. ин. дѣлъ присылать на почтѣ ея нарочными особливыми посыльщики; а кто имянно рейтары и козаки для тѣхъ посылокъ выбраны и опредѣлены будутъ, тѣмъ имянную роспись и присяги ихъ прислать при доношеніи въ кол. ин. дѣлъ».

Въ силу этого указа тогда же выбрано было изъ козаковъ семь человѣкъ толмачей, которые и состояли въ распоряженіи кіевской губернской канцеляріи. Эти толмачи изъ козаковъ «для содержанія ихъ годовымъ жалованьемъ и порціями и раціями» зачислены были въ охочекомонный Чесноковъ полкъ «въ указное число».

Когда затѣмъ кто либо изъ этихъ козаковъ умиралъ, то на его мѣсто опредѣлялся въ толмачи и зачислялся въ тотъ же Чесноковъ полкъ, по приговорамъ кіев. губ. канц., кто либо изъ выходившихъ изъ плѣна козаковъ или другихъ лицъ, умѣвшихъ говорить по турецки и по татарски. Полкъ, въ которомъ эти лица только лишь числились для полученія изъ него жалованья и другаго «довольствія», тяготился содержаніемъ такихъ козаковъ и полученіе ими этого содержанія, какъ видно, сопряжено было съ большими затрудненіями. Затрудненія эти вызвали долго длившуюся переписку между кіев. губ. канц. и генеральной войсковой канцеляріей. Разрозненные обрывки этой то переписки, найденные мною въ архивѣ кіев. губ пр., и послужили мнѣ матеріаломъ для настоящей замѣтки.

Въ 1745 г. ген. войск. канц. справедливо указывала на тѣ затрудненія, какія представляетъ доставленіе толмачамъ содержанія изъ такъ наз. Чеснокова полка, расположеннаго тогда по форпостамъ на

украинской линіи, и при этомъ рекомендовала собирать «порціи и раціи» для толмачей съ жителей Воскресенской слободки, которая, входя въ составъ кіевскаго полка и составляя «мѣстность кіев. генералъ-губернатора», съ его же разрѣшенія, была «въ ревизію для всякихъ указнихъ расположеній введена». Но слободка эта была такъ бѣдна, что и половины требуемаго для толмачей довольствія поставить не могла. Въ 1750 г. ген. войск. канц., по ордеру гетмана Разумовскаго, совсѣмъ было прекратила выдачу жалованья толмачамъ изъ войсковаго скарбу, какъ не отбывающимъ службы при полку, распорядилась даже совсѣмъ выключить ихъ изъ полковыхъ компутовъ, а кіев. губ. канцелярію увѣдомила, что «ежели де оные толмачи при кіев. губ. канц. потребны, то бы отъ оной губ. канц. и денежное жалованье и порціонную и раціонную имъ дачу производить».

Очевидно по ходатайству самого гетмана, только лишь въ 1752 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе выдавать толмачамъ содержаніе изъ другаго источника, а именно изъ тѣхъ сборовъ, какіе поступали въ кіев. губ. канц. съ живущихъ въ Малой Россіи раскольниковъ.

Въ теченіи тридцати лѣтъ число толмачей ограничивалось семью. Въ 1753 г., по поводу ходатайства кіев. губ. канц. о назначеніи сверхъ этого числа еще одного толмача, коллегія ин. дѣлъ увѣдомила, что де «по отправленному въ 1723 г. указу велѣно толмачей для царегородскихъ посылокъ содержать въ Кіевѣ *по десяти человѣкъ*». А въ 1766 году указомъ прав. сената отъ 12 января постановлено содержать при кіев. губ. канц. *двѣнадцать* толмачей и изъ нихъ находящимся на лицо оставить прежніе оклады, а «на протчіихъ и на опредѣляемыхъ впредь на вакансіи опредѣлить противъ штатнаго положенія суммою по 30 руб. на каждаго, но однако изъ того оклада производить, смотря по заслугамъ ихъ, отъ 24 до 48 рублей».

Поѣздки въ Царьградъ совершались толмачами совмѣстно съ рейтарами, т. е. посылался обыкновенно рейтаръ, а *при немъ* толмачъ, и положеніе этихъ лицъ, служебное и имущественное, было далеко не одинаково. Въ 1744 г. резидентъ Неплюевъ писалъ въ кол. ин. дѣлъ, что присылаемые къ нему въ курьерахъ рейтары, «*а паче толмачи* ѣздятъ смрадно роздранные и въ дорогѣ подлой народъ зело ихъ презираетъ и въ Константинополѣ со стыдомъ являютца, и изъ нихъ же нѣкоторые, *а особливо изъ толмачей*, недостойны въ царегородскіе посылки и употребляемы быть по худобѣ ихъ». Коллегія предписала «тѣхъ толмачей разсмотрѣть и негодныхъ въ тѣ посылки не употреблять, *и съ рейтары, кои сами умѣютъ по турецки*,

толмачей и посылать не для чего, и велѣть имъ всѣмъ въ дорогѣ ѣздить и наипаче въ Константинополь пріѣзжая тамо являтца въ твердомъ, а не въ раздранномъ мундирѣ».

Тогда же для константинопольскихъ посылокъ выбрано было изъ рейтаръ *тридцать* человѣкъ и «дабы они содержали себя постоянно, обязаны другъ по другу круговою порукою и что посланной съ ними казны кто утратитъ, то повинны за одного всѣ платить».

Что же это были за люди толмачи? изъ какой среды, какого образованія, какихъ «нравовъ и обычаевъ»? Все, что только можно было извлечь изъ имѣвшихся у меня документовъ въ отвѣтъ на это, я и сообщаю ниже.

Въ 1744 году при кіев. губ. канц. состояло семь человѣкъ толмачей: *Юрьевъ* Михаилъ изъ грековъ съ 1729 года, *Александровъ* Андрей изъ волоховъ съ 1733 г., *Манюкинъ* Иванъ, *Янковскій* Иванъ, *Варламовъ* Софронъ, *Вишалченко* Павелъ и *Якимовъ* Яковъ. Изъ нихъ въ томъ же 1744 году выключены были: Янковскій, о которомъ уже за три года передъ тѣмъ чрезвычайный посолъ Румянцевъ писалъ, чтобъ его не посылали въ Константинополь «по долговременной его службѣ и старости», и Варламовъ, который слылъ горькимъ пьяницей. На ихъ мѣсто тогда же опредѣлены были: *Юрьевъ* Василій и *Яковлевъ* Савелій. Послѣдній былъ уроженецъ лубенскаго полка, козачій сынъ и по освобожденіи своемъ изъ турецкаго плѣна былъ приставленъ въ Константинополѣ «къ переводческимъ дѣламъ», но оказался къ нимъ неспособнымъ, а потому и попалъ въ толмачи для посылокъ, такъ какъ все таки говорить и по турецки, и по гречески, равно какъ читать и писать, оказалось, «отчасти умѣетъ».

О *Якимовѣ* Яковѣ сами товарищи три человѣка, послѣ многократныхъ товарищескихъ увѣщаній не пьянствовать, заявили въ губерн. канц., что де онъ «издавна находится съ женою своею во всегдашнемъ пьянствѣ и валяется по базару», ни одежды порядочной, ни оружія не имѣетъ, и если де «употребленъ будетъ въ иностранную какую посылку, то чрезъ одного его и другимъ россійскимъ курьерамъ послѣдовать можетъ напрасное безславіе».

Бѣлый Григорій, войска запорожскаго, полтавскаго куреня козакъ: съ 1736 по 1742 годъ былъ въ плѣну, откуда бѣжалъ и жилъ въ Запорожьи по 1744 г., когда отправленъ былъ отъ войска, въ качествѣ переводчика, сопровождать поручика Никифорова въ Крымъ. Въ 1745 г. подалъ въ кіевск. губ. канц. заявленіе о желаніи своемъ служить толмачемъ, «понеже имѣю намѣреніе оженитца и пребыва-

ніе имѣть въ Малой Россіи», и, пробывъ два года толмачемъ сверхъ комплекта, зачисленъ былъ затѣмъ въ «указное число» на мѣсто Якимова.

Примощинъ Иванъ,—уроженецъ миргородскаго полка, козачій сынъ, взятъ былъ въ 1737 г. во время татарскаго набѣга въ плѣнъ, гдѣ и былъ продаваемъ въ разныя мѣста, а въ 1748 г. изъ г. Киліи бѣжалъ и, прибывъ въ Кіевъ, попалъ въ толмачи. По экзамену оказался говорящимъ по турецки и по татарски хорошо, а по волоски «неаккуратно»».

Мельниковъ Матвѣй,—уроженецъ г. Нѣжина, съ малолѣтства служилъ у купцовъ грековъ, съ которыми и ѣздилъ часто въ Крымъ и Турцію, выучился говорить по турецки и по гречески хорошо, а по татарски, по волоски, по венгерски и по сербски «еще неаккуратно», опредѣленъ толмачемъ въ 1748 г.

Проломовъ Иванъ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Осмянина, былъ шесть лѣтъ въ турецкомъ плѣну, зналъ языки турецкій, татарскій и волоскій, опредѣленъ толмачемъ въ 1749 году. Въ 1750 году резидентъ Неплюевъ отправилъ его изъ Константинополя въ Кіевъ «не по очереди, но по сумнѣнію, что въ бытность его въ турецкомъ полону былъ обрѣзанъ», при чемъ Неплюевъ требовалъ, чтобы Проломова въ Константинополь уже никогда бы не посылали, такъ какъ кромѣ такого «о потурченіи подозрѣнія весьма неприличного», Проломовъ и «къ пьянству весьма склоненъ».

Приходченко Якимъ,—уроженецъ полтавскаго полка м. Царичепки, козачій сынъ, въ 1737 году «набѣжавшими на состоящій близь того мѣстечка хуторъ Проточь татарами съ протчими обывателями взятъ былъ въ полонъ и отвезенъ въ Крымъ, а оттуда проданъ въ Константинополь тамошнему турченину, а отъ него проданъ же за белое море, гдѣ находился по 1748 г., а въ томъ году по освобожденіи обрѣтался въ Константинополѣ въ россійскомъ дворѣ какъ при покойномъ резидентѣ Неплюевѣ, такъ и при нынѣшнемъ Обресковѣ, приворотникомъ, а въ нынѣшнемъ 1752 году въ іюлѣ мѣсяцѣ отправленъ отъ него, Обрескова, при посланномъ въ Кіевъ кіевскомъ рейтарѣ капралѣ Иванѣ Козловѣ за толмача, для того, что какъ будучи въ полку, такъ и при россійскомъ дворѣ, обучился говорить по гречески, по турецки и по арапски, а писать по русски и по гречески». Въ томъ же 1752 г. онъ зачисленъ былъ въ толмачи.

Ханенко Михаилъ,—уроженецъ черниговскаго полка с. Ладинки, козачій сынъ, въ 1738 г. подъ Перекопомъ взятъ былъ въ турецкій

плѣнъ, гдѣ и находился по 1754 г. Присланный по освобожденіи изъ плѣна резидентомъ Обресковымъ въ Кіевъ, просилъ о пріемѣ его «за полонное терпѣніе» въ число толмачей, такъ какъ онъ выучился говорить по гречески и по турецки. По экзамену, оказался въ разговорахъ на этихъ языкахъ искуснымъ, почему и принятъ былъ «сверхъ комплекта» въ число толмачей.

Ивановъ Матвѣй, — уроженецъ турецкой области г. Битлиса, армянинъ. Оставивъ въ молодости родной городъ, служилъ въ Константинополѣ у греческихъ купцовъ, тамъ и женился на купленной имъ у турка русской плѣнной дѣвушкѣ. «И увѣдавъ турки, что онъ принялъ намѣреніе быть въ кафтолической греческаго исповѣданія вѣрѣ, хотѣли было его умертвить, и затѣмъ онъ, убоясь безвременной смерти, въ 1746 г. явился со оною женою къ бывшему въ Константинополѣ россійскому министру Неплюеву, которымъ и принятъ въ россійскій дворецъ и по осьми дняхъ отправленъ отъ него съ россійскими купцами и съ протчими плѣнниками моремъ на кораблѣ въ Россію». Поселившись въ Нѣжинѣ, Ивановъ принялъ православіе и занимался «сидѣніемъ въ купеческихъ шинкахъ у продажи напитковъ», а въ 1755 г. попалъ въ толмачи, какъ умѣющій говорить по турецки, по гречески и по армянски.

Пешковъ Василій,—уроженецъ г. Черкасска, козачій сынъ, подъ Азовомъ попалъ въ плѣнъ, въ которомъ и находился 25 лѣтъ, при чемъ выучился говорить по турецки. Прибывъ въ 1756 г. съ кн. Долгоруковымъ въ Кіевъ, Пешковъ привезъ съ собой жену и прижитыхъ имъ въ плѣну троихъ дѣтей, которые и были крещены въ Кіевѣ. Зачисливъ самаго Пешкова въ толмачи, начальство поручило двухъ сыновей его переводчику Ѳедору Семенову для дальнѣйшаго обученія ихъ турецкому языку.

Лазовъ Ѳедоръ,—уроженецъ г. Трапезонта, ребенкомъ привезенъ былъ Капнистомъ въ Россію вмѣстѣ съ матерью и крещенъ въ с. Сорочинцахъ. Мать его выдана была замужъ за грека Лазова, который въ 1746 г. поселился въ Кіевѣ; здѣсь Ѳедоръ, будучи искусенъ въ языкахъ турецкомъ и греческомъ, въ 1757 г. опредѣленъ былъ въ толмачи, а въ 1762 г. умеръ въ Константинополѣ, заразясь въ дорогѣ моровою язвой.

Юрьевъ Иванъ, прося въ 1755 г. объ опредѣленіи его въ толмачи, сообщалъ о себѣ такія свѣдѣнія: «Уроженецъ я малороссійскаго г. Нѣжина, козацкой сынъ, и въ прошломъ 1735 году отецъ и мать мои, взявъ меня малолѣтного, поѣхали было въ запорожскую Сѣчь,

и не доѣзжая оной Сѣчи, напавъ, крымскіе татары отца и мать и меня и протчихъ тогда идущихъ съ нами малороссіянъ взяли въ полонъ и привезли въ крымской городъ Бакцысарой и тамо продали турченину Агмету, который повезъ меня моремъ до турецкого города Трапизонта, а изъ того города отвезши меня оной Агметъ въ турецкой городъ Коистръ, продалъ тамошнему жителю греку Осипу Хатзи, у котораго я жилъ зъ двѣнадцать лѣтъ; а потомъ оной грекъ Хадзи отъ себя меня въ турецкой же городъ Змиръ къ пребывающему тамо галанскому консулю объявилъ, а тотъ консуль отослалъ меня въ Константинополь къ россійскому резиденту Обрескову, который въ прошломъ 1754 г. при случившейся оказіи отправилъ меня въ Кіевъ, гдѣ и по нынѣ для обученія грамотѣ въ кіево-печерской крѣпости при церкви преподобнаго Ѳеодосія въ школѣ пребываю. А про вышеписанное все я за малолѣтствомъ своимъ ничего бъ сказать не зналъ, но мнѣ взятые обще съ отцомъ и матерью моею и со мною татарами въ полонъ малороссійскіе, знающіе отца моего, нѣжинскіе и протчіе жители объявляли. А понеже я по турецки говорить доволно знаю, а по малой части и по гречески и по волоски говорить умѣю, и за неимѣніемъ никого изъ свойственниковъ своихъ пропитанія себе ни откуда не имѣю, и для того желаю я быть при к. г. к. для константинопольскихъ и протчихъ посылокъ толмачемъ».

Принятый тогда же въ толмачи, Юрьевъ очень скоро обнаружилъ «непорядочные поступки» и въ 1756 г. послѣ поѣздки его въ Константинополь съ рейтаромъ и вахмистромъ Бершовымъ, представившимъ обстоятельное донесеніе о поведеніи своего спутника, выключенъ былъ изъ числа толмачей «за его пьянство и непорядки». Въ Константинополѣ же резидентъ Обресковъ высѣкъ его плетьми и «для избѣжанія страму» уплатилъ изъ своихъ средствъ его долгъ какому то турку.

Красниковъ Иванъ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Медведовки, взятъ былъ въ плѣнъ въ 1735 г, а въ 1742 г. бѣжалъ изъ него къ резиденту Вешнякову, у котораго и жилъ въ услуженіи, исполняя иногда обязанности толмача, и въ 1744 г. отправленъ былъ съ освобожденными плѣнными въ Черкаскъ. Женившись на плѣнной дѣвушкѣ и желая жить въ Кіевѣ, онъ просилъ мѣста толмача, которое и было ему тогда же предоставлено. Въ 1749 г., по письму Неплюева о «безмѣрномъ пьянствѣ» его, онъ отставленъ былъ отъ константинопольскихъ посылокъ, но въ 1754 г. генералъ-губернаторъ Леонтьевъ приказалъ вновь быть ему толмачемъ по прежнему. Однако изъ Красника, какъ видно, плохой былъ толмачъ: жалобы на его пьянство и «не-

порядки» заявлялись не однимъ изъ тѣхъ рейтаръ, съ которыми приходилось ему ѣздить. Привожу одну изъ такихъ жалобъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о большинствѣ тѣхъ «доношеній», какія имѣлись у меня въ рукахъ и съ какими обращались рейтары въ кіев. губ. канц. Вахмистръ рейтарской команды Өедоръ Озеровъ, по возвращеніи своемъ изъ командировки въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1763 года, подалъ генералъ-губернатору Глѣбову слѣдующее доношеніе: «Сего 1763 г. ноября 1-го дня отправленъ я изъ Константинополя отъ пребывающаго тамъ министра Обрескова съ письмами въ Кіевъ и при томъ отправленіи приданъ мнѣ толмачъ Иванъ Красниковъ, которой отъ самого Константинополя будучи въ пути находился завсегда въ пьянствѣ и чинилъ великіе непорядки, отъ которыхъ я всѣми мѣрами его воздерживалъ и выводилъ его изъ питейныхъ домовъ насильно, отчего въ турецкихъ мѣстахъ ѣхать съ нимъ было весьма постыдно; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будучи онъ пьяной, стрелялъ изъ заряженныхъ пулями пистолетъ, и въ одно ночное время близъ меня пролетѣла пуля; будучи жъ въ польскомъ мѣстечкѣ Липовцахъ, намѣренъ былъ меня застрелить; что видя, я отъ него удалялся и напослѣдокъ, отнявъ пистолеты, кремни изъ нихъ вынялъ, то онъ, злобствуя за то, тамошнему арендарю жиду Нюхину объявилъ, якобы я шпіонъ, и, уговаривая, усильно просилъ, дабы онъ, Нюхинъ, имѣющуюся у меня экспедицію отобралъ, а за то обѣщалъ онъ ему, жиду, учинить заплату, а послѣ того слѣдующимъ изъ Бендеръ малороссійскимъ козакамъ приказывалъ, чтобъ меня въ его голову до смерти убили; то я, видя его Красникова такъ худыя предпріятія и поступки, принужденъ былъ оного для безопасности въ м. Липовцахъ оставилъ, и такъ я отъ того м. Липовецъ слѣдовалъ до карантинного дому одинъ, отчего имѣлъ въ пути не малую опасность; къ тому жъ онъ Красниковъ, за онымъ же своимъ несостояніемъ, будучи со мною въ карантинѣ, при выпускѣ въ Кіевъ, тамо остался; о чемъ в. вп—ву въ покорности донося, предъявляю, что толмача Красникова впредъ посылать при экспедиціяхъ весьма постыдно, да и опасно».

Шиферовъ Иванъ,—назначенный на мѣсто Красникова, неизвѣстнаго происхожденія человѣкъ, по принятіи въ 1759 г. русскаго подданства, отправленъ былъ съ письмами въ Константинополь, гдѣ и находился при резидентѣ Обресковѣ «для смотренія имѣющагося тамо казеннаго двора», а съ 1764 г. употреблялся для посылокъ въ качествѣ толмача, какъ человѣкъ знавшій языки турецкій, греческій, итальянскій и нѣмецкій.

Григоровичъ Христофоръ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Бродъ, отецъ его «армянской націи», а мать полька, по вѣроисповѣданію католикъ, въ 1759 г. съ прислугой польскаго посла побывалъ въ Константинополѣ, гдѣ и выучился говорить по турецки. Бывши затѣмъ въ Бендерахъ, гдѣ хотѣлъ было занять у паши писарскую должность, которую исполнялъ полякъ Якубъ Скавронскій, познакомился съ проѣзжавшими изъ Константинополя русскими рейтаромъ и толмачемъ и просилъ ихъ взять его съ собою въ Кіевъ, куда и прибылъ въ мартѣ 1767 г. Такъ какъ онъ умѣлъ говорить по турецки, по армянски и «нѣсколько» по нѣмецки, кромѣ того читалъ и писалъ по польски, то и былъ тогда же принятъ въ штатъ толмачей съ назначеніемъ ему жалованья «до усмотренія впредъ» по 24 руб. въ годъ.

Надо полагать, что толмачамъ, раньше опредѣленія ихъ на службу, производился экзаменъ въ кіев. губ. канцеляріи, при которой существовалъ особый штатъ переводчиковъ. Такъ, въ имѣвшихся у меня документахъ фигурируютъ въ 50-тыхъ годахъ въ качествѣ такихъ экзаменаторовъ: по турецкому языку—кол. секретарь Константинъ Реткинъ, а по греческому—переводчикъ Ѳедоръ Семеновъ. Кромѣ случайно попадавшихъ въ толмачи лицъ, для той же роли подготовлялись и молодые люди въ Константинополѣ при дворѣ русскаго резидента. Способнѣйшіе изъ нихъ попадали въ «переводчики», служебное положеніе которыхъ было выше положенія толмачей. Вообще эти два положенія «переводчики» и «толмачи» строго различались.

Въ 1745 г. резидентъ Вѣшняковъ, отправляя въ Кіевъ молодаго человѣка толмача Константина Юрьева, отецъ котораго служилъ переводчикомъ при кіев. губ. канц., писалъ генералъ-губернатору: «удержалъ видя его великую остроту и понятность, какъ и суще зѣло остръ въ ученіи, въ турецкомъ много успѣлъ, и конечно бъ можно было отъ него годность ожидать быть при границахъ *современемъ и въ переводчикахъ*». По просьбѣ Вѣшнякова, генералъ-губернаторъ командировалъ Юрьева въ Петербургъ съ бумагами въ коллегію ин. дѣлъ, откуда онъ и отправленъ былъ скоро «курьеромъ съ нужнѣйшими указами къ резиденту Неплюеву и для тамошней бытности опредѣлено ему давать жалованья противъ другихъ *обрѣтающихся въ Константинополѣ молодшихъ учениковъ* по сту рублей въ годъ». Отецъ этого молодаго толмача Харитонъ Юрьевъ въ 1723 году опредѣленъ былъ для турецкихъ писемъ переводчикомъ при кіев. губ. канц., съ жалованьемъ по 36 р. въ годъ, и въ 1742 г., прося о прибавкѣ ему жалованья *или объ отпускѣ его въ родной городъ Ясы*, заявлялъ, что онъ «чрезъ толь продолжительное время пришелъ въ

старость и дряхлость и зрѣніемъ изнемогъ». Коллегія ин. дѣлъ предписала не отпускать Юрьева въ отечество, а «въ разсужденіи того, что онъ при кіев. губ. канц. обрѣтается чрезъ многіе годы и другаго переводчика нѣтъ, велѣно ему давать прежній окладъ и должность переводческую по возможности исправлять, при томъ же сыну его Константину, который умѣетъ говорить по россійски, по гречески, по волоски и по турецки, а читать и писать по русски и по гречески, и желаетъ, обучась по турецки, быть на мѣсто отца своего и просилъ, дабы отцу его при старости и крайней бѣдности учинить къ жалованью придачу, а его Константина опредѣлить зъ годовымъ жалованьемъ же при кіев. губ. канц. ко отцу его въ ученики турецкого письма, гдѣ будучи можетъ онъ и ему, отцу своему, вспомогать и отъ него обучаться, а между тѣмъ на греческомъ и на волоскомъ языкѣ при канцеляріи въ словесныхъ переводахъ служить и употреблять его за толмача; къ тому жъ велѣно ему, Константину, обучаться тѣмъ языкамъ, кои онъ уже говорить знаетъ, чтенію и письму, дабы онъ впредъ могъ быть годнымъ переводчикомъ; а для пріохочиванія его къ тому, ему, Константину, и особливое сперва толмачевское жалованье давать по разсмотрѣнію кіев. губ. канц., ибо въ Кіевѣ *безъ переводчика и толмачей* тѣхъ языковъ быть никакъ нельзя».

Способнѣйшіе изъ толмачей достигали высшаго оклада жалованья въ *сто* рублей, а нѣкоторые изъ нихъ, и не переходя въ «переводчики», дослуживались до офицерскаго чина. Таковъ былъ, напр., *Александровъ* Андрей изъ волоховъ, принявшій въ 1734 г. русское подданство и опредѣленный ген.-губ. Шереметьевымъ въ толмачи. Въ 1738 и 39 гг. прикомандированный къ секретной экспедиціи Неплюева, для посылокъ въ польскія мѣста, онъ употребляемъ былъ для развѣдыванія о непріятельскихъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ вѣдомостей». Въ 1740 г. состоялъ въ Немировѣ при коммиссіи маіора Наковалника и посылался для развѣдыванія о татарскихъ и турецкихъ «обращеніяхъ и намѣреніяхъ». Въ 1747 г. онъ просилъ генералъ-губернатора выдать ему «охранной салвогвардіи листъ» за многія его вѣрныя службы, чтобы дому его «ни отъ кого никакихъ обидъ, налогъ и разореній и отъ постоевъ утѣсненія слѣдовать не могло». Домъ же этотъ былъ имъ купленъ въ переяславскомъ полку, барышпольской сотни въ с. Иванковѣ. Этотъ то Александровъ и достигъ безупречною своею службою оберъ-офицерскаго чина—прапорщика, въ каковомъ чинѣ и умеръ въ 1764 г.

А. Андр.

Новомосковскія учебныя заведенія.

Возобновленіе въ памяти современниковъ историческихъ событій прошлаго и полезно, и пріятно; напоминая о быломъ, освѣжая воспоминанія о дѣятеляхъ прошлаго времени, оно можетъ пробуждать энергію въ потомкахъ. Въ особенности это можно сказать въ отношеніи событій мѣстной жизни, интересныхъ преимущественно для извѣстныхъ группъ населенія извѣстнаго края, событій по большей части затерявшихся въ архивахъ мѣстныхъ учрежденій и весьма легко забываемыхъ. Освѣженіе въ памяти свѣдѣній о мѣстныхъ событіяхъ, дѣятеляхъ, учрежденіяхъ, вызывая вниманіе къ давно минувшему, въ то же время не можетъ не служить и нравственнымъ побужденіемъ къ поддержанію полезныхъ сторонъ прошлой дѣятельности,—не можетъ не окружать ореоломъ уваженія лицъ, потрудившихся на общее благо, оставившихъ добрый слѣдъ своей общественной дѣятельностью, и тѣмъ поощрять къ продолженію ими начатаго, сдѣланнаго, устроеннаго. Всего труднѣе добывать свѣдѣнія объ историческомъ мѣстномъ прошломъ, какъ хранящіяся въ мало-доступныхъ архивахъ, и при томъ въ видѣ трудно-читаемыхъ бумагъ и документовъ. Поэтому, извлеченіе такихъ свѣдѣній изъ такихъ печатныхъ источниковъ, въ которыхъ разработаны, хоть, отчасти архивныя мѣстныя бумаги, и которые представляются крайне рѣдкими, намъ кажется, дѣлается почти обязательнымъ для всякаго, располагающаго такими источниками.

Въ прошломъ году мы сообщили въ «Кіевской Старинѣ» (№ 1-й) общія свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ екатеринославской губерніи за первую половину XIX ст., извлеченныя изъ рѣдкаго нынѣ изданія—труда бывшаго директора екатеринославской гимназіи Якова Дм. *Грахова* (1846—1862 г.), вышедшаго въ 1856 г. подъ названіемъ: „*Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній*“, (Одесса, въ типографіи Францова и Нитче, 1856 г.). Въ числѣ общихъ этого рода свѣдѣній имѣются нелишенныя интереса данныя о новомосковскихъ учебныхъ заведеніяхъ и сопряженной съ ними дѣятельности частныхъ лицъ. Извлекая ихъ въ настоящей статьѣ, мы дополнимъ ихъ отчасти и краткими свѣдѣніями о современномъ положеніи учебнаго дѣла въ новомосковскомъ уѣздѣ.

Въ 1804 г. 5 ноября, въ царствованіе императора Александра I, изданъ былъ уставъ учебныхъ заведеній, по которому въ каждомъ

губернскомъ и уѣздномъ городѣ должно было быть по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище. Въ силу этого устава, въ 1807 г. 8 ноября, послѣдовало открытіе новомосковскаго уѣзднаго училища, прожившаго, такимъ образомъ, уже 80 лѣтъ и давшаго уѣзду многіе десятки и даже сотни лицъ не только съ грамотою, но и съ достаточными первоначальными научными свѣдѣніями. День своей 80-ти лѣтней годовщины—5 ноября 1887 года—училище это не праздновало; да, вѣроятно, оно и не подозрѣвало значенія для него этого дня, утративъ о немъ память. Жители г. Новомосковска, даже изъ числа получившихъ въ немъ знанія, тѣмъ болѣе могли не знать важности 5 ноября для ихъ мѣстной учебной храмины, и потому пропускали этотъ день также безъ вниманія.

Открытіе новомосковскаго уѣзднаго училища совершено было съ извѣстною, столь обычною въ то время при подобныхъ случаяхъ, торжественностью, и составляло событіе для цѣлаго края. Это было открытіе перваго учебнаго заведенія въ уѣздѣ, и представители населенія не поскупились ознаменовать его весьма щедрыми приношеніями. Такъ, бургомистръ г. Новомосковска Иванъ *Перекрестовъ* подарилъ училищу домъ, стоимостью въ 1200 р., и ежегодное пособіе въ 100 руб. Новомосковскій уѣздный предводитель дворянства Матвѣй Ивановичъ *Тимковскій* пожертвовалъ 50 р. и 10 книгъ; городничій Пустыльниковъ—25 руб.; помѣщикъ Павелъ *Миргородскій*—25 руб.; помѣщикъ *Клевцовъ*—50 руб.; разныя другія лица—212 руб., такъ что всѣхъ пожертвованій, кромѣ ежегоднаго взноса Перекрестова въ 100 руб., поступило тогда же 362 руб., что составляло весьма замѣтное, по тогдашнему времени, приношеніе.—Тогда же въ училище поступило 44 мальчика и 5 дѣвочекъ, и, слѣдовательно, это училище первоначально было смѣшаннымъ учебнымъ заведеніемъ.

Уѣздное училище состояло тогда изъ двухъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ; въ немъ преподавались: 1) Законъ Божій и священная исторія; 2) чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ употребленіи другой языкъ, и грамматика мѣстнаго языка; 4) чистописаніе; 5) правописаніе; 6) правила слога; 7) всеобщая географія и начала математической географіи; 8) географія Россіи; 9) всеобщая исторія; 10) ариѳметика; 11) начальныя правила геометріи; 12) начальныя правила физики и естественной исторіи; 13) начальныя правила технологіи, имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности, и 14) рисованіе (стр. 104). Первые шесть пред-

метовъ преподавалъ одинъ учитель, а послѣдніе восемь другой; кромѣ того, первый долженъ былъ преподавать латинскій и нѣмецкій языки тѣмъ ученикамъ, которые желали бы поступить въ гимназію. Ученіе продолжалось по 5—6 часовъ въ день, въ теченіи 32 часовъ въ недѣлю, изъ коихъ 4 часа собственно посвящались уроку рисованья. Законъ Божій (и священная исторія) преподавались особо приглашеннымъ священникомъ, но были случаи, что преподаваніе и этого предмета поручалось на нѣкоторое время свѣтскому учителю. Учителя назначались харьковскимъ учебнымъ округомъ, къ которому причислена была первоначально екатеринославская дирекція училищъ и состояли въ XII классѣ по должности. Училищемъ завѣдывалъ штатный смотритель, опредѣляемый обыкновенно изъ заслуженныхъ учителей гимназіи, а съ 1811 г., согласно высочайше утвержденному мнѣнію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, учреждена и должность «почетныхъ смотрителей», на которую назначали лицъ изъ образованнѣйшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ.— Почетные смотрители дѣлали ежегодно извѣстныя пожертвованія въ пользу училища, при которомъ состояли; ихъ служба считалась государственною и давала право на чинъ, а съ 1820 г. имъ предоставлено носить и мундиръ м-ва народнаго просвѣщенія.

Училище снабжено было учебными пособіями, коихъ числилось въ новомосковской библіотекѣ въ 1809 году—158, а въ 1835 г.—уже 1121. На содержаніе училища поступало изъ казны ежегодно 1,250 р. асс., изъ которыхъ штатный смотритель получалъ жалованья въ годъ 300 руб., учителя по 250 руб., законоучитель—75 руб., за преподаваніе рисованія—75 р. особо, и на прочія нужды училища—300 р. асс. (отопленіе, ремонтъ, прислуга). Кромѣ этого, а равно и тѣхъ суммъ, которыя пожертвованы были при открытіи училища, новомосковское дворянство, 22 марта 1808 г., опредѣлило единовременно внести въ пользу училища по 10 коп. съ ревизской души (крѣпостной), но размѣры этого приношенія неизвѣстны. Разными лицами единовременно пожертвовано—5,120 руб. Въ 1813 г. штатный смотритель Гаркушевскій перестроилъ на свой счетъ училищное зданіе, затративъ на это до 1000 руб., а 12 декабря 1813 г. въ день рожденія царствовавшаго императора пожертвовано было въ пользу учениковъ—сиротъ разными лицами 246 руб. Наконецъ, въ 1820 г. новомосковское дворянство вновь пожертвовало на постройку училища—1,302 руб., а въ 1834 г. почетный смотритель П. Дм. Алексѣевъ

вновь перестроилъ училище, что обошлось ему въ 6,800 руб., и, сверхъ того, жертвовалъ ежегодно по 500 руб.

Въ училище принимались дѣти всѣхъ сословій, но для поступленія въ него требовалось или прохожденіе приходскаго училища и представленіе о томъ аттестата, или выдержаніе вступительнаго экзамена. Въ праздники и торжественные дни ученики обязаны были, въ сопровожденіи учителей, посѣщать церковь; не посѣщавшіе безъ уважительныхъ причинъ подвергались взысканіямъ. Оканчивавшіе курсъ получали аттестаты. Въ теченіи 26 лѣтъ, съ 1808 по 1835 г., выбыло изъ училища съ аттестатами—125, безъ аттестатовъ—189, всего 314 учениковъ, или, среднимъ числомъ, по 12 душъ ежегодно. Награждено за этотъ же періодъ времени книгами и похвальными листами (въ обоихъ классахъ)--571 ученикъ. Въ теченіи того же періода времени были: 1) почетными смотрителями училища: кол. ас. Петръ Ив. *Сушковъ* (20 іюня 1815 г. по 18 ноября 1821 г.); кол. секр. Александръ Никан. *Андреевъ* (10 сент. 1822—1831 г.), тит. сов. Петръ Дмитріевичъ *Алексѣевъ* (1832—1836 г.); кол. сов. Василій Вас. *Курилинъ* (1836—1851) и тит. сов. Георгій Дм. *Мизко* (съ 28 янв. 1851 года); 2) *штатными* смотрителями: тит. сов. Савва Андреев. *Бѣлецкій* (1807—1813); тит. сов. Андрей Григор. *Гаркушевскій* (1815—1821 г.); тит. сов. Илья Ефим. Котляровъ (1821—1823); тит. сов. Иванъ Захар. *Нагорскій* (1824—1833); кол. секр. Яковъ Иван. *Оптовцовъ* (1833—1834); кол. асс. Александръ Павлов. *Чековъ* (1835—1853) и тит. сов. Ив. Ив. *Мокіевскій* (съ 26 марта 1853 года).

Въ 1828 г. послѣдовало изданіе новаго «училищнаго устава», которымъ уѣздныя училища значительно преобразованы: число предметовъ уменьшено (количественно); число учителей увеличено, вмѣсто 2 хъ, до пяти; курсъ ученія удлиненъ—вмѣсто двухъ, три года. Оклады жалованья увеличены, средства училищъ тоже, и объемъ предметовъ преподаванія расширился. Вмѣсто прежнихъ 14 предметовъ, оставлены слѣдующіе *семь*: 1) законъ Божій, священ. и церков. исторія, 2) русскій языкъ и грамматика; 3) ариѳметика; 4) геометрія до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ; 5) географія, всеобщая и русск.; 6) исторія русск. и всеоб. сокращенная, и 7) чистописаніе, черченіе и рисованіе.—Преобразованіе новомосковскаго училища послѣдовало 1 ноября 1836 года, такъ что въ судьбѣ его очевидное значеніе имѣютъ начальныя числа этого мѣсяца (5 ноября день открытія, 1 ноября—день преобразованія). Преобразованія уѣзд-

ныхъ училищъ вообще встрѣчали затрудненія въ недостаткѣ учителей, и въ тѣснотѣ помѣщеній, такъ что дирекціи училищъ приходилось вводить ихъ постепенно: образовывались по новому уставу сначала первые два класса, а затѣмъ, съ перестройкою зданія, и третій. Новомосковское училищное зданіе, какъ выше сказано, перестроено было почетнымъ смотрителемъ Алексѣевымъ въ 1834 году, и только съ того времени стало возможнымъ переустройство и учебной части. Впрочемъ, и впослѣдствіи не всѣ предметы, допускаемыя новымъ уставомъ, были введены въ училищѣ. § 58 устава 1828 г. предоставлялъ обществамъ и частнымъ лицамъ открывать при училищѣ дополнительные курсы для преподаванія «общихъ понятій объ отечественныхъ узаконеніяхъ; о порядкѣ и формахъ судопроизводства; основаній коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи, основаній механики, технологіи, сельскаго хозяйства и садоводства», но ни одинъ изъ этихъ предметовъ не былъ введенъ въ училищѣ, по отсутствію желающихъ открыть таковые. Съ 1838 г., въ теченіи пяти лѣтъ, преподавались въ новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ и иностранные языки—латинскій, французскій и нѣмецкій, собственно ученикамъ, имѣвшимъ поступить въ гимназію; но затѣмъ преподаваніе ихъ совсѣмъ прекращено. Кромѣ трехъ вновь образованныхъ классовъ, при училищѣ существовалъ приготовительный классъ еще со времени первоначальнаго его открытія, но, затѣмъ, онъ также преобразованъ въ «нижнее отдѣленіе», въ которомъ дѣти подготовлялись для поступленія въ первый классъ уѣзднаго училища.

Авторъ приводитъ и общія цифры учившихся въ училищѣ за нѣкоторые лишь годы уже по преобразованіи его: въ 1836 г.—66, въ 1844 г.—57, въ 1850 г.—65 и 1854—102; къ 1-му января 1855 г. было въ уѣздномъ училищѣ 55 душъ, да въ нижнемъ отдѣленіи 47; въ томъ числѣ дѣтей дворянъ и духовенства—24 и другихъ сословій—31. За время съ 1843 по 1852 годъ общее число учившихся въ училищѣ достигло 671 душъ; въ числѣ ихъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ было 330.

На содержаніе новомосковскаго уѣзднаго училища, какъ и другихъ по преобразованіи ихъ, отпускалось изъ казны—1279 р. 17 коп. Въ поддержку къ этой ассигновкѣ поступали ежегодно пожертвованія, которыхъ получено въ теченіи 19 лѣтъ (съ 1836 по 1855 г.), въ общей цифрѣ, 3248 р. 28 коп., почти по 171 р. въ годъ, съ которыми на содержаніе училища могло быть ежегодно затрачиваемо до 1450 рублей. Постоянныя ежегодныя пожертвованія поступали отъ

почетныхъ смотрителей: В. В. Курилина (1200 руб. за 14 л.) и Г. Д. Мизко (1200 руб. за 4 года). Новомосковская городская ратуша за то же время внесла на содержаніе приходскаго класса (нижняго отдѣленія)—654 р. 28 коп.

Таковы свѣдѣнія о новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ, сообщаемыя книгою г. Грахова. Они доходятъ лишь до 1855 года, т. е. за время, отстоящее отъ насъ за 33 года.

II.

Уставъ 5 ноября 1804 г. требовалъ открытія учебныхъ заведеній и въ казенныхъ селеніяхъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, подчиняя ихъ въ первомъ случаѣ—приходскому священнику, а во второмъ—владѣльцу имѣнія. Назывались они приходскими школами, и кругъ преподаванія въ нихъ былъ довольно широкъ для своего времени. Въ нихъ обучали: чтенію, письму и первымъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ; главнымъ началамъ закона Божія, а въ праздничные дни—катехизису и священной исторіи. Кромѣ того, полагалось изучать книгу «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и о способахъ сохраненія здоровья». Число предметовъ преподаванія могло быть и еще увеличено, если бы того пожелали общества и дали нужныя средства. Въ каждомъ приходскомъ училищѣ полагалось имѣть одного учителя, а если нужно, то и помощника къ нему; содержаніе же училищъ отнесено было всецѣло на счетъ приходовъ, сельскихъ обществъ и помѣщиковъ (въ ихъ имѣніяхъ). На содержаніе каждаго училища предназначалось по 165 руб. въ годъ; изъ нихъ на жалованье учителю—50—75 р., и его помощнику—25 р. въ годъ; прочія суммы шли на нужды училища. Деньги эти, училищныя, поступали изъ общественныхъ сборовъ. Мѣста учителей занимали преимущественно священно и церковно служители, но бывали и изъ людей свѣтскаго званія, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ, или же выдержавшіе предварительно въ немъ экзаменъ, какого бы сословія они ни были. При этомъ учителя изъ податнаго сословія, послѣ 12-ти лѣтней безукоризненной службы, освобождались изъ податнаго состоянія и считались въ государственной службѣ. И тѣ и другіе, по принятіи званія учителя, прежде приступа къ самостоятельнымъ занятіямъ въ школѣ, должны были посѣщать два—три мѣсяца уѣздныя училища, съ цѣлью ознакомленія со способами преподаванія, подъ руководствомъ штатнаго смотрителя, которому вообще ввѣрялся главный надзоръ за сель-

скими школами и который, для обозрѣнія ихъ, обязанъ былъ ежегодно объѣзжать свой уѣздъ и представлять директору училищъ вѣдомость о состояніи школъ.

Въ этомъ раннемъ школьномъ періодѣ открыто были въ новомосковскомъ уѣздѣ только три школы въ казенныхъ селеніяхъ: Петриковкѣ (20 февр. 1810 г.), Могилевѣ (22 февр. 1810) и Перещепинѣ (въ 1823 г.). Населенность Петриковки достигала тогда 2429 душъ, Могилева—1739, а Перещепиной неизвѣстна. Учениковъ, при открытіи училища, поступило: въ Петриковкѣ—26, въ Могилевѣ—23 и въ Перещепиной—20, всѣ крестьянскаго сословія. Въ помѣщичьяхъ имѣніяхъ не было открываемо училищъ вовсе. Петриковское и могилевское училища, благодаря вниманію мѣстныхъ сельскихъ обществъ и исправному ихъ содержанію, существовали до 1832 г., но въ 1833 г. всѣ три училища были закрыты и оставшіяся свободными отъ содержанія ихъ суммы должны были, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, поступить на усиленіе средствъ уѣзднаго училища. Такихъ суммъ оказалось, напримѣръ, въ могилевскомъ училищѣ 825 р., и онѣ переданы были по указанію начальства.

Съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній по уставу 8 дек. 1828 года, началось возобновленіе и приходскихъ училищъ, которыя въ казенныхъ селахъ въ силу высочайшаго указа 23 ноября 1842 г., перешли изъ вѣдѣнія министерства народн. просвѣщенія въ завѣдываніе министерства государствен. имуществъ и вѣдались, главнымъ образомъ, окружными начальниками и вообще чиновниками палаты госуд. имуществъ. Вновь открывшееся въ 1836 г. петриковское училище, содержавшееся на счетъ общества, перешло, такимъ образомъ, въ 1843 г. въ распоряженіе этой палаты.

Болѣе о новомосковскихъ сельскихъ школахъ въ «Краткомъ истор.-стат. обзорѣ» г. Грахова никакихъ свѣдѣній не имѣется; печатныхъ источниковъ, изъ которыхъ бы можно было почерпнуть такія свѣдѣнія вплоть до 1867 года, времени появленія въ печати перваго «Отчета новомосковской уѣздной земской управы», намъ неизвѣстно, и потому мы считаемъ необходимымъ обратиться къ этому источнику для пополненія сообщеннаго г. Граховымъ. Въ названномъ отчетѣ земской управы говорится, что вновь открытыя въ 1866 г. земскія учрежденія застали уже въ новомосковскомъ уѣздѣ 23 сельскихъ школы, а именно, въ селеніяхъ: Орловщинѣ, Николаевкѣ, Перещепиной, Гупаловкѣ, Бабайковкѣ, Могилевѣ, Петриковкѣ, Чаплинкѣ, Камянкѣ, Шульговкѣ, Елисаветовкѣ, Чернетчинѣ, Губиновкѣ, Голу-

бовкѣ, Знамянкѣ, Спасскомъ, Александровкѣ, Афанасьевкѣ, Новоселовкѣ, Любимовкѣ, Попасномъ, Татаркѣ и Карабиновкѣ. Учащихся во всѣхъ этихъ школахъ было—784 мальчика и 31 дѣвочка, а всего—815 душъ. Завѣдываніе всѣми этими училищами перешло къ вновь образованному уѣздному училищному совѣту, распредѣлившему ихъ между тремя своими членами: Ник. Дм. Мизко, А. А. Ганъ и Ѳ. Ѳ. Соловьевымъ, которые и были первыми земскими дѣятелями, воспріявшими изъ купели новомосковскую народную школу и долженствовавшими дать ей то содержаніе, развитіе и направленіе, какое указывалъ новый законъ—«Положеніе о народныхъ школахъ».

Къ сожалѣнію, въ первомъ отчетѣ новомосковской земской управы, вышедшемъ тощею брошюркой (52 листочка) въ 1867 г., не указаны годы открытія вышеназванныхъ нашихъ сельскихъ училищъ, и намъ приходится пополнять этотъ пробѣлъ свѣдѣніями изъ отчета той же управы уже «за время съ 1 сент. 1882 г. по 1 авг. 1883 г.», изданномъ въ 1883 году. Какъ извѣстно, новомосковское земство первыхъ пяти трехлѣтій, въ теченіи 15 лѣтъ своей земской дѣятельности, не печатало ни отчетовъ, ни постановленій своихъ, и только XVII очередное новомосковское земское собраніе признало нужнымъ возобновить печатаніе земскихъ сборниковъ, послѣ чего управа составила и издала *второй* (по времени выхода въ свѣтъ) отчетъ «съ 1 сентября 1882 г.»; но и въ этомъ отчетѣ не особенно посчастливилось народному образованію: о немъ сказано ровно 11 строкъ, не болѣе (стр. 201). За то въ особо приложенной вѣдомости приведенъ списокъ всѣхъ сельскихъ за 1882 годъ школъ уѣзда, съ обозначеніемъ времени ихъ открытія, числа учениковъ и пр. Въ этой таблицѣ показано время открытія слѣдующихъ пяти школъ въ до-земскую пору: въ с. Николаевкѣ—съ 1840 г.; въ с. Могилевѣ—съ 1841 г. (вторично послѣ закрытія; первый же разъ—въ 1812 г.); въ селеніяхъ Перещепинѣ и Камянкѣ—съ 1842 г. и въ с. Гупаловкѣ—съ 1849 г. Старѣйшимъ по времени открытія показано въ этой «вѣдомости»—одноклассное приходское училище въ г. Новомосковскѣ—съ 1832 года. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщенныя г. Граховымъ, повидимому, не полны и не точны, что могло происходить отъ неполученія имъ таковыхъ отъ тогдашней палаты государственныхъ имуществъ. Это ли, впрочемъ, причиной неполноты, или что либо другое, сказать нельзя, ибо въ книгѣ г. Грахова не указано въ подробности источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи ея.—Изъ той же земской «вѣдомости» мы усматриваемъ, что остальныя 21 школа открыты въ

позднѣйшее время, уже послѣ отмѣны крѣпостнаго права: въ с. Орловщинѣ съ 1860 г., въ с. Чаплинкѣ съ 1861 г. и въ с. Шульговкѣ съ 1863 г. Со времени введенія земскихъ учрежденій открытіе новыхъ сельскихъ школъ, въ мѣстахъ, гдѣ ихъ вовсе не бывало, идетъ сравнительно довольно быстро: въ 1866 года—1 (въ с. Котовкѣ, имѣніи землевладѣльца Г. П. Алексѣева); въ 1867 г.—5 (въ томъ числѣ одна въ помѣщичьемъ имѣніи Бузовкѣ); въ 1868 г.—1; въ 1869 г.—2 (оба въ бывшемъ помѣщичьемъ с. Елисаветовкѣ); въ 1870 г.—3 (одно въ бывшемъ помѣщичьемъ с. Лычковомъ); въ 1875 г.—1 (въ бывшемъ помѣщ. с. Мануйловкѣ); въ 1876 г.—2 (одно въ бывш пом. с. Елисаветовкѣ); въ 1880 г.—2 (одно въ бывш. пом. с. Куцегладковкѣ) и въ 1882 г.—1. Такимъ образомъ, въ числѣ вновь открытыхъ съ 1866—67 года 18-ти сельскихъ школъ, восемь приходится на долю крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; остальныя десять—въ бывшихъ казенныхъ селеніяхъ, состоявшихъ прежде въ вѣдомоствѣ палаты госуд. имуществъ. Столь быстрое увеличеніе въ послѣ-земскую пору числа сельскихъ школъ должно быть, прежде всего, отнесено на счетъ энергіи новаго училищнаго совѣта и собственно тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые, какъ выше упомянуто, стали во главѣ школьнаго дѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно же указываетъ и на достаточно назрѣвшую въ сельской средѣ потребность грамоты, такъ какъ всѣ эти школы открыты были на «общественныя средства» и всѣ они были «смѣшанныя» (для мальчиковъ и дѣвочекъ).

Въ *третьемъ* (по времени изданія) отчетѣ новомосковской земской управы, напечатанномъ въ 1884 г., («съ 1 авг. 1883 по 1 іюля 1884 г.), опять не говорится ни слова о народномъ образованіи и нѣтъ ни слова объ учебныхъ заведеніяхъ всего уѣзда; въ слѣдующихъ же, затѣмъ, отчетахъ за 1884, 85 и 86 годы открыта постоянная рубрика «народное образованіе», и новомосковское земство начало назначать на поддержку народныхъ школъ до 4000 руб. ежегодно. Свѣдѣнія о нихъ гораздо полнѣе прежнихъ, и всякій можетъ пользоваться ими въ указываемыхъ земскихъ сборникахъ (отчетахъ управы, а также и постановленіяхъ земскаго собранія). Народныя школы, и вообще народное образованіе, повидимому, настолько вошли въ сознаніе земскихъ дѣятелей, какъ неотложная потребность, что земская поддержка на это дѣло не должна оскудѣть. Для полноты нашего очерка добавимъ, что съ 1878 г. въ г. Новомосковскѣ учреждена, по ходатайству городскаго общества, *женская прогимназія*, съ 4-хъ класснымъ курсомъ· а съ 1885 г.. по постановленію екатеринославскаго

губерн. зем. собранія, открыто тамъ же и земское *ремесленное училище*, на содержаніе котораго губернское земство отпускаетъ ежегодно по 3000 руб. Свѣдѣнія объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ также помѣщаются въ названныхъ земскихъ сборникахъ.

Г. Залюбовскій.

Короповъ хуторъ.

Наслышавшись о Короповомъ хуторѣ, славящемся своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, я рѣшилъ предпринять туда лѣтомъ экскурсію. Еще болѣе утвердился я въ своемъ рѣшеніи, когда узналъ, что на мѣстѣ теперешняго хутора существовалъ нѣкогда Зміевскій Николаевскій Косицкій монастырь, о которомъ упоминаютъ преосв. Филаретъ въ своемъ «Истор.-статист. описаніи харьковск. епархіи» и проф. Багалѣй въ «Очеркахъ колонизаціи московской степной окраины» (стр. 523 и 524). Но прежде нѣсколько словъ о самомъ хуторѣ...

Короповъ хуторъ или, какъ крестьяне называютъ, «Монастырь» состоитъ всего лишь изъ десяти средней руки крестьянскихъ дворовъ да двухъ-трехъ дворовъ, принадлежащихъ управленію государ. имуществъ, въ которыхъ проживаютъ лѣсничій, кондуктора и лѣсные сторожа. Крестьяне, нѣкогда принадлежавшіе существовавшему здѣсь монастырю, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятинъ сѣнокоса, земли не имѣютъ, а нанимаютъ ее у крестьянъ сосѣдняго села Лимана. Въ зимнее время монастыряне занимаются добываніемъ древеснаго угля, для котораго покупаютъ буреломъ и подчистку въ казенномъ лѣсу. Уголь этотъ они возятъ на продажу въ Харьковъ и въ подгородную слоб. Жихоръ, жители которой перепродаютъ его харьковцамъ. Неудобство сношенія съ Харьковомъ, отъ котораго хуторъ находится около 50 верстъ, не даетъ возможности нанимать здѣсь дачъ, хотя отъ уѣздн. гор. Зміева онъ отстоитъ въ 7, а отъ ближайшей станціи Тарановки курско-хар.-аз. ж. д.—въ 17 верстахъ. Впрочемъ, для иныхъ это неудобство выкупается красотою мѣстоположенія. Такъ, сюда ежегодно пріѣзжаютъ 3—4 семьи на дачу. Посѣщаютъ эту мѣстность и художники; такъ, здѣсь прожилъ два лѣта академикъ Васильковскій; результатомъ его работы было, какъ я слышалъ, нѣсколько пейзажей кистью и карандашомъ.

Въ самомъ дѣлѣ мѣстность здѣсь чудная! Хуторъ стоитъ у самаго берега р. Донца, изобилующаго рыбою и раками, по обѣимъ

сторонамъ рѣки растетъ прекрасный, густой лѣсъ, принадлежащій министерству государств. имуществъ. Правый берегъ рѣки, на которомъ стоитъ и хуторъ, возвышенный, имѣетъ во многихъ мѣстахъ довольно высокіе—саж. въ 15—20—отвѣсные обрывы. Что за прекрасное зрѣлище открывается передъ вашими глазами съ такихъ обрывовъ! У вашихъ ногъ внизу, сверкая своею серебристою поверхностью, несетъ свои воды тихій Донецъ, воспѣтый въ знаменитомъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Противоположный низменный берегъ, за исключеніемъ незначительнаго пространства, поросшаго высокимъ лѣсомъ, покрытъ молодымъ срубомъ и кустарникомъ, позади котораго виднѣется множество маленькихъ, высыхающихъ въ жаркое лѣто озеръ. Послѣдніе изобилуютъ раками, рыбою, преимущественно карасями, и разною дичью, напримѣръ, утками разныхъ породъ, куликами, бекасами и друг. А вдали, за этими озерами, снова большой лѣсъ и боръ, за которыми бѣлѣютъ церкви и хаты сосѣднихъ селъ: Лимана, двухъ Бишкиней-Черкасскаго и Средняго, влѣво виднѣется кладбищенская церковь г. Зміева. Кромѣ вышеупомянутыхъ небольшихъ озеръ, есть и значительно большія, о которыхъ говоритъ и Филаретъ и которыя составляютъ въ настоящее время собственность Хорошевскаго женск. монастыря, какъ напримѣръ: «Биле озеро», изъ котораго можно узенькимъ проливчикомъ въѣхать въ двухверстный заливъ Донца, называемый Косачъ. Авторъ «Истор.-стат. описанія харьковской епархіи» называетъ этимъ именемъ озеро, но я никакого озера съ такимъ названіемъ не нашелъ, да и изъ крестьянъ никто его не знаетъ. Можетъ быть, теперешній заливъ Косачъ былъ прежде озеромъ, но крестьяне и этого не утверждаютъ. Дальше озеро Коропово, изобиловавшее, какъ указываетъ самое названіе, коропами; отъ него получилъ названіе и хуторъ, находившійся во время существованія монастыря на лѣвой сторонѣ, вблизи самаго озера. Послѣ жители хутора, вслѣдствіе большаго разлива Донца, перебрались, конечно съ согласія монастырскаго начальства, на правую нагорную сторону, гдѣ живутъ и понынѣ. Мѣсто «Стараго монастыря» находится въ $^3/_4$—1 верс. отъ хутора, въ саду, принадлежащемъ обѣднѣвшему дворянину Банческулу. На существованіе въ этомъ мѣстѣ монастыря указываетъ въ иныхъ мѣстахъ обнаженный разными кладоискателями кирпичный фундаментъ съ цоколемъ, впрочемъ не поддающійся никакому измѣренію, такъ какъ за исключеніемъ незначительной части онъ покрытъ землею, деревьями, кирпичами и обломками кафлей. Владѣтель этого сада сообщалъ мнѣ, что онъ не разъ находилъ

цѣльныя кафли съ разными рисунками, но мнѣ не удалось отыскать ни одной. Ближе къ хутору, находится другой, такъ называемый «Гончарный», садъ, названіе котораго указываетъ мѣсто выдѣлки гончарныхъ издѣлій, чему способствовало обиліе находящейся здѣсь очень хорошей красной глины. Здѣсь я находилъ множество черепковъ различной толщины. Влѣво отъ этихъ садовъ находится мѣсто кирпичнаго завода, гдѣ явственно остались слѣды отъ сушильныхъ сараевъ и обжигательной печи, а ниже, къ Донцу, мѣсто пруда, гдѣ была монастырская винокурня. Это подтверждается какъ оставшимися знаками, такъ и словами владѣтеля вышеупомянутыхъ садовъ и дѣда Токаря, доживающаго девятый десятокъ лѣтъ. По словамъ послѣдняго, въ 1 — $1^1/_2$ верстахъ отъ стараго монастыря «була крипость и жылы розбійныкы. Воны оце якъ тилькы треба чого зъ ижы, заразъ и посылають одного верхы у манастырь. Гуменъ и дае ёму, що треба. Отъ якъ довольни розбійныки, то й ничого, а якъ ни, то посадовлять свого посла передомъ до хвоста, та й одышлють упьять у монастырь. Манахы вже й знають, що розбійныкы недовольни и набухтелють посланця усячыною...

— Чомъ же черни не выбылы тыхъ розбійныкывъ зъ крипосты? спросилъ я у дѣда.

— Та бачте воны оружни булы: у нхъ тамъ и пушкы и ружжа— усе було... отвѣтилъ Токарь.

Городище, или «крипость», о которой говорилъ дѣдъ Токарь, я ходилъ осматривать, но дождь помѣшалъ болѣе обстоятельному осмотру, тѣмъ болѣе, что все оно покрыто молодымъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Впрочемъ, валы съ двухъ сторонъ насыпаны довольно высокіе; съ третьей—восточной высится крутой обрывъ надъ самымъ Донцомъ. Въ длину городище имѣетъ, повидимому, не болѣе 20, а въ ширину около 10 саж. Кругомъ всюду растетъ большой лѣсъ.

Сады, которыхъ пр. Филаретъ насчитывалъ 17, въ томъ числѣ одинъ виноградный, существуютъ и теперь, но далеко, конечно, не въ томъ видѣ, какъ во время монастырскаго владѣнія. Теперь они представляютъ жалкіе остатки нѣкогда роскошныхъ, изобиловавшихъ разнообразными плодами садовъ. Многіе изъ нихъ позаростали простыми деревьями и кустарникомъ, преимущественно дубнякомъ и орѣшникомъ, напримѣръ «Гончарный», иные же совершенно чисты отъ всякихъ деревьевъ и служатъ мѣстомъ для посѣва хлѣба, какъ «Писошный». Большинство названій позднаго происхожденія, но нѣ-

которые удержали свое прежнее, такъ напримѣръ «Намиснычый», и «Выноградный», названіе котораго говоритъ о произраставшемъ въ немъ виноградѣ, котораго теперь и помину нѣтъ. Въ одномъ изъ садовъ, немного выше «Стараго монастыря», есть минеральный источникъ, вода котораго изобилуетъ желѣзомъ, что можно даже ощущать на вкусъ. Желѣзистость воды подтверждается и ржавчиною, покрывающею всю поверхность источника, дно котораго состоитъ изъ красной глины. Эта же самая глина находится въ изобиліи немного ниже хутора, на правомъ берегу рѣки Донца, у обрывовъ; мѣсто это носитъ названіе «Козацькыхъ ямъ».

Неизвѣстно когда былъ перенесенъ «Старый монастырь» на мѣсто нынѣшняго хутора; новый же былъ упразднeнъ при всесильномъ Потемкинѣ. Церковь и другія постройки стояли до начала нынѣшняго столѣтія; въ первой совершалось богослуженіе священникомъ, постоянно имѣвшимъ здѣсь на хуторѣ свое мѣстожительство, но впослѣдствіи для отправленія требъ и богослуженія священникъ пріѣзжалъ періодически изъ сосѣдняго села Лимана; такимъ образомъ церковь сдѣлалась приписною. Наконецъ, за ветхостью она была совершенно упразднена. Церковное имущество и украшеніе было роздано по церквамъ въ Тарановку, Новую Водолагу и въ особенности въ Зміевъ. Кирпичъ тоже былъ забранъ на одну изъ зміевскихъ церквей. Теперь на выгонѣ, посрединѣ хутора, есть два невысокихъ холма, занимающихъ небольшую площадь. Земля и трава, растущая на нихъ, закрыли основаніе бывшей здѣсь нѣкогда церкви, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна известь и части стѣнъ до цоколя.

Монастырь, какъ извѣстно, кромѣ рѣчныхъ, озерныхъ и лѣсныхъ угодій (находящійся теперь въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ лѣсъ былъ нѣкогда достояніемъ монастыря) владѣлъ еще селами; такъ, ему принадлежали с. Гомольша съ 194 д. мужескаго пола (Филаретъ, Истор.-стат. опис. харьк. епархіи), Мохночи, по ту сторону Зміева, тоже на Донцѣ и другія.

И. Зозуля.

Кудеяровъ курганъ.

Въ брянскомъ уѣздѣ, близь села Салыни, къ востоку отъ него, въ густомъ лѣсу, показываютъ курганъ, или скорѣе городище, называемое мѣстными жителями «Кудеяровымъ курганомъ».

Курганъ этотъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго, съ котловиною посрединѣ, имѣетъ до 30 кв. аршинъ пространства; высота его—до 4 сажень, ширина основанія до 60 аршинъ. Бока кургана, равно какъ и вершина его, поросли лѣсомъ. Курганъ находится въ бассейнѣ рѣки Десны, но довольно далеко отъ нея (верстахъ въ 5—6); возлѣ кургана проходитъ только неглубокій «логъ», который упирается своимъ концомъ въ болото, примыкающее къ Деснѣ.

По всей видимости, курганъ этотъ относится къ доисторическому времени, но мѣстныя преданія пріурочили его къ временамъ разбойника Кудеяра. Съ сѣверной стороны кургана видны какъ бы ворота, ведшія во внутренность кургана и обросшія въ настоящее время дерномъ. Мѣстные жители разказываютъ, что многіе пробовали ворота эти щупать, и на разстояніи не болѣе четверти аршина ощупывали твердую поверхность, которая издаетъ металлическій звукъ. Отсюда догадываются, что ворота эти желѣзныя. Раскопокъ ни на вершинѣ кургана, ни около упомянутыхъ воротъ никто никогда не производилъ, потому что мѣстные жители питаютъ какой то суевѣрный страхъ по отношенію къ этому кургану и не рѣшаются даже подходить къ нему близко. Этотъ страхъ и породилъ, должно быть, разсказъ такого рода: одинъ крестьянинъ «по жадности» хотѣлъ было прихватить къ своей лядинѣ, которую тогда распахивалъ, часть кургана, расчистилъ съ этой цѣлію подошву кургана и началъ его распахивать. Но къ вечеру того же дня съ нимъ совершилось чудо: онъ ослѣпъ, да такъ, что не могъ даже добраться до дома и только къ утру другаго дня, разысканный своими семейными, онъ воротился домой—и съ тѣхъ поръ полно распахивать курганъ.

Объ основаніи кургана мѣстные жители разсказываютъ, что онъ былъ насыпанъ разбойникомъ Кудеяромъ и его шайкою. Кудеяръ будто бы жилъ здѣсь довольно долгое время и отсюда производилъ набѣги на большую дорогу и окрестныхъ помѣщиковъ. На верху кургана у разбойниковъ будто бы была «цѣлая крѣпость», здѣсь стояли даже пушки, по окружному же валу постоянно ходилъ часовой. Кудеяръ съ шайкою помѣщался внутри кургана, гдѣ было сдѣлано нѣсколько комнатъ для житья; затѣмъ подъ этими комнатами находились «тайники» съ разнымъ добромъ и деньгами, награбленными разбойниками у разныхъ лицъ.

Здѣсь, какъ говоритъ далѣе преданіе, Кудеяръ и умеръ, здѣсь же, въ курганѣ, и похороненъ. Послѣ его смерти разбойники разо-

шлись, кто куда могъ. Преданіе прибавляетъ, что въ курганѣ скрыта масса всякихъ сокровищъ, но тѣмъ не менѣе раскапывать его, какъ мы уже сказали, никто не рѣшается.

Курганъ ждетъ, очевидно, интеллигентной, ученой раскопки.

Н. Добротворскій.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта.

Въ шестой книгѣ «Кіевской Старины» за 1888 г. была напечатана статья *Н. С.*: «Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго», въ которой авторъ, не претендуя, какъ онъ говоритъ, на полноту обзора рисунковъ этого художника, указываетъ, по его мнѣнію, выдающіяся и притомъ малоизвѣстныя произведенія Трутовскаго. При этомъ, безразлично называя рисунками не только собственно рисунки, но также картины, писанныя масляными красками, и акварели, авторъ включаетъ въ свой списокъ рисунковъ: четыре картины, писанныя масляными красками (Сорочинская ярмарка, Сцена у креста, Возвращеніе съ праздника, Чумакъ у колодца), одну акварель (Въ бурю) и нѣсколько рисунковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, о первой упомянутой нами (Сорочинская ярмарка) онъ говоритъ, какъ о картинѣ, остальныя же называетъ рисунками. Можетъ быть, автора ввело въ заблужденіе то, что онъ видѣлъ снимки съ этихъ картинъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, и, не имѣя свѣдѣній о самыхъ картинахъ, принялъ эти снимки за оригинальные рисунки художника. Затѣмъ, хотя онъ говоритъ, что указываетъ малоизвѣстныя произведенія Трутовскаго, но на самомъ дѣлѣ большая часть названныхъ имъ картинъ и рисунковъ принадлежатъ къ наиболѣе извѣстнымъ.

Посвятивши свою художественную дѣятельность главнымъ образомъ изображенію малорусской жизни и трудясь надъ этимъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, К. А. Трутовскій въ теченіе этого времени выставилъ такъ много разнаго рода произведеній своихъ изъ малорусскаго быта (картины, писанныя масляными красками, акварели, сепіи, рисунки карандашемъ и проч.), что, если зашла рѣчь объ обозрѣніи его художественной дѣятельности, то нельзя довольствоваться сдѣланнымъ въ статьѣ г. Н. С. указаніемъ на четыре картины, писанныя Трутовскимъ масляными красками, одну акварель и нѣсколько рисунковъ,

а было бы желательно, раньше или позже, привесть въ полную извѣстность все, что сдѣлано художникомъ по части воспроизведенія малорусской жизни въ картинахъ и рисункахъ.

Чтобы облегчить возможность исполненія такой работы, постараемся, также не претендуя на полноту, указать тѣ картины и рисунки Трутовскаго, о которыхъ мы могли собрать свѣдѣнія. А прежде этого, въ виду полнаго отсутствія въ печати свѣдѣній о жизни художника (если не считать двухъ строкъ, напечатанныхъ объ немъ въ составленномъ Н. Собко каталогѣ художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 г., изданномъ подъ заглавіемъ: «25 лѣтъ русскаго искусства»), считаемъ не лишнимъ сообщить краткія біографическія объ немъ свѣдѣнія.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился 28 января 1826 г. въ г. Курскѣ, а дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца—харьковской губ. ахтырскаго уѣзда, въ дер. Поповкѣ. Въ 1837 г. онъ поступилъ въ главное инженерное училище (нынѣ Николаевское), а въ 1843 г., будучи произведенъ въ офицеры, перешелъ въ классы инженерной академіи (прежде—«офицерскіе классы») и въ 1845 г. окончилъ курсъ. Начальство инженернаго училища отнеслось такъ внимательно къ желанію Константина Александровича заниматься въ академіи художествъ, что удержало его репетиторомъ при томъ же училищѣ—для того, чтобъ дать ему возможность посѣщать академію художествъ, въ которой онъ окончилъ курсъ послѣ пятилѣтнихъ занятій въ ней. Выйдя въ 1850 г. въ отставку, онъ поселился въ ахтырскомъ уѣздѣ. Малороссія, которую Константинъ Александровичъ оставилъ въ дѣтствѣ и въ которую возвратился послѣ продолжительнаго отсутствія, съ первыхъ же шаговъ произвела на него чарующее дѣйствіе какъ своею живописною мѣстностью, такъ и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ народомъ, и подъ вліяніемъ этого тамъ опредѣлилась вся дальнѣйшая дѣятельность его какъ художника, воспроизводящаго въ художественныхъ образахъ на полотнѣ и бумагѣ почти исключительно малорусскую жизнь. Въ 1852 г. Трутовскій женился и переселился въ обоянскій уѣздъ курской губ., гдѣ прожилъ до 1857 г., пріѣзжая по временамъ въ Москву и Петербургъ. Здѣсь, въ этомъ уѣздѣ, Трутовскій познакомился съ другимъ міромъ,—міромъ уѣздныхъ помѣщиковъ, и при своей наклонности къ юмору и способности подмѣчать комическія стороны, приготовилъ много рисунковъ и акварелей, преимущественно юмористическихъ, изъ быта помѣщиковъ того времени. Въ 1856 г. изъ обоянскаго уѣзда Трутов-

скій впервые послалъ въ Москву нѣсколько картинъ, писанныхъ масляными красками, акварелей и рисунковъ. Художники и любители отнеслись очень тепло къ этимъ работамъ молодаго художника, а скульпторъ Рамазановъ напечаталъ объ нихъ горячій сочувственный отзывъ. Тогда же Трутовскому было предложено занять мѣсто въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, но это предположеніе въ то время не осуществилось. Въ 1857 г. Трутовскій ѣздилъ за границу, въ Германію и Францію, а въ 1858 г., овдовѣвши, онъ переселился въ Петербургъ, и съ этого времени началась настоящая дѣятельность Трутовскаго, какъ художника; картины его стали пріобрѣтать большую и большую извѣстность и такъ раскупаться, что многія изъ нихъ не попадали на выставки—потому, что были пріобрѣтаемы въ мастерской, немедленно по окончаніи ихъ. Въ 1864 г. онъ приготовилъ рисунки для иллюстрированнаго изданія басенъ Крылова, которые въ свое время вызвали сочувственные отзывы въ періодическихъ изданіяхъ. Мы забыли упомянуть, что въ 1860 г. Трутовскій вторично женился. Съ 1871 по 1881 г. онъ занималъ должность инспектора московскаго училища живописи и ваянія. Оставивъ эту должность въ 1881 г., онъ снова поселился въ обоянскомъ уѣздѣ, гдѣ живетъ и въ настоящее время, пріѣзжая зимою на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, а лѣтомъ дѣлая экскурсіи въ разныя мѣста.

Изложивъ эти краткія свѣдѣнія о жизни художника, приведемъ теперь списокъ его произведеній изъ малорусскаго быта, отнюдь не выдавая этотъ списокъ за полный.

I. Картины, писанныя масляными красками.

1) *Слѣпой скрипачъ*—находится у В. И. Григоровича, въ Петербургѣ.

2) *Музыкантъ и дѣти*—у доктора Ивановскаго, въ Петербургѣ.

3) *Сцена у шинка*—тамъ же.

4) *Сцена изъ малороссійской ярмарки*—у г. Алфераки, въ Петербургѣ.

5) *Богомолка*—у доктора Ивицкаго въ Вильно.

6) *Малороссы, ѣдущіе на базаръ*—въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

7) *Салазки*. Шутливая сцена, изображающая трехъ молодицъ, везущихъ пьянаго. Снимки и картины были помѣщены въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, у кого находится подлинникъ—не знаемъ.

8) *Свадьба*—была на академической выставкѣ 1860 г., гдѣ находится въ настоящее время—не имѣемъ свѣдѣній.

9) *Рыбаки малороссы*,—была пріобрѣтена П. М. Ковалевскимъ, въ Петербургѣ.

10) *Сцена у креста.*

11) *Вечеръ въ Малороссіи*—у Хвощинскаго, въ Москвѣ.

12) *Свиданіе*—была пріобрѣтена Государыней Императрицей Маріею Александровной.

13) *Просящій на церковь.*

14) *Свиданіе*—у П. С. Строгонова, въ Петербургѣ.

15) *Колядки*—была пріобрѣтена Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

16) *Угольщики въ лѣсу*—у доктора Ивицкаго, въ Вильно.

17) *Сцена во ржи.*

18) *Возвращеніе съ праздника.* Снимки съ этой картины были помѣщены въ «Пчелѣ» и другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

19) *Малороссіянка со снопами*—у Головкова.

20) *Малороссіянка съ граблями*—у Рахманова, въ Курскѣ.

21) *Дѣвушка, собирающая липовый цвѣтъ*—у Д. И. Зуева.

22) *Дѣвушка и дитя.*

23) *Парубокъ и дивчина*, несущіе корзину.

24) *Малороссіянка съ утками*—у Давидова.

25) *Ночная сцена*—у Зуева.

26) *Царскій портретъ.* Написанная по случаю 50-ти лѣтняго юбилея Николаевскаго инженернаго училища (которому и подарена), картина изображаетъ сапера—малоросса, который, возвратившись домой, показываетъ своимъ землякамъ портретъ царя.

27) *Сорочинская ярмарка*—у Полежаева, въ Петербургѣ. Снимокъ съ картины имѣется въ упомянутой выше книгѣ Собка: «25 лѣтъ русскаго искусства». По этой же картинѣ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, былъ сдѣланъ художникомъ рисунокъ для изданнаго Голяшкинымъ альбома: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (выпускъ 3-й). Въ очень маленькомъ видѣ снимокъ съ картины былъ помѣщенъ въ одномъ изъ галиційскихъ журналовъ.

28) *Дѣвушка, загоняющая птицъ*—у Римскаго-Корсакова, въ Одессѣ.

29) *Переправа*—у И. Н. Терещенка.

30 и 31) *Ожиданіе*—у Тимашева и у Филобера, въ Москвѣ.

32) *У колодца*—у Тимашева, въ Москвѣ.

33) *Отдыхъ въ сараѣ*—у Д. Н. Зуева.

34) *Масляница*—у С. В. Алексѣева въ Москвѣ.

35) *Возвращеніе съ баштана*—у Римскаго-Корсакова, въ Одессѣ.

36) *Парубокъ, подкрадывающійся къ дѣвушкѣ*—у С. А. Терещенка.

37) *Бандуристъ*, окруженный слушателями—у С. В. Алексѣева, въ Москвѣ.

38) *Дѣвушка съ ведрами.*

39) *Находка*—у Римскаго-Корсакова.

40) *Передъ разлукой*—у фонъ-Дервиза.

41) *Дѣвушки въ бурю.*

42) *Шевченко на берегу Днѣпра*—у А. И. Баранова въ Москвѣ.

43) *Свиданіе*—у великаго князя Константина Николаевича.

44) *Переходъ черезъ ручей*—у фонъ-Дервиза.

45) *Сцена у колодца.* Парубокъ встрѣтился у колодца съ дивчиной, которая только что набрала въ ведро воды и шутя хочетъ окатить его этой водой. Небольшая по размѣру, но одна изъ наиболѣе удачныхъ картинъ, снимковъ съ которой не было. Находится у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

46) *Подслушала!* (При вечернемъ освѣщеніи стоитъ въ лѣсу дивчина, прислонясь къ дереву, за которымъ только что прошла парочка, обнимаясь и о чемъ то любовно бесѣдуя)—у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

47) *Возвращеніе съ жатвы.*

48) *У колодца.*

49) *Дѣвушка у знахарки*— у Арботскаго, въ Москвѣ.

50) *Свиданіе*—у Мазырова.

51) *Переходъ черезъ ручей*—тамъ же.

52) *У забора*—у Михайлова, въ Харьковѣ.

53) *Ночь*—у Карпова, въ Москвѣ.

54) *День*—тамъ же.

55) *Дивчина, срывающая цвѣты*—у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

56) *Дивчина, отворяющая калитку*, при ночномъ освѣщеніи—тамъ же.

57) *Пейзажъ* съ фигурами—у Карпова, въ Москвѣ.

58) *Сборы на гулянье*—у А. И. Баранова, въ Москвѣ.

59) *Дѣвушка въ вѣнкѣ*—у Обера.

60) *Мальчикъ и дѣвочка*—у Воскресенскаго, въ Москвѣ.

61) *Выкупъ*—у Ѳ. А. Терещенка, въ Кіевѣ.

62) *Дѣвушка у колодца*—у Кавелина.

63) *Засада.*

64) *Пропили невѣсту!*—у Ушакова, во Владимірѣ.

65) *Свиданіе*—у Островскаго, во Владимірѣ.

66) *Спящая дѣвушка*—у Бутикова, въ Москвѣ.

67) *Собирательница травъ*—у Шапошникова.

68) *Свиданіе*—у Обидони, въ Москвѣ.

69) *Гарбузъ!*

70) *Шалуньи*—у Ворониной, въ Москвѣ.

71) *Сосѣдки.*

72) *Свиданіе*—у Ададурова, въ Москвѣ.

73) *Прерванное свиданіе.*

74) *Осень.*

75) *Старый любезникъ*—у А. Н. Розенберга, въ Саратовѣ.

76) *Старые грѣховодники.*

77) *Въ праздничный день*—у Александрова, въ Казани.

78) *На Пасхѣ*—у Александровой, въ Казани.

79) *На Ивана Купала*—тамъ же.

80) *Праздничная бесѣда.*

81) *Сцена на ярмаркѣ*—у Н. А. Новосельскаго, въ Одессѣ.

82) *Старикъ съ ребенкомъ.*

83) *Ожиданіе стада*—у Зубова, въ Петербургѣ.

84) *Раздумье*—была пріобрѣтена Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

85) *Ночь на Духовъ день*—у фонъ-Меккъ, въ Москвѣ.

86) *Невѣста съ подругами*—у Н. И. Харитоненка.

II. АКВАРЕЛИ.

1) *Малороссійская сцена*—у гр. Кушелева.

2) *Лирникъ*—у Тимъ, въ Петербургѣ.

3) *Возвращеніе съ поля*—тамъ же.

4) *Сцена на бакшѣ*—тамъ же.

5) *Пляшущая дивчина.*

6) *Просящій на церковь*—у барона Бухгольца.

7) *Поминки.*

8) *Продажа яблокъ.*

9) *Дѣти, удящія рыбу*—у гр. Сологубъ въ Петербургѣ.

10) *Отдыхающія въ полѣ женщины*—у Н. А. Новосельскаго, въ Одессѣ.

11) *Чумаки.*

12) *Отъѣздъ.*

13) *Свиданіе*—у Неплюевой, въ Петербургѣ.

14) *Дѣти, рвущія яблоки*—тамъ же.

15) *Спящій парубокъ.*

16) *Катанье съ горъ*—была пріобрѣтена Государыней Императрицей Маріею Александровной.

17) *Жница съ ребенкомъ.*

18) *Сцена на сѣнокосѣ.*

19) *Дѣвушка у колодца*—была пріобрѣтена Государыней Императрицей Маріей Александровной.

20) *Бандуристъ въ избѣ.*

21) *Катанье яицъ.*

22) *Приглашеніе на свадьбу.*

23) *Въ бурю.* Снимокъ съ этой акварели былъ помѣщенъ въ «Пчелѣ» и другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

24) *Ночная сцена.* Акварель, рисованная одной краской (сѣрой), изображаетъ парубка, подкрадывающагося къ молодой дивчинѣ, которая въ теплую лѣтнюю ночь расположилась ночевать на дворѣ рядомъ съ бабушкой, и которой не спится, между тѣмъ какъ утомленная дневнымъ трудомъ бабушка крѣпко заснула. Акварель эта находится у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

25) *Женская головка*—тамъ же.

III. РИСУНКИ.

Составить болѣе или менѣе полный списокъ тѣхъ рисунковъ, которые не были воспроизводимы ни фотографіей, ни какими либо способами печатанія, нѣтъ никакой возможности, потому что рисунки эти не бывали на выставкахъ, хранятся они у разныхъ собирателей въ альбомахъ и папкахъ, недоступныхъ для обозрѣнія; наконецъ, объ нихъ не было никакихъ свѣдѣній въ печати.

Составить полный списокъ рисунковъ, которые были воспроизведены въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, было бы возможно, но для этого нужно перерыть слишкомъ большую массу изданій, которыхъ у насъ нѣтъ подъ руками.

Не имѣя поэтому возможности дать списокъ рисунковъ Трутовскаго, мы все таки считаемъ не лишнимъ, въ дополненіе къ названной нами статьѣ Н. С., указать тѣ рисунки, которые намъ извѣстны и которыхъ Н. С. въ своей статьѣ не упоминаетъ.

Изъ оригинальныхъ рисунковъ, снимки съ которыхъ не были воспроизводимы, мы можемъ указать только два имѣющіеся у насъ рисунка сепіей: одинъ изъ нихъ (1879 г.) изображаетъ молодую дивчину, несущую гарбузъ, а на другомъ (1877 г.) нарисована приготовляющаяся къ купанью въ рѣкѣ панночка, около которой стоитъ ея горничная и сидитъ молодая дивчинка.

Относительно рисунковъ, воспроизведенныхъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, прежде всего исправимъ ошибку, допущенную въ статьѣ Н. С., который говоритъ, что рисунки къ *Наймычкѣ* Шевченка были помѣщены въ «Сѣверномъ Сіяніи» Гёнкеля. Рисунки эти, отпечатанные въ литографіи Р. Хорна (а не у Брокгауза, гдѣ печатались рисунки для «Сѣвернаго Сіянія»), лежатъ въ настоящее время передъ нами, но мы не можемъ вспомнить, изъ какого именно изданія они взяты, только утверждаемъ, что не изъ «Сѣвернаго Сіянія».

Кромѣ рисунковъ къ «Наймычкѣ», Трутовскимъ былъ сдѣланъ еще одинъ рисунокъ къ Шевченку, именно на слова: «Пишла баба у танець, а за нею горобець выкрутасомъ, выхылясомъ... Старый рудый бабу клыче, а та ему дули тыче» (Бенкетъ у Лысянци, въ «Гайдамакахъ»). Рисунокъ этотъ, подъ заглавіемъ «*Малороссійская сценка*», изданъ въ видѣ преміи къ журналу «Будильникъ» за 1886 г.

Въ «Русск. Художеств. Листкѣ» Тимма было помѣщено два рисунка Трутовскаго къ повѣсти Марка Вовчка «*Сестра*»; одинъ изъ нихъ на слова: «Пожалуй же, Марусенько, молодыцю, вклоныся и пошануй», а другой на слова: «Идте зъ намы, титочко наша кохана».

Кромѣ того, въ томъ же «Художественномъ Листкѣ» были помѣщены еще другіе рисунки Трутовскаго, изъ которыхъ мы можемъ указать на два рисунка, изображающихъ, одинъ—*бандуриста*, а другой *лирника*.

Въ «Художественномъ альбомѣ», изданномъ А. Долотовымъ въ 1871 г., было помѣщено три рисунка Трутовскаго: 1) *Масляничная сцена* (парубокъ, ѣдущій съ горы на салазкахъ, и молодыця съ ведрами),—2) *Изъ деревенской жизни* (дворовыя дѣвушки, танцующія передъ помѣщикомъ) и 3) *Политики*, сцена изъ быта помѣщиковъ.

Въ изданномъ Голяшкинымъ альбомѣ рисунковъ къ «Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки» Трутовскому принадлежитъ десять рисунковъ; изъ нихъ одинъ иллюстрируетъ «*Пропавшую грамоту*», два—«*Страшную месть*», три—«*Сорочинскую ярмарку*» и четыре—«*Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*».

Въ «Пчелѣ», кромѣ указанныхъ въ статьѣ Н. С. рисунковъ, было еще два рисунка Трутовскаго: одинъ называется «*Лѣто*», а другой—«*Зима*».

Журналъ «Свѣтъ и Тѣни» издалъ, въ видѣ преміи на 1880 г., цѣлый альбомъ рисунковъ Трутовскаго; изъ малорускаго быта въ этомъ альбомѣ имѣются слѣдующіе рисунки: 1) *Сборы на свадьбу*, 2) *Послѣ купанья*, 3) *На богомольѣ*, 4) *На пасѣкѣ* и 5) *Чумаки*.

Кромѣ того, въ томъ же журналѣ за разные годы были помѣщены другіе рисунки Трутовскаго, изъ которыхъ мы можемъ указать на слѣдующіе: 1) *Подъ яблоней*, 2) *Вспышка у домашняго очага* и 3) *Лѣтней ночью*.

Въ журналѣ «Сѣверъ» за 1888 г. было помѣщено два рисунка Трутовскаго, изображающихъ два малорусскихъ женскихъ типа.

Были рисунки Трутовскаго помѣщаемы и въ другихъ изданіяхъ: во «Всемірной Иллюстраціи», въ «Газетѣ Гатцука» и проч. Ограничиваемся сдѣланными указаніями.

Снимки съ картинъ и рисунковъ Трутовскаго были воспроизводимы не въ однихъ только иллюстрированныхъ изданіяхъ. Въ одномъ изъ петербургскихъ магазиновъ на Большой Морской намъ случалось видѣть мебель (столы и стулья) съ рисунками съ картинъ Трутовскаго. Въ безчисленномъ множествѣ снимки съ картинъ Трутовскаго воспроизводятся на лукутинскихъ издѣліяхъ: на табачницахъ, портъ-сигарахъ, обложкахъ альбомовъ, подносахъ и проч. Точно также они воспроизводились на серебряныхъ издѣліяхъ фабрикантовъ Овчинникова и Хлѣбникова. Затѣмъ посредствомъ вышиванія ихъ стали снимать на полотенцахъ и т. п. издѣліяхъ. Наконецъ, въ недавнее время появились ситцы съ тѣми же рисунками. Курьёзно то, что эти ситцы и фартуки съ рисунками изъ картинъ Трутовскаго, дойдя въ то село, гдѣ эти картины когда то были написаны, и появившись на одеждѣ женщинъ, замѣнившихъ прежній домашней работы костюмъ издѣліями фабричнаго производства,—дали такимъ образомъ Константину Александровичу возможность увидѣть въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова «*передвижную* выставку» рисунковъ изъ своихъ картинъ.

Эта распространенность снимковъ съ произведеній Трутовскаго, это заимствованіе у него сюжетовъ для всевозможныхъ издѣлій, для которыхъ рисунокъ можетъ имѣть значеніе, показываетъ, что произведеніями Трутовскаго любовались не одни только присяжные любители и цѣнители искусства, что они привлекали къ себѣ массы,

что они удовлетворяли извѣстной потребности и въ свою очередь будили вкусъ, распространяя въ массахъ интересъ и вниманіе къ тѣмъ сюжетамъ, которые любитъ самъ художникъ и которые всѣмъ намъ милы и дороги.

Въ заключеніе еще разъ повторимъ, что сдѣланныя нами указанія на произведенія Трутовскаго далеко не полны: изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, и акварелей мы указали, можетъ быть, не больше половины всего того, что было выставлено Трутовскимъ, а изъ рисунковъ указана только очень незначительная часть. Пусть тѣ, которые могутъ это сдѣлать, дополнятъ сообщенныя нами свѣдѣнія.

Н. Шугуровъ.

По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка.

Въ одномъ изъ номеровъ московской газеты «Русскій Курьеръ» текущаго года какой то украинецъ помѣстилъ неизданное будто бы стихотвореніе Шевченка, перепечатанное затѣмъ и во многихъ другихъ изданіяхъ.

Въ своей замѣткѣ украинецъ, между прочимъ, говоритъ, что стихотвореніе это относится къ началу крымской войны, когда формировались малороссійскіе конно-козачьи полки, и было подарено Шевченкомъ отцу автора замѣтки, служившему въ малороссійскомъ козачьемъ № 2 полку, при чемъ стихотвореніе это написано будто бы собственноручно Шевченкомъ. Приводимъ самое стихотвореніе:

„И драгуны и пихота,
На Дунай идуть;
Буде добра имъ робота—
Такъ щаслывый путь!
И Черныгивъ, и Полтава
Вышлють козакивъ.....
Нехай буде й наша слава
Мижъ царськихъ полкивъ!

То не хмара сонце вкрыла,
То не гримъ гуде;
То козацька наша сыла
Въ Петербургъ иде!
Витеръ буйный повивае,
Диброва шумыть,
То козацтво выступае
Бусурменивъ быть.“

Дѣйствительно, нѣкоторые поэтическіе образы и сравненія, встрѣчаемые въ этомъ стихотвореніи, какъ бы напоминаютъ музу нашего славнаго Кобзаря; тѣмъ не менѣе, несмотря на увѣренія автора приведенной замѣтки, едва ли можно признать это стихотвореніе произведеніемъ Шевченка. Какъ извѣстно, Шевченку очень часто приписывались малорусскія стихотворенія, авторы которыхъ почему либо

оставались неизвѣстны публикѣ. Такъ, напр., ему приписывалось извѣстное стихотвореніе «Борода и Чупрына», принадлежащее въ дѣйствительности перу недавно умершаго К. Думитрашка; затѣмъ, не менѣе извѣстное стихотвореніе «Ще не вмерла Украина», написанное уже по смерти Шевченка при особенныхъ обстоятельствахъ, памятныхъ многимъ кіевлянамъ, также приписывалось Шевченку и даже напечатано было во львовскомъ изданіи «Кобзаря», равно какъ и пьесы Аѳанасьева-Чужбинскаго «Добре твоя кобза грае» и «Полуботко», печатавшіяся еще недавно въ изданіяхъ Шевченка. Точно также и приведенное стихотвореніе, по всей вѣроятности, есть произведеніе другаго поэта, а не Шевченка.

Прежде всего нужно сказать, что оно было уже напечатано еще въ 50-тыхъ годахъ. Объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ статьѣ Н. Б. «Малорусская военно-патріотическая муза», помѣщенной въ издававшейся въ Кіевѣ газетѣ «Заря» за 1885 г., № 185. Автору этой статьи, во время его переѣздовъ по кіевской губ., пришлось познакомиться съ владѣльцемъ с. Березняговъ, черкасскаго уѣз., Станиславомъ Александровичемъ Бернатовичемъ, въ библіотекѣ котораго онъ нашелъ, между прочимъ, два листка съ напечатанными треми малорусскими стихотвореніями: одно изъ нихъ «Выходылы козаченькы» безъ подписи, другое, весьма распространенное, «Кыньмо, братья, батька и неньку» —съ подписью К. К. и, наконецъ, вышеприведенное стихотвореніе «И драгуны и пихота» —съ подписью Ш... Происхожденіе этихъ стихотвореній С. А. Бернатовичъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ. Передъ крымской войной отецъ Бернатовича служилъ полковымъ врачемъ въ одномъ изъ расположенныхъ на Украинѣ полковъ, командиромъ котораго былъ Строгоновъ. При выступленіи полка на театръ военныхъ дѣйствій, Строгоновъ просилъ Бернатовича издать для полка какія либо воспоминанія изъ полковой жизни, и вотъ Бернатовичъ, уступая этой просьбѣ, издалъ въ небольшомъ числѣ, собственно для офицеровъ того полка, приведенныя три стихотворенія вмѣстѣ съ другими какими то произведеніями. Къ сожалѣнію, въ указанной статьѣ Н. Б. нѣтъ свѣдѣній ни о мѣстѣ, ни о времени изданія, но, судя по разсказу Бернатовича, время это можно отнести къ 1853—1855 г. Точно также не находимъ никакихъ свѣдѣній и объ авторахъ этихъ стихотвореній; о послѣднемъ, впрочемъ, Бернатовичъ замѣтилъ, что оно принадлежитъ перу Шевченка, хотя въ этомъ случаѣ другаго основанія, кромѣ подписи Ш.., указать не могъ.

Само собою разумѣется, что подпись Ш... ничего не доказываетъ; стихотвореніе могло быть написано Шишацкимъ-Илличемъ, печатавшимъ въ то время малорусскія стихотворенія въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», или другимъ неизвѣстнымъ малорусскимъ поэтомъ. Такихъ стихотвореній въ патріотическомъ духѣ въ то время было множество. Кромѣ напечатанныхъ, какъ напримѣръ «Бенкетъ для непрошеныхъ гостей» Яцимирскаго, К. 1854 г., ходили по рукамъ въ большомъ числѣ ненапечатанныя, весьма популярныя въ то время малорусскія стихотворенія, по всей вѣроятности, принадлежавшія разнымъ поэтамъ. Такъ, я помню весьма распространенное стихотвореніе: «Гей погонци, братци люби!», авторомъ котораго былъ, кажется, К. Думитрашко.

Къ подобнымъ патріотическимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ малорусскіе поэты воодушевляли своихъ земляковъ на борьбу, принадлежатъ и всѣ три стихотворенія, найденныя Н. Б. въ библіотекѣ С. А. Бернатовича, изъ которыхъ стихотвореніе «Кыньмо, братья, батька и неньку», подписанное К. К., принадлежитъ тому же К. Думитрашко, подписывавшемуся часто псевдонимомъ «К. Копытько». Отецъ Бернатовича, какъ любитель малорусской поэзіи, вѣроятно, собиралъ ходившіе въ то время по рукамъ стихотворенія и затѣмъ, при случаѣ, напечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ. Быть можетъ, одно изъ нихъ, показавшееся ему выдающимся, онъ по ошибкѣ приписалъ Шевченку, извѣстному въ то время во всей Украинѣ. Быть можетъ, стихотвореніе это принадлежитъ и самому А. Бернатовичу, по крайней мѣрѣ въ галицко-малорусскомъ журналѣ «Русалка» за 1866 г. № 2-й находимъ, къ сожалѣнію весьма краткій, некрологъ умершаго въ 1865 г. А. Бернатовича, о которомъ въ некрологѣ говорится, какъ о малорусскомъ поэтѣ, хотя намъ и неизвѣстны его произведенія. Не могутъ ли эти свѣдѣнія дать какую либо нить къ исторіи приведеннаго стихотворенія?

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что стихотвореніе это появилось въ пятидесятыхъ годахъ. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ какъ С. А. Бернатовичъ, такъ и украинецъ, сообщившій стихотвореніе въ «Русскій Курьеръ». Между тѣмъ извѣстно, что въ пятидесятыхъ годахъ Шевченко былъ въ ссылкѣ и въ то время не могъ не только печатать, но и писать свои произведенія, а тѣмъ болѣе дарить ихъ кому бы то ни было на Украинѣ, какъ увѣряетъ авторъ замѣтки. Мнѣ кажется, и въ самомъ стихотвореніи можно найти нѣкоторыя указанія на непринадлежность его Шевченку. Подобное стихотвореніе изъ подъ пера незабвеннаго нашего поэта не-

сомнѣнно вышло бы болѣе содержательнымъ и сильнымъ, чѣмъ приведенное. Затѣмъ Шевченко былъ глубокій знатокъ народной рѣчи и не могъ выразиться «щаслывый путь», такъ какъ въ малорусскомъ языкѣ слово «путь» употребляется постоянно въ женскомъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ было бы весьма интересно, чтобы какъ г. Бернатовичъ, такъ и авторъ замѣтки, помѣщенной въ «Русскомъ Курьерѣ», сообщили болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія объ этомъ стихотвореніи.

М. Комаровъ.

Весенніе хороводы, игры и пѣсни.

Весна производила на воображеніе первобытнаго человѣка цѣлый рядъ такихъ могучихъ вліяній, предъ которыми онъ останавливался, какъ предъ проявленіями божественной силы. Животворные лучи солнца, освѣжающая и обновляющая гроза, воскресеніе и расцвѣтъ растительности, немолчный говоръ и пѣніе птицъ, устраивающихъ гнѣзда для вывода новаго поколѣнія—все это сочеталось въ такой невольно выливающійся и поразительный гимнъ природѣ, который и человѣка привлекъ къ участію въ немъ. Весна, какъ свѣтлый и радостный праздникъ природы, сопровождалась у народа множествомъ обрядовъ, пѣсенъ и игръ въ честь божества, виновника этой благотворной перемѣны въ природѣ. Въ честь весенняго солнца совершается множество хороводовъ, которые своимъ кругообразнымъ движеніемъ имѣютъ цѣлью представить внѣшній видъ свѣтила (ликъ бога). Хороводовъ большое множество, хотя свѣдѣнія о нихъ имѣются не въ достаточномъ количествѣ, да и записывать ихъ стали довольно поздно, когда смыслъ многихъ хороводовъ уже затемненъ, а о нѣкоторыхъ и память совершенно утеряна. Такъ, несомнѣнно, должны были существовать хороводы въ честь бога грома, въ честь бога вѣтровъ, рѣчныхъ божествъ. Даже хороводовъ съ прямымъ смысломъ—въ честь солнца мы не знаемъ; только въ нѣкоторыхъ весеннихъ пѣсняхъ, отдѣлившихся, по всей вѣроятности, отъ хороводовъ, есть указаніе на дѣятельность солнца, напр. «Сонечко гріе—колода пріе, сонечко пече—смола тече» [1]. Другая пѣсня—веснянка прибавляетъ къ этому дѣятельность вѣтра и дождя:

---

[1] Чубинскій. Тр. этн. эксп. Ш, 114, 4 Е.

„Ой не хвалыся, да березонька,
Не ты свою кору да выбилыла,
Не ты сее листе да шырочыла,
Не ты сее гилле да высочыла.
Выбилыло кору да яснее сонце,
Шырочыло листе да буйный витеръ,
Высочыло гилле да дрыбенъ до-
щыкъ“ [1].

Болѣе древнее происхожденіе мы должны признать за пѣснею, въ которой олицетворяется весна:

„Ой весна—красна, що намъ вынесла?
Ой вынесла тепло и доброе литечко...
Малымъ диткамъ—ручечкы быты,
А старымъ дидамъ—раду радыты;
А старымъ бабамъ посединнечко,
А господарамъ—поле ораты,
А молодымъ господынямъ—кросенъця ткаты,
А молодыцямъ и дивонькамъ—та й погуляты...“ [2]).

Весна представляется еще съ слѣдующими аттрибутами: «Вылетила весняночка вчора зъ вечора, укропомъ очы завишала, а петрушкою ротъ запхала, рипою зубы накувала» [3]). Къ олицетвореніямъ весны, или скорѣе аттрибутовъ ея надо отнести и пѣсню:

„Ой нумо, нумо,
Въ зеленого шума.
А въ нашого шума
Зеленая шуба“ [4]).

Большинство хороводовъ, нынѣ извѣстныхъ, совершаются или въ честь птицъ, или въ честь хлѣба (проса, гороха, мака), или же представляютъ выборъ невѣсты.

Хороводы, которые носятъ названіе птицъ, какъ напр., горобейко, перепилочка, голубъ, галка, воронъ, коршунъ, отличаются сравнительно большею ясностью содержанія и ведутъ несомнѣнно свое происхожденіе отъ эпохи зооморфизма, когда всѣ животныя и въ частности птицы пользовались почитаніемъ. Остатокъ этой эпохи сохраняется въ тѣхъ отзвукахъ древняго преданія, которые дали основаніе нынѣшней символикѣ птицъ, когда одна птица является символомъ величія и силы, другая предзнаменуетъ побѣду; однѣ являются символомъ любви и дружбы, другія считаются зловѣщими птицами. Характеръ птицъ проявляется въ хороводахъ; при чемъ весенніе хороводы и веснянки берутъ только тѣхъ птицъ, которыя такъ или иначе знаменуютъ благополучіе семьи или ея несчастье, истребленіе дѣтей (воронъ, коршунъ).

---

[1]) Чубинскій, III, 158, 69.
[2]) Ibid. 109, 1 A.
[3]) Ibid. 113, 4 B.
[4]) Ibid. 50, 6.

Я укажу только нѣкоторые символическіе хороводы и пѣсни, главнымъ образомъ записанные П. Чубинскимъ въ III-мъ томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край (стр. 32—183).

Птицы весной служатъ самымъ нагляднымъ образомъ заботливой семьи, когда она исполняетъ самую священную обязанность—воспитаніе дѣтей, оттого устройство семьи (свили свое гнѣздо), различныя нѣжныя проявленія любящихся парочекъ, супруговъ, сравниваются съ подобными же проявленіями у птицъ.

Птицы весной ищутъ пары, паруются, какъ выражается народъ; ихъ парованье служитъ символомъ, сравненіемъ того, какъ молодые люди сходятся для того, чтобы жить въ парѣ. Въ хороводѣ «галка» есть слѣдующее обращеніе:

„Ой галко, галко,
Золотая клюшныце!
Стань же намъ на помочъ:
Зъ молодымы молодыцямы,
Зъ краснымы дивчатамы“ [1]).

Далѣе объясняется, въ чемъ эта помощь: «галочка литае, парочки шукае» [2]).

Соловей приглашаетъ къ себѣ галочку—любимый символъ совѣщанія молодой парочки:

„Ой тамъ на гори: дыво—не дыво,
Тамъ соловейко гниздо звывъ,
Да всю ниченьку не выспавъ,
Соби галочку прыклыкавъ:
„Ой чы будешъ ты, галочко,
Моимъ диткамъ маткою“?
Ой тамъ на гори: дыво—не дыво,
Ой тамъ Ёвхымко домъ робыть,
Да всю ниченьку не выспавъ,
Соби дивчыну прыклыкавъ:
Ой чы будешъ ты женою,
Моимъ диточкамъ слугою?“ [3])

Этотъ же символъ развиваютъ еще двѣ почти тождественныя пѣсни (стр. 177, 117, варіантъ А и Б). Соловей служитъ символомъ молодца, который развеселяетъ *дивчыну* «Зъ пташыною ничку ночувала;

Защебече соловей въ ночи,
Розвеселыть мои чорни очы“ [4]).

Дѣвушка проситъ милаго устроить коморку въ бору съ окошечкомъ, «Щобъ до мене соловейки прылиталы, щобъ мени хорошенько щебеталы» [5]).

---

[1]) Чубинск. III, 72 А.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibid. 138, 41.
[4]) Ibid. 147, 51.
[5]) Ibid. 146, 50 Г.

Дѣвушка тоскующая сравнивается съ кукушкой, а ея милый съ соловьемъ:

„Ой мылый мій, колыбъ я твій
Голосокъ зачула,
Вылынула бъ проты тебе,
Якъ сыва зозуля.
Нехай тоби зозуленька,
Щобъ рано ковала,
А мени нехай соловейко,
Щобъ я не скучала“ [1]).

Символъ—*зозуленька куе* соотвѣтствуетъ (въ пѣснѣ 143, 48) дивчынонька плаче. Далѣе, народъ себѣ объясняетъ, почему кукушка печально куетъ—плачетъ; этой причиной служитъ семейное ея горе:

„Не куй, зозуленько, темненькои ночы
Повыдыраешъ на лыщынонньку очы;
—„Якъ же жъ мени раненько не куваты
Годовала дитκы, да и кымъ замышляты.
Ой щобъ тому да тры лита хвориты,
Хто побравъ зозульчыни диты“ [2]).

Кукушка служитъ еще въ народѣ символомъ вѣщей птицы, которая своимъ кукованьемъ отвѣчаетъ на заданные вопросы: сколько человѣку остается лѣтъ жизни, скоро ли дѣвушка замужъ выйдетъ.

Вылетъ *жаворонка*, слишкомъ ранній, противъ воли, знаменуетъ, какъ кажется по пѣснѣ, слишкомъ раннюю свадьбу.

„Чомъ ты, жавороньку,
Рано зъ вирья вылитавъ?
Ище по гороньках снижeнькы лежалы,
Ой ще по долынахъ крыженькы стоялы“
—Ой колы пора прыйшла,
Неволенька выйшла.
Ой я тыи крыженькы
Крыльцямы розжену;
Ой я тыи сниженькы
Нижкамы потопчу;
Загорожу ричку
Тай на постовнычку,
Щобъ не вылиталы
Пташата—чирята,
Сыви голубъята;
Щобъ не выносылы
Молодецкои красы...
Дивоцкои косы“ [3]).

Въ этой пѣснѣ такой поэтическій мотивъ: *жаворонокъ крыльями ледъ разгонитъ, ножками снѣгъ потопчетъ*, означаетъ, что зима проходитъ съ прилетомъ жаворонковъ. Точно такое же объсненіе имѣетъ и другой поэтическій мотивъ: «зозуленька куе, бо литечко чуе. Соловей щебече—садкы развывае» [4]).

Символъ *воробей прилетаетъ*—значитъ, милый приходитъ. Это отчасти видно изъ слѣдующей пѣсни:

„Кышъ, кышъ, горобей,
Не йды до конопель,
Мои конопелькы
Да ще зелененькы.
„Мамо, дай хлиба“.
—А той де дила?

---

[1]) Чубинскій, III, 168, 96.
[2]) Ibid. 157, 67.
[3]) Ibid. 110.
[4]) Ibid. 143, 48.

„Съ козакомъ ззила".
—А робыть?
„Голова болыть!
—А замижъ?
„Хочъ заразъ!" [1])

Жена воробья представляетъ собою заботливую хозяйку:

„А въ горобейка
Жуйнка маленька;
Седыть на колочку,
Пряде на сорочку,
Що выведе нытку
Горобъю на свытку.
Остануться концы—
Горобъю на штанци,
Остануться торочкы—
Горобъю на сорочкы" [2]).

Воробей живетъ въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ людьми,—*мірской захребетникъ*, какъ назвалъ его проф. Богдановъ; онъ знаетъ отлично жизнь народа, и потому на вопросъ: кому воля, кому нѣтъ воли? такъ рисуетъ дѣвичью и женскую долю:

„Дывочкамъ уся воленька—
За виночекъ тай у таночекъ
За стричечку тай на вулычку.
А жиноньвамъ та неволынька,
Коло бока та стороженька.
Борщъ каже: „помишай мене",
Каша каже: „пидіймай мене",
Мылый каже: „поцилуй мене",
Дытя каже: „нагодуй мене",
Мылый каже: „роззувай мене",
Дытя каже: „забавляй мене" [3]).

Голубь воркуетъ—предвѣщаетъ женитьбу:

„Й а на дуби, на дубочку
Сывый голубъ гуде.
Щось на тебе, козаченьку,
За прыгоденька буде" [4]).

Изъ дальнѣйшаго изложенія пѣсни видно, что козаку предстоитъ взять замужъ вдовину дочку.—Голубь сывенькій—эпитетъ украшающій въ малорусскихъ пѣсняхъ (п. стр. 36, III А.).

Перепелка—символъ женщины: „А въ перепилкы молодый мужычокъ, молодый якъ иде, черевычкы несе" [5]). „Піймай соби жинку, якъ перепилку" [6]).

Селезень и утка изображаютъ молодую пару:

„А селезень летыть и утыцю клычыть.
А его утинка да прохалася:
„Ой пусты мене, мій селезню,
Межъ тіи утята покупатыся,
И зъ утятамы повыдатыся".
—Не тутъ я тебе взявъ,
И не тутъ пущу;
Узявъ я тебе на сынёму мори,
Пущу тебе на чыстому поли" [7]).

---

[1]) Чубинскій, III, 59, VI.
[2]) Ibid. 56, 8.
[3]) Ibid. 58, III, А. Б.
[4]) Ibid. 135, 34.
[5]) Ibid. 65.
[6]) Ibid. 96, 38.
[7]) Ibid. 122, 12.

Слѣдующая небольшая пѣсня изображаетъ только семейственныя наклонности утки, предполагая ихъ настолько ясными, что дальнѣйшаго примѣненія къ жизни человѣка не приводится. Пѣсня, говоря, что

„Утка иде, утынята веде
На напасочку, на порясочку,
На холодну водыцю,
На зелену травыцю [1]),

полагаетъ, что это образъ хоровода, или матери, которая ведетъ своихъ дѣтокъ.

Лебедь есть символъ дѣвушки, тоскующей по миломъ:

„Ой выйду я за ворота,
Гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедочка
По тыхимъ Дунаю" [2]) (Сравн. п. 137, 37).

Сходство лебедя съ дѣвушкой прямо указывается въ слѣдующихъ словахъ пѣсни: „Лебедына, лебедына да на дивчыну походыла" [3]).

Соколъ—ласточка символъ жениха и невѣсты:

Ой на ставку на ставку,
Поймавъ соколъ ластовку" [4]).

Пташечки, которыя садятся на калинѣ—символъ молодцовъ которые любятъ *дивчыну*:

„Коло млына, млына,
Зацвила калына,
Калына, калына!
А по той калыни
Пташечкы ходылы,
Ходылы, ходылы!
А тамъ молодци
Дивчыну любылы,
Любылы, любылы! (Чубинск. III, 139, 43).

Такимъ образомъ, жизнь птицъ весною, когда проявляются лучшія ихъ свойства въ заботѣ о птенцахъ, въ чарующемъ пѣніи, служила для человѣка какъ бы призывомъ начать подобную же жизнь; и дикарь могъ поучиться гуманитарному чувству у соловья, ласточки, перепелки, утки и вообще у пташечекъ. Оттого символика, заимствованная изъ жизни птицъ, такъ любима народомъ и всегда отличается такой нѣжностью и поэтичностью.

Хр. Ящуржинскій.

Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ.

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1886 года (стр. 570—573) помѣщена замѣтка М. Васильева: «Двѣ народныя пѣсни о пан-

---

[1]) Чубинскій, III, 180, 124.
[2]) Ibid. 166, 93.
[3]) Ibid. 181, 129.
[4]) Ibid. 85, 24.

щинѣ и повстаньѣ». Отрицательно рѣшая въ ней вопросъ о вымираніи народнаго творчества, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Имѣющійся въ нашихъ рукахъ пѣсенный матеріалъ.... даетъ намъ основаніе думать, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины явилась въ нашемъ народѣ самостоятельно и непосредственно подъ вліяніемъ происшедшей перемѣны. Приводимъ на этотъ разъ двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна смѣшаннаго содержанія и говоритъ сначала о польскомъ возстаніи, а потомъ объ освобожденіи крестьянъ. Обѣ онѣ волынскія, что видно отчасти и по языку. Онѣ не обшлифовались еще въ народномъ обращеніи, не имѣютъ ни гладкости старыхъ народныхъ пѣсенъ, ни яркости ихъ красокъ, но и отнюдь не являются продуктомъ досужаго сочинительства». Затѣмъ приводятся самыя пѣсни: I. «Несчастніи часы зійшли Якъ зъ неволи хлопи выйшли».... и II. «Тамъ въ Цвитосци межъ лисами»....

Жаль, что авторъ замѣтки не сообщаетъ ни мѣста и времени записи, ни лица (имя и фамилія, лѣта, званіе, занятія, грамотенъ или нѣтъ и т. п.), отъ котораго записаны приводимыя имъ пѣсни. Это способствовало бы уясненію вопроса о путяхъ, какими проникаютъ въ народъ искусственныя стихотворенія. Искусственныя.... такъ какъ приводимыя авторомъ затѣтки двѣ «народныя» пѣсни представляютъ въ сущности неудачную спайку кусковъ виршей Палія Мостыголовы (продукта досужаго сочинительства), спайку почти нетронутую творчествомъ народа.

Приводя ниже подлинныя вирши П. Мостыголовы, послужившія прототипомъ «народныхъ» пѣсенъ считаю не лишнимъ предпослать имъ нѣсколько замѣчаній.

Виршей П. Мостыголовы находится у меня подъ руками двѣ тетради и $^1/_4$ листа.

Первая тетрадь (изъ шести листиковъ почтовой бумаги)—недавно снятая, писанная латиницей, съ массой очевидныхъ описокъ (благодаря незнакомству снимавшаго копію съ польскимъ правописаніемъ) копія съ рукописи, принадлежавшей поляку—панку. Въ ней—вирши:

1) «До Редактора» (слѣдовательно, стихи предназначались къ печати), съ подписью внизу: «Палій Мостыголова»;

2) «Виршы» («Схаменитесь вы паны»);

3) «Розмова» («Розгулялысь вражи ляшкы»...);

4) «Польскый бунтъ 1863 року» («Нещасны часы пройшлы»...);

5) «Панъ Ружыски» («Вражи ляхи взбунтовалысь»....);

6) «Панъ Цихоньски («Загремила писня «Boże polski»...);

7) «Паньске щасце» («Отакъ паны опарылысь»...).

Вторая тетрадь (листъ писчей бумаги, сложенный въ 4-ку):

1) Дума Палія Мастыголовы («Ахъ Волынь, ты наша маты!...»). Заканчивается словами:

Попе, попе, ты нашъ батьку,
Любы жъ ты насъ до остатку....
Учы дитокъ, учы, друже,
Бо кто жъ схоче?.... байдуже!..."

На полѣ противъ думы, инымъ почеркомъ—замѣтка: «Этой думы прошу никому не читать; она, изволите видѣть, чѣмъ то пахнетъ...»

2) «Розмова» («Розыгралысь вражи ляшкы»...);

3) Казка («Въ сели—що не знаю»...);

На 1/4 листа;

«Вирши» («Послухайте, вы, паны!»...).

Что касается приведенныхъ М. Васильевымъ «народныхъ» пѣсенъ, то онѣ равняются:

I. «Несчастніи часы зійшли»... Строки 1—10=1—4+7—12 «Польскаго бунта»; строки 11—20=55—64 «Виршей»; строки 21—26 передѣлка 41—44 «Виршей»; строки 27—28—передѣлка 47—48 «Виршей»; строки 29—44=17—24+29—36 «Виршей»; строки 45—46—прибавка.

II. «Тамъ въ Цвитосци межъ лисами...» Строки 1—10 передѣлка 25—34 «Пана Цихоньского»; строки 11—14 прибавка; строки 15—20 передѣлка 43—48 «П. Цихоньского»; строки 21—24 передѣлка 41—42 «П. Цихоньского»; строки 25—26 прибавка; строки 27—34=61—68 «П. Цихонскаго (съ характернымъ измѣненіемъ послѣдняго стиха); строки 35—38=33—36 «Польскаго бунта»; строки 39—49=5—16 «Виршей».

Текстъ виршей П. Мостыголовы приводится по тетради первой безъ измѣненій, если не считать исправленія очевидныхъ описокъ, разстановки знаковъ препинанія и замѣны латиницы гражданкой. Въ примѣчаніяхъ указаны разночтенія по 1/4 листа.

Ювеналій Тиховскій.

1. Виршы.

Схаменитесь [1]) вы, паны!
Поскыдайте жупаны,
Повдягайте сиракы,
Бо не ваши мужыкы.

Александеръ теперъ панъ; [2])
Винъ то дило розыбравъ, [3])
Що Иванъ да Степанъ
Съ теи жъ глыны, що и панъ. [4])

---

[1]) Послухайте.
[2]) Ставъ.
[3]) Розпизнавъ.
[4]) Що въ Ивана и Степана Така душа якъ и въ Пана.

Винъ то дило роспизнавъ
Дай свободу людямъ давъ.
Нехай кожденъ теперъ [1]) знае,
Що винъ батька-цара [2]) мае,
Нехай кожденъ теперъ [3]) знае
И нехай же [4]) вспомынае
Чы то вдома, чы на поли,
Чы то въ праци, чы на воли...
Не знае, вже [5]) тои доли.
Що бувало—борщъ безъ соли...
Хапай исты дай ще швыдко,
Покы соньця ще не выдко,—
Бо якъ сонце зыйшло зрана,
То вже чуты атамана;
Вже жъ [6]) тоби не до ижы,
Бо нагайка тило риже [7]).
Зыйшло соньце вже й подвылось...
Що ся діе, то й не снылось.
Пойдитъ люде тай зобачте
Таки слёзы, тай заплачте...
Панъ економъ съ агребутомъ—
Съ тонкимъ, вдвое гнучимъ кнутомъ
Поре въ шатиръ, вередуе,
Ажъ кровъ свыще—такъ катуе.
Сиче сына, мліе маты:
Лыбонь треба поховаты...
Крыкъ, плачъ и слёзы льюцця,
Вси бояцця, вси трасуцця.
Одверните, люде, очы,
Колы вамъ не стало мочы;
На се лыхо не дывитесь,
Щобъ посля не печалытысь. [8])
Прыйдешъ зъ лану [9])—ничъ лунная,
Лежать диты видъ хлыпаня: [10])
Бидны матеръ [11]) выглядалы
Дай голодны полягалы.
А не важся що забраты,
Перевезты що до хаты, [12])
Бо задасьць панъ таку бійку,
Що полыжешъ на затылку.
Не той зовсимъ наставъ [13]) часъ,
Теперъ давъ Богъ и для насъ:
Заплаты [14]) та не бійся,
Тилько гриха стережыся.
Ще не тее було зъ намы,
Якъ булы мы подъ панамы.
Чыя жынка була брава,
Мужъ до неи не мавъ права.
Все у пана плате мые,
Або пидчасъ муку сіе,
Хлибъ пече, то мые хату..
Правда добру бере плату...
Прыйде жынка въ дымъ одъ пана
Ходыть, чмыше, бо вже пяна...
Мужъ сварыты не посміе,
Бо вже знае, що ся діе.
Не такій же совсимъ часъ
Теперъ давъ Богъ и для насъ!
Жинку мылу прыголубышъ
Дай и гора зъ ней забудешъ.

2. Польскый бунтъ въ 1863 року.

Нещасны часы пройшлы,
Якъ въ неволи хлопы булы...
Паны былы, забывалы,
До сорочкы обдыралы;
Що хотилы зъ хлоповъ бралы,
А хто не давъ—шкуру дралы;
Хоть бы мужыкъ наветъ згынувъ,
Мусывъ даты десятыну...
Мало того десятыну:
Давъ и жинку, и дытыну,
Бо то воля ляха—пана
Душу взяты изъ Ивана.

---

[1]) Теперъ кождый.
[2]) Царя-батька.
[3]) Тее кождый.
[4]) И все соби.
[5]) Не машъ теперъ.
[6]) Тогди.
[7]) Зриже.
[8]) Стиховъ 25—40 нѣтъ.
) Поля.
[10]) Видхлыпая.
[11]) Бо матеры.
[12]) А не важся було иты Соби сжаты, або звезты.
[13]) Не такій же зовсимъ.
[14]) Отбувъ свое.

Зналы паны добро зъисты
Да въ костелахъ въ лавкахъ систы:
На лавочкахъ посядають,
Съ панночкамы розмовляють.
Грошей оны много малы—
По Парижу разъижчжалы,
Зъ золотымы пидкивкамы
Пидъ киньскымы копытками.
Нашу виру зневажалы—
Церквы жыдамъ отдавалы,
Православныхъ дуже гналы,
Зъ собакамы ихъ ровнялы.
Приказалы осевули—
Гоны хлопа швыдче кули,
Гоны хлопа на панщыну:
Якъ не хоче, личы въ спину.
Økономы зъ нагайкамы
Тялы хлопа канчукамы,
Сиклы добре и ризкамы,
Ще жъ лякалы рекрутамы.
Царъ нашъ русскій змыловався
За те дуже добре взявся,
Щобъ мужыкамъ волю даты
Да зъ рукъ паньскыхъ одобраты.
Паны тымъ ся зажурылы
Чорны трауръ вси надилы
Въ Жытомыри хресты ставлять,
. . . .
Хлопскы свыты надягають—
(Воны тымъ ся не встыдають—)
„Braciu równość, niepodlehłość—
Za to będzie nam chwalebność“
Чорны ходять мовъ ты галкы
Паны, пани и подпанки.
Да зъ велыкымъ лядьскымъ жаромъ
Крычать письню „Dym pożarom“.
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костелахъ Бога молять:
„Верни вольносьць намъ, ойчызну,
Верны хлопивъ и панщызну.“
Нема ляха вже жывого—
Нема ёму быты кого;
Ходыть ляшокъ и вздыхае.
Чорну думу винъ думае.
„Не журымся, паны—браты,
Пійдемъ русскихъ воёваты;
Треба Польшу одобраты,
Назадъ хлоповъ соби взяты“...
„Чы въ костели, чы въ палацу,
Чы на воли, чы на плацу (?)
О! на те треба много часу,
Ходимъ хутше ажъ до лясу;“
„Звиты будемъ воёваты;
Да москаливъ розбываты;
А въ чимъ полякъ самъ не сможе,
То намъ французъ въ тымъ поможе.“

3. Панъ Цихоньски.

Загремила писня „Boże polski“,
Появывся панъ Цихоньски.
Пидъ Заславомъ мыжъ лисамы
Зобравъ ляхивъ винъ стадамы.
Не бувъ сей панъ въ Миропили,
На кровавомъ тамъ весили,
Де гулялы такъ на дыво,
Де кроваве пылы пыво,
Де блыскало и гремило...
Ясне сонце потемнило...
Тамъ глумылысь надъ панамы
Штыкъ, нагайка дай ще хамы.
Отъ, якъ бачте, не знавъ того
Панъ Цихоньски—щасьця свого,
Добро свое покидае.
Щасця въ лиси винъ шукае.
„Нима хлоповъ и панщызны
Треба шукаць намъ ойчызны“,
Котра въ лиси заблукалась,
Своихъ сыновъ видцуралась.
Бидна Польска въ лисъ забралась;
Забравшысь, тамъ скончалась.
Идуть паны въ лисъ шукаты,
Мертву Польску воскрешаты.
Тамъ въ Цвитоси мыжъ лисамы,
Мыжъ топкимы болотамы
Паны стуйки закладалы,
Пыть гербату посидалы:
Илы, пылы да гулялы,
Зъ килишкамы воёвалы;
Хтилы соби засипаты,
А тутъ пикетъ дае знаты:

„Гей, панове,
Въ руки брони дай хутенько,
Бо Москали вже блызенько:
Карабины набывають,
Штыки свои оглядають".
Сполошылысь ляхи дуже,
Крычать зъ ляку: „що се буде?
Еденъ каже: „нема рады",
Другій крычыть: „рейтерады".
„Daway broni, daway pałasz"...
И пиднявся крикъ и галасъ
Зовсимъ ляхи оцяныли
И зо страху одурилы,
И не знае еденъ, другій,
Що робыты въ цій одури:
Чы фузію набываты,
Чы гербату допываты.
Бють московськи барабаны...
„Bardzo zymno", крычать паны...
Москаль писни запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае;
Безъ докладу наступають,
Зъ карабиновъ посылають
Кули ляхамъ на снидання...
Не йдитъ, паны, до повстаня...
Штыки пидъ грудь пидставляють,
Въ лобъ прыкладомъ убывають.
Нема ляхамъ щасця—доли
А не въ лиси, а не въ поли.
Ксёнзъ инфулу надягае,
Вгору руки пиднымае
Благословыть ляхивъ—пановъ,
Щобъ побылы всихъ Москалёвъ.
Москаль на те зъ рушжя двынувъ...
Ксёндзъ на землю... а не дригнувъ.
Нима ксёндза и казаня...
Не йды, ксёндзе, до повстаня..
Панъ Цихоньски утикае...
Его куля доганяе;
На голову ёму сила
Дай на землю псвалыла.
Въ коньци лиса мыжъ травою
Зъ розбытою головою
Спыть Цихоньски и чекае:
Польшу зъ лиса выглядае.

Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ.

Въ 85-мъ № «Сѣверной Пчелы» за 1828-й годъ помѣщены слѣдующія афиши *черниговскаго* театра. Въ одной изъ нихъ объявляется, что «сего 1828-го года апрѣля 15-го числа, то есть Въ воскресеніе Будетъ имѣть честь представить Трагедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ компанія Актеровъ подъ дирекціею г-на Клокоцкаго, сочиненной съ священной исторіи перваго убійства на свѣтѣ чрезъ Албетрандого съ громомъ и мольною въ костюмахъ первыхъ родителей нашихъ подъ названіемъ: *Изгнаніе Адама и Евы* изъ рая *или смерть Авеля, первое убійство по сотвореніи міра*». За исчисленіемъ дѣйствующихъ лицъ, помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «сія безсмертная трагедія будетъ представлена въ цѣлой акуратности какъ только исторія библіи требуетъ, въ новой Гардеробѣ нарочно для сей пьесы съ дѣланной изображаемой костюмъ первыхъ родителей нашихъ и съ приличною до сей трагедіи декораціею.—Въ 2-мъ дѣйствіи окажется Каинъ приодетъ кожою тигра. Выставлены будутъ пристолы, на которыхъ Каинъ и Авель кладутъ жертву целосожженія, изъ которыхъ Богъ

принимаетъ жертву Авеля, спуская огонь съ неба зажигаетъ оную. Въ 3-мъ дѣйствіи сонъ Каина, изображающій ему вѣчную крѣпость на цѣлой родъ его. Ужасной видъ въ свирепости Каина когда убиваетъ палкою Авеля брата своего. Все ето акуратно на сцѣнѣ представлено будетъ, сколь только мѣсто театра здѣшняго позволитъ». Въ другой афишѣ извѣщаютъ: «что 15-го (18-го ?) апрѣля 1828 г., то есть въ среду, въ пользу Адама Чеховича (Актера) компанія будетъ имѣть честь представить новою ещо здесь никогда неигранною очень увеселительною комедію на русскомъ діалектѣ, сочиненна г. Котзебуе подъ названіемъ: *Маркизо де Тулипано, выписанный женихъ изъ деревни или ещо не женился, а ужъ збѣсился*, которую предупредитъ Комедія тоже увесилительная въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: «*Галарея сумашедшихъ или стихотворецъ стихолата тратата*». Дальше помѣщено слѣдующее краснорѣчивое воззваніе бенефиціанта къ публикѣ: «Все Почтеннѣйшая публика! всемъ моемъ Бенефисѣ притѣкаю подъ покровъ благомислящихъ вашихъ сердецъ и все милостивѣйшему Вашему воззренію—Не таланти мои еще менѣе Заслугы, но сыла рвения, но вѣра въ Вѣликодушіи покровитѣлей театра одушевляетъ мѣня на сіе представленіе и на отрадную надѣжду, что вѣликодушые неумѣетъ отвѣргать покорнѣйшаго Возванія и что я буду удостоенъ благосклоннымъ Вашимъ По сѣщеніемъ».

И. Ж.

Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о „семилтѣнихъ богатыряхъ“ [1]).

Встрѣченный въ степи при стадѣ пастушокъ лѣтъ 12-ти, между прочимъ, разсказываетъ:

Тамъ у насъ въ Хелебцахъ по дорогѣ въ Енковцы (лубенск. у., надъ р. Удаемъ) есть поле, усѣянное разными черепками. Говорятъ, жили когда то поляки. Недалеко отъ этого поля въ яру есть два лёха. Одинъ еще хорошо замѣтенъ, его раскапывали много разъ: поляки шелеввою пообставляли, чтобъ не завалился. Въ томъ же яру была и крыница, родникъ, говорятъ, былъ сильный; но теперь ея совсѣмъ не замѣтно, только старые люди показываютъ то мѣсто, гдѣ была: поляковъ какъ выгоняли отсюда, такъ они забили родникъ

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1889 г. мартъ.

вовною. А еслибъ *семилѣтній мальчикъ* да на *семилѣтцемъ конѣ* подъѣхалъ къ этому мѣсту, да ударилъ копьемъ, то родникъ опять открылся бы съ прежней силой: все кругомъ могъ бы залить водою.

Ѳ. Каминскій.

Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи.

По поводу исполнившагося въ минувшемг февралѣ столѣтія существованія новгородсѣверской гимназіи, которое бывшими воспитанниками ея было отпраздновано въ Петербургѣ 11 февраля, считаю не лишнимъ разсказать, какъ я помню, объ освященіи теперешняго зданія этой гимназіи, при которомъ я присутствовалъ. Я поступилъ въ гимназію въ 1844 году. Она помѣщалась тогда въ деревянномъ зданіи, которое послѣ было перестроено въ такъ называемыя общія квартиры для учениковъ, а еще позднѣе—въ квартиры для директора и инспектора. Это деревянное зданіе существуетъ и до сихъ поръ, но теперь оно обращено фасадомъ къ ярмарочной площади, а прежде стояло параллельно каменному зданію и фасадомъ было обращено къ Губернской улицѣ. Освященіе новаго каменнаго зданія гимназіи было совершено въ августѣ, въ первое воскресенье послѣ Преображенія. Въ этотъ день было соборное богослуженіе въ монастырѣ. Обѣдню служилъ архимандритъ Геннадій въ сослуженіи съ священниками Васильковскимъ, Левицкимъ и Демьяновичемъ. Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ изъ монастыря въ гимназію. День былъ солнечный, теплый, но пыльный. По прибытіи крестнаго хода въ гимназію, въ верхнемъ актовомъ залѣ ея было совершено тѣмъ же духовенствомъ водоосвященіе, въ присутствіи бывшаго директора гимназіи Ильи Ѳедоровича Тимковскаго и управлявшаго въ то время гимназіей директора Андрея Тимофеевича Боторовскаго. Послѣ водоосвященія учениковъ водили по классамъ, при чемъ протоіерей законоучитель Янчевскій съ соборнымъ діакономъ Корзюковымъ окропляли классы св. водой; а затѣмъ учениковъ отпустили по домамъ. Вотъ чему я былъ свидѣтелемъ [1]).

И. Карпинскій.

---

[1]) Многоуважаемый профессоръ, авторъ этой замѣтки, не вспомнилъ объ одномъ фактѣ, касающемся разсказываемаго имъ событія: именно—объ рѣчи, которую по поводу освященія новаго зданія гимназіи говорилъ бывшій учитель, а потомъ

Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣи.

Въ одной изъ статей, озаглавленныхъ общимъ названіемъ «Культурныя переживанія», г. Сумцовъ касается вопроса о распространеніи «повѣрья о цѣлебномъ значеніи змѣи» [1]) въ связи съ фактами этого рода въ украинской народной словесности. Привожу въ дополненіе разсказъ, записанный И. И. Пономаревымъ въ александрійскомъ уѣздѣ херсонск. губ. Человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ способность слышать говоръ растеній, узнавать цѣлебное значеніе ихъ—таковъ основный мотивъ разсказа; онъ оригиналенъ сравнительно съ тѣми, которые приводятся у г. Сумцева.

Бувъ соби панъ и въ ёго бувъ кучеръ. Отъ разъ той панъ поихавъ зъ кучерёмъ у лисъ и пиймавъ тамъ гадюку. Прывизъ ту гадюку до дому и почавъ іи варыть. Отъ винъ іи варывъ, варывъ, а потимъ ту воду, въ которій варывъ, и вылывъ на траву—трава такъ и занялась полумьямъ. Почавъ варыть знову; знову вылывъ ту воду на траву—трава упять горыть. Варе винъ ту гадюку въ трете; вылывъ воду—трава не горыть. Отъ тоди той панъ взявъ ту гадюку и почавъ исты, ивъ, ивъ, усе поивъ, тилько кисточкы позоставалысь. А кучерь и бачывъ те все, шо робывъ панъ. «Ну, думае, колы вже панъ ивъ гадюку та не пропавъ, посмокчу я хочъ кисточкы—вже воно для чогось винъ іи ивъ». Посмоктавъ отто кучерь ти кисточкы и байдуже. Колы отто скоро панъ упьять иде зъ кучерёмъ у лисъ. Колы це слухае той кучерь—ажъ Боже мій! Вся трава, чуе, говоре: та каже: «я отъ того», а та: «а я отъ того»; «я отъ такои болисты», а друга: «а я отъ такои». Колы такъ зъ боку стоить буркунъ (Melilbotus vulgaris) и каже: «а я отъ gылы, я отъ gылы» (Hernia scrotum). Кучерь якъ почувъ, той засміявся, а панъ и побачывъ. «Чого ты, Иванъ, сміёсся?» пытае панъ. «Та такъ соби» каже той кучерь.— «Э, ни, должно буть ты шось знаешь» каже. «Ни, ій Богу, такъ соби». «Ану, плюнь, каже панъ, на ливу сторону». Кучерь якъ плюнувъ, такъ и переставъ чуть те, шо травы говорють.

(Зап. отъ Вас. Мняшкуры).

М. К. Васильевъ.

инспекторъ новгородсѣверской гимназіи Осипъ Акимовичъ Самчевскій (умершій ровно за недѣлю до 11 февраля 1889 г.). Рѣчь эта сохраняется въ бумагахъ М. К. Чалаго. Въ какой моментъ она была произнесена—мы не знаемъ, вѣроятно—послѣ водоосвященія.—*Н. Ш.*

[1]) „Кіевск. Стар." 3 кн. 665 стр. 1889 г.

Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ.

Медленно, подъ все большимъ и большимъ напоромъ новыхъ условій, исчезаютъ архаическіе бытовые остатки въ жизни народной. Для изученія исторіи культуры важны эти свидѣтельства о попыткахъ мысли человѣческой уразумѣть окружающее и извѣстнымъ образомъ приспособиться къ нему. Приводимые ниже факты относятся къ похороннымъ обрядамъ и повѣрьямъ малорусскаго народа; подъ давленіемъ духовенства и эти слѣды «язычества» исчезаютъ; въ виду этого, не претендуя на систему и полноту, я передаю ниже то, что удалось мнѣ записать въ 1888 году въ селѣ Лебединѣ чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи. Человѣкъ одаренъ душею—въ этомъ его отличіе отъ животныхъ, у которыхъ вмѣсто души «пара», напр., выраженіе «умирать» приложимо только къ имѣющимъ душу; животные не «умираютъ», а «здыхаютъ». Ненормальныя общественно-историческія условія была причиною тому, что украинецъ—крестьянинъ и мѣщанинъ лишили въ своемъ представленіи этого главнаго признака свойственнаго человѣку—еврея: «жыдъ не вмирае, а здыхае, бо въ ёго не душа, а пара; у жида и собакы не душа, а пара!».

Приближеніе смерти можно предчувствовать: такъ, отецъ разсказчицы передъ смертью заявилъ: «вары, дочко, узваръ, печы тисто, купуй хустокъ, бо я умру». Смерть близкихъ можно предугадать во снѣ или при посредствѣ сверхъестественныхъ явленіи обыкновенно въ образѣ умирающаго.

Во время агоніи умирающему кладутъ «пидъ плече, ани пидъ потылыцю зилля свячене»—«тою» или «марену», или же читаютъ «на сходъ душы», бываетъ такъ, что случится кризисъ—«недуга пересядетця»; при подкладываніи говорятъ: «есть у мене тоя, теперъ я не твоя!».

Представленія о душѣ сбивчивыя. По смерти она оставляетъ тѣло; одинъ отецъ видѣлъ, какъ «посунулась до покутя» душа умершей дочери. Душа можетъ временно оставлять тѣло: въ такомъ случаѣ человѣкъ «замираетъ»; есть повѣрье, что если замиравшій разскажетъ о томъ, что онъ видѣлъ замираючи—онъ умретъ (приводится примѣръ человѣка, который замиралъ двадцать лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ живъ).

«Нема правды» въ томъ, что если предъ чьимъ нибудь домомъ остановится похоронная процессія, то въ домѣ кто нибудь умретъ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ «мертвецъ», ставятъ какую нибудь посудину съ водою—«щобъ душечка пыталася»; иногда ставятъ другую

посуду съ медомъ; на третій день медъ разводятъ водой, поливаютъ растворомъ куски наломаннаго хлѣба и угощаютъ присутствующихъ—такимъ образомъ происходитъ поминовеніе умершаго.

Въ гробъ теперь ничего не кладутъ; впрочемъ, «е таки! онъ хто нюхае табачокъ—то скаже бува, щобъ поклали табакерку, чабату», добавила сообщавшая.

Упоминаютъ о томъ, что и «горилочку» ставили иногда въ гробъ; были случаи, что «гробокопатели» находили эту «горилочку» и безъ долгихъ церемоній выпивали—«та така добра, мовъ огонь»!

Въ Лебединѣ въ недалекомъ прошломъ, сейчасъ по выносѣ покойника, запирали двери на крючокъ, хату обсыпали житомъ; по выносѣ тѣла за ворота, послѣдніе перевязывались краснымъ поясомъ—«щобъ хазяйство не утикло».

По сообщенію Ю. Олтаржевскаго, въ уманскомъ уѣздѣ, когда выносятъ «домовыну» изъ хаты, то бьютъ ею о порогъ однимъ и другимъ концами, а порогъ потомъ «стесують»; дѣлается такъ для того, чтобы смерть «не верталася въ хату».

Подъ Ромнами «труну»—не проносятъ черезъ ворота, а передаютъ черезъ «тынъ»; значеніе этого неизвѣстно.

Въ Лебединѣ же сохранилось повѣрье о томъ, что когда несутъ «мертвяка», то нельзя высматривать въ окно «бо якъ визьмеся тоди за що небудь у себе, то и заразъ и почне, и почне росты ґуля, кистка».

Нельзя, «негодыться« обгонять похоронную процессію.

Тѣло мертвеца имѣетъ исцѣляющее вліяніе на «мертве тило»—тканевое омертвеніе, «ґули» и т. п.

Если отъ покойника «духъ важкый», то по приходѣ съ кладбища сбрасываютъ одежду во дворѣ; но во всякомъ случаѣ нужно, войдя въ хату, «лапнуть за коминъ або грубу».

Въ обрядъ погребенія «дивчыны» входятъ элементы свадебнаго ритуала. Обстановка погребенія такова: «якъ умре дивка, то на неи надивають спидныцю, хвартухъ, намысто, перстень, сережки, а на рукы рушныкъ вышытый, отъ якъ у молодои; дали росчисують косы и надивають на лобъ стричкы; квитчають квиткамы голову и винокъ прышывають съ правого боку, а ногы обмотують трянкамы, ридко у кого ведуться башмакы, хыба хто заможній; та ще роблять гильце изъ сосны и обквитчують его квитками изъ калыны, барвинку, жыта, проса и ячменя, и становлять на столи. Якъ уже іи ховають у долъ—значить у яму--то кыдають туды и гильце. Рушныкъ прывязують

до хреста, а корогы перевязують хусткамы; домовыну несуть четверо дивчатъ, а дви крышку; имъ перевязують рукы стричкамы тилькы красными. А батько и маты такъ плачуть: «дочко моя, голубко моя, хазяйка моя! ты жъ у мене у двори хазяйка була! хто жъ теперъ у мене буде хазяиновать? видкиль же я тебе буду выглядать? чыжъ з-за горы, чыжъ з-за долыны, чыжъ з-за высокой могылы туды сонце не загріе и витеръ не завіе; зозуленькы будуть куваты, соловейкы щебетаты, а я своеи дочкы буду выглядаты. Дочко моя, голубочку! чого жъ ты забажала такой смутной хаты и невеселой»?

На мой вопросъ—какая участь ожидаетъ дѣвушку на томъ свѣтѣ сообщавшая замѣтила: «и Господи, якъ ій тамъ хороше буде; Господь небесный ій золотый виночокъ на голову возложе и весилля вона не мыне, вона соби тамъ выбере».

«Водыться» дѣвушкѣ класть въ руку двадцать копѣекъ, «щобъ легче ій було пройти кризь перши мытарни ворота».

Зап. отъ Хиври Юхыменковой и Ганны Жыдопеки въ іюлѣ 1888 г.).

М. К. Васильевъ.

Панская находчивость.

Земельные споры были всегда въ большомъ ходу въ Малороссіи: если крупному пану не удавалось отнять или захватить себѣ въ собственность земли своихъ сосѣдей, онъ придирался къ нимъ,—подавалъ въ судъ позовъ, доказывая, что тѣ захватили его дѣдовщину, и требовалъ выѣзда суда на мѣсто, для изслѣдованія его правъ собственности на эту землю посредствомъ присяжнаго разслѣдованія,—свидѣтели, конечно, подставлялись имъ заранѣе. Такимъ образомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Черниговщины Г. П. М. оттягалъ не мало земель у своихъ сосѣдей козаковъ, при чемъ, разсказываютъ мѣстные сторожилы, нерѣдко случались такого рода казусы. «Якъ мы будемо присягать, що стоимо на вашей землѣ, ваше превосходительство, якъ то земля зъ давныхъ давенъ козацька», говорятъ свидѣтели.—Панъ, нисколько не смущаясь возраженіемъ, въ свою очередь озадачиваетъ совѣстливаго свидѣтеля вопросомъ: «А теперь на чьей землѣ ты стоишь»?—«Теперечка? Та на вашей, добродію, бо стою я на вашемъ двори».—«Ну такъ снимай сапоги! сыпь въ нихъ мою землю, надѣнь ихъ снова и гдѣ бы ты ни былъ, ты все таки будешь на моей землѣ стоять»!—

Свидѣтель продѣлываетъ въ точности панскій приказъ и, не смущаясь, присягаетъ передъ судомъ, что земля, на которой онъ (свидѣтель) стоитъ, съ дѣда, прадѣда была панская, и что онъ не знаетъ, какъ она сдѣлалась козацкою.

Для справокъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь г. Редакторъ!

Въ приложенномъ къ апрѣльской книжкѣ издаваемаго Вами журнала „Кіевская Старина" каталогѣ книжнаго магазина Н. Я. Оглоблина помѣщены, между прочимъ, нѣсколько изданій Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, цѣна этимъ изданіямъ назначена совершенно произвольная.

Не входя въ разборъ, насколько виноватъ г. Оглоблинъ въ помѣщеніи цѣнъ этимъ изданіямъ, несогласныхъ съ существующими, я позволю себѣ только покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать въ напечатаніи настоящаго письма въ ближайшей книжкѣ „Кіевской Старины", дабы дать возможность всѣмъ лицамъ интересующимся и пользующимся изданіями Коммиссіи, скорѣе выйти изъ заблужденія относительно степени рѣдкости и величины стоимости этихъ изданій,—заблужденія, въ которое вводитъ ихъ каталогъ г. Оглоблина.

Не перечисляя здѣсь всѣхъ упомянутыхъ въ означенномъ каталогѣ изданій, укажу только на наиболѣе рѣзкіе факты.

Въ каталогѣ г. Оглоблина цѣна каждому тому „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ" *назначена 4 р. 50 к.*, тогда какъ въ Коммиссіи они *продаются по 3 р., а начало V т. за 1 р.;* Софійскій Временникъ у г. Оглоблина *стоитъ 4 р. 50 к.*, въ Коммиссіи—*4 р.*; Соборная Грамота Духов. Прав. Восточ. Церкви, утверж. санъ царя за В. К. Іоанномъ IV—у *г. Оглоблина—2 р.*, въ Коммиссіи—*1 р.*; О первонач. русской лѣтописи, кн. Оболенскаго—у *г. Оглоблина 6 р. 50 к.*—въ Коммиссіи—*5 р.* и т. п.

Всѣ упомянутыя изданія далеко не представляютъ библіографической рѣдкости, въ особенности „Собраніе Грамотъ" и имѣются въ Коммиссіи въ весьма значительномъ количествѣ.

Возвышеніе цѣнъ на эти изданія никакимъ образомъ не можетъ быть объяснено дальностью пересылки, такъ какъ всѣ проданныя изданія высылаются *безплатно;* равнымъ образомъ всѣ желающіе получаютъ каталогъ изданій Коммиссіи *безплатно же* (Адресоваться: Москва, Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности

И. д. правителя дѣлъ коммиссіи **В. Трутовскій.**

—— Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ къ 1 января 1889 г. располагало капиталомъ въ 136,555 р. 85 к. Въ теченіе января и февраля въ доходъ общества поступило 6,008 р. 48 к., израсходовано 5,374 р. 11 к. Срочная ссуда въ 100 р. за поручительствомъ выдана 1 лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1 лицу въ 100 р. и 1 въ 300 р. Единовременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1,220 р. (1 лицу 300 р., 1—150 р., 3—по 100 р., 1—75 р., 1—60 р., 6—по 50 р., 3—по 25 р., 1—17 р., 1—10 рублей). На погребеніе одного лица назначено 50 р. Продолжительныя пособія назначены 2 лицамъ по 180 руб., 1—300 р., а вмѣстѣ съ ранѣе назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіе января и февраля: 1 лицу—50 р., 1 — 45 р., 2 по 30 р., 1—20 рублей, итого 175 р. Семьѣ 1 умершаго писателя назначена пенсія въ 300 р. и единовременное пособіе въ 200 р., вмѣстѣ же съ назначенными ранѣе выданы пенсіи въ теченіе января и февраля 28 лицамъ, а именно: 2 лицамъ по 150 р., 12 по 100 р., 1 лицу—80 р., 2 лицамъ по 75 р., 1—67 р., 3—по 75 р., 5 по 50 р., 1—45 руб., 3—по 40 р., а всего выдано пенсій на сумму 2,437 р. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 р. (одного 125 р., другаго 45 р.), всего же въ теченіе января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплочено 895 р. Выдано стипендій въ теченіе января и февраля 1 студенту—150 р., 6 студентамъ по 45 р., а всего 420 р. Дочери двухъ лицъ зачислены на безплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель помѣщенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ. Вышло въ свѣтъ 9 изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 6,000 экземпл. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе Комитета 2 безплатныя вакансіи въ своей гимназіи. Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе Комитета въ память А. Я. Герда 1 безплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сыномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Вагнеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго фонда. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу общества въ видѣ „дружининской копѣйки“ 4 р. 8 к. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненные члены общества. Признаны также пожизненными членами общества: В. М. Соболевскій, П. И. Бларамбергъ, А. С. Посниковъ, Г. А. Джаншіевъ, М. А. Саблинъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Лукинъ, А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скалонъ въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.—Предсѣдатель общества Конст. Конст. Арсеньевъ (Спб., Васильевскій Остр., 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ 10½—12 ч. утра; казначей Як. Григ. Гуревичъ (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича)—по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час.; секретарь Васил. Ив. Семевскій (Васильевскій Островъ, 2 линія д. № 13, кв. 16) по вторникамъ отъ 5½ до 7 часовъ. Членъ Комитета въ Москвѣ С. А. Муромцевъ (Поварская, Скатертный переулокъ, домъ Муромцевой).

Библіографія.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Съ 145 рис. въ текстѣ. Спб. 1889. 8, стр. 117.

Судя по краткому предисловію къ настоящему выпуску и по обѣщанному продолженію изданія скиѳо-сарматскихъ древностей для 2-го выпуска, мы вправѣ ожидать, что въ недалекомъ будущемъ получимъ изъ подъ пера спеціалистовъ рядъ очерковъ, систематически вводящихъ насъ въ мало извѣстную публикѣ область—древняго русскаго искусства. Предметъ сложный, образовавшійся путемъ многообразныхъ вліяній и стимуловъ, получитъ надлежащее выясненіе въ обозрѣніи и объясненіи памятниковъ искусства, причемъ будетъ отведено подобающее мѣсто какъ мѣстному почину, такъ и вліяніямъ разныхъ народовъ, на болѣе или менѣе продолжительное время заходившихъ въ предѣлы Россіи. Такъ какъ съ незапамятныхъ временъ искусство каждаго народа проникаетъ мельчайшія подробности быта, то подобное обозрѣніе предметовъ древняго искусства получаетъ значеніе важнаго пособія для исторіи быта нашихъ предковъ или предшественниковъ вообще.

Графъ И. И. Толстой и проф. Н. П. Кондаковъ настоящимъ изданіемъ идутъ навстрѣчу потребности, давно назрѣвшей въ нашемъ обществѣ. Въ популярной формѣ, разсчитанной на большую публику, они знакомятъ читателя съ добытыми раньше результатами археологовъ, нумизматовъ, историковъ, хранящимися въ рѣдкихъ, дорого стоющихъ изданіяхъ, каковы, наприм., «Древности Босфора Киммерійскаго», или «Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи». Вышедшій въ свѣтъ 1-й выпускъ «Русскихъ древностей»—прекрасное начало задуманнаго дѣла. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего больше: прекрасная бумага, характерные, хорошо исполненные рисунки, хорошая печать, и при этомъ цѣна болѣе, чѣмъ умѣренная,—1 рубль.

Предисловіе знакомитъ насъ съ руководящими взглядами составителей на задачу начатаго предпріятія. Въ древностяхъ Россіи издатели видятъ «единое цѣлое потому, что въ нихъ исторически сложилось народное искусство, которое не достигая личнаго творчества, живетъ преданіемъ, и связывая разноплеменныя формы быта земледѣльческаго и кочеваго, городскаго и сельскаго, одно раскрываетъ передъ нами общую непрестанную преемственность. Народное искусство живетъ усвоеніемъ и переработкою художественнаго стиля, котораго происхожденіе прослѣживается до его источниковъ». Въ единомъ цѣломъ, подъ которымъ издатели разумѣютъ древне-русское искусство, они стараются различить доли, внесенныя въ него и огреченнымъ скиѳомъ, и корсунскимъ мастеромъ, и генуэзскимъ торговцемъ, и нѣмчиномъ. «Эту сокровищницу наполняли и арабскіе караваны, везшіе товаръ волжскимъ болгарамъ и языческой Руси, и набѣги руссовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской».

Прежде всего нельзя не замѣтить, что предисловіе написано въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и не даетъ никакого понятія о тѣхъ руководящихъ пріемахъ, какими издатели намѣрены пользоваться въ извлеченіи и группировкѣ матеріала уже изданнаго или въ привлеченіи новаго. Далѣе, только опытность издателей и доказанный ими строгонаучный интересъ къ предмету являются для читателя надежнымъ ручательствомъ, что ради достиженія искомаго единства они не станутъ закрывать глаза на отличительные признаки, въ какихъ художественное дарованіе проявлялось въ разныхъ частяхъ обширной территоріи Россіи, складывалось у различныхъ собранныхъ на этой территоріи народностей подъ особыми вліяніями. Большая опредѣленность и ясность въ изложеніи была бы далеко не излишня. «Искусство греческихъ колоній береговъ Чернаго моря», замѣчаютъ издатели, «распространялось до Кіева, но слилось у варварскихъ народностей южной Россіи съ ихъ собственнымъ искусствомъ, идущимъ изъ Персіи. Торговля предметами художественнаго производства съ Восточною Имперіею началась задолго до варяжскихъ набѣговъ и русскихъ договоровъ, а глухая Пермь получала изъ сассанидской Персіи свои драгоцѣнныя серебряныя блюда. Но, кромѣ торговыхъ сношеній съ Византіею и Персіею черезъ Кавказъ, существовалъ широкій путь, въ собственномъ смыслѣ народный, по которому формы восточной культуры передвигались сами собою на западъ, путь народовъ изъ глубины Средней Азіи и Сибири на берега Дуная. Московская земля никогда не утрачивала художественныхъ свя-

зей съ Византіею и азіатскимъ Востокомъ, которыя еще въ эпоху господства готѳовъ на Днѣпрѣ дали оригиналы искусству ранняго европейскаго средневѣковья, а въ домонгольское время способствовали древней Руси въ достиженіи высокой культуры». Къ сожалѣнію, издатели не указываютъ и предѣловъ древности, до какихъ они намѣрены вести свое обозрѣніе памятниковъ искусства.

Вслѣдъ за предисловіемъ читатель находитъ въ 1-мъ выпускѣ краткій историческій очеркъ древне-еллинскихъ поселеній на черноморскомъ побережьѣ, сѣверномъ и восточномъ, и на Тамани (стр. 1—19). Здѣсь же и далѣе помѣщено нѣсколько видовъ современной Керчи, Митридатовой горы, нѣкоторыхъ кургановъ и снимки нѣсколькихъ босфорскихъ, ольвійскихъ и херсонесскихъ монетъ. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе важнѣйшихъ кургановъ въ предѣлахъ древняго босфорскаго царства, преимущественно пантикапейскаго некрополя, описаніе различныхъ способовъ погребенія или устройства гробницъ, при чемъ наидольше останавливаются издатели на катакомбахъ (стр. 19—33). Въ заключеніе этого отдѣла дается опредѣленіе времени происхожденія пантикапейскихъ гробницъ, V—II вв. до Р. Х. Уже изъ этого бѣглаго очерка читатель видитъ, что настоящій выпускъ посвященъ въ главной своей части классическимъ древностямъ не всѣхъ мѣстностей южной Россіи, колонизованныхъ древними еллинами, а почти исключительно босфорскимъ; территорія т. н. Геродотовой Скиѳіи составитъ, слѣдовательно предметъ ближайшаго обѣщаннаго уже выпуска, хотя онъ и будетъ носить наименованіе не классическихъ, а скиѳо-сарматскихъ древностей. Такое дѣленіе страдаетъ неточностью и во всякомъ случаѣ нуждается въ поясненіи, такъ какъ и Геродотова Скиѳія, и Босфорское царство содержатъ въ себѣ много общаго въ обѣихъ областяхъ—древностей классическихъ и скиѳо-сарматскихъ. Оттого и вышло, что въ первомъ выпускѣ разсмотрѣны не всѣ характерные памятники греческаго искусства въ южной Россіи, а съ другой стороны въ томъ же выпускѣ нашли себѣ мѣсто указанія на такія находки, которыя по словамъ самихъ издателей принадлежатъ къ скиѳскимъ древностямъ (стр. 47 сл.).

Самая большая и важнѣйшая часть выпуска (стр. 33—102) занята описаніемъ содержимыхъ гробницами предметовъ, составляющихъ принадлежности или собственно погребальнаго чина, или обычнаго убора и житейской обстановки умершихъ. Описаніе предметовъ втораго разряда, особенно обстоятельное и интересное, прерывается по временамъ поучительными и необходимыми отступленіями по раз-

личнымъ вопросамъ античнаго быта и искусства, наприм. стр. 65 сл., 68 сл. 70, 78, 81 сл. Издатели обращаютъ должное вниманіе на тѣ особенности въ отдѣлкѣ предметовъ, въ убранствѣ покойниковъ и въ обстановкѣ этихъ послѣднихъ, которыя являлись результатомъ смѣшенія нѣсколькихъ разнородныхъ факторовъ: мѣстнаго почина, вліяній восточныхъ и древнееллинскихъ, особенно аттическихъ. Такъ, наприм., уборъ изъ золота и вообще драгоцѣнные предметы составляютъ особенность южно-русскихъ некрополей, чуждую собственной Элладѣ (стр. 41—62). Переселявшіеся на Босфоръ аѳинскіе художники работали примѣнительно къ туземнымъ вкусамъ; есть массы сосудовъ, свойственныхъ только Босфору. Многія изображенія на чашахъ и иныхъ сосудахъ и предметахъ запечатлѣны яркимъ реализмомъ, стараніемъ художниковъ передать правдиво типъ заказчика, костюмъ его и предметы его житейскаго обихода. Другіе предметы ясно обличаютъ восточное вліяніе, родство съ древнѣйшими ассирійскими или персидскими оригиналами (наприм. стр. 63, 68, 76, 83, 85, 97). Съ полнымъ правомъ издатели могли сказать въ заключеніе этого главнаго отдѣла выпуска: «Примѣсь варварскихъ вкусовъ, темъ и сюжетовъ мѣстнаго характера подтверждаетъ то общее заключеніе, что богатое развитіе художественной промышленности, оставившей въ распоряженіе сосѣднихъ варварскихъ племенъ на долгое время массу изящныхъ и устойчивыхъ типовъ, было вызвано симъ починомъ и потребностью этихъ самыхъ народностей; и что эти потребности существовали уже во время распространенія греческой колонизаціи и имѣли сами по себѣ иной источникъ, заключавшійся въ восточной культурѣ, принесенной этими народами въ южную Русь» (стр. 102). Разумѣется, преобладающій элементъ въ разсмотрѣнныхъ въ настоящемъ выпускѣ памятникахъ искусства—античный, греческій и римскій; преимущественно онъ даетъ ту внѣшнюю оболочку, подъ которою для бытописателя древняго босфорскаго царства сокрыто разнообразное содержаніе его обитателей, отдѣленныхъ отъ насъ тысячами лѣтъ. Смѣшанный характеръ произведеній искусства или художественной отдѣлки собственно бытовыхъ предметовъ наглядно свидѣтельствуетъ о многосложности вліяній, дѣйствовавшихъ въ жизни южной Россіи уже въ то отдаленное время.

Нѣсколько заключительныхъ страницъ выпуска (102 — 113) отведены обозрѣнію литературы предмета и особенно оцѣнкѣ трудовъ Императорской Археологической Коммиссіи, учрежденной въ 1859 г., по раскопкамъ кургановъ, а равно по изданію и объясненію много-

численныхъ находокъ въ нихъ. Въ концѣ приложенъ предметный указатель, къ сожалѣнію слишкомъ краткій и слишкомъ недостаточный, тѣмъ болѣе, что книга не снабжена оглавленіемъ, изложеніе не подѣлено на параграфы или главы, что способно было бы значительно облегчить пользованіе книгой. Равно необходимо было, хотя бы въ концѣ выпуска, въ немногихъ строкахъ, пріурочить изданные снимки по источникамъ, изъ которыхъ взяты рисунки.

Говоря вообще, изданіе графа И. П. Толстого и Н. П. Кондакова заслуживаетъ всякаго сочувствія и несомнѣнно достигнетъ своей цѣли—поможетъ распространенію въ образованной публикѣ необходимыхъ свѣдѣній о нашей старинѣ. Вскорѣ потребуется новое изданіе выпуска, и навѣрное оно будетъ свободно отъ нѣкоторыхъ недосмотровъ, вкравшихся въ первое изданіе. Прежде всего необходимо дать болѣе тщательный снимокъ карты Босфора (стр. 104): *Palus* Maeotis (λίμνη ἡ Μαιῶτις) переведено Меотійское *море*; имя Patraeus передано въ русской транскрипціи въ невозможной формѣ *Патраеусъ* вмѣсто Патрей или Патреусъ, а не Патреонъ, какъ въ текстѣ; имя Апатуронъ, или Апатуръ написано *Апатюронъ*; названіе мѣстности *Сады*, Κῆποι, какъ оно употреблено не разъ въ текстѣ, замѣнено на картѣ малоупотребительною формою ед. ч. *Кероs—Кепосъ*. Вообще формы именъ на картѣ и въ текстѣ не согласованы между собою. На стр. 3 сказано: «Геродотъ въ числѣ рѣкъ, впадающихъ въ Меотиду, упоминаетъ Пантикапъ (IV, 11)». Но о впаденіи Пантикапы въ Меотиду Геродотъ нигдѣ не говоритъ, а о теченіи этой рѣки говорится IV,54, а не IV,11. Въ текстѣ на одной и той же страницѣ(2)одно и то же имя передается то въ формѣ Киммеріонъ, то Киммерій; Парѳеній, Мирмикій (на картѣ Мирмекіонъ), но Ахиллеонъ, Апатуронъ; въ числѣ городовъ западной половины Босфора поименована *Гераклея* вмѣсто Гераклеона или Гераклея, какъ обозначено и на картѣ (Heracleum—Гераклеонъ); одинъ и тотъ же народъ названъ въ одномъ мѣстѣ *Ахаи* (стр. 10), въ другомъ *Ахеи;* одинъ и тотъ же городъ на стр. 2 названъ *Геракліей*, на стр. 17 *Гераклеей* и др. Далѣе 20 стадій (стр. 7) составляютъ не около 3 верстъ, какъ отмѣчено въ текстѣ, но $3^1/_2$; на стр. 26 новый карантинъ—собственное имя, соотвѣтствующее древнему Мирмекію, или Мирмикію. Въ подписи подъ снимками на стр. 27 не слѣдовало оставлять безъ поясненія такихъ терминовъ, какъ синодъ, ѳіасъ, въ такомъ видѣ ничего не говорящихъ читателю не-спеціалисту.

Эти и подобные недосмотры или пробѣлы не умаляютъ общаго капитальнаго значенія прекраснаго труда графа И. И. Толстого и проф. Н. П. Кондакова.

Ѳ. Мищенко.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильна. 1888 г.

Настоящій томъ «актовъ» виленской коммиссіи составленъ, какъ и предъидущіе, по той программѣ, по которой акты подбираются отчасти по содержанію, отчасти хронологически, но безъ строго обдуманной научной цѣли; поэтому логическая связь между актами бываетъ то болѣе, то менѣе тѣсная; въ настоящемъ томѣ такою связью является бытъ монастырей, церквей и духовенства, преимущественно уніатскаго. Всѣ акты, касающіеся монастырей или духовныхъ лицъ, хотя и многочисленны, но чрезвычайно отрывочны, такъ что дѣятельность тѣхъ и другихъ не можетъ быть изложена сколько нибудь послѣдовательно. Если въ первые годы существованія коммиссіи, когда члены ея не имѣли достаточнаго запаса однороднаго матеріала для изданія, хронологическая система, господствующая, впрочемъ, и до сихъ поръ въ другихъ изданіяхъ, могла быть допускаема при выборѣ даже маловажныхъ документовъ,—то теперь, послѣ большаго количества изданныхъ томовъ, когда, при разборѣ древнихъ актовыхъ книгъ, могло накопиться уже значительное количество однороднаго матеріала, можно предъявить и болѣе строгія требованія. Какъ на примѣръ возможности измѣнить содержаніе томовъ «актовъ», укажемъ на кіевскую коммиссію, которая относительно подбора матеріала стоитъ даже въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ виленская, именно: 1) въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, откуда кіевская коммиссія главнымъ образомъ черпаетъ матеріалъ для своихъ изданій, хранится втрое меньше актовыхъ книгъ, чѣмъ въ виленскомъ; 2) древнѣйшія книги кіевскаго архива относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ древнѣйшія книги виленскаго; 3) въ кіевскомъ архивѣ нѣтъ такого большаго количества важныхъ по содержанію книгъ, какъ въ виленскомъ; 4) книгъ однороднаго содержанія въ Кіевѣ очень назначительное количество, тогда какъ Вильна и въ томъ отношеніи богаче. Кіевская коммиссія имѣетъ лишь то преимущество, что, стоя въ лицѣ своихъ членовъ ближе къ университету, обладаетъ болѣе солидными силами для обработки собираемаго матеріала; но это условіе второстепенное; томы актовъ можно выпускать и не снабжая ихъ монографіями въ предисловіи; важно лишь то, чтобы для научныхъ изслѣдованій былъ подобранъ матеріалъ, имѣющій между собою тѣсную внутреннюю связь, подобранъ такъ, чтобы изъ него можно было бы сдѣлать какіе либо научные выводы, а виленская коммиссія сама

сознается, что собранные ею декреты главнаго литовскаго трибунала «*очень однообразны* по своему содержанію, но касаются такого множества лицъ и учрежденій, что какъ нибудь обобщить ихъ и сдѣлать изъ нихъ какое нибудь систематическое извлеченіе почти невозможно». По нашему крайнему разумѣнію, если для виленской коммиссіи затруднительно почему либо изданіе однороднаго по содержанію матеріала, то слѣдуетъ строже держаться системы хронологической, при которой документы издаются хотя и безъ внутренней связи одного съ другимъ, но за то выбираются такіе, изъ которыхъ каждый имѣетъ большее или меньшее самостоятельное научное значеніе. Акты же настоящаго тома, если приложить къ нимъ требованія логической связи, «касаясь, по словамъ коммиссіи, множества лицъ и учрежденій», кажутся отрывочными и мелочными и потому представляютъ мало интереса, если же приложить требованія хронологической системы, то каждый актъ, отдѣльно взятый, самъ по себѣ оказывается малозначительнымъ въ научномъ отношеніи.

Но обратимся къ содержанію XV тома «актовъ». Всѣхъ ихъ собрано здѣсь 298; они раздѣляются, или, вѣрнѣе, могутъ быть раздѣлены, по мнѣнію коммиссіи, на три группы: 1) декреты, касающіеся денежныхъ сдѣлокъ между монастырями, церквами и разными лицами; 2) декреты, касающіеся имущественныхъ интересовъ тѣхъ же учрежденій и лицъ и 3) декреты по дѣламъ уголовнымъ, т. е. по дѣламъ объ оскорбленіяхъ, наѣздахъ, грабежахъ, дракахъ и т. п. насиліяхъ надъ личностью и имуществомъ духовныхъ лицъ и монастырей. Къ первой группѣ относятся 156 документовъ; ко второй—68 и къ третьей—74. Всѣ эти документы, какъ совершенно вѣрно замѣчено въ предисловіи, «очень однообразны» по содержанію и дѣйствительно не заключаютъ въ себѣ какихъ либо особенно интересныхъ подробностей. Въ этомъ случаѣ, намъ кажется, слѣдовало бы, вмѣсто повторенія одного и того же, ограничиться или извлеченіями изъ документовъ, или описью ихъ, съ указаніемъ на характерныя особенности, удѣливъ оставшееся свободное мѣсто для актовъ, характеризующихъ другія стороны жизни тѣхъ же учрежденій и лицъ

Въ частности, просматривая акты первой группы, мы недоумѣвали, съ какою цѣлью сдѣланъ подборъ этихъ актовъ, якобы свидѣтельствующихъ о неособенно почетной дѣятельности монастырей и церквей? Развѣ эта дѣятельность была основой жизни этихъ учрежденій? Развѣ она была такъ исключительна, чтобы можно было по-

ставить, какъ общій выводъ, положеніе, что «роль нашихъ современныхъ банковыхъ учрежденій исполняли тогда монастыри какъ уніатскіе, такъ и католическіе». Правда, монастыри и церкви, не только уніатскіе и католическіе, но и православные, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же акты XV тома, отдавали деньги взаймы подъ залогъ имѣній, а еще чаще безъ всякаго залога; но отдачу денегъ взаемъ не только нельзя назвать банковой операціей, но даже и ростовщичествомъ; ссуда денегъ могла быть просто изъ состраданія къ тому или другому лицу, къ его тяжелому матеріальному положенію, и совершенно безъ всякихъ процентовъ. Чтобы сдѣлать выводъ о банковыхъ операціяхъ монастырей, надо было доказать, что каждый изъ извѣстныхъ монастырей многіе годы и разнымъ лицамъ давалъ деньги взаймы, что онъ давалъ исключительно ради прибыли и что самъ, въ свою очередь, принималъ вклады на проценты [1]); приведенные въ XV томѣ факты могутъ быть явленіями чисто случайными, исключительными въ жизни многихъ монастырей. Вѣдь и теперь монастыри и церкви помѣщаютъ свои свободные капиталы въ процентныя бумаги, но нельзя же изъ этого дѣлать выводъ, что они занимаются биржевой игрой. Послѣ этого можно ожидать, что коммиссія издастъ въ XVI томѣ акты объ отдачѣ монастырями и духовенствомъ винокуренъ, шинковъ, корчемъ и проч. въ аренду евреямъ; такіе случаи также очень часто бывали. Но какъ благочестіе нашихъ предковъ всегда различало религіозное значеніе монастырей и церквей, а равно и духовенства, отъ ихъ домашней, хозяйственной жизни, и отдавало поклоненіе первому, хотя бичевало ихъ пороки, такъ и теперь виленской коммиссіи слѣдовало бы обратить вниманіе на болѣе высокую и чистую дѣятельность монастырей и духовенства—на распространеніе образованія, поддержаніе православія, на борьбу за него. Мы не отрицаемъ необходимости изображенія и темныхъ сторонъ въ жизни духовенства, но приступать къ нимъ слѣдуетъ съ большей осторожностью и воздерживаться отъ возведенія частныхъ случаевъ въ общее правило, какъ сдѣлано это въ предисловіи настоящаго тома.

Наиболѣе любопытнымъ и важнымъ отдѣломъ книги являются дѣла уголовныя объ оскорбленіяхъ и всякаго рода насиліяхъ надъ представителями уніатской, православной и даже католической церкви, характеризующія обычаи стараго времени; въ этомъ отдѣлѣ встрѣ-

---

[1]) Дѣлаемое коммиссіей сравненіе не заключаетъ въ себѣ вовсе ни малѣйшихъ признаковъ сходства между однимъ и другимъ фактомъ.

чается также весьма много любопытныхъ документовъ для очерка дѣятельности уніатскихъ митрополитовъ Гавріила Коленды и Кипріана Жоховскаго, нѣкоторыхъ епископовъ и положенія низшаго духовенства, семьи котораго должны были защищаться противъ обращенія ихъ въ простыхъ хлоповъ. Но среди болѣе или менѣе важныхъ сравнительно документовъ, встрѣчаются и такіе малозначительные, какъ приговоры по дѣлу о грабежѣ одного вола у монастырскаго крестьянина. Къ чему они?.

Въ числѣ изданныхъ документовъ мы нашли два, касающіеся кіевскихъ монастырей, именно: № 176—1670 г., августа 22, декретъ, присуждающій настоятеля Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентія Гизеля и нѣсколькихъ иноковъ монастыря къ изгнанію и уплатѣ архимандриту слуцкаго монастыря Ѳеодосію Васильевичу 4000 пол. злотыхъ за самовольное занятіе Дятловицкаго (въ актѣ Дятлевскаго) монастыря (стр. 268 и 269); 2) № 178.—1671 г., апрѣля 18, декретъ, присуждающій Христину Гарлинскую къ уплатѣ Кіево-Печерскому женскому монастырю долгу 800 золот. польскихъ (стр. 271 и 272).

Но изъ всего сказаннаго нами выше не слѣдуетъ вовсе дѣлать заключеніе, что изданные «акты» ни на что не могутъ быть пригодны; изъ нихъ только теперь нельзя сдѣлать никакого серьезнаго вывода; но если появится еще нѣсколько томовъ, также касающихся быта монастырей, церквей и духовенства, то настоящіе акты, въ связи съ прежде изданными, дадутъ несомнѣнно много новыхъ данныхъ для исторіи отдѣльныхъ монастырей и церквей; въ этомъ и заключается значеніе разсмотрѣннаго нами XV-го тома «актовъ» виленской коммиссіи. Желательно поэтому, чтобы и на будущее время, если окажется почему либо затруднительнымъ для коммиссіи строже держаться опредѣленной системы, она продолжала бы дѣлать свое полезное дѣло и по принятому ею порядку.

И. Каманинъ.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.). Книга вторая. Издана подъ редакціей д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888 г.

Историческое общество Нестора-Лѣтописца, состоящее при университетѣ св. Владиміра, принадлежитъ къ числу молодыхъ, возникшихъ въ сравнительно недавнее время; хотя мысль о немъ и воз

никла еще въ началѣ 1841 г. въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, душою которыхъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, но осуществилась она лишь через 30 лѣтъ, когда объ историческомъ обществѣ въ Кіевѣ снова былъ возбужденъ вопросъ кружкомъ мѣстныхъ ученыхъ и любителей старины; открытіе общества послѣдовало 14 января 1873 г. и съ тѣхъ поръ непрерывно оно собирается разъ или два въ мѣсяцъ для выслушиванія и обсужденія докладовъ о научныхъ работахъ, предпринимаемыхъ его членами, и для рѣшенія возбуждаемыхъ ими вопросовъ; всѣхъ засѣданій въ году бываетъ среднимъ числомъ 12, въ которыхъ дѣлается приблизительно около 25 сообщеній. Въ настоящей книгѣ «Чтеній» общества Нестора мы находимъ ихъ около 300, прочтенныхъ въ десятилѣтній періодъ 1878—1887 г. Общество Нестора не ограничивается узкой задачей разработки лишь мѣстной исторіи, но имѣетъ въ виду вообще «содѣйствовалъ развитію русской исторической науки» [1]), не оставляя при этомъ и «разработки исторіи и литературы всеобщей, насколько это находится въ связи съ умственной жизнью русскаго народа». Ставя себѣ цѣлью бесѣды и чтенія своихъ членовъ по изслѣдуемымъ ими матеріаламъ, а также пренія по поводу ихъ, общество Нестора устанавливаетъ связь между мѣстными учеными, занимающимися однородными науками, и содѣйствуетъ обмѣну между ними мыслей; оно, такимъ образомъ, «противопоставляетъ слабости одиночнаго ученаго труда силу союза». Съ такими задачами и цѣлями это общество является дѣйствительнымъ сотрудникомъ «кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ», имѣющей въ виду исключительно собираніе и изданіе сыраго матеріала, касающагося, правда, только исторіи юго-западнаго края; и въ самомъ дѣлѣ, многіе доклады, сдѣланные въ обществѣ Нестора, появляются потомъ, какъ составная часть предисловія къ издаваемымъ коммиссіей на эту тему актамъ. Но въ условіяхъ существованія общества Нестора есть и своя печальная сторона: существуя лишь на членскіе взносы и не получая ни откуда матеріальной поддержки, общество не можетъ расширить своей дѣятельности по разработкѣ такихъ памятниковъ старины, которые требуютъ денежныхъ затратъ, поѣздокъ, раскопокъ, не имѣетъ средствъ на пріобрѣтеніе вещественныхъ или письменныхъ памятниковъ и проч. для устрой-

---

[1]) „Историческое общество Нестора-Лѣтописца“—записка секретаря общества Н. П. Дашкевича. См. Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владиміра стр. 9—28.

ства музея, библіотеки и древлехранилища [1]). Матеріальная необезпеченность общества въ весьма значительной степени сдерживаетъ развитіе его дѣятельности; въ этомъ отошеніи едва ли какое либо другое историческое общество поставлено въ болѣе невыгодныя условія, чѣмъ кіевское. Тѣмъ не менѣе, члены его неустанно работаютъ, и плодомъ ихъ дѣятельности является вторая книга «Чтеній». Она содержитъ въ себѣ лишь краткія свѣдѣнія о прочтенныхъ рефератахъ и преніяхъ по нимъ, такъ какъ полное изданіе ихъ заняло бы нѣсколько томовъ и было бы не подъ силу денежнымъ средствамъ общества; мы не говоримъ уже о созданіи и поддержкѣ обществомъ собственнаго органа. Прочтенные рефераты касались русской и западно-европейской исторіографіи и археографіи, всеобщей исторіи, древнѣйшихъ судебъ южно-русской территоріи, собственно русской исторіи въ ея періоды: удѣльно-вѣчевой, литовско-русскій, московскій, періодъ позднѣйшій южно-русской и западно-русской исторіи, археологіи края, славянской археологіи, до-историческихъ древностей вообще и спеціально кіевскихъ древностей, исторической географіи, исторіи быта, народныхъ воззрѣній и права, исторіи русскаго языка, литературы и народной поэзіи, разработки спеціальныхъ вопросовъ, какъ напр., объ общинномъ землевладѣніи, свѣдѣній о вновь открываемыхъ матеріалахъ, о текущей литературѣ русской и иностранной, насколько она касается русской исторической науки и обзора дѣятельности другихъ ученыхъ обществъ и съѣздовъ; къ дѣятельности общества принадлежала также оцѣнка трудовъ утрачиваемыхъ имъ членовъ и вообще дѣятелей на поприщѣ исторіи и литературы, а равно чествованіе памяти ихъ. Таковы общіе вопросы, которые разрабатывались членами общества Нестора; въ ряду этихъ вопросовъ были и такіе, которые возбуждали особый интересъ въ обществѣ, подвергались всестороннему и горячему обсужденію со стороны многихъ членовъ. Изъ такихъ вопросовъ наиболѣе важными были слѣдующіе:

Вопросъ *объ авторѣ «Слова о полку Игоревѣ»* обсуждался И. И. Малышевскимъ и Д. И. Багалѣемъ. Первый считалъ его отечествомъ Тмутаракань, а второй Сѣверскую землю; такимъ образомъ, мнѣнія обоихъ изслѣдователей сходятся, такъ какъ Тмутаракань принадлежала къ Сѣверской землѣ. Это мнѣніе, имѣющее за собой много вѣроятія,

---

[1]) Оно не въ состояніи чрезъ своихъ членовъ принимать участія въ дѣятельности другихъ обществъ, въ археологическихъ съѣздахъ и проч.

поддерживается и новѣйшими изслѣдователями «Слова». Тѣмъ не менѣе оно вызвало въ засѣданіи рядъ возраженій, не приведшихъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Толкованіемъ же *темныхъ мѣстъ въ «Словѣ»* занимался А. И. Соболевскій въ двухъ рефератахъ.

Другимъ спорнымъ вопросомъ, поставленнымъ на разрѣшеніе, былъ старый, служившій раньше предметомъ полемики между мѣстными учеными [1]), вопросъ *«о развалинахъ церкви св. Симеона и Копыревѣ концѣ древняго Кіева»*; возбужденъ онъ былъ проф. П. А. Лашкаревымъ. Для предупрежденія безполезныхъ словопреній былъ образованъ комитетъ изъ пяти членовъ, которымъ поручено было провѣрить накопившіяся мнѣнія, точнѣе изслѣдовать самый вопросъ и представить заключенія свои. Результаты изслѣдованій комитета намъ неизвѣстны.

Наиболѣе было дебатовъ по поводу реферата А. И. Соболевскаго *«Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV вв.?»* На основаніи филологическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ выводу, что въ Кіевѣ въ означенное время господствовало великорусское нарѣчіе и что пришлое съ запада населеніе въ XV в. ассимилировало остатки стараго кіевскаго населенія. Кромѣ большаго количества возраженій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за чтеніемъ г. Соболевскаго, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ по поводу его реферата читаны были особые доклады В. Б. Антоновичемъ, П. И. Житецкимъ и Н. П. Дашкевичемъ, которые были направлены то противъ филологическихъ выводовъ г. Соболевскаго, то противъ возможности предполагаемаго имъ колонизаціоннаго движенія съ запада на востокъ; всѣ эти возраженія ясно и убѣдительно доказали невозможность существованія великорусскаго нарѣчія въ Кіевѣ и колонизаціи Поднѣпровья выходцами изъ Галиціи и Волыни. Кромѣ указанныхъ крупныхъ рефератовъ, дѣлались многими членами и небольшія замѣчанія, клонившіяся къ той же цѣли, т. е. къ доказательству, что говоръ кіевлянъ былъ малорусскій. Намъ кажется, что этотъ спорный вопросъ окончательно рѣшить можно будетъ лишь съ развитіемъ палеографическихъ знаній о мѣстныхъ почеркахъ; мы не разъ уже имѣли случай указывать на существованіе особаго кіевскаго почерка; само собою разумѣется, почеркъ этотъ долженъ былъ имѣть тѣсную связь съ языкомъ; мы указывали также на распространеніе этого почерка въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ, а въ недавнее время нашли доказательство его существованія въ рукописяхъ, писанныхъ

---

[1]) Особенно между Н. Закревскимъ и М. А. Максимовичемъ.

въ Чигиринѣ его коренными обитателями, и отраженіе въ рукописяхъ овручскихъ; кажется, кіевскій почеркъ вполнѣ безошибочно можно назвать почеркомъ собственно малорусскимъ; Кіевъ, какъ центръ образованности и письменности тогдашняго времени, носилъ въ своемъ почеркѣ особенныя характерныя черты, наиболѣе чистыя, которыя видоизмѣняются немного къ сѣверу, югу и востоку (на западѣ до сихъ поръ мы не встрѣчали слѣдовъ вліянія кіевскаго почерка), а это заставляетъ насъ предполагать, что и въ кіевскомъ говорѣ были особенности, которыя обусловливались не столько вліяніемъ языка пришельцевъ съ сѣвера, сколько состояніемъ и характеромъ мѣстной образованности, особенности, которыя сближали его съ великорусскимъ нарѣчіемъ и которыя, наконецъ, ввели въ ошибку А. И. Соболевскаго и создали его шаткую теорію о кіевскихъ великороссахъ; что въ языкѣ кіевлянъ могло быть не мало великорусскихъ чертъ, въ этомъ насъ убѣждаютъ волынскія рукописи XVI вѣка, въ которыхъ встрѣчается много словъ и до сихъ поръ существующихъ въ Великороссіи, но не встрѣчающихся уже въ Малороссіи; это только, быть можетъ, доказываетъ, что основы великорусскаго нарѣчія лежали на далекомъ юго-западѣ; правы мы или не правы, но палеографіи и филологіи предстоитъ немало труда въ рѣшеніи поднятаго г. Соболевскимъ вопроса и вообще въ рѣшеніи вопроса о генераціи русскихъ нарѣчій.

Канунъ празднованія 900-лѣтія Руси также вызвалъ не мало преній; главными участниками въ нихъ были А. И. Соболевскій и В. З. Завитневичъ. Въ то время какъ первый референтъ считаетъ лѣтописную дату вполнѣ вѣрной и не имѣющей противъ себя никакихъ серьезныхъ возраженій, второй, напротивъ, сопоставляя показанія русскихъ и византійскихъ лѣтописцевъ, приходитъ къ заключенію, что Владиміръ св. крестился въ 987 г., а кіевляне лишь въ 990 г. Въ виду сознанія нашего лѣтописца Нестора о существованіи различныхъ мнѣній относительно мѣста и времени крещенія Руси и Владиміра, въ виду противорѣчія данныхъ житій Владиміра событіямъ византійской исторіи, мы лично находимъ доводы г. Завитневича гораздо болѣе вѣроятными и правдоподобными. Въ дебатахъ по этому вопросу также принимали участіе многіе члены.

Остальные рефераты принимались или вполнѣ, или съ незначительными возраженіями и оговорками. За немногими исключеніями, всѣ они касались южно-русской исторіи.

Помѣщенные въ настоящей книгѣ «Чтеній» отчеты о засѣданіяхъ общества Нестора обнимаютъ рефераты, читанные во время

предсѣдательства профессоровъ: А. А. Котляревскаго, В. Б. Антоновича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, недавно избраннаго обществомъ въ эту должность. Почти во все это время секретаремъ состоялъ и въ настоящее время состоитъ проф. Н. П. Дашкевичъ, на долю котораго выпалъ тяжелый трудъ собиранія всѣхъ рефератовъ, записи преній по нимъ и, наконецъ, печатанія,—трудъ, вполнѣ заслуживающій искренней признательности и благодарности всѣхъ интересующихся успѣхами историческаго знанія.

Въ этой же книгѣ Чтеній есть также другой отдѣлъ, юбилейный; онъ весь состоитъ изъ матеріаловъ и статей, касающихся своимъ содержаніемъ празднествъ 900-лѣтія крещенія Руси. Редакція отдѣла принадлежитъ проф. А. И. Соболевскому и на первомъ мѣстѣ стоятъ его работы: рефератъ, о которомъ мы говорили выше, шесть варіантовъ житій Владиміра св., житіе св. Ольги; два похвальныя слова Владиміру и его церковный уставъ. Всѣ эти матеріалы изданы самымъ тщательнымъ образомъ и снабжены замѣчаніями г. Соболевскаго.

Вторая статья этого отдѣла «Святый Владиміръ—строитель городовъ», написанная М. Н. Бережковымъ, напоминаетъ лѣтописныя извѣстія о заложенныхъ кн. Владиміромъ городахъ и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ.

Проф. Ѳ. Я. Фортинской, которому принадлежитъ третья изъ статей втораго отдѣла «Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ», облегчаетъ своимъ почтеннымъ трудомъ работу русскаго историка: разсматривая состояніе западно-европейскихъ государствъ и данныя ихъ лѣтописей, указываетъ, гдѣ и что можно найти для событій Владимірова времени. Въ статьѣ Ѳ. Я. Фортинскаго особенно важно разрѣшеніе вопроса о сношеніяхъ кн. Ольги съ нѣмецкимъ дворомъ, сношеніяхъ, совершенно неизвѣстныхъ русской лѣтописи; «чѣмъ была вызвана со стороны Ольги, только что получившей крещеніе въ Константинополѣ, просьба къ нѣмецкому королю (Оттону В.) о присылкѣ епископа и священниковъ для обращенія въ христіанство ея подданныхъ»? По его мнѣнію, совершенно несогласному съ мнѣніемъ Карамзина, она вызвана была отказомъ со стороны греческаго императора въ удовлетвореніи какихъ-либо требованій русской княгини и нелюбезнымъ пріемомъ, оказаннымъ ей въ Константинополѣ. Возможность сношенія Ольги съ нѣмцами авторъ объясняетъ тѣмъ, что разрыва въ то время между восточной и западной церковью еще не произошло и вслѣдствіе того у новокрещенныхъ славянскихъ народовъ могли происходить колебанія между Римомъ и Константинополемъ

и что признаки этого колебанія замѣчаются у моравовъ, чеховъ и поляковъ.

Таково содержаніе разсмотрѣннаго нами историческаго сборника, богатаго указаніями на новые любопытные труды въ области южнорусской исторіи, вызванные обществомъ Нестора.

И. Каманинъ.

Витебская Старина. Т. V-й. Матеріалы для исторіи полоцкой епархіи. Ч. I я. Съ 47 отдѣльными приложеніями. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ 1888.

Подъ общимъ заглавіемъ «Витебской Старины» авторомъ задумано шесть томовъ. Томъ 1-й, вышедшій въ 1883 году, посвященъ главнымъ образомъ городу Витебску; во II-мъ томѣ предположено издать документы, касающіеся города Полоцка, въ III-мъ томѣ—документы, касающіеся Велижа, Невля, Динабурга и другихъ городовъ, а также замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей витебской губерніи. Томъ IV-й, вышедшій въ 1885 году, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ документы, касающіеся занятія полоцкаго воеводства царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ (1563—1580 гг.), а вторая--документы, касающіеся занятія полоцкаго и витебскаго воеводствъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1654—1667 гг.). Въ V томѣ первоначально предполагалось издать документы, касающіеся возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ 1839 году. Наконецъ, въ VI-мъ, послѣднемъ, томѣ авторъ намѣренъ представить «историческія судьбы витебской губерніи» на основаніи документовъ, которые будутъ собраны въ первыхъ пяти томахъ. Такимъ образомъ, до настоящаго времени вышли два тома «Витебской Старины», а именно I и IV-й, а теперь является первая часть V-го тома, на которой мы и намѣрены остановить вниманіе читателя.

Въ V-мъ томѣ, какъ сказано выше, авторъ предполагалъ издать документы, касающіеся возсоединенія уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году, и, повидимому, хотѣлъ издать ихъ къ пятидесятилѣтію со дня возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію, имѣвшему совершиться 25 марта сего 1889 года. Но предѣлы труда, предварительно намѣченные, значительно раздвинулись при его выполненіи. Автору открыты были богатыя сокровища ар-

хивовъ полоцкой духовной консисторіи и витебскаго губернскаго правленія, а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ архивовъ. Архивъ полоцкой духовной консисторіи состоитъ собственно изъ двухъ архивовъ: архива древняго, съ 1598 по 1810 годъ, находившагося въ крайнемъ безпорядкѣ, и архива новаго, съ 1796 года. Архивъ древній образовался изъ массы документовъ, поступившихъ въ полоцкую консисторію изъ бывшихъ уніатскихъ монастырей и церквей. Въ немъ заключается болѣе 5000 документовъ на западно-русскомъ, польскомъ латинскомъ и итальянскомъ языкахъ. Обиліе матеріала вынудило автора раздѣлить V-й томъ на три части. Въ первой изъ нихъ изданы въ настоящее время документы изъ древняго архива полоцкой духовной консисторіи, архива Тадулинскаго монастыря и другихъ источниковъ до 1772 года, т. е. до перваго раздѣла Польши; во второй части будутъ напечатаны документы съ 1772 года по 1839 годъ включительно, извлеченные главнымъ образомъ изъ новаго архива полоцкой духовной консисторіи и архива витебскаго губернскаго правленія (архива генералъ-губернаторскаго); въ третьей части—фундуши разныхъ монастырей и церквей полоцкой епархіи, инвентари и проч.

Въ настоящей, первой части V-го тома «Витебской Старины» напечатано впервые 476 документовъ и изъ нихъ 89 вполнѣ, остальные же въ болѣе или менѣе обширныхъ, смотря по важности документа, извлеченіяхъ, при чемъ документы на латинскомъ, польскомъ и итальянскомъ языкахъ напечатаны въ переводѣ на русскій языкъ, а важнѣйшіе изъ нихъ, кромѣ того, напечатаны и въ подлинникѣ, въ Прибавленіяхъ. Но этими новыми документами не исчерпывается все содержаніе книги. Г. Сапуновъ хотѣлъ представить цѣльный, закругленный сборникъ матеріаловъ по исторіи полоцкой епархіи и собралъ и перепечаталъ многое изъ того, что уже до него напечатано было въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ. Этого рода матеріалы начинаются выписками изъ русскихъ лѣтописей, идутъ у него съ 990 года въ хронологическомъ порядкѣ и только уже съ XVI вѣка чередуются съ новыми архивными матеріалами. Нерѣдко г. Сапуновъ перепечатываетъ только оглавленія извѣстныхъ документовъ, относящихся къ исторіи полоцкой епархіи, отсылая читателя къ вышедшимъ прежде томамъ «Витебской Старины», гдѣ они были уже напечатаны. Очевидно, издатель имѣлъ въ виду не однихъ только спеціалистовъ, а и обыкновенныхъ читателей, хотя такой способъ изданія матеріаловъ весьма полезенъ и для спеціалистовъ, избавляя ихъ отъ непроизводительныхъ поисковъ и справокъ по данному предмету.

За то совершенною новизною и свѣжестію отличается большинство матеріаловъ съ XVII вѣка по 1772 годъ, извлеченныхъ издателемъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Матеріалы эти главнымъ образомъ касаются бытовой стороны православной и уніатской церквей съ ихъ представителями и взаимныхъ отношеній ихъ между собою и наглядно доказываютъ силу и живучесть православія и русской народности въ этомъ краѣ, сохранившихся въ немъ до возсоединенія его съ Россіей, несмотря на вѣковыя, тяжкія преслѣдованія со стороны польско-католиковъ и уніатовъ.

Впереди книги помѣщенъ «Краткій очеркъ историческихъ судебъ полоцкой епархіи», на который авторъ проситъ смотрѣть только какъ на приведенныя нѣсколько въ систему примѣчанія къ напечатаннымъ въ книгѣ документамъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что обстоятельныя примѣчанія находятся и при самыхъ документахъ, а «Краткій очеркъ историческихъ судебъ полоцкой епархіи» представляетъ довольно цѣльный историческій обзоръ ея, въ которомъ исторія полоцкой епархіи закончена возсоединеніемъ мѣстныхъ уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году.

Замѣчательную особенность разсматриваемой книги, характеризующую, впрочемъ, и другія изданія г. Сапунова, представляетъ ея иллюстрація. Въ книгѣ помѣщено 6 гравированныхъ изображеній древнихъ крестовъ, иконъ и храмовъ полоцкихъ, 14 литографическихъ портретовъ православныхъ и уніатскихъ владыкъ полоцкихъ и до 26 литографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей и актовъ.

О недостаткахъ книги, во всякомъ случаѣ маловажныхъ, совѣстно и говорить. Изданіе предпринято и ведется по личной инціативѣ г. Сапунова и поддерживается только случайными, незначительными пособіями оффиціальныхъ и частныхъ лицъ. Вмѣсто указанія какихъ либо недостатковъ въ книгѣ, пожелаемъ автору, чтобы неослабѣвающая энергія его нашла наиболѣе осязательную поддержку и довела до конца предпринятое изданіе. **Н. Петровъ.**

Сергѣй. Гамченко. Житомірскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Житоміръ 1888 г. 124 стр. + LIV таб. плановъ и рисунковъ.

Съ юго-западной стороны г. Житоміра за рѣкой Каменкой въ городской чертѣ находится довольно обширный могильникъ, состоящій изъ небольшихъ кургановъ. Еще раньше на этотъ могильникъ

было обращено вниманіе археологовъ; въ 1878 г. проф. В. Б. Антоновичемъ было раскопано 36 кургановъ. Въ 1886 г. г. Гамченкомъ въ свою очередь въ той же группѣ кургановъ разрыто еще 44. Описаніе этихъ послѣднихъ раскопокъ и составляетъ содержаніе вышеназванной книги. Большую часть этого изслѣдованія составляетъ дневникъ раскопокъ; дневнику предпосланы главы, въ которыхъ подробно и съ знаніемъ дѣла очерчены топографическія особенности данной мѣстности, затѣмъ приведены преданія и легенды, относящіяся къ г. Житоміру и его окрестностямъ вблизи могильника.

Безспорно, самую цѣнную часть труда представляетъ дневникъ, веденный по программѣ проф. Самоквасова. Дневникъ заключаетъ въ себѣ подробный отчетъ о раскопкѣ каждаго кургана; все, что только могло такъ или иначе обратить на себя вниманіе, было записано; какъ примѣръ тщательности работы, можно указать на то, что даже обозначалось, съ какой стороны кургана дернъ гуще, а съ какой рѣже. Къ дневнику раскопокъ каждаго кургана приложена таблица, на которой изображены виды кургана въ профиль и въ основаніи, а также положеніе найденнаго въ немъ костяка. Эта подробность и точность и составляетъ главное достоинство дневника.

На основаніи данныхъ, добытыхъ изъ раскопокъ, авторъ въ концѣ своего труда дѣлаетъ выводы, касающіеся могильника и насыпавшаго его племени. Изъ этихъ заключеній мы узнаемъ, что могильникъ насыпанъ въ мирное время и принадлежалъ одному поселенію. Массой добытаго матеріала вполнѣ опредѣлился погребальный обрядъ: покойника клали въ колоду (родъ корыта), туда же помѣщали нѣкоторыя изъ домашней утвари и орудій; на покойникѣ оставались также и украшенія, которыя онъ носилъ при жизни; колода прикрывалась другой и такимъ образомъ устроенный гробъ заколачивали гвоздями. Колода съ покойникомъ ставилась прямо на землю, головой на западъ, и сверху насыпался курганъ. Далѣе авторъ даетъ очеркъ культуры человѣка эпохи житомірскаго могильника и, на основаніи измѣреній костей, дѣлаетъ предположенія о физическомъ строеніи этого человѣка. Подробно разсмотрѣны вопросы объ одеждѣ, украшеніяхъ, промыслахъ и торговыхъ сношеніяхъ; затронутъ также вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ. Нужно прибавить, что всѣ выводы и заключенія сдѣланы осторожно и въ объясненіяхъ того или другаго факта въ большинствѣ случаевъ натяжки отсутствуютъ. Описываемый могильникъ принадлежалъ древлянамъ и время его опредѣляется VII—IX вв.

Что касается мѣста, гдѣ былъ расположенъ поселокъ, то авторъ склоняется къ тому мнѣнію, что это была Замковая гора возлѣ Житоміра. Таблицы, приложенныя къ изслѣдованію, заключаютъ въ себѣ планы могильника и мѣстностей по сосѣдству съ нимъ, виды и разрѣзы отдѣльныхъ кургановъ и рисунки найденныхъ въ нихъ предметовъ. Коллекція, составленная изъ этихъ предметовъ и костей, находится теперь въ Имп. Эрмитажѣ. Не совсѣмъ удовлетворительная внѣшность книги можетъ быть отчасти объяснена вообще невозможностью у насъ въ провинціи хорошихъ изданій.

Послѣ прочтенія изслѣдованія г. Гамченка впечатлѣніе получается вполнѣ отрадное; видно, что авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ, разработалъ ее во всѣхъ деталяхъ и въ результатѣ получился образцовый трудъ. На основаніи только такихъ работъ и можетъ быть въ будущемъ снята завѣса съ нашего доисторическаго прошлаго.

Н. Б.

Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. Изданіе Ѳ. Булгакова и А. Коломнина. Спб. (безъ обозначенія года). Типогр. А. Суворина. 4°.

Издателемъ иллюстрированныхъ каталоговъ академическихъ художественныхъ выставокъ и авторомъ «Художественной энциклопедіи» Ѳ. Булгаковымъ предпринято изданіе «Альбома русской живописи», имѣющаго задачей -- содѣйствовать популяризаціи образцовыхъ произведеній выдающихся русскихъ живописцевъ. Для этого предполагается, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, печатать обзоры дѣятельности лучшихъ русскихъ художниковъ, сопровождая ихъ снимками со всего того, что сдѣлано наиболѣе важнаго, типическаго, индивидуальнаго русской школой живописи. Недавно вышедшій первый выпускъ этого изданія посвященъ картинамъ извѣстнаго пейзажиста Вл. Д. Орловскаго, при чемъ въ числѣ разныхъ причинъ, побудившихъ избрать эти картины для перваго выпуска, г. Булгаковъ, въ своемъ предисловіи къ Альбому, указываетъ на то, что въ этомъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности Орловскаго со времени полученія имъ большой серебряной медали, чѣмъ обыкновенно завершается ученическій курсъ въ академіи художествъ.

Для читателей «Кіевской Старины» этотъ первый выпускъ изданнаго Булгаковымъ Альбома имѣетъ интересъ потому, что, будучи уроженцемъ малорусскаго края и воспитанникомъ одной изъ

кіевскихъ гимназій и проводя въ послѣднее время жизнь въ Кіевѣ, В. Д. Орловскій въ своихъ пейзажахъ изображаетъ по преимуществу южную природу, и въ частности выставилъ очень много видовъ разныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Кіеву. Часто кисть его работала и надъ другими сюжетами: онъ рисовалъ виды крымскіе, кавказскіе, морскіе, пробовалъ изображать природу сѣверную, а затѣмъ опять возвращался къ малорусскому пейзажу; и изъ сравненія его картинъ можно вывести заключеніе, что именно малорусскую природу онъ любитъ больше, чѣмъ какіе нибудь другіе виды; во всякомъ случаѣ, онъ чаще всего ее изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Его «малороссійскіе хутора», «заросшіе пруды», изображенія поля и нивы, лѣсные пейзажи съ различными эффектами солнечнаго освѣщенія, виды Приднѣпровья («Долина Днѣпра», «Дорога въ Китаевъ», «Два часа пополудни» и проч.), виды подольской губерніи («Рѣчка Гнилица», «Высохшее русло», «Въ луговыхъ заросляхъ» и другіе)—воспроизводятъ малорусскую природу въ разныхъ формахъ и краскахъ.

Нельзя не согласиться съ высказываемою г. Булгаковымъ мыслью, что собраніе снимковъ главнѣйшихъ картинъ того или другаго художника въ общедоступномъ и изящномъ изданіи можетъ обрисовать индивидуальность и содержаніе дѣятельности художника гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ взятый въ отдѣльности одинъ снимокъ любаго изъ лучшихъ его произведеній, хотя бы и переданный въ самомъ роскошномъ исполненіи, или, добавимъ, чѣмъ многіе случайно изготовленные снимки, разбросанные на пространствѣ многихъ лѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, которые невозможно собрать воедино. Вполнѣ удовлетворительное выполненіе поставленной издателемъ альбома задачи будетъ достигнуто только тогда, когда альбомъ будетъ давать собраніе снимковъ дѣйствительно главнѣйшихъ картинъ каждаго художника и когда самые снимки будутъ исполнены дѣйствительно изящно. Но, обсуждая выборъ снимковъ, нельзя упускать изъ вида и тѣ трудности, которыя надо преодолѣть, чтобъ собрать снимки съ главнѣйшихъ картинъ, и которыя происходятъ оттого, что картины каждаго художника не хранятся въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а расходятся въ разныя стороны; и чѣмъ большею извѣстностью пользуется художникъ, тѣмъ дальше онѣ распространяются, при чемъ однѣ изъ картинъ попадаютъ въ такія собранія, въ которыя нельзя проникнуть для того, чтобъ сдѣлать снимки, а другія уходятъ такъ далеко, что доступъ къ нимъ невозможенъ безъ осо-

быхъ затрудненій (напримѣръ, часть картинъ Орловскаго находится заграницею).

Вышедшій первый выпускъ «Альбома» Булгакова даетъ довольно обстоятельное обозрѣніе художественной дѣятельности Орловскаго, его портретъ, видъ его мастерской (въ домѣ Дузинкевича, у церкви Андрея Первозваннаго) и двадцать два снимка съ картинъ Орловскаго, изъ которыхъ многія изображаютъ малорусскую природу, какъ напримѣръ: «Хуторъ въ Малороссіи», «Привалъ», «Проселочная дорога», «Тинистый прудъ», «Въ жнива», «Утро въ лѣсу», «Вечернія тѣни», «Рѣчка Гнилица» и другія. Всѣ эти снимки исполнены по фотографіямъ Савельева, Каррика и другихъ. Нѣкоторые изъ снимковъ вышли не вполнѣ удачно, но большая часть исполнена удовлетворительно. Строго говоря, нельзя сказать, чтобъ альбомъ представлялъ собраніе снимковъ съ главнѣйшихъ картинъ Орловскаго, такъ какъ многія изъ выдающихся произведеній художника въ альбомъ не попали. Но, принимая во вниманіе тѣ трудности, о которыхъ мы упоминали, нельзя быть слишкомъ требовательнымъ въ этомъ отношеніи; во всякомъ случаѣ неудачныхъ картинъ между тѣми, снимки съ которыхъ даетъ альбомъ, нѣтъ. Цѣна альбома—общедоступная (два рубля). Въ общемъ «Альбомъ» производитъ пріятное впечатлѣніе; привѣтствуя его, какъ хорошее начинаніе, желаемъ, чтобъ изданіе это не остановилось на вышедшемъ выпускѣ и чтобъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ оно коснулось не только тѣхъ художниковъ, работы которыхъ можно видѣть на ежегодныхъ выставкахъ, но также и художниковъ, прекратившихъ свою дѣятельность. Напримѣръ, было бы очень желательно, чтобъ явились подобные альбомы картинъ покойнаго Штернберга, здравствующаго, но къ сожалѣнію давно забросившаго свою талантливую кисть Ив. Соколова и другихъ. Такіе альбомы могли бы представить еще бóльшій интересъ, чѣмъ альбомы новѣйшихъ картинъ, потому что, благодаря передвижнымъ выставкамъ, иллюстрированнымъ каталогамъ и массѣ періодическихъ иллюстрированныхъ изданій, печатающихъ снимки съ художественныхъ произведеній, появляющихся на ежегодныхъ выставкахъ, знакомство съ этими произведеніями стало для всѣхъ легче и доступнѣе, чѣмъ было въ прежнее время. Теперь не только картины названныхъ нами художниковъ, но и тѣ немногія изданія, въ которыхъ были помѣщены снимки съ этихъ картинъ, сдѣлались рѣдкостью; и потому тотъ, кто вздумалъ бы собрать и издать въ видѣ изящныхъ альбомовъ снимки съ ихъ произведеній, сдѣлалъ бы этимъ драгоцѣнный подарокъ всѣмъ, кому дорого искусство. **Н. Шугуровъ.**

Коперницкій И. Русскіе горцы въ Галиціи (Prof. Dr. J. Kopernicki O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnogroficzny). Краковъ 1889 г.

Антропологическая коммиссія краковской академіи, почти со времени ея основаніи, ежегодно даетъ намъ что нибудь новое по этнографіи малорусскаго народа. Въ солидномъ изцаніи коммиссіи, носящемъ заглавіе «Zbiór wiadomości do antropologji krajowej», въ каждомъ томѣ можно найти польскія работы по южнорусской этнографіи изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей на всемъ пространствѣ между Карпатами и Днѣпромъ. Большинство этихъ работъ, изданныхъ подъ опытной редакціей членовъ академіи, представляетъ несомнѣнно научный интересъ и успѣло обратить на себя вниманіе русской печати.—Къ этому же разряду слѣдуетъ отнести только что появившуюся статью краковскаго профессора д-ра Исидора Коперницкаго, состоящаго секретаремъ антропологической коммиссіи краковской академіи, напечатанную въ XIII томѣ отчетовъ коммиссіи. Составляя общій отчетъ о результатахъ научной экскурсіи, сдѣланной авторомъ въ концѣ лѣта 1888 г., статья эта представляетъ весьма интересную новинку, такъ какъ касается мѣстностей весьма мало изслѣдованныхъ, заселенныхъ *лемками*, *полонинцами*, *бойками*, *тухольцами* и *гуцулами*. Объ этихъ горцахъ этнографія до сихъ поръ весьма мало знаетъ. Почти единственнымъ изслѣдованіемъ о нихъ все еще служитъ старая статья польскаго писателя Викентія Поля [1]). Большая компилятивная статья Я. Головацкаго, помѣщенная въ 1-мъ т. его сборника пѣсенъ, во всемъ, что касается этнографическаго и статистическаго описанія горцевъ, основана исключительно на трудѣ Поля, а только относительно лемковъ приведены въ ней нѣкоторыя данныя изъ статьи А. Торонскаго, напечатанной во Львовѣ въ 1860 г.—Если принять во вниманіе, что вообще польская этнографія въ 1850 г. какъ по методу, такъ и по своимъ пріемамъ, оставляетъ желать весьма многаго, и что къ этому почтенный В. Поль вовсе не былъ ученымъ этнографомъ, то представится вполнѣ яснымъ весь интересъ экскурсіи проф. Коперницкаго, какъ опытнаго антрополога.

Авторъ посѣтилъ 103 населенныхъ пункта по верховьямъ рѣкъ Бѣлой, Ропы, Вислоки, Яселки, Ославы, Гочевки, Ветлины, Сана, Стрыя, Оравы и Опора, а затѣмъ среди гуцуловъ возлѣ Космача и вдоль Черемоша. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ дѣлалъ наблюденіе во

---

[1]) Rzut oka na północne stoki Karpat. Kraków. 1851.

время праздниковъ, а въ четырнадцати пунктахъ производилъ антропометрическія изслѣдованія надъ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ лицъ. Онъ не приводитъ въ своей статьѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, а ограничивается только изложеніемъ своихъ впечатлѣній и общихъ выводовъ. Довольно цѣнные матеріалы этнографическіе и антропометрическіе, какъ мнѣ авторъ лично сообщалъ, составятъ отдѣльный сборникъ, который будетъ помѣщенъ въ Zbiorz'ѣ wiadomości do antropologji krajowej, когда онъ будетъ пополненъ его корреспондентами.

Въ изслѣдованной авторомъ мѣстности еще покойный Поль подмѣтилъ среди населенія четыре этнографическія разновидности: лемковъ, бойковъ, тухольцевъ и гуцуловъ. Въ настоящее же время г. Коперницкій считаетъ необходимымъ выдѣлить въ особую этническую группу горцевъ, живущихъ между лемками и бойками по лѣвымъ притокамъ Сана. Они какъ по физическимъ свойствамъ, такъ и по языку и одеждѣ несомнѣнно отличаются и отъ бойковъ, и отъ лемковъ. Особаго народнаго названія эта группа, какъ и обѣ сосѣднія, не имѣетъ и поэтому авторъ предлагаетъ назвать ее *полонинцами* отъ Полонинъ, надъ которыми она раскинула свои поселенія и возлѣ которыхъ особенно ярко выступаютъ этнографическія особенности.— Описывая каждую изъ этихъ пяти группъ, авторъ приводитъ свои заключенія о характерѣ, бытѣ, одѣяніи, жильѣ, языкѣ и физическихъ качествахъ каждаго племени, стараясь подмѣтить и установить важнѣйшія отличительныя ихъ этническія черты. Въ общемъ всѣ эти горцы, за исключеніемъ гуцуловъ, имѣютъ между собою много общаго, что ихъ рѣзко отличаетъ отъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ малороссовъ. Всѣ они имѣютъ хаты курныя. Лемки, полонинцы и бойки соединяютъ подъ одной крышей вмѣстѣ съ жильемъ всѣ хозяйственныя постройки, какъ то: сараи для скота, конюшни, склады для хлѣба и даже гумно; все это непосредственно соединено одно съ другимъ, дѣлая впечатлѣніе нашихъ типичныхъ еврейскихъ построекъ, тѣмъ болѣе, что жилья эти въ большинствѣ случаевъ вовсе не имѣютъ огороженнаго двора. Страшная нечистоплотность, неряшество просто поражаютъ въ сравненіи съ общеизвѣстной чистотой даже въ бѣдныхъ хатахъ всѣхъ другихъ малороссовъ. Объяснить этого нельзя даже нищетой, потому что только лемки и отчасти полонинцы живутъ въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, остальные же обставлены въ матеріальномъ отношеніи сравнительно недурно. Типичная одежда всѣхъ горцевъ, значительно приближающаяся къ венгерскимъ образ-

цамъ, хотя и рѣзко отличается у отдѣльныхъ племенъ, ничего почти общаго не имѣетъ съ одеждой всѣхъ остальныхъ малороссовъ; мы ее видѣли отчасти на рисункахъ у Головацкаго. Замѣчательно, что даже нашей малорусской *мережки* на рубахахъ тамъ нѣтъ, хотя они охотно испещряютъ всѣ части одежи разными нашивками, бахромами и вышивками изъ гаруса. Только тухольцы и гуцулы носятъ усы, остальные же брѣютъ все лицо.

Небольшая эта статья, какъ она ни сжата, и на первый взглядъ представляющаяся лишь бѣглымъ отчетомъ по экскурсіи, составляетъ однако цѣнный вкладъ въ этнографію галицкихъ русскихъ. Удовлетворить насъ вполнѣ она, разумѣется, не можетъ; мы ее считаемъ лишь предисловіемъ къ сборнику тѣхъ матеріаловъ, которые мы надѣемся въ скоромъ будущемъ увидѣть въ изданіяхъ краковской академіи.

Ц. Нейманъ.

H. Pöllmann, Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. München, 1888.

Никогда, кажется, западъ Европы не относился съ такимъ трогательнымъ интересомъ ко всему русскому, какъ теперь. Русская изящная литература, русское искусство, русская музыка стали теперь модными на западѣ; русскій самоваръ кипитъ въ аристократическихъ гостинныхъ, западные желудки дѣлаютъ даже попытки переваривать наши щи и борщи. Даже русскій языкъ, такъ долго считавшійся варварскимъ и невозможнымъ для изученія, теперь въ большой модѣ и самоотверженно изучается нѣмцами, французами, англичанами, даже американцами.

Но не станемъ однако обольщаться на счетъ причинъ такого къ намъ трогательнаго участія. Не мы сами по себѣ (an sich), не оригинальность нашей внутренней организаціи и своеобразность продуктивнаго творчества привлекаютъ къ намъ очи запада. Изученіе Руси на западѣ имѣетъ пока главнымъ образомъ значеніе военной рекогносцировки, объясняется паническимъ страхомъ передъ силами сѣвернаго великана и необходимостью познать эти опасныя силы. Въ числѣ множества иностранцевъ, околачивающихся теперь у насъ съ цѣлью изученія русскаго языка, весьма значительный контингентъ составляютъ иностранные офицеры, играющіе роль древняго «языка». Англійскіе офицеры (преимущественно изъ Индіи, гдѣ собственно и

сталкиваются наши интересы съ царицею водъ) получаютъ даже особенную прибавку къ жалованью (въ 60 ф. ст.) за изученіе русскаго языка, и нужно видѣть, какое магическое вліяніе имѣетъ эта «русская» прибавка! Въ какихъ нибудь 3—4 мѣсяца пришпориваемый сладкой надеждой на лишнихъ 60 ф. англичанинъ настолько овладѣваетъ русскимъ языкомъ, что не только можетъ бесѣдовать съ вами о житейскихъ предметахъ, но и съ успѣхомъ читаетъ и понимаетъ Пушкина, Гоголя, etc. Вернувшись на родину, эти «языки» считаютъ себя уже спеціалистами по всему русскому и строчатъ цѣлые томы о нашей жизни, наукѣ и искусствѣ. Но странное дѣло! Несмотря на этотъ явный интересъ къ намъ, знаніе русской жизни очень мало подвинуто на западѣ; даже нѣмцы, строча о Руси, отступаютъ отъ своей обычной Gründlichkeit, составившей ихъ славу. Экскурсіи ихъ въ область русскаго напоминаютъ пока наѣзды древнихъ норманновъ, внезапно налетавшихъ и удиравшихъ съ первой схваченной добычей. Даже неучившійся въ семинаріи съ улыбкой прочтетъ ту чепуху, которую въ своихъ трактатахъ о Руси излагаютъ ученые западные наѣздники.

Къ числу такихъ наѣздниковъ несомнѣнно принадлежитъ и ученый авторъ замѣтокъ о древней исторіи козачества, herr premier-lieutenant H. Pöllmann. Пробѣжавъ чрезъ русскій мосточекъ и схвативъ тамъ кленовый листочекъ, этотъ храбрый норманъ вполнѣ убѣжденъ, что не только изучилъ темный лѣсъ козачества, но и внесъ въ него много собственнаго свѣта. Съ чисто военной смѣлостью заявляетъ этотъ военный ученый, что своими изслѣдованіями онъ расширилъ научный горизонтъ въ исторіи козачества и *окончательно* разрѣшилъ многіе темные вопросы въ этой исторіи, особенно что касается этимологіи и военной географіи (предисловіе). Не пытаясь вступать въ борьбу съ храбрымъ иноплеменникомъ, мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ тѣхъ научныхъ пріемовъ, какими онъ рубитъ гордіевы узлы темныхъ вопросовъ исторіи козачества.

Ученый авторъ приводитъ разныя толкованія слова «козакъ», но признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными. По его основанному на глубокомъ изученіи русскаго языка и жизни толкованію, слово козакъ не иноземнаго, а чисто русскаго происхожденія, чего до сихъ поръ не могли сообразить наши русскіе ученые. И какъ легко и просто этимологическое толкованіе автора! Слово козакъ построено совершенно аналогично со словомъ рыбакъ, и если рыбакъ, какъ это несомнѣнно, происходитъ отъ рыбы (рыба—къ), то и козакъ (краснѣйте,

русскіе филологи) можетъ только произойти отъ *козы* (коза—къ). Такимъ образомъ козакъ есть собственно пасущій козъ, имѣющій козъ. Это просто и очевидно, какъ всякая геніальная мысль. И однако ученый авторъ снисходитъ еще къ нашему недомыслію, разрѣшая разныя недоумѣнія, могущія возникнуть у консервативныхъ и мало образованныхъ въ филологическихъ наукахъ русскихъ историковъ въ этомъ вопросѣ. Ученый авторъ замѣчаетъ, что разведеніе козъ въ данное время не составляетъ нигдѣ на Руси спеціальнаго занятія; въ степяхъ разводятъ преимущественно овецъ, такъ что на Руси нѣтъ даже спеціальнаго термина для перваго занятія. Но это обстоятельство не смущаетъ храбраго автора. Хотя козъ спеціально и не разводятъ, но *могутъ* разводить, и если вообще отношеніе числа козъ къ числу овецъ на Руси является 3—100, то въ степяхъ оно *вѣроятно* больше, напр. 1 коза на 15—20 овецъ. Съ другой стороны разведеніе козъ указываетъ на очень низкую степень культуры (?) и занимались имъ лишь бѣднѣйшіе жители низовьевъ Днѣпра, а ихъ аристократическіе соплеменники верховьевъ Днѣпра (нѣмецкій ученый въ южнорусскомъ крестьянствѣ выдѣляетъ 2 класса—аристократовъ и пролетаріевъ) называли ихъ презрительнымъ именемъ козопасъ (Ziegenbauer id est Kosaki), а тѣ съ покорностью, которою всегда отличались крестьяне-пролетаріи, приняли это презрительное наименованіе (пусть читатель не думаетъ, что мы здѣсь шутимъ; это дословное почти изложеніе мыслей храбраго офицера). Но почему же это названіе такъ скоро заглохло, что до самыхъ историческихъ временъ не сохранилось спеціальнаго названія для занимавшихся разведеніемъ козъ? А это потому, что названіе козопасъ (козакъ) чисто мѣстнаго происхожденія и потому не попало въ общерусскій языкъ (Богъ его знаетъ, что этимъ хочетъ сказать ученѣйшій авторъ). А впослѣдствіи слово козакъ было окружено такимъ ореоломъ славы, что низкое происхожденіе этого наименованія совсѣмъ затерялось.

Разрѣшивъ такъ блистательно вопросъ объ этимологическомъ значеніи слова козакъ, побѣдоносно разсѣявъ всѣ сомнѣнія и возможныя возраженія, нашъ ученый лингвистъ останавливается еще на этимологіи слова *атаманъ* и толкуетъ его удивительно просто и оригинально. Слово атаманъ, какъ и козакъ, не иноземнаго происхожденія, какъ думаютъ наивные русскіе ученые, а чисто русское слово. Корень его—ман, отъ *манить*, что въ переносномъ смыслѣ значитъ—повелѣвать, начальствовать. Труднѣе объяснить происхожденіе первой части слова—*ата*, но для нѣмецкаго офицера не можетъ быть

непреодолимыхъ препятствій, и онъ съ рѣдкой сообразительностью и смѣлостью рубитъ этотъ гордіевъ узелъ—*ата=тамъ*, атаманъ поэтому есть ничто иное, какъ *тамъ—манъ*=таманъ, такъ какъ второе *м* по законамъ русскаго языка выпало, такимъ образомъ тамъ—манъ или атаманъ значитъ—*здѣсь начальствующій* (der hier Befehlende), соотвѣтствуя нѣмецкому Her-zog. Изъ русскаго атаманъ перешло въ польскій языкъ въ словѣ Hetman, «durch quetschung des ersten a, Verschlucken des zweiten und vorsetzen eines sogenannten Digamma in Gestalt eines H» (дѣлаю эту выписку для поученія нашихъ филологовъ). Покончивъ съ филологіей, авторъ принимается за исторію, говоритъ о древнѣйшей исторіи козачества (съ X—XI в.), о нападеніи татаръ, разселеніи козаковъ, запорожцахъ, etc. Мы не станемъ излагать содержанія мыслей ученаго автора, съ его пріемами мы уже познакомились. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ остается себѣ самому вѣренъ, вѣдая вездѣ то, чего не вѣдаетъ никто, отыскивая козаковъ въ X и XI в. Полное отсутствіе указаній на источники, полная невинность автора въ вопросахъ хронологіи и исторіи дѣлаютъ совершенно излишними борьбу съ нимъ; мы охотно уступаемъ ему поле сраженія и надѣемся, что за свои ученые труды храбрый лейтенантъ будетъ очень скоро произведенъ (идемъ по стопамъ его филологіи) въ пель=пол=полк—маны=полковники.

И. Л—ко.

Маленькое разъясненіе.

Въ № 1-мъ Русскаго Филолог. Вѣстника за текущій годъ въ отдѣлѣ «библіографическихъ замѣтокъ» на стр. 139—140 я встрѣтилъ, къ удивленію своему, нѣсколько непонятныхъ для меня строкъ, написанныхъ по поводу реферата моего «Къ столѣтію со дня рожденія Г. Ѳ. Квитки», читаннаго еще въ 1878-мъ году въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца. Говорю—*непонятныхъ для меня строкъ*—потому, что рецензенту угодно было, въ силу его личныхъ соображеній, освѣтить мой рефератъ, вмѣстѣ съ рѣчью покойнаго профессора А. А. Котляревскаго о Шевченкѣ, какъ *образчики мѣстнаго патріотическаго направленія,* для каковой цѣли онъ не поскупился на всяческіе пріемы, включительно до умышленной передержки. Говоритъ г. рецензентъ о моемъ рефератѣ по поводу вышедшей въ прошломъ году 2-й книги «Чтеній въ историческомъ

обществѣ Нестора Лѣтописца», гдѣ помѣщено извлеченіе изъ этого реферата, перепечатанное изъ газеты «Кіевлянинъ», постоянно передававшей отчеты о засѣданіяхъ «Общества», но не самый рефератъ, который напечатанъ никогда не былъ. Конечно, рецензенту не угоняться за всякими мелочами, и потому онъ могъ не знать о моемъ печатномъ заявленіи (въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. № 4, стр. 873), что въ «Кіевлянинѣ» не былъ помѣщенъ мой рефератъ, а только сравнительно краткій отчетъ о немъ; но и безъ этого онъ долженъ былъ знать о неполномъ видѣ моего реферата, т. к. въ той же книгѣ «Чтеній» онъ поставленъ въ главѣ, гласящей: «*сообщенія, помѣщенныя въ сокращеніи*», (см. оглавленіе, стр. IV). Если бы г. рецензентъ принялъ это во вниманіе, то онъ не рискнулъ бы сказать, что «*референту, если онъ не въ силахъ дать правильную оцѣнку этому автору, слѣдовало бы справиться, что думаетъ о немъ вполнѣ въ данномъ случаѣ безпристрастная русская критика, критика Современника 50-хъ годовъ*»; говорю—не рискнулъ бы сказать этого, такъ какъ цѣлью моего реферата въ полномъ видѣ было представить не обстоятельный критическій разборъ литературныхъ произведеній Квитки (чему не время въ день празднованія столѣтняго юбилея), а только сводъ біографическихъ данныхъ и таковой же сводъ разнообразныхъ критическихъ отзывовъ о немъ въ русской журналистикѣ. Благодарю, конечно, за совѣтъ прочесть критику въ «Современникѣ» 50-хъ годовъ, но жаль, что совѣтъ этотъ очень опоздалъ, т. к. въ моемъ рефератѣ были приведены не только выдержки изъ этой статьи, но цѣлый рядъ другихъ, гораздо болѣе рѣзко отзывавшихся о Квиткѣ. Но, конечно, г. рецензентъ въ полномъ видѣ моего реферата не знаетъ, и потому могъ впасть *по неосторожности* въ ошибку.—Странно только вотъ что: въ первыхъ же строкахъ напечатаннаго въ «Чтеніяхъ» отчета о моемъ рефератѣ читаемъ, что «не надежда сообщить что нибудь новое, доселѣ неизвѣстное въ литературѣ о жизни и дѣятельности Гр. Ѳ. Квитки, *не надежда представить полный и обстоятельный критическій разборъ его произведеній (чему, сказать между прочимъ, не мѣсто и не время въ данномъ случаѣ)*, не надежда представить изслѣдованіе по какому нибудь отдѣльному вопросу въ связи съ именемъ Квитки,—понуждаетъ референта къ сегодняшнему чтенію; онъ проситъ принять его за желаніе въ столѣтнюю годовщину рожденія помянуть добрымъ словомъ человѣка, который—и своею жизнью, полною всякихъ треволненій и пережитыхъ противоположностей, и своей литературной дѣятельностью—представляетъ, съ одной стороны,

любопытный фактъ въ жизни нашего провинціальнаго общества конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, съ другой—отрадное явленіе въ южно-русской, украинской литературѣ» (стр. 78). Кажется, при нѣкоторой добросовѣстности, достаточно было г. рецензенту и этихъ строкъ, чтобы удержаться отъ вышеприведенной его фразы. Но онъ пошелъ еще далѣе. «Г. Науменко превозноситъ *давно и по заслугамъ забытаго* Квитку выше облака ходячаго: имя его, повторяетъ онъ, перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію завѣтное сокровище, неоцѣненный перлъ» —такъ читаемъ въ рецензіи. Если бы такъ оно было на самомъ дѣлѣ, то конечно рецензентъ былъ бы правъ, говоря, что я превозношу Квитку выше облака ходячаго; но я приглашаю его заглянуть на стр. 86—87 «Чтеній», гдѣ, приведши отзывы, неблагопріятныя для Квитки, я говорю: «въ заключеніе, однако, нельзя не сказать, что много было въ то время поклонниковъ и цѣнителей таланта Квитки; много было людей, отъ глубины души выражавшихъ ему сочувствіе, съ болью въ сердцѣ прощавшихся съ нимъ на могилѣ. *Казалось бы, память о немъ должна пережить много поколѣній*, или, повторяя слова г. Сементовскаго, «имя его перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы...... И что же?—добавляю я: прошло лишь 35 лѣтъ со дня смерти Г. Ѳ. Квитки, а мы видимъ, что общество стало забывать его». Теперь мы и спросимъ: такъ ли передалъ мою мысль г. рецензентъ, и не чувствуетъ ли онъ хоть нѣкотораго укора совѣсти?

Въ заключеніе скажемъ, что мы не считаемъ нужнымъ становиться въ данномъ случаѣ на защиту имени Гр. Ѳ. Квитки, т. к. отъ подобной бахвальной выходки г. рецензента имя это нисколько не пострадало; приведемъ развѣ только слѣдующія слова о значеніи Квитки, принадлежащія перу одного очень авторитетнаго ученаго: «Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, п. ч. художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. *Квитка Основьяненко былъ и на-*

долго останется первымъ народнымъ писателемъ на Украинѣ». Такъ писалъ въ 1843 году (Москвит. ч. IV, стр. 503) И. И. Срезневскій,—имя, достаточно авторитетное, особенно для *Филологическаго Вѣстника*.

В. Науменко.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ [1]).

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 2—4. *Въ отдѣлѣ критики и библіографіи* помѣщены рецензіи и замѣтки о слѣдующихъ книгахъ: 1) Краткая замѣтка о книгѣ «Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣтописца». Кн. 2-я. (№ 2, стр. 423). 2) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. *А. Потебни*; изд. 2 е—статья *А. Будиловича* (№ 3, стр. 206—210). 3) Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. *Г. Крыжановскаго*. (№ 3, стр. 234—235). 4) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваем. гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*,—статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 4, стр. 423—426).

Вѣстн. Европы 1889 г. №№ 3—4. *Обзоръ русскихъ изученій славянства. А. Пыпина.* I. *Время до-петровское* (№ 4, стр. 584—625). Нѣсколько страницъ удѣлено бѣглому обзору фактовъ вліянія польскаго на юго-западную Русь (598—599).

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) *Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. П. Житецкаго. Часть 1-я.* (№ 3, стр. 415—418); 2) *Русскія древности въ памятникахъ искусства*, *издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I-й. Классическія древности южной Россіи* (№ 4, стр. 843—849).

Русская Мысль. 1889 г. №№ 2—3. Статья *«Юлій Словацкій» Л. Полонскаго* (№ 2, стр. 61—100), сообщая нѣкоторыя данныя объ этомъ польскомъ поэтѣ, между прочимъ, даетъ разборъ его трагедіи «Мазепа».

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2-й половинѣ XVII в. Н. В. Стороженка;* 2) *Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго* (№ 2, стр. 56—57).

---

[1]) Списокъ разсматриваемыхъ изданій напечатанъ въ № 3, мартъ. Къ нимъ прибавились: Русскій Паломникъ, Новости и Биржевая газета, Наблюдатель, Орловскій Вѣстникъ.

Филологическій Вѣстникъ 1889 г. № 1. *Замѣтки по исторіи школьной драмы. А. Соболевскаго.* (стр. 1—14). Статья представляетъ нѣсколько возраженій противъ частныхъ положеній, высказанныхъ въ книгѣ П. Морозова «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій».

Западно-русская Четья 1489 года. М. Карпинскаго. Авторъ статьи знакомитъ подробно съ этой рукописью, давая описаніе ея, перечисляя характерныя особенности въ звуковыхъ отличіяхъ, въ употребленіи формъ, приводя краткій словарь и, наконецъ, прибавляя текстъ житія Бориса и Глѣба по этой рукописи. (№ 1, стр. 59—106).

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены замѣтки о слѣдующихъ книгахъ: «*Monumenta linguae palaeoslovenicae*» *т 1 й. Калужняцкаго* (стр. 132—133). 2) Краткая замѣтка о книгѣ *г. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.* Тонъ замѣтки не совсѣмъ удобный для ученаго журнала, что видно, между прочимъ, изъ заключительныхъ словъ ея: «намъ кажется не лишнимъ *попенять* г. Житецкому за его *клевету* на проф. Соболевскаго: у послѣдняго (Очерки, стр. 89) нѣтъ той *чепухи*, которая приписывается ему авторомъ» (стр. 135—136). 3) Трудъ г. *Крыжановскаго «Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ»*. (стр. 136). 4) *Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца»*. Книга 2-ая (138—141).

Сѣверный Вѣстникъ №№ 2—4. 2. *И. Лучицкій. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи* (оконч.).

2, 4. *Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ* (изслѣдованіе). 19 фев. 1861 г. Образованіе и развитіе права, очеркъ кодификаціи рус. права, крѣпостные крестьяне передъ закономъ наканунѣ 19 февраля, право жалобы и отношеніе къ власти. Что должно было послужить исходною точкою при освобожденіи, организація освободительныхъ работъ, крѣпостническія вліянія, общій характеръ освобожденія, первоначальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

2, 3, 4. Въ областномъ отдѣлѣ отмѣчено нѣсколько фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи.

3. *Некрологъ А. И. Стронина.*

4. *Ѳ. Ѳ. У смоленскаго мужика.*

Пантеонъ Литературы №№ 2—4. 2. Въ Совр. Лѣтописи сообщенія: a) о засѣданія Имп. Общ. любит. древ. письменности 9 янв. 1889 и b) о брошюрѣ Мартынова «La litterature slave».

4. *О. Ѳ. Миллера. Памяти В. М. Гаршина.*

— Вал Н. Майковъ. Критическіе опыты (*Д И. Минаевъ*—Слово о полку Игоревѣ пер. Д. Минаевъ Спб. 1846. Слово о вѣщемъ Олегѣ, переводъ, его же Спб. 1847. В. П. Аскоченскій—Стихотворенія Кіевъ, 1846).

— Въ отд. новыя книги краткая рецензія на «Русскія Древности» гр. Толстаго и Кондакова.

Русскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 2—4. 2, 3. *А. А. Велицынъ. Иностранная колонизація въ Россіи.* Главы II, III.

2. Въ сообщеніяхъ и извѣстіяхъ: Письмо Н. В. Гоголя къ А. П. Погодиной (1846 г.).

4. *Архим. Леонидъ. Древняя рукопись.* (I. Изборникъ болгарскаго пресвитера—мниха (іеромонаха) Григорія и уцѣлѣвшая часть памятника. Первоначальный славянскій хронографъ или «Еллинскій Лѣтописецъ»—болгарской редакціи X вѣка. Пресвитеръ—мнихъ Григорій. Значеніе его. Изборники въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія кіевскихъ руссовъ времени вел. кн. Ольги. II. О трехъ сочиненіяхъ, входившихъ въ составъ «Изборника Григоріева» по списку XIII в.

— *Письмо И. Г. Наумовича и Червоноруссы.*

Колосья №№ 1—4. 4. Джигита. Пов. И. Подольскаго-Кавказскаго.—Нѣсколько чертъ изъ жизни черноморскихъ козаковъ въ эпоху послѣднихъ событій кавказскихъ войнъ.

Наблюдатель №№ 11—4. 11. Въ отд. «Новыя книги» краткая рецензія на книгу Барсукова «Родъ Шереметевыхъ» кн. 5.

12. Разсказы Захеръ-Мазоха 1. Битва подъ Гдовомъ. II Ѳеодосья.—Изъ галицкой жизни.

— О. В. Наши литературные нравы.—Авторъ смѣшалъ профессора русской исторіи универ. св. Владиміра В. Б. Антоновича съ редакторомъ «Кіев. Слова» тоже проф. унив. св. Владиміра, но по каѳедрѣ полит. экономіи, А. Я. Антоновичемъ,—хотя ранѣе выхода № 12 «Наблюдателя» г. Венгеровъ въ своемъ словарѣ уже помѣстилъ біографію А. Я. Антоновича, послѣ чего уже, казалось бы, трудно было и автору, и редакціи смѣшать эти лица.

1, 2, 3, 4. I. I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) Свѣтъ погасъ, ром. И описаніе города съ названіемъ его улицъ, и фотографіи дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, и прозрачные фамиліи ихъ ясно указываютъ на желаніе автора описать Кіевъ и нѣкоторыхъ кіевлянъ; насколько это ему удалось, гдѣ правда и гдѣ фантазія—это зависитъ отъ его совѣсти.

1, 2, 3, 4. В. О. Михневичъ. Вѣкъ эпикурейства (черты нравовъ въ Россіи XVIII в.).—Есть данныя о нѣкоторыхъ малороссіянахъ того времени, занимавшихъ видное положеніе въ Петербургѣ.

3, 4. *Г. П. Сазоновъ.* Кабала въ отхожемъ промыслѣ.

Русская Старина №№ 2—4. 2, 4. Записки А. М Тургенева г. LXIII—LXV.

2. Записки Н. Н. Мурзакевича 1806—1883 (оконч.).

2, 3, 4. Дневникъ проф. акад А. В. Никитенка (янв.—декабрь 1826, 1827).

2. Изъ временъ крѣпостнаго права. Л. Весина.—Приведены изъ записки Н. И. Второва весьма характерныя данныя, которыми покойный статистикъ и этнографъ характеризировалъ отношеніе къ крѣпостной зависимости крестьянъ въ малороссійскихъ и великороссійскихъ селеніяхъ ворон. губерніи.

2. П. П. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ—сообщ. С. Д. Носъ.

— М. И. Глинка (нов. матер. для его біографіи) 1. Симфонія «Тарасъ Бульба». В. Стасовъ.

— П. А. Антоновичъ (замѣтка), б. попечитель кіев. учеб. округа.

Русскій Архивъ №№ 3—4 3. *Изъ записокъ фельдмаршала кн. Паскевича* (до авг. 1826 г.).

3, 4. *Изъ дневника и записной книжки* гр. П. Х. Граббе(1849—1854 г.).

4. *М. С. Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ.* Воспоминанія А. В. Щепкиной.

Историческій Вѣстникъ №№ 3—4. 3. *Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ* (б. ворон. губернаторѣ) Е. Соковниной.

— *Полувѣковой юбилей* возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православной церковью (въ прил. портр. І. Симашка) М. Городецкаго.

— *Скиѳская жертвенная чаша.* Д. Эварницкаго.

— Въ Крит. и библіогр. рецензіи на книги: Сапунова—Витебская Старина и Стрѣльбицкаго—Уніатскіе церковные соборы.

4. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ—И. Ѳедорова (безъ обозначенія мѣста и года событія и съ ошибками въ названіи служившихъ въ тѣ времена лицъ.—Панчулидзевъ былъ губернаторомъ въ Черниговѣ съ 1870—1875 годъ.

— Въ Критикѣ и библіографіи кр. рецензіи на книги: Ровинскаго, Мордовцева, Булгакова, Кондакова и Смирнова.

3, 4. Въ смѣси нѣсколько замѣтокъ.

Журналъ Гражд. и Угол. Права. №№ 1—4. 2. *Некрологъ проф. Г. Д. Сидоренка.* К. С.

3. *Рецензіи* на книги: 1) Н. И. Карѣева. Историческій очеркъ польскаго сейма и 2) Самоквасова. Исторія русскаго права.

Природа и Охота №№ 1—3. 3. *А. Довбня. Землянскій уѣздъ воронежской губерніи* (очеркъ).

— *А. Шляхтинъ. Къ вопросу о донскомъ рыболовствѣ.*

— *А. Полторацкій. Житье—бытье охотничьей команды* (Довольно мѣткое описаніе глуховскаго, кролевецкаго, конотопскаго и отчасти новгородсѣверскаго уѣздовъ).

— *Ѳ. К. Лоренцъ. Поѣздка въ кубанскую область.*

Восходъ №№ 3—4 и Недѣльная Хрон. Восхода №№ 7—16. 3, 4.

С. Бершадскій. Еврей король польскій. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія (прод.).

— Въ Лит. Лѣт. рецензія на Еврейскіе разсказы Захеръ-Мазоха, перевед. А. Размадзе. М. 1887 г.

-- Въ Библіографіи рецензія на книгу А. Субботина. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости».

Странникъ №№ 2—4. 2, 3, 4. *И. П. Матченко. Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* Распространеніе христіанства на Руси. Устройство церкви русской. Отношенія христіанства къ язычеству. Нравств. перевоспитаніе рус. народа христіанствомъ.

— *Архим. Никодимъ Милашъ. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе.* VI. Конгрегація пропаганды для распространенія уніи. VII. Пропаганда уніи между православными.

3, 4. *И. Г. Наумовичъ. Романъ Кузьмина.* (Разсказъ изъ галицкой жизни).

4. Въ книжной лѣтописи отзывъ о сборникахъ Ист. общ. Нестора, и о книгѣ Витте о 900-лѣтіи крещенія Руси.

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 1—2. 1, 2. Отд. II. Мелкія статьи, извѣстія и замѣтки: *Императоръ Николай и бѣлокриницкіе раскольники.*

Археологическія раскопки въ Переяславѣ (полт. губ.).

Открытіе новыхъ пещеръ въ Кіевѣ. Храмъ съ замѣчательною надписью, построенный Екатериною II въ Новороссійскомъ краѣ.

2. Въ журнальномъ обозрѣніи о «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» и «Вѣра и Разумъ».

Труды Кіевской Духовной Академіи №№ 2—4. 2. *Извѣстія церковно-археологич. общества при кіев. дух. академіи* (за м. декабрь 1888 г.) Н. И. Петрова.

3, 4. *М. Е. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій*, архіепископъ могилевскій и его литературные труды.

— *Отчетъ церковно-археологическаго общества при кіевской дух. академіи за 1888 г. Н. И. Петрова.*

Университетскія Извѣстія №№ 1—2. 1. *Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго университета св. Владиміра въ 1888 г.*

2. *Отчетъ о состояніи кіевскаго центральнаго архива* для древн. актовыхъ книгъ губерній кіевск., подольск. и волынской въ 1888 г.

Экономическій Журналъ №№ 1—3. 1. *Я. С. Любопытный эпизодъ* (Изъ исторіи русскихъ финансовъ въ 1820-хъ годахъ.—Нѣкоторыя части проекта гр. Мордвинова имѣли въ виду интересы юга Россіи).

— *Земское обозрѣніе* (Финансы, мѣстное хозяйство и промышленность, благотворительность и школа, пути сообщенія, страхованіе и борьба съ эпизоотіями).

2, 3. *Ростъ г. Севастополя и прогрессивное развитіе дѣятельности его коммерческаго порта*. Бар. Нези.

— *Торговое обозрѣніе* заключаетъ въ себѣ данныя и для юга Россіи.

— *Городское хозяйство*: Кишеневъ. Симферополь.

Новь №№ 7—10. 7. *Симферополь*, ор. рисун. Л. Ноздрева.

— *Карновича. Русское мѣстное управленіе въ прошломъ вѣкѣ*.

9. *Чумаки*, оригин. рисун. В Лося.

10. *Богатѣйшій каменноугольный районъ* А. Габерфельда съ иллюстраціями.

— *Видъ Одессы*, ориг. рисун. В. Темнова.

— *Малороссы*, оригин. рисун. В. Подбѣльскаго.

Нива №№ 7—13. 7. *На масляницѣ*. Деревенскій катокъ, ориг. рисун. Ижакевича.

9. *Крымскій видъ*. Ориг. рис. Кравченка.

10. *Степной табунъ*, рисун. \Айдукевича.

Сѣверъ №№ 7—14. 10. *Рыбные промыслы на Азовскомъ морѣ* 2 грав. рисун. съ фотогр. Варпаховскаго.

14. *Черное море* (рисун.) картина Судковскаго.

Всемірная Иллюстрація 6—16. 13. *Панъ Каневскій*. Изъ «Польскихъ разсказовъ» *Захаръ-Мазоха*. Разсказъ изъ быта Подоліи прошлаго столѣтія, въ которомъ подъ именемъ «пана Каневскаго» изображается Потоцкій.

16. *Кобзарь*. Изъ баллады Т. Г. Шевченка «Перебендя». Рисунокъ *В. Отмара*.

Живописное Обозрѣніе №№ 1—15. 8. *Ориг. рисунокъ Топоркова Игуменъ Ѳеодосій уличаетъ кн. Святослава въ бражничествѣ и весельи*.

9. *Т. Г. Шевченко* (портретъ).

— *Катерина* (рисунокъ въ поэмѣ Т. Шевченка).

13. *Матеріалъ для исторіи возсоединенія уніатовъ съ православіемъ въ XVIII в*. Грамота Виктора, архіеп. минскаго, 26 мая 1694 г.

Русское Судоходство №№ 70—79. 70—71. *Наше судоходство* (Черное море).

73. *Тормазы нашего мореходства*, въ особенности на Черномъ и Азовскомъ моряхъ Та—фу.

— *Наше судоходство* (Черное море) Н—й К.

77. *Изъ прошлаго* (проектъ адмир. гр. Мордвинова о перевозкѣ крымскихъ произведеній моремъ на сѣверъ) В. Т.

Церковный Вѣстникъ №№ 7—16. 11, 12. Къ предстоящему пятидесятилѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ 1839 г. М. Кояловича.

11. Н. Барсовъ. Неправильная оцѣнка личности архіеписк. Иннокентія (по поводу записокъ Н. Н. Мурзакевича).

13. Синодальное дѣяніе 30 марта 1839 года.

14. Въ обозрѣніи свѣтскихъ журналовъ сочувственный отзывъ о ст. Лупулеску «Русскія колоніи въ Добруджѣ» (Кіев. Ст. 1889. № 1—3).

15. Обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ Типическія черты семинарскаго воспитанія, написано по поводу статьи П. Левицкаго о переяславской семинаріи (Кіев. Ст. № 2, 1889).

Христіанское Чтеніе №№ 3—4. 3, 4. В. Васильевъ. Соборы 1547 и 1519 г. (очерки изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ).

— Н. Б. Библіогр. замѣтка (Шмурло—Митр. Евгеній).

— Родосскій. Въ память 75-лѣт. юбилея спб. дух. академіи. (Каталогъ старопечатн. книгъ библ. спб. д. ак.).

Зоря №№ 6 и 7—8. 6, 7. *М. Старицькій на спомин*ъ *Т. Г. Шевченка* (стих.).

— *Перши чотыри роки засланя Шевченка.* Написано по ст. Н. И. Стороженка «Кіев. Ст.» 1888 г. № 9.

— *Шевченко въ Новопетровскому.* Написано по ст. Н. Д. Н. «Кіев. Старина» 1889 г., № 3.

— *Ще про Новопетровски часы Шевченковои неволѣ.* Написано по воспоминаніямъ Н. Усковой съ примѣч. М. К. Чалаго въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г., № 2.

— *Щепкинъ и Шевченко.* Написано по рѣчи пр. Н. И. Стороженка (Газ. Гатцука 1888 г. № 6).

— *Шевченко въ цукроварні Яхненка и Симиренка.* Написано по ст. М. К. Чалаго въ «Кіев. Стар.» 1889, № 2.

— *Увольнене Шевченковой роднѣ зъ крѣпацтва.* Написано по замѣткѣ Н. Д. Н. въ «Кіев. Стар.» 1889 г. № 3.

— *Зъ житя Шевченка писля повороту за засланя.* Написано по ст. Суханова—Подколзина въ «Кіев. Стар.» 1885 г.

— *Споминки А. Козачковскаго про Шевченка.* Написано по воспом. Козачковскаго въ «Кіев. Телеграфѣ.»

— *Емиль Дьюранъ* о *Т. Шевченку.*

— *Народная пѣсня про Шевченка.* По «Кіев. Стар.» 1885 г.

— *Заборонені цензурою уступи съ Шевченковои поеми «Катерина».* По «Кіев. Стар.»

— *Нови переклады Т. Шевченка.*—В. Лукича.

— *На вичну память Шевченкови.* С. Павленка (стих.).

— *До Шевченкового свята*—О. П.

— *Наша слава.* (стих.).

8. *Новобранчикъ* (поема) Ю. Федьковича.

— *Стефанъ Качала* (политично-суспôльная студія). Ом. Калитовского.

— *Земляки* (этнографични очерки) I. Парубокъ Порфира С. Ісаевича.

— *О. Огоновскій. Исторія литературы рускои* періодъ новый 9. Григорій Бораковскій.

— *Скобельскій.* О археольогичной выставцѣ Ставропигійского Института.

— *Зъ нашого житя народного.*

— *Въ справѣ видносинъ украинцовъ до россійскои литературы.*

Русскій Паломникъ №№ 9—16. 12, 13. *Торжество православія* съ портретами Гедеона Балабана, еп. львовскаго, Кирилла Терлецкаго, Игнатія Поцѣя, Іосифа Сѣмашка арх. литовск., и рисункомъ раки съ мощами свящ.-муч. Аѳанасія Брестскаго.

13. *Яблочинская и Дерманская обители*, съ рисунками ихъ.

Недѣля 1889 г. №№ 7—17. 7. Лѣсная путаница.

Земское самоуправленіе (борьба городовъ).

8. Въ отдѣлѣ «Новыя книги»—для насъ критическая замѣтка на книгу И. А. Гурвича: Переселенія крестьянъ въ Сибирь. Москва. 1889.

9. Промышленныя школы.

12. Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» корреспонденція изъ кролевецкаго уѣзда (черниговской губерніи) по переселенческому вопросу.

13. Въ отдѣлѣ «Новыя книги» замѣтка на «Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи» Спб. 1889 г.

15. Новый фазисъ въ лѣсной путаницѣ (письмо изъ Чернигова).

Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» корреспонденція изъ Нѣжина (черниговъ. губ.) о мѣстномъ движеніи къ поднятію культуры сельскаго хозяйства.

Славянскія Извѣстія №№ 5—16. 5, 6. Чехи на Волыни Ш. В. И. Шемякина.

— Червоноруссы. Изъ Галиціи (кор.)—П. Г.

— I. Барвинскій (некр.).

— И. Гриневицкій (некр.).

— Самосознаніе русскихъ галичанъ.

— Угроруссы.

— Іезуиты въ Галиціи (замѣтка).

— Замѣтки о намѣстникахъ въ Галиціи съ 1772 г.

— М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси.

7. Заграничная Русь. Письмо о Галицкой Руси П. Г.

8. Торгъ славянскими дѣтьми въ Венгріи.

— Житомиръ (кор.) Ѳ. Досинчука.

— Одесское общ. литераторовъ и ученыхъ (замѣтка).

— Червоноруссцы.

9, 10. Червоноруссы и Угроруссы.

— Поляки (кор. изъ Львова, гр. А. Замойскій некр.).

11, 15. Славяскій элементъ въ Малой Азіи. А. Елисѣевъ.

12. Статья пр. Наумовича, прочитанная въ Слав. общ. 4 дек. 1888 г.

13. «Главнѣйшія причины непрочнаго госуд. строенія въ Старой Польшѣ.

— Положеніе русскихъ въ Галиціи.

— М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси.

14. Заграничная Русь.

15. Св. Кириллъ и Меѳодій—просвѣтители славянъ. Мстислава.

— Галицкая Русь.

16. М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси. А. Васильева.

Przegląd Tygodniowy №№ 7—16. 9. Замѣтка по поводу реферата д-ра Гиршберга въ отчетѣ библіотеки Оссолинскихъ. Въ рефератѣ этомъ, озаглавленномъ: «Изъ временъ бѣдствій и упадка Львова» описывается нападеніе шведовъ въ 1704 г., окончившееся взятіемъ и разграбленіемъ города.

10. Собщается о выходѣ «Малорусскаго альбома узоровъ» Венгерова и Пипко въ Житомирѣ.

11. Рецензіи на книги д-ра Гринцевича: Жена послѣдняго старосты звенигордскаго и Продолжительность человѣческой жизни въ звенигородскомъ уѣздѣ.

12. Въ корреспонденціи изъ Кіева говорится, между прочимъ, о прогрессивномъ увеличеніи иноземной колонизаціи въ юго-западномъ краѣ. Отъ 1787 до 1861 переселилось всего 5,323 человѣка, за время же отъ 1861—1882 число переселенцевъ достигаетъ 82,908 человѣкъ. Наибольшее число чужестранцевъ въ уѣздахъ житомирскомъ и луцкомъ, лежащихъ у самой границы: въ 1-мъ оно составляетъ 10% всего населенія, а во 2-мъ—9,6%.

14. Извѣстіе о выходѣ книгѣ: Противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви. Вильно. 1889 г.

15. Извѣстіе о командированіи московскимъ археологическимъ обществомъ проф. Завитневича въ Бѣлоруссію для археологическихъ изслѣдованій.

16. Извѣстіе о выходѣ книги: Краткое описаніе Житомира, Вержбицкаго.

Кіевлянинъ №№ 60—90. 60. Владиміръ-Волынскъ. Корресп. о движеніи нѣмецкой колонизаціи на Волынь.

61. *Къ реставраціи владиміро-волынскаго собора.*

67. Замѣтка о числѣ сельскихъ крестьянскихъ банковъ въ кіев. губ.— всѣхъ ихъ 57 съ капиталомъ въ 67,000 руб.

— Библ. зам. о книгѣ гр. И. Толстаго и Кондакова—Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. 1. Спб. 1889 г.

68. Мартъ мѣсяцъ—по народнымъ представленіямъ.

69. *Ученый аптекарь университета св. Владиміра Н. Н. Неезе* † 25 марта 1889 г. (некрологъ).

— *Обычай освобождать въ Кіевѣ 25 марта птицъ на волю.*

70. Замѣтка о засѣданіи истор. общества св. Нестора 26 марта. Читаны рефераты: а) В. С. Иконникова. О рукописныхъ коллекціяхъ (ростовская коллекція г. Титова), б). И. В. Лучицкаго—Эпизодъ изъ исторіи XVIII столѣтія и в). Т. Д. Флоринскій—Нѣсколько замѣчаній на 1 ч. сочиненія Богуслацкаго «Исторія славянъ».

72. Корресп. изъ Полтавы. Объ упадкѣ коневодства въ полтав. губерніи.

74. Вербная недѣля.

— Замѣтка о шествіи со святою вербою изъ Петропавловской церкви въ Братскій монастырь.

76, 77. Замѣтка о мvровареніи въ Кіево-Печ. Лаврѣ.

79. *Пасха въ Малороссіи и у южныхъ славянъ.*

83. *Забытыя могилы.* В. Г. (о кіевскихъ кладбищахъ).

— *Ѳомина недѣля.*

— Перепечатанъ изъ № 4 «Кіев. Ст.» анекдотъ объ Александрѣ I въ Бѣлой-Церкви въ гостяхъ у гр. Браницкихъ.

83. *Къ разсказу о посѣщеніи имп. Александромъ I хаты крестьянина въ м. Бѣлой-Церкви.* Пр. П. Л. передаетъ варіантъ анекдота, разсказаннаго г. Познанскимъ въ 4 № «Кіев. Стар.» 1889 г.

84. Сообщено извѣстіе объ изданіи отд. рус. яз. и слов. Имп. академіи наукъ полнаго собранія сочиненій покойнаго проф. унив. св. Влад. А. А. Котляревскаго.

89. *Юрьевъ день.*

90. *Описаніе клада,* найденнаго 20 апр. въ усадьбѣ г. Гребеновскаго по Троицкому переулку—Г.

Кіевское Слово №№ 629—652. 652. Соловьевка (радом. у. кіев. губ.) корреспонденція объ образованіи среди сельск. крест. народа особаго рода группы обывателей «кущниковъ» или «шалашниковъ», распродающихъ все, кромѣ хаты, ради страсти къ тяжбамъ.

638. *Нѣмецкія школы на Волыни*—извлечено изъ ст. Лубенца, помѣщенной въ «Церковно-приходской Школѣ».

— Замѣтка о засѣданіи ист. общ. Нестора 26 марта.

648. *Праздникъ пасхи въ брацлавскомъ у. под. губ.*

— *Капля любви* (волынская легенда).

649. Замѣтка «Еще объ иноземной колонизаціи въ юго-зап. краѣ».

658. Замѣтка о найденномъ въ Кіевѣ кладѣ и объ иноземной колонизаціи въ юго-зап. краѣ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 1—10. 2. *Отчетъ кіевскаго Свято Владимірскаго* при Кіево-Софійскомъ соборѣ братства за 24 года его существованія 1887—88 годъ.

3.—10. *Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности кіевской епархіи* въ 1887—88 учебномъ году.

4, 5. *О произведенныхъ въ прошломъ году передѣлкахъ въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ.*

Волынь №№ 26—71. 26. Замѣтка о движеніи нѣмцевъ на востокъ.

26—28. *П. Новицкаго. Свеклосахарная промышленность Волыни.*

27. *На посидѣлкахъ.* Сообщаются народныя повѣрья о 12 пятницахъ.

32. *Исторія волынской нѣмецкой колонизаціи въ періодъ 1787—1882 г.*

35. *Данныя о количествѣ изданій, получавшихся въ Житомирѣ въ 1888 году.*

36. Письмо изъ Кременца, заключающее въ себѣ нѣсколько географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ данныхъ относительно этого города.

44. *Т. Г. Шевченко въ ссылкѣ.* Изложеніе статьи изъ мартовской книжки «Кіев. Старины»: «На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира».

45. Письмо Бѣлинскаго, помѣщенное въ «Русской Старинѣ», къ Гоголю съ общей характеристикой его произведеній передъ выходомъ въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ».

46. Передовая статья по поводу статьи г. А. С—ча въ «Кіев. Старинѣ» за мартъ: «Изъ школьнаго міра». Авторъ передовицы высказывается противъ развитія общежитій при сельскихъ школахъ, ради увеличенія числа послѣднихъ.

50. Перепечатка изъ «Кіевлянина» замѣтки о положеніи дѣла относительно возстановленія древняго Мстиславова (XII в.) храма во Владимірѣ-Волынскомъ.

54. Замѣтка о состояніи пчеловодства въ м. Купели и его волости (староконстантинов. уѣзда).

54—55. Вл. Б—аго, Древность латинской пропаганды на Руси.

55. Библіографич. замѣтка о книгѣ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Спб. 1889 г.

56. *Село Ново-Малинъ и его историческіе памятники.* Сообщается

маловѣроятныя, основанныя лишь на слухахъ, данныя о дворцѣ и часовнѣ въ этомъ селѣ, сооруженныхъ въ концѣ XIV в. вел. кн. литовскимъ Свидригайломъ, и о находящейся во дворцѣ чашѣ, изъ которой пріобщался будто бы св. князь Владиміръ; по словамъ автора, описаніе этой чаши находится въ какомъ то древнемъ архивѣ дворца. Мы, напротивъ, слышали отъ лицъ, совершавшихъ археологическую экскурсію на Волынь, что это пре...іе не имѣетъ подъ собой никакой опоры, а архивъ относится къ XVIII вѣку.

57. Разъясненіе проф. М. О. Кояловича о причинѣ празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ 8-го іюня сего года: празднованіе всегда происходитъ въ девятый четвергъ послѣ пасхи (девятуха), какъ приблизительно средній день совершившагося возсоединенія, а теперь онъ приходится именно 8 іюня.

61. Перепечатка изъ «Харьков. Вѣдомостей» статьи проф. Сумцова о необходимости устройства этнографич. музеевъ, вообще, и, въ частности, просьба сообщать нужныя ему для изслѣдованія свѣдѣнія о писанкахъ.

63. Кореспонденція изъ Острога объ оканчивающейся реставраціи древняго Богоявленскаго храма.

64. Перепечатка изъ газ. «Червоная Русь» статистич. данныхъ о быстромъ ростѣ еврейскаго населенія въ Галиціи за столѣтіе 1780—1880 г. сравнительно съ христіанскимъ.

71. Библіографич. замѣтка о книгѣ «Волынь. Историческія судьбы юго-запад. края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ». Спб. 1888 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—12. 9—12. *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи.* М. Ляховцы, с. Миклаши. с. Мякоты, с. Малая Родогощь, с. Семеновъ, с. Сивки, с. Волоское, с. Лиски, с. Сушевцы, с. Вариводки (Шороха), с. Тихомль.

9. *Лукіянъ Семеновичъ Александровичъ* (некрологъ).

Волынскія Губернскія Вѣдомости 1889 г. №№ 5—28. 28. Братчиковъ. Остатки волынской старины (истор.-археологич. замѣтки). Продолженіе.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 10—16. 10. *Отчетъ кам.-под. комитета православнаго миссіонерскаго общества за 1888 г.*

11, 12. *Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіѣ и Іовѣ* (прод.).

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 28—43. 30. Перепечатка изъ Прав. Вѣст. о нефтяныхъ мѣсторожденіяхъ въ кубанской области.

33. Перепечатка оттуда же о фруктово и виноградно-водочномъ производствѣ въ Россіи въ 1886—87 г.

41, Сельско-хозяйствен. и промышленная выставка въ Кишиневѣ (правила такой выставки въ сентябрѣ 1889 г.).

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 3—7. 5. *Отчетъ кишиневскаго семинарскаго Трехсвятительскаго братства за 1888 г.*

— *Мѣры о развитіи просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи въ 1812 г.* А. Стадницкаго.

6. *Попытка открытія перваго женскаго училища въ Бессарабіи.*— Ав. Стадницкаго.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—8. 6, 8. *Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи*, извлеченные изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавск. духовн. консисторіи и семинаріи за время отъ 1818 до 1862 года (прод.).

— *П. Скитскій. Объ открытіи народныхъ библіотекъ.*

7. *Даніилъ Кушниръ, ктиторъ млієвскій.*—П. Левицкаго.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 22—33. 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33. *А. Л. Къ исторіи края.* Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Коропской у.: 14. Видута. 15. Гриценко Самойло. 16. Гриценко Яковъ. 17. Гриценко Моисей. 18. Гриценко Карпъ. 19. Голованъ. 20. Галайба. 21. Гриценко Павелъ. 22. Гусаковъ. 23. Долинскій Григорій. 24. Дмитренко. 25. Дубнѣцкій. 26. Дроздовскій Василь. 27. Дроздовскій Кириллъ. 28. Довгеля Петръ. 29. Жиловичъ. 30. Жолудковскій. 31. Жолнѣръ. 32. Забѣло Прохоръ. 33. Занкевичъ. 34. Зражевскій Иванъ. 35. Зражевскій Андрей. 36. Захаріевскій, 37. Иващенко. 38 Кулаковскій. 39. Косачъ Василій. 40. Кошелевъ. 41. Карташевскій. 42. Кеба. 43. Козловскій. 44. Карпѣка Павелъ. 45. Косачъ Пантелеймонъ. 56. Комашинскій. 47. Курскій. 48. Кругликовъ Никита. 49. Кругликовъ Иванъ. 50. Корсакъ. 51. Лихошерстовъ Василій. 52. Лихошерстовъ Несторъ. 53. Лишень Иванъ. 54. Луценко Демьянъ. 55. Ластовецкій. 56. Лебедь. 57. Лисовскій. 58. Марковичъ Иванъ. 59. Мосцѣпанскій. 60. Михайловскій. 61. Максимовичъ Кирило. 62. Метельскій Григорій. 63. Метельскій Трофимъ. 64. Метельскій Иванъ. 65. Макухинъ. 66. Мелаевскій. 67. Маслюкъ. 68. Навроцкій. 69. Павловскій. 70. Покотило Андрей. 71. Покотило Стефанъ 72. Подольскій Захарій. 73. Псіолъ Петръ. 74. Поповъ Стефанъ. 75. Поповъ Федоръ. 76. Петровскій Сидоръ. 77. Петровскій Андрей. 78. Поповъ Никифоръ. 79. Попенченко Петръ. 80. Прасолъ. 81. Прокофьевъ. 82. Покотиловъ. 83. Раковичъ Дмитрій, 84. Стожко. 85. Сидорскій. 86. Стражевскій. 87. Соломка Яковъ. 88. Соломка Филемонъ. 89. Семеновъ Остапъ. 90. Соломка Фома. 91. Самойловичъ Алексѣй. 92. Самойловичъ Андрей. 93. Самойловичъ Іосифъ. 94. Соханскій Антонъ. 95. Савченко Семенъ. 96. Смяловскій Никита. 97. Синѣльниковъ Игнатъ. 98. Соломка Трофимъ. 99. Савченко Тимофѣй. 100. Троцкій Григорій 101. Тупицкій Андрей. 102. Терентенко-Флоринскій Григорій. 103. Трофимовичъ Ананій. 104. Тищенко Федоръ. 105. Троцкій Петръ. 106. Тро-

фимовичъ Федоръ. 107. Троцкій Николай. 108. Троцкій Иванъ. 109. Трофимовичъ Евстафій. 110. Тихоновичъ Макаръ. 111. Тумковскій Иванъ. 112. Христіановичъ Петръ. 113. Христіановичъ Александръ. 114. Христіановичъ Иванъ. 115. Христіяновичъ Яковъ. 116. Чайковскій. 117. Шишкевичъ. 118. Шабранскій. 119. Щетинскій. 120. Юркевичъ Петръ. 121. Юркевичъ Данило. 122. Яновичъ Михайло. 123. Ямщиковъ Иванъ. 124. Яновскій Павелъ. 125. Глушневскій Иванъ. 126. Гаевскій Федоръ. 127. Глушневскій Іосифъ. Изъ примѣчаній къ этому списку мы узнаемъ, а) что родъ Барановскихъ происходитъ отъ остерскихъ «бояръ», вступившихъ, по изгнаніи поляковъ, въ козацкіе ряды, и что родъ этотъ далъ нѣсколькихъ ученыхъ представителей, б) что сынъ Якова Башуцкаго Павелъ былъ Спб. комендантомъ и сынъ его въ 1830—1840 годахъ занимался литературой, в) данныя о происхожденіи дворянъ Лихошерстовъ, Мосцѣпановъ, Псіолъ, Покотилъ, Стожковъ, Соломокъ, Юркевичъ. III. *Кролевецкій уѣздъ* 1. Скоропадскій Иванъ Михайловичъ. 2. Кочубей Вас. Вас. 3. Яновичъ Ив. 4. фонъ-Фитингофъ Карлъ. 5. Лазаревичъ Иванъ. 6. Бутовичъ Петръ. 7. Бутовичъ Данило. 8. Трусевичъ Михайло. 9. Силевичъ. Алексѣй. 10. Холодовичъ. 11. Діаковскій. 12. Забѣлло Иванъ. 13. Шрамченко Михайло. 14. Грановскій Яковъ. 15. Писаревичъ-Шкуринъ Ив. 16. Коханѣя Ѳедоръ. 17. Забѣлло Иванъ. 19. Хилчевскій Тимофѣй. 20. Огіевскій. Лукіянъ. 21. Мосцѣпановъ Клименъ. 22. Аксіотисъ Яковъ. 23. Покотило Степанъ. 24. Забѣло Николай. 25. Дзивовичъ Алексѣй. 26. Лазаревичъ Романъ. 27. Ждановичъ Иванъ. 28. Пикусъ Александръ. 29. Александровичъ Иванъ. 30. Телесницкій Никоноръ. 31. Соломко Данило. 32. Михайловскій Федоръ. 33. Александровичева Анна. 34. Войцеховичъ Иванъ. 35. Заруцкій Матвѣй. 36. Камѣненскій Корнѣй. 37. Александровичева Марія. 38. Мировичъ Стефанъ. 39. Телесницкій Николай. 40. Зубаха-Огинскій Иванъ. 41. Савицкій Алексѣй. 42. Огіевская Ѳеодосія. 43. Огіева Пелагея. 44. Левченковъ Федоръ. 45. Чуйкевичева Катерина. 46. Довгалювскій Иванъ. 47. Сердюковъ Иванъ. 48. Пилатовичъ Василій. 49. Лучницкій Иванъ.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—7. 6. *Игуменія Гамалѣевскаго монастыря Антонія* (Дарья Григорьевна Назаревская). Некрологъ.

Зем. Сборникъ Черниговской губерніи №№ 11—2 11, 12. *О состояніи земскихъ школъ* въ мощонско-боровичскомъ зем. мед. участкѣ городненскаго уѣзда. Врача Божанова.

— *О кочующихъ учителяхъ въ сосницкомъ уѣздѣ.*

— *Отчетъ черниг. общ. библіотеки за 1887 г.*

— *Движеніе народонаселенія въ 1884—5 и 6 годахъ.* (Глава IV—V. суражскій и кролевецкій уѣзды. Гл. VI общіе выводы) Е. В. Святловскаго.

1—2. Подготовительныя работы губернскаго земскаго врача—Е. Святловскаго.

— Движеніе народонаселенія въ черниг. губерніи за 1884—86 г. Гл. VII. Конотопскій уѣздъ. Святловскаго. Земское 25-ти-лѣтіе—С. Лисенка.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 67—107. 68. *А. О. Питра, ордин. проф. харьк. университета по каѳедрѣ ботаники* († 14 Марта 1884 г.)—некрологъ.

76. *Пр. Н. Ѳ. Сумцовъ. Вниманію сельскихъ жителей.* Указавъ на значеніе этнографическихъ музеевъ, какъ хранилищъ предметовъ народнаго быта, авторъ обращаетъ вниманіе на крашанки—бытовое явленіе весьма любопытное въ художественномъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Обращаясь ко всѣмъ лицамъ, близко стоящимъ къ простому народу и интересующимся изученіемъ его быта, авторъ проситъ сдѣлать ему сообщенія или указанія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) «Когда начинаютъ красить яйца? 2) Кто занимается этимъ дѣломъ: маляры по найму, домохозяинъ, домохозяйка или старѣйшая женщина въ домѣ? 3) Какъ производится раскраска, какими красками и откуда онѣ получаются? 4) Повѣрья, сказанія, обряды и поговорки, связанныя съ писанками. 5) Какіе выводятся рисунки? 6) Какъ называются пасхальныя яйца (кресты, цвѣты, звѣзды)—по рисункамъ или другимъ признакамъ? 7) Какъ долго хранятся крашанки или ихъ скорлупа? 8) На что употребляются крашанки въ общежитіи и домашнемъ хозяйствѣ?—Всѣ сообщенія будутъ мной разсмотрѣны, и все интересное въ научномъ отношеніи будетъ потомъ напечатано, съ указаніемъ лицъ, доставившихъ матеріалъ, при чемъ можно было бы выслать этимъ лицамъ по нѣсколько оттисковъ статьи объ интересующемъ насъ предметѣ. Желательно было бы получить при этомъ и самыя писанки, съ объясненіемъ, гдѣ и кто рисовалъ ихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и какъ они называются. Если бы явилась возможность составить коллекцію писанокъ, то я передалъ бы ее всецѣло въ одинъ изъ мѣстныхъ художественныхъ музеевъ: университетскій или городской. Такая коллекція имѣетъ право на помѣщеніе въ любомъ музеѣ, художественно-промышленномъ, церковно-археологическомъ и этнографическомъ. Всякаго рода сообщенія по этому поводу прошу адресовать на мое имя: Николаю Ѳедор. Сумцову въ Харьковъ, Малогончаровская ул. д. № 34. Недавно берлинское антропол. общ. получило коллекцію малорус. писанокъ изъ подол. губ. и въ органѣ Общества «Zeitschrift für ethnologie» была напечатана небольшая замѣтка объ этой коллекціи. Авторъ замѣтки г. Бартельсъ говоритъ, что разрисовка пасхальныхъ яицъ этой коллекціи отличается художественностью. То обстоятельство, что поляки и нѣмцы интересуются нашими простонародными крашанками, собираютъ ихъ, пишутъ о нихъ въ серьезныхъ научныхъ изданіяхъ, что коллекціи малорусскихъ писанокъ на-

ходятся и въ архи-католическомъ Краковѣ и въ архи-протестантскомъ Берлинѣ, говоритъ съ одной стороны о научномъ и художественномъ значеніи крашанокъ, съ другой—о слабости нашей этнографической науки».

92. *Писанки.* Приводится малорусская легенда о происхожденіи крашанокъ и писанокъ. Когда Спасителя вели на распятіе, Онъ изнемогъ подъ тяжестью креста; проходившій мимо съ корзиною яицъ крестьянинъ пожалѣлъ Страдальца, поставилъ корзину подъ камнемъ и помогъ Ему нести крестъ. Воротившись съ горы, крестьянинъ заглянулъ въ корзину и нашелъ, что всѣ яица въ ней оказались крашанками и писанками.

93. Извѣстіе о пріобрѣтеніи арх. Прозоровскимъ при распродажѣ одной библіотеки нѣсколькихъ интересныхъ древнихъ рукописей, проливающихъ новый свѣтъ на исторію козачества, которыя и будутъ изданы имъ въ свѣтъ отдѣльною книгою.

95. Промышленный прогрессъ южной Россіи.

97. Харьковское отдѣленіе Императорскаго рус. музыкальнаго общества (Истор. оч.).

98. Перепечатка, изъ 4 книги «Кіев. Стар.» этого года, анекдота о пребываніи Александра I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой.

99. Арк. Вас. Шабельскій (некрологъ).

Ѳомина недѣля (переп. изъ Кіевлянина).

102. Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину.

105. Открытіе въ Харьковѣ, 25 апрѣля, общества изящныхъ искусствъ (сообщеніе).

78. *Слоб. Нижняя Сыроватка* (сумскаго уѣз.), корр. объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе этой слободы въ 1659 г. и о современномъ ея положеніи.

80. *Къ исторіи народнаго образованія въ харьк. губерніи.* (Школьное дѣло въ слободѣ Водолагѣ валковскаго у.).—С. Л.

81. *Проф. Морозовъ. По поводу весеннихъ разливовъ харьковскихъ рѣчекъ.*

83. Библ. зам. о книгахъ: а) Источники и пособія для изученія воронежскаго края. Воронежъ 1889. б) Двадцатипятилѣтіе ворон. публ. библіотеки. Воронежъ 1889.—Д. И. Б—ѣя.

84. *Д. И. Багалѣй. По вопросу о составленіи археологической карты харьковской губерніи.* Къ предстоящему въ январѣ 1890 г. археол. съѣзду москов. археол. общество рѣшило издать археолог. карту Россіи, для составленія которой необходимо предварительно составить археолог. карты губерній. Составленіе такой карты харьков. губ. поручено автору, который и

обращается съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о доисторическихъ памятникахъ въ предѣлахъ харьк. губ.

89. Посѣщеніе Гос. Имп. Николаемъ Павловичемъ черниговской губерніи—перепечатка изъ Истор. Вѣстника № 4.

90. Кратк. отч. о засѣданіи, 4 апрѣля, историко-филологич. общества: а) сообщеніе Сумцова о дѣятельности пок. члена этого общества лектора англ. яз. У. В. Доунтса; б) Багалѣя—о пріобрѣтенныхъ у наслѣд. Головинскаго рукописяхъ, объ атласѣ слободско-украинской губ. 1802 г. и о рукописномъ описаніи харьк. губ. 1831 г.

Южный Край №№ 2822. Окончаніе статьи «Кубанская колонизація въ XIX столѣтіи».

2827. Пастырское увѣщаніе преосв. Амвросія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго, противъ штундизма, проникшаго, по словамъ увѣщанія, въ харьковскую губернію и въ самый городъ Харьковъ.

2832. «По вопросу о составленіи археологической карты харьковской губерніи» —письмо въ редакцію проф. Д. И. Багалѣя, съ вопросными пунктами, на которые желательны отвѣты, какъ пособіе для составленія археолог. карты.

2833. Замѣтка въ мѣстной хроникѣ о празднованіи двадцатилѣтія харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности.

2844. Послѣ розговѣнья. Этнографическая замѣтка Павла Чугуевца, содержащая въ себѣ описаніе деревенскаго времяпрепровожденія въ день Пасхи и отмѣчающая отсутствіе въ народной пѣсенности относящихся къ этому празднику произведеній.

2863. Сообщеніе о ходѣ подписки на сооруженіе памятника Каразину въ Харьковѣ. Для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника до открытія дѣйствій постояннаго комитета въ настоящее время образованъ временный комитетъ изъ четырехъ профессоровъ харьковскаго университета. Комитетъ разослалъ подписные листы въ правительственныя и общественныя учрежденія, а также и частнымъ лицамъ, главнымъ образомъ получившимъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ. Всего на сооруженіе памятника собрано до 7,500 р., изъ которыхъ 5,000 р. пожертвовано харьковскимъ губернскимъ земствомъ.

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости №№ 22—33. 23, 24, 25. Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго.

— Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Долголѣтіе у запорожцевъ. Я. П. Новицкаго.

25. Краткія свѣдѣнія о состояніи еврейскихъ училищъ въ г. Екатеринославѣ въ 1888 г.—П. Борзаковскаго.

26, **28**, **32**. Каменноугольныя шахты екатеринославской губерніи. А. П—ва.

— Два слова о пчеловодствѣ въ екатеринославской губерніи.

— Народное сказаніе о могилахъ и каменныхъ бабахъ (перепеч. изъ Елис Вѣст.).

28. Общедоступная выставка женскихъ рукодѣлій въ Екатеринославѣ.

— Изъ обл. народ. преданій, повѣрій и разсказовъ. Я. П. Новицкаго Изсчезновеніе о—ва Дубоваго на Днѣпрѣ; оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи; змій; плачъ невидимаго чудовища.

29. И. С. Чичибашевъ (некрологъ).

30. Въ хроникѣ, сообщено о результатахъ раскопокъ по уполномочію Имп. археолог. коммиссіи, произведенныхъ В. Н. Ястребовымъ въ с. Старомъ Койдакѣ и на о-вѣ Каменоватомъ, что подъ Лоцманской Каменкой.

— Страничка изъ исторіи днѣпровскихъ пороговъ, П. Каргопольцева.

31. Александровскій желѣзный заводъ Брянскаго общества въ Екатеринославѣ.

— С. Лоцманская—Каменка (екатериносл. уѣз.). Корреспонденція о раскопкѣ Ястребова.

32. Раскопка кургана въ д. Богодаръ александровскаго у.—П. Чайкина.

33. Отчетъ о выставкѣ женскихъ работъ, устроенной обществомъ попечительства о женскомъ образованіи въ Екатеринославѣ 11 — 17 апрѣля 1889 г.

Сборникъ Херсонскаго Земства №№ 2—3. 2. *Цифровыя данныя для оцѣнки земель херсонской губерніи.*

— *По вопросу объ улучшеніи судоходства въ устьяхъ Днѣпра.*— В. С. Чеважевскаго.

— Приложенія: *Статистическое описаніе ананьевскаго уѣзда, отд. I и тираспольскаго уѣзда, отд. II и III.*

3. *Опытъ программы для этнографическаго изученія херсонской губерніи.*

Южанинъ №№ 58—91. 91. Историческая справка П. Е.: Къ вопросу о времени перваго столѣтія г. Николаева.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 63—92. 64, 65, 69. Путешествіе Гильденштедта по елисаветградской провинціи въ 1774 г. (продолженіе).

66, 68, 74. Картины прошлаго и настоящаго. (Отрывки изъ воспоминаній). *М. Кропивницкаго.*

69, 73, 76. Нѣсколько данныхъ объ елисаветградскомъ уѣздѣ.

70. Еще нѣсколько словъ о чиншевомъ правѣ.

75. Вниманію сельскихъ жителей. Проф. Н. Сумцова. Просьба о томъ, чтобы ему доставляли всякія данныя, касающіяся приготовленія «крашанокъ» къ Свѣтлому празднику въ Малороссіи.

82. Ростъ южно-русской промышленности.

83. О представленіи труппой г. Кропивницкаго въ Елисаветградѣ «Наталки Полтавки».

85. О представленіи труппой г. Кропивницкаго въ Елисаветградѣ драмы «Доки сонце зійде, роса очы выисть».

86. Тоже—о «Назарѣ Стодолѣ».

88. Тоже—о «Черноморцяхъ».

89. Тоже—о передѣланной комедіи «Вусы».

90. Тоже—о «Невольныкѣ».

92. Погоня за землею (письмо изъ екатерин. губ.). *Левка.*

Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго пѣвца.

Одесскій Вѣстникъ №№ 65—94. 65. *Автобіографія Н. Н. Мурзакевича. М. Р.* Статья представляетъ извлеченіе изъ записокъ Н. Н. Мурзакевича (бывшаго директора Ришельевскаго лицея и предсѣдателя Одесскаго общ. ист. и древн.), напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ».

71. *О раскопкахъ въ Херсонесѣ.* Передовая статья по поводу споровъ и недоразумѣній, возникшихъ между агентами археографической коммиссіи и властями Херсонесскаго монастыря изъ за продажи «археологическаго» камня.

72. *Замѣчательное изданіе.* Отзывъ о 1-мъ выпускѣ изданія гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова: «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

73. *О судоходствѣ и судостроеніи на югѣ.*

80. Перепечатано изъ «Р. Курьера» малорусское стихотвореніе, которое приписывается Т. Г. Шевченку и которое, какъ мы полагаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ произведеніями Шевченка (см. объ этомъ особую замѣтку М. Комарова).

82. *Еще о Бѣлогрудскомъ гирлѣ* (рѣки Днѣпра). *А. Браунера.*

84. *Въ обществѣ исторіи и древностей.* Отчетъ о засѣданіи 27-го марта, въ которомъ, между прочими докладами, обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе В. Н. Ястребова *о двухъ частныхъ архивахъ*, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Россіи вообще и къ исторіи Новороссійскаго края въ особенности. Первый архивъ—графа Дм. Ер. Остенъ-Сакена, находится въ селѣ Пріютѣ, елисаветградскаго уѣзда; второй архивъ—Ал. Плат. Пишчевича, въ селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, близъ станціи Павлышъ харьк.-ник. жел. дороги.

87. Допустимы ли вѣчно-чиншевыя правоотношенія въ херсонской губерніи? (Передовая статья).

89. *По вопросу о днѣпровскихъ гирлахъ* (Письмо въ редакцію). *В. Чеважевскаго.*

93. *Вопросы мѣстной этнографіи* (Передовая статья).

— *Объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій* на югѣ Россіи.

— *Ростъ южнорусской промышленности* (По поводу статьи Тиме въ «Горномъ Журналѣ»).

— *Памяти Н. И. Костомарова* (по поводу 4-ой годовщины его смерти). *С. К.*

94. *Библіографія*. *Бр.* Краткій отзывъ о четвертой книгѣ «Кіевской Старины» за 1889 г.

Одесскій Листокъ №№ 76—113. 84. Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель 1784—1788 года. Д. Эварницкаго. (Окончаніе; начало въ №№ 56 и 57).

94. Цѣнный вкладъ въ исторію русскаго искусства. По поводу изданнаго труда гр. И. Толстаго и Н. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

95. Праздникъ Пасхи въ деревнѣ. К. К--ко.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4362—4400. 4385. Корреспондентъ изъ г. Геническа, по поводу задуманнаго прорытія Перекопскаго канала, сообщаетъ въ краткихъ словахъ исторію возникновенія этого предпріятія.

Далѣе излагается исторія проекта, приводимаго въ настоящее время въ исполненіе.

4388. Корреспонденція изъ Симферополя, въ которой сообщается между прочимъ: «ко дню Пасхи пріурочено въ Крыму много легендъ, изъ которыхъ особенно выдается сказанье о золотомъ кладѣ въ керченскомъ курганѣ, охраняемомъ нечистою силою и доступномъ только тому удальцу, который, ни съ кѣмъ не христосуясь и ничего не испугавшись, дойдетъ къ кургану послѣ великой заутрени. Но такого удальца, по словамъ легенды, еще не находилось»...

4389. Оттуда же корреспондентъ, упоминая о значеніи Потемкина въ исторіи южной Россіи и въ частности—Крыма, приводитъ текстъ его *ордера* (отъ 7 янв. 1788 г.) правителю таврич. области Каховскому съ приказомъ: въ виду предположеннаго открытія комерческаго порта въ Ѳеодосіи, выселить оттуда татаръ.

4394. Статья *о резешскомъ* землевладѣніи въ Бессарабіи, представляющемъ много аналогичнаго съ существовавшимъ нѣкогда въ Малороссіи *сябринымъ* землевладѣніемъ.

Крымъ №№ 32—48. 39, 42. Замѣтка о научной экскурсіи учениковъ симферопольской гимназіи 2—8 апрѣля съ цѣлью ознакомленія съ мѣстной исторіей и древностями.

45. Перепечатка изъ «Кіевлянина» описанія Бахчисарайскаго фонтана, сооруженнаго по проекту проф. А. В. Прахова въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года.

— Перепечатка изъ «Свѣта» воспоминаній бывш. проф. Полимпсестова о проповѣдяхъ херсонскаго архіепископа Иннокентія по поводу альминской битвы.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—8. 6. *Отчетъ воронежскаго братства свв. Митрофана и Тихона за 1888 г.*

7, 8. *Вѣроисповѣданіе русскихъ сектантовъ раціоналистовъ* (духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ).

Донъ №№ 5—22. 22. Некрологъ драматическаго артиста Н. С. Куколевскаго-Стружкина, уроженца г. Бѣлгорода, курской губерніи.

Донская Рѣчь 1889 года №№ 7—41. 26, 27. «Хлѣбная торговля и мѣры къ ея упорядоченію», Быкова.

41. Ив. Калмыкова. «О лѣсахъ въ области войска донскаго». Статья имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о лѣсахъ на югѣ Россіи.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 10—14. 10. *В. А. Щербина. Состояніе народнаго образованія въ землѣ черноморскаго козачьяго войска въ первые годы его существованія* (Прод.).

13, 14. *Старое рыболовство черноморскихъ козаковъ*. 1. За Бугомъ.

Варшавскій Дневникъ №№ 60—94. 62, 64, 85, 86, 88, 89, 91. Продолженіе статьи А. Маркграфскаго. «По поводу мемуаровъ князя Адама Чарторыйскаго». Въ №№ 88, 89 содержатся подробности объ отношеніи варшав. партіотич. общества къ декабристамъ и свиданіе представителей ихъ въ Кіевѣ на контрактахъ въ 1824 году.

62. Свѣдѣніе о фамильномъ архивѣ директора москов. архива мин. иностран. дѣлъ, пожертвованномъ имъ завѣдываемому архиву; въ числѣ дѣлъ находятся матеріалы для исторіи Польши и южной Руси

64. Замѣтка секретаря волын. статистич. комитета о движеніи и ростѣ нѣмецкой колонизаціи въ волын. губ. съ 1878 года.

65. Подробное изложеніе содержанія лекцій проф. Д. Я. Самоквасова по южно-русской археологіи.

90. Перепечатка изъ апрѣльской книжки «Кіевской Старины» разсказа о посѣщеніи Александромъ I м. Бѣлой-Церкви.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 12—17. 12. *Положеніе русскихъ жителей города Львова во время Польши* (оконч.)—Пл.

13, 14, 15. *Пятидесятилѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ.* (1839—1885). Продолж. и окон. Ив. Стрѣльбицкаго.

14. *Директоръ свислочской учит. семинаріи К. В. Малевичъ.* (✝17 янв. 1889 г.), некрологъ.

16. *Внѣбогослужебная бесѣда* въ день 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ съ православною церковью (1839—1889) св. Романовскаго.

17. *Папскіе происки и мятежи въ возсоединенныхъ отъ уніи православныхъ русскихъ епархіяхъ.*

Курскій Листокъ №№ 30—46. 31. *Дѣятельность щигровскагв сел. хозяйства въ 1887—88 году.*

33. *Воспоминанія объ архим. Вонифатіи,* бывш. намѣстникѣ курскаго Знаменскаго монастыря. (+1889 г.).

— *Докладъ Кичеева о развитіи кустарныхъ промысловъ въ орлов. и курской губерніяхъ.*

34. *Открытіе курской гимназіи* (истор. оч.) NN.

35. *Разработка торфа въ кур. и орлов. губерніяхъ,* докладъ Кичеева.

37, 38, 39. *Березовскія минеральныя воды* (въ хар. губ.).

42, 43, 44. *Курская сторона,* Гл. II. Событія, коснувшіяся курской стороны, въ хронологич. порядкѣ—Р. Маркова.

43. *Огонь и вода въ народныхъ повѣрьяхъ.*—Богдановича.

45. *Радуница и день св. Георгія* (бытовой очеркъ) П. Богдановича.

Смоленскій Вѣстникъ №№ 1—26. 26. «Святочныя игрища въ ельнинскомъ уѣздѣ»; Алексѣя Стунѣева. Имѣетъ интересъ и для занимающагося южно-русской этнографіей.

Орловскій Вѣстникъ №№ 8—52. 27. Въ отдѣлѣ «Замѣтки»: о выселеніи евреевъ въ Америку.

28. Въ отдѣлѣ «Дневникъ»: о движеніи рабочихъ на югъ.

52. Некрологъ П. С. Евсѣенка, воспитанника кіевскаго университета, земскаго врача черниг. губ.

Червоная Русь №№ 53—85. 56, 60. *Русское духовенство въ іезуитской беллетристицѣ.*

57. *Къ біографіи Шевченка.* Перепечатка изъ «Кіевской Старины» замѣтки г. Н. Д. Н.

62. Перепечатка изъ «Рус. Курьера» стихотворенія, приписываемаго Шевченку.

Литературное приложеніе къ «Червоной Руси».

7—8. *Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червоной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ.*

— *Цареградъ въ X вѣцѣ и посѣщеніе его св. Ольгою.* (Историческій разсказъ).

68. *Антоній Павенцкій,* редакторъ первой галицко-русской газеты «Зоря Галицкая» (некрологъ).

71. *О нѣмецкихъ школахъ на Волыни.* Перепеч. изъ «Церковно-приходской Школы».

74. *Нашъ землякъ епископъ Маркеллъ*. Краткая біографія преосвященнаго.

78. *Великодныи крашанки*. Обращеніе чешскаго писателя Ржегоржа съ просьбой доставлять галицко-русскія крашанки для «Народнаго промышленнаго музея» въ Прагѣ.

79. *Реформа народныхъ школъ*.

— *Нѣмецкій языкъ въ галицкихъ школахъ*.

— *Библіотека института «Народный Домъ» во Львовѣ*.

81—83. *Реформаторъ*. Любопытный разсказъ о Яковѣ Франкѣ, евреѣ—сектантѣ, дѣйствовавшемъ на Подоліи и въ Галичинѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія и крестившемся во Львовѣ.

81—82, 84. *Памяти Стефана Качалы*. По поводу брошюры: «Polityka polska a skarga Rusinów, pszez A. Sulimę».

83. *Музей Ставропигіи и вторая выставка*.

— *Уніатская церковь въ Австро-Венгріи*. Статистическія данныя о греко-уніатскихъ епархіяхъ.

85. *Русскіи колоніи въ угорской Руси*.

Новости и Биржевая газета №№ 67—108. 80. Замѣтка объ исторіи основанія въ Одессѣ «Общества исторіи и древностей южной Россіи» (по поводу исполнившагося 25 марта 1889 г. пятидесятилѣтія существованія этого общества).

83. *Унія и уніаты*.

84. *Письмо въ редакцію П. Козловскаго*. По поводу отзыва Д. Л. Мордовцева объ изданной Гомолинскимъ малорус. піесѣ П. Козловскаго: «Гласный».

86. *Библіографія*. Отзывъ о 1-мъ выпускѣ изданія И. Толстаго и Н. Кондакова: «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

97. Панихида по Н. И. Костомаровѣ и освященіе памятника на могилѣ его.

101. *Письмо въ редакцію. М. Старицкаго*. По поводу вышеупомянутаго письма П. Козловскаго

108. *Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца. Д. И. Эварницкаго*.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Антипенко. Молодый Чорноморець; сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Шевченка, Котляревскаго и др. Москва 1888.

Брянцевъ П. Исторія литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна. 1889 г., 8 д., XII+659. Ц. 4 р.

Wanke Anna. Hałaniwki (гаивкы), czyli zabawy wielkanocne ludu ruskiego we wsi Gorezycach koło Sieniawy w powiecie przemyskim. Krakow. 1889.

Gorzycki Kazimierz. Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego. Lwow. 1889.

— 242-е засѣданіе Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса. 1889 г. 8 д., 8 стр.

Извольскій. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. Москва. 1888.

Kopernicki. O góralach ruskich w Galicji, zarys etnograficzny. Krakow. 1889.

Левицкій П. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.») Кіевъ. 1889 г. 8 д., 23 стр.

Лучицкій И. Сябры и сябринное владѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889 г. 8 д., 33 стр.

Морозовъ П. Исторія русскаго театра. Т. 1-ый (до половины XVIII ст.), Спб. 1889 г., 8 д., IX+398+XL. стр.

Отчетъ Императ. Одесск. общ. исторіи и древностей съ 14 ноября 1887 г. по 14 ноября. 1888 г. Одесса 1889 г., 8 д. 69 стр.

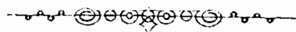
Романовъ Семенъ. Думы и оповиданія дида лирныка. Львовъ. 1889.

Tretiak Jozef. Historja wojny Chocimskiej 1621 r. Lwow. 1889.

Chlebowski i Walewski. Słownik geograficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowianskich. Zeszyt 110 и 111., 4 д. съ 81 по 240 стр.

Szarłowski Aloizy. Rys historiczny miasta Stanisławowa. Stanisławow. 1888.

Щербовъ-Нефедовичъ. Статистическія таблицы сѣверо-восточныхъ областей Австро-Венгріи. С.-Петербургъ. 1888.



СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Що рама робить до оконъ церковныхъ. Петру Мазурици, що рама робить, напродъ далемъ таляра; о святомъ Спасѣ далемъ золотихъ два; сентеврія 20, далемъ шаговъ пять.

Ковалъ. Коваліомъ двомъ Петру и Мойсею, напродъ далемъ залотихъ два; о святомъ Спасѣ, далемъ золотихъ шестьнадцать.

Расходу выйшло: за смолу на смоленя рыновъ (рынвъ) церковнихъ, далемъ копу; отъ смоленя рыновъ, далемъ шаговъ пять; за рыбу вялую, полтори голови и двѣ сотцѣ, далемъ залотихъ сѣмъ; юля 20-го, у Ромнѣ на ярмарку, за рыбу вялую за одну голову, далемъ золот. пять и грошей шесть; о святомъ Спасѣ, у Лубнахъ на ярмарку, за двѣ голови рибы, далемъ золот. 10; на томъ же ярмарку, за возокъ желѣза, далемъ зол. осмъ и чотири шаги, жеби ковалѣ не ваковали. Тымъ ремесникамъ всѣмъ выйшло грошей золотихъ сѣмъдесятъ и сѣмъ золотихъ и три чехи. Всей тоей сумы вышейписанной панъ Щербина выдавъ сѣмъсотъ золотихъ сѣмнадцять золотихъ.

Реестръ тертичный. Року 1685, мѣсяца октоврія 11 дня, Павелъ Ляхъ тертичный вырѣзавъ тисячу сажней тертичныхъ, за которые за пять сотъ сажней по чеху, а за пять сотъ по два осмаки заплатили, за которую тысячу пятьдесятъ золотихъ и осмъ золотыхъ и осмакувъ десять дали; а харчовыхъ грошей десять золотихъ дали, отъ кождого сотця по золотому; и тые тертицѣ сосновіе на тую жъ роботу на побиване бань церковныхъ, пошли. Року 1686, мѣсяца маія 28 дня, Хвеско Бекга, тертичный, урѣзавъ сотце сажней тертичныхъ по чеху, за которіе дали ему пять золотихъ грошей, а харчевыхъ золотый шестый. Той же Хвеско Бекга урѣзавъ другое сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, которому дали шесть залотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевый золотой.—Того жъ року, мѣсяца Іюня 6 дня, Харку тертичнику за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевый золотый. Того жъ дня, тому жъ Харку тертичнику за другое сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть залотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевый золотый. Того жъ року, мѣсяца июля

6 дня, тому жъ Харку тертичнику за чотирѣ сотцѣ сажней тертичныхъ по чеху сажень, дали грошей золотихъ двадцять, а харчевыхъ золотихъ чотири. Мѣсяца июля 5 дня, Хвеско Бекга тертичный урѣзавъ двѣ сотцѣ сажней тертичныхъ по два осмаки сажень, которому дали тринадцять золот. грошей и осмакувъ десять, а харчевыхъ два золотыхъ. Мѣсяца июля 11 дня, Харко тертичникъ урѣзавъ двѣ сотцѣ сажней тертичныхъ, по два осмаки. сажень, которому дали тринадцять залотихъ и осмакувъ, а грошей харчевыхъ два залотыхъ. Мѣсяца июля 15 дня, Савцѣ и Харку и Бецѣ за три сотцѣ сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пятнадцять золотихъ, а три золотихъ харчевыхъ. Мѣсяца июля 16 дня, Харку Великому и Савцѣ за сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пять залотыхъ грошей, а шестый залот. харчовый. Мѣсяца июля 17 дня хвеску Бедзѣ за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцеть, а харчевый залотый. Мѣсяца августа 1 дня, Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажнень, дали пять золотихъ; а харчевый золотый. Мѣсяца августа 5 дня, Харку Малому тертичнику, за пять сотъ сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали двадцять пять золотихъ, а харчевыхъ грошей пять золотыхъ. Року того жъ, мѣсяца августа 29 дня, Харку Малому тертичнику, за пять сотъ сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали тридцять три золотихъ и осмакувъ десять, а харчевыхъ грошей пять золотыхъ. Того жъ року сентеврія 29 дня, томужъ Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотихъ и осмакувъ двадцять, а харчовый золотый.

Тимъ тертичникомъ суми выйшло за сосновіе тертицѣ за три тисячи и девятьсотъ сажней тертичныхъ, золот. двѣсти шестьдесятъ чотири и осмаковъ двадцять.

Року 1686, мѣсяца июня 24 дня, зъ липовихъ колодъ тертицѣ рѣзали на образы снѣцаревѣ: Харко тертичникъ урѣзавъ сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали ему пять золотыхъ грошей, а шестый харчовый. Того жъ часу, тому жъ Харку тертичнику, за другоэ сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень,

дали ему шесть золотыхъ и осмакувъ двадцять, а харчевый золотый. Року того жъ, мѣсяца июля 16 дня. Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцять, а харчевыхъ грошей золотый. Того жъ року, мѣсяца августа 18 дня, Харку Малому тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ липовыхъ, по чеху сажень, дали пять золотихъ, а харчовыхъ грошей золотый. Мѣсяца септеврія 29 дня, тому жъ Харку тертичнику за сотце сажней тертичныхъ липовыхъ, по чеху сажень, дали пять золотихъ, а харчевыхъ грошей золотый. Тогожъ часу, за другое сотце, тому жъ Харку тертичнику, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцять, а харчовый золотый. За тые липовые тертицѣ выйшло тертичникомъ за шестьсотъ сажней золотихъ сорокъ и одинъ.

Ковалѣ. Ковалюмъ Петру и Мойсѣю дали золотихъ чотирнадцять; столяру Петру, що рама робить до церкви, дали золотихъ три.

Дубя. За дубину на потребу церковную, яко то на двери церковные, на баляси, на рама церковные до оболонь и снацерови на колѣ и на его роботу, видалисмо золотыхъ сорокъ. Роботникомъ, що церковъ соломою накривали и окна закривали, дали золотихъ два и осмаковъ чотири.

Снигеру. Мѣсяца юня 13 дня, отецъ игуменъ самъ давъ Стефану сницеру золотихъ двѣстѣ. Мѣсяца септеврія 20 дня, отецъ игуменъ давъ тому жъ сницеру золотихъ сто. Тому жъ сницеру давъ отецъ игуменъ на луй золотихъ шѣсть. А такъ всей сумы чинитъ росходу грошового того лѣта 1687, золотихъ тисяча чотириста золот. и тридцять шесть золотихъ.

Рокъ 1687. Реестръ всего росходу грошового ремесникомъ и роботникомъ презъ все лѣто около церкве робячимъ, почавши отъ весны отъ марта девятаго, ажъ до зимы до ноеврія 12, въ року теперешнемъ 1687, списаній. Напродъ, майстру мураръскому и всей челяди его зъ подмайстеримъ, вышло грошей тисяча пятьдесятъ и три золотихъ. Теслямъ всѣмъ зъ майстромъ ихъ, за все лѣто выйшло грошей чотириста и осмъдесятъ золотихъ и шаговъ пять. Тертичникомъ вышло триста тридцять и три золотихъ.—За

желѣзо видали двѣстѣ тридцять и девять зол.—Коваліомъ за все лѣто вийшло золотихъ шестьдесятъ и два золотихъ. На дубя и гонты и сосновіе колоди, видали золотихъ шесть десятъ и шесть. За суль на всѣхъ роботниковъ, видали сѣмъдесятъ и сѣмъ золотихъ. За рыбу вялую на тихъ же ремесниковъ, видали сорокъ и девять золотихъ.—Сницеру на роботу дали двѣстѣ и двадцять золотыхъ, а за формы до муру, шесть золотихъ. За сѣмя на олѣй томужъ ремеснику, дали двадцять и осмъ золотихъ. За фарбы розные до розмоліованя муру, видали золотихъ десять. Цеголникомъ за робленя цегли, вышло золотихъ тридцать. За шкло на оболоны церковные, видали золотихъ двѣстѣ и два золотихъ. За олово и цѣнь до оболонъ церковнихъ и до лютованя бляхъ на церкви, видали сто и шесть залотихъ. Кгаевскому дозорчому дали золотихъ десять. Сумскимъ бляхнѣромъ, що приежали на роботу и неуподобано ихъ, дали имъ золот. пять. Ивану бляхнѣру Глуховскому, отъ вибитя желѣза бляхи на церковные полубанки отъ кождой фасы по десяти золотихъ, отъ двадцяти фасъ, дали золотихъ двѣстѣ, а що старою бляхою побивали, дали золотихъ пять и шаговъ пять. Поденщикомъ за все лѣто робячимъ, вийшло сорокъ и осмъ золотихъ и шаговъ осмъ. Мѣрочникомъ що каменя до олтара на горное сѣдалище обробляли, польсема золотого. Покрувцямъ тридцятіомъ человѣкамъ, презъ все лѣто кождому по пяти талярей, на лѣто вышло золотихъ чотириста и пятъдесятъ золотихъ. Шкляромъ отъ робленя оболонъ церковныхъ, дали сѣмъдесятъ и шесть золотихъ и шаговъ пять. Всего того росходу чинитъ три тисячи сѣмъсотъ шесть десятъ и девять золот. и шаговъ 8.

Ясневелможный его милости панъ гетманъ Иоанъ Самуйловичъ прислалъ былъ на сее лѣто, для ремесниковъ и роботниковъ церковныхъ презъ Ивана Сухину, двѣ тисячи золотихъ осмъ сотъ и девять золотихъ и того жъ лѣта 22 юля, взятый зъ гетманства. А по немъ наступца ясневольможный его милости панъ гетманъ Иоанъ Мазепа септеврія 12, прислалъ презъ пана Захарія Щербину, золотихъ пятьсотъ; то панскихъ грошей вийшло три тисячи

триста и девять золот., бо тилко ихъ было. А монастирскихъ грошей видалисмо чотириста и шесть десятъ золотихъ и ша́говъ осмъ.

Тотъ же ясневельможный его милость панъ гетманъ Иоанъ Самуйловичъ далъ бѣлого желѣза бляхи на побитя церкве, фасъ двадцять.

Рокъ 1688. Реестръ всего росходу грошового ремесникомъ и роботникомъ презъ лѣто около церкве робячимъ, въ року 1688 списаній. Напродъ, за щасливымъ владѣніемъ ясневелможного его милости пана Иоана Мазепи, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого ве́личества Запорозского, повторного ктитора святыя обители нашея, докончуючи церкве мурованой, на которое докончення будучи намъ допомочнымъ, далъ намъ грошей талярій сто.—Бляхи далъ бѣлого желѣза на побитя церкве тридцять и пять фасъ. Блахнѣреви отъ вибитя тридцяти пять фасъ, по десятку золотихъ отъ фасы, далъ ясневелможный добродѣй ему золотихъ триста пятьдесятъ.—Мы зась въ монастири росходъ грошовій, на всѣ ремесники и работники около церкве мурованой, въ томъ року 1688, таковій мѣли: На продъ,—за цѣнь до лютованя бляхи церковной, за пять каменей далисмо золотихъ сто сорокъ и два, за гвуздя побѣліованое до бляхи за пять десятъ тисячій, тисяча по таляру, дали таляри пятьдесятъ.—За желѣзо на ланцуги до крестовъ и до всякой церковной роботи, яко то до сницерской на завѣсы до дверей и замки церковніе, на гвудзя размаитіе, видалисмо золотихъ сто пять десятъ; мурарамъ двомъ: Василю Перебійносу и Михайлу Палѣводѣ, дали золотихъ пятъ десятъ шесть.—Теслямъ дали золотихъ пятьдесятъ и шаговъ полъосма. — Покровцямъ двадцятіомъ чоловѣка, сто двадцятъ золотихъ дали.—Ковалюмъ тромъ, по десяти копъ, золотихъ сѣмъдесятъ пять. — Тертичникомъ золотихъ осмъ десятъ.—За десять тисячей гонтъ, по пяти золот. тисяча, золотихъ пятьдесятъ дали.—Игнату тесли зъ челядю, що крести на церкви ставили, дали копъ десять. Тоей сумы всей чинитъ монастирской золотихъ пятьсотъ осмнадцять и шаговъ полъ осма.

А панскихъ сто таляри тутже, и чинитъ всего золотихъ осмъсотъ осмнадцять и полъосма шага.

Испсаніе о церкви святого архистратига Михаила и Гавриила и прочіихъ сылъ безплотныхъ честнаго ихъ собора.

Со богомъ начахомъ року 1688 мѣсяца июня 11 дня, на день святихъ апостолъ Варфоломея и Варнавы о святой Тройци, превелебный отецъ игуменъ Ипатій Горбачевскій совѣтъ сотворили со отци соборними о брами мурованой отъ пріѣзду лохвицкого ко церкви, на ней святому архистратигу Христову Михаилу, Гавріила, и прочіихъ силъ безъплотныхъ, да во мѣсто староя древяныя церкве и брамы, новую мурованую браму и церковъ на ней деревяную новую соорушить, на мѣсцу старыя церкви преосвященного Исаии Копѣнского метрополиты киевского, фундатора нашого, и такъ изволеніемъ Божіимъ и совѣтомъ отца игумена и отцевъ соборныхъ, усмотрѣвши мѣсце и поступивши далѣе вышше старыя брамы, идѣ же нынѣ стоитъ брама мурованая и церковь на ней и призиваніемъ помощи Божія и святаго архистратига Христова Михаила по запустахъ Петровыхъ, числомъ июня 11 дня, въ понеделокъ, начаша фундамента копати и браму муровати и обѣтщаніе отца Ипатія Горбачевского игумена Мгарского и братіи соборной и посполитіи братія до того дѣла пристановленій ремесниковъ и посполитыхъ людей муру того и дѣла доглядать усѣмъ коштомъ и накладомъ монастирскимъ за благословеніемъ преосвященного его милости господина отца Гедеона Святополка князя Четвертенского, архиепископа метрополита Киевского, Галицкого и всея Малыя Россіи, а за благочестивыя державы и владѣнія великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Иоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государини благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, и за рементарства ясневельможного его милости пана Иоана Стефановича Мазепи, гетмана войскъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскихъ, и за панованя пана Леонтія Назаріевича Свѣчки, полковника Лубенского, при пану Андрѣю Яковочичу, судѣ полковомъ Лубенскомъ, и при отцу Иякову Иліевичу Орѣховскомъ, протопопѣ Лубенскомъ, и при пану Ивану Кулябцѣ и Феодору Кулябцѣ, сыну его, и Петру Кулябцѣ, сыну его, и при иныхъ лю-

дехъ зацнихъ многихъ и при священноерею Григорію Иякововичу, презвитеру святопречискому Лубенскому, а за игуменства превелебнаго отца Ипатія Горбачевского, игумена Мгарского, а намѣсництва иеромонаха Амвросія Василевича и честной братіи: иеросхимонаха Иякова, иеромонаха Ионы Вацовского писара, иерм. Исихія, иер. Варлаама, иер. Сарафіона, иер. Акакія, иер. Дионисія, иер. Иоаникія, иер. Евагрія и еродіаконовъ: Иоасафа, Евгенія Бабака, Пафнутія, Исакія, Доримедонта, схимонаховъ: Иоанна, Игнатія, Леонтія, монаховъ: Мардарія, Исаии, Кора, Ипполита, Власія, Корнилія, Геласія, Зосимы, Симона и иншихъ братій множество.

Того жъ лѣта 1688, мураромъ и копачомъ, що копали ровъ на фундаментъ и людемъ, що на муръ цеглу носили и теслямъ, выйшло грошей девятьсотъ золотихъ и пятдесятъ золотихъ и десять осмакувъ, за все лѣто до святого Михайла. Знову, на другое лѣто 1689, почали робити отъ марта, тесли и мурари ажъ до святого Михайла, и всякому роботнику грошей выйшло: девятьсотъ золотихъ, шестьдесятъ золотихъ и три золотихъ. За побитя баней бѣлымъ желѣзомъ, ремесникамъ бляхнѣрамъ, десять копъ дали; а бѣлое желѣзо шести фасъ даное было отъ пана Михайла Вуяхіевича, судѣ енералного, а на потомъ зосталаго архимандритомъ Печерскимъ Мелетіемъ Вуяхіевичомъ.—За кресты три, що на церквѣ стоятъ, сто талярей дали; желѣза и стали на браму и церковъ Михайловскую, за сто талярей выйшло. За двадцять оболонъ до тоеижъ церкви зъ шкломъ, оловомъ, цѣпю и желѣзомъ и ремеснику платы, золотихъ сто выйшло.—Тертичникомъ за рѣзаня дерева и тертицъ, золотихъ полтретя ста выйшло. Дерева соснины и дубины купили на тую же церковъ, за сто талярей.—Кодулъ (колудъ?) на виндоване, за десять талярей купили.—Коваліомъ, що розные рѣчи робили до Михайловской церкви, золотихъ сто дали.—На браму мурованую Михайловскую выйшло грошей монастирскихъ тисячей двѣ триста тридцять вусѣмъ золотыхъ и осмаковъ десять.

Реестръ побожныхъ и христолюбивыхъ ктиторовъ святыя обители сея Мгарскія Лубенскія, на созданіе церкве святаго архистратига Христова Михаила, которіе кождій зъ нихъ за спасеніе и опу-

щеніе грѣховъ своихъ, коштъ и накладъ свой ронили, року 1688 септеврія 26 дня. Его милость панъ полковникъ Лубенскій ктиторъ и благодѣтель нашъ Леонтій Свѣчка, золотихъ двѣсти и дерева сто колодъ давъ.—Его милость панъ Михаилъ Бороховичъ, полковникъ Гадяцкій, ктиторъ и благодѣтель нашъ, присдавъ презъ посланника своего Артема, золотихъ сто.—Его милость панъ Даніилъ Апостолъ, полковникъ Миргородскій, золотихъ сорокъ давъ.—Отецъ Ияковъ Орѣховскій, протопопа Лубенскій, пятьдесятъ и шесть золотихъ и пчолъ десятеро давъ.—Отецъ Ияковъ Филиповичъ пана полковника Лубенского зять, обѣцавъ церковъ святого Михаила вымалевати всю.—Его милость панъ Андрей Ияковоничъ, судя полковый Лубенскій, ктиторъ и благодѣтель золотихъ шесть десятъ давъ.—Панъ Иванъ Кулябка, ктиторъ, золотихъ сто давъ.—Панъ Андрѣй Григоріевичъ Островный, сотникъ Лубенскій, давъ талярей три.—Панъ Федоръ Григоріевичъ, атаманъ Лубенскій, талярей два давъ.—Панъ Леонтій Адамовичъ талярей два и килимъ давъ.—Панъ Корнѣй Григоріевичъ десять талярей давъ.—Панъ Василій Левковичъ зъ Петромъ сыномъ своимъ, прислав два левы. Панъ Фома золотихъ девятьнадцять давъ. — Панъ Михаилъ Жаданъ талярей два давъ.—Панъ Семенъ Тимофѣевичъ талярей два давъ.—Панъ Петро Семеновичъ талярей два давъ.—Панъ Петро Андрѣевичъ, вуйтъ Лубенскій, таляра давъ.—Панъ Иванъ Ковтуненко, бурмистръ Лубенскій, левка давъ.—Панъ Леско Чорнишенко, котляръ, талярей три давъ.—Панъ Иванъ Мирченко талярей два давъ.—Панъ Максимъ крамаръ левка давъ.—Панъ Леонтій Скорикъ, сотникъ Лубенскій, талярей пять давъ.—Панъ Захарій Салугубъ, сотникъ Лубенскій, зол. десять давъ.

Съ Перятина. Панъ Василій Свѣчка, полковниченко, талярей пять давъ.—Панъ Леонтій Кичкаровскій, писаръ полковый, золот. десять давъ.—Панъ Григорій Никифоровичъ, асаулъ полковый, талярей 4 давъ.—Панъ Власъ Сіомашко, хоружій полков., талярей пять давъ.—Панъ Андрей, сотникъ Перятинскій, талярей пять давъ.—Панъ Федоръ Губка талярей три давъ.—*Съ Чорнухъ.* Панъ Лаврентій Игнатовичъ Замниборщъ, сотникъ Чорнуш-

скій, талярей десять давъ.—Панъ Іяковъ, асаулъ полковый, талярей десять давъ. *Зъ Сенчи.* Панъ Леонтій Василіевичъ, сотникъ Сенецкій, талярей 10 давъ.—Панъ Сергій Криштопенко, атаманъ Сенецкій, талярей пять давъ. *Зъ Городища.* Панъ Стефанъ Иванина, сотникъ Городискій, талярей три давъ.—Братство Михайловское зложили грошей осмъсотъ осмъдесятъ золотыхъ.

Интерцизіа или постановеня малярское. Року 1689, мѣсяца декеврія 14 дня. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого вседѣйствующого и всесовершающого Бога во Тройци славимого, ку оздобѣ божественнаго храма его церкве святаго Спаса монастира Мгаръского на вималіованіе и на визолоченіе цѣлого дейсуса, якій роботою сницеръскою есть виставленъ, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества войска Запорозскаго, майстра Иосифа Ивановича, обивателя Лубенского, которій подиймуется иле способу силы и умѣенътъности его станетъ, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наиздобнѣ и якъ найдосконалѣй тое дѣло было выставленно, показано, а фарба вшелякая до скончения того дѣла оного маляра повинна бути, тилко злото и срибро панское будетъ, а за его працу зъ его челядю, обѣцуетъ его милости певное уконтентованя меновите: готовихъ грошей золотихъ двѣ тисячи. Муки житной мѣрокъ десять; пшеничной—мѣрокъ три; гречаной муки—три мѣрки; пшона—осмачокъ пятънадцять; крупъ гречаныхъ—осмачокъ шѣсть, гороху осмачокъ—шѣсть, соли—кулей три; рибы вялой—головъ пять, а просолной—бочокъ три; олѣю иляного—полтараста квартъ, а конопляного—полтораста; сѣмя конопляного—чотири осмачки; маку—три четверики; яловицъ десять, а барановъ сорокъ; сала—пудовъ пятнадцять, а полтей солонины зо костами,—двадцять; масла—фасокъ три, а сира—дѣжокъ три дужихъ; солодовъ—чотири и хмелю до него и проса, якъ звичай; горѣлки простой—тисяча квартъ; меду прѣсного—чотири пуди; лою на свѣчки—каменей [1]) осмъ; капусти—кадубовъ два и бураковъ и огурковъ по-

[1]) Камень—50 фунтовъ.

толко жъ; каруку—полкаменя и обрѣзковъ (?) килко будетъ потреба; полотна простого—шесть-десятъ локотъ, а бѣцкого—двадцять; камень воску, камень жилъ, цѣбулѣ—вѣнковъ тридцять и чоснику десять и сукна тонкого обѣцуетъ его милость по доконченю тоей роботи, на сукню.

Іванъ Мазепа рукою власною.

Року 1691, мѣсяца октоврія 20. Интерциза или постановлене снѣцарское до церкви святого Михаила. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого вседѣйствующого и всесовершающого Бога во Троици славимого ку оздобѣ божественного храма святаго архистратига Михаила, монастира Мгарскаго, на вистановлене снѣцарскою роботою дейсуса цѣлого, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского, майстра снѣцарского дѣла Василія Андрѣева, которій подимуется иле способи сили и умѣетности его станетъ, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наоздобнѣ и надосконалѣ тое дѣло выставлено было и оказано, а за его працу зъ челядю его, обѣцуетъ его милость певное уконтентоване меновите: готовихъ грошей—золотихъ триста; муки житной—мѣрокъ двѣ; муки гречаной—полмѣрки; муки пшеничной—полмѣрки; пшона—осмачокъ двѣ; крупъ гречаныхъ—осмачку; гороху—осмачокъ двѣ; сѣмя конопляного—осмачку; олѣю—квартъ сорокъ; рыбы—вялоѣ крошнѣ головъ двѣ, рыбы просоловой—бочка; горѣлки—чотириста квартъ; пива—бочокъ двѣ; соли—пудовъ десять; яловицъ—двѣ; барановъ—десять; сала—каменей пять; полтей—шесть; сыра—фасокъ двѣ; масла—фаску; рыбного каруку—пудъ единъ; шкуръ яловичихъ на клей—двѣ; лою на свѣчки каменей два; бураковъ—кадовбъ; капусти—кадовбъ; огурковъ—полкадовба; цѣбулѣ—вѣнковъ осмъ; часнику—вѣнковъ пять; дровъ на зиму зъ потребу, а при доконченю роботи ведлугъ звычаю, самому майстру сукна тонкого на кунтушъ. Звышъ менованный гетманъ рукою власною.

За Михайловскую роботу Василеви снѣцереви, панскихъ грошей ясневелможного добродѣя полтретя ста золотихъ дано.

Листъ отъ ясневелможного его милости пана гетмана писанный: Превелебный вбогу господине отче игумене Мгарскій. Умовивши мы дѣла малярского майстра Иосифа Ивановича на отмаліоване дейсуса роботи сницарской въ монастиру вашомъ до церкви святаго архистратига Михаила здѣланого, посилаемъ до превелебности вашой черезъ умыслнаго посланца нашого, на тое дѣло срѣбра и шпикинарбу, о чомъ превелебности вашой извѣстивши, жадаемъ, абысте превелебность ваша ему, майстровѣ малярскому, указали при монастиру своемъ мѣстце гдеся робота тая маетъ маліовати, на якую увесь коштъ нашъ и грошовый и лиг͠оминный оному поступилисмо давати и особливою интерцизою нашою, утвердилисмо; тилко хотѣте превелебность ваша дровъ своихъ и потребныхъ посудковъ до тоей роботи не зборонити, що предложивши, отдаемся вашей превелебности молитвамъ святимъ. Зъ Батурина, ноеврія 2 року 1692. Превелебности вашой жичливый пріятель Иванъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Року 1692, мѣсяца октоврія 31 дня. Интерциза Иосифу Ивановичу, маляреви Лубенскому, на маляване образовъ на святаго Михаила ку хвалѣ и славѣ всемогущого, вседѣйствующаго и всесовершающого Бога во Троици славимого, ку оздобѣ храму божественнаго, святаго архистратига Михаила монастира Мгарского, на брамѣ мурованой будучого, на вималіоване и вызлочене цѣлого дейсуса, якій роботою снѣцарскою есть выставленъ, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, майстра малярского Иосифа Ивановича, обивателя Лубенского, которій подиймуется иле способу и сили и умѣетности его станетъ, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наиоздобнѣй а якъ наидосконалѣй тое дѣло било виставленно и оказано, а фарба вшелякая до скончения того дѣла оного маляра повинна бити; тилко золото и сребро панское будетъ; а за его працу и зъ его челядю, обѣцуетъ его милость певное уконтентоване: готовихъ грошей—золотихъ триста панскихъ грошей ясневелможного добродѣя дано; муки житной—мѣрокъ двѣ; муки гречаной—полмѣрки; пшона—осмачокъ двѣ;

крупъ гречаныхъ—осмачку; гороху—осмачокъ двѣ; сѣмя конопляного—осмачку; олѣю иляного—квартъ тридцять; олѣю конопляного—квартъ тридцять; яловица—одна; барановъ—пять; пшеничного борошна—осмачокъ шесть; соли—пудовъ пять; сала—пудовъ три; солонины—полтей три; воску—полкаменя; яецъ—три копи; мыла—фунтовъ два; полотна боицкого—локоть двадцять; полотна простого—локотъ двадцять; рыбы вялой крошнѣ—головъ двѣ; рыбы просоловой—бочка одна; меду прѣсного—вѣдерокъ двѣ; сыра—фасокъ двѣ; масла—фаску одну; лою на свѣчки—каменей два; бураковъ—кадовбъ; капусти—кадовбъ; огурковъ—кадовбъ; цѣбулѣ—вѣнковъ осмъ; чоснику—вѣнковъ пять; дровъ на зиму въ потребу, пива бочекъ двѣ; обрѣзковъ хвощу горшкувъ спотребу; горѣлки—чотириста квартъ. При доконченю роботи, ведлугъ звичаю, самому майстровѣ сукна на кунтушъ обѣцуетъ добродѣй Іоанъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Въ Богу провелебный мосцѣ отче игуменъ Мгарскій, велце мнѣ ласкавій благодѣтелю. Насихъ часѣхъ, по указу ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана, припроважено байдаковъ два вапна, которой вапной отобралемъ мѣрою киевскою отъ пана Кузми дозорца; того вапна мѣры киевское замѣрилисмо осмачокъ пулъпятаста и сѣмъ осмачокъ, которое вапна маемъ у спряту и за сторожею, о чомъ предложивши звиклихъ услугъ моихъ залецѣвши, поволность молитвамъ святымъ полецаю мя покорне. Превелебности вашое наипокорнѣйши слуга и подножокъ Сергѣй Колиболенко, наказный сотникъ Домонтовскій. Зъ Домонтова, августа 21 дня 1696 року.

Року 1695, маія дня 14. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого Бога во Тройцѣ святой единого, уедналъ ясневелможный добродѣй его милости панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ войскъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскихъ, майстра мурарского Ивана Бантисту, которій маючи въ своемъ ремеслѣ досвѣдченое залѣцене, да(лъ) слово выставити трапезу въ монастиру Мгарскомъ Лубенскомъ, такимъ подобіемъ, высотою, широтою и долготою якъ ведлугъ делинеаціи есть нижей выражено. Меновите: въ длужъ самого фундаменту зъ мурами сажней двадцять чотири зъ надворья мѣ-

ряючи одъ олтаря мѣры внутрной олтари сажней три, церковъ сажней пять, трапеза сажней девять, сѣны сажней три, вдлужъ всѣ мѣряючи; а ширины такъ олтарной церковной трапезной, сѣнечной мѣжи стѣнами, вездѣ ровно ведлугъ линіи локоть шѣстьнадцять, а зъ мурами двадцять два, которого муру добрый сажень вширину зъ обудву сторонъ бути повиненъ; коморка въ бокъ трапезы внутрной мѣры въ длужъ сажней два; киларня въ длужъ сажней полтретя; кухня внутрной мѣры въ длужъ сажней чотири; списавши теди зъ фундаменту въ нутрь и зъ надворя долготу и широту трапезы зъ боковими примурками якъ ся муровати ведлугъ делинеаціи албо рачей чертежца маетъ въ семъ постановленю зъ помянутимъ майстромъ, который чертежецъ самъ майстеръ умовляючись, подалъ зъ написами локтевой и саженной мѣры, выражаемъ якою высотою маетъ бути вгору муровнымъ дѣломъ гнана, то есть отъ фундаменту до щитовъ двопятрныхъ, сажней десять; вгору трапезѣ созиждатись ведлугъ постановленя повинна зо всѣхъ чотирохъ сторонъ, а одъ фундаменту трапезы зъ надворя передного, переднiй щитъ фацятами, майстеръ повиненъ дати хороши на моцъ и на позоръ оздобный; вышшая копула олтарная свѣтло, такъ же и баня свѣтлая, дверей, оконъ такъ много, якъ въ самомъ изобразуется чертежѣ, ведлугъ слушности мурарского дѣла и ведлугъ постановленя. О которой трапезѣ зъ фундаменту мурованя ведлугъ визерунку выраженого, умовленъ есть майстеръ Иванъ Баптиста за суму золотихъ полтретитисячи доброй монеты, зъ которыхъ грошей его челяди зъ помочниками бути повинна ажъ зъ початку въ конецъ робота совершится мурарская. А матеріи вшелякой до мурарской роботы належной, яко то вапна, цеглы, воды, пѣску, рыштованя и желѣза, достатчатиметъ своимъ коштомъ ясневелможный его милость панъ гетманъ. И що сятичетъ до всякой харчи и легумини, на особливомъ реестрѣ выраженой колко даватися чого мѣетъ ясневельможный добродѣй его милость панъ гетманъ такъ же достатчатиметъ. Іванъ Мазепа гетманъ рукою власною.

Копія листу ясневелможного его милости пана гетмана до отца игумена писаного: Превелебный въ Богу отче игуменъ монастира Мгарского. На дѣло до муру зачинаючогося, посилаемъ тисячу золотихъ гро-

шей, до рукъ превелебности вашой, зъ которихъ купленые лѣсы поплатѣте, на якіе выйдетъ золотихъ шѣстьсотъ излишкомъ, а остатокъ мѣете роздати тимъ людемъ, которые будутъ до оного муру цеглу дѣлати. Тилко пилно жадаемъ вашой превелебности, абысте якого иновѣрного человѣка до того дѣла приставили, яко бы и коштъ нашъ не росходился на неналежный убытокъ. Святымъ при томъ вашое превелебности отдаемъся молитвамъ. Зъ Батурина. Априля 2, 1694 року. Вашой превелебности зичливый приятель Иванъ Мазепа гетманъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского рукою.

Исписаніе вократцѣ о сожженіи трапезы и о созданіи паки ея, сице повѣствующее.

Року 1695, мѣсяца июня 24 дня. Божіимъ попущеніемъ и грѣхъ ради нашихъ наказаніемъ, въ монастиру боголѣпного господня Преображенія Мгарскомъ Лубенскомъ, огнь велій отъ пекарнѣ возгорѣся въ нощи третіяго часа, отъ якового возгорѣнія преблагословенной Дѣвы Маріи церковъ и при ней трапеза полата со всякими запасы и прочія келіи согорѣша, по которомъ сожженіи, превелебный отецъ Ипатій Горбачевскій игуменъ зъ честними отцы и братіею соборними, въ велицей печали суще, не имущи отъкуду помощи обрѣсти на созданіе паки трапези полаты и прочіихъ храминъ огнемъ сожоныхъ, совѣтъ сотворше, написаша челобитную до малороссійского рейментара ясневелможного его милости пана Иоанна Стефановича Мазепи, гетмана войскъ Запорожскихъ (иже коштомъ и накладомъ своимъ многіе церкви монастирскіе и мирскіе сооружи, такожде и всей Мгарской обители благолѣпнаго Преображенія Господня церковъ мурованую и святого архистратига Михаила церковъ деревяную на мурованой брамѣ стоящую украси иконами) и зъ таковимъ челобитемъ самъ превелебный отецъ игуменъ до ясне велможного пана гетмана веземъ со собою некоихъ братій, поеха, молящи его да помилуетъ въ послѣдней нищетѣ и скудости сущихъ и да создастъ ради вѣчного своего спасенія, трапезу и таковимъ моленіемъ смиреннимъ милостивого гетмана сердце ко милости преклони, ибо обѣщася вомѣсто древяныя согорѣвшія трапезы, муро-

ваную коштомъ своимъ соорудити и таковое панское свое милостивый гетманъ исполняющи обѣщаніе, во второе лѣто сиесть 1694, давши пинязѣ, повелѣ дѣлати цеглу къ уготованной бывшой цеглѣ. Во третее лѣто, еже есть 1695, идущи на враговъ креста святого безъбожныхъ и христоненавистныхъ агарянъ (идеже помощію Божіею и преблагословенной Дѣвы Маріи, взя градъ крѣпкій, зовомій Казикерменъ и прочія грады татарскія, седящія надъ рѣкою Днѣпромъ): повелѣ да заложена будетъ в лѣто настоящое трапеза и прислалъ Яна Баптисту нѣмца, майстра каменнихъ дѣлъ, за полтротѣ тисячи золотихъ пинязѣй умовленного, на муровое трапезное дѣло. И тако по повелѣнію его панскомъ, тогдажъ начаша на фундаментъ ровъ копати мѣсяца июля десятого дня, на преподобного и богоносного отца нашего Антонія Печерского. Тогожде мѣсяца дня осмнадцятого, на святого мученика Емеліяна, основана бысть трапеза, въ каковомъ основаніи положилъ подъ горнимъ сѣдалищемъ, превелебный отецъ игуменъ зъ прочіими иеромонахи и иереи, камень четвероуголный, въ яковомъ камени положени суть мощи святыхъ и хартія писанная на паргаминѣ, сице повѣствующая: Во имя Отца и Сына и Святого Духа, основася сія церковь и трапеза въ монастиру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, во славу великого Бога и Спаса нашего Исуса Христа и во честь и память пресвятыя и преблагословенныя Владичицы нашея Богородици и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, ея же есть храмъ, при державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и при святительствѣ и благословеніи преосвященного архиепископа всея Малыя Россіи митрополита его милости господина отца Варлаама Ясѣнского, а при щасливомъ панованю раба божія ясневелможного пана Иоана Стефановича Мазепи, гетмана ихъ царскаго пресвѣтлого величества войскъ Запорозскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра, ктитора святыя обители сея его же, коштомъ и накладомъ сія церковъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородици и трапеза зъ фундаменту заложена бысть. Суть же здѣ и мощи святыхъ: святого апостола Андрѣя Первозванного, иже во святыхъ отца нашего

Иоана Златоустого, святаго великомученика Полиевкта, иже во святыхъ отца нашего Афанасія патріарха константинополского, не тлѣнными мощами въ сей святой обители опочивающого. Писано въ лѣто отъ сотворенія свѣта 7203, а отъ рожества Христова 1695, мѣсяца июля 18 дня. Сего ради и хартія сія въ семъ фундаментѣ покладается во вѣчное знаменіе и время. Аминь.

По основаніи бысть литургія и утѣшеніе веліе. Во утрій же день начатъ дѣлати преждереченный мурарскихъ дѣлъ майстеръ Янъ Баптиста, нѣмецъ, съ наемники и тако помощью Божіею и преблагословенной Дѣвы Маріи, содѣлаша стѣны до оконъ первыхъ того году. Во четвертое же лѣто, 1696, начатъ дѣлати предреченный майстеръ съ наемники, и презъ лѣто, содѣлаша стѣны вышшей оконъ вторыхъ. Во пятое же лѣто 1697, мало что дѣлано бысть за скудостію вапна, таковія ради вины, яко ясневелможный панъ гетманъ для укрѣпленія и сооруженія градовъ бывшихъ татарскихъ и турецкихъ Казикирмена и Таванѣ, зъ войсками пойшовши, презъ все лѣто тамо замедлѣлъ. Въ шестое лѣто 1698, и въ семое лѣто 1699, за скудостію вапна и ктому за оскудѣніемъ презъ неурожай хлѣба, на муру трапезномъ ничтоже недѣлаша. Восмое лѣто 1670-ное, аще вапно и привезеное до обители было, на ничто же на муру трапезномъ не дѣлано таковія ради вины, яко преждереченный дѣлъ каменныхъ майстеръ Янъ Баптиста, нѣмецъ, свѣтъ сей пожегналъ. Въ девятое лѣто 1701-е, ясневелможный панъ гетманъ, идущи во страни шведскія противу шведского короля на брань, во мѣсто умершого мурарского майстра Яна Баптисти, умовилъ мурара Афанасія Ператинскаго за пять сотъ золотыхъ пѣнязей, дабы скончилъ трапезное муровое дѣло, которій Афанасій съ наемники почалъ на муру трапезномъ дѣлати мѣсяца маія 26, на святаго апостола Карпа; мѣсяца же июля дня 4, копулу олтарную засклепивъ, во утрій же день июля 5, на преподобнаго Афанасія Афонского, олтаръ трапезній съ половиною трапезной церкви до основанія или фундаменту, развалился.

Блаженныя памяти преосвященный Иосифъ Нелюбовичъ Тукалъскій нелюбящъ тука лсти иновѣрія, православный архиепископъ

митрополитъ кіевскій, Галицкій и всея Россіи Малыя ексархъ святѣйшаго апостольскаго константинопольского ѳрону, епископъ бывый Бѣлорускій, архимандритъ Лещинскій, благословеніе на метрополію и ексаршество отъ святѣйшого Метфтодія патріархи Константинопольского приеми року 1668, при державѣ благоспасаомого града Киева отъ православного монахри и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, необитавій на престолѣ своемъ метрополитанскомъ святософѣйскомъ браней ради, преставися въ Чигиринѣ 1675, мѣсяца июля 26 дня. И во время взятія града Чигирина отъ безбожныхъ турковъ, принесени мощи его нетлѣнные до монастира сего Мгарского Лубенскего 1678 мѣсяца августа 8 дня, всечестнымъ иеромонахомъ Макаріемъ Русѣновичомъ зъ братіею, игуменомъ того жъ монастира Мгарского Лубенского. Року 1681, мѣсяца септеврія 26 дня, въ сей стѣнѣ и въ сей церкви боголѣпнаго Господня Преображенія положенны въ древяной (sic) надгробокъ блаженныя памяти преосвященному Иосифу Нелюбовичу Тукальскому: Иосифъ Нелюбовичъ Тукальскій реченній нелюбящъ тука въ себѣ лстивѣ заточенній, отступства вѣры крѣпкій обличитель православія, горливъ защититель, немалованный рокомъ бывый но на престолѣ въ Киевѣ не живый, въ горнемъ престола Сіонѣ искавій тамо да живетъ въ любви правой славы, преставися въ годъ седмдесятый пятый, тисяща шѣсть сотъ, юля шесть двадцятыхъ шестьдесятъ осмаго же отъ рожества лѣта, благословенъ въ санъ и чинъ бысть метрополита чрезъ вселенского писмо патріарха Меѳодія санъ имѣлъ и ексарха.

Отъ трудовъ ясне въ богу преосвященнаго его милости господина отца Варлаама Ясинскаго, метрополита Киевскаго, Галицкаго всея Росіи, туда же привезенно святителя мощи съ Чигирина до брами, тогда всечестный отецъ игуменъ Макарій Русѣновичъ, вышедши зъ священницами у фелонахъ и діаконы въ стихарахъ, за браму, взяша святителя на рамы своя и внесоша въ храмъ Преображенія Господня деревяную и начаша панахиду пѣти; а по отпустѣ панахиды, поставиша въ папертѣ на лѣвомъ боцѣ, противъ святителя жъ Христова Афанасія, иде же нетлѣнные его мощи опочиваютъ, вѣрою

приходящимъ исцѣленіе подаетъ. Тогожъ дня Кузма послушникъ съ пекарнѣ прійде съ вѣрою и со слѣзами съ скорченною ему рукою а положилъ на святителя Христова мощи и абіе заразъ рука исцѣлѣ. И мнози съ вѣрою приходящіе, получали цѣлбу и когда мѣлы древяную церковъ роскидати, тогда мощи святителя положенны въ великомъ склепу въ церкви древяной и егда змуровалася церковъ по верхнѣи вукна, виняша святителя мощи зъ склепу со пѣніемъ и честію священници изъ діаконы и изъ протчіею братіею и поставиша въ мурованой церквѣ по лѣвомъ боцѣ въ папертѣ, где и нынѣ опочиваетъ.

Року 1728, июня 24, по благословенію ясне въ Богу преосвященѣйшаго архиепископа Киевскаго и Галицкаго и Малыя Россіи киръ Варлаама Ванатовича пренесени мощи святителя Христова Афанасія, патріархи константинопольского, зъ храму боголѣпнаго Преображенія Господня въ храмъ архистратига Христова Михаила и прочихъ силъ небесныхъ, деревяную, его жъ архипастирскимъ благословеніемъ будучи въ тотъ часъ на игуменствѣ превелебнѣйшій его милость отецъ Иларіонъ Рогалевскій и билъ того времени въ Москвѣ за дѣлами архиерейскими, а вмѣсто его мѣющому правленіе обители Мгарской Лубенской велебный отецъ Георгій Кувичинскій намѣсникъ тамошній, въ день рождества святаго Иоана, перенесъ чесно мощи святые со подобающею честію; и на правой сторонѣ поставлены и литургію святую соборнѣ отправовали со молебнымъ пѣнѣемъ. И въ тотъ часъ зъ мѣщанъ много людей значныхъ было, именно: отецъ Андрѣй Ореховскій, намѣсникъ, и его милость панъ Петро и панъ Феодоръ Кулябки и прочіи. И того дня изъночи былъ дощъ великій, для которого не имѣли и мощей переносити; а когда собравшися въ церковъ покамось поубиралисъ и проскомидію отправили, ясность великая учинилася и дощъ переставъ и скоро перенесли мощи, заразъ опять дощъ пошовъ, що для лучшаго извѣстія извѣстилисмо року и дня вышписанного. И того жъ вышписаного року, церковъ мурованую все склепене разобрали и по стѣнехъ, где потребо указали и впредъ идучій годъ 1729, за игуменство его милости господина отца Иларіона Левитцкаго на тотъ часъ владущаго ему монастиремъ Мгарскимъ Лубенскимъ

и училищами Киевобратцкими ректорство содержащу, божіимъ поспѣшенимъ началисмо муровати церковъ всемилостивого Спаса, априля 22.

Року 1734, генваря 30, приѣхалъ въ Лубнѣ до храму трохъ святителей преосвященній архиепископъ Рафаилъ Заборовскій Кіевскій и Галицкій, Малыя Россіи; а по службѣ божіей, предъ вечерною, въ монастиръ приѣхалъ, а 1 февраля зъ монастира поѣхалъ его жъ преосвященство до Сорочинецъ, ховати ясневельможного пана гетмана его милость Даніила Апостола, которого похоронивши февраля 5 дня, вовторокъ на всеедной неделѣ, приехалъ воспять въ монастиръ нашъ, февраля же 9 въ суботу; а 11 дня, рано изъ монастира жъ поѣхалъ въ понеделокъ до Киева, за игуменства превелебного отца Феофана Трофимовича Мгарского.—А на погребеніи зъ преосвященнѣйшимъ архиепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Росіи, били игумени: Гавріилъ Леополскій игуменъ Густинскій да Феофанъ игуменъ Мгарскій Лубенскій, Серафіонъ игуменъ Сорочинскій, Иларіонъ игуменъ Гадяцкій, игуменъ Скельскій, игуменъ Полтавскій, игуменъ Нехворощанскій, архидіаконъ Иовъ да Платонъ, писарь консисторійскій, и иныхъ множество. И погребенъ во градѣ Сорочинцяхъ всемилостиваго Спаса, въ церквѣ мурованной въ склепу, подъ онбономъ.

Року 1736, маія 20. Божіимъ попущеніемъ и грѣхъ ради нашихъ наказаніемъ, въ монастиру благолѣпнаго Господня Преображенія Мгарскомъ Лубенскомъ, огнь 2 часа въ нощи возгорѣся отъ іеромонаха Савицкого, бувшого попа Ждановского, отъ келеи живвшого его, стоящой на рову за полатою, отъ пригрубника; и за малую ядь, ввесь монастиръ спаливъ, а имено: церковъ святаго архистратига Михаила соборъ совсѣмъ, на баштѣ мурованой, всемилостиваго Спаса весь дейсусъ, въ инбарахъ двохъ бѣлое желѣзо и крести великой церкви и риштованя.—Башта деревяная и коморъ шесть, на ней въ серединѣ была церковъ святого великомученика Георгія, на верху звоница и дзигаръ и звоновъ 11; въ коморѣ соль и такъ много припасовъ; звоница мурована и при ней звоновъ и било желѣзное; на церквѣ Благовѣщенія пресвятой Богородицѣ на трепезѣ кришка и предъдверіе входящое въ трапезу и огородки малованія

на келералнѣ (sic) и на хлѣбодавнѣ кришки и на лоху трапезномъ; пекарня и спижарня со всѣми припасами и посудки; всякіе палати; двѣ келіи со всѣми припасами рыбними, горѣлчаними и посудки и каменица зъ лохомъ;—лодовня зъ медомъ и пивомъ и масломъ и со всѣми припасами рибними и протчіе, отца игуменскихъ келій внизу три зъ илкаремъ и коморками и огородками маліованими и на версѣ двѣ келій и чардаковъ два,—садовина въ монастиру и около монастира и коло винограду и дѣлованя коло монастира и оплоти коло винограду и челяднѣ;—келія въ огороднѣ и кришка на лоху и посудки огородніе братскихъ келій въ монастиру восѣмънадцять и образи и братскіе вещи. За монастиремъ: келій гостинницъ двѣ; келій на виноградѣ двѣ; инбаръ на лоху и комора;—келій шуршовихъ една а другая тесельня; кришка на лоху шуршовомъ и повѣтъ; драни тисящъ 15; конюшень келій двѣ, а въ конюшнѣ коляси, будки, глабци, тарадайки, хомути, шори шлѣйцѣ и дуги; ковалня съ келіею; гончарня и горнъ; бондарня и стелмашня со всѣми посудки; челядень двѣ и повѣтей шѣсть; гонти тисящъ 20; конюшня, гдѣ челядня комора зъ солодами; клуня съ потребною дубиною, трамами и ринвами и оплотами. И кто не удивится такому великому огню и да бережетъ всякъ себе отъ огня, которій увесь монастиръ разорилъ.

Въ монастиру Мгарскій Лубенскій обявленіе.

Сего 1745 году, марта 14 дня, четиредесятницы святаго великаго поста третой седмици, въ четвертокъ рано, заболѣзновавши я на голову и весма отягощенъ сномъ былъ и не стерпя такой болѣзнѣ и отягощенія, возлегъ и уснувъ; и въ томъ снѣ, явилося мнѣ, что акичи (sic) въ градѣ я на пѣніи стоялъ, въ мурованой церквѣ и оная церковъ вся на мене въпала и я того устрашась, самъ палъ же ницъ на землю, и великимъ голосомъ кричалъ необычно и отъ того сна возбудившися никакой болѣзни на себѣ не усмотрилъ; толко не моглъ ничего нимало говорить, аки нѣмъ и после того въ три часа или болше того невѣдаю, сталъ было говорить и говорилъ до самой ночи, а уснувши спалъ всю ночь и возбудившися отъ сна въ пятокъ рано, наки сталъ нѣмъ и немоглъ

не токмо чого говорить, но и весма безъгласенъ; а въ суботу рано, пущено мнѣ кровъ съ медіаму и дано отъ аптеки медикаментовъ для питя и полосканя гортани оными, чтобъ мнѣ отъ такои нѣмоты свободу получить; якіе я пилъ и гортань оными полоскалъ, токмо отъ оныхъ ничего въ ползу себѣ не пріобрѣлъ, но еще и головная болѣзнь ктому приключилась, якихъ я медикаментовъ, что мнѣ съ оныхъ ничего въ ползу не было, не сталъ принимать, и оніе оставилъ вовся; того ради положилъ я въ мысли своей во еже би поклонитися рацѣ мощей угодника божія святителя Христова Афанасія, уповая несумѣнно получити при ней исцѣленіе своему язику и такое свое намѣреніе объявилъ сверстникомъ своимъ на хартіи, которіе совѣтъ добръ давше мнѣ, дабы не отлагалъ всячески того богоугодного намѣренія согласились и сами со мною поклоненія ради къ рацѣ святителя Христова Афанасія на утріе въ монастиръ путушествовали. Приспѣвшой же первой намѣренію моему нощи и по обычаю своему на одрѣ почивающу, си есть зъ субботи противу неделѣ, видѣлъ я явленіе во снѣ такое, что пришедъ ко мнѣ во свѣтлой одеждѣ, единъ человѣкъ состарѣлый, держай въ руцѣ своей деснѣй, малый цвѣтъ зѣложъ прекрасный зъ ягодми красними и даде мнѣ, рекъ: прийми сей отъ руки моея цвѣтъ и сохрани у себе, имаши бо сего дне по отправленіи божественной литургіи, снѣсти его. И я отъ того сна возбудившися и вибросавши оніе медикамента на дворъ, имѣлъ намѣреніе итить въ монастиръ Мгарскій Лубенскій, ради поклоненія мощамъ угодника божія святителя Христова Афанасія, по якому моему намѣренію отъ головной боли освободился, но не возмогъ въ скоромъ времени отходити въ монастиръ, мимо вѣдома командира своего полкового писара господина Афанасія Шкляревича, которій заповѣдалъ всячески того утра не быть въ отлучки нигдѣ и велѣлъ дожидатся аптекаря Петра Нейдгарда, для осмотру мене и пущенія сподъ язика крове; и отъ того воспящденія мнѣ опятъ головная болѣзнь возвратилась и я дожидаючись онаго аптекара чрезъ долгое время, недождался, чего ради я самъ тайно въ Мгарскій монастиръ пойшелъ, отшедшимъ уже сверстникомъ, моимъ съ которими я былъ согласился купно путь

шествовати. И въ ономъ монастирѣ въ храмѣ Благовѣщенія пресвятыя Богородици, на божественной литургіи, предъ мощами угодника божія святителя Христова Афанасія и предъ иконою пресвятыя Богородици со всякимъ усердіемъ поклонився, лобизахъ ихъ, прося прилѣжно раздрѣшенія язику. И по отпускѣ божественной литургіи, пошолъ въ едну келію и погодя съ полъчаса или меньше, помощію угодника божія святителя Христова Афанасія, сталъ говорить, что причитать какъ мнѣ, яко и всѣмъ людемъ, паче же въ монастирѣ Мгарскомъ за знатнѣйшое чудо. Я же воздая угоднику божію святителю Христову Афанасію похвалное благодареніе, прошу да будетъ о семъ извѣстно. Копеистъ полковой лубенской канцеляріи сынъ козака сотнѣ Глинской жителя городового Глинского Стефана Галичина Гаврило Галичинъ.

Повѣсть о пожежѣ Мгарскаго Лубенского монастира въ третой разъ послѣдовавшей.

Въ лѣто отъ рождества Христова 1775-е, мѣсяца августа 5 числа, въ день самого храмавого праздника Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, когда подъ часъ позней литургіи (которую служилъ настоятель тогда въ Лубенскомъ монастырѣ бывшій архимандритъ Паисій соборнѣ зъ братіею, въ болшой каменной Преображенія Господня церквѣ) готовалась въ братерской поварнѣ для приему бывшихъ тогда приѣжихъ зъ разныхъ мѣстъ разного духовного и свѣцкого чина господъ и протчихъ людей, кушанья, и уже на позней литургіи начали приобщать народъ, то въ самое тое время загорѣлась въ той поваренной трубѣ сажа и отъ того выхватившись поломье съ трубы на трапезную кришку, начала заразъ оная кришка (которая была маліована) въ мѣстѣ съ поваренною и исъ хлѣбодавскою кришками, горѣть. И тогда стали въ колоколъ бить на гвалтъ, а послѣ трапезной кришки, стала горѣть на полатѣ кришка зъ горницами (которая была такъ же маліована) и полатницкій амбаръ деревяній со всѣми вещами. И на камяницѣ и надъ ліохомъ кришка совсѣмъ погорѣли, а послѣ полати стали горѣть на церквѣ болшой Преображенія Господня деревяніе жестю

побитіе главы, между коими една самая старшая глава позолоченна была; а всѣхъ главъ было седмъ; и какъ стали на церквѣ горѣть главы, то виносили съ церкви какъ всѣ церковніе утвари, такъ и святителя Христова Афанасія мощи безъ раки въ коврѣ, въ садъ, въ бесѣдку, за настоятельскими келіями состоящій, въ которомъ оніе мощи были двое сутокъ, гдѣ братія по очередно иеромонахи читали Евангеліе, а протчіе монахи досматривали тамъ же въ саду церковныхъ и другихъ вещей. И когда съ церкви виносили утвари, въ той самой часъ съгорѣла брама деревяна и при ней келія колоколня и колоколовъ пять, часовня съ часами полусутковими, келій деревяныхъ (въ которихъ тогда намѣстникъ жилъ иеромонахъ Феофилактъ) четирѣ, еклезиархина келія зъ горницею, на каменныхъ шести братерскихъ келіяхъ кришка совсѣмъ: окошка, двери погорѣли; за брамою погорѣло: конюшня со всѣмъ обозомъ, шафарскихъ келій четири, гостинныхъ двѣ, на виноградѣ келій началницкихъ двѣ, сушня, амбаръ и въ ономъ гонти немало и садовины немало; колешня, бондарня, ткачня, амбаръ коновскій, келій сосновихъ двѣ, ковалня, шурша и другая брама; на низу: баня, кушнѣрня, гончарня, шевня и броваръ совсѣмъ погорѣли И тогда вся братія въ велицѣ бѣдѣ и печали и боязни находились, ибо всего почти своего здоровья, равно жъ и имѣнія тогда лишились; всякъ свое что могъ выхопить съ келіи, выносилъ за монастиръ въ лѣсъ, хотячи съхоронить, но за множествомъ народа нѣгде было хоронить, а беречь такъ же нѣкому; итакъ что монашеское не погорѣло, то посторонними людми въ лѣсѣ забрато. По пожежѣ жъ осталось въ цѣлости въ церквахъ обоихъ иконостаси цѣлые, въ монастиру настоятельскіи келіи, зъ задворкомъ огородня и братерской ледникъ и гумно съ хлѣбомъ, а протчое все до остатка, строенія всѣ, заборы, тины, задворки и протчое погорѣло. Послѣ того на третій день, то есть 8 числа августа, взявши честные иеромонахи съ бесѣдки святителя Афанасія мощи, вънесли паки въ болшую церковъ и посадили въ его раки на лѣвой сторонѣ между столбами, гдѣ и прежде были и нынѣ состоятъ. Въ той же самой Спасовъ день, когда уже пожежа мало утишилась, въ вечеру, по прошенію

настоятеля архимандрита Паисія, прислана съ города Лубенъ отъ полковихъ старшинъ въ монастиръ команда козаковъ вооруженныхъ, какъ для караулу церкви, такъ и всего погорѣлого монастира и въ немъ оставшогось отъ пожежи имущества, съ коихъ часть козаковъ стояла ночью и днемъ въ кругъ церкви абахта, а часть козаковъ по розниимъ мѣстамъ, гдѣ имущество монастирское хранимо было (тутъ и братія наипаче въ церкви днемъ и ночью смотрѣли) и караулили всего того чрезъ два дни. О той пожежѣ настоятель архимандритъ Паисій зъ братіею, того жъ августа 10-го, репертовалъ къ преосвященному Гавріилу митрополиту Киевскому и Галицкому.

Игумены монастира Мгарского прежде бывшіе.

Отецъ Исаія Копинскій епископъ.—Отецъ Феодосій по Василіи, и еросхимонахъ Иоанъ Вишніевичъ.—Отецъ Василій - -Отецъ Каллистратъ.—Отецъ Иоанъ Высоцкій.—Отецъ Самуилъ.—Отецъ Серафіонъ Васкевичъ.—Отецъ Исаія.—Отецъ Петроній Левковичъ.—Отецъ Викторъ Загоровскій.—Отецъ Калистъ Билицкій.—Отецъ Виссаріонъ.—Отецъ Макарій Русѣновичъ.—Отецъ Ипатій Горбачевскій.—Отецъ Амвросій Биликовичъ, року 1705, зосталъ игуменъ — Отецъ Филаретъ Кощаковскій.—Отецъ Алексѣй Петрина.—Отецъ Иларіонъ Рогалевскій, року 1722.—Отецъ Иларіонъ Левицкій.—Отецъ Георгій Ласковскій.—Отецъ Феофанъ Трохимовичъ, 1733 сентября 25 дня пріехалъ.—Отецъ Тимофтей Щербацкій.—Отецъ Иоасафъ Горленко 1737-го года поставленъ игуменомъ и пріехалъ въ монастиръ того жъ 737 года, июля 7 дня, на игуменство; игуменовалъ же въ монастирѣ неисходно и безъперемѣнно 3 годъ шесть мѣсяцей и 24 дни. Между тѣми годами имянно 1742 года сентября 10, ездилъ въ Москву отъ монастира за милостинею, гдѣ бавился до 1744 года августа по 16 число; а отъ туду возвратившись, поставленъ первый архимандритомъ въ сей Мгарскій монастиръ, 1744 года сентября 14 дня, преосвященнымъ Рафаиломъ Заборовскимъ, архиепископомъ митрополитомъ Киевскимъ, Галицкимъ и Малыя Росіи, въ катедрѣ Киевской, въ церкви святой Софіи премудрости Божія, а потомъ паки взятъ въ Москву того жъ 1744 года, ноября въ послѣднихъ числехъ, по указу, что ему отъ роду четиридесятое.

Предисловіе.

Мы считаемъ излишнимъ указывать нашимъ читателямъ на то важное значеніе, какое представляютъ записки современниковъ при изученіи исторіи каждаго народа. Если этотъ источникъ историческаго знанія и уступаетъ въ отношеніи фактической точности свѣдѣніямъ архивнымъ, то онъ дополняетъ несомнѣнно свидѣтельства актовъ, представляя полную, живую и разностороннюю картину народнаго быта, и даетъ возможность оцѣнить уровень общественнаго развитія и отношеніе общественнаго мнѣнія къ событіямъ, происходившимъ въ описываемое мемуаристомъ время. Потому мы полагаемъ, что для полнаго и безпристрастнаго пониманія каждаго историческаго момента необходимо при его изученіи ознакомиться съ записками современниковъ.

Для исторіи юго-западной Руси существуетъ довольно многочисленный рядъ мемуаровъ, начиная съ половины XVI столѣтія. Записки эти составлены по большей части иностранцами или туземцами, писавшими на иностранныхъ языкахъ; при томъ онѣ помѣщены въ изданіяхъ спеціальныхъ, мало распространенныхъ и мало доступныхъ, или изданы были давно и составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ мало доступны для болѣе широкаго круга интеллигентныхъ читателей. Желая восполнить этотъ недостатокъ, ощущаемый особенно лицами, заинтересованными изученіемъ южно-русской старины, редакція «Кіевской Старины» намѣрена помѣщать въ приложеніяхъ къ журналу, въ переводѣ на русскій языкъ, цѣлый рядъ записокъ современниковъ, начиная съ половины XVI до начала XVIII столѣтія. При переводѣ редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы передать по мѣрѣ возможности точно смыслъ подлиннаго текста; при томъ переводы будутъ снабжены необходимыми для уясненія текста комментаріями.

Въ составъ предполагаемой серіи мемуаровъ редакція предполагаетъ включить слѣдующія записки:

Михайла Литвина. Отрывки о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ (Michalonis Lituani. De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum fragmina decem).

Леонарда Горецкаго. Описаніе войны Ивонія, воеводы волошскаго (Descriptio belli Ivoniae, voivodae Valachiae).

Эриха Лассоты. Дневникъ (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau).

Якова Собесскаго. Записки о хотинской войнѣ (Commentariorum chotinensis belli libri tres).

Гильома Боплана. Описаніе Украины (Discription d'Ukrainie).

Іоакима Ерлича. Лѣтописныя записки (Latopisiec).

Симеона Окольскаго. Дневникъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ между войсками коронными и запорожскимъ въ 1637 и 1638 годахъ (Djarjusz tranzakcji wojennej między wojskiem koronnym i zaporowskim w 1637 r.; kontynuacja djarjusza wojennego w roku 1638).

Богуслава Машкевича. Записки (Pamiętnik).

Николая Емеловскаго. Записки (Pamiętnik).

Записки анонима, изданныя Войцицкимъ (Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza).

Криштофа Перетятковича. Отчетъ о заслугахъ Рѣчи Посполитой (Informacja usługi ku Rzeczy Pospolitej).

Патрика Гордона. Дневныя записки (Tagebuch des generalen Patrick Gordon).

Яна Зеленевецкаго. О побѣдѣ, одержанной надъ Шереметевымъ (Memorabilis victoria de Szeremetho).

Яна Юзефовича. Лѣтопись.

Изъ всего ряда перечисленныхъ записокъ только 4 были донынѣ изданы въ переводѣ на русскій языкъ, но изъ нихъ 2—Михайла Литвина и Перетятковича были помѣщены въ изданіяхъ спеціальныхъ и весьма мало распространенныхъ, записки Боплана, изданныя въ русскомъ переводѣ Устряловымъ еще въ 1832 году, составляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, только записки Эриха Лассоты въ переводѣ Бруна изданы относительно недавно; предпринимая изданіе новаго перевода, редакція имѣетъ въ виду съ одной стороны желаніе не исключать изъ серіи своего изданія мемуара первостепенной важности, съ другой стороны она разсчитываетъ представить переводъ болѣе точный, такъ какъ ей удалось

получить экземпляръ нѣмецкаго изданія, сличенный съ рукописью Бауценской библіотеки, при чемъ многочисленныя ошибки, допущенныя въ нѣмецкомъ изданіи Шоттина, были тщательно исправлены по рукописи самого Лясоты.

При изданіи записокъ редакція будетъ переводить только тѣ части ихъ, которыя относятся къ исторіи южной Руси, оставляя въ сторонѣ иногда довольно объемистые отдѣлы, относящіеся къ исторіи другихъ странъ. Такія сокращенія въ большихъ размѣрахъ будутъ сдѣланы при переводѣ записокъ: Лясоты, анонима, Гордона и Юзефовича. Сверхъ того, въ составъ издаваемой серіи войдутъ небольшіе отрывки изъ тѣхъ мемуаристовъ, сочиненія которыхъ, посвященныя исторіи другихъ странъ, содержатъ болѣе или менѣе обширные эпизоды, относящіеся къ исторіи юго-западнаго края, какъ напримѣръ: Blaise de Vigénère (La description du royaume de Pologne et pays adjacents), Альбрехтъ Радзивиллъ (Pamiętniki), Delavac (Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du règne de Jean Sobieski), Записки Яна Пасека и Почобута, Отвиновскій (Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II) и т. п.

Извлеченіе изъ сочиненія Михайла Литвина.

(1550 г.).

Среди мемуаристовъ XVI столѣтія, записки которыхъ относятся къ исторіи западной Руси, первое мѣсто какъ по времени, такъ и по важности сообщаемыхъ свѣдѣній занимаетъ Михайло Литвинъ. Къ несчастью, сочиненіе его не дошло до насъ въ полномъ видѣ.

Первоначальная рукопись, написанная авторомъ на латинскомъ языкѣ, была раздѣлена на десять книгъ, но первый ея издатель Грассеръ, пользовавшійся подлинною рукописью, издалъ ее не цѣликомъ, а напечаталъ лишь отрывки первой и девятой книгъ и сокращенія изъ отрывковъ остальныхъ восьми книгъ. По свидѣтельству самого Грассера, онъ значительно сократилъ первоначальный текстъ записокъ Михайла Литвина; при окончаніи перваго отрывка онъ помѣстилъ объясненіе, подъ заглавіемъ: „нѣчто къ читателю“, въ которомъ говоритъ: „Послѣдующія за симъ книги Михалонъ наполняетъ только жалобами на испорченные нравы своего народа, говоря, что это самый пагубный врагъ, котораго должно изгнать прежде всего, почему онъ желаетъ, чтобы нравы были исправлены, и указываетъ королю на средства, какъ достигнуть этой цѣли. Но мы, опустивъ эти жалобы, познакомимся только съ тѣмъ, что принадлежитъ собственно къ исторіи“.

Въ такомъ сокращенномъ видѣ Грассеръ издалъ записки Михайла Литвина въ Базелѣ въ 1615 году, въ сборникѣ, въ составъ котораго вошло еще нѣсколько разнообразныхъ статей, какъ это видно изъ его заглавія: „Michalonis Lituani de moribus tartaro-

referta—et Johannis Lasicii Poloni de diis Samagitarum caeterarumque Sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione Armenorum. Et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per I. Jac. Grasserum C. P. ex manuscripto autentico edita. Basileae, apud Conradum Waldkirchium MDCXV".

Весь этотъ сборникъ Грассеръ посвятилъ кн. Октавіану-Александру Пронскому, внуку извѣстнаго кіевскаго воеводы Фридриха Глѣбовича Пронскаго, съ которымъ познакомился во время путешествія молодаго князя за границу, предпринятаго имъ съ цѣлью завершить свое образованіе.

Въ началѣ сборника Грассеръ приложилъ генеалогію рода князей Пронскихъ, исполненную, впрочемъ, неточностей и ошибокъ, и посвященіе книги молодому князю, въ которомъ онъ объясняетъ въ такихъ словахъ цѣль своего изданія: „теперь, когда ты предполагаешь возвратиться въ отечество, то, по возвращеніи твоемъ, тебѣ, безъ сомнѣнія, придется по временамъ сражаться съ татарами и москвитянами—я рѣшился посвятить твоему знаменитому имени этотъ трудъ, въ которомъ вѣрно изображается жизнь сихъ враговъ". Далѣе въ посвященіи Грассеръ сообщаетъ слѣдующія подробности объ издаваемыхъ имъ запискахъ: сочиненіе это было написано въ 1550 году для Сигизмунда Августа, только что вступившаго на польскій престолъ; издатель нашелъ рукопись среди бумагъ типографщика Петра Перны, которому она была прислана изъ Польши для напечатанія.

Изданіемъ Грассера воспользовалась впослѣдствіи фирма Эльзевировъ и переиздала часть записокъ Михаила Литвина въ сборникѣ, носящемъ заглавіе: „Respublica sive status regni Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae etc. diversorum autorum. Lugduni Batavorum. Ex officina Elzeviriana. Anno MDCXXVII".

Шестая статья этого сборника (стр. 165—174) озаглавлена такъ: „Quaedam ad Lituaniam pertinentia ex fragmentis Michalonis Lituani". Статья эта заключаетъ только отрывки 4-й и 5-й грассеровскаго изданія и то съ нѣкоторыми пропусками.

Уже въ позднѣйшее время текстъ отрывковъ Михаила Литвина

кій“, изданном Калачовымъ; онъ помѣщенъ во второй половинѣ второй книги этого изданія (Москва 1854). Калачовъ перепечаталъ весьма точно латинскій текстъ Грассера по экземпляру его сборника, принадлежащему библіотекѣ московскаго университета, и приложилъ къ нему русскій переводъ, составленный С. Шестаковымъ.

Разсматривая этотъ переводъ, мы нашли въ немъ нѣкоторыя неточности и сокращенія, сверхъ того мы не всегда могли согласиться съ переводчикомъ относительно пониманія самого текста и потому составили заново предлагаемый переводъ. Мы думаемъ, что для лицъ, занимающихся исторіею западно-русскаго края, переводъ этотъ можетъ представить нѣкоторый интересъ какъ въ виду научной важности предлагаемаго историческаго матеріала, такъ и потому, что изданіе Калачова, какъ изданіе слишкомъ спеціальное, мало распространенное, составляетъ уже теперь библіографическую рѣдкость и потому мало доступно для болѣе широкаго круга читателей. При составленіи перевода мы болѣе всего заботились о его точности, старались держаться по возможности близко къ подлиннику, вслѣдствіе чего принуждены были сохранять чрезвычайно сжатый и нѣсколько витіеватый способъ изложенія автора, полагая, что при переводѣ историческаго матеріала гораздо важнѣе возможно большая близость къ оригиналу, нежели стилистическая ловкость изложенія.

Время составленія записокъ Михайла Литвина Грассеръ опредѣлилъ 1550 годомъ; цифра эта вполнѣ подтверждается тѣми данными, какія заключаются въ самомъ ихъ текстѣ. Авторъ перечисляетъ многія событія первой половины XVI столѣтія, ссылаясь на нихъ, какъ на факты изъ недавняго прошлаго; таковы его замѣтки о битвахъ: при Клецкѣ (1506), Лопушной (1512), Сокалѣ (1519), Могачѣ (1526), Ольшаницѣ (1527) и Очаковѣ (1529), равно какъ и замѣтка о пожарѣ, истребившемъ Вильно (1529). Далѣе авторъ называетъ своимъ современникомъ в. к. Іоанна IV Васильевича (вступившаго на престолъ въ 1533 г.). Перечисляя событія, случившіяся въ царствованіе Сигизмунда I († 1548), онъ всегда упо-

Наконецъ, онъ называетъ имя современнаго ему крымскаго хана Сахибъ-Гирея, погибшаго въ 1551 году. Сопоставляя приведенныя данныя, можно довольно точно опредѣлить время составленія записокъ—это промежутокъ времени между 1548 и 1551 годами, что вполнѣ подтверждаетъ сообщенную Грассеромъ дату.

Гораздо труднѣе опредѣлить личность самого составителя. Первоначальному издателю онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Михалона Литвина. Разумѣется, Михалонъ—это латинизированное имя Михаилъ и при томъ въ той формѣ „Михайло", которая была въ особенномъ употребленіи на Руси въ XVI столѣтіи; по латыни ее писали „Michalo" и составляли родительный падежъ отъ него на латинскій ладъ—Michalonis. Литвинъ—это, конечно, имя народа, изъ среды котораго происходилъ составитель записокъ, фамильнаго же имени нашего автора мы не знаемъ. Дѣйствительно, изъ самаго текста записокъ можно констатировать, что авторъ ихъ принадлежалъ къ народности литовской: онъ зналъ литовскій языкъ и въ 5-й книгѣ приводитъ болѣе 70 словъ, по его мнѣнію, общихъ для языковъ латинскаго и литовскаго. Въ началѣ отрывка этой главы онъ говоритъ весьма опредѣленно: „Русскій языкъ чуждъ намъ, литовцамъ, происходящимъ отъ итальянской крови".—Изъ данныхъ, относящихся къ біографіи автора, вносимыхъ въ его разсказъ, мы знаемъ только, что онъ лично посѣщалъ Крымъ и, судя по количеству собранныхъ имъ наблюденій, пробылъ въ этой странѣ довольно продолжительное время; находясь въ Крыму, авторъ не только пользовался полною свободою, но даже, какъ кажется, имѣлъ доступъ къ ханскому двору; предполагать это можно по тѣмъ подробностямъ публичной и интимной жизни Сахибъ-Гирея, которыя мы встрѣчаемъ въ запискахъ. На этомъ основаніи, а также по смыслу обращенія литовскаго плѣнника, съ которымъ авторъ разговаривалъ въ Кафѣ и который поручалъ ему передать великому князю различныя соображенія, можно предположить, что составителемъ записокъ былъ одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ, часто посылаемыхъ въ Крымъ литовскимъ правительствомъ.

Пересматривая изданные понынѣ документы, относящіеся къ

винѣ XVI столѣтія, мы встрѣчаемъ нѣсколько лицъ, ѣздившихъ въ качествѣ пословъ или гонцовъ въ орду, носившихъ имя Михайла. Такъ, на двухъ письмахъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирею, писанныхъ въ 1510 г. (13 и 27 ноября) находимъ помѣтки: „Тотъ листъ посланъ до орды дякомъ Михайломъ“ и „Тотъ ярлыкъ одъ короля е. м. посланъ до Менгли-Гирея, царя Перекопскаго, тымже дякомъ Михайломъ“ [1]).—Въ 1511 г. письмо Сигизмунда I къ литовскому послу, находившемуся въ Крыму, начинается слѣдующими словами: „Дворянину нашому Михайлу Павши и писарю нашому Михайлу Василевичу“; тотъ же писарь посольства, Михайло Василовичъ, снова былъ посланъ въ Крымъ въ 1513 году съ письмомъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирею [2]). Наконецъ, въ 1538 году этотъ король обращалъ вниманіе пановъ рады литовской на то, что дипломатическія отношенія къ Крыму приняли враждебный характеръ и, между прочими фактами, указывалъ, что „царь перекопскій легкость послу его милости, Михайлу Тишковичу, тамъ въ Ордѣ выредилъ“ [3]). (Документъ не указываетъ, въ чемъ состояло оказанное послу неуваженіе). Намъ кажется, что одно изъ поименованныхъ лицъ весьма правдоподобно могло быть авторомъ записокъ „О нравахъ татаръ“. Если допустить возможность такого предположенія, то можетъ быть составленіе записокъ скорѣе всего можно бы приписать Михайлу Тишковичу, такъ какъ его посольство въ Крымъ происходило уже при Сахибъ-Гиреѣ, всего за 12 лѣтъ до времени составленія записокъ.

Записки Михайла Литвина представляютъ богатый запасъ свѣдѣній, относящихся къ внутреннему быту великаго княжества литовскаго; въ изданной части записокъ еще болѣе уцѣлѣло свѣдѣній о бытѣ крымской орды и объ ея отношеніяхъ къ литовско-рускимъ областямъ. Впрочемъ, при всемъ богатствѣ фактическаго матеріала записокъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ крупный недостатокъ въ планѣ и характерѣ сочиненія. Авторъ имѣлъ въ виду

[1]) Pulaski. Stosunki Polski z tatarszczyzną, стр. 369 и 375.

[2]) Тамъ же, стр. 382, 383 и 410.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, т. I, стр. 87 и 97.

не столько повѣствованіе о видѣнномъ и слышанномъ имъ, сколько цѣль дидактическую. Очевидно, весь разсказъ направленъ къ тому, чтобы оказать вліяніе на молодаго короля Сигизмунда-Августа и побудить его принять мѣры къ исправленію нравовъ и подъему энергіи въ средѣ литовскихъ земляхъ. Съ этою цѣлью Михайло утрируетъ съ одной стороны недостатки своихъ согражданъ, съ другой добродѣтели сосѣдей, при чемъ нерѣдко впадаетъ въ противорѣчіе какъ съ самимъ собою, такъ и съ другими историческими свидѣтельствами. Впрочемъ, эту излишнюю долю шаржа читатель отличитъ весьма легко при внимательномъ чтеніи.

ОТРЫВОКЪ 1.

Хотя мы считаемъ татаръ варварами и бѣдняками, но они гордятся воздержностью своей жизни и древностью своего скиѳскаго происхожденія, утверждая, что народъ ихъ происходитъ отъ Авраама и что онъ никогда не былъ никѣмъ обращенъ въ рабство, хотя и страдалъ по временамъ отъ нападеній Александра, Дарія, Кира, Ксеркса и другихъ могущественныхъ царей и народовъ.

Нынѣ татары раздѣлены на нѣсколько ордъ, т. е. народовъ; такъ, за сосѣдями нашими, перекопскими татарами и соучастниками ихъ, бѣлгородскими и добруджскими [1]), живущими на границѣ Молдавіи, къ востоку находятся могущественныя орды, враждебныя перекопской: одна ногайская, другая астраханская [2]), третья за рѣкою Танаисомъ, которая называется также Волгою [3]) — заволжская; это родина царя Батыя, опустошившаго Венгрію. Орда эта нѣкогда господствовала надъ москвитянами и всѣми русскими, теперь она примкнула къ ногайской ордѣ. Далѣе слѣдуютъ орды: казанская, казацкая, бухарская, самаркандская и, какъ сказываютъ, нѣсколько другихъ; онѣ распредѣлены между двѣнадцатью повелителями согласно обѣщанію, данному Господомъ ихъ предку Измаилу

[1]) Въ текстѣ Dobrienses.

[2]) Alia (орда) Chastoreceni.

[3]) Авторъ очевидно смѣшиваетъ Волгу съ Дономъ (Tanais).

(кн. Бытія 17) [1], что отъ него родится 12 вождей и произойдетъ великій народъ.

Среди татарскихъ ордъ перекопскіе татары слабѣе другихъ, но они живутъ ближе всѣхъ къ нашимъ предѣламъ и одни враждебны намъ; они полагаются на нашу оплошность, а также пользуются близкимъ сосѣдствомъ и удобствомъ мѣстоположенія, доставляющаго имъ безопасное убѣжище.

Дѣйствительно, перекопскіе татары имѣютъ убѣжище, укрѣпленное самою природою; два мелководные залива, изъ которыхъ одинъ называется Меотидою, вдаются отъ моря въ материкъ почти на тридцать миль длиною; въ началѣ и на всемъ протяженіи они расположены въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, но концы ихъ сближаются между собою и раздѣлены лишь узкимъ сухимъ перешейкомъ [2], поперегъ котораго отъ одного залива къ другому тянется ровъ и высокій валъ, въ которомъ прорѣзаны ворота, представляющія единственный входъ въ страну татаръ со стороны суши.

По причинѣ этого перекопаннаго рва и крѣпость, построенную у воротъ, и весь полуостровъ, окруженный заливами, мы называемъ Перекопомъ, прежде же онъ назывался Таврикою; онъ принадлежалъ къ владѣніямъ трапезундскихъ грековъ и былъ ими заселенъ; и понынѣ живущіе на полуостровѣ греки удержали свой языкъ и вѣру. Этотъ полуостровъ омывается моремъ Понтійскимъ, которое у этой страны называется Понтомъ Евксинскимъ; хотя онъ защищенъ своимъ положеніемъ, но ни обширные заливы, ни ровъ, ни высокій валъ, ни сильная крѣпость не могли бы помѣшать хорошо устроенному войску проникнуть внутрь страны. Къ этимъ единственнымъ воротамъ, ведущимъ въ Таврику, отъ послѣднихъ литовскихъ крѣпостей, Черкасъ и Брацлава, шесть дней пути по совершенно ровной, покрытой травою степи, не прегражденной нигдѣ ни горами, ни лѣсами,

---

[1] „О Измаилѣ же се послушахъ тебе и се благословихъ его, и умножу его зѣло: двѣнадесять языки родитъ, и дамъ его въ языкъ велій". Кн. Бытія, гл. 17, стр. 20.

[2] Авторъ имѣлъ нѣсколько неточное понятіе объ очертаніяхъ Азовскаго моря и Каркинитскаго залива.

ни болотами и не прорѣзанной, за исключеніемъ Борисѳена, рѣками, трудными для переправы. Въ самой Тавриკѣ морской берегъ, а также страна у подножія горнаго кряжа покрыты взгорьями и лѣсами; эта часть заселена туземцами греками, остальная же часть полуострова, въ которой обитаютъ татары, степная. Вся страна очень плодородна, производитъ много хлѣба, вина, мяса и соли. Соль зараждается тамъ въ большомъ количествѣ въ озерахъ, вслѣдствіе сгущенія воды отъ солнечнаго припека послѣ весенняго равноденствія; она покрываетъ воду въ видѣ льда, прозрачна и часто похожа на кристаллъ. Земля, разъ только вспаханная и взборонённая вѣтвями, родитъ въ изобиліи всякаго рода хлѣбъ и виноградъ. Скотъ и лошади даже зимою пасутся въ полѣ подъ открытымъ небомъ; если они, переутомленные работою, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбище, то откармливаются пушистою травою, добытою изъ подъ снѣга ударами копытъ, не хуже чѣмъ у насъ на лучшихъ пастбищахъ или подъ крышею. Происходитъ это потому, что климатъ тамъ мягче, а земля тучнѣе отъ примѣса ила и соли, и растетъ особый родъ травы, постоянно зеленой, которая вкуснѣе и удивительно хорошо питаетъ скотъ, она называется *типечъ*.

Утверждаютъ, что нѣкогда въ странѣ было такое множество жителей, что въ греческихъ городахъ бывало по тысячѣ церквей, при томъ духовенство было столь заносчиво, что епископы и архимандриты ихъ не иначе вступали въ храмы, какъ верхомъ. И теперь нѣкоторые города, хотя разоренные, объемомъ своихъ стѣнъ и развалинъ напоминаютъ прежнее великолѣпіе, въ особенности городъ, называемый нами *Солхатъ*, московитянами Крымъ, греками же онъ нѣкогда назывался Ѳеодосія [1]; также древняя столица Корсунь, въ

[1]) Рѣчь идетъ о городѣ, называемомъ нынѣ Старый Крымъ (Эски-Крымъ), лежащемъ въ 23 верстахъ къ западу отъ Ѳеодосіи на р. Чурукъ-Су. Городъ этотъ первоначально назывался Солхатъ, затѣмъ послѣ завоеванія полуострова татарами, получилъ новое названіе; такъ какъ первые ханы основали здѣсь свою столицу то имя города перешло и на весь подвластный имъ Таврическій полуостровъ; впослѣдствіи, когда столица хановъ была перенесена въ Бахчисарай, городъ началъ называться Эски-Крымъ. Авторъ по ошибкѣ смѣшиваетъ Солхатъ съ Ѳеодосіею, носившею въ его время татарское имя *Кефе*. Кафа и Солхатъ упоминаются у

которой русскій князь принялъ крещеніе и христіанское имя, потомъ она была разорена нашимъ народомъ и доставила ему добычу. Слѣды этой добычи остались понынѣ въ каменныхъ каркотахъ, мозаикахъ и стѣнныхъ обложкахъ кіевскихъ храмовъ; изъ числа ея подарены были двери въ гнѣзненскій соборъ [1]).

Такое разореніе нашими Корсуня принудило таврическихъ христіанъ, преданныхъ роскоши и лѣни, призвать себѣ въ помощь отрядъ татаръ изъ заволжской орды и поселить его у себя на феодальномъ правѣ, для отраженія нашихъ набѣговъ. Впослѣдствіи татары эти, усиливаясь мало по малу, достигли численности цѣлаго народа и избрали себѣ вождемъ нѣкоего Темиръ-Кутлука, своего соплеменника, которому присвоили титулъ царя. Но предки вашего величества, побѣдивъ этихъ подданныхъ татарскаго царя, вѣроломныхъ греческихъ вассаловъ, назначали имъ въ цари своихъ подданныхъ татаръ изъ Литвы. Послѣдній царь, назначенный изъ Литвы, былъ Ази-Гирей, родившійся въ окрестности Трокъ, и отсюда блаженной памяти Витовтомъ посланный туда на царство. Властвуя въ Тавридѣ, онъ родилъ сына Менгли-Гирея, а этотъ нынѣшняго царя Саипъ-Гирея [2]) и его старшихъ братьевъ и предшественниковъ на царскомъ престолѣ: Мухаметъ-Гирея, Саадетъ-Гирея и Хази-Гирея [3]); такимъ образомъ благородное имя предка было принято цѣлымъ его потомствомъ, наслѣдовавшимъ послѣ него царскій престолъ. Таково происхожденіе рода Гиреевъ, насажденнаго тамъ десницею предковъ вашего величества; теперь, въ благодарность за свое возвышеніе, они причиняютъ намъ тяжелыя заботы.

Несмотря однако на процвѣтаніе въ Таврикѣ пришлаго народа и усиленіе татарскаго государства, города: Мангупъ, Кафа,

---

современныхъ ему мусульманскихъ писателей, какъ два отдѣльные города, лежавшіе въ разстояніи одного дня пути другъ отъ друга.—См. Смирнова, „Крымское ханство“, стр. 56, 59, 65, 74 и т. д.

[1]) Извѣстіе ошибочное, бронзовыя двери гнѣзненскаго собора—средневѣковой германской работы, а не византійской; на нихъ изображены 18 эпизодовъ изъ житія св. Войтеха. (Lelewel, Polska wieków srednich, t. IV, st. 296—329).

[2]) Саипъ-Гирей, правильнѣе Сахибъ-Гирей, царствовалъ съ 1525 по 1551 г.

[3]) Хази, правильнѣе Гази-Гирей, ошибочно названъ сыномъ Менгли-Гирея: онъ былъ его внукомъ, сыномъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1523 году, послѣ убіенія отца,

Керчь, Козловъ [1]) и другіе, лежащіе на берегу моря, сохранили свою самостоятельность, пока не были взяты турецкимъ войскомъ, присланнымъ изъ Константинополя около 70 лѣтъ тому назадъ.

Съ того времени потомки туземцевъ грековъ подчинились игу турокъ и платятъ имъ поголовную подать; они занимаются хлѣбопашествомъ, винодѣліемъ и скотоводствомъ и довольно зажиточны; многіе даже имѣютъ серебряную посуду, такъ какъ они пользуются спокойствіемъ и безопасностію при болѣе разумномъ управленіи язычниковъ. Тѣмъ не менѣе жизнь ихъ не особенно пріятна, ибо они не считаются достойными какихъ либо почестей, господствующіе мусульмане относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ и не только не вступаютъ съ ними въ какое либо общеніе, но даже не удостоиваютъ ихъ другаго взгляда кромѣ презрительнаго; притомъ ихъ, даже владѣльцевъ серебряной посуды, обременяютъ работами, особенно тягостными въ воскресные дни и въ праздникъ св. Пасхи. Христіанинъ не можетъ также удержать власти надъ рабомъ, ни даже надъ строптивымъ сыномъ, если тотъ обратится къ чиновнику; сами отцы семействъ могутъ при этомъ пострадать, если на нихъ донесутъ, что они словомъ или хотя бы движеніемъ пальца выразились неуважительно о магометанской религіи.

Таврика можетъ служить примѣромъ непостоянства судьбы: положеніе ея народонаселенія совершенно измѣнилось: потомки вельможъ лишены почета и свободы, презрѣны и обращены въ рабство; они утратили свои права и принуждены платить поголовную подать магометанамъ; гордые епископы, презиравшіе нѣкогда церкви Божьи, теперь сами, презрѣнные и униженные, должны пресмыкаться предъ грозными взорами турокъ и татаръ. Города, нѣкогда преисполненные огромныхъ богатствъ, гордости, веселья и шума всевозможной роскоши, нынѣ пусты и покрыты развалинами, иные сравнены съ землею и имена ихъ забыты; управители народа не благородные христіане, прирожденные его покровители, а чужеземцы язычники,

онъ былъ провозглашенъ ханомъ по выбору мурзъ, но 6 мѣсяцевъ спустя, по просьбѣ тѣхъ-же мурзъ, смѣненъ султаномъ въ 1524 г. и ханскій престолъ предоставленъ его дядѣ Саадетъ-Гирею. (Смирновъ, Крымское ханство, стр. 393—394).

[1]) Въ текстѣ: Mancup, Caffa, Kercze, Kozlerv.

недавно вышедшіе изъ рабства, и вассалы, достигшіе вмѣстѣ свободы, и власти.

Татары до того размножились въ Тавриқѣ, что могутъ выставить на войну до 30,000 войска, если подымаются по приказу всѣ вообще, даже непригодные къ военной службѣ, лишь бы могли сидѣть на конѣ. Когда въ моемъ присутствіи царь отправлялъ съ своимъ сыномъ половину войска въ помощь туркамъ въ Венгрію [1]), его насчитали 15,000; хотя въ походъ выступали отборные татары, но снарядились они обыкновеннымъ образомъ, т. е были почти безоружны; едва десятый или двадцатый изъ нихъ былъ вооруженъ саблею или колчаномъ, панцыри же встрѣчались еще рѣже; одни имѣли только палки костяныя или деревянныя, другіе были препоясаны пустыми ножнами безъ оружія. Щитовъ, копій и другаго оружія подобнаго рода они совсѣмъ не знаютъ. Точно также они никогда не стѣсняютъ себя въ походѣ ни обозами, ни какою либо ношею, ни оружіемъ, ни съѣстными припасами, кромѣ небольшаго количества поджареннаго проса или истертаго сыра. За то никто изъ нихъ не отправляется безъ нѣсколькихъ свѣжихъ ремней, особенно если набѣгъ направляется въ наши страны, тогда они больше заботятся о средствахъ для вязанія насъ, нежели объ оружіи для собственной защиты. Лошадей они всегда берутъ въ походъ очень много, такъ что почти каждый въ ихъ войскѣ ведетъ по пяти запасныхъ коней; поэтому они очень быстро совершаютъ путь во время набѣговъ, благодаря тому, что часто мѣняютъ лошадей; они съ большою легкостью убѣгаютъ отъ преслѣдованія непріятелей, не опасаясь при множествѣ лошадей ни ихъ усталости, ни голода, и при томъ наводятъ страхъ численностью оставляемыхъ ими слѣдовъ.

Они отличаются на войнѣ умѣньемъ переносить голодъ, жажду, трудъ, безсонницу, жаръ, холодъ и вообще всѣ лишенія и невзгоды климата. Походъ совершаютъ всегда безъ возовъ и безъ обозовъ съ провіантомъ, только въ сопровожденіи указаннаго боль-

[1]) Во время царствованія въ Крыму Сахибъ-Гирея извѣстны три похода султана Сулеймана въ Венгрію: 1529, 1532 и 1540—1541 гг.; авторъ записокъ былъ свидѣтелемъ посылки татарскаго вспомогательнаго отряда въ одинъ изъ этихъ походовъ.

шаго количества лошадей. Они безъ особаго затрудненія, даже зимою переходятъ безъ дорогъ обширныя степи по глубокому снѣгу, несмотря на то, что ноги ихъ лошадей изъязвляются затвердѣвшимъ снѣгомъ и льдомъ; чрезъ большія и быстрыя рѣки они, не колеблясь, отлично переправляются вплавь даже зимою, когда переправа затруднена ледоходомъ; при этомъ они не употребляютъ лодокъ, а плывутъ, держась за гривы лошадей и привязавъ къ ихъ хвостамъ свой багажъ, положенный на бревна или связки камыша.

Въ битвахъ они храбрѣе москвитянъ, хотя вооруженіе ихъ хуже; въ началѣ аттаки они стараются всегда обойти лѣвое крыло непріятеля для того, чтобы удобнѣе выпускать стрѣлы. Часто, уже обращенные въ бѣгство, они останавливаются, обращаются на врага, преслѣдовавшаго ихъ и разсыпавшагося въ погонѣ, и такимъ образомъ, уже побѣжденные, вырываютъ побѣду изъ рукъ побѣдителей. Но наши одолѣваютъ татаръ, если приходится сражаться съ ними въ правильномъ строю, безъ хитростей и коварства, даже въ такомъ случаѣ, если они значительно превосходятъ насъ числомъ. Мы неоднократно испытали это подъ побѣдоносными знаменами покойнаго отца вашего величества: такъ, пять мѣсяцевъ спустя послѣ несчастнаго сраженія христіанъ съ магометанами, въ которомъ погибъ двоюродный братъ вашего величества, король Людовикъ, 5-го февраля 1527 года, на поляхъ у рѣчки Ольшаницы вблизи Черкасъ, мы перебили 25,000 перекопскихъ татаръ, хотя войско наше состояло только изъ 3,500 человѣкъ [1]). Прежде того у Клецка погибло ихъ

---

[1]) Венгерскій король Людовикъ Владиславовичъ, двоюродный братъ Сигизмунда-Августа, погибъ въ битвѣ съ турками у Могача 29 августа 1526 г. Въ началѣ 1527 г. отрядъ орды въ 26,000 ворвался въ Польшу, по приказанію султана, и опустошивъ воеводства бельское и люблинское, затѣмъ возвращался въ Крымъ чрезъ Волынь и кіевскую землю. Въ погоню за ними отправился кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій и настигъ татаръ, расположившихся на ночлегъ на берегу р. Ольшаницы между Каневомъ и Черкасами; напалъ на нихъ въ расплохъ 6-го февраля и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Только немногіе успѣли спастись бѣгствомъ; вся добыча ихъ и до 40,000 плѣнныхъ были отняты, 700 татаръ взяты въ плѣнъ, остальные погибли въ битвѣ или были перебиты во время бѣгства. (Владиславъ Салай, Исторія Венгріи, извлеченіе Н. Попова, стр. 129—130. M. Bielski, Kronika Polska, стр. 558).

27,000, сраженныхъ 9,000 нашего войска [1]. Также и въ другихъ мѣстахъ: у Давидгородка, Стрешина, Чечерска, Лопушны [2], въ обширныхъ степяхъ: у Лебедина, у Бѣлой Церкви, у рѣки Сулы и въ другихъ сраженіяхъ съ ними, сколько ихъ ни было въ текущемъ столѣтіи, наши войска вездѣ оказались сильнѣе татаръ.

У Сокола войско наше было разбито не силою, а хитростью вслѣдствіе неудобной мѣстности, потому что оно было коварно завлечено на площадь только что сожженнаго города, зіявшую множествомъ ямъ, подземелій, пещеръ и погребовъ [3]. Тогда первый разъ возгордился по отношенію къ намъ родъ Гиреевъ, когда имъ принесены были въ Таврику кровавые доспѣхи нашихъ воиновъ. Затѣмъ у Очакова, хотя наше войско сражалось храбро и побѣдило татаръ, но потомъ, по неосторожности, добровольно доставило надъ собою побѣду уже побѣжденному Исламъ-султану, отправивъ къ нему въ крѣпость своихъ вождей для переговоровъ [4], не зная, что

---

[1]) Блестящую побѣду подъ Клецкомъ одержали литовцы надъ татарами въ началѣ августа 1506 года подъ начальствомъ князя Михаила Глинскаго.

[2]) Изъ перечисленныхъ столкновеній самая крупная битва была у Лопушной въ 1512 г.; здѣсь Константинъ Ивановичъ Острожскій съ 6,000 литовскаго войска разгромилъ 25,000 татаръ и отбилъ у нихъ плѣнныхъ и добычу.

[3]) Въ 1519 г. сильный отрядъ орды, опустошивъ земли львовскую, бельзкую и люблинскую, возвращался обремененный добычею и уводя множество плѣнныхъ. На берегахъ Буга, у города Сокаля ихъ настигъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ войскомъ, собраннымъ на Волыни, и вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ. Сообразивъ силы враговъ и условія мѣстности, онъ рѣшился ожидать подкрѣпленія, но поляки, упрекая его въ трусости, самовольно начали битву, причемъ попали во время аттаки на развалины сожженнаго татарами мѣстечка и разстроили свои ряды; несмотря на всѣ усилія кн. Острожскаго, татары нанесли его отряду весьма чувствительное пораженіе и ушли домой съ добычею. Въ битвѣ погибло болѣе 1,200 рыцарей, въ томъ числѣ много знатныхъ польскихъ пановъ. (Bielski, Kronika Polska, стр. 542—543).

[4]) Въ 1529 г. начальники войска, охранявшаго границы Подоліи: Язловецкій, Сенявскій и Летальскій предприняли походъ подъ Очаковъ, разбили отрядъ татаръ и угнали ихъ стада. Оказалось, впрочемъ, что они имѣли дѣло съ татарами, подвластными Исламъ-Гирею, сопернику Саадетъ-Гирея I, который помирился было съ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ и получилъ отъ него въ удѣлъ Очаковъ. Узнавъ объ этомъ, предводители возвратили стада и сами пріѣхали въ Очаковъ для свиданія съ Исламъ-Гиреемъ по его приглашенію. Татары воспользовались ихъ отсутствіемъ и разгромили войско, оставшееся безъ предводителей. Bielski l. c. стр. 560).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

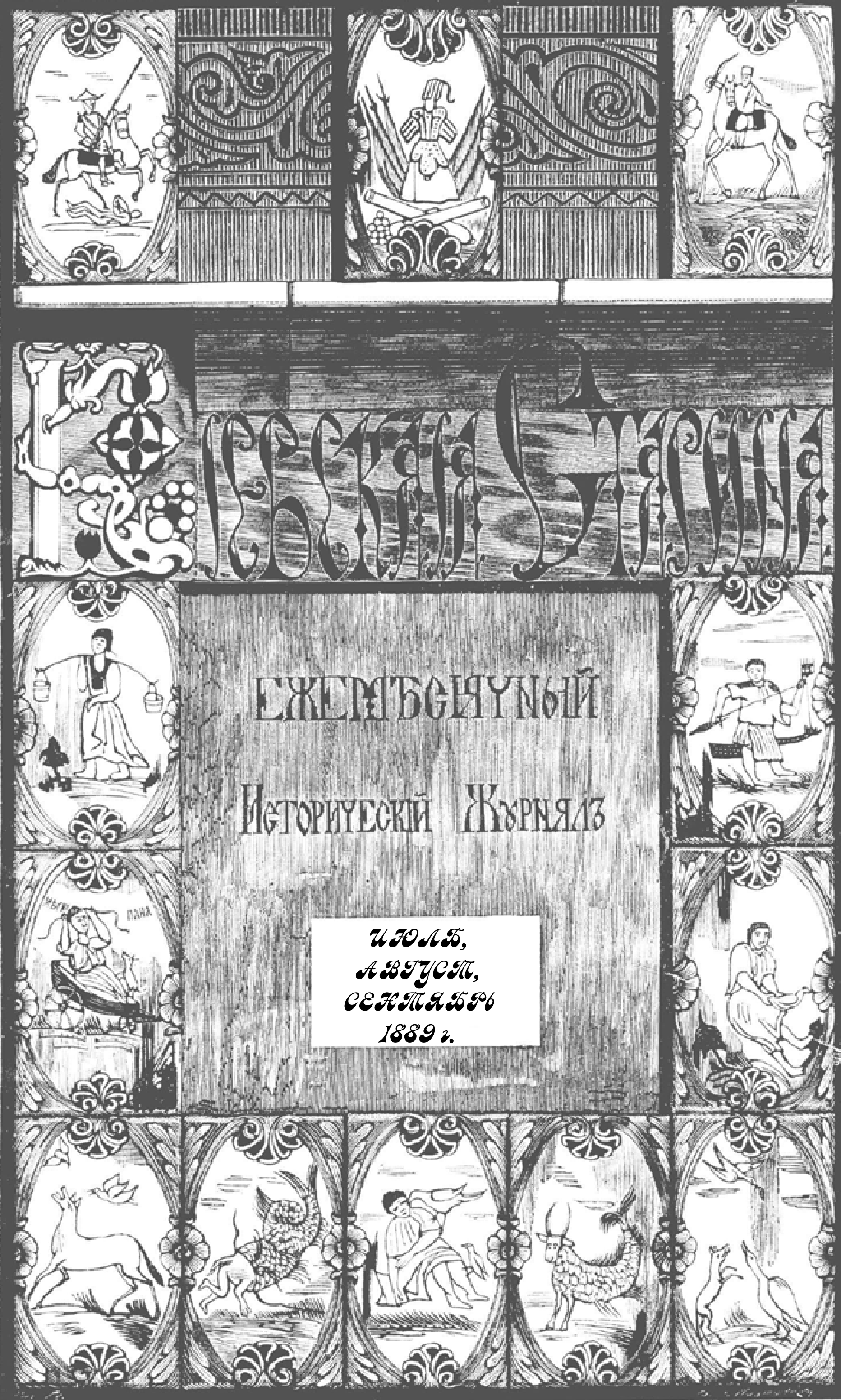
Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**



Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.